

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Plow 620.5 ($\frac{1901}{3}$)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

1917.1

6

TR. 100

МАРТЪ.

1901.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

А. Б.

1901. III

3

мв. 1954

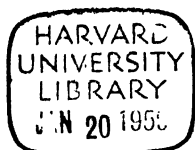

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

Δ
P Slow 020.5 ($\frac{1901}{3}$)

Morse 4

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Папаша крестный. Очеркъ <i>С. Елеонскаго</i>	5— 34
2. Вечерняя заря. Стихотвореніе <i>Г. Галиной</i>	34
Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. <i>Н. Ку-</i>	
<i>дрина</i>	35— 70
4. Какъ онъ воскресъ. Очеркъ. <i>И. Рушецкаго</i>	71—100
5. Литературная дѣятельность декабристовъ. I. В. К. Кюхельбекеръ. <i>Н. А. Котляревскаго</i> . I—VI.	101—137
6. Островъ. Романъ. <i>Р. Уайтинга</i> . Переводъ съ англійскаго <i>З. Журавской</i> . Окончаніе	138—187
7. Софья Пушкирева. Повѣсть <i>Бориса Гегидзе</i> . Продолженіе	188—226
8. Король Клондайка. Романъ. <i>Р. Озіа-Тюренна</i> . Переводъ съ французскаго <i>В. К.</i> Окончаніе	227—275
9. Ты говоришь мнѣ: „счастья нѣтъ“... Стихотвореніе. <i>А. Лукьянова</i>	276
10. Русская политическая газета. Статистическій очеркъ <i>А. В. Пышехонова</i>	1— 21
11. Новые книги:	
Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей <i>С. А. Венгерова</i> .— <i>Н. М. Минскій</i> . Новые пѣсни.— <i>Валерій Брюсовъ</i> . <i>Tertia Vigilia</i> .— <i>А. Погорѣловъ</i> . Мракъ и Передъ грозой.— <i>Упырь</i> . <i>Гр. А. К. Толстого</i> .— <i>Л. Л. Толстой</i> . Въ голодные годы.— <i>Д. М. Левшинъ</i> . <i>Т. Н. Грановскій</i> . — <i>М. В. Аничковъ</i> . Война и трудъ.— <i>В. Гааке</i> . Животный міръ, его бытъ и среда.— <i>Вармингъ</i> . Ойкологическая географія растений.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	21— 51
12. Два промышленныхъ міра. (Письмо изъ Англіи). <i>Джонео</i>	51— 75
13. Переписка Ницше. <i>А. Г.</i>	76—108
14. Пересмотръ судебныхъ уставовъ. II. Предварительное слѣдствіе. Судъ присяжныхъ. <i>Д. Л.</i>	109—127

(См. на оборотѣ).

15. **Наша текущая жизнь.** (Журнально-газетное обозрѣ-
 ніе).—I. «Московскія Вѣдомости, октябрь, 1900 г.—
 январь, 1901 г. (Московская просвирня и дека-
 денты «твердой власти». Дѣло психопатокъ и
 походъ противъ «нигилизма».—Философія судеб-
 ной хроники, или палка о двухъ концахъ.—II. «Но-
 вое Время», октябрь, 1900 г.—февраль, 1901 г.—
 «Вѣстникъ Европы», февраль, 1901 г.—«Русская
 Мысль», январь.—«Міръ Божій», февраль.—
 «Жизнь», январь. («Новое Время» о юбилеяхъ
 и юбилеи «Новаго Времени». Характеристика
 «Новаго Времени» въ лицѣ его главнѣйшихъ ру-
 ководителей и сотрудников.—Журнальная бел-
 летристика: Новыя вѣянія въ произведеніяхъ
 г. Боборыкина; задача г. Горькаго передъ ли-
 цомъ «Троихъ»; и т. п.). 127—183
16. **Г. Иваново-Вознесенскъ.** (Отвѣтъ г. Дадовому)
С. Шестерина 184—190
17. **Объявленія.** 191—192

ПАПАША - КРЕСТНЫЙ.

I.

Въ жаркое июньское утро, на бойкой станціи сызрано-вяземской желѣзной дороги, послѣ второго звонка, мгновенно распахнувшіяся двери вокзала съ трескомъ хлопнулись объ стѣны, и густая толпа съ безпорядочною смѣсью всякихъ узловъ, корзинъ, мѣшковъ и картонокъ, высоко поднятыхъ надъ головами проворныхъ артельщиковъ, ринулась къ вагонамъ.

Впереди всѣхъ, какъ бревешко въ первой волнѣ, хлынувшей изъ шлюза, выплеснулся молодой человѣкъ безо всякой ноши, въ растегнутомъ выцвѣтшемъ на плечахъ пальто и потертыхъ брюкахъ, значительно приподнятыхъ надъ стоптанными порыжѣвшими сапогами. Онъ быстро направился къ переднему вагону третьяго класса около паровоза. На площадкѣ этого вагона, облокотясь на задвижку, стоялъ приземистый рыжій торговецъ въ засаленной поддевкѣ, съ явнымъ намѣреніемъ говорить каждому изъ новыхъ пассажировъ, что народу тутъ — тьма тьмущая, какъ сельдей въ боченкѣ, труба нетолченая...

— Потрудитесь посторониться, — сказалъ ему юноша, хватаясь за скобу.

— Куда прете? все занято, — лѣнливо оборвалъ его торговый человѣкъ, не сходя съ мѣста.

— А, можетъ, и найдется. — Вы вѣдь не кондукторъ.

— Да хоть раскондукторъ будь — одна статья.

— Кто васъ знаетъ... Вотъ на слѣдующей станціи и я вмѣстѣ съ вами встану и всѣмъ тоже буду говорить, что мѣсть нѣтъ, а теперь, пожалуйста...

Толстякъ улыбнулся и пропустилъ недовѣрчиваго пассажира, прибавивъ, когда тотъ чувствительно задѣлъ его локтемъ:

— Полегче, господинъ...

А господинъ, не извиняясь, вошелъ въ вагонъ, осмотрѣлся и вдругъ остановился посрединѣ, противъ духовнаго лица,

занимавшего своей особой и вещами цѣлое купѣ въ пять мѣстъ.

— Здравствуйте, крестный!

— А, крестникъ... Ты какими судьбами здѣсь? — спрашивалъ крестный мягкимъ симбирскимъ выговоромъ.

— Домой пробираюсь.

— А что, много народу съ этой станціи садится?

— Ужась! Рабочихъ бездна, все съ мѣшками и пилами. Кондукторъ сюда ихъ посылаетъ, — привралъ немного крестникъ не безъ задней мысли.

— Ой, кабы не стѣснили, садись-ка напротивъ, занимай край. Свой братъ все лучше.

— Спасибо, крестный.

Иванъ Началовъ сѣлъ противъ крестнаго, плотнаго батюшки лѣтъ за шестьдесятъ, но еще бодрого, свѣжаго старика.

— Ну, рассказывай, гдѣ былъ, что дѣлалъ?

— Да все по дальней роднѣ шлѣндаль...

— Невѣсту, чай, высматривалъ?

— Былъ тотъ грѣхъ...

— А учительство развѣ по боку?

— Ну его... оскмину набило.

На откидномъ столикѣ у окна предъ о. Никандромъ Троиннымъ стоялъ большой жестяной чайникъ, рядомъ въ бумажкѣ развернуты были свѣжая зернистая икра, сочившійся жирный балыкъ, куски сахара, булка и прочія принадлежности завтрака. Батюшка усердно давилъ мельхиоровой ложечкой кусокъ лимона въ стаканѣ и разсѣянно ронялъ слова:

— А вѣдь, кажется, ты увлекался учительствомъ?

— Отецъ-наблюдатель всякую охоту отобьетъ.

— Вонъ оно что... Это о. Кондаковъ?

— Да.

— Что-же у васъ съ нимъ вышло?

— Такъ все... и ученики будто ничего не знаютъ, и плохо де я преподаю, не умѣю... А я—что?.. какъ всѣ учу.

— Гм...

— Ко всему придирается... даже къ диктовкамъ. Разъ я задалъ ученикамъ такую фразу: „Вкупѣ ѣхали въ купѣ“... Донесъ вѣдь въ совѣтъ... А епархіальный наблюдатель оттуда далъ мнѣ нагонку,—нельзя, говорить, славянскія слова мѣшать съ иноземными. „Какой, говорить, толкъ мужику знать „купѣ“? — Ну, тамъ „вкупѣ“, „купель“, „купно“, „купующе“, „совокупившеся“ — это такъ, знать подобаешь, потому что въ писаніи встрѣчается, а „купѣ“—къ чему?“

— А что, вѣдь поразсудить, такъ, пожалуй, и правда? Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, такое марьяжное сочетаніе словъ?

— Для правописанія.

— Напрасно. Баловства тутъ больше, чѣмъ грамматики. Не одобряю и я... Но все же это не причина, чтобы жаловаться на тебя въ совѣтъ; не было-ли чего похлеще?

— Пожалуй... какъ взглянуть на дѣло.—И, усмѣхнувшись, Началовъ продолжалъ: — Прошлой зимой слышалъ я, что о. Кондаковъ ѣздитъ по школамъ, ревизуетъ... А у меня былъ одинъ мальчишка — какъ есть дуракъ набитый. Ну, думаю, нападетъ на него наблюдатель, пропадай моя головушка, безъ ножа зарѣжетъ меня этотъ парнишка: за двѣ зимы азбуки путемъ не выучилъ! Разнесетъ меня наблюдатель предъ совѣтомъ. Вотъ я и придумалъ: „Гришка!—говорю—пріѣхалъ новый начальникъ, а ты ничего не знаешь, онъ тебя убьетъ до смерти, иди-ка домой!“

— А ты, я вижу, предусмотрительный, „въ предняя прозираешь“,—улыбнулся о. Никандръ.—Ну?

— Хорошо сошло... Но потомъ наблюдатель пронюхалъ и тоже донесъ, что я распускаю о немъ нелѣпые слухи, будто онъ ѣздитъ съ дубинкой и всѣхъ бьетъ по башкамъ. Опять скандалъ.

— Д-да-а! почище „купэ“, пожалуй?

— Да. И плохо бы пришлось мнѣ, да на мое счастье о. Кондаковъ самъ опростоволосился: репутацію написалъ черезъ ять, резолюцію тоже... Отъ слова „рѣзать“ произвелъ. Архіерей даже, говорятъ, не мало смѣялся. „Ну, говорить, и уѣздный наблюдатель!.. По какому Гроту онъ учился? — Тотъ Гротъ—настоящій—велитъ мое святое имя писать черезъ *уже*, а нашъ, доморощенный, еще дальше пошелъ... Неужели же всякая моя резолюція рѣжетъ?—Да что, губитель, что-ли, я? Да у меня, посчитать, такъ милостивыхъ резолюцій куда больше!“

— Ну, конечно, владыка нашъ—благостный, ему горекъ всякій намекъ, даже и невзначайный, — подтвердилъ о. Никандръ.

Началовъ продолжалъ:

— Да это еще что!.. монету черезъ *ять* закатилъ.

— Вотъ какъ! Значить, ты черезъ букву *ъ* спасеніе обрѣлъ?

— Именно.

— А кабы не *ять*, давно бы тебя послали голубей гонять?

— Пожалуй! Да по правдѣ сказать, не за Гришку и не за купэ страдать приходилось, а за наблюдательскую свояченицу.

— Ну?

— Вѣрно. Сначала о. Кондаковъ даже расположенъ былъ ко мнѣ... зазывалъ въ гости, угощалъ и прочее. Хотѣлось сбыть за меня свояченицу... Дѣвица-уродъ и заматорѣвшая въ лѣтахъ.

— Хе-хе! Что же ты?

— Да проболтался какъ-то дьякону: напрасно, молъ, надѣются...

— Тогда, значить, и за диктовки принялся... Та-акъ.

Началовъ замолчалъ и перевелъ глаза на зернистую икру и чайникъ. О. Никандръ уловилъ этотъ взоръ, но виду не подавъ, что понялъ его значеніе.

Онъ налилъ себѣ еще стаканъ чаю и приготовилъ бутербродъ съ балыкомъ.

— „Развѣ поклянчить“?—мелькнула у Началова шальная мысль, но молодое самолюбіе взяло верхъ, и онъ полѣзъ въ свой карманъ, откуда извлекъ кусокъ колбасы, пару печеныхъ яицъ и булку.

— А, и ты захотѣлъ?

— Да.

— Ну, что же, примацивайся рядомъ и кушай во славу Божію.

Началовъ разбилъ яйцо объ уголъ столика.

— А что же безъ соли?—спросилъ о. Никандръ и предоставилъ въ его распоряженіе свою солоночку. Началовъ завтракалъ молча, снявши съ головы фуражку съ плисовымъ околышемъ, семинарскаго фасона.

— А колбаса, кажется, хорошая у тебя,—вставилъ о. Никандръ.

— Да, не дурная. Не хотите-ли?

— Нѣтъ, я закусилъ. Да и день-то нынѣ постный. Что же это ты, въ самомъ дѣлѣ? а?—возвышая тонъ, сурово замѣтилъ крестный.—Насъ, бывало, за эту повадку дыривали, доселѣ помнится, посты блюдемъ... А нынѣ—что! распущенность... пріѣдетъ семинаръ на вакатъ, стрѣляетъ изъ ружья въ Успенскій постъ голубей и варить ихъ въ овражкѣ, вдали отъ материнскихъ глазъ, въ компаніи съ телячьимъ пастухомъ, а потомъ домой придетъ, прямо въ погребъ, сливки съ кринокъ лопаютъ или отъ подвѣшенной къ потолку ветчины кусочки перочиннымъ ножомъ тонко рѣжутъ...

— Да вѣдь въ дорогѣ, крестный, полагается премѣненіе закона... въ пути шествующимъ...

— То-то: „шествующимъ“!—вникни въ это слово. А ты—какой шествующій? въ вагонѣ сидишь, какъ дома... Э-э-э!—потянулся о. Никандръ и зѣвнулъ. — Ну, я маленько прилягу, а ты, Ваня, покараулъ да не пускай никого рядомъ,—присиль о. Никандръ крестника, неполни въручая въ силу мѣднаго пятачка, предусмотрительно сунутаго въ руку кондуктора въ огражденіе дорожнаго спокойствія отъ новыхъ пассажировъ.

— Хорошо, крестный, будьте спокойны.

Въ спящемъ положеніи о. Никандръ былъ еще красивѣе, чѣмъ въ бодрственномъ. Морщины разошлись и сгладились, лицо играло молодымъ румянцемъ. Трудно было въ точности опредѣлить, гдѣ у него оканчивался открытый лобъ съ выпуклостями на вискахъ и начиналась, собственно, лысина, сплошь охватившая всю его большую круглую голову. За то нижняя часть лица обрамлялась длинными усами и большою густою бородою, которая отливала серебромъ на темномъ фонѣ суконной рясы и доходила до золотого наперснаго креста, благообразно придерживаемаго за нижній конецъ двумя пухлыми перстами. Жирный торговецъ въ поддевкѣ, стоявшій въ проходѣ, невольно залюбовался спящимъ; словивши въ воздухъ большую муху, имѣвшую намѣреніе сѣсть на острый съ изящной горбинкой носъ батюшки, онъ подскочилъ къ Началову и, кивая на соннаго, съ ласковой улыбкой сказалъ:

— Хорошему человѣку Господь лица прибавляетъ.

За стукомъ колесъ не слышно было сопѣнія батюшки, только грудь его съ крестомъ мѣрно вздымалась и иногда въ сладкій моментъ глубокаго сна, высоко поднявшись, начинала медленно опускаться—однимъ продолжительнымъ дыханіемъ, уходившимъ куда-то въ глубь, казалось, до полного исчезновенія. Широкое тѣло грузно колыбалось всей массой изъ стороны въ сторону, соразвѣтственно порывистымъ движеніямъ паровоза, громыхавшаго по уклонамъ насыпи. На слѣдующей станціи, при остановкѣ поѣзда на короткій промежутокъ, о. Тронинъ только повернулся на бокъ и снова предался безмятежному сну. Крестникъ курилъ папиросу за папиросой, бдительно оберегая купе отъ вторженія нежелательныхъ элементовъ, при чемъ однажды ему пришлось немного покривить душой и сказать какой-то дамѣ, будто батюшка очень боленъ, всю ночь не спалъ и только теперь немного забылся.

— Бѣдный!—пожалѣла дама и сѣла рядомъ съ рыжимъ торговцемъ, любезно убравшимъ свои ноги, обутыя въ лоснящіеся сапоги бураками.

Раздался продолжительный свистокъ.

— Къ Кузнецку подъѣзжаемъ,—сообщилъ торговый чело-
вѣкъ...

Началовъ осторожно коснулся плеча крестнаго, который приподнялся весь въ поту, какъ купанный.

— Ну, и задалъ же я храповицкаго...

— Сладко поспали, ваше высокоблагословеніе, да; завидки даже брали насъ со стороны,—отвѣтствовалъ торговецъ съ слащавой улыбкой во весь ротъ.—Будить жалко было.

— Неужели Кузнецкъ? какъ скоро... Ты, Ваня, пожалуйста, помоги мнѣ собраться.

— Что же, можно.

— У тебя вотъ ничего нѣтъ, ты, какъ древній римлянинъ, все свое съ собою носишь, а я вотъ обременилъ себя. Все попадаья... каждый разъ навяжетъ этихъ порученій — того купи, другого не забудь—пуда четыре и везу всякой всячины. Мученикъ!..

Торговый человѣкъ бросилъ взглядъ на безчисленное множество батюшкиныхъ узловъ и сказалъ:

— Отъ кондукторовъ прижимка бываетъ...

— Да, бываетъ... — отвѣтилъ батюшка. — И то не хотѣлъ было, нечестивецъ, пускать меня въ вагонъ, да ужъ оберъ сдѣлалъ исключеніе, видимо изъ уваженія къ сану.

— На это, дѣйствительно, вездѣ скидка идетъ,—здро разсудилъ торговый человѣкъ.

— Такъ ужъ ты, Ваня, будь добръ, донеси, пожалуйста, до вокзала мои узлы, а то не знаю, выйдетъ-ли встрѣтить работникъ; старъ я, силы нисколько, боюсь упасть при спускѣ съ вагона, больно круты ступеньки...

Послушный крестникъ собралъ, увязалъ и перетаскалъ на вокзалъ въ два приѣма всѣ вещи крестнаго. На платформѣ, подъ языкомъ станціоннаго колокола, засунувъ одну руку въ карманъ рванаго зипуна, другую за пазуху, стоялъ въ лѣнливой позѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, парень. На головѣ у него комично трепалась пожелтѣвшая отъ времени и стихій дырявая шляпа съ отвислыми полями, на подобіе стараго бѣлаго гриба, разбухшаго подъ дождемъ. Опытный взглядъ рыжаго торговца сразу опредѣлилъ, что этотъ мужиченко, донашивающій „духовную“ шляпу, непремѣнно поповъ-работникъ, и онъ удивлялся только его равнодушной неподвижности.

— Федоръ!—кричалъ между тѣмъ съ вагонной ступеньки о. Никандръ,—чего галокъ считаешь? Помогите.

— Между глазъ деревня выгорѣла у молодца, — иронически замѣтилъ торговецъ.

— Ахти,—рванулась шляпа изъ-подъ колокола. — А мнѣ и не вдомекъ, кто это съ багажомъ старается, не спозналъ тебя, Иванъ Петровичъ, усы у тебя выросли, допрежъ ихъ не было... Гляди-ка, вѣдь и кушакъ мой, вотъ узелъ завязанъ... Не узналъ, ровно въ глазахъ застило...

— У васъ все застило,—вставилъ ядовито торговый человѣкъ.—Къ вамъ обутый въ ротъ заѣдетъ, а вы и не почешетесь; всѣ вы, видно, на одну колодку работники!..

— Тащи все на постоялый дворъ, — приказывалъ о. Никандръ.—Выкормилъ-ли лошадей?

— О, да я третьи сутки здѣсь, весь овесъ stráвилъ, не чаялъ и дожидаться...

— А дома все благополучно?

— Все въ добромъ здоровьицѣ. Матушка кланяется.

— А еще что скажешь?—грубовато осадилъ о. Никандръ.

Федоръ сконфузился и смолкъ, понявъ неумѣстность выдуманной имъ любезности отъ имени матушки, на которую та его не уполномочивала. „Болтунъ!“—сказалъ бы въ другое время о. Никандръ, если было не лѣнь говорить съ работникомъ.

II.

Ярко вычищенный ведерный самоваръ солидно стоялъ на краю большого стола, въ половину покрытаго красной клѣтчатой скатерью, и воодушевленно пыхтѣлъ парами до самаго потолка, покапывая изъ длиннаго основательнаго крана на маленькій ржавый подносъ. О. Никандръ заваривалъ чай. Иванъ Петровичъ сидѣлъ нѣсколько поодаль и выжидательно курилъ. Затѣмъ онъ, нарушая неловкость непривѣтливой тишины, спросилъ у хозяйки постоялаго двора другой чайникъ.

— Развѣ въ особицу?—отозвалась та изъ за перегородки.— А вы бы вмѣстѣ. У насъ много этакъ пьютъ, не токма извозчики, а и купцы: каждый по шепоткѣ своего чая въ одинъ чайникъ положить, и пьютъ себѣ на здоровье. Оно даже скуснѣе отъ разныхъ чаевъ...

Крестникъ вопросительно глядѣлъ на крестнаго, ожидая согласія.

— Что же, и этакъ можно, сыпь сюда,—сказалъ тотъ, поднявъ крышку отъ своего чайника. Иванъ Петровичъ всыпалъ ложечку и намѣревался зацѣпить другую, но о. Никандръ замѣтилъ:

— А не довольно-ли? Впрочемъ, можетъ ты много будешь пить, тогда подбавь. Такъ. Ну, теперь густо будетъ.

Каждый выложилъ свои припасы. Крестникъ сталъ молчаливъ: колбаса очевидно была не такъ вкусна, какъ икра и балыкъ... Сыну бѣдной просвирни, отродясь не ѣдавшему такихъ закусокъ, очень хотѣлось ихъ попробовать, но онъ только стыдливо посматривалъ на крестнаго, спокойно уписывавшаго добрыя снѣди. Напитавшись, о. Никандръ сталъ собираться и, какъ бы въ объясненіе того, почему не угостилъ крестника, сказалъ:

— Надо и женѣ немного оставить, не однѣ же завертки привезти, обидится... Да вѣдь ты, Ваня, поди, къ этому и непривыченъ? И не приучайся, другъ, избѣгай, елико возможно. Вотъ я... самъ себѣ не радъ, грѣшу... Просто разореніе, сколько денегъ на это уходитъ, а отказаться не могу. И все оттого, что поздно спохватился. Надо бы въ молодые годы себя сдержать, а я смалодушествовалъ.

Крестникъ молча дулъ на пустой чай, а крестный продолжалъ мудрствовать:

— Хорошо это—пріучить себя къ воздержанію, очень хорошо! И здоровье сохранится, и деньги цѣлы. Не даромъ и въ писаніи сказано: „сей же родъ ничимъ же исходитъ, токмо молитвою и постомъ“. Постомъ!—это вѣрно. Всякія болѣзни постомъ выходятъ, ибо онѣ отъ излишествъ... Сколько всякихъ болѣзней отъ объяденія, отъ сладкой пищи... завалы въ животѣ, разные катарры... о-охъ!.. да... Вотъ ты, Ваня, женишься, сразу и заведи порядокъ—ничего лишняго, а все въ обрѣзъ да впроголодь, и человѣкомъ будешь. Кстати, какъ ты думаешь насчетъ своего будущаго? Хочешь, я тебѣ невѣсту найду?

— Отчего же? къ этому время идетъ.

— Ну такъ по рукамъ?

— А кто она?

— Да не плохая. Развѣ я тебя обману? Есть у меня племянница... Она хоть въ епархіальномъ училищѣ и не училась, но дѣвица правильная во всѣхъ статьяхъ, и на личико не дурна, и умомъ не хуже другихъ, а ужъ хозяйка—все благочиніе обойди, этакое не найдешь. Повѣрь.

— Это вы насчетъ Глафиры Кирилловны? Знаю, видѣлъ ее у васъ же, а потомъ и у о. наблюдателя.

— Ну, вотъ. Нравится она тебѣ?

— Ничего.

— Такъ чего еще?... А ты, признаюсь, мнѣ по вкусу пришелся. Не могу забыть, какъ ты съ этимъ Гришкой въ школѣ распорядился... толкъ изъ тебя выйдетъ... А мое дѣло ужъ не молодое, подумываю и за штатъ выходить. Ни синовей, ни зятей нѣтъ, есть одинъ племянникъ, да больно ухабъ... Такъ что Глаша, могу завѣрить, самая близкая родня. Вотъ мѣсто-то я бы за ней свое и сдалъ... А? Или, можетъ быть, ты лучше моей Цыпровки прихоть найдешь?

— Ну, куда ужъ мнѣ, крестный! Я о Цыпровкѣ и не помышляю.

— А ты подумай. Только надо все это какъ слѣдуетъ обмозговать, толкомъ разсудить, не по воробыному... Пріѣзжай-ка ко мнѣ на свободѣ.

— А насчетъ консисторіи какъ?... Не затормозитъ-ли, не явится-ли съ своимъ кандидатомъ на ваше мѣсто? задержкѣ не будетъ-ли?

— Какая задержка, какой кандидатъ, если я самъ представляю. Чѣмъ я хуже другихъ? Да, можетъ, я еще и почие многихъ!

Послѣ этого Иванъ Петровичъ сталъ уже безъ понужденія и напоминанія со стороны о. Никандра самостоятельно уха-

живать за крестнымъ и отменно усердствовалъ въ тасканіи чемодановъ и узловъ въ повозку. Впечатлѣнія зернистой икры на время заслонились образомъ Глаши Чистосердовой, которую онъ видѣлъ прошлыми святками на вечерѣ у наблюдателя. Все это, впрочемъ, было въ будущемъ, болѣе или менѣе гадательномъ... мечта, такъ сказать, которая можетъ и не сбыться... журавль въ облакахъ. Между тѣмъ, матримониальный разговоръ, который велъ о. Никандръ, внушалъ теперь крестнику вполне осуществимую надежду:—авось, крестный подвезетъ его до дому—не какъ крестника, имя коего очень мало говоритъ сердцу, а какъ потенциальнаго племянника, будущую родню, къ которой нельзя же не питать болѣе нѣжныхъ чувствъ. Благо, и дорога обоимъ лежала по одному тракту, только крестный жилъ дальше крестника верстъ на двадцать. И Иванъ Петровичъ уповательно поглядывалъ на мѣсто рядомъ съ крестнымъ...

Однако надежда эта постепенно гасла, какъ уголекъ въ пепелъ, когда крестникъ увидѣлъ, что о. Никандръ, усѣвшись и расправившись пошире и поудобнѣе въ тарантасѣ, безъ особенной нужды сталъ съ просторомъ размѣщать узлы вокругъ своей тучной персоны, которые заперстрѣли со всѣхъ сторонъ, словно цыплята около насѣдки.

— „Должно быть, придется рядомъ съ Федоромъ,—подумалъ Началовъ.—Э, да все равно, лишь бы не пѣшкомъ“.

Какъ бы въ отвѣтъ на эту тайную мысль о. Никандръ произнесъ, вадыхая:

— Точно мѣшаетъ мнѣ эта камилавка... Привяжи-ка ее, Ваня, на козлы...

У крестника защекотало отъ огорченія въ горлѣ, и онъ даже невольно сплюнулъ, однако же исполнилъ и эту просьбу, ожесточенно закручивая Федоровымъ зеленымъ кушакомъ крестъ-на-крестъ ненавистный синій жестяный футляръ, выбившій его съ послѣдней позиціи, за которую до конца цѣплялось пылкое воображеніе.

— Ну, прощай, будь здоровъ,—говорилъ о. Никандръ.—Спасибо. Кланяйся матери... А ты какъ же—поѣдешь или по образу пѣшеходца Израиля?

Началовъ почесалъ въ затылкѣ и виновато промолвилъ:

— Больно дорого просять: три рубля.

— И ничего не подѣлаешь—отдашь и три, пора рабочая, жолъзуются.

Крестникъ смотрѣлъ въ землю.

— Кабы въ другое время,—продолжалъ о. Никандръ,—я бы подвезъ тебя, но смотри, какая пропасть этихъ улицевъ, самъ чуть дышу, негдѣ. Да и лошадямъ въ такую жару всякій лишній пудъ чего стоитъ... А мы, бывало, когда

учились, изъ семинаріи на вакантъ такъ путешествовали: купишь лапотки, сумку за спину, вырѣжешь батожекъ и—горя мало, верстъ полтора ста отмахнешь!.. И заведенья такого не было, чтобы лошадей мучить. А нынѣ вашъ братъ по другому воспитанъ, стыдится,—какъ, молъ, это я пѣшкомъ пойду, совѣстно... Вотъ и разоряете родителей... Ну, до свиданія, увидимся, пріѣзжай!

Лошади взялись бойко, и тарантасъ покатилъ. Началовъ тупо посмотрѣлъ на поднимающуюся пыль, вернулся въ избу, расплатился съ хозяйкой за самоваръ и подсчиталъ содержимое своего кошелька... Рубль съ четвертакомъ!.. Нечего было и думать о поѣздкѣ,—приходилось совершить путь до Тошниковки по образу пѣшаго хожденія. Запасшись на вокзалѣ пачкой асмоловскихъ папиросъ, онъ засучилъ брюки, сдвинулъ картузъ на затылокъ и широко запагалъ, подкрѣпляя свою энергію примѣромъ славныхъ предковъ, не знавшихъ въ молодости иного способа преодоленія разстояній, какъ только собственныя крѣпкія ноги.

III.

Черезъ часъ Началовъ вошелъ въ тѣнистую рощу, обезображенную вырубкою участковъ въ видѣ продолговатыхъ четырехугольниковъ. У развѣсистой березы онъ разулся и, сбросивъ съ головы фуражку, распластался на мягкой сочной травѣ, вытягивая руки и ноги, нывшія отъ непривычной ходьбы подъ палящими лучами солнца.

Лежа на спинѣ, онъ смотрѣлъ на прозрачное голубое небо, по которому плыли свѣтлыя облачка, играя въ перегонку, а съ ними, казалось, двигались и верхушки сосенъ, изрѣдка сбрасывавшія съ себя то сучекъ, то шишку. Былъ полдень. Птицы попрятались и не щебетали. Только человѣческій голосъ звонко надрывался: „Мареутка! куда ты лѣпшій занесъ? Иди сюда—ягодъ здѣсь бугры!“ Но Мареутка куда-то безслѣдно пропала, пропалъ и голосъ, ее звавшій, и лишь рой комаровъ, толстыхъ черныхъ мухъ и ось тревожили своимъ жужжаньемъ эту млѣющую тишину, плотно насыщенную ароматомъ сосны и полную скрытыхъ звуковъ, которые вдругъ оживали, когда по верхушкамъ деревьевъ, точно по клавишамъ, пробѣгалъ вѣтеръ. Изрѣдка выползала изъ-подъ гнилого корня погрѣться на самый припекъ песчаного бугорка ящерица, и опять уползала въ норку, шелестя сѣрой чешуей по сухому дереву. Невдалекѣ шевелилась муравьиная куча. Муравьи безшумно, съ неустанной энергіей и оживленно сновали по едва замѣтнымъ, какъ тонкая нитка, проторен

нимъ тропинкамъ, и Началову внезапно вспомнился текстъ: „лѣннѣе, возари на мравіа“. Это придало философское направленіе его мыслямъ.

— „Большое терпѣніе у этой твари, — подумалъ онъ. — Не то же ли и человѣкъ? Мятется и хлопочетъ... А для чего? Вотъ и моя жизнь—весь вѣкъ одно терпѣніе. А чѣмъ увѣнчается?..“

Смутно вспомнилась ему смерть отца-дьячка. Затѣмъ, безконечныя слезы матери-просвирни, земные поклоны передъ попомъ, который долго не соглашался дать вдовѣ мѣсто просвирни, поклоны передъ гордой матушкой, передъ благочиннымъ и передъ богатыми мужиками. Дальше—ученье въ духовномъ училищѣ. Первый годъ онъ учился на свой счетъ. Какъ тогда управилась мать, одному Господу извѣстно. Потомъ онъ былъ принятъ на казенный счетъ и вотъ съ тѣхъ поръ непрерывно въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ не выходилъ изъ бурсы. Начальство и учителя относились къ нему какъ-то безконечно равнодушно. Ничѣмъ онъ не обращалъ на себя ихъ вниманія: ни лѣнью, ни усердіемъ, ни глупостью, ни дарованіями; только иногда при видѣ взъерошенныхъ, нечесаныхъ волосъ, испачканнаго въ мѣлу пиджака безъ пуговицъ или чернильныхъ пятенъ на губахъ и пальцахъ съ большими ногтями въ траурѣ, они называли его неряхой и растрепой; въ этомъ отношеніи, впрочемъ, онъ былъ лишь наиболѣе яркимъ представителемъ питомцевъ духовной школы. Ученье шло ни шатко, ни валко, курсъ онъ кончилъ середка на половинѣ. Большихъ желаній у него не было, званіе попа, жена и приходъ—были предѣломъ его мечтаній... Одно время подумывалъ было въ монахи, потомъ рѣшилъ, что, хотя житье хорошее, но „для сего нуженъ подвигъ“...

— „Нѣтъ ужъ будемъ жить да поживать въ какой-нибудь Тошнилковкѣ...“

Теперь Началову живо рисовался приходъ о. Никандра—большое село Цыпровка, гдѣ о. Никандръ накопилъ тысячи. Народъ тамъ богатый, работающій, раскольниковъ нѣтъ и, главное, приходъ неиспорченный: духовное сословіе почитаютъ, поповскую повинность считаютъ важнѣе всякой другой, въ долгъ не крестятся, не вѣнчаются и не погребаются. „Вотъ бы туда ввалиться, въ Цыпровку! Подышалъ бы, какъ о. Никандръ“.

— „А что касается Глашенъки, то она по виду, право, довольно пригожа, безъ всякаго сравненія съ наблюдательской Надеждой безнадежной, принаряди только! А что она необразована—бѣда небольшая! Что образованная, что необразованная—толкъ одинъ“. Знаетъ онъ этихъ епархіалокъ—

пока учиться или сама учить въ школѣ, кое-что еще мельтепится у нея въ головѣ, а какъ вышла замужъ, пойдутъ каждый годъ дѣти, смотришь,—совсѣмъ незнакома, расплазлась, какъ нидерландская корова, талія въ бревно... Какая ужъ тутъ наука! Двухъ строкъ правильно не напишеть!.. Живутъ и безъ науки, да еще какъ живутъ, со стороны завидуютъ. Да и къ чему сельской попадѣ большія свѣдѣнія? Знавалъ онъ такую-то—изъ классныхъ дамъ.. Книжки читала, разными учеными вопросами интересовалась,—фагоцитами, „ролью женщины въ современномъ обществѣ“, теоріей какого-то американца Джоржа, жидкимъ воздухомъ, телеграфомъ безъ проволокъ и прочее тому подобное... И вышла съ ней отъ этой учености штука. Были именины у о. наблюдателя, гостей—гибель. Засидѣлись до вечера и пошли всѣ прогуляться—компанія большая—и попы, и попады, и епархіалки, и семинаристы. А тутъ какъ разъ лунное затменіе, всѣ смотрятъ на небо. Вотъ ученая попады и говоритъ: „Смотрите, господа, отъ луны остался только маленькій сегментъ“! Всѣ переглянулись и словно по уговору вдругъ: „ха-ха-ха“! А мужъ уже былъ, что называется, подшафе, да и безъ этого, разумѣется, обидно... И давай ученую даму раздѣлывать:—„Доѣхала, говорить, ты меня своею ученостью. Говорила бы лучше: „серпъ“!—всѣ бы тебя поняли. А то, на-ка, выворотила: „сегментъ“!.. Эхъ ты, мадамъ Сегментова...“ Насилу въ тарантасъ утолкали разъяреннаго супруга, а онъ оттуда свое кричитъ: „Дуракъ тотъ, у кого жена умная; не прельщайтесь, господа, бабьимъ умомъ“! До слезъ ее довелъ. Съ тѣхъ поръ и прозвали ихъ Сегментовы, хотя настоящая фамилія ихъ была Секторовы. Да это еще что! А то вдругъ въ голову взбрѣдетъ: на курсы, учиться! И вѣдь, чего добраго, уѣдетъ, ничего съ ней не подѣлаешь, особенно, если дѣтей нѣтъ... То-ли дѣло неученая — смирна, кротка, послушна, чего больше и желать?! Пусть ее знаетъ свое дѣло — огурцы солить, ватрушки стряпаетъ, съ ребятишками безъ гнѣваньячится... Нѣтъ, рѣшительно, Глаша Чистосердова будетъ лучше всякой Сегментовой. И передъ тещей носа не задеретъ, сама росла въ бѣдности, не Богъ вѣсть какая барыня.

— „Только одно,—подумалъ вдругъ Началовъ:—какъ это о. Никандръ легко предлагаетъ... Знаю я его—въ сущности, жила анаемская, а тутъ вдругъ—расщедрился—бери племянницу и приходъ съ нею... Плутъ большой, всегда на грошъ пятаковъ намѣняетъ. И тутъ что-нибудь неспроста... Ну, да посмотримъ!“

Началовъ поднялся и пошелъ бодримъ шагомъ. Вскорѣ въ лошинѣ попался ему ручеекъ черезъ дорогу, онъ напился холодной воды и запѣлъ. Гулко раздавался его залетный

теноръ по тихо млѣющему бору. За „Волною морскою“ онъ спѣлъ длинный богородиченъ знаменнаго распѣва, потомъ Херувимскую Бортнянскаго № 6 и для сравненія таковую же Архангельскаго. Послѣ духовнаго репертуара слѣдоваль свѣтскій.

„Ужъ не я-ль тебя на груди ласкалъ,
„Ты внимала мнѣ съ полюбовію-ю-ю!..

Долго тянулось это ю, вертясь воронкой въ воздухѣ, какъ вдругъ на крутомъ поворотѣ дороги пѣвецъ неожиданно натолкнулся на знакомый экипажъ, откуда въ полуоборота, скривившись, смотрѣлъ крестный съ самымъ страдальческимъ выраженіемъ лица. Крестникъ остановился, какъ вкопанный, въ нѣмомъ изумленіи, съ раскрытымъ ртомъ, не успѣвъ додѣлать финалъ любимой семинарской рулады на ю по образу заносящагося въ облака жаворонка.

— Этакое горе, Ваня, задѣли за корягу, ось и хряпнула,— печаловался о. Никандръ.

— А гдѣ Федоръ?

— За осью въ деревню ускакалъ, а я вотъ часа два сижу. Ты побудь со мной, не уходи; чай, усталъ, присядь, отдохни. Больно мнѣ скучно и боязно,—ну, какъ лошади сорвутся да ускачутъ, что тогда дѣлать? Смотри, какъ бѣсятся. Или и иное что...

Двѣ лошади стояли поодаль, выпряженные и привязанные къ гнувшемуся молодому дубочку. Онѣ фыркали, отмахивались отъ комаровъ хвостами, валялись и, сердито стуча копытами, далеко отбрасывали сыроватую землю—чуть не въ бороду о. Никандру.

— Мнѣ все равно некуда торопиться, — отозвался крестникъ и подумалъ, что крестнаго „Господь наказалъ за равнодушіе къ пѣшей роднѣ“.

Онъ сѣлъ на пенекъ въ тѣни ближайшаго дуба и закурилъ папиросу.

— Это вотъ ты кстати закурилъ, отъ насѣкомыхъ помогаетъ. Жаль, что я такой привычки не имѣю... А, впрочемъ, дай-ка и мнѣ папиросочку, я затягиваться не буду, только попыхаю на комаровъ. Фу, проклятые, какъ иголками, жалятъ, никакого терпѣнья нѣтъ, чисто египетская казнь! — о. Никандръ въ раздраженіи хлопнулъ себя по щекѣ, сдавивъ большого слѣпня, и закашлялся отъ табачнаго дыма.

Вскорѣ пріѣхалъ Федоръ верхомъ, за его спиной сидѣлъ старикъ, безъ шапки и босой, и держалъ на-перевѣсѣ дубовую ось.

— Ну, теперь втроемъ живо изладите съ Листратомъ. Охъ, Листратъ, стары мы стали, а вѣдь были когда-то мо-

лоды. А теперь, видно, „инъ ты пояшетъ и ведеть, амо же не хоцеши“. Умирать пора.

— Ну, ты, батюшка, еще помаячишь, тебѣ чаво дѣлается, а вотъ у меня поясница того и гляди отвалится.

— А стекольное ремесло бросилъ?

— Давно ужъ не занимаюсь. Внукъ теперича ходить съ алмазомъ-то, а я дома ребяташекъ наблюдаю.

— А какъ дѣла со стекломъ идуть?

— Дешевле прежняго стекло-то, а прибыли ни рожна.

— Не тѣ времена, видно.

— Не тѣ.

Ось перемѣнили, старую привязали къ задкамъ, и о. Никандръ, придерживаемый крестникомъ, занялъ прежнее мѣсто.

— Ну, Ѳеодоръ, садись. Не торопись, а то еще что случится... шажкомъ, шажкомъ... Видишь — не дорога, а каторга. Ужъ это земство наше... двадцать тысячъ тратитъ на школы, а дороги путной не сдѣлаетъ. Поневолѣ вспомнишь крѣпостное время—такая-ли тутъ дорога пролегала...

— Да,—отвѣтствовалъ Листратъ,—при баринѣ было не то. Бывало по этому мѣсту, глаза завяжи да жаръ кнутомъ по кобылѣ—ни одинаго ухаба. Ужъ и баринъ былъ — лютой на счетъ дороги... все чтобы пескомъ равняли.

— А какъ же ты, Ваня, опять пѣшкомъ? Посадилъ бы я тебя, да оси старая, долго-ли до грѣха, какъ опять что стрясется, надумаюсь, будто отъ тебя, согрѣшу...

— Ничего, крестный, половину прошелъ, немного осталось.

— Конечно, ноги крѣпкія, добѣжишь. Пріятно и прогуляться. Воздухъ-то, воздухъ какой — одно благораствореніе, прямо ароматъ, такъ бы здѣсь и остался. Однако, будь здоровъ, Ваня. Только смотри, въ кабакъ не заходи. Тутъ недалеко на горѣ есть нѣкая вдовица самарійская, водкой торгуетъ, подальше отъ нея оглобли держи. У васъ, семинаристовъ, это водится, и скверно, что водится. Узнаю, матери скажу, она тебѣ расчешетъ шевелюру.

— „Откуда у него взялось, что я водку пью и по вдовичамъ хожу, — думалъ Началовъ въ глубокомъ недоумѣніи.— Ничего подобного и не бывало...“

А, въ сущности, дѣло объяснялось просто. У о. Никандра была особая тактика по отношенію къ людямъ, оказавшимъ ему услугу: дабы крестникъ не преувеличивалъ своихъ заслугъ и не полагалъ за собой нравственного права сидѣть въ тарантасѣ, вотъ и надо нѣсколько осадить его, чтобы онъ сразу понялъ, можетъ-ли рядомъ съ такимъ высокоуважаемымъ и достопочтеннѣйшимъ лицомъ сидѣть простой семинаристъ, подозрѣваемый въдобавокъ въ непохвальныхъ наклонностяхъ.

— Широкий *)—батюшка, а дюже скупъ, — прямо заговорилъ Листратъ, когда тарантасъ отъѣхалъ.

— Сколько за ось далъ?—спросилъ его Началовъ.

— Хм... сколько... ничего!.. По знакомству вѣдь... Имъ только до дому доѣхать, а потомъ они вернуть... Чаялъ я за хлопоты-то получить на картузъ табаку, а вышло только на понюшку.

— Ты что же больше-то не просилъ? Далъ бы.

— Дастъ этакой—растопыр карманъ. Знаю я его,—какой былъ, такой и остался. Эхъ, понюхать, что-ль съ горя... Нюхаешь?

— Нѣтъ, курю.

— И то дѣло.

Просвѣтливъ свои мысли здоровой засадкой нюхательнаго табаку и высморкавшись до слезъ, Листратъ углубился въ воспоминаія.

— Мастакъ **) этотъ цыпровскій благочинный.

— Онъ ужъ давно не благочинный.

— А почто? высадили, что-ль?

— Нѣтъ, отказался.

— Сдается мнѣ, середъ поповъ другого такого быдто и не сыскать въ благочинные—башка!

— Самъ не захотѣлъ, некогда, дѣла много и безъ того.

— Коли не быть, извѣстно, у него вездѣ дѣла. Не знай, какъ теперь, а въ прежнія времена, когда я по деревнямъ съ алмазомъ хаживалъ, стекла вставлялъ, дѣла съ благочиннымъ каждый годъ водилъ, да не я одинъ — бывало, это, на ярмаркѣ, на Жадовской, всѣ стекольщики, сколько есть по округѣ, человекъ пятьдесятъ соберемся и ждемъ его. А онъ въ гостиницѣ... то у него одинъ купецъ побываетъ, то другой, до полднѣ изъ номера не показывается. Ну, потомъ выдеть и къ намъ, съ балкона смотреть поверхъ головъ:— „Чего вамъ?“

— „Стекла, молъ, батюшка.—По старому?—По старому“.

— „Ну, ладно, идите въ корпуса къ Бахметеву, я слѣдомъ...—Ящиковъ сто, бывало, закажетъ и тутъ же при насъ на прилавокъ денежки чистоганомъ выложить не одну тысячу. Вотъ вѣдь какой! Потомъ и одѣляетъ насъ:—Тебѣ, Листратъ, сколько?—Два, молъ, ящика.—Ладно, бери. А тебѣ, Гаврила?—Одинъ.—Ладно, бери. А тебѣ, Петруха?—Пять.—А что такъ много? — На три алмаза.—А, бери“. И такъ всѣмъ... Деньги передъ слѣдующей ярмаркой платить, а векселей

*) Въ смыслѣ богатства.

**) Дѣльный человекъ.

никакихъ... на совѣсть. Богу помолимся, за руку подержимся, вотъ те и вся росписка!

— Въ долгъ, значить, давалъ.

— Да, выручалъ.

— Вамъ и отлично.

— Обоюдно. Ему еще лучше. Отъ завода ему уступка большая на такую партію, да и намъ это самое стекло за пожданье обходилось рублей въ полсотни ящикъ. А возьми на готовыя въ лавкѣ—двадцать пять!

— Что-то ужъ больно много,—не повѣрилъ Началовъ.

— Для кого много, а ему ничего. Да и намъ что? купцу-ли, попу-ли платить—одна сласть, съ попомъ-то еще какъ-то способнѣе, на совѣсть, а купцы все на росписки. Грамотѣ мы ничего не знаемъ, что захотятъ, то и напишутъ. Разорялись даже отъ ихнихъ записей. Ну, съ благочиннымъ этого не бывало. Велась у него особая для насъ, для стекольниковъ, книжка такая, и въ ней супротивъ cadaго была порожняя страничка, туда онъ все и записывалъ для памяти, сколько кому дано, и въ какое число сколь уплачено. Намъ эта книжечка больно знакома, стеклянной мы ее звали, въ малиновой кожѣ; какъ что въ ей записано, то ужъ вѣрно... Да, вотъ какъ жили,—вдохнулъ Листратъ и еще понюхалъ изъ тавлинки.

— Да... выручалъ... А вотъ не всѣмъ же на пользу это выручанье угождало. Къ примѣру взять нашу старую барыню, Косаговскую...

— Это ея имѣніемъ владѣть о. Никандръ?

— А то кто же? Выручалъ онъ ее гораздо, задолжала она ему по уши, да процентъ, вишь ты, вродѣ нашего же стекляннаго... Барыня старая, настоящая,—собачки, органъ, дворни безъ числа... Чесали-чесали ей пятки-то, да до дыръ и прочесали. Смотримъ, уѣхала въ городъ, а въ Чепурлѣйкѣ ужъ благочинный командуетъ.

— Небось, жалъ барыню?

— Намъ все равно, кто ни попъ, все батька. Большого притѣсненія отъ него тоже не видимъ, половину сдаетъ исполу, половину самъ засѣваетъ. Только вотъ строгонекъ на счетъ потравы, скотъ часто загоняетъ, штрафъ большой, случается, и къ земскому таскаетъ. Ну, да нашего брата тоже и не учить невозможно. Правду надо сказать: всякъ свое бережетъ, безъ этого нельзя.

— А что, дѣдушка, ежели этимъ межникомъ удариться, ближе будетъ до Тошнилловки?—спросилъ Началовъ.

— Когда не ближе! Тутъ ты сначала выдешь на Лысую гору, потомъ спустишься въ Чертоломъ, а тамъ вълогу и Тошнилловка—рукой подать.

- Такъ, прощай, дѣдушка.
— Богъ спасетъ, родимый.

IV.

Къ вечеру Иванъ Петровичъ дошелся до Тошнилловки, запыленный, измученный, съ мозолями на ногахъ. Мать радовалась, жалѣла и изо всѣхъ силъ угощала единственнаго сына, всю свою надежду. Но еще раньше того материнская любовь постепенно съ годами преобразалась въ особаго рода уваженіе къ будущему кормильцу, и потому въ ея отношеніяхъ было много сдержанности, переходившей даже въ почтительность. Звала она сына не иначе, какъ Иваномъ Петровичемъ.

И теперь давно ужъ у матери готовъ былъ сорваться съ языка вопросъ, нашелъ-ли сынъ невѣсту по сердцу, но она терпѣливо выждала, пока тотъ заговорить самъ.

— Изъ поѣздки толку не вышло, — сказалъ, наконецъ, Иванъ Петровичъ, — а только одна непріятность. — И на нѣмой вопросъ матери онъ отвѣтилъ:

— Товарищъ мнѣ говорилъ послѣ, будто барышнямъ я совсѣмъ не нравлюсь. Во мнѣ только одно достоинство находить — пѣть могу, да этимъ не удивишь — всѣ семинаристы поютъ, женихи же особенно. — Дальше онъ остановился, подумавъ, все-ли рассказывать, и продолжалъ:

— Неуклюжъ я, ни встать, ни сѣсть, танцю по медвѣжьи, комплиментъ пуцу — колодой выходить, вообще ухаживать за барышнями не мастеръ... А онѣ, песъ ихъ дери, смѣются, особенно одна, Серафимочка Чукаловская... Ну, бѣдовая, чистое веретено... Играли въ игру — „на кого моя барыня похожа“ „съ опроверженіемъ“, т. е. нужно было доказывать, почему прозвища неправильны. Посадили меня на стулъ и началась характеристика. Ужъ чистили меня, чистили — одно другого хуже, даже затопнило... „Медвѣдь, трубочистъ, аистъ, теленокъ, Ерусланъ Лазаревичъ, картошка, Степка-растрепка, Гоголевскій Петрушка, тюря, оглобля, архіерейская калоша, сивый меринъ“... Краснѣлъ-краснѣлъ я, какъ ракъ, однако, все еще можно было терпѣть... Опровергалъ, хотъ и плевался. Вдругъ, въ самомъ концѣ аттестація: похожъ на евнуха!.. И все это она подстроила, дѣвочку одну маленькую подговорила, та по глупости и ляпнула. Всѣ стали смѣяться, понравилось прозвище. Не вытерпѣлъ я, уххалъ, не простился даже...

- Такъ тебѣ никто и не поглянулъ? — спросила мать.
— Да, — отвѣтилъ тотъ, вздохнувъ.

— Такъ, значить, еще отложишь на годъ свадьбу?

— Кто знаетъ? Вотъ крестный насылается съ племянницей.

И Иванъ Петровичъ передалъ матери разговоръ по этому поводу съ о. Никандромъ.

— А чего ты ротозѣль? Прямо бы съ нимъ и отправился. Ахъ, я, бишь, забыла, что вы врозь ѣхали... Ну, а ты не ропщи. Ты подумай только, если это сбудется, онъ навѣкъ тебя облагодѣтельствуетъ.

— Мало я вѣрю. Не похоже на него: надуетъ.

— А кто знаетъ? Его хорошенько и не разберешь. Хитрый онъ, можетъ, вовсе и не изъ скупости, а просто пыталъ тебя насчетъ тарантаса, — не разсердишься-ли ты, не покажешь-ли неудовольствія, чтобы характеръ твой узнать. У всякаго вѣдь на сердцѣ защекочетъ, а ты кротость показалъ... Это хорошо. Вотъ онъ тебя и держитъ въ примѣтѣ... Ничего, достигай, Иванъ Петровичъ, достигай!

Мать радовалась и поощряла. Сынъ плохо вѣрилъ въ теорію объ испытаніи его кротости посредствомъ икры и тарантаса, зная хорошо, что никакія силы вплоть до грома небснаго не въ состояніи внушить о. Никандру сочувствіе къ чужому положенію, если тутъ не замѣшивается его личный интересъ. И теперь Иванъ Петровичъ спрашивалъ мать, какая же можетъ произойти выгода для о. Никандра отъ супружества его крестника съ племянницей, да еще съ передачею прихода?.. Мать сразу разрѣшила недоумѣніе:

— Чудной ты, Иванъ Петровичъ! Не вѣкъ же ему на свѣтѣ жить, съ собой на тотъ свѣтъ прихода не возьметъ. А какъ захвораетъ или тяпнетъ кондрашка, такъ еще при жизни хлебнетъ горя съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. А отъ тебя благодарность...

— Ну, такъ вплотную сватать Глашу?

— Само собою разумѣется... Иной разъ смѣшкомъ-смѣшкомъ, а глядь, дѣло и выйдетъ. И откладывать нечего, въ воскресенье и поѣзжай.

Какъ ни философски относился Иванъ Петровичъ къ своей внѣшности, но и онъ смутился, когда съ нѣкоторою тщательностью осмотрѣлъ свой жениховскій гардеробъ. Дырочка, раньше едва замѣтная на лѣвомъ сапогѣ, послѣ дороги стала уже явственной дырой, приводившей молодого человѣка въ меланхолію и даже раздраженіе. Однако онъ скоро справился съ этимъ затрудненіемъ при помощи лоскута синей сахарной бумаги, засунувъ его внутрь сапога и жирно наваксивъ снаружи. Съ брюками тоже уладилось — обрѣзавъ бахрому внизу и спустилъ немного подтяжки Сюртукъ доставилъ больше всего затрудненій: сальныя

пятна отъ бурсацкихъ щей ни за что не хотѣли оставлять свое видное мѣсто на бортахъ. Однако, послѣ долгой работы щетки, ножичка, керосина съ водкой, и они поддались, сообщивъ, впрочемъ, насиченному ими мѣсту рыжевато-мутный фонъ, довольно замѣтный при сравненіи съ фалдами, отчего казалось, будто сюртукъ шить изъ разноцвѣтныхъ матерій. Обтертыя на груди пуговицы отливали сталью, но все это могло сойти: почти у всякаго семинариста такъ. А жилетка—дѣло пустое, ея хоть и совсѣмъ не надо, только сюртука не растегивай. Что всего болѣе сокрушало Ивана Петровича, такъ это—сорочка. Надо бы, строго говоря, имѣть крахмаленную, но въ семинаріи казеннымъ ученикамъ, сиротамъ, таковыхъ не полагалось, а свою завести—откуда взять денегъ просвирнину сыну? Изъ учительскаго жалованья въ восемь цѣлковыхъ... до крахмалу-ли тутъ! Попенявши на непредусмотрительное семинарское начальство и на скаредное совѣтское управленіе, Иванъ Петровичъ спрашивалъ себя: Неужто глухую жилетку надѣвать? Хорошо-ли?.. Вотъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ его евнухомъ прозвали, всѣ женихи не только въ чистыхъ сорочкахъ ходятъ, а еще свѣтлые галстухи надѣваютъ, да зашпиливаютъ ихъ модными булавками съ брилліантами симбирской воды... Да, рискованно сватать невѣсту—безъ галстуха!

— Пстой-ка, — догадалась мать, — я сбѣгаю къ писарю.

— Придется-ли? У него шея-то, какъ у борова, а у меня, какъ на грѣхъ, гусяная...

— Ужъ какъ-нибудь съежимъ.

Писарь далъ манишку, манжеты и галстухъ, хоть безъ алмазной булавки, и Иванъ Петровичъ ликовалъ—все теперь въ порядкѣ. Конечно, въ такомъ костюмѣ пѣшкомъ не пойдешь... Это всего яснѣе сознавалъ согбенный дьяконъ Амплѣй Яковлевичъ, который, правда, ропталъ на то, что Иванъ Петровичъ, мывшійся въ общей причтовой банѣ послѣ поповой кухарки, не оставилъ послѣ себя даже ковша горячей воды на дьяконскую нужду. Однако, узнавъ, по какой важной причинѣ сіе произошло, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и самъ великодушно предложилъ принарядившемуся Ивану Петровичу своего буланого коня и, сверхъ того, дорожныя перчатки, дабы жениховскія руки отъ ременныхъ возжей не пахли дегтемъ.

Матушка Ивана Петровича не рассчитывала сопровождать сына, хотя, въ сущности, сознавала свое неотъемлемое на это право и даже священную обязанность, какъ матери, быть возлѣ него въ такой важный моментъ. Но она боялась, что ея скромная фигура испортитъ дѣло.

— Куда ужъ мнѣ, Богомъ убитой, глупой женщинѣ въ такой домъ носъ совать! Поѣзжай ужъ одинъ.

И она роняла слезы у окна, крестя вслѣдъ отъѣзжавшему.

V.

Иванъ Петровичъ съ веселымъ духомъ въѣзжалъ въ широкій, чисто выметенный дворъ о. Никандра. Священникъ, предусматривая этотъ визитъ, еще въ пятницу наказалъ на базарѣ чрезъ знакомыхъ мужиковъ, чтобы племянница пріѣзжала съ матерью непременно.

— А что же ты родительницу-то свою не захватилъ?—спросилъ о. Никандръ Ивана Петровича.

— Отказалась. Чего, говорить, тамъ мнѣ дѣлать, все равно благословляю.

— Ну, еще до благословенія далеко. Не знаю еще, какъ невѣста, ей вѣдъ ничего неизвѣстно о твоихъ намѣреніяхъ. Кто ее знаетъ, можетъ, заартачится, — ухмыльнулся о. Никандръ. — А впрочемъ, соловья баснями не кормятъ. Ты подожди какъ разъ подѣ объѣдъ, и отлично, а потому, во-первыхъ, выпьемъ для возбужденія аппетита.

И о. Никандръ подвелъ Ивана Петровича къ книжному шкафу, гдѣ внизу стояли бутылки, и налилъ двѣ рюмки водки.

— Ну, пей.

— Не пью.

— Это что за новости?

— Не приходилось.

— Не вилай, не вилай... И не задерживай.

— Да, право же, крестный, не пью.

— Да что ты? Ты зачѣмъ пріѣхалъ? сватать?

— Да.

— А скажи ты мнѣ, отдамъ я племянницу за больного?

— Нѣтъ.

— А какъ узнать, что ты здоровъ?

Началовъ смущенно молчалъ.

— Э, парень, пойдемъ-ка къ свѣту, я на тебя посмотрю.

О. Никандръ оставилъ рюмку и подвелъ крестника къ окну. — Ничего! Немного угравъ, но это не болѣзнь. Пей же.

— Да, ей же богу, не могу.

— Не можешь? Докторъ запретилъ?

— Нѣтъ.

— Такъ чего же ты дурака изъ себя корчишь?

Иванъ Петровичъ густо покраснѣлъ и потянулся къ рюмкѣ.

— Ага, — промолвилъ о. Никандръ, лукаво ухмыляясь въ бороду, — подѣйствовало! — И опрокинулъ залпомъ рюмку.

— Этакъ-то вась...—проговорилъ онъ, закусывая балыкомъ Ему подражалъ гость, но неудачно, — поперхнулся и закашлялся до слезъ.

— Ну, вижу, ты не привержень... А впередъ помни, какъ вашего брата, семинариста, узнають—нальемъ еще по единой да выпьемъ!..

Они выпили.

— Да усугубимъ!..

Они усугубили.

— Да повторимъ!

Повторили.

— А тогда и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ... у пьянаго... — хитро подмигнувъ о. Никандръ.

У Ивана Петровича отъ четвертой рюмки зарябило въ глазахъ, и онъ хватался за голову. Крестный хладнокровно утѣшалъ:

— Ничего, пройдетъ. За то съ барышней веселѣе будешь. Ты, я такъ полагаю, плохой кавалеръ и, ежели тебѣ не дать водки, совсѣмъ пропадешь въ женскомъ обществѣ, рта не раскроешь, раскиснешь... Однако насъ ждутъ...

Въ столовой Ивана Петровича усадили между сироткой Лизой и Ѳеклой Григорьевной противъ ея дочери Глаши, которая скромно опустила глаза подъ огненнымъ взглядомъ молодого человѣка, находившагося въ восторженномъ состояніи. За холоднымъ — студенемъ — о. Никандръ повѣствоваль о своей послѣдней поѣздкѣ въ губернскій городъ по случаю поставленія его во протоіереи, а кстати (объ этомъ онъ умолчалъ) и для обрѣзанія купоновъ по хранившимся въ банкѣ билетамъ.

— Остановился я въ свѣчномъ епархіальномъ заводѣ, у насъ тамъ такая комната большая отведена для всѣхъ приѣзжающихъ поповъ, общая квартира, даровая взѣзжая, есть и для попадеекъ тоже комната, рядомъ. И когда ни приѣдешь, всегда есть народъ, а на этотъ разъ собралось насъ іереевъ преизрядно—человѣкъ десять изъ разныхъ уѣздовъ епархіи и все незнакомые другъ другу. Озираемся, ходимъ такъ стороной, надуваемся другъ передъ другомъ, хохлимся, какъ пѣтухи съ разныхъ дворовъ, всѣ молчаливые, сурьезные, солидничаемъ... конечно, отъ глупости больше, да и за водку еще рано было приниматься, потому не безъ дѣла же попы изъ медвѣжьихъ угловъ трясли свои животы, а по нуждѣ. Да и дѣла-то разные бываютъ, непріятныя больше,—начальство требуетъ для личныхъ объясненій, для проборки по кляузнымъ дѣламъ... Съ хорошимъ дѣломъ попъ отъ попады не уѣдетъ. А если приѣхалъ онъ въ свѣчной заводъ, значить какая-нибудь пакость случилась... Вотъ, каждый въ одино-

чествѣ безъ понады духу и набирается и настоящія свои чувства скрываетъ. Такъ въ молчанку и играли весь вечеръ. По утру встали, Богу помолились, чаю напились и стали передъ явкой по начальству обряжаться всякъ въ свой парадъ. А я этакъ притулился въ сторонкѣ незамѣтно, въ старомъ подрясникѣ, замухрышкой, никто на меня вниманія не обращаетъ... Такъ... Вотъ вижу, молодой попикъ изъ бойкихъ—должно быть цензоръ проповѣдей—вытащилъ неглиже съ форсомъ изъ кармана скуфью и расправляетъ ее передъ зеркаломъ, а у самого на лицѣ душа, видимо, такъ и пляшетъ: „вотъ, молъ, хотъ я и молодъ, и борода еще не доросла до положеннаго предѣла, а смотрите—у меня ужъ скуфья, у васъ же, хотъ вы и старые, можетъ и этого нѣтъ“... Недурно!.. Я молчу... Вотъ вижу, другой постарше щелкнулъ замочкомъ въ комодѣ и извлекаетъ камилавку. Тотъ, молоденькій, стушевался, отонелъ и сѣлъ, а камилавочникъ ликуетъ—посрамилъ скуфейника... Отлично!.. Я молчу... Вотъ вижу, третій выходитъ—тоже въ камилавкѣ, но ужъ съ наперснымъ крестомъ... Ага! не въ шутку дѣло разгорѣлось. Тѣ сѣли, а этотъ гоголемъ расхаживаетъ... Превосходно!.. Я молчу... Вотъ вижу, четвертый отецъ поднимается—камилавка, наперсный крестъ и—орденъ прицѣпилъ... Ого, куда пошло!.. Троицъ носъ утеръ и бороду расчесываетъ, ни на кого не глядитъ, всѣмъ нуль вниманія... Великолѣпно!.. Я опять молчу и жду. Кто же его посрамить? Гляжу по сторонамъ, туда-сюда, гдѣ, молъ, пятый?.. нѣтъ-ли еще филистимлянина?.. Нѣтъ, никто больше не выходитъ... Ну, тутъ вижу, знать, и мой часъ насталъ... Вдругъ въ дверь: стукъ! стукъ!..—Кто? — Портной-съ! — Пожалуйте... Ко мнѣ. Вынимаю полукафтанье—дорогого сукна, поясъ—золотого шитья, ряса шелковая,—облекаюсь... камилавка—лионскаго бархата.. Смотрятъ, не дышутъ... А я началъ возлагать на свою грудь отличія... И какъ надѣлъ я свои медали, кресты и ордена до Владиміра включительно, весь свой иконостасъ, да какъ пріосанился, обернулся, посмотрѣлъ,—такъ они всѣ одинъ по одному гуськомъ изъ номера—въ кусты...

Иванъ Петровичъ смѣялся почти до неприличія.

— Ха-ха! Все филистимское войско разбѣжалось... ха-ха-ха! Ну, и сраженіе!—задыхался онъ отъ смѣха.

— Чья взяла? То-то! Вотъ какъ, крестничекъ! Вотъ ты теперь и пойми, могутъ-ли такого не уважить въ чемъ? Никогда не повѣрю. Сила, что-ли, я, крестникъ? а? ну, говори по совѣсти!..—требовалъ развеселившійся хозяинъ.

— Никакой Голіаѳъ не устоитъ противъ васъ!—воодушевился Иванъ Петровичъ и почувствовалъ, что онъ можетъ говорить недурные комплименты, хотя и не барышнямъ.

Подали лапшу. Иванъ Петровичъ широко улыбнулся на

дѣвочку-сиротку, которая какъ будто не была твердо увѣрена, что ей дадутъ лапши, но когда бабушка Анна Григорьевна налила ей полную тарелку и положила туда пару красныхъ гусиныхъ лапокъ, восторгу ея не было предѣла, и она смѣялась звонче всѣхъ...

VI.

Послѣ обѣда о. Никандръ безъ стѣсненія объявилъ гостямъ, что онъ ляжетъ спать; хозяйка съ сестрой—гостьей и Лиза пошли въ кухню смотрѣть недавно выведенныхъ сибирской кошкой хорошенькихъ, но слѣпенькихъ котятъ, а молодымъ людямъ предложено было пройтись по саду.

— А знаете-ли, Глафира Кирилловна, я хочу жениться?—развязно началъ Иванъ Петровичъ, подъ вліяніемъ еще шумѣвшаго въ головѣ хмѣля.

— Доброе дѣло. Во священники, значить, выходите?

— Да.

— Конечно, чего же медлить, товарищи ваши уже давно въ рясахъ... Дай Богъ вамъ хорошую невѣсту.

— И знаете ли, Глафира Кирилловна, кто у меня на примѣтъ?

— Почему же я могу знать, что у васъ на душѣ, я не святой духъ.

— А, можетъ, интересуетесь?

— Скажите,—произнесла Глаша тихо...

— Вы!—выпалилъ Иванъ Петровичъ.

— Я?—изумилась Глаша, и краска залила ея лицо.

— Вы что на это скажете?

— Какъ маменька позволить,—отвѣтила она, видимо, давно припасенную на этотъ случай и потому фальшивую фразу, и повела по лицу платкомъ, свернутымъ въ комочекъ.

— А вы сами какъ?

— Я что же... ничего...

Иванъ Петровичъ инстинктомъ чувствовалъ, что въ этотъ моментъ можно и должно что-то такое сказать или сдѣлать, но что именно, онъ не догадывался и только съ грустью отмѣтилъ въ своемъ сознаніи, что весь хмѣль выскочилъ у него изъ головы сразу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняго душевнаго подъема какъ не бывало.

— Такъ, значить, маменька?.. — скучно произнесъ онъ и повернулся къ балкону.

— Да,—вяло вторила Глаша:—отъ маменьки... и на счетъ приданаго и всего остального...—Она ненавидѣла свои слова, чувствуя, что съ языка идетъ все не то, что надо.

— Хорошо.—Онъ входилъ балконною дверью, а за нимъ Глаша. Старушки вопросительно взглянули на нихъ, при чемъ у Анны Григорьевны, хозяйки дома, какъ-то машинально сорвалось съ языка:

— Ну что?

— Да вотъ, крестная, я того... хочу жениться на Глафирѣ Кирилловнѣ.

— А ужъ съ этимъ дѣломъ, голубь, обращайся къ ея матери.

— Ахъ... да бишь... тетенька... то есть Оекла Григорьевна... Слова застряли у него въ горлѣ.

Мать Глаши вмѣсто всякихъ словъ бросилась къ Ивану Петровичу, обняла его и прослезилась; потомъ стала цѣловать дочь. Слезы душили ее, она не могла говорить. Все пережитое за долгую вдовью жизнь горе мгновенно всколыхнулось, чтобы забыться навсегда, и эта первая чистая, искренняя радость сдавила ея изнывшее сердце до жгучей сладости. И когда она, наконецъ, пришла въ себя и увѣрилась, что это не сонъ, а дѣйствительность, все ея существо озарилось. Всѣ заразились ея чувствомъ, — всѣмъ стало и легко, и свѣтло, и тепло.

— Ну, совѣтъ да любовь, дѣти...—проговорила за сестру Анна Григорьевна.—Поцѣлуйтесь!—сказала она жениху, указывая головой на Глашу... — Какъ, однако, плохо... Развѣ такъ невѣсту цѣлуютъ? Видно, что практики не было...—Глаша зардѣлась, какъ кумачъ, краснѣлъ и Иванъ Петровичъ до затылка.—А теперь идите опять въ садъ, пока попъ не проснется.

Спускаясь съ террасы, Иванъ Петровичъ случайно дотронулся рукой до Глашиной руки и ужъ не выпускалъ ее потомъ... Черезъ нѣсколько минутъ Лиза съ котенкомъ прибѣжала въ комнату и наивно сообщила старушкамъ, что дядя Ваня то - и - дѣло цѣлуетъ тетю Глашу и такъ крѣпко, такъ крѣпко—вотъ какъ!—и она показала на котенкѣ, какъ именно.

„До молитвы - то не надо бы такъ“, — мелькнуло въ головѣ у матери, но Анна Григорьевна усадила возлѣ себя Лизу и сказала:

— Такъ и надо, а ты имъ не мѣшай, егоза!

Черезъ часъ появился о. Никандръ, отлично выспавшійся и послѣ умыванія холодной водой такой бодрый, свѣжій, цвѣтушій, съ нѣгой во всемъ тѣлѣ, члены коего, видимо, еще дремали, досыпая. Онъ позѣвывалъ, потягивался и сладко покрывалъ. Когда ему объявили новость, о. Никандръ съ нѣкоторою хрипелостью въ голосѣ сказалъ:

— Это хорошо... А гдѣ же нареченные? Надо имъ молитву прочитать.

Постлали въ залѣ коврикъ противъ образовъ, принесли изъ кабинета аналой, зажгли лампадку и послали Лизу въ садъ за цѣлующимися. Пока та ихъ отыскивала, о. Никандръ надѣлъ эпитрахиль, раскрылъ служебникъ и, совсѣмъ готовый къ служенію, обернулся, спрашивая:

— Скоро-ли?—По саду раздавалось ауканіе Лизы.—Что это, не дожدهшься, — ворчалъ о. Никандръ, нервно двигая плечомъ: — Чаю хочу!

Оекла Григорьевна, видя, что братецъ не на шутку сердится, сама пошла за дочерью, но та уже спѣшила ей навстрѣчу, запыхавшись и таща за руку своего суженаго.

— Наконецъ-то! — облегченно произнесъ о. Никандръ и, перекрестившись, началъ читать молитву нареченнымъ.

За чаемъ шли разсужденія о предстоящей свадьбѣ. Женихъ оказался очень стремительнымъ и назначилъ недѣльный срокъ, но о. Никандръ остановилъ его:

— Нѣтъ, братъ, погоди. Ты, во-первыхъ, мѣсто себѣ выпроси у архіерея, а потомъ и за пиръ. А то архіерей узнаетъ, что ты сначала женился, а потомъ сталъ думать о мѣстѣ, онъ тебя и проморитъ. Сначала мѣсто, а потомъ невѣста, а не наоборотъ. Ты прошеніе подай владыкѣ лично да изложи, куда тебѣ хочется, въ какой приходъ.

— Да вѣдь мѣсто извѣстное...

— Какое?

— Вы же сами говорили...—на счетъ вашего прихода.

Анна Григорьевна встрепелась, какъ дикая утка отъ пороха, но о. Никандръ совершенно спокойно возразилъ:

— Ты съ ума сошелъ, голубчикъ! Славу Богу, самъ еще въ силахъ, міру послужить могу. Дай срокъ, годъ, другой послужу, можетъ и надумаю въ заштатъ, тогда и хлопочи... а пока мнѣ еще не надоѣло... Ну, братъ, я никакъ не думаю, что ты такъ... простъ...—заклучилъ о. Никандръ болѣе нѣжнымъ эпитетомъ, чѣмъ тотъ, который у него въ головѣ вертѣлся.

Иванъ Петровичъ сконфузился и потупился, Глаша притаилась, краснѣя за жениха. Но мать ея наплась.

— А, конечно, Иванъ Петровичъ, братецъ здраво разсуждаетъ. Молодому священнику такого прихода вдругъ не дадутъ, — „больно жирно!“ скажутъ. Надо сначала горькаго вкусить, а сладкое ужъ потомъ. Послужить надо, зарекомендоваться, отличиться... ну, потомъ и надѣяться...

— Что правда, то правда,—подтвердилъ о. Никандръ:— а то всякая мышъ въ крупу ползеть...

— А братецъ, конечно, похлопочетъ, — политично встала Оекла Григорьевна, поспѣшно затушевывая замѣчаніе о крупѣ.

— Ну, само собою...

Иванъ Петровичъ осторожно навелъ справки насчетъ приданого и получилъ отвѣтъ отъ будущей тещи:

— Знаете-ли, Иванъ Петровичъ, дочь у меня одна, все, что есть у насъ, ваше, мнѣ оно—зачѣмъ, старухѣ? Только, успокойте мою старость, не покидайте меня, возьмите съ собою жить, на что нибудь и я пригожусь... внучать буду нянчить...

Ея искреннія, со слезами слова тронули до глубины души жениха, и онъ болѣе не возвращался къ „сему предмету“, особенно когда узналъ отъ невѣсты, что у нихъ есть триста рублей да корова стельная. „Ого, капиталъ! хватить, съ заливкомъ даже!“—успокоился женихъ.

Все важное было переговорено, но Иванъ Петровичъ не думалъ уѣзжать и не отходилъ отъ невѣсты. О. Никандръ, разсѣянно смотря на погасавшіе лучи заката, спросилъ:

— А лошадь-то у тебя, Иванъ Петровичъ, поена-ли?

Тутъ только опомнился Иванъ Петровичъ, и ему живо представилось, какъ согбенный дьяконъ Амплѣй Яковлевичъ сна лишился, пришелъ къ просвирниной хатѣ, сѣлъ на заваленкѣ рядомъ съ его матерью и, беспомощно разводя руками, горько ей печалуется и ропщетъ: „Говорилъ я ему, чтобы до заката здѣсь быть, а онъ что со мною сдѣлалъ? Вѣдь у меня завтра съ утра сѣнокосъ!.. Каждая минута дорога... Ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ...“

Иванъ Петровичъ заторопился. Невѣста проводила его за околицу до лѣсочка, крѣпко тамъ съ нимъ въ сумеркахъ расцѣловалась и вернулась вся оживленная, сіяющая. А Иванъ Петровичъ, нахлестывая буланого, въ тактъ удара кнутомъ всю дорогу расцѣвлялъ чувствительные канты.

VII.

Началовъ женился и получилъ мѣсто въ одномъ изъ бѣдныхъ приходовъ. Всѣ Глашины капиталы ушли на посвященіе, обмундировку и „обштановку“, такъ что, когда молодые пріѣхали на новое мѣсто въ Шутиловку, у о. Ивана было денегъ въ карманѣ немного больше, чѣмъ тогда, когда онъ шелъ отъ вокзала въ Тошниковку. Но пріученная съ младыхъ лѣтъ къ нуждѣ и всяческимъ лишеніямъ, новая пара сводила концы съ концами, не кручинясь.

Острое чувство противъ о. Никандра, обманувшаго ихъ первыя пылкія мечты, выросло уже потомъ, когда, при четырехъ живыхъ дѣтяхъ, Глафира Кирилловна на четвертомъ году замужества забеременѣла пятымъ. Но супруги тщательно

скрывали горечь обманутой надежды отъ благодѣтеля, которому цѣловали ручки. О. Никандръ, тонкій психологъ, чувствовалъ, что у нихъ на душѣ кошки скребуть, но былъ тронутъ ихъ долготерпѣніемъ, и не однажды спрашивалъ себя: доколѣ же оно у нихъ не лопнетъ? Втайнѣ онъ, по человѣчеству, разсуждалъ, что о. Иванъ рано или поздно себя покажетъ, прорвется и за обманъ нагрубитъ настоящимъ образомъ, но о. Иванъ испеченъ былъ изъ другого тѣста, чѣмъ всѣ смертные, къ тому-же онъ утѣшался мыслью: не пережить крестному крестника! Подъ вліяніемъ этой жизненной логики, а также высокихъ скирдъ хлѣба, величественно, какъ египетскія пирамиды, красовавшихся вокругъ молотильнаго сарая въ имѣніи о. Никандра и заставлявшихъ невольно вспомнить изреченіе: „Кому вся сія будутъ?“ — онъ удваивалъ свою благопокорливость съ каждымъ прїѣздомъ въ Цыпровку, съ каждымъ свиданіемъ въ Шутиловкѣ.

— Ну, и одарилъ же его Господь...—думалъ о. Никандръ насчетъ смиренія о. Ивана,—не предполагалъ даже...

И все-таки о. Никандръ не оставлялъ о. Ивана въ покоѣ, а нѣтъ-нѣтъ да и подойдетъ съ искушеніемъ:

— Ну, крестникъ, чай, ждешь не дождешься моей смерти? А я, братъ, рѣшилъ, однако, служить до скончанія живота.

Но о. Иванъ тактично отвѣчалъ:

— Что это у васъ какія грустныя мысли!—И послѣ этого сталъ называть крестнаго дядей. Наконецъ, о. Никандръ рѣшился на самое радикальное средство — напоилъ о. Ивана и сталъ зорко смотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Но о. Иванъ и тутъ разсудка не утратилъ и въ пьяномъ видѣ неизмѣнно пребывалъ въ непреодолимо признательныхъ чувствахъ. Тогда крестный принужденъ былъ прекратить бесплодную игру въ кошку и мышку, сложить карты и сказать: „Пастъ!..“

— Ну, племяншъ, ты окончательно извелъ меня своимъ ангельскимъ терпѣніемъ, и я рѣшилъ при жизни устроить твое счастье въ Цыпровкѣ. По совѣсти говоря, если бы ты былъ моимъ сыномъ, я бы возблагодарилъ Господа, но Онъ не благословилъ меня потомствомъ... Ну, такъ ужъ ты мнѣ за сына пойдешь.

О. Иванъ благоговѣнно облобызалъ десницу крестнаго.

— Только вотъ что,—продолжалъ о. Никандръ:—Во-первыхъ, хотя поповскій домъ въ Цыпровкѣ церковный и жить въ немъ полагается только штатному священнику, но я, и заштатный, въ немъ буду жить попрежнему, не хочу, чтобы мой гробъ несли не изъ этого самаго дома. Тебѣ же я выстрою большую церковную сторожку. Ты не думай, что она будетъ плохая, нѣтъ, хорошая будетъ квартира—три комнаты и всѣ чуланы, только безъ двора. Церковная земля будетъ

въ твоёмъ, конечно, полномъ распоряженіи и доходы всѣ, но на пропитаніе мое съ попадѣй ты долженъ доставлять— пять пудовъ муки, мѣру крупъ, картофель, огородныя овощи и прочее ежемѣсячно. За то ты лошадыю будешь пользоваться въ любое время, въ гости или куда съѣздить, лошадь бери, если своей не заведешь. Согласенъ?

— Согласенъ, дядя.

— Да какъ не согласиться? Вѣдь ты въ Шутиловкѣ сколько получаешь?

— Рублей пятьсотъ всего—и руга въ томъ числѣ.

— Ну вотъ! А въ Цыпровкѣ на плохой конецъ, — тысяча. Это я тебѣ прямо скажу. Вдвое, значитъ, будешь имѣть...—Тутъ о. Никандръ задумался и произнесъ не безъ сожалѣнія:—Мало я съ тебя назначилъ, да, мало... Ну, дѣлать нечего, такъ и быть. Только, чтобы мнѣ не очень обидно было, ты долженъ мнѣ на погребеніе ризы заготовить... тамъ ужъ какъ знаешь, на свой или на церковный счетъ, я въ это входить не буду... Да склепъ еще каменный въ оградѣ дострой... кирпичу я ужъ заготовилъ, сработать только надо... для нашей фамиліи пойдетъ, и для твоей со временемъ тоже пригодится... Все бы это я и самъ, конечно, могъ сдѣлать, ну да надо же и тебѣ похлопотать. Я на своемъ вѣку не мало кой-чего дѣлалъ—и иконостасъ золотилъ, и ограду новую ставилъ, и колокола лилъ... Впрочемъ, все это дѣла будущаго — и ризы, и усыпальница, а въ настоящемъ вотъ что... Подари ты мнѣ палестинскій крестъ. Видишь почему: въ послѣднюю поѣздку, когда меня ставили въ протоіерея, архіерей, поздравивши съ новымъ саномъ, сказалъ: „Хорошо бы, о. протоіерей, ко всѣмъ твоимъ имѣющимся отличіямъ присовокупить и оное“,—и помахалъ предъ лицомъ моимъ медалью Палестинскаго Общества. Въ ту пору денегъ у меня не случилось, потомъ забылъ, а теперь вспомнилъ и стыдно мнѣ предъ владыкою, нелезя на глаза показаться.

— А сколько онъ стоитъ?

— Двѣсти рублей.

О. Иванъ крикнулъ.

— Что, или не по силамъ?

— Всего только полтора ста у насъ съ попадѣй скоплено.

— Ну, задолжаешь немного, потомъ выплатишь.

— Конечно,—согласился о. Иванъ.

Черезъ полгода послѣ этого разговора, преосвященный уважилъ просьбу достоуважаемаго, заслуженнаго и съ палестинскимъ крестомъ о. протоіерея Тронина о переводѣ на его мѣсто о. Іоанна Началова.

Каждая семья жила по-своему, не смѣшивая интересовъ чужихъ съ своими. Дружелюбныя отношенія между ними не нарушались. О. Иванъ дѣлалъ свое дѣло нелѣпно, и мужики о немъ говорили: „Обстоятельный батюшка, а правомъ даже лучше стараго, хотя спуску тоже не даетъ, но все же не такъ прижимистъ“.

О. Никандръ мало ввязывался въ дѣла прихода, развѣ только помогалъ о. Ивану совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда церковное попечительство въ Цыпровкѣ смущенно уклонялось отъ покупки ризъ на случай погребенія стараго батюшки и отъ устройства въ оградѣ тронинской усыпальницы. О. Никандръ больше занимался своимъ хозяйствомъ въ Чепурлейкѣ, гдѣ было у него десятины двѣсти пахотной земли, пчельникъ, рыбная ловля, покосы, мельница, — дѣла было много. Помимо хорошаго дохода съ имѣнія, которое велось образцово, помимо купоновъ, за которыми онъ ѣздилъ въ банкъ дважды въ годъ, каждый годъ приносилъ о. Никандру какое-нибудь благо, — то дворянство, то юбилей.

На дворянство у него вышло рублей триста, но ихъ было не жалъ, — вѣдь честь не малая. Пятидесятилѣтній юбилей онъ отпраздновалъ тоже хорошо, хотя и не безъ инцидента, потому что сборы на это торжество съ духовенства благочинія шли туго, а тотъ священникъ, котораго за жену прозвали Сегментовымъ, подписалъ на икону юбиляру только пять копѣекъ, чѣмъ однихъ огорчилъ, а другимъ доставилъ удовольствіе. Впрочемъ, это было однимъ изъ тѣхъ пустяковъ, о которыхъ мудрый о. Іоаннъ не доводилъ до ушей о. Никандра, спокойствіе коего оберегалъ, какъ святыню. Тогда же, въ день юбилея, когда гости разѣхались и остались одни близкіе, о. Никандръ говорилъ въ раздумѣ:

— Всѣмъ я почтенъ, все у меня есть, всего достигнулъ, все извѣдалъ, а умирать не хочется. Кажется мнѣ, будто я до сихъ поръ и не жилъ, а только собирался жить... Вотъ бы еще палицу выслужить...

У него съ лѣтами надежды и мечты не пропадали, въ немъ много было жизни.

Зимой его непосѣдливой натурѣ сидѣть безъ дѣла было очень тягостно, и онъ, вздыхая о прошедшемъ, не всегда безупречномъ, и съ надеждою взирая на будущее, занялся устройствомъ церкви-школы въ Чепурлейкѣ на совокупныя средства—свои и прихожанъ. Школа строилась, впрочемъ, не быстро, потому что крестьяне, уговорившись вести расходы пополамъ, а честь предоставить одному старому батюшкѣ, находили, что о. Никандръ свои деньги жалѣетъ, а мірскія изводитъ, и утомляли его постоянными учетами расходовъ.

Листратъ, бывшій строителемъ въ числѣ прочихъ отъ чепурлейцевъ, настаивалъ на этомъ особенно и только когда о. Никандръ уяснялъ всѣ недоумѣнія довѣренныхъ обществъ, Листратъ вынималъ деньги изъ-за голенищи и производилъ:

— Ну, теперь еще четыре красныхъ бумаги получай отъ міра и запиши въ порожнее мѣсто.

Только недавно окончилась постройка. Въ назначенный для освященія день о. Никандръ и о. Иванъ съ утра отправились въ Чепурлейку. Дорога шла прямая, скатомъ, и имъ видно было, какъ деревенцы, окруживъ сіявшее крестомъ и новыми небольшими колоколами школьное зданіе, ждали ихъ молча и неподвижно.

— Экіе дураки!—заволновался о. Никандръ, — никогда сами не догадываются, что надо дѣлать, все имъ подскажи!.. Ѳедоръ, слѣзь съ козелъ, отдай возжи о. Ивану, мы одни доѣдемъ пажкомъ, а ты забѣги впередъ и честь-честью позвони-ка намъ съ колоколенки...

С. Елеонскій.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗОРЯ.

Вспыхнулъ лѣсъ и ожилъ въ золотѣ заката.
Я съ тобой сливаюсь радостной душой!
Все, чему, какъ Богу, вѣрила я свято,
Все, чему молилась горячо когда-то,
Ожило, воскресло и пришло съ тобой!..
Небо потухаетъ... дышетъ ночь покоемъ,
Лѣсъ заснулъ, но солнце видитъ онъ во снѣ,
И трепещутъ листья, млѣя лѣтнимъ зноемъ...
Тихо-тихо думы встали свѣтлымъ роємъ,
Золотое солнце грезится и мнѣ!

Г. Галина.

Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи.

Какъ-то лѣтъ пятнадцать тому назадъ я проходилъ по бульвару Сэнь-Мишель, въ центрѣ Латинскаго квартала, съ однимъ изъ близкихъ пріятелей, русскимъ евреемъ по происхожденію, быстро впитавшимъ въ себя элементы французской культуры и искренно полюбившимъ великую демократическую страну. Мой собесѣдникъ очень неглупый, очень чуткій человѣкъ, отличающійся большою воспримчивостью къ измѣненіямъ въ общественной атмосферѣ и, можно сказать, болѣзненно тонкимъ инстинктомъ предугадывающій малѣйшія пертурбаціи въ этой области. Сколько разъ его разсужденія поражали меня именно этимъ даромъ предвидѣнія; и зачастую разговоръ съ нимъ заставлялъ меня всматриваться въ такія явленія, которыя еле-еле начинали обозначаться и на которыя я безъ него не обратилъ бы вниманія. Въ особенности чутокъ его барометръ въ сферѣ еврейскаго вопроса, гдѣ онъ обнаруживаетъ рѣдкое соединеніе глубокой, но скрытой и благородно-стыдливой любви къ своей расѣ и въ то же время замѣчательно непристрастной, можетъ быть даже чересчуръ суровой критики ея недостатковъ.

— Посмотри, видѣлъ ты эту грошовую газетку? и онъ указалъ мнѣ на жалкій листокъ съ страннымъ,—какъ мнѣ показалось въ ту пору,—названіемъ „L'Antijuif“ (Антиеврей), которое высывалось изъ-за пачки нумеровъ, висѣвшихъ на стѣнкѣ газетнаго кіоска.

— Какая чепуха!—невольно вырвалось у меня при взглядѣ на эту крошечную, безобразно отпечатанную на сѣрой бумагѣ полу-газету, полу-аффишу.

— Ну, а я тебѣ скажу, другъ мой, что не нынче-завтра антисемитизмъ появится во Франціи... да, во Франціи, въ странѣ провозглашенія правъ человѣка и гражданина, и нашему брату „жиду“ придется снова задаваться вопросомъ, есть-ли еще гдѣ-нибудь на свѣтѣ уголокъ, въ которомъ мы можемъ чувствовать себя свободными отъ ненависти и преслѣдованія...

Его грустный тонъ поразилъ меня, и я совершенно искренно сталъ протестовать противъ такой, казалось мнѣ, чудовищной гипотезы.

— Увидишь, увидишь,—повторялъ мой пріятель, и можетъ быть скорѣе, чѣмъ даже думаешь.

Нѣсколько дней спустя, мы снова встрѣтились, и я съ торжествомъ замѣтилъ пріунывшему другу, что никто на „Антиеврея“ не обратилъ вниманія, кромѣ рошфоровскаго L'Intransigent'a, который, однако, упомянулъ о газеткѣ, лишь какъ о вздорномъ курьезѣ. Мой пріятель какъ будто повеселѣлъ, но отвѣтилъ на мое замѣчаніе короткимъ „да, знаю, читалъ“ и сейчасъ же погрузился въ молчаніе. И я чувствовалъ, что за этимъ молчаніемъ скрывалась упорная и горькая дума моего друга о злополучномъ народѣ, которому даже въ романѣ Евгенія Сю повелительный голосъ бросаетъ безпрестанное „иди, иди“...

Дѣло происходило приблизительно въ 1885 г. А въ 1886 г. вышла „Жидовская Франція“ Дрюмона, которая произвела неслыханное возбужденіе въ печати и обществѣ и была распродана въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ полутора ста тысячъ экземпляровъ. Въ 1890 г. антисемитская агитація перешла съ Морэсомъ и Герэномъ на улицу и служила предметомъ преній на народныхъ собраніяхъ. Въ 1894 г., послѣ нѣсколькихъ пробныхъ попытокъ, антисемитизмъ явственно обнаружился въ арміи и намѣтилъ себѣ жертву въ лицѣ несчастнаго Дрейфуса. Въ 1895 г. теченіе проникаетъ въ парламентъ, и стѣны палаты депутатовъ оглашаются дикою рѣчью „республиканца и свободаго мыслителя“ Дени, который на засѣданіи 25 мая предостерегаетъ „французовъ Франціи“ противъ „еврейскаго нашествія“. А затѣмъ мнѣ нечего напоминать читателю, въ какихъ яркихъ формахъ антисемитизмъ прокинулся и во Франціи, и особенно въ Алжиріи за послѣдніе три года съ того времени, какъ защитники основныхъ принциповъ современной цивилизаціи возстали противъ военнаго Шемакина суда во имя попоранной истины и заушенной справедливости. Какъ видите, печальныя предвидѣнія моего пріятеля сбылись болѣе, чѣмъ могъ рассчитывать на это самый сангвиническій антисемитъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ. И не вызови дѣло Дрейфуса сильной нравственной встряски, не пробудись въ лучшихъ элементахъ страны тотъ великолѣпный идейный энтузіазмъ, который въ общемъ всегда такъ высоко ставитъ французовъ надъ другими болѣе умѣренными и аккуратными націями, республиканская Франція была бы задушена темными силами реакціи, разорвана волками военщины, заклевана воронами и совами клерикальнаго мракобѣсія...

Я задаюсь въ предлагаемомъ читателю этюдѣ разсмотрѣть положеніе еврейскаго вопроса во Франціи и объяснить возникновеніе здѣшняго антисемитизма, въ могущество котораго, какось, я не

особенно вѣрилъ вплоть до печальныхъ событій послѣднихъ лѣтъ. Заранѣ могу, впрочемъ, предупредить читателя, что, изучивъ возможно добросовѣстно эту задачу, я прихожу къ тому отрадному заключенію, что антисемитизмъ распространенъ во Франціи лишь по поверхности; что его кажущееся временное могущество объясняется общими явленіями социальнo-политической и умственной жизни страны; и что онъ долженъ идти—и уже рѣшительно идетъ—на убыль. Тамъ, гдѣ во время прилива антисемитствующаго настроенія на мутныхъ волнахъ юдофобской агитаціи гордо плавала „непобѣдимая армада“ всѣхъ этихъ Дрюмоновъ, Гереновъ, Максовъ Рэжисовъ, Милльвуа и Рошфоровъ, тамъ скоро съ усиливающимся отливомъ мы увидимъ песчаныя и илистыя мели, жалкія лодчонки на боку, кучу нечистотъ, вздутые трупы выброшенныхъ на берегъ псовъ и грызню жадныхъ моллюсковъ за куски падали.... Изъ временнаго, но спасительнаго кризиса великая страна выходитъ снова готовою къ великимъ подвигамъ. Опасность, повторяю, лежала не въ самомъ антисемитизмѣ, а въ общихъ условіяхъ Франціи на рубежѣ XX-го вѣка. Какъ только сознательная часть націи поняла отрицательныя стороны современнаго общественнаго процесса, какъ только она направила свои усилія на борьбу съ реакціей во всѣхъ сферахъ дѣятельности, критическое положеніе страны утратило свой грозный характеръ, и здоровое теченіе должно скоро смыть безповоротно всѣ накопившіе за послѣднее время шлаки французской жизни, а въ томъ числѣ и варварскій антисемитизмъ.

Интересно, прежде всего, отвѣтить на вопросъ, въ какой степени еврейство является виднымъ элементомъ во Франціи, насколько часто населенію приходится сталкиваться съ нимъ и испытывать на себѣ неудобства и прямыя страданія, необходимо вытекающія, по увѣренію антисемитовъ, изъ противуположныхъ стремленій этой „особой расы паразитовъ“. Посмотримъ сначала на число евреевъ во Франціи. Тутъ, конечно, намъ придется довольствоваться приблизительными данными, такъ какъ со времени переписи 1872 г. рубрика религій исчезаетъ изъ официальной статистики. Если оставить въ сторонѣ тенденціозныя цифры Дрюмона, какъ извѣстно не церемоняющагося ни съ фактами, ни съ логикой и дающаго при сей вѣрной оказіи фантастическій итогъ въ 550.000 евреевъ для Франціи и въ 150.000 для одного Парижа *), то никто изъ серьезныхъ изслѣдователей не насчитываетъ и 120.000 представителей еврейской расы на территоріи третьей республики. Исидоръ Лёббъ исчисляетъ общую

*) Edouard Drumont, *La France juive. Essai d'histoire contemporaine*; Парижъ, изд. 139-е (безъ даты), стр. 102 тома перваго.

цифру своихъ соотечественниковъ въ 97.790, изъ которыхъ 63.000 для собственно Франціи (въ томъ числѣ 42.000 живущихъ въ Парижѣ съ пригородами) и 34.790 для Алжиріи *). Съ своей стороны Теодоръ Рэйнакъ, писавшій нѣсколькими годами позже, даетъ общій итогъ въ 115.500, изъ нихъ для собственно Франціи 72.000 (причемъ на Парижъ приходится 40.000) и 43.500 для Алжиріи, включая сюда и части Сахары **). И если бы мы даже, по недоброумію къ евреямъ, якобы умышленно скрывающимъ свою настоящую численность, значительно увеличили этотъ итогъ, то все же въ крайнемъ случаѣ получилась бы цифра въ 150.000 и, самое большее, 175.000 евреевъ для всей Франціи.

Пусть читатель сопоставитъ съ этимъ сравнительно очень умереннымъ итогомъ общую цифру иностранцевъ, которыхъ по послѣдней переписи (29-го марта 1896 г.) насчитывалось во Франціи 1.027.491 человекъ ***), и онъ не можетъ не придти къ заключенію, что если даже и считать французскихъ гражданъ еврейскаго происхожденія „чуждымъ элементомъ“, то настоящихъ-то чужестранцевъ въ шесть-семь разъ больше на почвѣ республики. И однако, даже обострившіеся въ послѣдніе годы крики шовинистовъ противъ „иноземцевъ“ далеко не сравнятся по силѣ и негодованію съ дикими воплями, вызываемыми у антисемитовъ присутствіемъ во Франціи гораздо меньшаго числа евреевъ, громадное большинство которыхъ при этомъ проникнуто общео культурою страны....

Но тутъ-то именно антисемиты и останавливаютъ насъ и съ торжествомъ станутъ указывать намъ на громадную разницу между „арійскими“ иностранцами, которые очень скоро поглощаются французскимъ населеніемъ и вполне сливаются съ нимъ, и совершенно чуждыми, непримиримыми, нерастворимыми „сеμίтами“, которые, молъ, вѣчно останутся особою расою и враждебнымъ постороннимъ тѣломъ внутри общественнаго организма. Что же, дѣлать нечего: приходится снова и снова становиться на почву антропологіи и исторіи и въ сотый разъ доказывать уже столь часто и съ успѣхомъ доказанное лучшими специалистами положеніе относительно того, что, во-первыхъ, евреи не представляютъ собою чистой и вполне различной отъ арійцевъ расы, и что, во-вторыхъ, самую національность ихъ слѣдуетъ понимать въ особомъ, не столько этнографическомъ и политическомъ, сколько социальномъ смыслѣ.

Я не буду вдаваться въ подробности общаго вопроса о расахъ, вопроса, который, по мнѣнію того, какъ развивается серьезная наука,

*) Saint-Martin et Rousselet, *Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle*; Парижъ, 1884, т. II, стр. 998—1000 (см. статью «Juifs», не подписанную авторомъ).

**) *Grande Encyclopédie* (изд. Lamirault); Парижъ, безъ даты, т. XXI, стр. 286—180 (статья «Juif»).

***) *Dénombrement de la population*. 1896; Парижъ, 1897, стр. 844.

теряетъ все болѣе и болѣе значеніе и смыслъ. Въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ критикѣ этого расоваго міровоззрѣнія, я указалъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій на всю призрачность ученія о чистыхъ расахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на „хищническую“ ихъ классификацію, по выраженію Овелака. *), Мнѣ остается лишь отослать читателей къ этому этюду. Но здѣсь, повторяю, мнѣ хотѣлось-бы коснуться болѣе частнаго вопроса, а именно: насколько состоятельна теорія „арійства“ и насколько „семитъ“ представляетъ собой особую, рѣзко отграниченную отъ арійской расы. Я позволю себѣ рекомендовать по первой половинѣ вопроса относящаяся къ этому страницы въ сжатомъ, но добросовѣстномъ и документальномъ трудѣ г. Деникера по антропологии и этнографіи. **). Ученый авторъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Но кто же были арійцы? Никто не знаетъ этого какъ слѣдуетъ... Достаточно сказать, что признанные авторитеты въ наукѣ (Поттъ, Гриммъ, Максъ Мюллеръ) въ теченіе долгаго времени поддерживали безъ всякаго прочнаго доказательства существованіе не только первобытнаго арійскаго языка, который далъ начало діалектамъ почти всѣхъ народовъ Европы, но также и существованіе «арійской расы», которая, какъ то предполагалось, возникла «гдѣ-то» въ Азіи, причемъ одна часть ея переселилась въ Персію и Индію, тогда какъ остальная доля медленными шагами продвинулась въ Европу. Поколѣнія ученыхъ принимали эту гипотезу, которая, въ концѣ концовъ, основана ни на чемъ другомъ кромѣ афоризмовъ въ родѣ «ex oriente lux», выдвинутомъ Поттомъ, или же «непреодолимаго стремленія къ западу», изобрѣтеннаго Гриммомъ. Должно, однако, замѣтить, что возраженія противъ этой гипотезы со стороны признанныхъ-же авторитетовъ возникли, какъ только она появилась. Эти возраженія исходили отъ филологовъ въ родѣ Латама (1855), этнологовъ въ родѣ Омалиуса д'Аллау, антропологовъ въ родѣ Брока (1864); но лишь около 1880 г. выразилась замѣтная реакція противъ ходячихъ идей, и возникла она въ лагерѣ самихъ филологовъ. Соссюръ, Сепсъ и другіе, возвращаясь къ идеямъ, уже задолго до того выраженнымъ Бенфеємъ, справедливо замѣтили, что предполагаемая тѣсная связь между санскритскимъ и зендскимъ и первобытными арійскими языками основывается исключительно на томъ фактѣ, что архаическія формы упомянутыхъ двухъ діалектовъ сохранились до настоящаго времени въ письменныхъ памятникахъ, между тѣмъ какъ арійскіе языки Европы не обладаютъ такими древними документами. Они говорили далѣе, что европейскіе языки нашихъ дней, какъ, напр., литовскій, гораздо ближе къ первобытнымъ арійскимъ формамъ, чѣмъ азіатскіе діалекты, напр. индусскій... Антропология не въ силахъ сказать, говорили или нѣтъ на арійскомъ языкѣ древніе обладатели долихоцефалическихъ череповъ въ южной Европѣ. Кромѣ того, труды современныхъ филологовъ съ Оскаромъ Шмидтомъ во главѣ показываютъ, что мы не въ правѣ болѣе говорить въ настоящее время объ какой бы то ни было «арійской расѣ», но лишь о *семѣ арійскихъ языковъ* и, можетъ быть, о первобытной арійской цивилизаціи, которая предшествовала отдѣленію раз-

*) Н. К., *Соціологія человека-звѣря*; «Русское Богатство», 1899, апрѣль, стр. 154—159.

**) Книга эта принадлежитъ къ «современной научной серіи» и вышла одновременно на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Я цитирую по англійскому изданію: J. Deniker, *The Races of Man. An Outline of Anthropology and Ethnography*; Лондонъ, 1900.

личныхъ арійскихъ діалектовъ отъ ихъ общаго ствола... Однако, нѣтъ никакого доказательства того, что народы, говорящіе не арійскими языками, не обладали уже точно такою же цивилизаціею, которая въ средѣ ихъ развилась независимо путемъ... Вообще, арійскій вопросъ уже не имѣетъ въ наши дни той важности, которую ему придавали раньше. Все, что мы можемъ предпологать на законномъ основаніи, это то, что въ періодъ, который предшествовалъ неолитической эпохѣ, обитатели Европы были *арианизированы* по отношенію къ языку безъ всякаго замѣтнаго измѣненія въ ихъ физическомъ типѣ или, вѣроятно, и въ ихъ цивилизаціи. *).

Итакъ, вотъ какими туманами окружена легенда объ арійской расѣ, а между тѣмъ на основаніи этой-то легенды люди, претендующіе на званіе серьезныхъ ученыхъ, съ важностью, достойною лучшей участи, раздаютъ различнымъ народамъ дипломы „высшихъ“ и „низшихъ“ расъ и доставляютъ тѣмъ самымъ предлогъ рядиться въ перья научности разнымъ невѣжественнымъ и челоѣконенавистующимъ „соціологамъ“ въ родѣ Дрюмона и т. п.

Обратимъ теперь вниманіе на второй вопросъ, насколько евреи могутъ считаться совершенно особой расой, не имѣющей никакого родства съ пресловутой „арійской“. Чтобы не удлинять напрасно статьи, я позволю себѣ ограничиться въ этомъ отношеніи самымъ существеннымъ и остановлюсь лишь на послѣднихъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдованіяхъ. Въ недавнемъ „приложеніи“ къ своему труду по „расовой географіи Европы“ извѣстный американскій ученый Вилліамъ Риплэй какъ разъ занимается вопросомъ объ антропологіи евреевъ и изучаетъ ихъ происхожденіе и этническія черты на основаніи многочисленныхъ данныхъ, какъ-то измѣреніе череповъ, демографическая статистика, и т. п. Особенно интересенъ добытый этимъ изслѣдованіемъ фактъ, что въ большинствѣ случаевъ евреи — брахицефалы и тѣмъ сильно отличаются отъ семитовъ, считаемыхъ „чистыми“, напр., арабовъ. Дѣйствительно, Риплэй указываетъ на то обстоятельство, что лишь евреи сѣверной Африки приближаются, повидимому, къ долихоцефалическому типу арабовъ. Прочіе же сефардимы (испанскіе евреи) и всѣ ашкеназимы (нѣмецко-литовскіе евреи),—а такихъ громадное большинство,—принадлежатъ къ рѣзкимъ брахицефаламъ. Спрашивается, измѣнилось-ли со временемъ строеніе ихъ черепа, или же всѣ семиты были первоначально короткоголовыми, и арабы представляютъ собою лишь вырожденіе типа. Риплэй примыкаетъ въ этомъ вопросѣ къ русскому изслѣдователю Икову и принимаетъ первую гипотезу. Согласно ей,

около девяти десятыхъ современныхъ евреевъ такъ отличаются по формѣ головы отъ родственнаго основнаго ствола, какъ только можно себѣ предста-

*) 1. с., стр. 317—320, *passim*.—Кстати, авторъ не безъ ироніи говорить въ прим. на стр. 318 о „смѣлыхъ соціологическихъ теоріяхъ“ нѣмца Аммона и француза Лапужа, которые, можно сказать, помѣшались на „блѣкурой долихоцефалической расѣ“ аріицевъ.

вить. Пресловутая чистота происхожденія евреевъ является поэтому миеомъ. Ренанъ былъ въ концѣ концовъ правъ, утверждая (въ 1883 г.), что названіе «еврей», по крайней мѣрѣ для русской и дунайской вѣтвей расы, уже давно потеряло всякое *этнографическое* значеніе. Или, какъ замѣчаетъ Ломброзо, современные евреи въ физическомъ отношеніи скорѣе арійцы, чѣмъ семиты *).

Такъ какъ рѣчь зашла о Ломброзо, общую мысль котораго передаетъ Риплэй, то замѣтимъ, что самъ итальянскій ученый выражается буквально слѣдующимъ образомъ:

Вообще же, понятіе объ этническомъ антагонизмѣ разсѣивается при свѣтѣ краниологін, которая показываетъ намъ, что еврей болѣе аріецъ, чѣмъ семитъ. На широкомъ арійскомъ основаніи соединились для образованія еврейской расы столь выгодное для человѣчества этническое скрещиваніе и еще болѣе полезныя измѣненія подъ влияніемъ различныхъ климатовъ. Это объясняетъ, почему, несмотря на столь многочисленныя причины отсталости, въ силу упомянутыхъ специальныхъ условий (включая сюда обиліе семитской крови, присутствіе которой несомнѣнно по крайней мѣрѣ для одной двадцатой части евреевъ), евреи такъ быстро основались съ арійскими обычаями, такъ ассимилировали арійскій интеллектъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ превзошли его. Это объясняетъ, наконецъ, почему, даже сохраняя свой особый характеръ, — результатъ родственныхъ браковъ и однородной и замкнутой въ себѣ жизни, — они такъ быстро сблизились съ арійскими народами, среди которыхъ жили **).

Въ самомъ дѣлѣ, не вдаваясь въ этнографическія подробности, мы все же можемъ констатировать нѣкоторые имѣющіе общее значеніе факты, которые опрокидываютъ ходячую теорію о нерастворимости еврейской расы. Не говоря уже о вышеупомянутомъ замѣчательномъ измѣненіи черепа, которое мы должны приписать смѣшенію расъ, общій типъ еврея измѣняется сообразно съ различною климатическою и этническою обстановкою, среди которой ему приходится жить. Всѣмъ извѣстна та разница, которая замѣчается между болѣе красивымъ, тонкимъ, такъ сказать, аристократическимъ типомъ западныхъ, такъ называемыхъ, испанскихъ евреевъ и болѣе грубымъ, массивнымъ и нерѣдко карикатурнымъ типомъ восточныхъ польско-нѣмецкихъ евреевъ. Если этнологи указываютъ на несомнѣнную близость перваго типа съ расовымъ элементомъ южной Европы, то очень солидные ученые въ родѣ Вирхова предполагаютъ во второмъ типѣ сильную примѣсь славянскихъ и финскихъ элементовъ. Не интересно-ли, съ другой стороны, что въ то время, какъ у южныхъ евреевъ чрезвычайно преобладаютъ брюнеты, среди евреевъ, живущихъ на сѣверѣ Европы, насчитывается по крайней мѣрѣ одна пятая часть блондиновъ? Сравните въ самомъ дѣлѣ южнаго еврея, типъ котораго подаетъ

*) William Z. Ripley, *The Racial Geography of Europe. A Sociological Study. Supplement. The Jews*; въ «Appletons' Popular Science Monthly»; Нью-Йоркъ, декабрь 1898 г. и январь 1899 г.; стр. 343 январьскаго номера.

**) Cesare Lombroso, *Gli Antisemitismo*; Туринъ, 1894. Я цитирую по французскому, мѣстами довольно плохому переводу со второго итальянскаго изданія: *L'Antisemitisme*; Парижъ, 1899, стр. 42.

поводъ къ курьезнымъ *qui pro quo* и смѣшеніямъ съ испанцемъ, итальянцемъ, французомъ-провансальцемъ, — вспомните лишь граціозно-юмористическое стихотвореніе Гейне о дочери алькада, — и еврея англійскаго, который зачастую заимствовалъ у чистаго британца его мягкіе, шелковистые, бѣлокурые волосы, его высокій лобъ, его голубые глаза. Да и въ южныхъ странахъ, хотя бы въ Италіи, обратите вниманіе на піемонтскаго еврея, который, подобно окружающей его расѣ, отличается круглымъ черепомъ и свѣтлыми волосами, и еврея венеціанскаго, который, такъ-же, какъ и населеніе этой мѣстности, обладаетъ наоборотъ четырехугольнымъ и удлинненнымъ черепомъ и черной шевелюрой. У евреевъ, встрѣчающихся среди оазисовъ сѣверной Африки, профиль бѣлой расы сочетается съ цвѣтомъ кожи негровъ. Въ Абиссиніи еврей, наоборотъ, сохранилъ почти столь же бѣлую кожу, какъ и европейцы; но за то его, такъ сказать, мѣстная этническая маска приукрасилась расплуснутымъ носомъ, толстыми губами и курчавыми волосами, чуть не шерстью негра.

А нашъ русскій, особенно польско-литовскій еврей, надъ которымъ по преимуществу изощряютъ свое остроуміе русскіе юдофобы, не замѣчающіе того, что въ этомъ, порою каррикатурномъ, типѣ комическія черты усиливаются неподходящею примѣсью именно нашихъ отечественныхъ красотъ фizioноміи: свѣтлорусыхъ кудрей, выдающихся скулъ и „носа картошкой на широкомъ основаніи“ (о каковомъ см. въ лекціяхъ по русской исторіи г. Ключевскаго). Съ другой стороны поставьте рядомъ съ этимъ типомъ типъ „воинствующаго Израиля“ на Кавказѣ, гдѣ вы не отличите горнаго еврея съ его высокимъ ростомъ, широкими плечами, орлинымъ носомъ и горящими глазами отъ какого-нибудь браваго лезгина, чеченца, черкеса или даже армянина, — оставившаго, кстати сказать, по наслѣдству извѣстныя черты своего носа еврею, какъ на то указываетъ знаменитый географъ Элизе Реклю, разрушившій съ своей стороны теорію о чистомъ семитическомъ происхожденіи евреевъ. Я оставляю въ сторонѣ упоминаніе о второстепенныхъ группахъ евреевъ въ родѣ, напр., тѣхъ которые живутъ въ Кохинѣ и поразительно напоминаютъ окружающихъ индусовъ.

Для того, кто занимался этнографіей, приводимыя мною указанія не составляютъ, впрочемъ, чего-либо новаго. Уже въ началѣ 90-хъ годовъ нѣмецкій ученый Лушанъ (Luschan) на основаніи очень обширныхъ изслѣдованій пришелъ къ заключенію, что современные евреи состоятъ, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ этническихъ элементовъ: семитовъ, арійцевъ (амонитовъ) и потомковъ древнихъ хиттитовъ. А историки уже давно указывали на факты смѣшанныхъ браковъ и религіознаго прозелитизма, благодаря чему много посторонней крови вливалось въ жилы „избраннаго народа“.

Эти явленія упорно отрицались съ двухъ сторонъ: и самими еврейскими патріотами и филосемитами, которые не могли допустить, чтобы къ ихъ столь старой, столь аристократической, столь „священной“ расѣ могли примѣшаться чуждые элементы „гоевъ“; и изувѣрами-юдофобами, которые, вывертывая на изнанку положенія своихъ противниковъ, съ не менѣ комичнымъ ужасомъ отрицали возможность смѣшенія „высшей арійской“ и „нисшей семитической“ породы. Но исторіи нѣтъ дѣла до юдофобовъ и филосемитовъ и до ихъ взаимной оцѣнки чистоты и высоты двухъ расъ. Факты на лицо и смѣются надъ ахами и охами двухъ тяжущихся сторонъ. Я лишь вкратцѣ укажу на главнѣйшія данныя по этому вопросу.

Вмѣсто, напр., традиціоннаго воззрѣнія на существованіе двѣнадцати чистыхъ колѣнъ современная наука представляетъ болѣе, чѣмъ вѣроятную гипотезу о примѣси уже въ это время къ евреямъ туранскихъ и кушитскихъ, т. е. желтыхъ и черныхъ племенъ, къ которымъ присоединились другіе этніческіе элементы во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ и завоеванномъ ими Ханаанѣ. При Осии скиены стучались у воротъ Іерусалима и оставили, по всей вѣроятности, этнологическіе слѣды своего столкновенія съ избраннымъ народомъ. Но въ особенности начиная съ перваго плѣненія усилилось скрещиваніе евреевъ съ окружающими племенами. Маймонидъ въ своей „Могущественной рукѣ“ (Ядъ-Хазака), говоритъ, что во время Вавилонскаго плѣненія евреи смѣшались съ такою массою различныхъ народностей, что дѣти, происшедшія отъ этого скрещиванія, воспроизвели нѣчто въ родѣ настоящаго новаго столпотворенія и смѣшенія языковъ. По возвращеніи же изъ плѣна они сблизились съ самаритянами, эдомитянами и моавитянами, а при завоеваніи Идумеи Гирканомъ, съ жителями этой страны. Позже, во время войны съ Римомъ, гордые легіонеры приживали дѣтей съ еврейками; и историки еврейскаго народа приводятъ наполовину горестный, наполовину юмористическій вопросъ, съ которымъ рабби-Улла обратился къ Іудѣ бэнъ-Егискилу: „да можемъ-ли мы и сами быть увѣрены, что не происходимъ отъ тѣхъ язычниковъ, которые по взятіи Іерусалима обезчестили дочерей Сіона“?

Не забудьте, кромѣ того, вліяніе религіозной пропаганды, которой евреи предавались съ такимъ пыломъ, что даже у классическихъ писателей осталось упоминаніе объ этой чертѣ евреевъ, усердно старавшихся о привлеченіи новыхъ прозелитовъ въ свою среду. „Какъ іудей, и мы принудимъ тебя вступить въ этотъ отрядъ (поэтовъ)“, восклицаетъ Гораций въ концѣ одной изъ своихъ сатиръ *). А Ювеналъ негодуетъ по то, что въ теченіе одного

*) Sermonum Lib. I, Sat. IV, 142—143:

... ac veluti te

Judaei, cogemus in hanc concedere furbam.

поколѣнія римлянинъ, затронутый еврейской пропагандой, успѣваетъ совсѣмъ ожидать: „Иные, которымъ выпалъ жребій родиться отъ отцовъ, соблюдающихъ сabbоту, ничему не поклоняются, кромѣ облаковъ и божества небесъ, не находятъ никакой разницы между человѣчьимъ мясомъ и свиной, отъ которой отецъ лишь просто воздерживался. Привыкнувъ презирать законы Рима, они изучаютъ и соблюдаютъ, и почитаютъ лишь іудейское право, которое передалъ въ тайной книгѣ Моисей; они не покажутъ и дороги никому, кромѣ тѣхъ, кто чтитъ одинаковыя съ нимъ святилища, и лишь однихъ обрѣзanceвъ доведутъ до источника, о которомъ ты спросишь ихъ“ *).

Въ первые вѣка христіанства еврейская пропаганда велась съ необыкновеннымъ жаромъ; и язычники, которые смѣшивали въ одну презираемую секту и евреевъ, и христіанъ, жалуются на опустошенія, производимыя въ ихъ средѣ прозелитизмомъ „іудеевъ“. Римъ, Александрія, Антиохія, Дамаскъ, Кипръ служатъ главнѣйшими очагами этой пропаганды, которая прибѣгаетъ не только къ убѣжденію, но и къ насилію. Мозаизмъ вербуетъ себѣ приверженцевъ не только среди язычниковъ, но и среди христіанъ; и напр., когда въ царствованіе императора Гераклія Венѣяминъ изъ Тиверіады завладѣваетъ Іудеей, палестинскіе христіане толпами переходятъ въ еврейство. Отсюда тотъ богословскій антисемитизмъ, который рано обнаружили христіанскіе отцы церкви. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вселенскіе соборы издають постановленія, имѣющія цѣлью помѣшать евреямъ заманивать вѣрующихъ, запретить имъ обрѣзаніе ихъ христіанскихъ рабовъ и браки съ христіанами. И, однако, всѣ эти мѣры, до самаго времени страшныхъ повсемѣстныхъ гоненій на евреевъ въ среднихъ вѣкахъ, не могли остановить іудейскаго прозелитизма, вызывавшаго временами настоящіе скандалы. Въ VI-мъ вѣкѣ духовныя лица совращаются въ іудейство, и между ними даже одинъ епископъ. Позже папамъ приходится противодѣйствовать этому прозелитизму спеціальными буллами, между которыми можно упомянуть буллу Климента IV въ 1255 г., Гонорія въ 1288 г. Вмѣшиваются и короли: Филиппъ Прекрасный на рубежѣ XIV-го столѣтія отдастъ приказъ королевскимъ судьямъ „наказывать евреевъ, которые склоняютъ хри-

*) *Juven. sat. XIV, 96—104:*

*Quidam, sortiti metuentem sabbata patrem,
Nil praeter nubes et coeli numen adorat.
Nec distare putant humana carne suillam,
Qua pater abstinuit; mox et praepudia ponunt:
Romanas autem soliti contemnere leges,
Judaicum ediscunt, et servant ac metuunt jus,
Tradidit arcano quodcumque volumine Moses:
Non monstrare vias, egdem nisi sacra colenti;
Quaesitum ad fontem solos deducere verpos.*

стіанъ къ своей вѣрѣ подарками“. Во всей Европѣ этотъ прозелитизмъ вливаетъ свѣжую чужую кровь въ жилы стараго еврейскаго народа. Особенно многочисленны обращенія въ еврейство среди испанцевъ: на Пиренейскомъ полуостровѣ рядъ соборовъ въ Толедѣ, уже начиная съ VI-го столѣтія, пытается запретить смѣшанные браки между хрістіанами и евреями. Въ XIII-мъ вѣкѣ одинъ изъ венгерскихъ архіепископовъ жалуется, что евреи вступаютъ въ сожительство съ хрістіанками, и вѣрующіе переходятъ въ іудейство цѣлыми тысячами. Въ XIV-мъ столѣтіи въ Швейцаріи власти издають особый декретъ, въ силу котораго хрістіанскія дѣвушки, прижившія дѣтей отъ еврея, наказываются тѣмъ, что должны носить и особыя еврейскія шляпы. Въ Польшѣ переходъ въ моисееву вѣру часто встрѣчается еще въ XVI-мъ столѣтіи, несмотря на указы Сигизмунда I.

Но, кромѣ скрещиванія съ такъ называемыми арійскими расами, евреи подвергаются скрещиванію съ урало-алтайскими племенами, которыя, можетъ быть, еще въ болѣе значительной степени обновляютъ своею кровью старую историческую расу. Еще до нашей эры евреи проникаютъ на сѣверные и восточные берега Чернаго моря, какъ о томъ свидѣлствуютъ греческія надписи въ Анапѣ, Ольвіи и Пантікапей. Въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкахъ они эмигрируютъ изъ предѣловъ бывшаго Вавилонскаго царства и доходятъ до населенныхъ туркскими племенами городовъ Керчи на Азовскомъ морѣ, Дербента на Каспійскомъ, и т. д. Въ началѣ VII-го вѣка они обращаютъ въ свою вѣру хазаровъ, жившихъ въ нижнемъ бассейнѣ Волги, Дона и Днѣпра и въ свою очередь занимавшихся, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, удачною пропагандою между славянскими племенами полянъ, сѣверянъ и вятичей. Въ XII-мъ вѣкѣ, цѣлыя татарскія племена Кавказа переходятъ въ моисееву вѣру, по сообщенію путешественника Петагіи изъ Регенсбурга. Въ XIV-мъ столѣтіи, между полчищами Мамай, наводнившими смежныя съ Кавказомъ страны, встрѣчаются и многочисленныя группы евреевъ, которые смѣшиваются здѣсь съ урало-алтайскими племенами и, какъ мы раньше видѣли, состоятъ въ близкомъ родствѣ съ горными кавказскими народцами.

Такъ исторія отвѣчаетъ на традиціонное, но фальшивое представленіе о чистотѣ и нерастворимости еврейской расы. Но это нисколько не можетъ помѣшать намъ вмѣстѣ съ Бернаромъ Лазаромъ, этимъ замѣчательно безпристрастнымъ изслѣдователемъ судьбы своего племени, задаться вопросомъ, не представляютъ-ли всетаки собой евреи особой національности по своей психологіи, и не объясняется-ли этимъ вражда къ нимъ со стороны окружающихъ ихъ націй. Дѣйствительно, говоритъ Бернаръ Лазаръ,

то, что называютъ неподходящимъ терминомъ расы, представляетъ собой не этнологическое единство, но единство историческое, умственное и нравствен-

ное. Евреи не народъ въ этническомъ смыслѣ, но цѣлѣ національности; правда, среди нихъ замѣчаются различныя типы, но какая же нація не разнообразна въ этомъ отношеніи? То, что дѣлаетъ людей народомъ, такъ это не единство происхожденія, но единства чувствъ, мысли и этики. Посмотримъ, не представляютъ-ли евреи этого единства и не найдемъ-ли мы въ этомъ обстоятельстве тайны питаемаго къ нимъ враждебнаго чувства *).

Я не буду входить въ подробности аргументаціи этого серьезнаго изслѣдователя, фактами и выводами котораго я, однако, часто пользуюсь здѣсь тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что авторъ можетъ служить положительно образцомъ объективнаго и вдумчиваго отношенія къ своей родной національности. У него мы можемъ учиться благородному идейному безстрашію, съ которымъ должны трактоваться вопросы національнаго патріотизма. Я позволю себѣ указать лишь на общій выводъ Б. Лазара, но ставя этотъ выводъ на болѣе широкое соціологическое основаніе, чѣмъ дѣлаетъ это самъ авторъ, занимающійся вопросомъ преимущественно съ исторической и культурной стороны. Выводъ этотъ можно резюмировать такъ: большинство евреевъ всегда сохраняло и сохраняетъ еще до сихъ поръ вѣру въ свою особую національность, основанную на религіи, которая, благодаря своему теократическому характеру, регулируетъ не одни духовныя, но и свѣтскія отношенія человѣка къ окружающимъ, являясь для него не только богословскимъ принципомъ, но основаніемъ его юридическихъ, экономическихъ, политическихъ, даже мелко-будничныхъ нормъ жизни и мысли. Эта религіозно-национальная исключительность проходила красною нитью чрезъ всю исторію „избраннаго народа“. Она окристаллизовалась въ Талмудѣ. Она достигла своего апогея въ эпоху средневѣковыхъ преслѣдованій, когда къ ужасному давленію со стороны христіанскихъ властей и дикимъ взрывамъ христіанскихъ массъ присоединилась внутри самаго еврейства свирѣпая борьба раввинистовъ, этихъ учителей религіозно-национальныхъ традицій, противъ попытокъ либеральной еврейской мысли, пытавшейся примирить свѣтскую философію и науку съ догматомъ. Отсюда возникъ рядъ человѣконенавистническихъ предписаній и проклятій противъ гоевъ, подъ которыми, главнымъ образомъ, разумѣлись тѣ отступники отъ еврейства, что переходили на сторону враговъ его и, зная слабые пункты талмудизма, били раввинистовъ ихъ же оружіемъ.

Присоедините къ этому религіозно-национальную солидарность, которая связывала въ одно цѣлое разбросанныя общины евреевъ и которая должна была доставить имъ преимущество по мѣрѣ того, какъ въ христіанскомъ обществѣ вырабатывалась отнюдь не христіанская война всѣхъ противъ всѣхъ на почвѣ экономической конкуренціи и столкновенія классовыхъ интересовъ. При-

*) Bernard Lazare, *L'antisémitisme, son histoire et ses causes*; Парижъ, 1894, стр. 272.

бавьте къ этому естественный циклъ развитія, который пробѣгала эта старая раса, которая, особенно со времени разсѣянія, уже успѣла выработать промышленный и торговый классъ и послать представителей его на завоеваніе видныхъ коммерческихъ постовъ среди гораздо болѣе молодыхъ и отсталыхъ народностей Европы, занятыхъ въ эту пору по преимуществу земледѣліемъ. Прибавьте, наконецъ, запрещеніе вѣрующимъ, со стороны средневѣковой церкви, и заниматься отдачей денежныхъ капиталовъ въ ростъ, что, благодаря исторической необходимости этой эксплуататорской, но фатальной функціи, вызвало притокъ и заполненіе этой сферы евреями. Присоедините, наконецъ, къ этому общій рядъ мѣръ со стороны правительствъ противъ евреевъ, мѣръ, которыя шли навстрѣчу усиливавшемуся выдѣленію еврейства изъ среды окружавшихъ ихъ націй и въ свою очередь обостряли это обособленіе. Таковы элементы, изъ которыхъ слагалось изолированіе еврейства въ качествѣ какого-то посторонняго тѣла въ общественномъ организмѣ, причемъ фанатизированному чувству гордости у подавляемой національности соответствовало чувство антипатіи, презрѣнія и ненависти среди христіанскихъ народностей.

Я сказалъ раньше, что фактъ религіозно-національнаго обособленія евреевъ слѣдуетъ поставить на широкое соціологическое основаніе. Дѣйствительно, какова основная причина этого обособленія евреевъ въ особый народъ, несмотря на отсутствіе, какъ мы видѣли, единства происхожденія? Это первобытный характеръ ихъ религіи, которая является не только духовною, но гражданскою и политическою связью между евреями. Словно эрратическій камень первобытныхъ формаций, еврейство лежитъ съ своимъ теократизмомъ среди совершенно иныхъ современныхъ наслоеній. Евреи платятъ тяжелую дань всевозможнымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ въ сущности лишь потому, что остались представителями античнаго, теократическаго, узко-національнаго строя давно пережитыхъ временъ, и притомъ представителями, развѣвившими своеобразную, довольно высокую культуру, а потому приходящими въ фатальное столкновеніе съ нашей современной культурой. Но что эта черта не есть лишь исключительная принадлежность евреевъ, а всего античнаго міра, извѣстно всякому, кто знакомъ съ цивилизаціей этого періода. Я — страстный поклонникъ античной, особенно же греческой цивилизаціи, которая привлекаетъ меня столькими своими сторонами. Но это поклоненіе нисколько не закрываетъ мнѣ глаза на непомѣрное развитіе религіознаго элемента въ древнемъ мірѣ, который въ сущности не зналъ настоящей свободы мысли, потому что ставилъ въ неразрывную связь съ религіознымъ обрядомъ политическую и національную жизнь гражданъ. Орлиный полетъ критической и творческой мысли былъ результатомъ пышнаго расцвѣта человѣческой индивидуальности, которая развилась не столько благодаря, сколько

вопреки этому теократически - национальному характеру древней цивилизации.

Юдофобы любятъ, напр., подсмѣиваться надъ непомернымъ обиліемъ религіозныхъ формулъ, при самыхъ обыденныхъ актахъ жизни, загоняющихъ въ колодки правовѣрнаго еврея. Но тотъ, кто изучалъ греко-римскій міръ, знаетъ, что таково было свойство и классической религіи. Я прошу читателей, которымъ некогда проверять такое положеніе, припомнить хотя бы, что говорить по этому вопросу Фюстель-де-Куланжъ въ своей извѣстной работѣ по исторіи „античнаго государства“, въ столь сильной степени опиравшагося, по словамъ ученаго изслѣдователя, на религіозный—и замѣтите при этомъ—строго обрядовый элементъ.

Тогда религія вмѣшивалась во всѣ акты жизни какъ на войнѣ, такъ и во время мира. Она повсюду присутствовала, она охватывала человѣка. Душа, тѣло, личная жизнь, жизнь общественная, пиры, праздники, народныя собранія, трибуналы, войны, все было въ рукахъ государственной религіи. Она управляла всѣми дѣйствіями человѣка, располагала всѣми моментами его жизни, закрѣпляла всѣ его привычки. Она руководила человѣческимъ существомъ съ такимъ безусловнымъ авторитетомъ, что внѣ ея не оставалось ничего *).

Еврей, говорятъ намъ, шагу не можетъ ступить безъ самыхъ нелѣпыхъ обрядностей, и ему приходится все время, что называется, хитрить и надувать свое гнѣвное божество, чтобы слѣдовать буквѣ Талмуда и въ то же время имѣть возможность жить и исполнять необходимыя требованія будничной жизни: на этотъ счетъ существуетъ цѣлый коробъ анекдотовъ у господъ антисемитовъ. Но что они сказали-бы, если-бы знали путемъ, въ какой степени обрядовая формула опутывала древняго грека и римлянина? Какое мясо ѣсть, и какого не ѣсть при жертвоприношеніи; какую одежду носить и какой не носить; какимъ ножомъ рѣзать и какимъ не рѣзать; въ какую позу становиться, читая извѣстную формулу; къ какому божеству обращаться при исполненіи самонадѣянаго акта; какое знаменіе подстерегать при выходѣ изъ дому; какихъ знаковъ дожидаться при открытіи военной кампаніи; какъ предотвратить дурное предвозвѣстіе; какой день счастливый и какой несчастный; какія внутренности у жертвы чисты и какія нечисты, и т. д., и тысячу разъ и т. д.,—всѣ эти безконечныя предписанія цѣлою сѣтью опутывали жизнь общественнаго дѣятеля и частнаго человѣка. И педантическая точность, съ какою обитатель Греціи или Рима старался пройти въ такую, а не иную петлю этой сѣти, по истинѣ заслуживаетъ удивленія. Читайте у Тита-Ливія описаніе походовъ знаменитаго Камилла, или у Геродота эпизоды великой

*) Fustel de Coulanges, *La cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome*; Парижъ 1900, 17-е изд., стр. 193—194.

борьбы между персами и греками, или у Плутарха рассказъ объ экспедиціи аеинянъ подъ начальствомъ Никія — и вы не въ состояніи отдѣлаться отъ той мысли, что эти герои древности, которыхъ псевдо-античный романтизмъ нашего времени перелицовываетъ и перекрашиваетъ въ современныхъ великихъ людей, были не только славными воинами и образцовыми гражданами, но и первосвященниками, жрецами, педантами-изувѣрами, которые по части соблюденія обрядовъ заткнутъ за поясъ любого талмудиста. Пусть читатель просмотритъ хотя-бы у того-же Фюстель-де-Куланжа характеристику „римлянина и аеинянина“ и описаніе ихъ времяпрепровожденія въ теченіе цѣлаго дня *).

Намъ говорятъ точно также о свирѣпомъ націоналистическомъ духѣ, которымъ пропитана еврейская доктрина, особенно въ Талмудѣ. Но опять-таки эта вражда къ чужестранцу, это презрѣніе, это въ лучшемъ случаѣ недовѣріе къ нему и выдѣленіе его изъ общественнаго національнаго союза, — развѣ все это не является основною чертою всего древняго міра? Вспомните, какъ греки обращались съ чужестранцами, которымъ разрѣшеніе вступать въ бракъ съ гражданами даннаго города (ἐπιγαμία) или приобрѣтатъ здѣсь собственность (ἐκχτήσις γῆς καὶ οὐχίας) давалось лишь въ случаѣ формальнаго трактата съ чужимъ государствомъ или же какъ вознагражденіе за исключительныя заслуги, тогда какъ обыкновенно иностранцы были совершенно безправны, но платили тяжелыя спеціальныя подати **). А римское законодательство двѣнадцать таблицъ съ его вѣчнымъ правомъ на то, что разъ римлянинъ взялъ у чужестранца, — который обозначался, кстати сказать, однимъ словомъ *hostis* наравнѣ съ врагомъ: *adversus hostem aeterna auctoritas esto*? Лишь постепенно въ греко-римскомъ мірѣ вырабатывались универсалистическая религія и всеобщая, чуждая націонализма этика. Только въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. появляется впервые, если не ошибаюсь, такая яркая формулировка космополитизма, какую мы встрѣчаемъ у Демокрита: „для мудраго мужа открыта вся земля; ибо весь міръ служитъ отечествомъ доблестной душѣ“. Только во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. зазвучитъ глубоко гуманитарная фраза Теренція: „я человѣкъ, и ничто человѣческое не считаю чуждымъ себѣ“ (*homo sum, humani nil a me alienum puto*). Съ другой стороны, болѣе раннее моисеево законодательство, если подчеркиваетъ элементъ національной солидарности, — напр., въ словахъ: „не мсти и не злопамятствуй противъ сыновъ народа твоего; но возлюби ближняго, какъ самаго себя“ ***), — то и по отношенію къ чужестранцу предписы-

*) I. с. стр. 254—264.

**) Ср. G. Busolt, *Staats- und Rechtsaltertümer* въ первой половинѣ IV-го тома руководства: Iwan Müller, *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft*: Нёрдлингенъ, 1887, стр. 13—15.

***) Левит., XIX, 18.

ваетъ человѣчное обращеніе, оставляющее за собою первобытныя воззрѣнія Греціи и Рима: „если пришлецъ поселится въ странѣ вашей, то вы не должны причинять ему несправедливости. Пришлецъ, поселившійся съ вами, пусть будетъ для васъ наравнѣ съ тѣмъ, кто родился среди васъ, и вы возлюбите его, какъ самихъ себя; ибо и вы были пришельцами въ землѣ египетской“ *). Такимъ образомъ, разниа между еврейскимъ первобытнымъ націонализмомъ и между греко-римскимъ первобытнымъ націонализмомъ будетъ скорѣе въ пользу еврейскаго міровоззрѣнія, какъ болѣе гуманнаго, по крайней мѣрѣ въ приведенномъ нами случаѣ.

Но юдофобы указываютъ намъ на Талмудъ, господство котораго надъ умами евреевъ достигло особенной силы, начиная съ XIV-го столѣтія, когда возникшее было въ предшествовавшую эпоху движеніе свободной философской мысли среди еврейства было задавлено фанатическими приверженцами религіозныхъ традицій. Дѣйствительно, Талмудъ проникнутъ духомъ ужасной національной исключительности и вражды къ иностранцамъ, т. е. иновѣрцамъ. Но я уже мимоходомъ замѣтилъ выше, что наиболѣе сильныя проклятія, расточаемыя гоимъ, выражаютъ прежде всего ненависть религіозно-національнаго союза евреевъ противъ ренегатовъ, переходившихъ въ ряды христіанъ и дававшихъ лишнюю пищу преслѣдованіямъ и угнетенію своихъ прежнихъ соотечественниковъ. Обратите, съ другой стороны, вниманіе на эти преслѣдованія и на весь духъ средневѣковья: вы найдете среди проповѣдниковъ христіанской любви достойныхъ соперниковъ свирѣпой іудейской морали. Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь рабби Іохай разражался кровожаднымъ афоризмомъ противъ не евреевъ: „если встрѣишь и самаго лучшаго гоя, то, не колеблясь, убей его“, то съ другой стороны Людовикъ IX, прозванный святымъ за свои добродѣтели, не говорилъ ли, что наилучшій способъ теологическаго спора съ евреями это „пырнуть его кинжаломъ въ брюхо“ (*lui bouter de la dague dans le ventre*, на наивномъ французскомъ языкѣ того времени), а папа Урбанъ III не писалъ ли въ одной изъ своихъ буллъ: „всякій имѣетъ право убить отлученнаго отъ церкви, разъ дѣлаетъ это изъ ревности къ вѣрѣ“? Думаю, что христіане и евреи стояли другъ друга въ это мрачное время общаго фанатизма и религіозной ненависти.

Итакъ, для читателя, надѣюсь, стало достаточно ясно, что причины вражды между евреями и окружающими ихъ народами лежатъ, главнымъ образомъ, въ столкновеніи между первобытнымъ религіозно-національнымъ міровоззрѣніемъ „избраннаго народа“ и все болѣе и болѣе свѣтской и общечеловѣческой цивилизаціей нашей эпохи. По мѣрѣ того, какъ это арханческое міросозерцаніе еврейства уступаетъ мѣсто современнымъ идеямъ, стирается

*) Левит., XIX, 33—34.

и исключительная національность евреевъ. И можно пожалѣть лишь, что неблагоприятныя историческія условія и часто повторяющіяся недоразумѣнія мѣшаютъ общечеловѣческому прогрессу охватить еврейскія массы, а позволяютъ ему проявляться надлежащимъ образомъ лишь среди выдающагося интеллигентнаго меньшинства.

Все сказанное мною прилагается къ евреямъ въ любой странѣ, хотя съ болѣе или менѣе значительными поправками, въ зависимости отъ каждой мѣстной цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ, общая постановка вопроса на предыдущихъ страницахъ расчистила намъ путь для изображенія антисемитизма во Франціи; и мнѣ остается лишь коснуться специально французскихъ условій, уже не возвращаясь болѣе къ общимъ историческимъ и соціологическимъ соображеніямъ. Со времени изгнанія евреевъ изъ средневѣковой Франціи по декрету Карла VI отъ 17-го сентября 1394 г. и до возвращенія ихъ въ революціонную Францію, двери которой были имъ формально открыты голосованіемъ Національнаго Собранія отъ 27-го сентября 1791 г., т. е. значитъ въ теченіе почти четырехсотъ лѣтъ, на территоріи „христіаннѣйшаго королевства“ жило очень мало адептовъ моисеева закона. Лишь въ Бордо, благодаря привиллегіямъ королей, существовала довольно большая колонія исключительно португальскихъ евреевъ, часть которыхъ очень разбогатѣла морской торговлей. Во всѣхъ же остальныхъ городахъ Франціи, не исключая и Парижа, евреи были въ очень незначительномъ числѣ; и администрація, собственно говоря, не разрѣшала имъ пребыванія, а лишь терпѣла его. Только въ приобрѣтенномъ отъ Германіи Эльзасѣ еврейскій элементъ мѣстами игралъ замѣтную роль въ населеніи. Но по мѣрѣ того, какъ философскія и гуманитарныя идеи „вѣка просвѣщенія“ проникали въ умы, отношеніе къ евреямъ со стороны христіанскаго населенія смягчалось все болѣе и болѣе; и декретъ Національнаго Собранія, признававшій за евреями право быть французскими гражданами, выражалъ преобладающія стремленія лучшихъ людей того времени. Съ тѣхъ поръ до самаго недавняго времени или, точнѣе сказать, до половины 80-хъ годовъ еврей былъ не только полноправнымъ гражданиномъ, но и вполне законнымъ членомъ французскаго общества, причемъ вліяніе этой энергичной и способной „расы“ возрастало не только въ общественномъ, но и въ политическомъ смыслѣ. Это именно и даетъ поводъ пресловутому Дрюмону такими словами охарактеризовать судьбы еврейства во Франціи XIX-го вѣка:

Въ 1790 г. еврей появляется у дверей; во время первой республики и первой Имперіи онъ входитъ, шляется и ищетъ мѣста; при реставраціи и во время іюльской монархіи онъ усаживается въ салонъ; во время второй имперіи

онъ ложится въ чужую постель; при третьей республикѣ онъ начинаетъ изгонять французовъ изъ ихъ же дома или заставляетъ ихъ работать на себя. Въ 1890 г. (это пророчество Дрюмона относится къ 1886 г. Н. К.), если только у насъ останется еще, какъ я надѣюсь, довольно скрытой энергіи, чтобы спасти себя отъ надвигающейся смерти, еврей долженъ будетъ вернуться къ своему отправному пункту и оптомъ возвратитъ все то, что онъ нагребилъ по мехочамъ у черезчуръ гостепріимныхъ и довѣрчивыхъ людей *).

Намъ дѣла нѣтъ до лубочныхъ изображеній Дрюмономъ могущества евреевъ. Но что касается до пророчества относительно ихъ будущей экспроприаціи, интересно отмѣтить тотъ фактъ, что если въ 1890 г. и не наступило такого событія, то къ этому времени относится замѣтное усиленіе антисемитизма не только въ печати, но и въ обществѣ. А въ самые послѣдніе годы, на рубежѣ XX-го столѣтія, юдофобство вспыхнуло столь яркимъ пламенемъ, что поразило своею неожиданностью и силою самыхъ внимательныхъ и вдумчивыхъ наблюдателей французской жизни. Для объясненія такого явленія намъ придется пристально взглянуть въ элементы, которые соединились для того, чтобы вызвать этотъ взрывъ антисемитизма. Въ самомъ началѣ статьи я упомянулъ о томъ фактѣ, что численно евреи представляютъ собою незначительную долю населенія страны. Откуда же такое несоотвѣтствіе между пропорціею „семитовъ“ и интенсивностью ненависти къ нимъ? Какъ и съ кѣмъ сталкиваются здѣсь евреи, чтобы внушить своими „противуобщественными инстинктами“ вражду „французовъ Франціи“? Вѣдь для того, чтобы быть не академическимъ, а глубоко-жизненнымъ вопросомъ, антисемитизмъ долженъ же все-таки опираться на реальные факты эксплуатаціи евреями коренного населенія или, по крайней мѣрѣ, на явленія, которыя можно истолковать въ смыслѣ этой эксплуатаціи. Каковы же факты?

Посмотримъ, изъ какихъ группъ слагается французское еврейство, и въ какихъ точкахъ соприкосновенія сотня тысячъ евреевъ причиняетъ столь нестерпимыя, по словамъ юдофобовъ, страданія 38 милліонамъ „арійцевъ“. Рѣзче всего, конечно, бросается въ глаза группа королей капитала, которые служатъ для антисемитовъ исходнымъ пунктомъ ихъ демагогическихъ разглагольствованій, имѣющихъ цѣлью убѣдить, что каждый еврей это непременно эксплуататоръ и маленькій Ротшильдъ. Кто, дѣйствительно, не слышалъ отъ Дрюмона и его приспѣшниковъ, что изъ 80 милліардовъ франковъ, составляющихъ общую сумму движимаго имущества Франціи, 20 милліардовъ, т. е. цѣлая четверть принадлежатъ евреямъ. Оставимъ въ сторонѣ невозможную провѣрку этой юдофобской статистики; допустимъ, что это не фантастическая цифра, а выраженіе дѣйствительности. Интересно знать, кто же является обладателями этой грандіозной суммы. Уже самый харак-

*) Edouard Drumont, *La France Juive. Essai d'histoire contemporaine*. Парижъ 139-е изд., т. I, стр. 337.

теръ движимой собственности показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ о денежныхъ капиталахъ. Но если наиболѣе крупныя состоянія, оперирующія въ сферѣ денежнаго хозяйства, принадлежатъ во Франціи дѣйствительно евреямъ въ родѣ Альфонса Ротшильда, Эрлангера, Камондо, то спрашивается, многоли насчитается такихъ грандіозныхъ капиталистовъ — семитовъ, которые, кстати сказать, принадлежатъ по своимъ операціямъ къ категоріи всемірныхъ эксплуататоровъ, хотя и живущихъ во Франціи? Съ кѣмъ соприкасаются эти властелины биржи и банка, на какихъ „французовъ Франціи“ обрушивается золотая артиллерія ихъ милліардовъ, кого изъ дѣйствительныхъ производителей страны они эксплуатируютъ? Если оставить въ сторонѣ падающіе на каждого гражданина платежи по государственнымъ займамъ, платежи, видная, но не исключительная пропорція которыхъ течетъ въ карманы первостепенныхъ еврейскихъ капиталистовъ, кредитующихъ государство, то не видишь, какими непосредственными присосами какой-нибудь Ротшильдъ извлекаетъ изъ рядового француза золотую влагу „всеобщаго эквивалента“. Трудящіеся массы, эти вѣчныя плательщицы столь же христіанскихъ, сколько и еврейскихъ кредиторовъ правительства, не вступаютъ ни въ какія прямыя отношенія съ царями биржи. Ротшильдъ страшнѣе не имъ, а тѣмъ соперникамъ „этого королевскаго тигра изъ Палестины“, — какъ я назвалъ однажды въ печати знаменитаго барона, — который своимъ рычаніемъ отгоняетъ отъ лакомыхъ кусковъ спекуляціи всѣхъ этихъ волковъ и шакаловъ биржевого капитала. Но какое дѣло настоящему народу до лавинаго дѣлежъ, производящагося въ верхахъ капиталистической храмины, въ сферѣ биржи и банка, между еврейскими королями обмѣна и ихъ христіанскими вассалами — спекуляторами, которые пытаются порою бороться противъ удивительнаго нюха и могучихъ капиталовъ семитовъ?

Вспомните, напр., отчаянную игру на биржѣ, ознаменовавшую четырехлѣтнія операціи (1878—1882) католическаго банка, извѣстнаго подъ официальнымъ названіемъ „Union générale“, игру, въ результатѣ которой пресловутый администраторъ его Бонту, взогнавъ временно 125-франковыя акціи до 3200 фр., опципаль своихъ легитимистскихъ и клерикальныхъ кліентовъ на 212 милліоновъ. Что выигралъ или проигралъ настоящий народъ отъ этого краха, хотя извѣстно, что Бонту, эксплуатировавшій католическо-монархическія чувства своихъ акціонеровъ, громко заявлялъ о своемъ походѣ противъ еврейскихъ капиталовъ и былъ въ отмѣстку раздавленъ именно этими капиталами? Золя, который въ своихъ „Деньгахъ“ рисовалъ въ лицѣ Саккара портретъ съ Бонту, прекрасно изобразилъ всю психологію этого католическаго антисемита, „тѣмъ болѣе ненавидѣвшаго евреевъ, что онъ въ сущности восторгался ими, завидовалъ ихъ поразительнымъ фи-

нансовымъ способностямъ“ и т. д. Ясно, что противъ крупнѣйшихъ биржевыхъ и финансовыхъ капиталистовъ изъ племени Сима пламя искренняго антисемитизма можетъ пылать лишь въ груди ихъ неудачныхъ конкурентовъ-христіанъ; да и пылать-то лишь потому, что Ротшильдъ и другіе евреи болѣе успѣшно занимаются биржевою эксплуатаціей „простофиль“ (gogos на французскомъ дѣловомъ жаргонѣ), добывающихся легкой наживы при помощи спекулятивной игры своими капиталами и капиталъцами. Если, значитъ, вы прибавите къ крупной биржевой буржуазіи только-что упомянутыхъ простаковъ-спекуляторовъ и мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, которые въ послѣднее время раздавливаются фатальнымъ процессомъ концентрации капиталовъ и жалуются, и ропшутъ на всѣхъ и на все, и отыскиваютъ повсюду враговъ, а въ томъ числѣ среди евреевъ, то вы исчерпаете этимъ почти всѣ горючіе матеріалы антисемитизма среди дѣловой буржуазіи.

Въ области индустріи евреи, дѣйствительно, играютъ лишь второстепенную роль: между фабрикантами, владѣльцы наиболѣе крупныхъ копей, металлургическихъ, сахарныхъ и т. п. заводовъ—христіане, да и вообще очень значительное большинство фабричныхъ предпріятій принадлежитъ во Франціи представителямъ „арійской расы“. Но еще интереснѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что самые крупныя коммерческіе дома въ родѣ гигантскихъ магазиновъ „Бонмаршэ“, „Весны“, „Самаритянки“, бакалейной Потэна, тоже по большей части находятся въ рукахъ чистыхъ французовъ. Соответственно этому, реальнаго, т. е. непосредственнаго, не навѣяннаго со стороны антисемитизма вы мало найдете среди рабочихъ и служащихъ, пристегнутыхъ къ колесу крупнаго капиталистическаго производства и крупной торговли. Въ особенности же фабричныя и заводскіе рабочіе чужды юдофобства, и на народныхъ собраніяхъ рѣзкая критика Ротшильда бываетъ направлена всегда противъ него, лишь какъ крупнѣйшаго капиталиста, а не какъ еврея. Рабочіе самымъ складомъ жизни, самыми условіями дѣйствительности приведены къ тому, что для нихъ борьба труда съ капиталомъ принимаетъ характеръ социальной, а отнюдь не расовой и не религіозной борьбы.

Можетъ быть, нѣкоторое обостреніе реальнаго антисемитизма замѣчается въ послѣдніе годы на границѣ между классомъ рабочихъ и классомъ капиталистовъ, среди той промежуточной группы непосредственныхъ производителей, которая состоитъ изъ ремесленниковъ и одними своими признаками примыкаетъ къ представителямъ труда, а другими къ представителямъ капитала. Но на возникновеніе и усиленіе юдофобства въ только-что упомянутой средѣ вліяютъ причины, похожія на тѣ, съ которыми мы встрѣтились немного выше, говоря о тяжеломъ положеніи

мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ: и среди ремесленниковъ общее развитіе крупнаго производства вліяетъ на ухудшеніе условій существованія; и подѣ вліяніемъ этого ухудшенія мелкій мастерокъ-хозяинъ готовъ искать всюду виновниковъ своего обострившагося положенія, и находитъ ихъ, между прочимъ, между евреями. Какъ бы то ни было, въ тѣхъ центрахъ, гдѣ развито ремесло, напр. въ Парижѣ, и гдѣ существуетъ въ этой области извѣстная конкуренція со стороны евреевъ, тамъ соперничающіе съ ними христіане не могутъ безъ натяжки говорить о владычествѣ семитовъ: ремесленники-евреи, всѣ эти оптики, часовщики, портные, переплетчики и т. п.—столь же безжалостно оттираются крупнымъ капиталомъ, какъ и ихъ „арійскіе“ собратья, не говоря уже о сравнительно незначительномъ числѣ семитовъ, теряющихся въ массѣ парижскихъ мастерковъ. Можетъ быть, нѣсколько болѣе рѣзкое отношеніе замѣчается во взглядѣ этой группы трудящихся на недавно переселившихся изъ Россіи бѣдныхъ евреевъ, которые осѣли въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, занимаются шапочнымъ и картузнымъ ремесломъ и, благодаря низкой степени своихъ потребностей, сбиваютъ цѣну на производимые ими предметы. Но это враждебное отношеніе ничѣмъ не отличается отъ чувствъ антипатіи, питаемыхъ французскими рабочими къ ихъ пришлымъ конкурентамъ изъ Бельгіи, Германіи, Италіи, Швейцаріи, довольствующимся болѣе незначительной заработной платой.

За то антисемитизмъ процвѣтаетъ довольно изрядно среди представителей недвижимаго капитала, особенно среди земельных собственниковъ, заключающихъ въ своихъ рядахъ очень замѣтную пропорцію аристократовъ или тянущихся въ аристократію буржуа. Въ основаніи антисемитизма этой общественной категоріи лежатъ общія соціально-экономическія причины, которыя на извѣстной ступени народно-хозяйственной эволюціи заставляютъ оттираемыхъ на задній планъ владѣльцевъ земельного капитала съ завистью и злобою смотрѣть на все усиливающихся фабричныхъ, а въ особенности денежныхъ капиталистовъ. А такъ какъ семиты представляютъ наиболѣе способныхъ и энергичныхъ, хотя далеко не единственныхъ агентовъ этой эволюціи, то землевладѣльцы уже издавна привыкаютъ смотрѣть на евреевъ, какъ на виновниковъ на самомъ то дѣлѣ фатальнаго хода вещей. Ростовщичество, ипотека и переходъ земельной собственности въ руки денежныхъ капиталистовъ кажутся землевладѣльческому классу непосредственнымъ слѣдствіемъ вторженія еврея въ экономическую жизнь страны.

Не мѣшаетъ кстати отмѣтить тотъ фактъ, что пока представители фабричнаго и денежнаго капитала были вовлечены въ исторически неизбѣжную борьбу противъ земельного капитала, они опирались на содѣйствіе еврейскихъ капиталистовъ и не могли нахвалиться ихъ „прогрессивною ролью“. Вспомните хотя

бы могущество и почетъ, которыми пользовались всё эти Исааки Перейры и Миресы во время второй имперіи, когда „арійскій“ капиталъ съ энтузіазмомъ шель по указанному сынами Израиля пути обширныхъ желѣзнодорожныхъ и банковыхъ операцій. Лишь по завершеніи этого цикла капиталистическаго развитія, поведшаго къ преобладанію денежной и фабричной эксплуатаціи надъ эксплуатаціею земельною, христіанскіе фабриканты и биржевики утратили первоначальный пылъ своего дѣловаго юдофильства и стали все чаще и чаще щипать гитару антисемитизма. На нашихъ глазахъ этотъ поворотъ въ воззрѣніяхъ христіанскихъ капиталистовъ ярко обозначился въ Алжиріи. Здѣсь пока еврейскій капиталъ расхищалъ общинную собственность арабовъ, онъ пользовался ободреніемъ и покровительствомъ „французовъ Франціи“; а какъ только, согласно фатальному закону разбуханія, подвергъ эксплуатаціи и французскихъ колонистовъ и собственниковъ, то вызвалъ свирѣпое антисемитическое движеніе среди заинтересованныхъ дѣльцовъ „арійской расы“ *). И теперь жертвами этого движенія являются какъ разъ еврейскіе пролетаріи Алжиріи, изнемогающіе въ непосильной работѣ...

Но возвратимся къ антисемитизму аристократіи и вообще земельныхъ собственниковъ. Не смотря на яркія проявленія юдофобства въ этихъ слояхъ, и тутъ было-бы несправедливо не сдѣлать нѣкоторыхъ очень существенныхъ оговорокъ. Дѣло въ томъ, что душа здѣшняго представителя „благородныхъ“ традицій разорвана на двѣ части въ вопросѣ антисемитизма: если потомокъ средневѣковаго сеньера или пролѣзшій въ аристократію буржуа—обуреваемъ по отношенію къ еврею злобнымъ чувствомъ неплатнаго должника, то въ то же время онъ не безъ нѣжности взираетъ на еврейскій капиталъ, съ которымъ онъ чрезвычайно охотно вступаетъ во всяческія степени родства и свойства. Не была-ли въ печати дана статистика смѣшанныхъ браковъ между христіанами и іудеями, статистика, изъ которой оказывается, что, по меньшей мѣрѣ, три десятка самыхъ аристократическихъ фамилій Франціи связаны родственными узами съ чистокровными евреями? Особенно усердствуютъ по этой матримоніальной части молодые шалопаи изъ прогорающихъ знатныхъ семей, всё эти захудалые маркизы, графы и бароны, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, женятся на дочеряхъ Сіона, чтобы покрыть новой позолотой еврейскихъ миллионеровъ—облинялый и разваливающийся въ прахъ родовой гербъ.

Не забудьте, кромѣ того, что немалая доля аристократовъ выбросила за бортъ щепетильное отношеніе къ приёмамъ буржуаз-

*) Ср. рѣчь Жореса въ палатѣ депутатовъ на одномъ изъ февральскихъ засѣданій 1898 г. (перепечатана у Paul Fesch, *L'Année sociale en France et à l'étranger*; Парижъ, 1899, стр. 133—136).

ной эксплуатаціи и занялась коммерческими предпріятіями, нерѣдко вступая въ компанію съ „жидами“ и пользуясь ихъ совѣтами при веденіи дѣлъ, особенно на биржѣ. Среди этой категоріи самая антипатія къ семитамъ является сплошь и рядомъ вполне эгонистическою завистью несчастнаго конкурента къ счастливому. Я попрошу читателя припомнить лишь біографію пресловутаго маркиза Морэса, который сочеталъ въ своей душѣ очень удачно вкусъ кондотьери-авантюриста къ приключеніямъ съ чисто буржуазными тяготѣніями къ наживѣ, и который потому только возненавидѣлъ евреевъ, что они перебили у него, если не ошибаюсь въ Канадѣ, очень выгодную спекулятивную аферу, помѣшавъ ему лично обогорить массу простаковъ-христіанъ.

Всего замѣтнѣе антисемитизмъ прокидывается среди буржуазной интеллигенціи; и въ этомъ-то лежитъ въ значительной мѣрѣ объясненіе той силы антисемитизма, которой совершенно не соответствуетъ слабая распространенность евреевъ во Франціи и болѣе, чѣмъ скромная роль ихъ въ совокупности экономической жизни страны (за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ, верховъ капиталистической храмины). Дѣйствительно, располагая значительными средствами агитаціи въ родѣ періодической прессы, литературы, публичныхъ рефератовъ, буржуазная интеллигенція успѣла раздуть антисемитическое движеніе до размѣровъ, далеко превосходящихъ фактическую роль евреевъ во Франціи. Изучая особенности этой агитаціи, поднятой буржуазною интеллигенціею, мы поймемъ, откуда почерпнулъ силы французскій антисемитизмъ. Центръ тяжести лежитъ здѣсь, дѣйствительно, въ интересномъ сочетаніи грубо-матеріальныхъ и идеальныхъ факторовъ.

Сначала возьмемъ матеріальные факторы. Вопреки мнѣнію юдофобовъ, отрицающихъ всякія умственные качества у евреевъ, за исключеніемъ „практической сметки“, „безстыдства“ и „пронырливости“, мы должны признать, что эта нація наоборотъ поражаетъ своимъ, если можно такъ сказать, интеллектуализмомъ. И если мы не можемъ слѣдовать въ этомъ отношеніи за патріотами-филосемитами, которые хотятъ увѣрить насъ въ исконныхъ преимуществахъ своей „расы“, то мы въ интересахъ истины не можемъ не отмѣтить того факта, что, благодаря извѣстнымъ историческимъ событіямъ, доля умственного труда въ массѣ еврейства превосходила и продолжаетъ превосходить ту же долю въ массѣ другихъ національностей. Обратите вниманіе на историческую древность этой расы, которая успѣла донести до насъ свою культуру въ то время, какъ народы, бывшіе ея историческими сверстниками, всѣ эти вавилоняне, ассиріяне, финикійцы превратились лишь въ простой звукъ, въ предметъ чисто академическихъ разсужденій. Не забудьте, что, въ качествѣ такой бо-

лѣе старой исторической національности, евреи, появляясь среди другихъ, болѣе молодыхъ, болѣе отсталыхъ экономически національностей, брали на себя и „болѣе отвлеченныя функціи труда“, какъ сказалъ бы Контъ: среди земледѣльческихъ народовъ они представляли собою ремесленно-промышленный, торговый и финансовый элементъ. Самая жизнь ихъ по преимуществу въ городахъ должна была поставить ихъ въ соприкосновеніе съ болѣе интеллектуальной средой. Возьмите распространеніе между ними грамотности на почвѣ стремленія сохранить предписанія стараго закона. Присоедините къ этому несравненную фехтовку понятіями и казуистику Талмуда, который хотя и подавлялъ настоящій порывъ научной мысли, но училъ логической эквилибристикѣ формальныхъ опредѣленій. Не забудьте также, что евреи уступаютъ, можетъ быть, лишь англо-саксонской расѣ сочетаніемъ практическихъ, грубо-матеріальныхъ потребностей и мистическихъ стремленій. Соедините все это вмѣстѣ, и вы поймете, почему средній умственный уровень еврейскихъ массъ долженъ быть выше средняго же умственного уровня массъ въ другихъ національностяхъ. Отсюда, даже и оставляя въ сторонѣ солидарность угнетенной расы, вы поймете, почему въ умственной сферѣ средній еврей является опаснымъ соперникомъ средняго индивидуума любой другой народности,—опять-таки, можетъ быть, за исключеніемъ англо-саксонца, который не даромъ же, говоря вообще, не боится еврейской конкуренціи и въ большинствѣ случаевъ почти не знаетъ антисемитизма.

Какъ бы то ни было, во Франціи еврей, сдѣлавшійся полноправнымъ членомъ общества, скоро сталъ играть видную роль въ сферѣ умственного труда. Пропорція медиковъ, адвокатовъ, инженеровъ, журналистовъ, профессоровъ, администраторовъ, политическихъ дѣятелей значительно выше въ еврейскомъ населеніи по сравненію съ общимъ населеніемъ Франціи. И эта пропорція все увеличивалась по мѣрѣ общаго прогресса страны, причемъ нельзя игнорировать то важное обстоятельство, что это было не случайно, а въ силу взаимной причинной зависимости между развитіемъ цивилизаціи и возрастаніемъ общественнаго значенія еврея. Дѣйствительно, ходъ современной цивилизаціи во Франціи состоитъ въ усиленіи свѣтскаго, антиклерикальнаго, антикатолическаго элемента. И въ то время, какъ этотъ общій прогрессъ достигался среди французовъ лишь вѣчной борьбой, вѣчнымъ колебаніемъ между свободомыслящей „акціей“ и католической „реакціей“, въ силу традиціоннаго клерикальнаго воспитанія,—въ это время приобщившійся къ цивилизаціи еврей порывалъ безповоротно связь съ своимъ архаическимъ, узко-формальнымъ, чисто-обрядовымъ религіознымъ кодексомъ и становился настоящимъ свободнымъ мыслителемъ, „рыцаремъ духа“ современной

культуры. Но здѣсь мы уже переходимъ къ идеальнымъ факторамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже...

Итакъ, еврей чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ сферою умственного труда, либеральныхъ профессій и государственныхъ должностей. Но въ этой-то сферѣ ему пришлось столкнуться съ представителями буржуазной интеллигенціи, съ сыновьями французской буржуазіи, привыкшей разсматривать эту область въ нѣкоторой степени своей родовой вотчинной, служащей приютомъ для всей той части подростающаго поколѣнія, которая не успѣла размѣститься въ процессѣ прямой капиталистической эксплуатаціи. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что сама эволюція этого процесса все увеличиваетъ число буржуазныхъ дѣтей, не могущихъ найти приложенія своимъ силамъ въ соотвѣтствіи со своими аппетитами: и вопросъ о „перепроизводствѣ интеллигенціи“ дѣлается въ извѣстный моментъ жизненнымъ вопросомъ мѣщанства. Можете представить себѣ, какой крикъ подняли обитатели „идеологической“ вотчины, когда семиты стали притекать туда все въ большемъ и большемъ количествѣ и отнимать порою у „французовъ Франціи“ наиболѣе выгодныя мѣста и позиціи.

Особенно замѣтной волной этого семитскаго прилива было выступленіе на арену политической дѣятельности новаго правящаго персонала послѣ переворота 4-го сентября 1870 г., поставившаго республику на мѣсто Имперіи. Не говоря уже о евреѣ Жюль Симонѣ, представлявшемъ собою типъ политика переходной эпохи, ведшей отъ либеральной оппозиціи Имперіи къ оппортунистской республикѣ, главною фігурою этого новаго строя является Гамбетта, потомокъ евреевъ Гамберла, возлѣ котораго, какъ вокругъ центральной статуи группы, размѣщается, въ видѣ второстепенныхъ фигуръ, немало политическихъ адъютантовъ изъ семитовъ въ родѣ Жозефа Рэйнака, Давида Рэйнала и т. п., тогда какъ на барельефахъ проходитъ цѣлый рядъ префектовъ-евреевъ, замѣнившихъ католическихъ префектовъ мак-магоновскаго *conseil d'Etat* 16-го мая.

Ощутительную роль стали въ это время играть евреи и въ республиканской журналистикѣ, которой пришлось защищать интересы свободной мысли и свѣтской цивилизаціи противъ нападѣній клерикальной и монархической партіи. Замѣтнымъ элементомъ евреи явились и въ сферѣ народнаго образованія, и притомъ на видныхъ постахъ,—не столько въ качествѣ простыхъ учителей, сколько въ качествѣ лицъ, вдохновлявшихъ разработку программъ, раздѣляя этотъ трудъ съ свободными мыслителями и свободомыслящими протестантами. И параллельно съ усиленіемъ этого значенія евреевъ въ политической и общественной дѣятельности замѣчается общій притокъ семитическихъ элементовъ въ разнообразныхъ сферахъ умственного труда, между тѣмъ какъ дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя окру-

жало лишнимъ ореоломъ еврейскихъ королей биржи и банка. Все это подготовляло почву для антисемитизма среди буржуазной интеллигенціи, встрѣчавшей въ лицѣ евреевъ опасныхъ не столько количествомъ, сколько качествомъ конкурентовъ, успѣвавшихъ занимать лучшія позиціи. И это антисемитическое движеніе, дѣйствительно, проявилось, какъ только выросли въ процессѣ общественной жизни благоприятные для того элементы. Здѣсь-то именно и слѣдуетъ рассмотреть значеніе идейныхъ факторовъ въ антисемитизмѣ.

Если оставить въ сторонѣ трудящуюся массу мелкаго еврейства, ремесленниковъ и пролетаріевъ, ничѣмъ особеннымъ не выделяющихся во Франціи изъ окружающей ихъ среды мелкаго же рабочаго люда, то роль остального, такъ сказать, не рядового еврейства отличается замѣчательно двойственнымъ, противорѣчивымъ по своимъ результатамъ характеромъ. Семиты являются наилучшими выразителями, виртуозами капиталистической эксплуатаціи, и въ этомъ смыслѣ ихъ роль отрицательная. Дрюмонъ и тому подобные грошовые „соціологи“ и фантастическіе юдофобы могутъ сводить дѣятельность евреевъ исключительно къ эксплуататорской карьерѣ; безпристрастные изслѣдователи остановятся и на ихъ общечеловѣческой и цивилизаторской миссіи. Уже упомянутому Дрюмону угодно, напр., выхватить даже изъ среды адептовъ соціально-реформаторскихъ ученій,—въ родѣ сентъ-симонизма, насчитывавшаго столькохъ семитовъ,—лишь такихъ евреевъ, которые представляютъ практически-промышленную струю „новаго христіанства“: съ видимымъ удовольствіемъ онъ говоритъ хотябы о томъ, что Перейра сдѣлался въ концѣ концовъ крупнѣйшимъ дѣльцомъ *) Но отчего бы не взять среди евреевъ, проникнутыхъ сентъ-симонизмомъ, людей высоко-нравственнаго типа, исполненныхъ идейнаго энтузіазма, въ родѣ Эйхтала, которые даже свою принадлежность къ угнетаемой расѣ ставили въ тѣсную зависимость съ долгомъ служенія всему человѣчеству. Вспомните profession de foi, которое сдѣлалъ пылкій и благородный Эйхталь на лекціяхъ, организованныхъ „отцомъ“ Анфантеномъ:

Я еврей по рожденію, я исповѣдовалъ еврейскую религію. Въ четырнадцать лѣтъ я обратился въ католичество и пылалъ самой жаркой католической вѣрой. Въ девятнадцать лѣтъ я воспринялъ ученіе сенсимонизма въ томъ видѣ, какъ мнѣ передалъ его Огюстъ Контъ; конечно, то не была религіозная вѣра, и однако съ того момента я вѣрилъ въ прогрессивную судьбу человѣчества, которой поучалъ меня Контъ. Наконецъ, о «отецъ» мой, по происшествіи шести лѣтъ неполной вѣры, я встрѣтилъ васъ, и вы обратили меня въ новую религіозную вѣру *).

*) *La France juive*, т. I, стр. 352.

**) Sébastien Charléty, *Histoire de saint-simonisme*; Парижъ, 1896, прим. 3 на стр. 94.

Вспомните особенно введеніе Эйхтала къ „Письмамъ о черной и бѣлой расахъ“, составленнымъ имъ въ сотрудничествѣ съ другимъ сенсимонистомъ, нѣкимъ негромъ Юрбэнномъ:

Юрбэнъ, бывшій въ то время еще очень молодымъ, прибылъ изъ Кайены и привезъ оттуда съ собою живое чувство страданій, причиняемыхъ цвѣтному человѣку предразсудкомъ кожи. Самъ я сохранилъ неизгладимое чувство горести, которое вызывало въ моемъ дѣтствѣ порицаніе, связанное съ именемъ еврея; и это-то общее чувство, можетъ быть, сильнѣе всякаго другого побудило насъ вступить въ менильмонтанскій кружокъ и сдѣлалось могущественною связью между нами: «Юрбэнъ и я,—писалъ я въ то время одному другу, говоря о насъ обоихъ,— Юрбэнъ и я это черная раса и бѣлая раса: мы — оба изгнанники, оба — провидцы» *).

Вотъ эта-то гуманитарная, общечеловѣческая точка зрѣнія, которую образованный еврей развиваетъ среди любой національности, куда поставила его судьба, и позволяетъ уже цитированному нами Бернару Лазару говорить о прогрессивной роли своихъ соотечественниковъ въ исторіи и въ частности о ихъ борьбѣ съ современнымъ фанатизмомъ и клерикальнымъ изуверствомъ:

... Въ исторіи современнаго либерализма въ Германіи, Австріи, Франціи, Италіи еврей игралъ большую роль, и либерализмъ его шелъ рука объ руку съ антиклерикализмомъ. Еврей былъ несомнѣнно противникомъ клерикализма; онъ толкалъ на культуръ-кампфъ въ Германіи, онъ поддерживалъ законодательство Ферри во Франціи, и потому и могли подумать, что его либерализмъ вытекалъ изъ вражды къ католицизму, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ отношеніе было какъ разъ обратное **),

Въ частности, по отношенію къ Франціи и придется сказать, что пока устанавливающейся республикѣ нужно было отстаивать себя противъ жестокихъ нападеній монархистовъ и клерикаловъ; пока сторонники демократическаго режима, вплоть до самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ, считали своимъ долгомъ бороться во имя современной цивилизаціи и въ защиту свѣтскаго общества (во второй половинѣ 70-хъ годовъ), — до тѣхъ поръ объ идейномъ антисемитизмѣ не могло быть и рѣчи. Интеллигентный и свободомыслящій еврей былъ настолько драгоценнымъ союзникомъ, что даже его непосредственный конкурентъ, интеллигентный французъ, не рѣшался агитировать противъ своего опаснаго соперника, а наоборотъ охотно опирался на него въ борьбѣ противъ старыхъ партій. Для республиканской буржуазной интеллигенціи было въ то время жизненнымъ вопросомъ отстоять новыя учрежденія отъ все возобновлявшихся атакъ умиравшаго, но не хотѣвшаго умереть реакціоннаго строя. Не говоря уже объ идеальныхъ интересахъ, самый низменный расчетъ внушалъ рес-

*) 1. с., прим. 2 на стр. 323.

**) *L'antisémitisme*, стр. 360.

публиканцамъ тактику дружной обороны демократическихъ учреждений. У всѣхъ еще было на памяти, сколько административныхъ карьеръ пыталась было разбить реакція „нравственнаго порядка“ (лѣто 1877 г.); какая буря взысканій, штрафовъ и всевозможныхъ каръ пронеслась надъ республиканской прессой; какими перспективами грозили поднявшіе голову клерикалы и монархисты защитникамъ свободного режима.

Немудрено, что демократы съ большимъ удовольствіемъ шли рука объ руку съ умными и энергичными семитами свободномыслящаго направленія; и эта совмѣстная дѣятельность продолжалась и во время выработки (1880—1881 г.) новыхъ законовъ о народномъ образованіи, которое самыя элементарныя политическія соображенія побуждали вырвать изъ рукъ католицизма и реформировать на почвѣ свѣтскаго, дарового и обязательнаго обученія. Съ другой стороны, боровшаяся противъ демократіи консервативная интеллигенція до такой степени была въ свою очередь охвачена общей враждой къ новому порядку вещей, что и не думала изъ республиканской арміи выдѣлять евреевъ и дѣлать ихъ предметомъ особой сугубой злобы. Консерваторы питали усиленную ненависть въ этой горячей „враждѣ-войнѣ“ развѣ къ масонскимъ ложа́мъ, независимо отъ происхожденія ихъ членовъ, полагая,—и не безъ основанія,—что въ этихъ обществахъ вырабатывается планъ кампаніи противъ католическаго и монархическаго режима.

Но когда прошелъ медовый мѣсяцъ свободомыслящаго теченія, когда (въ срединѣ 80-хъ годовъ) борьба съ клерикализмомъ стала мало-по-малу уступать мѣсто политикѣ примиренія съ „достойными всякаго уваженія духовными интересами“, т. е., сказать попросту, съ католицизмомъ, то клерикальная партія снова подняла свою голову и, пользуясь антипатіями массъ къ хищнической оргіи находившихся у власти оппортунистовъ, вздумала взять въ руки оружіе антисемитизма. Она указывала на роль, которую играли евреи въ упроченіи оппортунизма; и, искусно компрометируя политическій либерализмъ умѣреннаго республиканскаго большинства указаніемъ на рѣзкобуржуазный характеръ его экономической политики, она старалась произвести въ умахъ массъ смѣшеніе между теченіемъ свободной мысли и эксплуататорскими вакханаліями оппортунистской, якобы „жидовской“ клики. Крупный успѣхъ реакціонеровъ на выборахъ 1885 г., пославшихъ въ палату двѣ сотни депутатовъ правой, несомнѣнно влилъ новое мужество въ душу консервативныхъ партій и вызвалъ въ нихъ, такъ сказать, рикошетомъ желаніе сильнѣе подчеркивать удавшуюся имъ тактику смѣшенія свободомыслія и хищничества, тактику, включавшую въ себѣ и приемы антисемитической демагогіи.

Этой тактикѣ безспорно помогъ тотъ двойственный характеръ еврейскаго выдающагося меньшинства во Франціи, на который я

уже указаль нѣсколькими страницами выше: еврей — дѣлецъ и еврей—крайній демократъ и свободный мыслитель въ сущности столь же мало имѣють между собою общаго, какъ и католическій биржевикъ и выросшій въ католической средѣ рабочій-соціалистъ; но они оба принадлежать къ одной энергической и способной „семитической расѣ“. И юдофобствующему демагогу было не трудно въ борьбѣ противъ свободомыслящихъ евреевъ козырять не только милліонами Ротшильда, но и возмутительной желѣзнодорожной политикой еврея Рэйналя, который, въ качествѣ министра общественныхъ работъ, заключилъ съ компаніями выгодныя для акціонеровъ, но тяжелыя для государства, поистинѣ „преступныя конвенціи“. Какъ бы то ни было, антисемитамъ, для того, чтобы набраться духу, надо было увидѣть ослабленіе антиклерикальной политики въ странѣ и внезапное усиленіе реакціонной партіи въ палатѣ. Не случайно „Жидовская Франція“. Дрюмона вышла въ свѣтъ въ 1886 г., когда отчаянная борьба партій въ расколовшейся на три почти равныя части палатѣ сближала, путемъ временной коалиціи, радикаловъ и консерваторовъ и опрокидывала одно за другимъ тѣ министерства, которыя думали опираться на оппортунистовъ. А до того времени нашъ шустрый обличитель „жидовства“ сидѣлъ въ „жидовской“ же редакціи газеты „La Liberté“, которую издавали Перейры, и преспокойно получалъ за свои статьи деньги изъ „жидовской“ кассы.

Само собою разумѣется, что антисемитизмъ проявился во всей своей силѣ далеко не сразу; и напр., уже упомянутая книга Дрюмона имѣла сначала главнымъ образомъ успѣхъ скандальнаго и шантажнаго произведенія, истинный характеръ котораго не могли затушевать ни несомнѣнный полемическій талантъ автора, ни та значительная доля правды, что заключалась въ повѣствованіяхъ объ эпопее оппортунистскаго хищенія. Само нововведеніе Дрюмона, состоявшее въ приложеніи къ книгѣ алфавитнаго указателя всѣхъ упомянутыхъ въ „Жидовской Франціи“ лицъ, уже свидѣтельствовало о томъ, что ловкій авторъ рассчитывалъ на сбытъ среди заинтересованныхъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что книга жадно покупалась не только самими „раздѣланными“, но и ихъ политическими и личными друзьями и врагами,—особенно, конечно, врагами. Лишь постепенно Дрюмону стали придавать значеніе „соціолога“ и теоретическаго выразителя французскаго антисемитизма, равно какъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя этотъ антисемитизмъ сталъ проникать въ широкіе слои.

Интересно кстати, что въ буланжистскомъ движеніи, выражавшемъ въ значительной мѣрѣ отвращеніе массъ къ эгоистической политикѣ оппортунистовъ и скептицизмъ передъ широкообшательными, но по большей части узкополитическими программами радикаловъ,—интересно, говорю я, что въ этомъ „національномъ“ движеніи—таково его было даже и офіціальное названіе,—евреи

играли все еще не маловажную роль. И если еврей Жозефъ Рэйнакъ боролся въ первыхъ рядахъ республиканцевъ противъ „карикатурнаго Цезаря“, то за то еврей же Накэ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ вдохновителей Буланже. Накэ написалъ „бравому генералу“ пресловутую Турскую рѣчь, которую считаютъ за самый политичный актъ буланжизма и въ которой пылкимъ и наивнымъ сторонникамъ Буланже обѣщалась „открытая для всѣхъ“ республика, а католикамъ „свобода совѣсти“, т. е. существованіе клерикальнаго государства въ государствѣ свѣтскомъ *). Я не говорю, конечно, объ Артурѣ Мейерѣ, монархизмъ котораго основанъ на такомъ чисто коммерческомъ разсчетѣ, что именно этого защитника трона и алтаря можно считать за наиболѣе удачный типъ каррикатурнаго „жида“, живущаго только ради гешефтовъ.

Сильно развился антисемитизмъ лишь въ началѣ 90-хъ годовъ, когда, съ одной стороны, восторжествовавшіе надъ Буланже оппортунисты почти поголовно пошли въ Каноссу, заимствуя у буланжизма его „открытую для всѣхъ“ республику и заигрывая съ католиками и реакціонерами для борьбы съ все усиливавшимся и усиливавшимся социализмомъ; а съ другой стороны, Панамскій крахъ повалилъ нѣсколько самыхъ видныхъ столповъ оппортунизма. Въ это именно время (1892 г.) Дрюмонъ появляется во главѣ ежедневнаго антисемитскаго органа „La libre parole“, который въ періодъ парламентскихъ скандаловъ печатался въ числѣ 200.000 экземпляровъ и который до сихъ поръ печатается въ 40.000—50.000 экземпляровъ, подымаясь порою выше подвліяніемъ обостренія юдофобства по тому или другому поводу. Панамская катастрофа, дѣйствительно, направила много воды подъ антисемитскую мельницу, благодаря тому обстоятельству, что въ этомъ дѣлѣ двулицый Янусъ—еврей былъ повернутъ къ публикѣ исключительно своей стяжательной фізіономіей, тогда какъ его гуманитарная, общечеловѣческая и свободомыслящая фізіономія осталась въ тѣни. Забывая роль подлинныхъ „французовъ во Франціи“ въ родѣ Лессепса и другихъ финансовыхъ пиратовъ; забывая продажность цѣлой сотни „арійскихъ“ депутатовъ; смотря сквозь пальцы на подкупъ панамскими спекуляторами всей буржуазной прессы,—не исключая католической газеты Поль-де-Кассаньяка,—масса мелкой буржуазіи, общипанной спекуляторами, была загипнотизирована еврейскими именами Жака Рэйнака, Корнелія Герца, Артона и увѣровала въ семитическій характеръ этого грандіознѣйшаго финансоваго мошенничества всѣхъ временъ и народовъ.

Антисемиты ловко воспользовались этимъ настроеніемъ для своей юдофобской пропаганды, которая была, кромѣ того, под-

*) См. о Турской рѣчи въ книжкѣ X... du Figaro. (Mermeix), *Les coulisses du boulangisme*; Парижъ, 1890, стр. 152.

держана двумя обстоятельствами: косвенно, уже упомянутымъ отреченіемъ умѣренныхъ республиканцевъ отъ антиклерикальной политики, а прямо, кокетничаньемъ съ антисемитизмомъ со стороны нѣкоторыхъ группъ социалистовъ и даже анархистовъ. Нетрудно понять, какую выгоду извлекли юдофобы изъ „новаго духа“ примиренія съ католичествомъ, духа, который, если не ошибаюсь, уже въ 1890 г. заявлялъ устами одного изъ видныхъ гамбеттистовъ, еврея Жозефа Рэйнака, о необходимости „умиротворенія религіозной борьбы между всѣми истинными патриотами“, а нѣсколько позже (весной 1894 г.) находилъ свою подробную обосновку и даже официальное названіе въ рѣчи другого крупнаго гамбеттиста, Спюллера. Все, что усиливало клерикализмъ, все, что ослабляло свободную мысль, шло въ пользу юдофобамъ, которые могли съ торжествомъ указывать теперь на банкротство „жидовско-оппортунистской“ политики и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашать католическихъ изуверовъ на дальнѣйшія завоеванія. Бѣдный Жозефъ Рэйнакъ и не подозрѣвалъ, что своею, какъ ему казалось, макіавелевскою, а на самомъ дѣлѣ наивною,—если только не ренегатскою,—рѣчью онъ ковалъ тотъ самый кинжалъ, который въ послѣдніе три года французскій антисемитизмъ оттачивалъ не только на евреевъ, но и на протестантовъ и свободныхъ мыслителей. Увлеченная борьбою съ социализмомъ, буржуазія желала заручиться содѣйствіемъ католической церкви, но не замѣчала того, что этого содѣйствія она могла добиться лишь измѣною своей цивилизаторской миссіи. Мало того, затушевывая свое антиклерикальное мировоззрѣніе, она тѣмъ самымъ стирала прогрессивную роль боровшихся въ первыхъ рядахъ ея свободомыслящихъ евреевъ и превращала всѣхъ семитовъ для большой публики исключительно въ аферистовъ, спекуляторовъ и людей наживы. Можете себѣ представить, какъ цѣлесообразенъ былъ такой пріемъ именно со стороны либеральныхъ буржуа семитическаго происхожденія: ничего не выигрывая среди монархистовъ и клерикаловъ, они проигрывали и въ глазахъ трудящихся массъ, которые все больше и больше проникались ядомъ демагогическаго юдофобства.

Немалую вину въ печальномъ дѣлѣ распространенія антисемитизма будутъ нести передъ исторіей и тѣ представители мировоззрѣнія трудящихся, которые тоже изъ-за худо рассчитаннаго макіавелизма заигрывали съ юдофобствомъ. Особенно любопытно при этомъ то обстоятельство, что едва-ли не болѣе другихъ во Франціи согрѣшили въ этомъ отношеніи марксисты, т. е. именно партія, которая во всемъ цивилизованномъ мірѣ столь многимъ обязана геніальнымъ семитамъ, какими были Марксъ и Лассаль, и которая считаетъ въ своихъ рядахъ столько умныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей изъ евреевъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ это кокетничанье доходило до того, что представители марксизма

гораздо болѣе воевали съ другими соціалистическими фракціями, чѣмъ съ антисемитами, полемика противъ которыхъ была у нихъ зачастую проникнута скрытыми симпатіями и подозрительными умолчаніями. Въ этомъ пришлось публично признаться одному изъ теоретиковъ здѣшняго марксизма въ началѣ агитаціи по дѣлу Дрейфуса. А послѣдующее равнодушіе большинства вожаковъ партіи къ борьбѣ за истину и справедливость, постоянное подчеркиваніе ими „милліоновъ“ капитала, изъ-за котораго, молъ, Жоресъ и К° измѣнили „классовой борьбѣ“, все это достаточно ясно показываетъ, что и до сихъ поръ французскіе марксисты не желаютъ бить прямо въ забрало чудовищному ученію антисемитовъ. Сами анархисты считали въ началѣ 90-хъ годовъ небезполезной агитацію антисемитовъ; и одинъ изъ очень видныхъ сторонниковъ этой доктрины признавался мнѣ, что въ книжкахъ Дрюмона есть вещи, которыя можно выбросить за бортъ, но есть вещи, которыя должно принять къ свѣдѣнію (*il faut en prendre et en laisser*). А на мой вопросъ, говоритъ-ли онъ это лишь въ томъ смыслѣ, что разочарованные приверженцы Дрюмона станутъ рано или поздно убѣжденными сторонниками новаго міровоззрѣнія, онъ нѣсколько замаялся и отвѣтилъ, что и помимо этого есть много правды въ критикѣ автора „Жидовской Франціи“. Справедливость требуетъ замѣтить, что мой собесѣдникъ перемѣнилъ это снисходительное отношеніе къ юдофобской демагогіи; и что вообще анархисты подъ вліяніемъ событій послѣднихъ лѣтъ почти поголовно высказались противъ какого бы то ни было заигрыванія съ антисемитизмомъ даже въ надеждѣ „вернуть затѣмъ его къ вяшей пользѣ для революціи“ *). Но мы, впрочемъ, забѣжали нѣсколько впередъ...

Другимъ изъ идейныхъ факторовъ, благопріятствовавшихъ развитію антисемитизма, была все усиливавшаяся и усиливавшаяся пропаганда шовинизма. И въ этой области, можно сказать, повинны чуть не всѣ политическіе дѣятели и партіи третьей республики, за исключеніемъ представителей міровоззрѣнія четвертаго класса, да и то съ нѣкоторыми оговорками. Монархисты и клерикалы были вполне въ своей роли, когда они вели проповѣдь челоѣконенавистничества и вражды къ другимъ націямъ. По мѣрѣ того, какъ народъ выступалъ на политическую арену въ качествѣ дѣятельнаго фактора общественной и политической жизни, темнымъ силамъ прошлаго надо было придумать какое-нибудь внѣшнее отвлеченіе для массъ для того, чтобы властвовать надъ ними внутри страны. Не забудьте, что въ первой поло-

*) См., напр., коротенькую брошюру *Antisémitisme et Sionisme*, изданную журналомъ «L'Humanité nouvelle», Парижъ, 1900, стр. 1.

винъ этого вѣка народный патріотизмъ былъ даже прогрессивнымъ явленіемъ, такъ какъ угнетенныя національности боролись противъ произвольнаго ихъ присоединенія къ тому или другому государству, представленному привилегированными классами или даже правительственной кликой.

Но когда вторая имперія потонула въ грязи и крови нѣмецкаго нашествія, то смѣнившіе ее у власти республиканцы съ самаго же начала взяли, къ несчастію, столь высокую ноту патріотизма и реванша, что перещеголяли въ этомъ отношеніи сторонниковъ павшаго режима и вообще представителей монархическихъ партій. Основатели третьей республики задались цѣлью убѣдить страну, что новый строй возвратитъ Франціи то, что было потеряно рухнувшимъ. И нѣтъ сомнѣнія, что, рядомъ съ искреннимъ желаніемъ реванша, у наиболѣе пылкихъ и гордыхъ патріотовъ здѣсь играли роль чисто политическія соображенія, имѣвшія цѣлью придать прочностъ внутреннимъ учрежденіямъ страны, опираясь на возбужденіе среди массъ довѣрія и симпатіи къ республиканскому правительству за его внѣшнюю политику. Я не могу, конечно, вдаваться здѣсь въ подробности, какимъ образомъ рядомъ съ укрѣпленіемъ республики и демократическаго режима быстро шелъ и развивался процессъ систематическаго патріотизированія народа, процессъ, который рано или поздно долженъ былъ перейти, если можно такъ выразиться, въ культуру шовинистскаго микроба. Намѣчу лишь нѣкоторыя стороны этой эволюціи.

Всякаго безпристрастнаго наблюдателя должна была, напр., поразить неискренность, двойственность внѣшней политики Франціи, которая съ одной стороны поминутно говоритъ о томъ, что она никакъ не согласна примириться съ потерей Эльзаса-Лотарингіи, а съ другой поминутно же увѣряетъ всѣхъ и каждого, что она стоитъ самымъ искреннимъ образомъ за миръ и все жадуется на козни Германіи, будто бы приготовляющейся броситься на нее врасплохъ. Не менѣе поразить наблюдателя и то шовинистское самохвалство, та пропаганда ненависти къ другимъ націямъ, которая беретъ француза еще на школьной семьѣ и доводитъ его до окончательнаго горделиваго помѣшательства путемъ „патріотической“ печати. Я не буду уже подробно говорить объ уродливо-гипертрофированномъ культѣ „отечества“, изъ котораго, казалось бы, искренніе республиканцы и демократы серьезно думали сдѣлать нѣчто въ родѣ „свѣтской религіи“, каковая, молъ, должна замѣнить католицизмъ. Но печально-то при этомъ то обстоятельство, что жрецы той новой религіи видятъ въ этомъ „отечествѣ“ не свѣтлый и всесторонній человѣческій идеалъ, удовлетворяющій въ предѣлахъ родной территоріи лучшимъ потребностямъ ума и сердца, наиболѣе высокимъ задачамъ современной цивилизаціи, но, наоборотъ, видятъ въ немъ уродли-

ваго однобокаго идола, который вооруженъ съ головы до ногъ, словно свирѣлое изваяніе катаяскаго бога войны, и обращаетъ свое перекошенное злобой лицо ко всему внѣшнему міру, стремясь силой доказать свое право на „цивилизаторскую“ миссію французовъ. Отсюда то обожаніе арміи и мундира, которое доходитъ у француза порою до самыхъ комическихъ формъ, хотя въ этой воинственной психологіи играетъ гораздо большую роль не столько искренній военный пылъ, сколько заученная еще на школьной семьѣ патріотическая риторика... Я нарочно, впрочемъ, нѣсколько сгущаю краски при этомъ изображеніи, но единственно только потому, что, не имѣя много мѣста въ распоряженіи для этого частнаго вопроса, не могу входить въ оттѣнки мысли и принужденъ давать общую характеристику француза третьей республики.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣненъ тотъ фактъ, что съ большими или меньшими ограниченіями, съ большею или меньшею примѣсью гуманитарныхъ и общечеловѣческихъ идеаловъ, но патріотическое міровоззрѣніе во Франціи пропагандировалось какъ умѣренными, такъ и радикальными, какъ радикальными, такъ и переходящими въ легкій социализмъ элементами. И только самыя крайнія партіи оставались, говоря вообще, чистыми отъ этой шовинистской заразы, хотя и онѣ въ исключительные моменты бѣлаго „патріотическаго“ каленія не рѣшались рѣзко выступать противъ настроенія толпы. На этой-то почвѣ постепенно подготавлился антисемитизмъ, который явился въ послѣднее время самою яркою разновидностью шовинизма, обращая на „чуждыхъ семитовъ“ и „внутреннихъ враговъ отечества“ чуть не весь запасъ человѣконенавистническихъ чувствъ, по очереди возбуждаемыхъ въ прессѣ то противъ нѣмцевъ, то противъ итальянцевъ, то противъ англичанъ. И одною изъ самыхъ удачныхъ формъ исторической прони было именно то обстоятельство, что евреи въ родѣ Жозефа Рэйнака, которые въ теченіе столькихъ лѣтъ занимались ярою пропагандою шовинизма, которые столько разъ предавали патріотической анаемѣ „космополитовъ“ и „интернаціоналистовъ, не имѣющихъ отечества“, теперь, наоборотъ, раздѣляютъ вмѣстѣ съ социалистами привилегію этихъ кличекъ, щедро раздаваемыхъ шовинистской прессой. И опять можно сказать, что какъ въ религіозной сферѣ буржуазные семиты сами выковывали оружіе своимъ клерикальнымъ противникамъ, такъ въ политической области они сами приготовили для себя цѣпи и бичъ, которымъ ихъ полосуютъ шовинисты. Антисемитская демагогія сдѣлала свое дѣло. Опираясь на чувства шовинизма, гашишемъ котораго Франція отравлялась въ теченіе почти 30 лѣтъ; опираясь на усиленіе клерикализма, который поднялъ голову особенно въ послѣднія десять лѣтъ, она, эта юдофобская демагогія, ярко выразилась во всемірно-историческомъ дѣлѣ Дрейфуса.

По счастью, самые размѣры опасности, которой въ послѣднее трехлѣтіе подвергалась свѣтская цивилизація во Франціи, раскрыли искреннимъ республиканцамъ и демократамъ глаза на настоящее положеніе вещей. И вотъ со всѣхъ концовъ горизонта, изъ рядовъ самыхъ умѣренныхъ, какъ и самыхъ крайнихъ защитниковъ республики и принциповъ первой революціи, изъ среды буржуазіи, какъ и изъ среды рабочихъ выступили на арену идейной и политической борьбы рѣшительные противники шовинизма, клерикализма и антисемитизма. Это движеніе произвело небывалую перетасовку между партіями и породило неожиданныя на первый взглядъ, но вполне логическія коалиціи довольно далеко отстоящихъ другъ отъ друга элементовъ, равно какъ оно же вызвало распаденіе, казалось бы, родственныхъ группъ и личностей. Оно заставило многихъ умѣренныхъ и радикальныхъ республиканцевъ принести публичное покаяніе въ прежнихъ пріемахъ „патріотическаго“ пропагандированія массъ. Оно сдѣлало невозможной на неопредѣленное время гибельную политику мирволенья католицизму. Оно отчасти разрушило даже классовые барьеры между рабочими и буржуазіей и вызвало къ жизни союзъ между наиболѣе чуткими группами рабочихъ и лучшими представителями буржуазной интеллигенціи. Но оно же по закону реакціи сплотило въ одну массу сторонниковъ различныхъ темныхъ силъ и наслѣдій прошлаго, какъ бы противоположны ни были ихъ воззрѣнія по другимъ вопросамъ и какой бы антагонизмъ ни выражали ихъ формальныя знамена. Не характерное ли знаменіе времени представляютъ четыре предисловія—письма къ уморительной брошюрѣ третьестепеннаго антисемита, Альбера Монньо *), обвиняющаго настоящее министерство въ „измѣнѣ“ Франціи, проданной будто бы Вальдэкомъ-Руссо по наущенію „жидовъ-космополитовъ“? Дѣйствительно, одно изъ предисловій написано уже знакомымъ читателю Дрюмонъмъ, другое ханжой—поэтомъ Франсуа Коппэ, третье еще недавнимъ скептикомъ и на все плевавшимъ дилеттантомъ (jemenfoutiste'омъ) Жюлемъ Леметромъ, четвертое „соціалистомъ-патріотомъ“ Анри Рошфоромъ. Казалось бы, что было между ними общаго еще такъ недавно? А между тѣмъ, теперь, не прочитавъ въ концѣ каждого письма подписи его автора, какъ вы можете узнать, что напр., фраза о „постыдныхъ измѣнникахъ, купленныхъ жидовскою шкатулкой“ **) принадлежитъ Рошфору, а не Дрюмону, или что нескладный дионирамбъ „любви къ отечеству“ ***) написанъ Леметромъ, а не Коппэ?

*) Albert Monnier. *Les gouvernants contre la Nation. La trahison du ministère Waldeck*; Парижъ, 1900.

**) I. с., стр. XVIII.

***) I. с., стр. XV.

Не характерно ли, съ другой стороны, что на защитѣ основъ современной цивилизаціи, поправной въ лицѣ Дрейфуса, сошлись социалисты въ родѣ Жореса, крайніе радикалы въ родѣ Клемансо, либералы въ лицѣ столькихъ профессоровъ, художниковъ, артистовъ и ученыхъ, въ родѣ Золя, Дюкло, Поля Реклю, и т. п.? И что послѣ этого кризиса многія изъ этихъ лицъ, стоявшихъ внѣ политики, подвинулись со своимъ міровоззрѣніемъ рѣшительно влѣво, между тѣмъ какъ нѣкоторые, напр., Прессансэ, Морисъ Бушоръ, изъ умѣренныхъ республиканцевъ и даже „патріотическихъ“ писателей превратились въ крайнихъ?

Во всякомъ случаѣ, можно сказать смѣло, что Франція, съ свойственною ей способностью производить социологическіе опыты для всего человѣчества, успѣла показать міру реакціонный характеръ юдофобства и убѣдить всѣхъ борцовъ за свободу и общечеловѣческій прогрессъ дружно встать противъ чудовищнаго теченія антисемитизма. Примѣръ этой героической страны показываетъ, что въ результатъ такой борьбы лежитъ не только побѣда надъ частнымъ проявленіемъ реакціи, но общая спасительная встряска, общій и рѣшительный шагъ впередъ.

Н. Кудринъ.

КАКЪ ОНЪ ВОСКРЕСЪ.

(О черкъ).

I.

— Кто-о?—удивленно спросилъ редакторъ.

— Ивинъ.

Секретарь даже поперхнулся, произнося ужасную фамилію.

Въ конторѣ всѣ застыли въ тѣхъ позахъ, въ какихъ очутились при звукѣ этого имени. Бухгалтеръ Иванъ Семенычъ Шмидтъ, вѣчно жевавшій сухой чай для заглушенія сивушнаго запаха, сдѣлалъ такое лицо, какъ будто передъ нимъ была статуя Командора, а не Антонъ Андреичъ Ивинъ изъ газеты „Эхо“. Анна Петровна Потылицына, маленькая, сухопарая шатенка, смотрѣла на страшнаго гостя остановившимся стекляннымъ взглядомъ. Ей казалось, что она птичка и сейчасъ упадетъ въ раскрытую пасть удава. Ивинъ сидѣлъ съ потупленнымъ взоромъ и вовсе не походилъ ни на удава, ни на статую, по крайней мѣрѣ Командора. Наоборотъ, столь наоборотъ, что вторая конторщица—Елена Ивановна Сушкина моментально въ него влюбилась. Впрочемъ, она влюблялась во всѣхъ сколько-нибудь знаменитостей, страшно возмущая этимъ Анну Петровну:—„У васъ нѣтъ никакихъ убѣжденій,—упрекала она ее обыкновенно:—вы способны Катковымъ увлечься!“

Дверь кабинета шумно растворилась, и всѣ вздрогнули.

— Пожалуйте,—сухо пригласилъ секретарь.

Шмидтъ перемѣстилъ чай за щеку и напряженно замеръ; Потылицына притаила дыханіе, а Сушкина саркастически замѣтила:

— Напрасно, господа: ничего вы не услышите... Да и у него такой тихій голосъ...

— Отъ страха, повѣрьте!—рѣшилъ Иванъ Семенычъ и прибавилъ:—А интересно: зачѣмъ онъ могъ пожаловать?

— И какъ вы, господа, себя держите,—просто возмущительно! Вытаращили на него глаза и сидятъ!

— Елена Ивановна!—бухгалтеръ погрозилъ пальцемъ.— Ужъ запылали, запылали, вижу! Фу! какъ вамъ не стыдно...

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ... А нельзя же смотрѣть чело-
вѣку въ ротъ,—оправдывалась та, смѣясь и краснѣя.

Редакторъ, Мауровъ нѣсколько растерялся, когда Ивинъ объяснилъ цѣль своего визита: онъ, Ивинъ предлагаетъ имъ свои услуги...

— У васъ что-нибудь вышло съ Кожемяткинымъ?—спросилъ Мауровъ, стараясь выиграть время.

— Нѣтъ,—вспыхнувъ, отвѣтилъ Ивинъ,—просто, не могу продолжать въ прежнемъ тонѣ, а „Эхо“ всегда останется только *эхомъ*: какую дрянъ ни крикни, на все отзовется... Я не исписался, какъ, можетъ быть, приходите вамъ въ голову. Меня никто отсюда не гонить, а Митрофанъ Василичъ, несмотря на всѣ мои увѣренія, думаетъ, что я лишь вымогаю увеличеніе построчной платы. Но это не такъ: если вы не найдете возможнымъ принять меня въ число сотрудниковъ, я уйду...

— Антонъ Андреичъ... вы не обидитесь, если мы попросимъ дать намъ обдумать? Я знаю, насколько вы цѣнный работникъ, но, во-первыхъ, я человѣкъ здѣсь новый и отъ меня мало что зависитъ... такъ какъ тутъ вопросъ и средствъ. А во-вторыхъ,—онъ улыбнулся,—„Эхо“ и „Мысль“ все же—антиподы, и приходится взвѣшивать... послѣдствія.

— О да, разумѣется...

Ивинъ сконфуженно всталъ. Маурову сдѣлалось его жаль, и онъ мягко прибавилъ:

— Куда же вы торопитесь? Присядьте, потолкуемте.

— Не хочу вамъ мѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ отправилъ цѣлую кучу матеріала, такъ что имѣю въ запасѣ добрыхъ полчаса.

У Антона Андреича рябило въ глазахъ; онъ задыхался, стараясь скрыть обуревавшія его чувства, но это плохо ему удавалось... Онъ еще сильнѣе ощутилъ весь стыдъ прошлаго и горечь настоящаго, услыша нотку состраданія въ тонѣ Маурова...

Очутившись, наконецъ, въ сѣняхъ, Ивинъ поднялъ воротникъ и стремительно сбѣжалъ внизъ, точно ему гикали вслѣдъ. Въ ушахъ его шипѣли цѣлые паровозы. Пройдя нѣсколько сажень, онъ нагнулся и, зацѣпивъ горсть снѣгу, провелъ по разгоряченному лицу. Это немножко облегчило Антона Андреича. Какъ могъ онъ допустить хоть на мигъ, что его примутъ въ порядочный органъ?! Вѣдь онъ же Ивинъ, „безстыжіе глаза“.. Хорошо еще: наткнулся на добраго человѣка! Другой бы съ лѣстницы спустилъ...

Вѣдь онъ не ослѣпъ: онъ видѣлъ, какой эффектъ произ-

вело его появленіе, его имя даже на маленькихъ, сѣрыхъ людей, сидѣвшихъ за своими конторскими книгами. А какъ бы ему простили тѣ, въ чьи колеса онъ подсовывалъ всегда палки? Не изъ какого-нибудь убѣжденія въ зловредности этихъ колесъ, а ради злобнаго удовольствія—сказать и сдѣлать гадость... Онъ ничего не защищалъ, ничего не отстаивалъ, онъ только говорилъ:—„Ахъ, вы такъ наивны, вѣрите въ добродѣтель?—Да, пожалуй, она и есть... пока ее некому купить. Есть, какъ залежавшійся на окнѣ магазина товаръ“... „Заботы о „меньшомъ братѣ“?—Полноте! Это—ходули, съ которыхъ виднѣе, гдѣ плохо лежитъ“. „Еврейскій вопросъ“?—А сколько вамъ заплатили жида? Въ лучшемъ случаѣ—желаніе казаться истинно культурнымъ человѣкомъ“... „Драть ли мужика“?—Господа, сантименты! Развѣ насъ не драли? Прежде даже регулярно—по субботамъ, передъ банькой. И ничего себѣ—живы“. „Партіи“?—Какія? Развѣ въ Россіи имѣются партіи? Въ первый разъ слышу, то бишь, въ тысячу первый. Но вѣдь это же одно заблужденіе. Консерваторы? Ахъ, тѣ, которые имѣли власть и утратили? Либералы, вы говорите? Да, тѣ, кои ее наслѣдовали... Еще радикалы?—Бредъ юной души... Придя въ соотвѣтствующій возрастъ, они превратятся въ либераловъ, чтобы стать на склонѣ лѣтъ брюзжащими консерваторами“... „Идеалы человѣчества“?—Откровенно признаться—урвать“... Да, все это онъ говорилъ. Но дѣла его часто бывали лучше его словъ...

Острое до нестерпимости чувство теперь стало тягучимъ, ноющимъ, какъ зубная боль, которая, вмѣсто челюстей, сосредоточилась въ груди, около сердца. Антонъ Андреичъ усиленно вздыхалъ, стараясь выжить ее оттуда, но она за что-то тамъ цѣплялась, отчего ему дѣлалось еще больнѣе. Ему вдругъ показалось, что „Эхо“ больше нѣтъ, что на его мѣстѣ очутилась большая дыра. Онъ подходитъ—и ничего уже нѣтъ: громадный провалъ зіяетъ черной бездной среди снѣга, а надъ нимъ носится духъ Кожемяткина въ тучѣ пыли. Духъ сохранилъ земную оболочку Митрофана Василича, только внутри этой оболочки не кишки, не мясо, а просто *страя пустота*, и лицо тоже сѣрое, какъ сумерки...

Но „Эхо“ не имѣло намѣренія валиться куда бы то ни было: нижній этажъ, гдѣ помѣщалась типографія, весело переливался огнями. Тамъ что-то ухало и гудѣло. Взмахи машинъ перебѣгали крылатыми тѣнями черезъ дорогу и взмывались на стѣну противоположнаго дома. Въ конторѣ и редакціи тоже былъ свѣтъ.

Секретарь, щупленькій Василій Дементычъ, пересматривалъ свѣжія, еще влажныя „гранки“, сердясь на обиліе полицейской хроники:

— Митрофанъ Василичъ, это же, право, невозможно. Отложимте на завтра?

— Нельзя, голубчикъ, никакъ нельзя: и безъ того Демибицкій въ претензіи, что сокращаемъ... Вѣдь онъ ихъ составляетъ, а вы черкаете. Для начальства обидно...—проговорилъ рыхлый мужчина въ мягкихъ, отложныхъ воротничкахъ, оглядываясь на вошедшаго. Узенькіе глазки Кожемяткина впились въ лицо Антона Андреича, который, не здороваясь, направился къ своему столу. Издатель насторожился, какъ котъ на шорохъ мышиныхъ лапокъ. Онъ пересталъ сопѣть носомъ и, полуобернувшись, смотрѣлъ однимъ глазомъ въ широкую спину Ивина. Отъ ожиданія и неловкой позы сердце его зачастило. Митрофанъ Василичъ, наконецъ, не выдержалъ и ласково произнесъ:

— Ну, что, голубчикъ, надумали?

Ивинъ не отвѣтилъ. Кожемяткинъ кинулъ скорбный взоръ въ сторону секретаря, но Василій Дементычъ только сурово насупился: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ежечасно тянуть изъ человѣка душу! Сколько разъ онъ это твердилъ, и все неймется.

Антонъ Андреичъ рѣзкимъ, характернымъ почеркомъ вывелъ обычный заголовокъ и посмотрѣлъ на плоскую хрустальную чернильницу. Это была та самая, въ которую онъ макнулъ дрожащей рукою перо, подписывая свою первую, облитую „и горечью“, и злостью“ статейку... Нѣтъ сомнѣнія: та самая! Неизвѣстно почему, но ему тогда бросился въ глаза пузырекъ въ стеклѣ. И тутъ такой же, на томъ же мѣстѣ. Пять лѣтъ не замѣчалъ онъ его; пять лѣтъ,—пока онъ ссорился съ Митрофаномъ Василичемъ,—служила она другимъ, и больше уже года, какъ онъ вернулся къ ней, подругѣ его „злой музы“...

Почему онъ вспомнилъ, узналъ ее именно въ минуту душевнаго перелома? Это страшно удивило Ивина. Теперь онъ смотрѣлъ на нее почти съ ненавистью, какъ будто она-то и погубила его... Вѣдь не разбилась, проклятая!

Время шло, и Митрофанъ Василичъ, не смѣя торопить, пыхтѣлъ, оглядывался. *Ему* скажи, попробуй! Швырнетъ ручку, и былъ таковъ! *Ему* что—его вездѣ съ удовольствіемъ... Самъ испортилъ: не слѣдовало такъ ухаживать... Теперь ужъ не поправишь. Но неужели онъ уйдетъ, уйдетъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, наконецъ, его же здѣсь любятъ, это же его литературная колыбель... Надо не имѣть сердца, чтобъ забыть узы столькихъ лѣтъ!

Митрофанъ Василичъ осторожно поднялся и, подойдя на цыпочкахъ, обнялъ Ивина за плечи:

— Антоша, что съ тобой?

Тотъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Митрофанъ Василичъ, оставьте меня... Статьи не будетъ.

— Да ты хоть скажи? Ну, чортъ съ ней, со статьей! Ты скажи по душѣ...

— Потомъ...

— Антоша!

— Митрофанъ Василичъ, я не могу сегодня пускаться ни въ какія объясненія.

— Что ты: влюбился, въ карты проигралъ, денегъ тебѣ надо? Бери, бери, сколько хочешь... Антоша?!

— Митрофанъ Василичъ, да оставьте вы его,—раздраженно прошепталъ Василий Дементычъ, когда Кожемяткинъ ринулся было за Ивинымъ въ переднюю.

II.

А въ „Мысли“ тоже разыгрывалась „драма“: секретарь, узнавъ, зачѣмъ приходили „безстыжіе глаза“, чуть не упалъ въ обморокъ:

— Какъ, этотъ негодяй воображаетъ, что когда-нибудь переступить порогъ честной газеты?! И вы не вытолкали его въ шею?

— Въ чемъ дѣло?—спросили въ одинъ голосъ Яковъ Ивановичъ Суворцевъ и издатель—Федоръ Дмитричъ Каблуковъ, вошедшіе въ этотъ моментъ.

— Ивинъ предлагаетъ намъ свое сотрудничество.

— Ивинъ? Это интересно,—издатель оживился.

— Что тутъ интереснаго?—сердито сказалъ Суворцевъ, отыскивая гранки своей „передовой“.—Развѣ это мыслимо?

— Но, господа, онъ совсѣмъ теперь приличень...

— Что не мѣняетъ прошлаго,—еще рѣзче проговорилъ Суворцевъ.

— Подождите,—началь было Мауровъ, но тотъ перебилъ:

— Вы меня удивляете: какъ можно идти на подобные компромиссы? Чортъ съ нимъ, съ его и талантомъ, если онъ вываленъ въ грязи!

— Дайте хоть слово сказать...

— Не дамъ, здѣсь не мѣсто прохвостамъ! Вотъ отъ васъ-то ужъ, Николай Николаичъ, не ожидалъ я такой снисходительности...

Издатель, болѣзненно морщась, теръ лобъ: „конечно, нельзя, немыслимъ! Вѣдь кто же это? „Безстыжіе глаза“! Яковъ Ивановичъ правъ, совершенно правъ“... А лукавый бѣсъ на-шептывалъ: „Ну, а чѣмъ было „Эхо“ до Ивина? Захудалой

провинціальной газетишкой, какъ и „Мысль“. При немъ оно пошло въ гору, послѣ него упало, настолько упало, что могла народиться „Мысль“, и снова воскресло съ его появленіемъ... Мнѣніе Маурова, еще не высказанное, заставило издателя волноваться: ну, а если?..

Но секретарь и Суворцевъ говорили на-перебой, не давая Маурову открыть ротъ.

Угрюмый репортеръ, принесшій хронику, сердито думалъ:

— „И какого чорта кочевряжатся? Жрать скоро будетъ нечего, а туда же“...

— Господа, почему вы не допускаете переворота? Савль—оттого, что былъ гонителемъ Христа, не сдѣлался меньше... Мы не виноваты въ условіяхъ своего дѣтства, своей среды. Одни берутъ истину готовой, другіе—доходятъ до нея путемъ тяжелой борьбы, отреченія отъ прежнихъ боговъ. Для однихъ она—наслѣдственное достояніе, для другихъ—завоеванное счастье. Я даже не знаю: что цѣннѣе и надежнѣе?—говорилъ Мауровъ.

— Прозрѣть только въ тридцать лѣтъ?—иронически разсмѣялся секретарь.—Благодарю покорно за такихъ прозелитовъ? Когда человѣкъ вполне опредѣлился?

— Лучше отъ худого придти къ хорошему, чѣмъ наоборотъ.

— Когда человѣкъ проросъ старыми корнями? Почему вы знаете, не уцѣлѣлъ ли одинъ изъ этихъ скверныхъ пахучихъ корешковъ—я убѣжденъ, что ихъ еще достаточно!—и не пустить ли онъ снова ростки?—желчно сказалъ Суворцевъ.

— Это онъ пусть малолѣтковъ морочить... Мы-то его знаемъ отъ *а* до *зетъ*, намъ съ Яковомъ Ивановичемъ очки не вотрешь! Господинъ Ивинъ просто сообразилъ, что быть негодяемъ даже *невыгодно*,—замѣтилъ секретарь.

— Однако, у Митрофана-то домъ,—тихонько пробунчалъ репортеръ, и тутъ только о немъ вспомнили.

— Вы кончили?—сердито спросилъ секретарь.

— Сейчасъ...

Всѣ сразу умолкли, но черезъ минуту Суворцевъ снова вскипѣлъ:

— Моя нога здѣсь не будетъ, если у насъ объявится этотъ господинъ!

— Господа, такъ все-таки нельзя: рубить съ плеча...—вяло произнесъ издатель.—Надо же немножечко обдумать. Ну представьте себѣ, что мы захлопываемъ дверь передъ погибающимъ...

— Э-э, полноте!—махнулъ рукой Суворцевъ.

Репортеру очень не хотѣлось уходить, но секретарь настойчиво заглядывалъ въ его узенькіе листочки, а исправ-

лять ужъ было больше нечего. И когда онъ вышелъ, тотъ досадливо сказалъ:

— Какъ это мы про него забыли! Навѣрное, сейчасъ побѣжить въ „Эхо“.

— А вамъ-то что? Дѣтей съ ними крестить собираетесь?—огрызнулся Суворцевъ.—Я никогда не скрывалъ своего отношенія къ прохвостамъ и впредь не намѣренъ.

— Всетаки неловко же, Яковъ Ивановичъ, кричать на всѣхъ перекресткахъ: „Ивинъ къ намъ просится“. А говорить при такихъ, какъ этотъ, все равно что на перекресткахъ.

— Господа, ну ошельмуемъ мы человѣка...—началъ опять издатель, но Суворцевъ его перебилъ:

— Онъ самъ себя ошельмовалъ!

— Мнѣ кажется...—заговорилъ Мауровъ, но тотъ снова не далъ кончить:

— Меня возмущаетъ легкость, съ какой вы соглашаетесь на сдѣлки съ совѣстью.

— Яковъ Ивановичъ, позвольте же хоть на минуту,—разсердился издатель,—какія сдѣлки?

— Защищайте вора, мошенника, я ничего не скажу...

— Это талантливый человѣкъ!

— Тѣмъ хуже! Будь это жалкій писака, вродѣ того, что вышелъ сейчасъ отсюда, я самъ бы нашелъ ему оправданія. Но для Ивиныхъ ихъ нѣтъ и быть не можетъ!

— Яковъ Ивановичъ, вы не дали намъ выслушать Николая Николаича. Дайте ему, наконецъ, высказаться.

— Яковъ Ивановичъ, ну, да постойте!—проговорилъ секретарь, подававшій до сихъ поръ съ нимъ вмѣстѣ всѣ реплики.

— Нѣтъ, господа, надо номеръ кончать. Сразу мы все равно не столкнемся,—сказалъ Мауровъ.

— Помните одно: „нельзя и невинность соблюсти, и капиталъ приобрести“,—насмѣшливо закончилъ Суворцевъ, берясь за шапку.

— Кажется, вамъ извѣстно, что я проживаю, а не наживаю,—обиженно промолвилъ издатель.

— Я только хотѣлъ предостеречь васъ отъ излишняго увлеченія талантами господина Ивина. Очень вѣроятно, что читатели окажутся строже насъ самихъ и, вмѣсто благодарности, вы же будете обруганы.

Послѣ ухода Суворцева въ редакціи затихло. Издатель тяжело вздыхалъ, секретарь сидѣлъ мрачный, Мауровъ обдумывалъ, какъ позолотить пилюлю и въ то же время поддерживать Ивина: вѣдь ясно—ничего изъ этого не выйдетъ...

— Николай Николаичъ, а какъ вы насчетъ псевдонима? Можетъ, и Яковъ Ивановичъ тогда примирится... Вѣдь нельзя

же отрицать, что это не тотъ Ивинъ, что въ человѣкѣ произошла какая-то радикальная ломка...

— Да захочетъ ли самъ Ивинъ? Я что-то сомнѣваюсь... И, кромѣ того, у него слишкомъ оригинальная фizioномія, чтобы можно было схоронить концы, если вообще допустима въ такихъ случаяхъ фальшь.

— Да, конечно, вы правы! Но все-таки досадно, что такой талантъ обреченъ прозябать на мусорной кучѣ...

— И хочется, и колется...—сердито подумалъ секретарь. Онъ вообще не вѣрилъ искренности своего патрона. Съ испоконъ вѣковъ провинціальныя газеты велись „секретарями“, если редакторъ не былъ въ то же время издателемъ. „Мысль“ чуть ли не первая нарушила этотъ обычай и весьма при томъ недавно.

Мѣсяца три тому назадъ, рассуждая, почему какое-нибудь „Эхо“ благоденствуетъ, а порядочныя газеты, какъ „Мысль“, еле влачатъ свое существованіе, Ѳедоръ Дмитричъ пришелъ къ неожиданному, самоуничижительному выводу:

— А потому, батенька, что мы съ вами—„писатели-обыватели“ и только!

— А Кожемяткинъ—„настоящій“?—разсмѣялся секретарь.

— У него вывозитъ Ивинъ. Вѣдь иной разъ самому читать противно: точно попала тебѣ въ ротъ какая-то жила, и какъ ты ее ни жуй, все не прожуеться... Вотъ, напр., послушайте. Сперва мое упражненіе: „Мы неоднократно указывали на опасность“... Вѣдь и самъ хорошенько не знаешь, какъ правильнѣе—„на опасность“ или просто: „опасность“?... переулка, именуемаго Гусинымъ, особенно въ непогодныя, осеннія ночи, когда что называется ни зги не видно“... Ну, и пр., и пр. Въ зубахъ навязнеть, пока доберешься до сути! Или у васъ: „Въ такихъ обстоятельствахъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало допускать непринятія мѣръ предосторожности. Не ясно ли г-ну Сидоренку, что отъ его небрежности и не могло не воспослѣдовать ничего иного, кромѣ печальнаго инцидента—а тутъ еще и скверная опечатка: „инцидента“!—завершившагося въ камерѣ мирового судьи вчерашняго дня“. Все не да не и мировой судья вчерашняго дня, когда онъ таковымъ второе трехлѣтіе!

— Гдѣ это, гдѣ?—всполошился секретарь, покрываясь красными пятнами.—Ахъ, да!.. Но вспомните, какъ это писалось: послѣ цензорскихъ выкидокъ, на пустое мѣсто, я даже въ телефонъ ему читалъ, чтобы не задерживать печатаніе. Въ такой спѣшкѣ за каждымъ словомъ не угоняешься.

— А настоящій-то литераторъ и съ просонокъ такъ не напишетъ.

Съ тѣхъ поръ Ѳедоръ Дмитричъ началъ носиться съ на-

стоящимъ литераторомъ, какъ съ больнымъ зубомъ. Вскорѣ сюда попалъ случайно Мауровъ, и секретарское „редакторство“ кончилось...

III.

На другой день Ивинъ въ редакцію „Эхо“ вовсе не явился, прислалъ только маленькую замѣтку.

Предчувствія не обманули его: Мауровъ, выражая свои сожалѣнія, извѣстилъ, что „Мысль“ вынуждена отклонить предложенное сотрудничество. Письмо заканчивалось слѣдующей фразой: „Мнѣ кажется, мои коллеги не столько противъ васъ лично, сколько противъ вашего имени. Но, быть можетъ, это еще уладится...“

Антонъ Андреичъ поспѣшилъ отвѣтить: „Я не вижу, многуважаемый Николай Николаевичъ, какимъ образомъ? Съ помощью псевдонима? Согласитесь, въ моемъ положеніи это болѣе, чѣмъ неудобно... Я не желаю быть принятымъ благодаря лишь фальшивому паспорту. Я никогда имъ не пользовался, да и думаю, что это было бы трудно при наличности „особыхъ примѣтъ“: отдѣлаться отъ своей манеры врядъ ли я смогу... Не нахожу словъ выразить, какъ я тронутъ и благодаренъ вамъ за доброе отношеніе“...

Ему казалось, что онъ подготовилъ себя вполне, и все-таки это былъ ударъ! Въ немъ какъ будто что оборвалось. Знакомая тупая тоска — спутница всей его писательской жизни, несносная за послѣдній годъ — выгнала его изъ дому.

Стоялъ морозъ, какъ и вчера. Солнце проступало изъ дымки красноватымъ, тусклымъ кругомъ. Полозья саней визжали; скованная земля чутко насторожилась. Эта напряженность и острота звуковъ болѣзненно ударила Ивина по нервамъ: онъ вздрагивалъ и ежился, стараясь не слышать своихъ гулкихъ, скрипучихъ шаговъ. Онъ шелъ, не зная куда и зачѣмъ. Только не въ „Эхо“! Ему вспомнились вчерашнія слова Митрофана Василича: „Денегъ надо? Бери, бери, сколько хочешь“! Сколько хочешь! Онъ началъ у него съ полкопѣйки и только черезъ полгода ему „положили“ полторы... Онъ вѣдь тогда и это „почиталъ за счастье“. Полномера надо было настрочить, чтобъ быть сыту самому, отцу - инвалиду и больной матери... А теперь — „Антоша“, „бери, сколько хочешь“! Проклятые крокодилы! Сколько этотъ Антоша отдалъ вамъ своего труда, даже не за полторы копѣйки, а такъ, даромъ, только потому, что, кромѣ него, никому было дѣлать, потому, что вы пользовались его молодой, пылкой любовью къ литературѣ... Чѣмъ онъ для васъ

не былъ при случаѣ? И наборщикомъ, и фальцовщикомъ, и корректоромъ... А теперь: „бери, сколько хочешь“... Нѣтъ, онъ отлично знаетъ, куда ведетъ кожемятчинская щедрость: чтобъ вы не выскочили изъ-за его „прилавка“...

Зачѣмъ было соваться въ „Мысль“? Вѣдь все здѣсь отравлено воспоминаніями... Но Антона Андреича тянуло сюда, какъ тянетъ убійцу къ мѣсту преступленія: вся душа изныла, изболѣла, а онъ приходитъ, бережитъ свои раны, будить совѣсть, безсильный забыть... Онъ ненавидѣлъ этотъ городъ, эти улицы, дома, людей, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства и которые ему сдѣлали столько зла.

Очутившись въ теплѣ и свѣтѣ ресторана, куда занесли его привычныя ноги, Антонъ Андреичъ все еще вздрагивалъ и ежился. Лакей, расплываясь въ улыбку, уже тащилъ ему бутылочку добраго рейнскаго вина. И вина въ ресторанахъ любили не за одни „чайки“...

Антонъ Андреичъ вернулся домой довольно поздно и не удивился, заставъ Маурова ожидающимъ. Ему вдругъ показалось, что онъ даже былъ увѣренъ въ этомъ.

— А я къ вамъ третій разъ навѣдываюсь,—проговорилъ тотъ, поднимаясь.

— Да? Жаль, что доставилъ столько хлопотъ. Простите.

Антонъ Андреичъ произнесъ это равнодушнымъ, точно чужимъ голосомъ, и ему стало неловко, но въ душѣ его все какъ-то замерло, застыло; онъ не находилъ въ себѣ ни давшей благодарности, ни мукъ. Онъ понялъ визитъ Николая Николаича безошибочно: будетъ рѣчь о невозможности псевдонима, „фальшиваго паспорта“. И тотъ дѣйствительно сказалъ:

— Вы угадали замаскированный намекъ... Я сдѣлалъ его весьма неохотно, уступая чужимъ настояніямъ, но лично ни минуты не сомнѣвался, что васъ не можетъ удовлетворить фальшивый паспортъ...

— Очень вамъ благодаренъ за доброе мнѣніе.

— Но, можетъ быть, дѣло уладится еще...

— Нѣтъ, я не питаю больше иллюзій. Въ существѣ—они правы. Застарѣлыя пятна не скоро отмоешь, въ особенности здѣсь, гдѣ все мое прошлое на виду и на счету. И въ этомъ моя ошибка... А вамъ не стоитъ хлопотать о какомъ-то... прохвостѣ!

— Антонъ Андреичъ!

— Но только, Николай Николаичъ, — не корыстное прохвостничество... А просто линія такая вышла.

— Надѣюсь.

— Сегодня я пьянъ, очень пьянъ... Послѣ Новаго года

уѣду. Съ радостью бы раньше, но Кожемяткинъ вытянулъ изъ меня обѣщаніе кончить ужъ декабрь.

— Куда вы думаете? Я хотѣлъ бы быть вамъ полезнымъ.

— Еще ничего не думалъ. Лишь бы подальше, потому что... Кто это?—перебилъ себя Антонъ Андреичъ, поднимая голову на порохъ. Въ дверяхъ стоялъ Митрофанъ Василичъ. Мауровъ взялся за шапку:

— Ну, мы еще съ вами увидимся?

— Непремѣнно, если позволите. Очень вамъ благодаренъ.

— Теперь понимаю,—сказалъ Кожемяткинъ, когда Ивинъ, проводивъ гостя, вернулся къ нему.

— Ничего вы, Митрофанъ Василичъ, не понимаете.

— Господа „мыслители“ занимаются переманиваніемъ чужихъ сотрудниковъ!

— Повторяю: ничего вы не понимаете и лучше молчите.

— Антоша, я долго молчалъ!

— Митрофанъ Василичъ, я еще дольше.

— Ты пьянъ!

— Да, пьянъ отъ вина и отъ горя.

— Какое у тебя горе?

— Идите въ свое „Эхо“, а меня оставьте: не вамъ на него откликнуться.

— Но что же, наконецъ, будетъ? Ты хоть вспомни, какой теперь мѣсяцъ!

— Послѣдній, Митрофанъ Василичъ, послѣдній!—Ивинъ расхохотался. Ему ужъ некого было стѣсняться, и не онъ одолѣвалъ хмѣль, а хмѣль его: Антона Андреича покачивало, глаза у него совсѣмъ посоловѣли.

— Гдѣ же рождественская сказка? Когда ты за нее примешься? Я же изъ-за тебя вернулъ Кротову, и теперь, пожалуй, останемся на бобахъ... — выжидательно помолчавъ, снова заговорилъ Кожемяткинъ.

— Сказка будетъ грустная.

— Да хоть какую-нибудь.

— О маленькомъ мальчикѣ, о глупомъ мальчикѣ, который попалъ къ людоедамъ. Нѣтъ, не къ людоедамъ, къ вампирамъ. Людоеды старо, да и что такое: щелкнулъ зубами, гамъ!—и гдѣ ты, человѣкъ? Можно сказать, плевка не стоитъ. Не смерть страшна—жизнь, когда кровь вашу пьютъ... Вы понимаете, Митрофанъ Василичъ, вампиры были умные... Вѣдь и вы умный.

— Ну, Антоша, у меня еще номеръ не верстанъ. Ты лучше напиши, вотъ...

— Они его кормили, не очень, правда, сытно, но все-же кормили. А къ праздникамъ, когда надо было кровь пить, порціи удваивались. Знаете, какъ гусю...

— Тебя, братъ, не переслушаешь! Прощай... номеръ не верстанъ.

— Вамъ не нравится моя сказка?

— Отличная... пиши!—отвѣтилъ Кожемяткинъ уже изъ передней.

— Не стойтъ, не напечатаете. Бѣжишь! Антоша—подручный мальчикъ, получай свои полторы копѣйки... Проклятые вы, проклятые!

Антонъ Андреичъ грузно опустился на стулъ. Комната передъ нимъ ходила; въ головѣ стучали молотки; глаза застилались туманомъ. Ивинъ подумалъ, что это отъ освѣщенья, что малъ огонь, и повернулъ винтъ фитиля, но изъ лампы задымилъ. Онъ быстро убавилъ, и вокругъ стало еще темнѣе.

— Подавать вамъ ужинать?—спросила горничная, заглянувъ къ нему.

— Нѣтъ, я ужиналъ.

— Керосину у васъ нѣтъ, что ли? Пахнетъ какъ...

Она подошла, посмотрѣла.

— Если мало, налейте.

— Хватить, да, поди, и спать вамъ пора—вонъ вы сегодня какой...

— Не ваше дѣло!

— Конечно, не мое, а только васъ же жалѣють.

— Ну, приготовляйте постель и уходите, пожалуйста. Керосинъ есть?

— Есть,—сердито отвѣтила дѣвушку, хлопая подушками.

Нѣсколько дней тому назадъ Антонъ Андреичъ, будучи въ пьяномъ видѣ, ее „облапилъ“, и она, очевидно, думала, что покорила, наконецъ, его сердце.

А онъ сидѣлъ и твердилъ:—„Все скотство, скотство“...

Ему лѣзли въ голову его довольно многочисленныя, низкопробныя романы. Вѣдь не было ни одной порядочной женщины! Даже изъ средняго круга на него обращала вниманіе только дрянь. Онъ всегда растерявался въ „дамскомъ“ обществѣ и превосходно себя чувствовалъ среди мелкихъ пѣвичекъ.

Съ *этими* не страшно, а тамъ бойся—какъ бы не вырвалось бульварное словечко... Онъ и не замѣтилъ, какъ у него образовался своеобразный жаргонъ: вѣдь съ кѣмъ только и гдѣ онъ не путался! Проститутки, швеи, пѣвички, ночлежники, купцы, чиновничья братія... Чего онъ не видѣлъ, чего онъ не описалъ? И все точно оставило на немъ свой грязный слѣдъ...

Ему страстно захотѣлось очиститься, омыться, забыть эту пошлость и жизни, и любви, а тутъ Дуняши съ распростертыми объятіями...

Онъ не вѣрилъ, что у него есть талантъ, такой талантъ, который цѣнился бы и въ настоящей, большой прессѣ. Онъ былъ *нарасхватъ* въ мелкой, его переманивали нѣсколько издателей, но Антонъ Андрейчъ пользовался ихъ предложеніями, какъ средствомъ поприжать Митрофана Василича. Мѣнять его на другихъ, какъ онъ убѣдился за пять лѣтъ разлуки съ „Эхомъ“, почти не имѣло смысла: всѣ они стояли другъ друга. Послѣдніе три года Ивинъ не нуждался, хотя безъ авансовъ, и довольно крупныхъ, не обходилось—деньги уходили нелѣпо, безтолково.

Онъ мучился своей бездомностью, одиночествомъ. Его прежніе литературные друзья давно исчезли въ бездонной „ямѣ“—кто умеръ, кто спился, одного онъ встрѣтилъ, обходя „ночлежку“. Пытался было вытащить, но тотъ упорно твердилъ:— „Поздно, Антоша, поздно! Пропавшій я человѣкъ, и не зачѣмъ тебѣ со мной возиться. Ходи мимо—отворачивайся: я вѣдь тоже *спасалъ*, да и самъ пошелъ на дно“...

Отъ всѣхъ этихъ воспоминаній у Ивина щемило сердце, и даже пьяный онъ тяжело вздыхалъ, ворочаясь въ постели. Хоть бы что, хоть бы одна чистая, свѣтлая радость, одинъ милый, незабываемый образъ—все отравлено, забрызгано грязью...

IV.

Митрофанъ Василичъ упорно не хотѣлъ вѣрить, что „Антоша“ его прикидаетъ, а еще больше, что онъ ѣдетъ *искать* новаго счастья, и приставадь до самаго отъѣзда:

— Ну, хочешь семь копѣекъ? Разорюсь—вотъ те крестъ!—но назначаю. Слышишь, семь! Ну, лѣпшій тебя подери, восемь! Слышишь, восемь копѣекъ. Какого еще рожна? Али тамъ гривенникъ?

— Отстаньте вы! Чего вы торгуетесь?

— Ты торгуешься.

— Вѣдь ужъ я сказалъ вамъ почему.

— Это „мыслители“ тебя въ одинъ день въ свою вѣру оборотили?

— Почитайте, что я писалъ весь годъ, если не читали.

— Я тебя не неволю: пиши, про что хошь.

— А вы рядомъ будете Ермолаича „подпущать“?

— Кумъ онъ тебѣ, что-ли? Али родня какая?

— Ну, право, довольно! Не о чемъ намъ разговаривать.

— И въ эдакую пору, когда меня хотятъ съѣсть? Когда они писателей настоящихъ завели? Отблагодарилъ, братъ, отблагодарилъ, можно сказать! Спасибо, спасибо...

— Вы же требуете благодарности? За что? За мой трудъ, который вы оплачивали буквально грошами?

— Да кто бы тебя, мальчишку, взял? Подохъ бы ты, съ голоду подохъ!

— Ну, прощайте.

— Еще вспомняешь, вспомняешь Митрофана Кожемяткина. Кто вывелъ тебя въ люди? Митрофанъ Кожемяткинъ... Старая хлѣбъ-соль забывается... Высоко летаешь, да гдѣ-то, братъ, сядешь...

Ивинъ зашелъ еще проститься только къ Маурову. Никого изъ знакомыхъ онъ не любилъ, да и къ нему всѣ были равнодушны. И, не смотря на это, его охватила грусть, когда онъ очутился на вокзалѣ—некому было встрѣчать, некому и провожать...

Спросивъ пива, Антонъ Андреичъ присѣлъ къ столику. Собственно, его зналъ чуть не весь городъ, съ нимъ безпрестанно раскланивались, подходили пожать руку и перекинуться двумя-тремя словами, но никого не касалось, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ и даже ѣдетъ-ли, а не просто выпиваетъ.

Поэтому, когда репортеръ Евдокимовъ, уже беззубый старикашка, робко пробормоталъ: „Счелъ долгомъ... въ послѣдній разъ.. Все-таки столько лѣтъ“... Антонъ Андреичъ расстрогался:

— Спасибо, спасибо! Присаживайтесь.

Евдокимову здѣсь было дѣлать нечего: онъ писалъ по „толкучей части“—и, очевидно, пришелъ только проводить. Грязный, оборванный, иззябшій, типъ настоящаго золоторотца, онъ казался тутъ еще болѣе жалкимъ, чѣмъ въ редакціи „Эхо“.

Ивинъ велѣлъ подать вина.

— Ваше здоровье!

— Ваше-съ! Отлично надумали... Давно бы вамъ надо—вѣдь яма у насъ, яма-съ.

— А куда изъ ямы возьмутъ? въ новую? — усмѣхнулся Антонъ Андреичъ.

— Оно точно... Только при вашемъ талантѣ вы вездѣ можете обратить на себя вниманіе..

— Да вѣдь еще вопросъ... Ѳедоръ Петровичъ,—такъ, кажется?..

— Точно такъ-съ,—репортеръ слегка даже привсталъ.

— Вопросъ еще, говорю: талантъ-ли? Не развязность-ли только?

— Ну, какъ можно, какъ можно, — заволновался тотъ,—вѣдь чувствуется онъ, брызжетъ... Боже мой, да вы обо всемъ хорошо-съ! Съ восторгомъ иногда наблюдалъ: рука такъ и летаетъ! Вамъ въ слогъ нѣтъ затрудненія... И мысли у васъ..

Звонокъ прервалъ эти наивныя похвалы.

— Уже-съ,—торопливо допивая, произнесъ Евдокимовъ.

— Успѣмъ.

— Митрофанъ Василичъ истинно рвутъ и мечуть. Обидно, говорятъ: столько надавалъ, а онъ, вы-то, не обратили даже нуль вниманія. Не повѣрили, молъ, что-ли... Я, дескать, не щепками расплачивался.

— „Надавалъ“!.. Онъ все путаетъ литературу со своими кожами.

— Да вѣдь откуда вышелъ, тѣмъ и пахнетъ.

— Ну, и отъ меня вотъ также.

— Антонъ Андреичъ, какъ можно?! Вы—благородный человекъ.

— Однако, надо идти... До свиданья, не поминайте лихомъ.

— Помилуйте, за что-съ? Всякихъ успѣховъ, всякихъ! Дай Богъ!

Старикъ окончательно разстроился, когда Ивинъ расцѣловался съ нимъ,—прослезился и долго махалъ встѣдъ шапкою, идя за поѣздомъ, хотя Антонъ Андреичъ не могъ этого видѣть: и ночь, и рамы подняты.

Прислушиваясь къ постукиванью колесъ на скрещеніяхъ, Ивинъ вспоминалъ свой первый разрывъ съ Митрофаномъ Василичемъ: вѣдь и тогда казалось, что впереди ждетъ *другое...*

Онъ не воспользовался услугами Маурова, заявивъ ему: „Я не хочу злоупотреблять вашей добротой. Вы меня совершенно не знаете; вѣроятно, не совсѣмъ во мнѣ увѣрены. Я не хочу ставить въ затруднительное положеніе ни васъ, ни вашихъ друзей, но, если вы позволите обратиться къ вамъ за совѣтомъ или указаніемъ, буду весьма признателенъ“.

Николай Николаевичъ не настаивалъ и, быть можетъ, остался даже доволенъ, что его не поймали на неосторожномъ словѣ...

Антонъ Андреичъ испытывалъ истинное наслажденіе: онъ больше не Кожемяткинскій сотрудникъ, онъ только пассажиръ, такой же, какъ и всѣ, съ нимъ разговариваютъ, какъ и со всѣми, и никому не приходитъ въ голову, съ кѣмъ имѣютъ дѣло... Вытянувшись во весь свой большой ростъ, Антонъ Андреичъ мирно лежалъ теперь и слушалъ стукъ колесъ, которыя явственно выговаривали: „Скорѣй, скорѣй, вотъ такъ, да такъ, такъ“!.. Отъ этихъ словъ на душѣ его стало радостно, онъ зажмурился, уснулъ и увидѣлъ сонъ: Митрофанъ Василичъ бѣжитъ за поѣздомъ, крича: „Восемь копѣекъ не щепки! Антоша, бери! Бери, а то не успѣешь“! Антонъ Андреичъ хотѣлъ отвѣтить и открылъ глаза: поѣздъ стоялъ.

— Ну, бѣги же, а то не поспѣешь,—шептала закутанная женщина другой.

— Да мнѣ бы тебя хотѣлось устроить... Что же ты, такъ и будешь на ногахъ? Взять да разбудить—разлеглись на всѣхъ лавкахъ...

— Не беспокойтесь вы, ради Бога! И сама устроюсь... Ну, вонъ слышите—второй звонокъ. Еще останетесь...

Онѣ порывисто обнялись и исчезли за дверью. Потомъ младшая вернулась. Бѣ багажъ, сваленный въ проходѣ, былъ весь въ снѣгу. Смахнувъ его, дѣвушка примостилась напротивъ Ивина. Но спавшій пассажиръ потянулся, и ей пришлось встать.

— Садитесь,—сказалъ, поднимаясь, Антонъ Андреичъ.

— Спасибо... Если-бы вы подобрали немножко ноги,—хотя, кажется, это для васъ довольно трудно,—то мнѣ мѣста-бы хватило.

— Да, я думаю, что это трудно... Лучше ужъ совсѣмъ убрать, улыбнулся онъ.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, потомъ Ивинъ спросилъ:

— Можетъ, вы приляжете? Вамъ это легче сдѣлать, чѣмъ мнѣ, а я къ тому же выспался.

— Нѣтъ, мерсі, не хочется.

— Какъ не хочется: пятый часъ, до утра долго. Ложитесь, право. А то я чувствую себя собакой на сѣнѣ.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Развѣ ужъ, чтобъ не тревожить вашу совѣсть?—она быстро устроилась, свернувшись въ комочекъ. Они немножко попрепирались: Антонъ Андреичъ указывалъ, сколько еще между ними свободнаго пространства, она увѣряла, что ей претлично и такъ, въ комочкѣ. Онъ пересталъ настаивать, боясь показаться навязчивымъ. Въ вагонѣ опять затихло; только буйная мятель билась въ окна, да стучали колеса и лязгали цѣпи. Поѣздъ шелъ неровно, порывами, словно преодолевая невидимыя препятствія.

Подъ вой вѣтра и шипѣнье колесъ—теперь ужъ они не подбадривали себя „скорѣй, скорѣй“!—а какъ-то шипѣли—Антонъ Андреичъ задремалъ и сидя. Когда онъ открылъ опять глаза, поѣздъ снова стоялъ, и почему-то сразу почувствовалось, что это не у станціи. Въ вагонѣ сильно похолодѣло.

— Что это? ужъ не въ заносѣ-ли?—спросилъ Ивинъ встрепанную голову, которая свѣсилась съ верхней койки и смотрѣла на него круглыми глазами.

— Да-съ, батенька... Удовольствіе! А все-таки не слѣзу... Чортъ съ нимъ! Въ тишинѣ-то еще слаще уснешь. Только вотъ дрогнуть началъ...

— Ну, а я пойду—надо же посмотрѣть. Давно стоимъ?

— Не знаю. Должно быть, порядочно: ужъ я съ четверть часа какъ проснулся—гдѣ-то все дверями хлопали.

Фонари уже были потушены и въ залѣпленные снѣгомъ окна чуть брезжилъ свѣтъ. Вѣтеръ свистѣлъ, перелетая черезъ крышу вагона, который, какъ будто ежился, вздрагивая подъ его напоромъ. Ивинъ вышелъ на площадку, но дальше проникнуть не удалось: одну дверь занесло до стекла, другая оказалась запертой на ключъ, а средняя не двигалась ни взадъ, ни впередъ и, должно быть, давно уже застряла, потому что черезъ щель намело цѣлый сугробъ.

Антонъ Андреичъ вернулся обратно. Дѣвушка сжалась еще больше. Подумавъ немного, онъ осторожно накрылъ ее своимъ одѣяломъ. Второй ихъ визави—старичекъ на нижней лавкѣ, тоже проснулся и всталъ посмотрѣть.

— Не пройдетъ, я ужъ попробовалъ,—окликнулъ его Ивинъ.

Они направились къ другому выходу. Въ воздухѣ носились цѣлые пласты липкихъ хлопьевъ. Длинный поѣздъ казался маленькимъ и безпомощнымъ среди бѣлой, мутной пустыни. Старичекъ, ахнувъ, ринулся обратно. Антонъ Андреичъ, увязая по колѣна, попытался пробраться къ паровозу, около котораго суетилась и кричала бригада. И хотя это было близко—ихъ вагонъ былъ второй,—но онъ едва понялъ, что тамъ дѣлается. Шла Сизифова работа: сколько отбросить, столько же прилетитъ назадъ. Впереди, когда ломался и падалъ снѣжный столбъ урагана, чернѣли какія-то точки.

— Мужики бѣгутъ,—пояснили рядомъ.

Блѣдный разсвѣтъ какъ будто застылъ: кругомъ все по-прежнему было мутно. По временамъ черныя точки совсѣмъ пропадали въ сугробахъ и поле дѣлалось ровнымъ, точно бѣжавшихъ засыпало съ головой.

Антонъ Андреичъ съ трудомъ вернулся назадъ въ вагонъ, гдѣ всѣ уже проснулись и грѣлись, кто какъ могъ. Сосѣдка Ивина, поджавъ подъ себя ноги, ушла въ одѣяло. Старичекъ быстро ходилъ отъ двери до двери.

— Замерзаю, окончательно замерзаю,—сказалъ онъ, увидѣвъ Антона Андреича.

— Ничего, сейчасъ „мужичекъ“ спасетъ.

У кого-то нашлась водка.

— Я забрала ваше одѣяло... Ваше, должно быть?—спросила дѣвушка, дѣлая движеніе стащить его съ себя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! Мнѣ тепло, отлично...

— Ужъ какое тамъ отлично!

— Все равно я не возьму, даромъ пролежить,—настаивалъ Антонъ Андреичъ.

— Ну, и пусть...

Одѣяло мелькнуло и очутилось свернутымъ.

— Я имъ не воспользуюсь,—проговорилъ Антонъ Андреичъ дрогнувшимъ голосомъ и направился къ дверямъ. Что онъ за отверженный какой—самая простая его услуга вызываетъ въ людяхъ злобу!..

— Ну, хорошо, хорошо,—съ сердцемъ сказала дѣвушка.— Куда вы? Извольте, беру... Хотя это насиліе!..

Онъ молча вернулся и сѣлъ рядомъ. Они не произнесли ни слова, пока не тронулся поѣздъ. Когда благодѣтельный паръ разлился, наконецъ, по трубамъ, всѣ ожили, развеселились и подобрѣли. Подобрѣла и „сердитая барышня“, какъ назвалъ ее старичекъ. Со слѣдующей станціи, куда она посылала Ивина за кипяткомъ, они звали другъ друга ужъ по именамъ, но фамиліи остались неизвѣстными, потому что Ивинъ не далъ ей кончить, быстро проговоривъ:

— А меня—Антонъ Андреичъ.

Ему показалось, что за его фамиліей неизбежно раздастся: „Какъ?! *тотъ самый*?!“ Конечно, это глупо: не столь же онъ извѣстный литераторъ... Но, тѣмъ не менѣе, отъ страха у него сразу пересохло въ горлѣ. Онъ долго не смѣлъ взглянуть на „Наталью Алексѣевну“, вплоть до тѣхъ поръ, пока она не придвинула стаканъ, сказавъ:

— Ну, пейте.

Но и послѣ этого Антонъ Андреичъ не вдругъ успокоился: все-таки онъ совершилъ вѣдь неловкость... Впрочемъ, дѣвушка не проявляла признаковъ неудовольствія, и Ивинъ понемногу отошелъ отъ испуга. Старичекъ, который тоже могъ поинтересоваться, съ кѣмъ имѣетъ честь бесѣдовать?—сошелъ на слѣдующей станціи. Наталья Алексѣевна не коснулась этого вопроса вплоть до самой Москвы и уже тамъ, сидя на извозчикѣ, съ усмѣшкой проговорила:

— Ну, прощайте, г. Инкогнито.

Антону Андреичу показалось, что онъ оступился и летитъ въ какую-то бездонную яму...

— Къ моему прискорбію, лучше мнѣ и остаться имъ,—отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ.

— Почему?—строго спросила дѣвушка; брови ея нахмурились.

— Потому что... Нѣтъ, право, позвольте быть только Антономъ Андреичемъ...

— А-а!—неопредѣленно протянула она и, отвернувшись, крикнула возницѣ:

— Поѣзжай!

Сани скрылись въ туманѣ мятели, которая бушевала и надъ Москвой, а Ивинъ все еще стоялъ на подѣздѣ вокзала...

V.

Это была пощечина, отъ которой онъ дрожалъ и трясся въ жарко натопленномъ номерѣ скверенькой гостиницы.

И не потому, чтобы дѣвушка ему особенно понравилась, по крайней мѣрѣ, своей внѣшностью. Внѣшность ея онъ мало даже замѣтилъ, поглощенный страхомъ прошлаго. У него только потеплѣло какъ-то на душѣ отъ ея довѣрчивой болтовни.

Да нѣтъ, не отъ одной болтовни! Потому что это женщина, потому что она прекрасна, чиста и свѣжа, какъ ясное раннее утро. Въ его жизни было одно такое утро, и онъ помнилъ его до сихъ поръ. Послѣ первыхъ же напечатанныхъ строкъ городъ захватилъ Антона Андреича безъ остатка—вѣдь газета должна знать все. И онъ старался быть на высотѣ положенія: пристань, толкучка, канцеляріи, мировые суды, драка, пожаръ—имъ день; театры, кафе-шантаны и просто кабаки—имъ вечеръ и ночь. Глотая пыль мостовыхъ и томясь въ палящемъ зноѣ, Антонъ Андреичъ вспоминалъ иногда, что на свѣтѣ есть лѣсъ. Но лѣсъ былъ далеко, а кафе-шантанъ близко, и ему начинало казаться, что это совершенно все равно и даже, пожалуй, лучше... Чего бродить впотьмахъ между лѣсинъ? Еще глазъ выколешь. А тутъ фонари, музыка, пиво и водка и такія же деревья, правда, до того покрытыя пылью, что не разберешь—кленъ или сухая коряга...

Онъ приняхался къ смрадному воздуху, и его никуда уже не тянуло. Однажды раннимъ утромъ онъ съ большою досадой прочиталъ предписаніе Митрофана Васильевича—немедленно отправиться въ деревню Жилкину, гдѣ ночью сгорѣлъ винокуренный заводъ. Ему было и лѣнь, и, главное, хотѣлось еще спать, но редакціонный сторожъ громко харкалъ за дверьми, повторяя:—„Дакъ поѣдете?“—и Ивинъ поднялся.

Что было *красиваго* въ этомъ утрѣ? Антонъ Андреичъ затруднился бы отвѣтить. Но оно было *прекрасно*... и промелькнуло, ушло отъ него, какъ эта дѣвушка съ сіяющими глазами. Ахъ, зачѣмъ она ушла!..

Онъ не могъ отдѣлаться отъ ея холоднаго, презрительнаго восклицанія, въ которомъ заключалось, быть можетъ, далеко больше, нежели онъ заслуживалъ. За кого она приняла его? За лакея, маркера или даже жулика? Пожалуй, еще оцупала карманы! Антонъ Андреичъ съ нѣкоторымъ страхомъ пересмотрѣлъ свой багажъ—не попали ли какъ-нибудь и ея вещи? И вдругъ вспомнилъ, что забылъ отдать ей пятнадцать копѣекъ сдачи. Тогда не было мелочи, и онъ

хотѣлъ разсчитаться на вокзалѣ, — но ея фраза такъ его пришибла, что онъ остался съ зажатымъ въ рукѣ пятиалтыннымъ, который и спустилъ потомъ машинально въ карманъ.

Антонъ Андреичъ выложилъ монетку и смотрѣлъ на нее, точно она могла ему что сказать.

Все глупости, все пустякъ, и все доводить его до неистовства, до отчаянія! Ему казалось, что онъ способенъ теперь застрѣлиться, повѣситься, вообще, такъ или иначе, но покончить съ этимъ гнуснымъ существованіемъ... Онъ самъ себя испугался, своего внутренняго я, которое копошилось, толкая его къ чему-то дикому и страшному.

Онъ выбѣжалъ изъ гостиницы и уткнулся прямо въ ресторанъ. Въ ярко освѣщенной залѣ гремѣлъ органъ, пахло мяснымъ. Ресторанъ былъ плохенькій, но, по-московски — „утробистый“, сытый. Откормленный пестрый котъ, сидѣвшій на стулѣ, не кланчилъ кусковъ, а только подставлялъ шею, предлагая почесать за ушкомъ; у половыхъ были круглыя, румяныя лица, короткіе, жирные пальцы; огромный животъ буфетчика точно хотѣлъ сказать: „кушайте у насъ, и вы тоже получите“. Публика ѣла, не торопясь, чавкая и причмокивая. Пили больше зубровку, „горькую“, рябиновку и сплевывали черезъ зубы. Кой-гдѣ мелькали ситцевыя красныя платки.

Органъ хрипло и фальшиво выводилъ „Мандолинату“.

— Эй, малый, — подозвалъ низенькій, лысый и хмѣльной купчикъ, который занялъ столикъ неподалеку отъ Ивина, — какъ кончить эту канитель, вставь-ка „Въ бурю, во грозу“.

Купецъ слушалъ музыку, хлебалъ щи и поглядывалъ въ сторону Антона Андреича.

— А мы будто съ вами знакомы, — проговорилъ онъ, отправивъ въ ротъ послѣднюю ложку. — Не припомните?

— Нѣтъ, — холодно отвѣтилъ тотъ.

— Про Митрофанъ Василича Кожемяткина не слыхали? Онъ родней намъ доводится... Вотъ у него будто встрѣчались прошлымъ лѣтомъ. Наша племянница за его двоюроднаго брата выдана была. Теперь-то ужъ померши. Вы ровно въ его „листкѣ“ писали? Антонъ Андреичъ Ивичевъ?

Антонъ Андреичъ не счелъ нужнымъ возстановливать свою фамилію въ точности и отвѣтилъ:

— Да.

— Не составите-ли компанію? Одному пить не веселье. Ну, да вотъ еще телятинки поѣмъ... Жохъ вашъ Митрофанъ Василичъ, — сказалъ онъ, прожевавъ кусокъ. — Ему пальца въ ротъ не клади.

— Онъ больше не мой: я ушелъ.

— Ну-у? Вотъ что! — купецъ оживился. — Нагрѣлъ, чай?

— Нѣтъ, такъ.

— Они съ братцемъ народъ чистый: послѣ нашей Аннушки живо все къ рукамъ прибрали. У покойницы дѣтей не было, ну, мы, дядья, значить, наслѣдники. А сунулись — шишъ! Тряпье да сережки какія-то тамъ предоставили:—получайте, наслѣднички... Гдѣ жъ, молъ, капиталъ, билеты? Наряжаться-де твоя Аннушка любила, такъ поищи, въ какихъ магазинахъ капиталы растрясла. Ну, что тутъ? Походили кругомъ да около, и плюнули—больше просудишь. Подлецъ мужикъ!

Покончивъ съ телятиной, купецъ мигнулъ половому.

— Ну-ка, любезный, тащи бутылочку... Мы вотъ съ баринѣмъ разопьемъ.

Ивину не удалось отъ него отдѣлаться. Бутылочка оказалась редереромъ.

— Для возобновленія пріятнаго знакомства... Ловко вы ихъ тогда отдѣлывали! Я это люблю... А что мы стоимъ—правда. Жадны мы нонѣ стали, страсть жадны! А нехорошо, очень нехорошо... Нельзя, чтобъ все одному, своей утробѣ. Кому надо для чужихъ стараться, если себѣ никакой пользы не видишь?

— Всѣ вы съ одного начинаете:—„по-божепки“.

— А надо и кончать. Мало еще нашего брата ругаютъ. Я скажу вамъ больше: самый великій грѣшникъ — купецъ. Вы,—господа, хоть въ Бога не вѣруете. Онъ же вѣритъ, а дѣла-то его мерзкія! Поставилъ пудовую свѣчку и думаетъ: ладно. Нѣтъ, не ладно! Врешь, братъ, — Богъ-то видитъ, что съ нея капаютъ сиротскія слезы, а не воскъ отъ лица огня! Такъ-то-съ! Бога не надуешь:—всевидающій, вездѣсущій! Недаромъ это сказано.

Самообличительный азартъ купца росъ чуть не съ каждымъ глоткомъ, онъ поминутно восклицалъ:

— Что-о? Мало! Скажу вамъ больше..

Рядомъ поглядывали довольно неодобрительно. Одинъ старичекъ, наконецъ, замѣтилъ:

— Домой бы тебѣ, Спиридонъ-чъ, въ самую пору...

— Нѣтъ, мнѣ не домой, а въ монастырь,—на колѣни, грѣхи замаливать!

— Пошла писать губернія!

— Не любишь?! Нѣтъ, врешь: сковороды будемъ съ тобой лизать, сковороды! А Митрофана въ пекло, въ самое пекло, въ смолу кипучую, въ огни горючіе! Я, можетъ, Аннушкины-то деньги хотѣлъ на поминъ ея души, а онъ куда ихъ оборотить?

— Чего тебѣ чужіе грѣхи считать,—своихъ хватить.

— Да, я грѣшникъ! Но ты хуже меня, хуже меня ты!

— Ты отстань-ка вотъ, это лучше,—уже сердито произнесъ старичекъ.

— Ну, пойдѣмте, въ самомъ дѣлѣ, пора,—сказалъ Антонъ

Андреичъ, у котораго тоже порядочно шумѣло въ головѣ и которому стало надоѣдать ихъ „словопреніе“.

— Не бойтесь, мы себя держать умѣемъ,—успокаивалъ собутыльникъ.—И не такіе наши капиталы, чтобы мы натворили какихъ безобразіевъ. Мы это понимаемъ, не сумѣвайте. Вы домой желаете? Идемте, съ нашимъ удовольствіемъ.

Но на крыльцѣ купецъ вдругъ заартачился.

— Чтобъ я изъ-за какого-то Яшки хриstopродавца? Ни въ жисть! Пойдемъ назадъ. Я ему... нѣтъ, я ему не спущу...

— Ну, а я не пойду, какъ хотите,—и Антонъ Андреичъ рѣшительными шагами направился черезъ улицу. Но Спиридонъ, нагнавъ его на серединѣ, уцѣпился за локоть.

— Не нравится этотъ, пойдемъ въ другой. Го-осподи, Царица Небесная, не стало ихъ! Да сколько хочешь!

— Ужъ выпито, довольно.

— Нѣ-ѣтъ, братъ, не довольно! Я тебя, братъ, полюбилъ за эту, за самую правду... Ты человѣкъ ученый, я—простой, а душа у всѣхъ одинаковая, потому она отъ Бога. И вотъ она-то, подлая, не даетъ людямъ покою, въ какое ты свинство ни приди: ты ее въ свинство, а она тебя въ морду! И карежишься ты ровно береста на огнѣ.

— Что вѣрно, то вѣрно.

— Вотъ то-то и есть. И отъ этого трактиръ—для залитія совѣсти-души. Кто свѣчку, кто трактиръ, всякъ по своему. И мы съ тобой пойдемъ. Ха-арошій тутъ есть... Я все, братъ, здѣсь знаю—москвичъ природный. И худо будетъ, ежели я теперь напрямикъ домой. Ой, какъ худо! Есть у меня причина... Ой, какая причина! Лютый я сталъ... Самъ виноватъ, а пожалѣть не могу... Вотъ онъ, милашка, трактирчикъ-то самый!

Они попили и въ этомъ; затѣмъ очутились въ настоящемъ вертепѣ, гдѣ купецъ и плакалъ, и пѣлъ, и выкрикивалъ, колотя себя въ грудь:

— Любовью грѣшенъ, женщинами! Не въ чемъ-нибудь, а женщинами, любовью! А все-таки своей Марьѣ Степановнѣ не прощу...

VI.

Когда Антонъ Андреичъ проснулся, онъ долго не могъ сообразить, куда и зачѣмъ попалъ. Перевернутый кверху ногами стулъ, съ прорванной дерюгой и торчавшей оттуда мочалой, напомнилъ ему, какъ онъ вчера барахтался, пытаясь его поднять. Да, онъ вчера былъ пьянъ, что называется, „вдрызгъ“, какъ никогда. Дворникъ довелъ его до номера и

зажегъ свѣчу. Но только Антонъ Андреичъ, оставшись одинъ, сдѣлалъ самостоятельный шагъ, какъ подсвѣчникъ полетѣлъ со стола, а вслѣдъ за нимъ и стулъ. Спички разсыпались. Пробираясь ощупью, Антонъ Андреичъ споткнулся о стулъ и сунулся головой внизъ. Тогда и началась эта проклятая борьба: перешагнуть никакъ не можетъ, а уцѣпится за спинку и снова носомъ впередъ... Когда за стѣной раздалось: „Какъ это тамъ сволочь разгромыхалась?“ Антонъ Андреичъ притихъ и не рискнулъ ужъ шевелиться. Сидѣлъ или дремалъ онъ на полу довольно долго, пока ему не попали подъ руку разсыпанныя спички. Онъ сталъ ихъ зажигать, но онѣ все тухли. Однако, онъ кое-какъ оріентировался и доползъ до кровати. На память ему остались бѣлые волдыри на пальцахъ, нѣсколько ссадинъ на фізіономіи и кучка обожженныхъ спичекъ на середкѣ комнаты...

Отъ душевной муки и боли въ головѣ Антонъ Андреичъ застоналъ. Онъ былъ разбитъ, истерзанъ, по немъ какъ будто пробѣхалъ десятокъ каретъ. Его охватила вчерашняя жажда смерти, забвенья...

Ему было совѣстно глядѣть на прислугу; онъ просидѣлъ въ номерѣ до самыхъ сумерекъ и тогда уже потребовалъ самоваръ.

— Можетъ за лимончикомъ сбѣгать?—многозначительно спросилъ мужикъ, въ жилеткѣ и красной рубахѣ на выпускъ, принесшій принадлежности чаепитія.

— Да, пожалуй.

— А больше ничего не надо?

— Ничего.

— Напрасно... Это первое дѣло!.. Вотъ попробуйте, спасибо скажете.

— Ну, возьмите...

— И огурчиковъ или капустки?

— Все равно.

Мужикъ живо вернулся. Антонъ Андреичъ, не глядя на него, выпилъ рюмку и ткнулъ въ капусту вилкой.

— Еще надо, а это чего-же—пустякъ,—строго проговорилъ лѣкарь.

— Еще?—пациентъ натянуто разсмѣялся.—Ну, ладно.

— Хватите ужъ третью! Безъ троицы домъ не строится.

— Нѣтъ, будетъ.

— Честное слово, надо третью. Выкушайте, выкушайте,—онъ налилъ и, растопыривъ толстые грязные пальцы, двумя перстами поднесъ рюмку къ самому лицу Антона Андреича. Чтобъ отвязаться, тотъ выпилъ и третью.

— Ну, а остальное возьмите себѣ.

— Покорнѣйше благодаримъ. Я тоже запибъ вчера малость...

— Значить, кстати...

— Фу!—вырвалось у него, когда захлопнулась дверь.

Какъ легко было скатиться въ яму и какъ трудно изъ нея выбираться! Какого-то пустяка, вродѣ пятиалтыннаго, достаточно, чтобъ человѣкъ опять обратился въ свинью.

Антонъ Андреичъ всетаки доставилъ своего компаніона домой. Дорогой Спиридонъ совершенно забылъ, съ кѣмъ ѣдетъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ:

— Да ты-то кто же?

Теперь Антону Андреичу просто стало досадно за свою трусость: кто читаетъ провинціальныя газеты? своя губернія. Кому надо помнить какого-то Ивина? Мало ли этой дряни! Въ столичной прессѣ врядъ-ли даже знаютъ, что есть такой „писатель“ на свѣтѣ. Ругали при случаѣ, если попадетъ на глаза. Теперь ругать не за что, а хвалить некому. Кто слѣдитъ за *листочками*? Въ порядочныхъ редакціяхъ ихъ даже не развѣртываютъ, они идутъ прямо съ пуда. Последнее соображеніе показалось ему столь убѣдительнымъ, что онъ, волнуясь, схватилъ бумагу и набросалъ: „Милліонъ терзаній. Изъ записокъ пропащаго человѣка“. Съ перомъ въ рукахъ Антонъ Андреичъ снова пережилъ этотъ милліонъ терзаній. Ему вспомнилось все, даже мелочи, но особенно его била по сердцу одна отповѣдь ему, озаглавленная: „Безстыжіе глаза“. Онъ тогда вѣдь расписался въ этомъ, отвѣтивъ за подписью „Безстыжіе глаза“. Кличка за нимъ утвердилась. Онъ бравировалъ ею, старался даже сдѣлать видъ, что чуть-ли не гордится...

Ему стало страшно пересмотрѣть свою „исповѣдь“, онъ боялся сказать себѣ: „очень нужно людямъ твое покаяніе! Терзаешься? Ну, и терзайся, намъ-то что за дѣло? Подѣломъ вору и мука“...

Но вѣдь онъ уже *не воръ*, онъ не можетъ, не хочетъ быть воромъ! Ему хотѣлось крикнуть: „спасите меня, спасите“!...

Отвѣтъ относительно „Милліона терзаній“ обѣщали скоро: черезъ недѣлю. Такъ какъ послѣ кутежа со Спиридонъ-чемъ у него осталось всего 2 руб. 75 коп., то Антонъ Андреичъ заложилъ портсигаръ и нанялъ комнату подешевле.

Ровно черезъ недѣлю секретарь вынесъ ему рукопись и сухо сказалъ:

— Не пойдетъ.

Уже по этой аккуратности,—когда же редакціи исполняютъ обѣщанія насчетъ сроковъ?—Ивинъ понялъ, что „Мил-

ліонъ терзаній“ возвращается нечитаннымъ. Посмотрѣли на подпись и—„Ну его, не надо! Вѣдь это *тотъ самый*“!...

Сорвавъ верхній листочекъ съ редакціонной помѣткой, онъ отправился въ другую газету. Тутъ общались черезъ двѣ недѣли.

Къ концу второй портсигаръ былъ „сѣденъ“, и наступила очередь шубы. Рукопись опять вернули.

Разсматривая разъ литературныя новинки въ окнѣ магазина, Антонъ Андреичъ вдругъ подумалъ:—„а не приняться ли за рецензіи?“ Его всегда къ нимъ тянуло, но за ежедневной спѣшной работой онъ не могъ удосужиться. Книжки его такъ теперь поманили, что онъ не выдержалъ, купилъ.

Рецензіи удались. Онъ отправилъ ихъ въ петербургскій журналъ. Пока онъ собирались появиться въ свѣтъ, весь его чемотанъ переселился въ ломбардъ. Антонъ Андреичъ жилъ впроголодь и истратилъ послѣднія деньги, чтобъ получить изъ бібліотеки ту книжку, въ которой рецензіи были напечатаны. Его радости не было предѣловъ: у него не вычеркнули ни одной строчки, не прибавили ни одного словечка. Значить, онъ можетъ, онъ имѣетъ право писать!

Вмѣстѣ съ гонораромъ ему прислали нѣсколько книжекъ для рецензіи. Его, очевидно, приняли за однофамильца, потому что не было даже вопроса о прошломъ. Это тоже „фальшивый паспортъ“, но, по крайней мѣрѣ, не самъ онъ его предъявилъ... Одинъ видъ редакціоннаго конверта повергалъ Антона Андреича въ трепеть,—въ каждомъ письмѣ ему чудилось: „И вы, милостивый государь, осмѣлились“...

Эта работа давала ему ничтожный заработокъ, отъ пяти до сорока рублей въ мѣсяцъ, но жизнь богемы его не пугала.

Разъ въ мѣсяцъ, послѣ выхода книжки, онъ былъ счастливъ, какъ богъ. Что значили въ сравненіи съ этимъ дырявые сапоги? Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, много—онъ схватилъ осенью тифъ и очутился въ больницѣ. И едва онъ очнулся въ полумракѣ палаты, какъ передъ нимъ всталъ вопросъ, въ чемъ выйти отсюда? Его, навѣрное, выпишутъ черезъ нѣсколько дней, еще больного, слабого...

— Дайте мнѣ, пожалуйста, листокъ бумаги и конвертъ,—попросилъ онъ на утро сестру милосердія.

— Вамъ самому еще рано: вы слишкомъ слабы.

— А потомъ будетъ слишкомъ поздно, потому что я рискую очутиться на морозѣ.

— Продиктовать нельзя?

— Нѣтъ, нельзя. Я бы карандашомъ...

Сестра сжалилась.

Наканунъ выписки сидѣлка пришла и сказала:

— Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ.

Ивинъ удивился, но обрадовался:

— Зовите, зовите!

Увидѣвъ въ дверяхъ совершенно незнакомую фізіономію, Антонъ Андреичъ смущенно подумалъ: „нѣтъ, это ошибка“. Но посѣтителъ направился прямо къ его койкѣ.

— Вы г. Ивинъ?

— Да.

— Редакція просила навѣстить васъ... и вотъ деньги. Я тоже сотрудникъ,—онъ отрекомендовался.

Антону Андреичу захотѣлось прижать къ своему сердцу милую, невѣдомую редакцію...

Но нѣтъ розы безъ шиповъ. Коллега былъ очень добръ и милъ: нанялъ ему комнату, перевезъ изъ больницы и, зайдя черезъ нѣсколько дней навѣстить, передъ уходомъ спросилъ:

— А скажите, вамъ не родственникъ тотъ Ивинъ, что писалъ въ провинціальныхъ газетахъ?

— Къ несчастью... и очень близкій—я самъ.

На мгновеніе воцарилось гробовое молчаніе.

— Какъ же такъ...—пробормоталъ пораженный гость.

Прерывающимся голосомъ Ивинъ началъ рассказъ, но, взглянувъ на отчужденное, враждебное лицо коллеги, съ горечью воскликнулъ:

— Да нѣтъ, вы все равно не повѣрите!

— Я не могу... не пожалѣть васъ, но, дѣйствительно, будетъ довольно трудно...

— Примиритесь редакція съ этимъ открытіемъ?

— Этого я не знаю, а вообще... Однако, мнѣ пора,—онъ торопливо распрощался.

Антонъ Андреичъ немедленно написалъ письмо редактору. Также сдѣлалъ и collega. Оба благодарили, но въ разномъ тонѣ.

VII.

Антонъ Андреичъ начиналъ уже изнемогать отъ безконечныхъ, а главное,—безплодныхъ покаянныхъ псалмовъ. Имъ овладѣло уныніе. Онъ лежалъ цѣлыми днями, стараясь забыться за чтеніемъ.

Редакція не отвѣчала. Вѣроятно, плюнули и на авансъ: чортъ, молъ, съ нимъ! Шестидесятъ рублей не велики деньги. Но его они мучили. Онъ сталъ думать о какомъ-нибудь мѣстѣ и, проходя разъ мимо вокзала, невольно замедлилъ шаги. Грохотъ поѣздовъ, лихорадочная суетня — показались ему болѣе привлекательными, чѣмъ канцелярская служба. Поступить хоть смазчикомъ... Онъ отлично зналъ условія существованія желѣзнодорожной мелкоты, но его пробуждавшійся отъ.

долгой бездѣтельности организмъ требовалъ именно такого темпа: быть каждый мигъ на чеку, чувствовать ускоренное бѣненіе пульса жизни...

Вернувшись домой, онъ нашелъ у себя редактора журнала, и даже не обрадовался: придуть, поговорять, перевернуть ему душу и отрясуть прахъ отъ ногъ своихъ... Лучше бы и не ходили.

— Простите, пожалуйста, что я до сихъ поръ не уплатилъ своего долга. Мнѣ ужасно совѣстно, но ничего не подвертывается,—сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Я вовсе не за этимъ, Антонъ Андреичъ. Вы меня извините: ваше письмо пришло въ мое отсутствіе, я ѣздилъ за границу, а такъ какъ не сегодня-завтра долженъ былъ вернуться, то корреспонденція послѣднихъ дней была задержана. По возвращеніи же, пришлось приняться немедленно за дѣла. Не удосужился, какъ видите, написать двухъ строкъ, что буду въ Москвѣ и потолкуемъ лично.

У Антона Андреича начало горѣть лицо: это предисловіе что-то обѣщало.

— Знаете, мы не будемъ касаться прошлаго. Ворошить его—только васъ мучить... Да, и слава Богу, оно прошло. Такъ погребемъ же его, наконецъ! Когда-нибудь вѣдь нужно это сдѣлать... Ну, теперь о настоящемъ. То, что вы до сихъ поръ писали, врядъ-ли васъ удовлетворяетъ. Кромѣ того, на такой заработокъ жить нельзя. Вотъ мы и рѣшили, не попробуете-ли вы журнальное обозрѣніе? Оно у насъ все какъ-то не вытанцовывается. Что касается подписи... то лучше пока не подписывать. Я буду ужъ откровененъ... Да тѣмъ болѣе, что, какъ всѣ постоянные отдѣлы, оно печаталось всегда безъ подписи.

— Боже мой, для меня совершенно безразлично! Журнальное обозрѣніе не такая статья, гдѣ анонимность можно счесть за трусость. Только оправдаю-ли я ваши ожиданія?

— Попытка не пытка. Мнѣ почему-то кажется, что вы могли бы.

— Меня и самого тянуло.

— Тогда и отлично. Разумѣется, вамъ придется перебраться въ Петербургъ. Васъ ничто тутъ не привязываетъ?

— Абсолютно! собирался даже уѣзжать, такъ какъ... вашъ авансъ проѣденъ.

— Ну, мы сейчасъ его увеличимъ,—редакторъ полѣзъ за бумажникомъ.—Кстати, у васъ нѣтъ рецензій?

— Я думалъ, и раньше-то посланные вернуть...

— Напрасно думали... Этотъ годъ закончить ужъ прежній обозрѣватель. Но надо же вамъ устроиться, оглядѣться... Можеть, мы вмѣстѣ и отправимся? Я пробуду еще дня три... Если надумаете, черкните въ „Лоскутную“. Къ вамъ-то врядъ-

ли больше забѣгу, много тутъ всякихъ дѣлъ. А, впрочемъ, какъ для васъ удобнѣе.

Антонъ Андреичъ предпочелъ отдѣльно: редакторы путешествуютъ, по меньшей мѣрѣ, во второмъ классѣ, а ему надо быть экономнымъ. Дорогой онъ грезилъ съ открытыми глазами о чудной редакціи, о милыхъ людяхъ, которые его простили, и упивался, словно музыкой, словами: „Такъ погребемъ же его, наконецъ“.

Да, прежній Антонъ Андреичъ умеръ, умеръ навсегда! А теперь и похороненъ. Новый Антонъ Андреичъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ заколотилъ въ его могилу осиновый колъ, чтобъ проклятый грѣшникъ не приходилъ больше пугать добрыхъ людей...

Близость Петербурга пробудила воспоминанія о Натальѣ Алексѣевнѣ: отчего они встрѣтились не теперь!

Кислый Петроградъ предсталъ предъ нимъ безо всякихъ прикрасъ: снизу мокло, сверху мочило. Спущенный верхъ пролетки и кожанъ извозчика не дали ему полюбоваться Сѣверной Пальмирой. На углу Невского онъ высунулъ было голову, но шлепокъ отъ шины заставилъ его поспѣшно ретироваться.

Онъ нанималъ въ „Sans souci“, а извозчикъ привернулъ къ какимъ-то безымяннымъ меблированнымъ комнатамъ и проговорилъ недопускающимъ возраженій тономъ:

- Тутъ дешевле.
- Да вѣдь я велѣлъ въ „Sans souci“.
- Тамъ сдерутъ съ васъ втридорога.
- Не твое дѣло. Поѣзжай!

Тотъ, ворча, задергалъ вожжами. Антону Андреичу понравилось названіе гостиницы: оно какъ бы завершало конецъ его печалей...

Надъ городомъ висѣла „египетская тѣма“, и въ номерѣ, окно котораго упиралось въ стѣну, пришлось зажечь огонь.

Черезъ часъ Антонъ Андреичъ уже шлепалъ по мокрымъ, грязнымъ панелямъ. Послѣ Москвы петербургская ѣзда не опеломляла, а баюкала,—шины мягко шипѣли, стукъ копытъ на торцахъ сливался въ своеобразную „тупую“ мелодію. Не-проглядный дождь съ неподвижными фигурами городскихъ на перекресткахъ, лиловые пятна электрическихъ фонарей, когда по росписанію утро, землистые, сѣрые люди—все это производило впечатлѣніе чего-то неживого. Колеса не стучатъ оттого, что и колесъ-то вовсе нѣтъ, а только кажется, будто они есть; городовые давно размокли, вмѣсто нихъ, на перекресткахъ одни сапоги и кожаны; люди умерли, а это лишь тѣни...

Антонъ Андреичъ прошелъ до самой Невы. Вся грязная,

черная, она вздулась и полопалась. Между корявыхъ, изъѣденныхъ льдинъ сочилась густая жижа. Антонъ Андреичъ ни за что бы не сказалъ: вода это или кисель? Мостъ выгорбило, его загородили рогатками и приготовились разводить. Отъ лошадей валилъ паръ. Пронзительный фабричный свистокъ боролся съ воемъ вѣтра, который, какъ волкъ, кидался на гранитную стѣну рѣки. Небо совсѣмъ нависло и точно собиралось шлепнуться на землю...

VIII.

Но черезъ годъ Ивинъ сталъ поклонникомъ Петербурга. Во-первыхъ, онъ тутъ счастливъ, а во-вторыхъ, что такое красота, если не гармонія? А здѣсь все гармонично.

— Да ужъ, если идетъ дождь, то вы непременно будете мокрымъ. По-вашему, это называется гармоніей человѣка съ природой?—сердито сказалъ сосѣдъ его по комнатѣ, съ которымъ онъ ѣхалъ въ оперу и которому доказывалъ прелесть Петербурга.

— Разумѣется! Было бы нелѣпо, останься вы сухимъ. Это была бы дисгармонія, и какъ таковая—она разстроила бы ваши нервы.

— Ну, такъ я предпочитаю дисгармонію.

— Зачѣмъ вамъ тогда слушать „Пиковую даму“?

Мѣста у нихъ были въ купонѣ, и въ одномъ изъ антрактовъ Антонъ Андреичъ почти столкнулся съ Натальей Алексѣвной. Она сдѣлала испуганные глаза и скользнула въ толпу. Ему стало также больно, какъ тогда.

— Ну, хорошо... По крайней мѣрѣ, ты возьмешь свой пятиалтынный,—подумалъ онъ со злобой.

Этотъ пятиалтынный—единственная живая, реальная связь между нимъ и Натальей Алексѣвной,—до нелѣпости запечатлѣлся въ его памяти. Онъ долго его хранилъ, не размѣнивалъ, не сознавая, что хранить. Ему все казалось, что монетка просто „заболталась“ во внутреннемъ отдѣленіи кошелька вмѣстѣ съ рецептомъ порошковъ отъ кашля и еще какой-то бумажкой съ кабалистическими цифрами и словами, которыя ему были зачѣмъ-то нужны. Онъ забылъ зачѣмъ, но берегъ, думая, что вспомнить. Нащупавъ иногда монетку, Антонъ Андреичъ говорилъ себѣ: „Ахъ, да... вотъ еще „капиталы“!“

Потомъ, конечно, и эти „капиталы“ пошли въ оборотъ. И вотъ теперь, когда онъ увидѣлъ Наталью Алексѣвну и когда она такъ грубо разбила всякіе остатки иллюзій, онъ ничѣмъ

не могъ ей отомстить, кромѣ, какъ этимъ жалкимъ, смѣшнымъ пятиалтыннымъ...

„Пиковая дама“ потеряла для него всякій интересъ; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго антракта, чтобъ укараулить „трефовую“. Онъ нарочно вышелъ раньше и настигъ ее въ залѣ.

— Наталья Алексѣевна!

— Что вамъ отъ меня угодно?—надменно проговорила она, дѣлая движеніе пройти дальше.

— Вы не узнаете?

— Нѣтъ!

— Два года тому назадъ мы ѣхали въ одномъ поѣздѣ до Москвы, и я... забылъ отдать вамъ сдачу. Будьте добры получить...

— Какую сдачу? Ничего подобнаго я не помню.

— Но я-то помню. Будьте любезны...

— Ничего я не помню, и ничего я не возьму! Съ какой стати вы задерживаете меня?

— Ну, какъ вамъ угодно...—Они стояли у окна, и Антонъ Андреичъ, швырнувъ пятиалтынный на подоконникъ, быстро отошелъ. Серебряный покатился; его веселый, насмѣшливый звонъ долго слышался Ивину.

Ему казалось, что его оторвали отъ чудеснаго сна. Онъ былъ счастливъ, какъ вдругъ чей-то грубый окрикъ страхнулъ всѣ чары: „Вспомни, кто ты!“

И, вспомнивъ, онъ сидѣлъ блѣдный, жалкій: страшные мертвецы ожили. Теперь они были ему страшнѣе прежняго: вѣдь онъ же думалъ, что все похоронено!

Антонъ Андреичъ обрадовался, когда его спутникъ заявилъ, что ѣдетъ къ Палкину со знакомыми; ему хотѣлось остаться одному. Выйдя въ корридоръ, онъ терпѣливо дождался, пока порѣдѣетъ около вѣшалокъ. Онъ протянулъ уже номерокъ, какъ до его рукава дотронулись,—передъ нимъ стояла Наталья Алексѣевна.

— Простите меня,—смущенно прошептала она.

Антонъ Андреичъ, благодарно пожавъ ея тонкіе, холодные пальцы, торопливо спросилъ:

— Вы подождете меня? Я сейчасъ...

Онъ чувствовалъ себя счастливымъ до глупости и никакъ не могъ справиться съ шубой на ходу.

— Да одѣвайтесь ужъ... Успѣемъ,—разсмѣялась дѣвушка. Они сбѣжали внизъ.

— Можетъ быть, вы позволите проводить васъ?—съ плохо скрытымъ опасеніемъ сказалъ Ивинъ.

— Ну, конечно, не на площади же объясняться. Вы еще сердитесь или нѣтъ?

— Господи, я такъ радъ! Вы не знаете, до чего мнѣ было больно...

— Только, пожалуйста, безъ упрековъ!

— Это не упрекъ.

— Я тоже имѣла право обидѣться.

— Если бы я могъ поправить раньше...

— Но вамъ и въ голову не приходило?

— А какъ бы я сдѣлалъ это?

— О, захотѣли бы, нашли бы способъ! Да сіе не суть важно... Въ первый моментъ я не обратила особеннаго вниманія—ну, случайность, или даже не хочеть... Что жъ такое, въ самомъ дѣлѣ—развѣ такъ ужъ обязательно? Встрѣтились и разошлись въ разныя стороны, и все. Но потомъ... невольно себя спросишь, почему? Или вы боялись, что я какая-нибудь авантюристка? Что я навязжусь на знакомство? Но я вѣдь ѣхала въ другой городъ? Или вы не повѣрили и этому?

Ея голосъ крѣпчалъ, какъ вѣтеръ въ бурю, и Антонъ Андреичъ испуганно воскликнулъ:

— Наталья Алексѣевна!

— Что „Наталья Алексѣевна!“—передразнила она.—Я такъ тогда разсердилась, что, кажется, готова была васъ ударить!

— Да не вы тутъ виною, а я.

— Какъ же вы въ такомъ случаѣ смѣли со мной разговаривать, навязывать свои услуги? Если вы пали столь низко, что одно ваше приближеніе должно быть оскорбительнымъ, то какъ же вы смѣли забыть это? Кто вы? Шпіонъ, что ли?

— Наталья Алексѣевна!

— Ну, да говорите же, отвѣчайте?!

— Я сотрудникъ журнала...

Дѣвушка глубоко вздохнула:

— Слава тебѣ, Иисусе! Чего же вы ломались?

— Я сказалъ вамъ конецъ, а было начало... и очень скверное.

— Да вѣдь не шпіонъ же?

— Я боялся, что вы приняли меня за лакея, маркера, даже жулика. Но такой профессіи мнѣ, къ счастью, не пришлось въ голову...—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ну, простите меня, простите,—она порывисто схватила его за руку.—Нѣтъ, я этого не думала, только теперь сказала... со злости. Я ужасно злая и вспыльчивая, я могу такъ разсердиться, что ничего не помню. Вы видите: я вся дрожу.

И она, въ самомъ дѣлѣ, тряслась, какъ въ пароксизмѣ лихорадки.

— Не лучше-ли намъ поѣхать?

— Нѣтъ, только дайте мнѣ вашу руку и... пока не говорите о томъ... скверномъ.

Они дошли молча до самага моста.

— Но послушайте, мы все еще таинственные незнакомцы,— произнесла она вдруг со смѣхом.—Позвольте, наконецъ, представиться: Наталья Алексѣевна Норманнъ. Наши предки—выходцы изъ Нормандіи или Норвегіи, преданіе говорить разное, но несомнѣнно, что еще мой дѣдушка былъ заправскимъ англичаниномъ.

— Я—Ивинъ.

— Какъ? Ивинъ?

Его бросило въ жаръ.

— Вы читали?..

— Разумѣется! Но вы же говорили, что работаете въ журналъ? Или газетный—однофамилецъ?

— Да, вы про настоящее... Нѣтъ, я же.

Въ газетѣ, гдѣ Антонъ Андреичъ тоже устроился, онъ подписывался полностью. Въ новыхъ читателяхъ онъ приобрѣлъ поклонниковъ, старые—продолжали коситься и при случаѣ ругать: да вѣдь это тотъ самый!

— Пока все пріятныя открытія. Что-то будетъ дальше,—засмѣялась Норманнъ.—Но почему вы струсили тогда?

— Ахъ, потому, что „пріятное“ слишкомъ недавно, вскорѣ послѣ нашей встрѣчи.

— А вообще вы давно пишете?

— Черезчуръ—тринадцатый годъ.

— Батюшки, какой вы старый!

Это его нѣсколько укололо:

— Если вы примете въ расчетъ, что я началъ шестнадцати, то, быть можетъ, я и не покажусь вамъ такимъ старымъ.

— Всетаки.. вамъ, значить, тридцать, а мнѣ двадцать первый.

— Нѣтъ, тридцатый... Коли на то пошло, не уступлю и одинаго года!

— Знаете что, пойдете ко мнѣ пить чай?

— А не поздно? Я никого не стѣсню?

— Я самостоятельный человѣкъ... А самоваръ, навѣрно, ждетъ ужъ на столѣ. Идемте.

Въ ея крошечной комнаткѣ Антонъ Андреичъ со своимъ большимъ ростомъ, напоминалъ нѣсколько ученаго медвѣдя. Онъ боялся шевельнуться, чтобъ какъ-нибудь не раздавить тоненькихъ, чуть не картонныхъ стѣнъ. Разговоръ шелъ вполголоса, почти шопотомъ. Сіяющіе каріе глаза дѣвушки, румяныя щечки, лохматая прическа, а еще больше—пугливое: „Нѣтъ, о скверномъ послѣ, потомъ“—снились Ивичу цѣлую ночь.

IX.

Онъ влюбился въ нее до сумасшествія, какъ только можетъ влюбиться человѣкъ зрѣлаго возраста. Работа и она наполнили всю его жизнь. Это было какое-то безуміе, ясное, открытое для всѣхъ. Онъ ревновалъ ее къ каждому, кому она улыбнется, съ кѣмъ заговорить, ревновалъ молча, съ покорнымъ отчаяніемъ. Она иногда приходила въ ярость отъ его несчастнаго, убитаго вида и начинала къ нему придирается, и тогда Антонъ Андреичъ совершенно терялъ голову: значить, нѣтъ никакой надежды, она ненавидитъ его, презираетъ!.. Наталья Алексѣевна все откладывала „исповѣдь“: „нѣтъ, послѣ, когда-нибудь потомъ“, и онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ, что ей преподнесутъ его прошлое безъ „смягчающихъ обстоятельствъ“. И въ то же время ему страшно было о немъ подумать—а если затѣмъ укажутъ на дверь?

Онъ готовъ былъ прикусить себѣ языкъ, когда, увидѣвъ разъ въ ея альбомѣ карточку Маурова, не удержался и воскликнулъ:

— Какъ? вы развѣ его знаете?

— А вы?

— Да... немного.

Растерянное лицо Антона Андреича опять внушило ей какія-то подозрѣнія, и она проговорила своимъ строгимъ тономъ:

— Чего же вы перепугались?

— Ничего я не пугался... Онъ очень ко мнѣ былъ добръ, и воспоминаніе о немъ, можетъ быть, единственно пріятное во всей моей жизни, кромѣ знакомства съ вами...

— Ну, пожалуйста, безъ меня! Въ чемъ же дѣло?

Онъ началъ рассказывать, но Наталья Алексѣевна не дала ему распространиться:

— О скверномъ *потомъ*... Излагайте въ общихъ чертахъ, не отклоняясь отъ Николая Николаича.

И когда онъ кончилъ, она съ усмѣшкой замѣтила:

— Это мой большой другъ. Вотъ подождите, я и спрошу его, что вы тамъ натворили?

— Наталья Алексѣевна, у васъ есть непосредственный источникъ. Николай Николаичъ не скажетъ и десятой доли того, что скажу я... Я вообще бы васъ просилъ выслушать меня прежде, чѣмъ осудить...

— О да, разумѣется! Вѣдь мы живемъ въ XIX столѣтіи... Судь будетъ если и не „милостивый“, то, навѣрное, „скорый“.

— Я этого и боюсь...

Въ слѣдующую встрѣчу, на именинахъ у одного профессора, Антонъ Андреичъ прежде всего задалъ вопросъ:

— Вы писали обо мнѣ?

— Николаю Николаичу? Нѣтъ, и не намѣрена.

Онъ покраснѣлъ отъ радости:

— Ну, спасибо!

— За что?

— За довѣріе.

Она почему-то пожала плечами и съ особенной любезностью заговорила съ красивымъ горнякомъ Петровымъ. Антонъ Андреичъ и раньше замѣчалъ, что она какъ будто охотно съ нимъ бесѣдуетъ, хотя Петровъ былъ недалекій, но, впрочемъ, добродушный малый. Кровь ударила ему въ голову, онъ придвинулъ стулъ и сѣлъ напротивъ. Сосѣдъ справа сейчасъ же налилъ для него стаканъ вина. Ивинъ выпилъ залпомъ. Его сѣрые глаза сдѣлались почти черными и злыми. Онъ выждалъ удобный моментъ и вмѣшался въ ихъ разговоръ. Норманнъ почувствовала сразу, что ей лучше отойти, но Антонъ Андреичъ уже вцѣпился въ свою жертву.

Черезъ нѣсколько минутъ одна изъ пріятельницъ подошла къ Натальѣ Алексѣевнѣ и сказала:

— Послушай, уведи своего медвѣдя: онъ вяжется къ сѣдному Петрову. Того, бѣднягу, ужъ въ потъ ударило отъ его шуточекъ.

То, что Норманъ услышала, вернувшись къ нимъ, вывело ее изъ себя, и она рѣзко позвала:

— Антонъ Андреичъ, мнѣ васъ надо на два слова!

Они отошли въ уголъ.

— Съ какой стати вы издѣваетесь надъ Петровымъ? Что онъ вамъ сдѣлалъ? Мнѣ это противно, потому что это не умно и не благородно. Онъ безобидный человѣкъ, и если ужъ вамъ непремѣнно нужна жертва, то хоть выберите равнаго. Не угодно-ли, напр., меня? Я, разумѣется, не считаю себя столь же остроумной и изобрѣтательной, какъ ваша милость, но я все же зла и смогу подчасъ отплатить равноцѣнной монетой. Не желаете?

Онъ не отвѣтилъ.

— Вы—взрослый, писатель, и вамъ доставляетъ удовольствіе глумиться надъ какимъ-то мальчикомъ?! Не стыдно?

— Вамъ этотъ мальчикъ, кажется, очень дорогъ...

— А вамъ-то что за дѣло? Влюблены вы въ меня, что-ли? Да?

Антону Андреичу захотѣлось стукнуться объ стѣну головой.

— Ну, хорошо... Вы мнѣ скажете объ этомъ послѣ, а теперь... потрудитесь быть съ нимъ милымъ и любезнымъ. Пойдемте.

— Я не пойду...

— Почему?

— Потому что вы обращаетесь со мной, какъ съ мальчишкой, хуже—о, въ миллионъ разъ хуже, чѣмъ я съ Петровымъ!

— Когда же это было?

— Всегда!

— Да мы всего четыре мѣсяца знакомы. И, если я успѣла ужъ причинить вамъ столько непріятностей, можно вѣдь раззнакомиться.

— Наталья Алексѣевна!

— Знаете, вы такъ мнѣ надоѣли со своими восклицаніями, что я готова стать Секлетеей Петровной. Зовите меня, пожалуйста, Секлетеей Петровной—все-таки какое-нибудь разнообразіе. А то или дуется, молчитъ, или восклицаетъ: „Наталья Алексѣевна!“ Я ею двадцать лѣтъ, и это совершенно мнѣ не интересно. Вы прямо становитесь скучны, вы точно поглотили даже.

— Весьма вѣроятно.

— Ну, а я въ дурака не влюблюсь. Если жаждете заслужить мою благосклонность, постарайтесь поумнѣть.

— А это возможно?

— Я не знаю... Если вы отъ природы, тогда, конечно, трудно!—она расхохоталась и отошла.

Антонъ Андреичъ только тутъ сообразилъ, что онъ сказалъ, а также, что его дѣла не столь ужъ плохи... Онъ бросился за нею, но ему пришлось ждать довольно долго, пока Наталья Алексѣевна смилостивилась и спросила:

— Ну что, Антонъ Андреичъ, поумнѣли?

— Кажется...

Ихъ взгляды встрѣтились, и дѣвушка покраснѣла.

— Наталья Алексѣевна...

— Вѣдь вамъ же сказано, что я Секлетей Петровна.

— Мнѣ, право, не до шутокъ: я не могу больше молчать...

— Вы хотите непремѣнно исповѣдываться?

— Но надо же когда-нибудь это сдѣлать.

— Для кого надо?

— Для меня. Или вы не допускаете даже мысли?

— Какой?

Онъ опять былъ сбить съ толку. Но онъ твердо рѣшилъ выяснитъ вопросъ, и утромъ Наталья Алексѣевна подала объемистый пакетъ.

И такой же получилъ черезъ нѣсколько дней Мауровъ. Заглянувъ въ него, онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ: „Дорогой Николай Николаевичъ! Я выхожу за А. А. Ивина“...

Она никогда не упоминала даже, что познакомилась съ нимъ, но эти слова, дѣйствительно, были написаны, и онъ сталъ читать дальше:—„Вы, можетъ быть, удивитесь меньше, чѣмъ другіе,—не вы ли первый протянули ему руку помощи? Я знаю, ни въ какихъ водахъ не отмоешь, не отскоблишь всей грязи, которая накопилась на немъ—слишкомъ ея много! Мнѣ больно, мнѣ обидно за него, но это такъ, и ничего тутъ не подѣлаешь. Онъ вѣчный, неоплатный должникъ передъ тѣми, кто по праву носить голову высоко, чья честь не запятнана. Но всѣ-ли по праву, всѣ-ли по дѣламъ своимъ? Даже какой-нибудь ничтожный Комарьковъ—вы помните его, конечно?—воображаетъ, что оказываетъ своимъ знакомствомъ Антону честь... И одинъ-ли Комарьковъ? Вѣдь Антонъ дѣлалъ гадости публично. Для этого надо имѣть или сознаніе своей правоты, или „безстыжіе глаза“ и, во всякомъ случаѣ—смѣлость. Онъ ихъ и имѣлъ, онъ никогда не прятался за чужую спину, не боялся ни суда, ни обиженнаго имъ челоуѣка, но... никогда не былъ битъ. Увы! я даже это ставлю чуть не въ заслугу!.. Что толкнуло его на другую дорогу? Желаніе попасть на страницы исторіи рядомъ съ честными людьми? Но его же „не отмоешь“... Зачѣмъ ему было уходить оттуда, гдѣ онъ *дороже* стоитъ? Я, разумѣется, говорю не объ *Листкахъ*: здѣсь-то ему цѣну знаютъ... Боже мой, сколькимъ прощено, сколькимъ тайнымъ негодаямъ привѣтливо жмутъ руку, а въ него надо кинуть камнемъ? Вѣдь онъ срамился всенародно! Срамиться можешь, а каяться нельзя: его „Милліонъ терзаній“ не находить пристанища. Даже расположенные къ Антону люди говорятъ: „Нѣтъ, это лучше оставить!“ О какъ утонченно-жестокъ сталъ міръ! Прежде выходили на площадь и выносили свою вину, и вина эта отпускалась. А теперь вы можете задохнуться отъ муки, разбить объ стѣну голову, и все-таки въ васъ будутъ летѣть камни!.. И чѣмъ меньше челоуѣкъ, тѣмъ увѣсистѣй онъ выбираетъ... Большіе Антона простили, а малые... Вы скажете, стоитъ-ли на нихъ обращать вниманіе? Но, дорогой мой, вѣдь ихъ міриады, и эти міриады, какъ туча мошекъ или комаровъ, накидываются на васъ и отравляютъ ваше существованіе, омрачаютъ каждую радость...”

Мауровъ со вздохомъ отложилъ письмо и развернулъ „исповѣдь“ Ивина. Зачѣмъ ему читать? Для оправданія чужого безумія: она уже несчастна, теперь несчастна! Что же дальше? Вѣдь и ей каждую радость отравятъ.

И онъ началъ:

„Я знаю,—писалъ Антонъ Андреичъ,—ни одна строка не можетъ убавить хотя бы іоты изъ моего прошлаго. Да я все не этого и хочу — „не придумать вамъ казни мучитель-

нѣй той, что въ сердцѣ своемъ я ношу“... Я не хочу только пережить еще разъ, что пережилъ при первой попыткѣ—стать рядомъ съ тѣми, чье имя чисто и безпорочно. Не хочу быть воромъ, котораго поймали съ поличнымъ и выведутъ сейчасъ на заушеніе толпы. Мнѣ тогда казалось, что я слышу: „да плюньте же, плюньте въ эту подлую рожу!“... Нѣтъ, вы должны простить меня сознательно. Здѣсь все будетъ договорено, надъ всѣми і поставлены точки. И я васъ предупреждаю: если вы меня не любите, бросьте на первой страницѣ. То, что я обязанъ сказать моей будущей женѣ, я не имѣю права говорить m-elle Норманнъ.

„Я родился въ состоятельной семьѣ, если это можно назвать семьей... Мой отецъ былъ силачъ и гигантъ. По его бычачьему здоровью (простите за грубость выраженій) ему требовался гаремъ, рогатина на медвѣдя, необбѣзженная тройка, не рюмка, не стаканъ, а цѣлый ковшъ вина. И все это онъ имѣлъ. Въ нашемъ домѣ общепринятая мораль понималась довольно своеобразно: напр., честь это—не позволить наступить себѣ на ногу; долгъ—по проигрышу въ карты; отечество, пожалуй, своя губернія, и пр. Мы жили если не широко, то шибко, и крахъ пришелъ сразу: однажды рано утромъ отецъ укатилъ куда-то на тройкѣ, а черезъ часъ или два явились его арестовать и на имущество наложили печати. Я весьма скоро почувствовалъ къ этимъ проклятымъ печатамъ мистическій страхъ. Мнѣ ни къ чему нельзя было притронуться, чтобъ не закричали: „Куда ты? не видишь—печати!“ Мнѣ онѣ начали казаться не просто бумажками съ сургучемъ, а какими-то красными глазами, которые все видятъ и за все могутъ отправить насъ въ ледяную Сибирь. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали необыкновенно смѣлые люди: они щупали обивку, шлепались съ размаху на диваны, пощелкивали по фарфору, громко смѣялись и заглядывали во всѣ углы. Въ этотъ же день мы потащились на деревенскихъ одрахъ въ городъ. Мать плакала всю дорогу, проклиная „негодая“, т. е., мужа.

„Говорить о ней мнѣ невыразимо больно. Ея душу осквернили, загадили, ея тѣло отравили грубыми, скотскими ласками... Вдова при мужѣ, до его бѣгства она боролась съ искушеніями, если не изъ добродѣтели, то изъ страха: вѣдь онъ бы первый выставилъ ее на позорище. Но вотъ она свободна... Я умолчу о многомъ... Это стыдъ сына за обожаемую мать. Моя семья—только мать. Вся моя юность отдана на ея защиту, нѣсколько своеобразную... Я всегда бралъ сторону легкомысленныхъ женщинъ, потому что мнѣ могли сказать: твоя мать такая же. Я смѣялся, когда мнѣ хотѣлось плакать...

„Гимназическое начальство отнеслось ко мнѣ враждебно—

я былъ мальчикъ „замаранной фамиліи“. Поэтому на меня слѣдовало смотрѣть, какъ на паршивую овцу, которая можетъ испортить все стадо; меня во всемъ слѣдовало подозрѣвать. Вѣдь мой отецъ пилъ водку ковшами, отчего же я не могъ приносить въ классъ бутылками? Весьма даже могъ!— „А ну-ка, Ивинъ, дохните“. У моей матери были любовники, не ясно-ли, какой я развращенный ребенокъ?— „Ивинъ, о чемъ вы тамъ шепчетесь?“ Меня обыскивали, за мной шпиюнили, меня подозрѣвали въ такихъ вещахъ, о которыхъ я не имѣлъ понятія. Смыслъ многихъ вопросовъ открылся мнѣ далеко позже... Но я чувствовалъ инстинктомъ, что это что-то очень гадкое, и краснѣлъ, усиливая подозрѣнія бдительныхъ стражей. А какъ относились товарищи?— „Яковлевъ, ты забылъ, что тебѣ вчера говорила мать?“ И Яковлевъ, услышавъ предостерегающій голосъ пріятеля, поворачивался спиною... Я всѣхъ ихъ возненавидѣлъ. Сильный и рослый, я билъ ихъ, издѣвался надъ ними. Ко мнѣ пристали только двое „безпризорныхъ“—дѣйствительно, пошлые и скверные мальчишки, развратившіе и меня. Мы получили наименованіе „трехъ негодяевъ“ и только чудомъ продержались до послѣдняго класса. Впрочемъ, ни одинъ изъ насъ не кончилъ: меня выгнали за первую статью. Но мы стояли, чтобъ насъ выгнали много раньше. Когда я сдѣлался на самомъ дѣлѣ „паршивой овцой“, надзоръ даже ослабѣлъ. И немудрено: я узналъ, что и какъ надо скрывать. „Пріятелей“ своихъ я тоже не любилъ, глумился надъ ними, вымещая на нихъ презрѣніе тѣхъ, къ которымъ меня втайнѣ тянуло.

„Я не хотѣлъ читать „хорошихъ“ книжекъ, смѣялся надъ „правдой, совѣстью, честью“—это дѣло тѣхъ, кто толкнулъ меня къ „негодаямъ“, пусть они и читаютъ. Я испытывалъ величайшее наслажденіе, оплевывая ихъ кумиры, все, что имъ стало свято и дорого. Какое *добро*, какая *справедливость*? Вѣдь я же былъ чистый, свѣтлый, любящій мальчикъ, и вы этого не видѣли, вы сторонились отъ меня, какъ отъ чумы, вы приписывали мнѣ всѣ гнусности, которыя, какъ черви въ гниломъ мясѣ, копошатся на нашей грязной землѣ...

„Я былъ въ послѣднемъ классѣ, когда намъ, какъ снѣгъ на голову, свалился пропадавшій столько лѣтъ отецъ. Отъ его богатства осталась лишь громадная туша мяса: одна нога волочилась, одна рука не дѣйствовала. И мать не выгнала... А я, шестнадцатилѣтній юноша, слыша скрипучій голосъ пришельца, въ безсильной ярости твердилъ: „будь ты проклятъ, будь проклятъ! за нее будь проклятъ!“

„Мы къ этому времени едва ужъ перебивались: мать быстро дурнѣла, и „друзья“ ее оставили. Я, въ качествѣ „негодая“, уроковъ имѣть не могъ, иногда только урывалъ переписку.

Наконецъ, мама, моя милая мама, захварываетъ... И тутъ моя ненависть къ *хорошимъ* людямъ заколыхалась, словно смрадная тина, въ которую бросили камень...

„Я проводилъ ночи безъ сна, ломая голову, откуда ваять денегъ. И вотъ однажды я вскочилъ, зажегъ свѣчу и началъ писать. Зачѣмъ? Я себя не спрашивалъ. Злые мысли грызли мой мозгъ, и, вмѣсто того, чтобы крикнуть ихъ на весь міръ, я вылилъ на бумагу. Потомъ легъ и проплакалъ до разсвѣта. Проснулся въ 12 час.; матери хуже. Живая колода, отецъ съѣлъ весь завтракъ, и кухарка требуетъ денегъ. Чортъ съ нимъ и съ завтракомъ, не надо мнѣ, отстаньте! Тутъ на доктора, на лѣкарство нѣтъ! Но нужно добыть, во что бы то ни стало. Гдѣ, у кого? „Негодяи“ не дадутъ. Мой взглядъ упалъ на исписанный листъ... А почему бы и нѣтъ? Почему бы не плюнуть всему міру въ лицо, если онъ всегда мнѣ плевалъ? Не забудьте, мнѣ было только шестнадцать лѣтъ, когда міръ не кажется великимъ... И я пошелъ и плюнулъ“...

Дальше оставалось еще много. Мауровъ долго сидѣлъ надъ послѣдней страницей, потомъ потянулся за перомъ. Отвѣтъ вышелъ короткій: „Дорогая моя дѣвочка! Да, я вѣрю, что онъ воскресъ, во истину вѣрю. И помощи вамъ Богъ“...

И. Рушецкій.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

І. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

Въ исторіи нашей словесности едва ли найдется эпоха, когда западныя литературныя теченія такъ смѣшивались и такъ боролись съ самобытнымъ, пока еще очень слабымъ и нерѣшительнымъ направленіемъ русскаго художественнаго творчества, какъ въ первые три десятилѣтія XIX-го вѣка. Это были годы, когда мы не только очень ревностно стремились усвоить настроенія и идеи нашихъ сосѣдей—что мы продолжали дѣлать и позднѣе въ теченіе всего столѣтія—но стремились также и въ художественномъ воспроизведеніи жизни подражать внутренней и внѣшней техникѣ тѣхъ образцовъ, которые намъ были даны въ литературѣ иноземной.

Одновременно съ быстрымъ разцвѣтомъ этой подражательной литературы стали робко пробиваться и первые ростки самобытнаго творчества, въ которомъ русская жизнь, старая или новая, пыталась найти себѣ соотвѣтствующую оригинальную художественную форму. Первой рѣшительной побѣдой, которую одержала наша самобытность въ литературѣ, было творчество Пушкина и за нимъ непосредственно слѣдовавшее творчество Гоголя. Послѣ Пушкина и Гоголя можно было говорить о вліяніи запада на образъ нашихъ мыслей и на наше настроеніе, но нельзя было уже говорить о западныхъ теченіяхъ въ русской художественной словесности.

Но прежде чѣмъ поэзія Пушкина и Гоголя была нами сознательно усвоена, прошло не мало времени и оно было заполнено упорной борьбой, которую выдерживала наша нарождавшаяся самобытная словесность съ цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ, отовсюду нахлынувшихъ иноземныхъ литературныхъ вліяній. Вся наша журналистика первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка была ареной ожесточенныхъ споровъ о судьбѣ и сущности этой „народности“ въ литературѣ. Литераторы спорили, враждовали, мирились, вступали въ соглашеніе, и этотъ иногда мелочный и очень скучный споръ показывалъ, что въ русской литературѣ тѣхъ годовъ совершался дѣйствительно интересный процессъ борьбы

между навѣянными извнѣ и зарождающимся внутри, между чужимъ, очень сильнымъ и своимъ, которое стремилось окрѣпить.

Съ большой поспѣшностью набросились мы въ тѣ годы на литературныя богатства запада; мы стали эксплуатировать чужое самымъ хищническимъ способомъ, переводя, передѣлывая и даже искажая все самое видное и крупное, что намъ удавалось подмѣтить въ словесномъ творествѣ нашихъ сосѣдей.

То, что на западѣ являлось какъ итогъ литературной дѣятельности въ разное время и у разныхъ народовъ,—все было съ необычайной быстротой перенесено къ намъ. Разобраться во всемъ этомъ мы, конечно, не могли. Мы только восхищались тѣмъ, что получали, и сразу признали то преимущество, которое имѣла эта „новая“ западная литература, столь богатая идеями, столь блестящая въ своихъ образахъ и смѣлая своей фантазіей сравнительно съ той „старой“ литературой, къ которой насъ приучилъ XVIII-й вѣкъ. Старое потускнѣло, а новое насъ ослѣпило.

Это „новое“, которое при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ мы называли тогда „романтизмомъ“, представляло изъ себя, такимъ образомъ, разнородную массу литературныхъ памятниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Германія дала намъ Клопштокъ, Виланда, Лессинга, Гердера, всѣхъ „бурныхъ геніевъ“, Гете, Шиллера и всѣхъ своихъ настоящихъ романтиковъ—Тика, Вакенродера, Новалиса, Шлегелей и др.; Франція—всѣхъ своихъ поэтовъ, начиная съ Андрея Шенье и кончая Викторомъ Гюго или Гугономъ, какъ его иногда въ тѣ времена называли; Англія—Мильтона, Шекспира, Лакистовъ, Мура, Скотта и Байрона; Італія своихъ старыхъ пѣвцовъ эпохи Возрожденія, своихъ новыхъ романтиковъ и классиковъ древности;—однимъ словомъ всѣ культурныя страны подарили намъ наилучшіе образцы своей художественной словесности, предоставляя намъ самимъ пользоваться этимъ богатствомъ какъ намъ вздумается.

Всѣхъ этихъ итальянцевъ эпохи Возрожденія; французовъ—пѣвцовъ христіанства и средневѣковья; нѣмцевъ-язычниковъ, бурныхъ геніевъ и католиковъ-эстетовъ; англичанъ-сентименталистовъ и скорбниковъ, пѣвцовъ Востока, безстрастныхъ историковъ и страстныхъ сатириковъ—всѣхъ мы окрестили „романтиками“. Весьма естественно поэтому, что на вопросъ—что же такое, въ концѣ концовъ, „романтизмъ?“—мы стали путаться въ отвѣтахъ ¹⁾. Одно только было ясно, что этотъ привлекательный романтизмъ, занесенный съ запада, подавлялъ нашу національную самобытную словесность и налагалъ на нее свой отпечатокъ, очень трево-

¹⁾ «Для романтической литературы еще не условились въ опредѣленіи», писалъ лучший и самый образованный критикъ того времени, князь Вяземскій; «начало ея въ природѣ, она есть, она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ». *Кн. II. А. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій.* Спб. 1878. I, 170. «Вмѣсто предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану» 1824.

жившій патриотическое и художественное чувство многихъ нашихъ писателей.

Совмѣстное развитіе этихъ двухъ основныхъ теченій нашей словесности въ началѣ XIX-го вѣка, а именно мотивовъ заимствованныхъ и мотивовъ народныхъ, темъ иноземныхъ и темъ самобытныхъ—явленіе въ высшей степени любопытное.

Всѣ наши поэты переживаютъ въ эти годы весьма характерный кризисъ въ развитіи своего дарованія: они изъ всѣхъ силъ стараются пригнать къ явленіямъ русской жизни тѣ идеи и чувства, которыя они успѣли вычитать изъ книгъ и съ которыми они какъ *отдѣльныя* личности понемногу сжились и свыклись. Только послѣ упорныхъ стараній, нѣкоторымъ, весьма немногимъ изъ нихъ, удастся вполне освободиться отъ различныхъ иноземныхъ литературныхъ вѣяній и создать нѣчто такое, что дѣйствительно можетъ претендовать на значеніе національнаго богатства и что способно освѣтить для насъ не только внутреннюю жизнь самого поэта, но и осмыслить и истолковать ту жизнь, которой онъ живетъ, не какъ отдѣльная личность, а какъ членъ извѣстной народной группы, какъ свидѣтель извѣстнаго историческаго момента.

Такое отраженіе самобытной русской жизни въ творествѣ давалось нашимъ художникамъ въ тѣ годы съ большимъ трудомъ: у нихъ у всѣхъ—когда они творили, а не разсуждали—замѣчалось какое-то отсутствіе чутія къ окружающей ихъ дѣйствительности: они какъ будто не хотѣли, либо не могли объективно изображать ее. Въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей они были почти всѣ лирики. Романъ и драма имъ не давались: они слагали пѣсни, элегіи, идилліи, лирическія поэмы, посланія и баллады. Такими лириками были Жуковский и Батюшковъ; лириками были и всѣ члены пушкинской плеяды, какъ, напр., Дельвигъ, Вяземскій, Языковъ, Баратынскій, Козловъ, Веневитиновъ, Подолинскій, Гуманскій и всѣ остальные малыя звѣзды нашего тогдашняго Парнасса.

Преобладаніе лирическихъ настроеній въ нашей поэзіи начала столѣтія, конечно, не случайность. Оно вытекало изъ малой способности поэта выяснитъ себѣ смыслъ окружающей его дѣйствительности, изъ незнакомства со многими сторонами этой дѣйствительности, изъ отсутствія объединяющаго взгляда на исторически сложившуюся и развивающуюся народную жизнь и, наконецъ, изъ привычки брать готовые сюжеты, формы, настроенія и мысли изъ произведеній, созданныхъ при иной обстановкѣ и выросшихъ на иной исторической почвѣ. Русская жизнь, именно въ томъ, что было въ ней самобытнаго и народнаго, была для художника того времени полупонятной книгой, читать которую его не научило полученное имъ воспитаніе и образованіе. Онъ отчетливо сознавалъ этотъ свой недостатокъ, стремился, по мѣрѣ силъ, отъ него

избавиться, пытался, если не поэтическимъ, то пѣстическимъ взглядомъ окинуть родную ему жизнь, но почти всегда изнемогалъ подъ трудностью этой задачи ¹⁾. Единственной областью творчества, въ которой онъ оставался полнымъ хозяиномъ, была лишь сфера его личныхъ ощущеній и мыслей, которая неотъемлемо принадлежала ему, хотя и могли быть извнѣ навѣяны. Лирическая пѣсня была, такимъ образомъ, единственной вполнѣ ему свойственной формой творчества, такъ какъ она не требовала отъ него аналитическаго и синтетическаго взгляда на окружающую его дѣйствительность, а требовала лишь правдиваго и искренняго выраженія того, что онъ чувствовалъ и что онъ думалъ безъ стношенія къ тому, насколько эти думы и чувства были приложимы къ обще-народной жизни или ею оправдывались.

Таковыми лириками были, какъ сказано, всѣ наши выдающіеся художники начала XIX-го вѣка. Если въ числѣ ихъ мы до сихъ поръ не назвали Пушкина и Грибоѣдова, то потому, что назвать ихъ значить сразу указать на тѣхъ поэтовъ, которые первые и единственные сумѣли придать своему творчеству истинно народное значеніе, сумѣли въ образахъ истолковать если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ сторонъ самобытной нашей жизни. Но Пушкинъ и Грибоѣдовъ—исключительныя явленія въ исторіи нашей словесности того времени; брать ихъ за мѣрило въ опредѣленіи характера и значенія современной имъ литературы—невозможно. Пушкинъ, Грибоѣдовъ и отчасти Крыловъ по таланту сильнѣе своихъ современниковъ, но не они—самые типичные и характерные представители того литературнаго періода, о которомъ мы говоримъ, т. е. той эпохи, когда заимствованное и народное такъ сталкивались и такъ боролись въ нашей словесности. Не должно забывать, однако, что и Грибоѣдовъ, и Пушкинъ въ первый періодъ своего развитія испытали на собственномъ творествѣ всю неловкость такого разлада между тѣмъ, что непосредственно подсказывала жизнь, и тѣмъ, что давали книги: припомнимъ хотя-бы французскій отпечатокъ на нѣкоторыхъ лицахъ и сценахъ въ „Горѣ отъ ума“ и байроническую окраску первыхъ поэмъ Пушкина. Но эти гении, въ концѣ концовъ, вышли побѣдителями, и въ особенности въ Пушкинѣ способность сживаться съ міросозерцаніемъ самыхъ различныхъ временъ и народовъ соединялась со способностью глубоко понимать и чувствовать и художественно изображать чисто русское. Ихъ сверстники были менѣе счастливы. Всѣ они, эти поэты второй и третьей величины, также стремились стать народными, говорили неустанно о „народности“, очень часто прибѣгали ко всевозможнымъ внѣшнимъ приѣмамъ, чтобы

¹⁾ Стоить только прочесть романы и повѣсти того времени, чтобы въ этомъ убѣдиться.

быть русскими въ своемъ творествѣ, но почти всегда всѣ эти попытки не спасали ихъ отъ шаблона, неправдоподобности и натяжки.

Исторія этихъ попытокъ создать самобытную словесность въ эпоху наибольшаго торжества чувствъ, настроеній, идей и образовъ, взятыхъ извнѣ, весьма характерна. Одну страницу изъ этой исторіи мы и попытаемся припомнить.

Замѣтимъ прежде всего, что если на творчество нашихъ поэтовъ начала XIX-го вѣка смотрѣть какъ на примѣръ борьбы усвоеннаго чужого съ переживаемымъ своимъ, какъ на примѣръ спора и совмѣстнаго существованія въ душѣ художника „романтическихъ“ образовъ и стремленія быть во что бы то ни стало самобытнымъ, то для нагляднаго уясненія этого явленія придется, преимущественно, остановиться на творествѣ менѣе сильныхъ поэтовъ того времени. Сособенно характерными окажутся, въ данномъ случаѣ, не тѣ, которые болѣе глубоки и оригинальны по таланту, и—это понятно. Сильный талантъ, конечно, болѣе огражденъ отъ непосредственнаго вліянія со стороны, чѣмъ талантъ слабый, и если ужъ мы хотимъ наблюдать, какъ это вліяніе со стороны торжествуетъ надъ самобытнымъ или съ нимъ борется, то творчество менѣе сильныхъ талантовъ для насъ матеріалъ очень цѣнный.

Эпоха, о которой мы говоримъ, богата такими не сильными талантами. За исключеніемъ Пушкина и Грибоѣдова, всѣ остальные безспорно поэты второго ранга, а нѣкоторые изъ нихъ даже и третьяго.

Къ числу такихъ долженъ быть отнесенъ и Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, этотъ наиболѣе типичный русскій романтикъ ранней формации. Въ его поэтическомъ творествѣ и въ его приговорахъ какъ критика, всего нагляднѣе отразилась эта любопытная борьба иноземныхъ литературныхъ образцовъ съ первыми ростками нашей самобытной словесности.

I.

14-ое Декабря 1825 г.—печальный день въ исторіи нашей словесности. Вспышка политической мысли, перешедшая съ необычайной быстротой въ рѣшительное дѣйствіе, вырвала изъ среды нашего образованнаго общества, столь малочисленнаго въ тѣ годы, много даровитыхъ людей и среди нихъ нѣсколькихъ поэтовъ. Память объ этихъ поэтахъ мы сохранили, но отъ времени очень потускнѣли ихъ образы. Поступокъ, на который они рѣшились, какъ-то отодвинулъ въ тѣнь тѣ ихъ думы и чувства, которыя не имѣли прямого отношенія къ тому, что совершилось на сенатской площади; и эти поэты, романисты и критики, затерявшіеся сначала среди каторжныхъ и солдатъ, такъ и остались

потомъ затерянными въ длинномъ спискѣ лицъ, ихъ товарищей по несчастію. Мы знаемъ, кто были декабристы, какъ выразители извѣстныхъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ, но немногіе помнятъ этихъ людей какъ писателей, пролагавшихъ новые пути для самобытнаго развитія нашей словесности, о судьбѣ которой они при всемъ ихъ иностранномъ образованіи и воспитаніи такъ заботились. Чтобы вполне оцѣнить ту потерю, которую мы понесли 14 Декабря, надо припомнить, что этими людьми было сдѣлано въ сферѣ иныхъ помысловъ и желаній, чѣмъ тѣ, за которые они непосредственно пострадали. Среди нихъ былъ, какъ извѣстно, и Кюхельбекеръ.

Это была одна изъ самыхъ оригинальныхъ личностей своего времени—яркій и цѣльный типъ энтузіаста, романтически настроеннаго юноши, того самаго „прекраснодушнаго“ и „растрепаннаго“ юноши, надъ которымъ, въ сороковыхъ годахъ, такъ безжалостно смѣялся Бѣлинскій послѣ того, какъ самъ на себѣ испыталъ все траги-комическое обаяніе такого энтузіазма. Въ эпоху царствованія Александра I этотъ типъ только что зарождался и имѣлъ свое особое мѣсто среди тогдашнихъ массоновъ, членовъ библейскаго общества, мистиковъ, разныхъ сектантовъ, вольтерьянцевъ, безпечныхъ жуировъ, поборниковъ мракобѣсія, философовъ и скупающихъ резонеровъ—однимъ словомъ среди всей необычайно пестрой толпы типичныхъ людей, которыми было такъ богато это царствованіе. Прямимъ родственникомъ такого неистоваго энтузіаста былъ извѣстный Чацкій, въ уста котораго Грибоѣдовъ вложилъ свою сатиру.

Міросозерцаніе этого восторженнаго юноши, который въ Кюхельбекерѣ нашелъ свое первое яркое воплощеніе, не легко поддается точному опредѣленію: въ немъ много противорѣчиваго, случайнаго и минутнаго. Этотъ мечтатель всегда въ волненіи, всегда его рѣчь полна пафоса; философская, религіозная или нравственная тема всегда развивается имъ съ извѣстной тревогой, *con vigilo*; въ его художественномъ творествѣ нѣтъ ни выдержанности, ни цѣльности, но зато всегда есть восторгъ, полетъ горѣ, всегда неизмѣнная способность съ высоты смотрѣть на все въ жизни.

Съ высоты смотрѣлъ на все и Кюхельбекеръ; его восторгъ не замыкался впрочемъ въ какой-либо опредѣленной сферѣ идей или настроеній. Нашъ романтикъ не отдавалъ въ своемъ творествѣ такого явнаго предпочтенія гражданскимъ чувствамъ, какъ Рылѣевъ; не подчинялъ своей фантазіи дидактикѣ и мистикѣ такъ явно, какъ кн. В. Ѳ. Одоевскій; философія не играла въ его поэзіи такой первенствующей роли, какъ въ поэзіи Веневитинова; онъ не любилъ, какъ Баратынскій, слишкомъ откровенно исповѣдываться въ самыхъ тайныхъ и сокровенныхъ чувствахъ передъ читателемъ; вакхическій восторгъ не имѣлъ надъ нимъ той власти, какую онъ имѣлъ надъ музой Языкова; и наконецъ бравурно-

сатирическій тонъ не былъ ему такъ обыченъ и пріятенъ, какъ Марлинскому.

Въ поэзіи Кюхельбекера было всего по немногу; онъ ко всему прислушивался и хотѣлъ на все дать откликъ. Это былъ не сильный откликъ, но всегда искренній и главное—восторженный.

И вотъ этотъ-то энтузіастъ, прошедшій строгую школу западнаго романтизма, старался изо всѣхъ силъ стать „самобытнымъ“ и „народнымъ“ въ своемъ творествѣ. Онъ хотѣлъ въ прошломъ Россіи и въ ея настоящемъ, въ ея преданіяхъ и жизни найти пищу для вдохновенія, предлогъ для восторга—и онъ, кромѣ того, желалъ, чтобы это вдохновеніе облеклось подъ его перомъ въ чисто русскую форму.

Борьба такой патріотической тенденціи съ усвоенными съ дѣтства иноземными литературными вкусами и пріемами была въ его творествѣ неизбежна.

II.

Жизнь Вильгельма Карловича—цѣлая романтическая поэма, весьма, впрочемъ, печальная.

Родился Кюхельбекеръ въ 1797 году, въ нѣмецкой семьѣ, но роднымъ языкомъ былъ для него языкъ русскій. Въ то время, когда онъ еще ни слова не зналъ по-нѣмецки, русская кормилица и русскія няньки давали ему первые уроки словесности. Вторымъ учителемъ въ тѣже дѣтскіе годы былъ Карамзинъ. Въ 1812 году мы встрѣчаемъ Кюхельбекера въ частномъ пансіонѣ въ городѣ Верро, а три года спустя (1815) воспитанникомъ Царскосельскаго Александровскаго лицея. Здѣсь при хорошихъ успѣхахъ въ наукахъ, онъ, кажется, не могъ похвастаться хорошимъ поведеніемъ; начальство его наказывало, но товарищи любили за доброту его сердца, за его горячность, за эксцентричность темперамента, комическая сторона котораго не заслоняла для лицъ, его близко знавшихъ, идейной сущности всѣхъ его странностей. Изъ всѣхъ товарищей его соединяла кажется наиболѣе тѣсная дружба съ Пушкинымъ и Дельвигомъ. Ихъ тройственный союзъ питалъ въ немъ порывы къ великому и любовь къ добру, какъ онъ самъ признавался въ одномъ прочувствованномъ стихотвореніи, когда говорилъ о Царскомъ Селѣ:

Здѣсь часто я сидѣлъ въ полуночномъ мерцаньи
И мѣсяцъ протекалъ надъ юношей—въ молчаньи!
Здѣсь мирныя мѣста, гдѣ возвышенныхъ музъ
Небесный пламень ихъ и радости святыхъ.
Порывъ къ великому, любовь къ добру—первые
Узнали мы—и гдѣ нашъ тройственный союзъ,
Союзъ молодыхъ пѣвцовъ, и чистый, и священный

Всесильнымъ навыкомъ и дружбой заключенный,
Быль начать и свершенъ! ¹⁾.

Память объ этихъ лицейскихъ дняхъ была для Кюхельбекера сначала источникомъ вдохновенія, а позднѣе, въ годы ссылки, родникомъ утѣшенія.

Изъ Лицея Кюхельбекеръ былъ выпущенъ въ 1817 году и, конечно, поступилъ на службу (въ министерство иностранныхъ дѣлъ), поступилъ потому, что поступали всѣ, а вовсе не изъ любви къ дѣлу. Энтузіастъ, который еще ребенкомъ любилъ углубляться въ роши и восторженно импровизировать рыцарскія сказки и поэмы, который жилъ всегда во враждѣ съ ариеметикой и всегда изящную, идеальную сторону жизни предпочиталъ матеріальной—онъ былъ совсѣмъ не созданъ для какой-либо службы, за исключеніемъ, конечно, службы музамъ, съ которыми онъ въ особенности сдружился въ Лицеѣ. Плоды его вдохновенія пѣнились во всѣхъ редакціяхъ того времени, и притомъ самыхъ серьезныхъ; а онъ самъ сталъ скоро близкимъ другомъ и знакомымъ всѣхъ молодыхъ и старыхъ литераторовъ Петербурга и Москвы. Знакомый Карамзина, Крылова, Жуковского ²⁾, Гнѣдича и Катенина, котораго онъ очень любилъ ³⁾, онъ былъ близкимъ товарищемъ Пушкина, Дельвига и близкимъ пріятелемъ Баратынскаго ⁴⁾, Плетнева, Грибоѣдова ⁵⁾, Туманскаго, Рылѣева, Марлинскаго-Вестушева и В. О. Одоевскаго. Въ 1821 году онъ вышелъ въ отставку. Одно время его занимала мысль посвятить себя наукѣ и ея преподаванію, что для него не было-бы новинкой, такъ какъ онъ, служа въ министерствѣ, въ то же время былъ учителемъ русскаго и латинскаго языковъ въ Педагогическомъ институтѣ.

Планы эти разстроились: онъ уѣхалъ за-границу секретаремъ при А. Н. Нарышкинѣ. Побывалъ онъ въ Германіи, исходилъ тамъ всѣ музеи и картинныя галереи и знакомился съ кѣмъ только могъ изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей. Въ Веймарѣ Кюхельбекеръ посѣтилъ Гете и отмѣтилъ съ большой радостью, что старикъ интересуется русскою литературой... Небо Италіи, кажется, не особенно его плѣнило и онъ тосковалъ на югѣ; но скоро Парижъ его утѣшилъ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ въ 1821 году, онъ сталъ вольной птицей: разсорился со своимъ „бариномъ“ и изъ секретаря превратился въ свободного художника-литератора, очень смѣлаго, судя по тому, что онъ не постѣснился

¹⁾ «Благонамѣренный» 1818, часть III, 133—4. «Посланіе къ Д... и П....», а также «Сынъ Отечества» 1818. XLVIII, 129 «Къ Пушкину и Дельвигу».

²⁾ Съ 1817 г. «Русскій Архивъ», 1871, 0174.

³⁾ «Русская Старина» 1875. Августъ, 530.

⁴⁾ Съ 1819 года.

⁵⁾ Онъ близко сошелся съ Грибоѣдовымъ на Кавказѣ, въ 1822 г. «Русская Старина», 1874. Май, 160. На его глазахъ писалось и «Горе отъ ума». «Русская Старина», 1875. Сентябрь, 84.

выступить передъ французской аудиторіей въ роли лектора славянскихъ литературъ и языка. Лекціи, говорятъ, имѣли большой успѣхъ, но ихъ прекратили очень скоро по требованію русскаго правительства. На Кюхельбекера долго косились, такъ что его пріятель и бывший директоръ Лицея, Энгельгардтъ, еще въ 1823 году совѣтывалъ ему вообще на нѣкоторое время удалиться съ литературнаго горизонта ¹⁾. Однако серьезныхъ послѣдствій эта непріятность для него не имѣла, и, вернувшись въ Петербургъ осенью 1821 года, онъ уже въ декабрѣ этого года очутился на Кавказѣ чиновникомъ при Ермоловѣ. Онъ уѣхалъ-бы и дальше въ Персію, какъ ему предлагали, если бы довольно бурная ссора и дуэль ²⁾ съ однимъ близкихъ Ермолову лицомъ не заставили его черезъ полгода вернуться въ Россію и на весь 1823 годъ запереться въ деревнѣ. Здѣсь ему, конечно, не сидѣлось. Въ концѣ 1823 года, онъ переселился въ Москву, сталъ опять вольнымъ преподавателемъ русской словесности въ университетскомъ пансіонѣ и въ частныхъ домахъ, и вновь весьма усердно принялся за литературную работу. Носился онъ тогда съ планомъ одной вольнолюбивой трагедіи, которую мечталъ посвятить Государю ³⁾. Въ 1824 году онъ состоялъ редакторомъ очень извѣстнаго въ то время альманаха „Мнемозина“, который онъ издавалъ вмѣстѣ съ В. Ѳ. Одоевскимъ. Весна 1825 года застала его въ Петербургѣ, гдѣ у него не было никакихъ опредѣленныхъ занятій. Въ концѣ года открылись опять кое-какіе виды на педагогическую дѣятельность, но съ 14-го декабря началась для него новая жизнь, опять жизнь странника, но на этотъ разъ невольнаго. Извѣстно, какъ эксцентрично онъ себя велъ на Сенатской площади ⁴⁾ и какъ въ тотъ же день ночью онъ пустился пѣшкомъ въ далекое путешествіе къ нашей западной границѣ. Его задержали въ Варшавѣ по внѣшнимъ примѣтамъ, которыя съ точностью описалъ, говорятъ, Булгаринъ ⁵⁾. Онъ былъ арестованъ, когда входилъ въ городъ и 25 января 1826 года доставленъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость ⁶⁾. Судъ вынесъ ему смертный приговоръ, замѣненный 15-ти-лѣтнимъ арестомъ въ крѣпостяхъ и затѣмъ пожизненной ссылкой. Изъ Петропавловской крѣпости его перевели въ Шлиссельбургъ, оттуда въ казематъ Динабургской крѣпости, затѣмъ по прошествіи четырехъ лѣтъ въ Ревельскую цитадель (1831), потомъ въ Свеаборгскую крѣпость и наконецъ оттуда въ 1835 году онъ попалъ на поселеніе въ восточную Сибирь, въ Баргузинъ.

¹⁾ «Русская Старина», 1875. Іюнь, 363.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1888. II, 0119.

³⁾ «Русская Старина», 1875. Іюль, 363.

⁴⁾ Объ его участіи въ дѣлѣ Декабристовъ см. Н. А. Гастфрейндъ. «Кюхельбекеръ и Пушкинъ въ день 14 декабря 1825 года». Спб. 1901.

⁵⁾ Гречъ. «Записки о моей жизни». Спб. 1886, 388.

⁶⁾ О допросѣ его см. «Русская Старина», 1873, апрѣль, 468.

Какъ жилось ему въ этихъ тюрьмахъ, можно легко себѣ представить—но Кюхельбекеръ не унывалъ. Если для него, какъ онъ говорилъ ¹⁾, „не существовало времени вообще, и десять лѣтъ и завтра были одно и то-же“, то у него зато было много времени для чтенія и писанія, въ чемъ ему не отказывали. Онъ въ тюрьмѣ выучился многимъ языкамъ ²⁾, и его нерѣдко посѣщало вдохновеніе. Помирившись съ гибелью своей личной жизни, онъ опасался лишь гибели своего таланта ³⁾. Эти опасенія были напрасны, но все-таки, хотя онъ и сдружился съ своимъ одиночнымъ заключеніемъ ⁴⁾, оно его надломило и съ выходомъ изъ тюрьмы для него началось медленное увяданіе. Съ внѣшней стороны жизнь въ Сибири была, конечно, лучше тюрьмы, но она сложилась для него весьма несчастливо. Надеясь на провинціальное общество, среди котораго ему пришлось жить, онъ сравнивалъ себя съ Прометеемъ, закованнымъ воробьями ⁵⁾, но всего больше угнетала его нужда и быстро развивавшаяся смертельная болѣзнь. Въ Сибири онъ женился (1837) и какъ будто на время помолодѣлъ. По крайней мѣрѣ, посылая Пушкину передъ своей свадьбой стихотвореніе на 19-е октября, онъ писалъ ему съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости: „человѣкъ, который десять лѣтъ сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и способенъ еще любить довольно горячо и молодо—ей Богу достоинъ нѣкотораго уваженія“ ⁶⁾. Но начинать вторую жизнь было уже поздно, тѣмъ болѣе, что нужда и болѣзнь дѣлали свое дѣло. Кюхельбекеръ угасалъ очень быстро. Онъ умеръ 11-го августа 1846 года, въ Тобольскѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ Сибири ⁷⁾.

Такова была жизнь этого несчастнаго человѣка; посмотримъ, что это была за личность.

III.

Она бросалась въ глаза и производила оригинальное впечатлѣніе даже своей внѣшностью. „Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ, что и навлекло ему эпитетъ „глиста“, Кюхельбекеръ еще въ Липецѣ былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ. Съ его эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1881, I, 138.

²⁾ «Русская Старина», 1875. Августъ, 503.

³⁾ «Русская Старина», 1875. Августъ, 512—518.

⁴⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 61.

⁵⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 66.

⁶⁾ «Русскій Архивъ», 1881, I, 144.

⁷⁾ Біографическія свѣдѣнія о жизни Кюхельбекера даны въ «Русской Старинѣ», 1875. Іюль, 333—358.

вспыльчивостью онъ, почти полупомѣшанный, всегда готовъ былъ на самыя курьзныя продѣлки — такъ аттестуетъ его баронъ Корфъ ¹⁾, не всегда, впрочемъ, безпристрастный судья въ оцѣнкѣ ума и характера своихъ прежнихъ лицейскихъ товарищей. Въ данномъ случаѣ, однако, это свидѣтельство подтверждается не только дошедшими до насъ эпиграммами, написанными на Кюхельбекера, но и словами многихъ лицъ, хорошо его знавшихъ въ разные годы его жизни. Эти лица — почти всѣ къ нему весьма расположенные люди — выносили о немъ впечатлѣнія, какъ о какомъ-то ненормальномъ человѣкѣ. Всюду, куда онъ ни попадалъ, всегда, за что онъ ни брался — въ Лицеѣ, въ Парижѣ, на Кавказѣ, на сенатской площади, въ Варшавѣ, онъ всегда былъ героемъ приключеній, хотя, конечно, не искалъ ихъ. Всѣ, начиная съ императора Александра I ²⁾, знали за нимъ эту способность становиться всегда въ какое-то неловкое положеніе и къ людямъ, и къ событіямъ, и многіе приписывали эксцентричность и взбалмошность его порывистаго и романтическаго характера иногда прямо его умственной неуравновѣшенности. Но считать его умственно поврежденнымъ такъ же невѣрно, какъ причислять его къ фанатикамъ какой-либо идеи, напр. политической ³⁾. Онъ жилъ вспышками мысли и чувства; но ни тѣ, ни другія никогда не теряли своей естественной связи, хотя, съ другой стороны, эта связь никогда не была на столько тѣсной, чтобы превратить его въ послѣдовательнаго служителя какого-нибудь опредѣленнаго дѣла.

Тѣмъ не менѣе друзья и знакомые, дѣйствительно, не скупились на слово „сумашедшій“, когда имъ приходилось говорить о Кюхельбекерѣ. Такъ выражался о немъ Карамзинъ ⁴⁾, Жуковский ⁵⁾, такъ отзывался Гречъ ⁶⁾, утверждая, что Кюхельбекеръ, какъ по-лоумный, и не могъ подлежать уголовному суду; такъ думалъ, если вѣрить Гречу, и Грибоѣдовъ ⁷⁾. Такое же впечатлѣніе вынесъ о немъ Ксенофонтъ Полевой, который въ 1824 году имѣлъ достаточно времени, чтобы къ нему присмотрѣться. „Кюхельбекеръ былъ очень свѣдущій и даже даровитый человѣкъ, но, можно сказать, весь составленный изъ нелѣпостей — пишетъ Поле-

¹⁾ Записка гр. М. А. Корфа 1854 г. Я. Гротъ. «Пушкинъ и его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1887, 273—4.

²⁾ «О. М. Бодянский въ его дневникѣ 1840—50». «Русская Старина» 1888. Ноябрь, 414.

³⁾ М. Корфъ. «Восшествіе на престолъ императора Николая I» Спб. 1857, 175.

⁴⁾ «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву». Спб. 1866, 413.

⁵⁾ «Русскій Архивъ». Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу 207, а также письмо Жуковскаго къ Кюхельбекеру 1823 г. «Русская Старина» 1875. Июль, 364.

⁶⁾ Гречъ. «Записки о моей жизни». Спб. 1886, 368, 389.

⁷⁾ Гречъ. «Записки о моей жизни» 384.

вой ¹⁾—съ этимъ человѣкомъ нельзя было разсчитывать логически ни на что: онъ часто поступалъ и дѣйствовалъ, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, совершенно наперекоръ разсудку“. Навѣстникъ Кюхельбекера и вмѣстѣ съ тѣмъ его добрый знакомый, директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ, также смотрѣлъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ на странности характера Кюхельбекера и деликатно ему выговаривалъ. „Твоя голова творитъ часто dumme Streiche, — писалъ онъ ему ²⁾, — тебѣ нравятся твои, такъ называемыя, странности, но онѣ въ глазахъ одной половины людей, съ тобой живущихъ — необдуманность, сумасбродство, въ глазахъ другой половины — преступленіе ³⁾; нужно, чтобы тебя меньше тѣшила мысль, что ты человѣкъ странный. Быть страннымъ дозволяется, не надобно только, чтобы самъ человѣкъ это сознавалъ или говорилъ“ ⁴⁾.

„Который тебѣ годъ, любезный Кюхельбекеръ, — спрашивалъ его въ 1823 году его знакомый, поэтъ В. И. Туманскій ⁵⁾—мнѣ очень стыдно признаться тебѣ, что будучи гораздо моложе, я обогналъ тебя въ благоразуміи“.

Обогнать Кюхельбекера въ благоразуміи могъ любой встрѣчный, совѣмъ не будучи разумнѣе его. Онъ самъ судилъ о себѣ вѣрнѣе, чѣмъ другіе. Сознавая въ себѣ способность цѣной многихъ жертвъ покупать наслажденіе „вѣчнаго стремленія“ и ограждая себя отъ разныхъ поспѣшныхъ приговоровъ, онъ писалъ про себя въ 1820 г. въ альбомѣ одной знакомой ⁶⁾: „Онъ всегда былъ недоволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, всегда имъ жертвовалъ будущему, и въ будущемъ предвидѣлъ однѣ непріятности; его многіе почитали человѣкомъ необыкновеннымъ и ошибались, другіе... Вѣрьте, что онъ былъ лучше и хуже молвы и сужденій о немъ людей, знавшихъ только его наружность“.

Быть можетъ, еще правильнѣе понялъ онъ свою душу, когда послѣ долгихъ лѣтъ тюрьмы и ссылки, припоминая, какъ Искупитель благословлялъ дѣтей — онъ чистосердечно признался, что и онъ младенецъ, и что до гроба быть такимъ младенцемъ — вотъ все, о чемъ онъ просить Бога ⁷⁾.

Дѣйствительно, если быть взрослымъ младенцемъ значить безхитростно и безъ разсчета смотрѣть на міръ и на людей, довѣряться имъ и любить ихъ, грѣшить безъ злобы, вѣрить въ близкое торжество правды и любви на землѣ, ненавидѣть свирѣпо

¹⁾ «Записки К. А. Полевого» Спб. 1888, 181. 93.

²⁾ Письмо 1823 г. «Русская Старина», 1875. Іюль, 362.

³⁾ «Русская Старина» 1875. Іюль, 365.

⁴⁾ «Русская Старина» 1875. Іюль, 367.

⁵⁾ «Русская Старина» 1875. Іюль, 375.

⁶⁾ «Замѣтка В. Кюхельбекера въ Альбомѣ С. Д. П.—ой 1820 г.» «Библиографическія Записки» 1858. I, 237.

⁷⁾ «Русская Старина» 1891. Февраль, 280. Стихотвореніе Кюхельбекера:

тѣхъ, кто причиняетъ боль ближнему, умѣть сострадать, не отступать передъ невозможнымъ, грозить и не замѣчать, какъ безсильна угроза, и какъ другіе надъ ней смѣются, наконецъ, любить чудесное и чудить, засыпать подъ сказку и капризничать при пробужденіи—если все это значить быть ребенкомъ, то такимъ именно и былъ нашъ государственный преступникъ и до катастрофы, и послѣ нея.

IV.

Кюхельбекера можно назвать идеалистомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Во всемъ въ жизни стремился онъ вычитать проявленіе какого нибудь высшаго принципа, сначала философскаго, а затѣмъ, во время долгихъ лѣтъ своего земнаго страданія,—принципа мистическаго и религіознаго.

Вильгельмъ Карловичъ имѣлъ нельзя сказать чтобы способность, но большую склонность къ отвлеченному мышленію, конечно, метафизическому, „выше-физическому“, какъ онъ выражался. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ того взгляда на міръ, который цѣль бытія заключаетъ единственно во мгновеніи, переживаемомъ человѣкомъ здѣсь на землѣ, и онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ того поворота мысли, который съ начала столѣтія въ Германіи, Англіи и даже во Франціи благопріятствовалъ религіозно-философскому, чисто философскому или, какъ говорилъ Кюхельбекеръ, „размышляющему“ мировоззрѣнію. Во Франціи его симпатіи были на сторонѣ идеологовъ и эклектиковъ—Дежерандо, Гизо и Кузена, достойныхъ продолжателей Малебранша, Декарта и Паскаля. Въ Германіи его любимымъ философомъ былъ Шеллингъ.

Онъ, впрочемъ, не изучалъ Шеллинга такъ прилежно, какъ Веневитиновъ или Одоевскій, такъ какъ вообще къ систематическимъ занятіямъ былъ мало склоненъ. Въ немъ, какъ онъ самъ выразился ¹⁾, не было того постоянства, той все побѣждающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ знаній—онъ былъ свободный художникъ и дилетантъ во всѣхъ областяхъ своихъ разнообразныхъ занятій. Но изъ тѣхъ рѣдкихъ и случайныхъ замѣтокъ философскаго характера, которыя попадаются въ его сочиненіяхъ и дневникахъ, видно, что Шеллингъ привлекалъ къ себѣ его вниманіе чаще другихъ мыслителей.

Въ этихъ дневникахъ, которые Кюхельбекеръ велъ въ длинные годы своего заточенія, встрѣчаются нерѣдко рассужденія на тему объ искусствѣ, напоминающія извѣстныя эстетическія рассужденія „Системы трансцендентальнаго идеализма“. Кюхельбекеръ

¹⁾ Письмо къ Д. И. Завалишину 1840 г. «Русская Старина» 1881. Октябрь, 388.

возстаетъ противъ хладнокровнаго, систематическаго обдумыванія плановъ художественныхъ произведеній, требуетъ слѣпago повиновенія голосу мысли, зародившейся въ глубинѣ нашего „я“, требуетъ слѣпой покорности вдохновенію, той священной минутѣ, когда „интеллектуальное воззрѣніе“—выражаясь языкомъ его любимаго философа — дается человѣку ¹⁾. Онъ много и самостоятельно думаетъ объ искусствѣ и даетъ иногда мѣткія опредѣленія самымъ неопредѣленнымъ терминамъ ²⁾. Онъ съ большимъ интересомъ читаетъ разборъ книги Галича „Опытъ науки изящнаго“, узнавая съ удовольствіемъ и въ Галичѣ и въ рецензентѣ (Полевомъ) учениковъ Шеллинга. Онъ съ уваженіемъ вспоминаетъ о Павловѣ, извѣстномъ пропагандистѣ шеллингианскаго ученія, онъ вспоминаетъ о тѣхъ годахъ, когда онъ былъ знакомъ съ Павловымъ еще въ Берлинѣ, гдѣ Павловъ показался ему такимъ бойкимъ, умнымъ, *burschikos*-нымъ молодцомъ, тотъ самый Павловъ, который въ Москвѣ, на русской почвѣ, спустя короткій срокъ, произвелъ на него впечатлѣніе робкаго, унылаго и застѣнчиваго человѣка.

Вообще Кюхельбекеръ въ своихъ воспоминаніяхъ часто возвращался къ Шеллингу, къ этому огню, у котораго грѣлись всѣ наши молодые романтики.—такъ много счастливаго, свободнаго и возвышеннаго было у него связано съ этимъ именемъ.

Иногда онъ дерзалъ даже вступать въ споръ съ учителемъ и заступался за самобытное, безконечное „я“, которое Шеллингъ, какъ ему казалось, обидѣлъ, отрицая у него самопознаніе. Въ другія, впрочемъ, минуты, передумывая мысли Шеллинга, онъ писалъ: „преклоняю колѣна передъ великимъ мыслителемъ и прошу у него прощенія, что было понялъ его криво“.

Съ 1825 г. Кюхельбекеръ не имѣлъ уже возможности слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ философской мысли такъ, какъ онъ слѣдилъ раньше. Но это развитіе отъ его пытливаго вниманія все-таки не ускользнуло. Любопытны нѣкоторыя замѣтки, занесенныя имъ въ дневникъ въ 1834 году: онъ говоритъ объ его опасеніяхъ за судьбу любимаго имъ идеалистическаго философскаго міросозерцанія и показываютъ, какъ чисто религіозный христіанскій взглядъ на міръ сталъ съ годами все болѣе и болѣе внятно говорить его сердцу. „Печально — говоритъ онъ—что въ Англіи метафизика скончалась съ послѣднимъ ея воспитателемъ Стюартомъ, но школьная метафизика англичанъ вообще не высокаго полета. Истинную метафизику надо искать не въ Эдинбургѣ, а въ Оксфордѣ, въ ученіи проповѣдниковъ и

¹⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская Старина» 1875. Августъ, 500.

²⁾ Любопытно напр. опредѣленіе, которое даетъ онъ слову «вкусъ». «Вкусъ» по его мнѣнію, есть соединеніе воли и разума и такое именно соединеніе, въ которомъ осуживающій разумъ заставляетъ волю отрицаться отъ дѣятельности, а посему вкусъ можетъ назваться эстетической совѣстью—совѣстью изящнаго.

методистовъ, въ евангельскомъ стремленіи ихъ человѣколюбивыхъ обществъ, библейскихъ и другихъ. Эти общества показываютъ, что не для однѣхъ машинъ, торговли и счетовъ живетъ эта нація“. О Германіи Кюхельбекеръ не беспокоился: онъ былъ увѣренъ, что она всегда была и будетъ отечествомъ мысли. „Пожалуй—разсуждаетъ онъ—съ 1830 года нѣмцы нѣсколько поохладѣли къ Фихте и Шеллингу, но они охладѣли вѣдь только къ школьной метафизикѣ, а истинная метафизика, т. е. наука о предметахъ выше-физическихъ, у нѣмцевъ и нынѣ въ тѣсномъ союзѣ съ вѣрой“. „Утверждать—говоритъ Кюхельбекеръ—что духъ нашего времени благопріятствуетъ наукамъ естественнымъ, механикѣ, и наукамъ политическимъ исключительно—значить односторонне смотрѣть на нашъ вѣкъ. Противъ такой оцѣнки говоритъ вся наша поэзія. Байронъ, Муръ, Скоттъ, Саути, Казиміръ де ла Винь, Ламартинъ, Виньи, Манцони, нѣмцы съ Гете до нашихъ современниковъ, Мицкевичъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ. Передъ лицомъ такихъ творцовъ выше-физическаго міра можно ли говорить объ одностороннемъ позитивномъ направленіи нашего вѣка? Мнѣ кажется неоспоримымъ, что главный признакъ духа нашего времени — тѣсный союзъ, взаимное вспомоществованіе, гармонія между силами двухъ міровъ, слившихся въ груди человѣческой“ ¹⁾).

За исключеніемъ послѣднихъ словъ, нѣсколько туманныхъ, всѣ эти размышленія показываютъ ясно, что отъ вниманія Кюхельбекера не ускользнула та опасность, которая грозила его излюбленному метафизическому міросозерцанію. Дѣйствительно, въ тридцатыхъ годахъ это міросозерцаніе пошло въ Европѣ быстро на убыль. Позитивное міровоззрѣніе еще не сложилось вполне, но давало себя чувствовать. Политическіе и соціальные вопросы уже захватили и теоретиковъ, и практиковъ; критицизмъ подкапывался подъ устои ортодоксальной и всякой иной вѣры; система Гегеля послѣ смерти учителя разлагалась, о Шеллингѣ забыли. Поэзія, на которую указывалъ Кюхельбекеръ, была въ данномъ случаѣ также ненадежной опорой. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ Кюхельбекеромъ поэтовъ успѣли къ 30-му году сказать свое послѣднее слово, другіе уже не пользовались вліяніемъ, третьи, какъ „современные ему нѣмцы“, начали отдавать въ лицѣ молодой Германіи свое искусство въ услуженіе потребностямъ минуты. Кюхельбекеръ понималъ и видѣлъ, что дорогому для него міросозерцанію грозитъ опасность, но онъ умалилъ значеніе этой опасности и слишкомъ поспѣшно себя утѣшилъ. А случилось это потому, что, подъ давленіемъ тяжелыхъ условій жизни, онъ сталъ отставать отъ вѣка, а также и потому, что религіозное чувство, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ немъ укрѣплялось, превращало его изъ мыслителя и политика въ смиренно

¹⁾ «Русская старина» 1883. Августъ, 256.

вѣрующаго человѣка. Тревога духа въ немъ утихала; наивная чуткость его души, отдававшая его такъ часто во власть минутному настроенію и вспышкамъ восторженнаго чувства, въ годы ссылки и заключенія, стала сказываться все рѣже и рѣже, и бурный романтикъ превращался въ богобоязненнаго поэта, свободнаго отъ „перенапряженія“ чувствъ, отъ мечтаній о недостижимомъ совершенствѣ, отъ всякой титанической спѣси. Онъ сохранилъ только глубокую вѣру въ человѣка и въ его гуманное призваніе на землѣ.

V.

Кюхельбекеръ былъ съ дѣтства религіозенъ. Нельзя сказать, какъ недавно было высказано, что именно тюрьма и ссылка обратили его къ Богу ¹⁾. Безспорно, что несчастія жизни усилили въ немъ религіозное чувство, но оно проглядывало и въ тѣхъ его стихотвореніяхъ, которыя писаны до катастрофы ²⁾. Правда, это чувство носило иногда пантеистическій характеръ, но оно не всегда этотъ характеръ выдерживало. Въ глубинѣ души своей Кюхельбекеръ былъ піэтистъ и сентименталистъ, и даже его философская мысль, о которой мы говорили, никогда въ открытую борьбу съ этимъ піэтизмомъ не вступала: любопытно, что ни въ сочиненіяхъ его, ни въ дневникѣ мы не находимъ и слѣда той борьбы вѣры и умозрѣнія, которая, въ особенности въ юношескихъ годахъ, для истиннаго философа неизбежна. Религія совершила мирный захватъ его сердца или, вѣрнѣе, никто ея власти надъ этимъ сердцемъ не оспаривалъ. Кюхельбекеръ всю жизнь былъ противникомъ „виландо-кантовскаго индифферентизма“— какъ онъ выражался ³⁾, т. е. говоря болѣе простыми словами— противникомъ критицизма, упирающагося въ недоказуемое или одинаково вѣроятное, и врагомъ эпикуреизма, порывающаго связь между Божествомъ и человѣкомъ. Кюхельбекеръ эту связь всегда живо чувствовалъ и многія его стихотворенія проникнуты такимъ чувствомъ ⁴⁾.

Иногда религіозное настроеніе нашего писателя принимало мистическую окраску. Кюхельбекеръ вмѣстѣ съ Лафатеромъ и Юнгъ-Штиллиномъ вѣрилъ въ непосредственное видимое дѣйствіе Провидѣнія Божія, помогающаго людямъ въ ихъ частной жизни вещественными явленіями т. е. чудесами. Онъ на себѣ самомъ испытывалъ та-

¹⁾ Прот. Т. Буткевичъ. «Религіозныя убѣжденія декабристовъ». Харьковъ 1900 (Изъ журнала «Вѣра и Разумъ») 6, 43.

²⁾ См. напр., «Мнемозина» I, 51.

³⁾ Дневникъ 1845 г. «Русская Старина» 1891. Октябрь, 106.

⁴⁾ Двадцать такихъ религіозныхъ стихотвореній Кюхельбекера перепечатано у Т. Буткевича. «Религіозныя убѣжденія декабристовъ», 8—42.

кое видимое дѣйствіе благодати и признавалъ его чудомъ ¹⁾; онъ искалъ въ сновидѣніяхъ намековъ и указаній для жизни дѣйствительной; ²⁾ онъ вѣрилъ въ возможность общенія съ умершими, признавая, что отрицать такое общеніе—значить перестать быть христіаниномъ, что безъ этого вѣрованія нѣтъ и вѣры въ безсмертіе души, отъ которой отказаться невозможно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ метафизическихъ доказательствъ, которыя-бы успокоили сердце ³⁾. Иногда онъ доходилъ до того, что утверждалъ, будто самъ видѣлъ никого иного, какъ самого чорта ⁴⁾; иногда онъ просто бредилъ, но придавалъ, очевидно, своему бреду извѣстное серьезное значеніе, такъ какъ заносилъ его въ свой дневникъ. Въ этомъ смыслѣ весьма любопытна одна записъ, которую мы и приведемъ цѣликомъ:

„У меня былъ, пишетъ онъ, самый Жанъ-Полевскій сонъ, въ которомъ Платонова идея о грѣхопаденіи *передъ рожденіемъ* представилась мнѣ въ смутныхъ, не живописныхъ, однако же поэтическихъ образахъ.

Носился я въ какомъ-то сіяющемъ облакѣ. Чѣмъ я самъ былъ—не знаю; но кажется безъ тѣла и образа. Подъ облакомъ видѣлось мнѣ темное, неосвѣщенное море, и вдругъ я очутился въ этомъ морѣ. Жажда томила меня, и я хлебнулъ нечистой воды его. Тогда послышался мнѣ голосъ и спросилъ меня: не пилъ-ли ты сей воды? Отвѣтъ мой былъ: „нѣтъ: я напился свѣту“ (грѣхопаденіе). На то мнѣ было сказано: хорошо, если такъ; но если ты выпилъ воды, не было-бы тебѣ впослѣдствіи за то тяжело! — Потомъ я увидѣлъ и другихъ плещущихся въ морѣ; нѣкоторые изъ нихъ держались за якорные канаты, но самыхъ кораблей я не видѣлъ; вокругъ меня былъ сумракъ, и мнѣ являлись только небольшія, частыя волны моря и сіяніе, которое парило надъ моремъ. Внезапно раздался громъ — и мнѣ показалось, что послѣ этого я долженъ буду родиться, — но я проснулся“ ⁵⁾.

Вмѣстѣ съ мистическимъ настроеніемъ, которое оставило замѣтные слѣды на его творчествѣ этихъ годовъ, въ душѣ Кюхельбекера росло и чувство смиренія, чувство грустнаго отказа отъ всѣхъ земныхъ наслажденій и приманокъ, отъ всего того, чего его бурная душа въ юности такъ жаждала и отъ чего теперь отрекалась въ преддверьи новой, загробной жизни, къ которой, какъ онъ ясно понималъ, онъ быстро приближался. Кюхельбекеръ былъ иногда даже безпощаденъ къ самому себѣ въ этихъ попыткахъ смиренія.

¹⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская Старина» 1875. Сентябрь, 79.

²⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская Старина» 1875. Сентябрь, 88.

³⁾ Дневникъ 1845 г. «Русская Старина» 1891. Октябрь, 105—6.

⁴⁾ «Русская Старина» 1878. Мартъ, 425.

⁵⁾ «Русская Старина» 1883. Июль, 107.

Въ дневникъ 1832 г. онъ заноситъ напр. такую замѣтку: „и нынѣ я еще слишкомъ привязанъ къ землѣ (1832 годъ былъ шестымъ годомъ его заключенія), особенно слишкомъ дорожу своими стихотворными занятіями. Пусть я достигну своего желанія, пусть приобрету то, что честять здѣсь на землѣ безсмертіемъ; этотъ пустой, ничтожный самозванецъ, это безсмертіе — что въ сравненіи съ тѣмъ, другимъ, истиннымъ безсмертіемъ, къ которому я каждый день и часъ долженъ бы готовиться въ сей земной гостиницѣ?“¹⁾

И Кюхельбекеръ готовился къ этой иной жизни безропотно и покорно. Христіанское смиреніе становилось мало по малу основнымъ мотивомъ почти всѣхъ его стихотвореній и замѣтокъ въ послѣдніе годы его жизни. „Началь читать Байронова „Каина“, пишетъ онъ въ дневникъ 1845 г.²⁾—признаюсь, страшно: богохульства его демона ничего не значутъ въ сравненіи съ ужаснымъ вопросомъ, на который нѣтъ отвѣта для человѣческой гордости; этотъ вопросъ: зачѣмъ было сотворять міръ и человѣка? Тутъ только одинъ отвѣтъ въ христіанскомъ смиреніи“. Такъ религіозно настраивало его одно изъ самыхъ антирелигіозныхъ сочиненій міра.

Свое собственное призваніе онъ сталъ теперь также понимать нѣсколько иначе, чѣмъ понималъ прежде: не апостоломъ новыхъ истинъ, не художникомъ—пророкомъ и провидцемъ, не человѣкомъ науки,—онъ хотѣлъ быть лишь смиреннымъ глашатаемъ одной религіи. Въ стихотвореніи „Мое предназначеніе“ (1835 г.³⁾ онъ высказался ясно.

Неприступною стѣной,
До самой тверди взгроможденной,
Я отдѣленъ отъ всей вселенной!
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ
За мой порогъ не пролетая,
Здѣсь, ухо всеу поражая
Часовъ однообразный стукъ—
Надъ временемъ насмѣшка злая.
Оно стоитъ, и мнѣ-ль мечтать
Изъ мертвой тьмы уединенья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать?

спрашиваетъ поэтъ своего Генія, и въ отвѣтъ ему раздается успокоительная рѣчь, что именно въ этомъ одномъ—въ вѣщаніи Бога и заключается отнынѣ вся задача его жизни:

Какъ горній токъ, падающій въ доли,
Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей

¹⁾ Дневникъ 1832 г. «Русская старина» 1875. Сентябрь, 80.

²⁾ Дневникъ 1845 г. «Русская старина» 1891. Октябрь, 104.

³⁾ «Русская старина» 1884 Февраль, 343.

Излей могучіе глаголы
О Немъ . . .

И дѣйствительно, почти всѣ стихотворенія Кюхельбекера въ послѣдній періодъ его жизни стали походить на молитвы. Среди этихъ молитвъ есть нѣкоторыя очень музыкальныя и прочувствованныя, хотя-бы напр. „Вечерняя молитва“:

Погаснулъ день: склонился міръ къ покою;
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.
Съ обзора солнце свель и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну,
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну. и т. д. ¹⁾

Въ религіи разрѣшались для нашего поэта постепенно всѣ вопросы жизни, и даже любовь, это чисто земное чувство, существующее среди людей и для людей, стало въ его глазахъ вожа-тымъ въ жилище блаженныхъ.

Религіозную окраску приняла и столь любимая имъ идея о прогрессѣ человѣчества. Это была одна изъ самыхъ дорогихъ его уму и сердцу идей, которая никогда въ немъ не умирала, не смотря на всѣ разочарованія его жизни.

Въ годы ранней юности онъ любилъ говорить объ „усовершенствованіи“, о „прогрессѣ человѣческаго рода“; онъ говорилъ о немъ часто въ своихъ стихахъ, публицистическихъ очеркахъ и критическихъ статьяхъ; тогда это были мечты, полныя энтузіазма, навѣянные чтеніемъ Гердера, Канта и Шеллинга. Грядущее блаженство рода человѣческаго рисовалось нашему мечтателю, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, и эти мечтанія были очень оптимистичны. Въ одномъ изъ такихъ раннихъ стихотвореній онъ высказываетъ мысль — которую раздѣляли многіе изъ его современниковъ—а именно, что „все есть вмѣстѣ и цѣль во вселенной и къ высшему средство“, что жизнь дана намъ для наслажденій, что Богъ создалъ насъ не для терзаній и не для страданій скорбныхъ сердца, что всѣхъ Онъ любитъ равною любовью, что Ему одинаково дорого и счастье насѣкомаго, и счастье ангела ²⁾.

Такой оптимизмъ на гедонистической подкладкѣ, конечно, не могъ съ годами выдержать столкновенія съ жизнью. Онъ былъ хорошъ, какъ юношеская греза. Но всетаки отъ мысли, что человѣчество создано для наслажденій, Кюхельбекеръ не отказался. Понимая это наслажденіе уже не въ грубомъ смыслѣ, а въ самомъ высокомъ, признавая, что великое блаженство есть цѣль въ жизни, а средство для достиженія ея дано въ великомъ страданіи, нашъ поэтъ

¹⁾ Перепечатано у Буткевича «Религіозныя убѣжденія декабристовъ», 120.

²⁾ «Сынъ Отечества», 1817 г. XII, 278.

сталъ открыто проповѣдывать свою вѣру въ постепенное, хотя и медленное движеніе человѣка на пути отъ худшаго состоянія къ лучшему. Онъ ясно высказалъ эти мысли въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Европейскія письма или путешествіе жителя Американскихъ Сѣверныхъ Штатовъ XXV-го столѣтія“ (1820).

Въ этихъ статьяхъ, которыя печатались въ „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“ и въ „Невскомъ Зрителѣ“, онъ предполагалъ рассмотреть событія, законы, страсти и обыкновенія вѣковъ минувшихъ и окинуть также быстрымъ взглядомъ и нашъ XIX-тый вѣкъ ¹⁾. Задача огромная, которую, конечно, онъ не былъ въ силахъ выполнить въ этихъ фельетонахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые взгляды его на грядущую судьбу нашей цивилизаціи, не смотря на ихъ неопредѣленность, очень любопытны. Кюхельбекеръ въ этихъ письмахъ не измѣняетъ своему оптимизму. „Въ жизни нашего племени, пишетъ онъ ²⁾, — не было ничего потеряно, не было слова, согрѣтаго въ сердцѣ добраго, которое-бы не содѣйствовало благотворительно воспитанію самыхъ отдаленныхъ поколѣній. Самыя заблужденія, сами пороки и злодѣянія не были бесполезны, ибо они служили открытію истины. Мы уже гораздо менѣе злополучныхъ предковъ нашихъ удалены отъ блаженнаго вѣка. Конечно, пройдутъ, можетъ быть, еще тысячелѣтія, пока не достигнетъ человѣчество высшей степени человѣчности, но оно достигнетъ ея или вся исторія ничто иное, какъ глупая и вмѣстѣ ужасная своимъ безсмысліемъ сказка“. „Мы—говорить въ другомъ мѣстѣ этотъ вымышленный гражданинъ Американскихъ Штатовъ XXV-го вѣка,—живя въ счастливое время, когда политика и нравственность одно и то же, когда правительство и народы общими силами стремятся къ одной цѣли, мы перестанемъ жалѣть, какъ нѣкогда жалѣли нѣкоторые въ Европѣ о золотомъ греческомъ періодѣ—перестанемъ жалѣть о вѣкахъ семнадцатомъ и восемнадцатомъ“ ³⁾.

Кюхельбекеръ починалъ прогрессъ въ очень широкомъ смыслѣ, какъ видно изъ тѣхъ мѣстъ въ „Европейскихъ письмахъ“, гдѣ онъ рассказываетъ объ общественномъ строѣ одной русской общины, затерявшейся какими-то судьбами въ Италіи (?). Фанстастическій патріархъ этой общины, чистый русакъ, нѣкій Добровъ—выразитель прописной морали, весьма скучной. Для насъ его личность никакого интереса не представляетъ, но любопытны мысли самого Кюхельбекера, которыя онъ высказываетъ мимоходомъ. „Добровъ, — пишетъ онъ ⁴⁾, — какъ правитель народа, естественнымъ образомъ полагаетъ главное достоинство человѣка въ гражданственности. Но онъ не одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ,

¹⁾ «Европейскія письма» «Невскій Зритель» 1820. Февраль, 35.

²⁾ «Европейскія письма», «Соревнователь Просвѣщенія» 1820 № III, 284 — 5.

³⁾ «Европейскія Письма» «Невскій Зритель» 1820. Февраль 35—45.

⁴⁾ «Европейскія Письма». «Невскій Зритель», 1820. Апрель, 54.

онъ всегда помнитъ, что совершенный гражданинъ не есть еще совершенный человѣкъ, что образованности нравственная, эстетическая, религіозная, ученая, даже физическая имѣютъ также право на уваженіе, какъ и образованность гражданская, ибо онѣ всѣ—средства къ человѣчности, всѣ равно должны входить въ составъ образованности истиннаго человѣка“.

Такъ широко смотрѣлъ нашъ авторъ на задачу человѣческаго развитія, вѣруя, что мы къ этому идеалу приближаемся, хотѣ бы и медленными шагами; это вѣрованіе не утратило своего обаянія надъ нашимъ идеалистомъ и въ годы его несчастій.

Не въ примѣръ многимъ людямъ, въ которыхъ крушеніе надеждъ и личныя бѣды усиливаютъ или развиваютъ пессимистическій взглядъ на міръ — Кюхельбекеръ остался оптимистомъ, но только весь свой оптимизмъ онъ поставилъ теперь подъ охрану Бога и возложилъ свои надежды уже не на людей, а на Провидѣніе, которое ими руководитъ. Цѣль жизни человѣчества осталась та же, т. е. возможное земное совершенствованіе, но инициатива принадлежала уже не человѣку.

И въ самомъ процессѣ совершенствованія Кюхельбекеръ сталъ оттѣнять все больше и больше нравственную сторону. „Просвѣщенію ума, говорилъ онъ, должно предшествовать улучшеніе сердца, безъ котораго просвѣщеніе иногда пагубнѣе всякаго суевѣрія“ ¹⁾ Такое улучшеніе сердца безъ религіи казалось ему невозможнымъ, и въ вопросѣ воспитанія религія стояла у него на первомъ мѣстѣ. „Кажется — писалъ онъ ²⁾ — не подлежитъ сомнѣнію, что природа, производя на свѣтъ людей, имѣетъ въ виду цѣль общую, а не частную, не механику, не политику etc., а человѣчность (die Humanität). Главное—раскрой человѣчность въ ребенкѣ, его мысль, его душу. Нужно ли сказать, что этого не достигнешь, если не положишь въ основаніе его воспитанія свѣдѣній и чувствованій религіозныхъ, нравственныхъ и, отчасти, принадлежащихъ области изящнаго?“

Въ дневникѣ 1834 г. онъ буквально повторяетъ мысль, высказанную еще въ „Европейскихъ Письмахъ“, но придаетъ ей уже религіозную окраску. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ, —³⁾ что тѣ судятъ слишкомъ односторонне, которые ограничиваютъ усовершенствованіе человѣчества одной гражданственностью. Но, если нѣтъ въ жизни рода человѣческаго психическаго усовершенствованія, объемлющаго область всѣхъ нашихъ способностей и склонностей, если Провидѣніе не воспитываетъ рода человѣческаго въ теченіе тысячелѣтій, исторія — самая безобразная, самая нелѣпая и вмѣстѣ самая ужасная сказка“, и, годъ спустя, ополчаясь про-

¹⁾ Дневникъ 1833 г. «Русская Старина» 1883. Июль, 110.

²⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина» 1883. Августъ, 257.

³⁾ Дневникъ 1834 г. «Русская Старина» 1884. Февраль, 339—340.

тивъ „самобытнаго и философскаго я“, которое думало въ своей гордости обойтись безъ Бога,—Кюхельбекеръ пишетъ: „я не повѣрю мудрецамъ міра, когда они, обезкачествуя Высочайшее Существо, приводятъ его къ нулю. Вѣра въ премудрую, преблагую, всемогущую и самобытную причину вселенной столь же необходима мнѣ, сколь необходима мнѣ вѣра въ собственное существованіе. Безъ той и другой я совершенно теряюсь въ хаосѣ, безъ нихъ моимъ единственнымъ спасеніемъ изъ бездны отчаянія можетъ быть только смерть или безуміе“ ¹⁾. Не удивительно, что человѣкъ, который, вопреки всѣмъ ударамъ судьбы, хотѣлъ спасти свою вѣру въ лучшую жизнь, не для себя только за гробомъ, но и для другихъ здѣсь на землѣ, что онъ эту вѣру — свое послѣднее сокровище въ жизни — поставилъ подъ непосредственную защиту Божества: то, что онъ пережилъ, то, что онъ вокругъ себя видѣлъ, могло служить плохой гарантіей тому, что его вѣра найдетъ оправданіе въ жизни, если люди будутъ предоставлены самимъ себѣ.

Таковъ въ своихъ основныхъ философскихъ, религіозныхъ и историческихъ взглядахъ былъ этотъ мечтатель, занесенный къ намъ, какъ будто случайно, изъ Германіи конца прошлаго столѣтія, этотъ сентиментальный и меланхолическій *Stürmer* и *Dränger* съ необузданными порывами фантазіи и плохо дисциплинированной мыслью, съ любовью къ отвлеченной философіи, по природѣ религіозный, иногда мистикъ, достойный почитатель Юнгъ-Штиллинга и Лафатера, гуманистъ, свирѣпо ненавидящій всякое зло и насиліе, и, въ сущности, младенчески мягкая, эстетическая душа, воспріимчивая ко всему нравственно и художественно прекрасному.

Другъ его юности—Баратынскій—писалъ о немъ одному изъ своихъ знакомыхъ: „Онъ (Кюхельбекеръ) человѣкъ замѣчательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женеваго чудака; та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей и, порою, та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для несчастія“ ²⁾.

Послѣдняя часть этого пророчества оправдалась: Кюхельбекеръ былъ рожденъ для несчастія. До славы русскаго Жанъ Жака онъ не дожилъ, но онъ былъ безспорно по духу родственникомъ же-

¹⁾ Дневникъ 1835 г. «Русская Старина» 1884. Февраль, 347

²⁾ «Сочиненія Е. А. Баратынскаго». Казань 1884, 519. Письмо къ Н. В. Путьгѣ. Февраль, 1825.

невскаго философа, сочиненія котораго онъ почитывалъ и сентенціи котораго онъ развивалъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ ¹⁾. Впрочемъ, Кюхельбекеръ походилъ больше на нѣмецкихъ учениковъ Руссо, чѣмъ на самого учителя; съ этими „геніальными“ натурами его роднилъ общій имъ культъ поэзіи (къ которому Руссо былъ достаточно равнодушенъ), религіозность и мистическій экстазъ, очень повышенная любовь къ человѣчеству и демократизмъ помысловъ при всемъ аристократизмѣ духа.

Обратимся теперь къ литературной дѣятельности этого оригинальнаго человѣка. Она имѣетъ историческое значеніе, какъ наглядное доказательство той борьбы „романтизма“ и „народности“, о которой мы говорили выше. Кюхельбекеръ интересенъ самъ по себѣ, какъ общественный типъ Александровскаго царствованія, но за нимъ остается, кромѣ того, безспорная заслуга чисто литературная. Если свои теоретическія разсужденія ему и не удалось оправдать своимъ художественнымъ творчествомъ, т. е. если онъ, желая быть „народнымъ“ и „самобытнымъ“, остался на дѣлѣ подражателемъ-романтикомъ, то все-таки, и его теоретическія разсужденія, и его литературные опыты, взятые отдѣльно, сохраняютъ историческую цѣнность.

VI.

Литературное наслѣдство Кюхельбекера еще не приведено въ ясность. То, что напечатано до сихъ поръ въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ ²⁾ и то, что было пущено въ оборотъ въ рукописяхъ — составляетъ лишь меньшую часть того, что было имъ написано. Но и этого достаточно для опредѣленія литературной стоимости и историческаго значенія его трудовъ.

Бросимъ общій взглядъ на эти труды; онъ будетъ не лишнимъ; онъ покажетъ намъ, какъ разносторонни были интересы автора; какія усилія онъ дѣлалъ, чтобы стать „народнымъ“ во чтобы то ни стало; какъ онъ насиловалъ свой поэтическій даръ, чтобы втѣснить свое вдохновеніе въ рамки русской старины и дѣйствительности, и какъ, въ концѣ концовъ, онъ все-таки остался космополитомъ, идейнымъ поэтомъ общаго типа, прямымъ истолкователемъ и подражателемъ западно-европейскихъ литературныхъ теченій.

Кюхельбекеръ началъ свою литературную дѣятельность, какъ

¹⁾ См. «Благонамѣренный» 1818, ч. IV, 158.

²⁾ Много стиховъ Кюхельбекера напечатано въ «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», за границей въ «Собраніи стихотвореній декабристовъ», Лейпцигъ 1863 и въ изданіи Шо-де-фонъ 1880. Наконецъ недавно у Буткевича: «Религіозныя убѣжденія декабристовъ». Самый главный матеріалъ сохраненъ въ старыхъ журналахъ 20-тыхъ годовъ.

поэтъ, публицистъ и критикъ, очень рано, еще въ Лицеѣ; онъ печатался затѣмъ въ „Сынъ Отечества“ „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, „Невскомъ Зрителѣ“, „Благонамѣренномъ“, „Мнемозинѣ“ и газетѣ „Conservateur impartial“, которая издавалась при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ 1814 по 1824 годъ. И внѣшняя форма, и внутреннее содержаніе его произведеній за этотъ первый періодъ его литературной дѣятельности были весьма разнообразны.

Онъ пишетъ лирическія стихотворенія, переводы и переложенія изъ иностранныхъ писателей; пишетъ поэмы, трагедію „Артивяне“ ¹⁾ съ гражданской свободолюбивой тенденціей, трагедію, изъ которой—какъ выражался Энгельгардтъ—читатель могъ извлечь ядъ, чтобы отравить и погубить сочинителя ²⁾; онъ пишетъ баллады на русскія темы въ родѣ „Святополка Окаяннаго“ ³⁾, переполненные славянизмами, а по духу своему совсѣмъ рыцарски-романтическія; пишетъ повѣсть изъ эстонскихъ нравовъ „Адо“ ⁴⁾, съ цѣлыми страницами изъ эстонской мифологіи, со вставками русскихъ народныхъ пѣсень, рассказъ полный героическаго самопожертвованія и пламенной женской любви, однимъ словомъ археологическую повѣсть въ стилѣ Вальтеръ-Скотта, Шписа или Мейснера. Одновременно переводится сентиментальная повѣсть изъ Лафонтена „Арфа“ ⁵⁾—слезливая исторія на тему: „благодарность съ любовью спорить не можетъ“; пишется патриотическій рассказъ, вѣроятно переводный, „Осада города д’Обиньи“ ⁶⁾, восхваляющая вѣрность законному владыкѣ и родному вѣроисповѣданію. Въ „Сынѣ Отечества“, „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“ и „Мнемозинѣ“, печатаются тѣмъ временемъ „Европейскія письма“, о которыхъ мы уже упоминали—эти летучіе фельетоны, гдѣ говорится о религіи, философіи, исторіи и искусствѣ всѣхъ странъ и народовъ. Въ этихъ же журналахъ Кюхельбекеръ выступаетъ какъ авторъ критическихъ статей по текущимъ вопросамъ русской словесности, какъ авторъ научныхъ замѣтокъ о фольклорѣ (напр. статьи „о древнихъ эстонцахъ“; „Изъ записокъ молодого путешественника“ ⁷⁾), о грамматикѣ и бѣглыхъ замѣтокъ по разнымъ случаямъ житейской практики. Кюхельбекеръ обдумываетъ въ это же время планъ какой-то байронической поэмы ⁸⁾, переписывается съ Грибоѣдовымъ о какой-то

¹⁾ «Мнемозина» 1824, ч. I.

²⁾ «Русская Старина» 1875. Іюль, 370.

³⁾ «Мнемозина» 1824, ч. I.

⁴⁾ «Мнемозина», 1824, ч. I.

⁵⁾ «Благонамѣренный», 1818, ч. II, 47.

⁶⁾ «Невскій Зритель», 1820. Мартъ, 14—43.

⁷⁾ «Сынъ Отечества» 1819, ч. LIII, 124—150, 219—227.

⁸⁾ «Русская Старина», 1890. Августъ, 383.

другой поэмѣ ¹⁾, успѣваетъ написать двѣ комедіи: „Шекспировы духи“ и „Нашла коса на камень“, наконецъ, задумываетъ сложную мистерію, которая и выходитъ позднѣе въ свѣтъ, подъ заглавіемъ „Ижорскій“.

Какъ видимъ, литературная дѣятельность Кюхельбекера была за этотъ періодъ времени (1816—1824) дѣятельностью кипучей и весьма разнообразной. Послѣ 1825 г., какъ мы уже замѣтили, она не прервалась, а даже усилилась. Въ тюрьмѣ фантазія Кюхельбекера работала не менѣе плодотворно, чѣмъ на свободѣ.

На основаніи замѣтокъ, которыя онъ заносилъ въ дневникъ, можно составить себѣ весьма ясное понятіе о томъ, какіе труды Кюхельбекеръ задумывалъ и что изъ нихъ онъ частью выполнилъ.

Окончивъ „Ижорскаго“ въ 1830 году и отославъ его печатать (подъ псевдонимомъ Космокротова младшаго), Кюхельбекеръ пишетъ Дельвигу: ²⁾ „началъ нѣчто эпическое. Это нѣчто, надѣюсь, будетъ, по крайней мѣрѣ, столько-же оригинально въ своемъ родѣ, какъ Ижорскій. Оно въ терцинахъ, въ 10 книгахъ, двѣ кончены, названіе „Давидъ“—руководители Тассъ, отчасти Дантъ, но преимущественно Библия. Далѣе я началъ романъ, заглавіе „Деодатъ“; сверхъ того, перевелъ я Макбета, Ричарда II и началъ Генриха IV“. Въ это же время, онъ писалъ „Вѣчнаго жида“—лучшее изъ его поэтическихъ созданій, написалъ поэму „Зорова-вель“ (1832) ³⁾—весьма почтенныхъ размѣровъ, которую онъ отсылалъ на просмотръ Пушкину. Въ 1840 г., онъ сочинилъ какого-то „Итальянца“ ⁴⁾, наконецъ, долго носился съ мыслью о трагедіи „Дмитрій Самозванецъ“ ⁵⁾, изъ котораго хотѣлъ сдѣлать нѣчто въ родѣ русскаго Фауста (1834) ⁶⁾. Эта странная мысль долго не покидала Кюхельбекера, потому что еще въ 1840 году, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Въ головѣ у меня бродитъ „Самозванецъ“ и кажется довольно оригинальный: Самозванецъ-волхвъ, родъ Фауста, словомъ такой, какимъ былъ Гришка въ глазахъ простого народа“ ⁷⁾. Наконецъ, Кюхельбекеръ былъ занятъ поэмой: „Семь спящихъ отроковъ“ ⁸⁾. Помимо этихъ темъ общеевропейскихъ съ иноземными сюжетами, у Кюхельбекера бродили въ головѣ и темы чисто-русскія. Онъ набрасываетъ, напр., театральную пьесу „Иванъ, купеческій сынъ“ (1832) ⁹⁾, перелагаетъ въ стихи Дмитрія Ростовскаго ¹⁰⁾, пишетъ „Сироту“

¹⁾ «Русская Старина», 1874. Май, 168.

²⁾ «Русская Старина», 1875. Сентябрь, 81. «Русскій Архивъ», 1881. I, 140

³⁾ «Русская Старина», 1875. Августъ, 524.

⁴⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 71.

⁵⁾ «Русская Старина», 1884. Январь, 74.

⁶⁾ «Русская Старина», 1883. Августъ, 271.

⁷⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 72.

⁸⁾ «Русская Старина», 1884. Январь, 77.

⁹⁾ «Русская Старина», 1875. Августъ. 499, 1883. Августъ. 271.

¹⁰⁾ «Русская Старина», 1875. Сентябрь, 84.

(1834) ¹⁾, „Ляпунова“, ²⁾ пять актовъ котораго выписываетъ въ 52 дня ³⁾, поэмку „Юрій и Ксенія“ (1840) ⁴⁾. Кромѣ этого, мы знаемъ, что имъ была написана драма „Шуйскіе“, и что онъ хлопоталъ объ ея напечатаніи ⁵⁾. Если ко всѣмъ этимъ литературнымъ трудамъ и проектамъ мы добавимъ его попытку написать свою автобіографію ⁶⁾, всевозможные наброски разныхъ литературныхъ статей и даже статей по русской грамматикѣ, ⁷⁾—то мы получимъ ясное понятіе о томъ, какъ упорно и усиленно работали мысль и фантазія этого человѣка при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Въ 1840-мъ году эта писательская энергія стала, однако, ослабѣвать и Кюхельбекеръ до конца жизни не писалъ уже почти ничего, кромѣ мелкихъ стихотвореній.

Прежде, чѣмъ выяснять историческое значеніе литературныхъ трудовъ Кюхельбекера, созданныхъ имъ до и послѣ 1825 г., не лишнее будетъ ознакомиться съ сужденіями самого автора о стоимости его произведеній.

Въ своемъ дневникѣ Кюхельбекеръ нерѣдко задумывается надъ своими правами на „безсмертіе“—какъ тогда любили говорить—и безъ всякой ложной скромности, даже съ большимъ самомнѣніемъ, онъ считаетъ эти свои права вполне законными.

Онъ всегда смотрѣлъ на себя самого, какъ на „самобытный“ талантъ въ литературѣ, какъ на явленіе оригинальное. Признать себя послѣдователемъ или подражателемъ кого-нибудь, онъ никогда-бы не согласился. Во всѣхъ своихъ взглядахъ на современныхъ ему поэтовъ и даже на самыхъ крупныхъ, онъ всегда сохранялъ тонъ критика, а не слѣпота почитателя, который умѣетъ только восхищаться. Говоря о какомъ-бы то ни было поэтѣ, даже мировомъ, онъ говорилъ, какъ равный о равномъ, и тонъ его рѣчи не можетъ иногда не показаться страннымъ.

Онъ, напр., пишетъ: „мы, т.-е. Грибоедовъ и я и даже Пушкинъ, обязаны своимъ слогомъ Крылову, но слогъ только форма, роды же, въ которыхъ мы писали, гораздо выше басни“ ⁸⁾. Въ другой разъ онъ говоритъ: „Перечитывая сегодня поутру начало третьей пѣсни своей поэмы, я замѣтилъ въ механизмѣ стиховъ и въ слогѣ что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талантъ Пушкина. Но, признаться, мнѣ-бы не хотѣлось быть въ числѣ его подражателей. Впрочемъ, никакъ не могу понять,

¹⁾ «Русская Старина», 1893. Августъ, 252.

²⁾ «Русская Старина», 1884. Январь, 80.

³⁾ «Русская Старина», 1884. Февраль, 340.

⁴⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 63.

⁵⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 72.

⁶⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 77.

⁷⁾ «Русская Старина», 1891. Октябрь, 111.

⁸⁾ Дневникъ 1845 г. «Русская Старина», 1891. Октябрь, 110.

отчего это сходство могло произойти, мы, кажется, шли съ 1820 г. совершенно различными дорогами“ ¹⁾).

Еще характернѣе другая запись въ дневникѣ: „Вопросъ: можетъ-ли возвыситься до самобытности талантъ эклектически-подражательный, каковъ въ большей части своихъ пьесъ Лермонтовъ? Простой и даже самый лучший подражатель великаго или хоть даровитаго одного поэта, разумѣется, лучше-бы сдѣлалъ, если-бы никогда не бралъ въ руки пера. Но Лермонтовъ не таковъ; онъ подражаетъ, или, лучше, сказать, въ немъ найдутся отголоски и Шекспиру и Шиллеру, и Байрону, и Пушкину, и Кюхельбекеру и даже Глейму и Илличевскому“ ²⁾. Какъ странно звучать слова „Байрону и Пушкину, и Кюхельбекеру“!

Нашъ авторъ, цѣнилъ себя и какъ критика весьма высоко. Въ дневникѣ 1840 г. онъ пишетъ: „Царствованіе Гете кончилось надъ моей душой, и что бы ни говорилъ въ его пользу Гезлиттъ, мнѣ невозможно опять пасть лицъ передъ своимъ бывшимъ идоломъ, какъ то падалъ я въ 1824 г. и какъ то *заставилъ пасть со мной всю Россію*. Я далъ имъ золотого тельца, они по сему пору поклоняются ему и поютъ гимны, изъ которыхъ одинъ глупѣе другого; только я уже въ тельцѣ не вижу Бога“ ³⁾.

Наиболѣе любопытную оцѣнку всей своей литературной дѣятельности Кюхельбекеръ сдѣлалъ въ 1846 году, почти наканунѣ своей смерти. Читая ее, можно только порадоваться, что при всѣхъ своихъ страданіяхъ этотъ несчастный человекъ былъ избавленъ отъ злѣйшаго — отъ сомнѣнія въ своихъ духовныхъ силахъ.

Въ 1846 году Кюхельбекеръ писалъ Жуковскому письмо, въ которомъ жаловался на то, что ему не разрѣшаютъ печатать его стихотвореній. „На мое прошеніе объ этомъ, пишетъ онъ ⁴⁾, Государь въ 1840 г. сказалъ „еще не время“. Послѣ 1840 г. прошло 6 лѣтъ; изъ сильнаго и бодраго мужчины я сталъ хилымъ, изнуреннымъ лихорадкой и чахоточнымъ кашлемъ, старикомъ и слѣпцомъ, который насилу ноги носить. Я чувствую, знаю, я убѣжденъ совершенно точно такъ же, какъ убѣжденъ въ своемъ существованіи, что Россія не десятками можетъ противопоставить Европейцамъ писателей, равныхъ мнѣ по воображенію, по творческой силѣ, по учености и разнообразію сочиненій“.

Современники Кюхельбекера, конечно, не согласились бы съ такой самооцѣнкой поэта; но какъ они на его дѣятельность смотрѣли, это—сказать трудно, такъ какъ послѣ 1825 года о немъ говорить не полагалось. Изъ раннихъ отзывовъ можно видѣть однако,

¹⁾ Дневникъ 1833 г. «Русская Старина», 1875. Сентябрь, 83.

²⁾ Дневникъ 1844 г. «Русская Старина», 1891. Октябрь, 99—100.

³⁾ Дневникъ 1840 г. «Русская Старина» 1891 г. октябрь, 72.

⁴⁾ «Русскій Архивъ» 1872 г., 1007.

что его литературная дѣятельность особаго впечатлѣнія на умы современниковъ не производила. Намъ пришлось встрѣтить только одинъ рѣшительно благоприятный отзывъ. „Отважные приемы въ изображеніи сильныхъ чувствованій, писалъ Плетневъ ¹⁾, новостъ картинъ, созидаемыхъ живымъ воображеніемъ, отличаютъ стихотворенія Кюхельбекера“.

Какъ о критикѣ, о немъ говорили чаще, причисляя его, и вполне справедливо, къ группѣ молодыхъ московскихъ философовъ-литераторовъ, собравшихся около князя В. О. Одоевскаго и его „Мнемозины“, въ изданіи которой Кюхельбекеръ принималъ непосредственное участіе.

Кюхельбекеру, какъ поэту, придется, конечно, отказать въ оригинальности и самостоятельности творчества, но какъ критика его необходимо поставить на болѣе почетное мѣсто. Вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Марлинскимъ онъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ основателей серьезной литературной критики и впервые сталъ задумываться надъ тѣми вопросами, которые потомъ разрабатывали Надеждинъ, Полевой и Бѣлинскій.

Обратимся теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію сначала его критическихъ взглядовъ и приемовъ, затѣмъ къ обзору его чисто художественнаго творчества. Въ критикѣ онъ явится передъ нами какъ весьма неустойчивый въ своихъ вкусахъ эстетикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поборникъ „русской народности“ въ литературѣ; въ своихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ онъ окажется, наоборотъ, самымъ правовѣрнымъ „романтикомъ“ западнаго образца, подражателемъ цѣлаго ряда иноземныхъ поэтовъ, въ литературномъ наслѣдствѣ которыхъ онъ не сумѣлъ разобраться.

Н. Котляревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ «Сочиненія и переписка» П. А. Плетнева, Спб. 1885 г. I, 194, въ статьѣ «Письмо къ Графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ» 1824 г.

ОСТРОВЪ.

Романъ Ричарда Уайтинга.

Пер. съ англійскаго З. Журавской.

XIX.

Родословная бѣдняка-глунца.

— Итакъ, начнемъ сначала, какъ слѣдуетъ быть. Мой Свортъ былъ изъ норфолькскихъ Свортовъ, и родъ его осѣлъ въ этомъ графствѣ съ незапамятныхъ временъ. Правда, впоследствии Сворты потянулись въ Лондонъ, оставивъ по пути не мало отпрысковъ родословнаго дерева въ различныхъ большихъ городахъ, но колыбелью этого рода была хижина свинопаса на берегу одной изъ норфолькскихъ рѣчекъ. Отецъ моего героя, Иеремія Свортъ, болѣе извѣстный подъ именемъ *Джерри*, способствовалъ подъему и расцвѣту нашей хлопчатобумажной промышленности, хотя и не принадлежалъ къ числу хлопчатобумажныхъ королей. Онъ не разъ самолично рассказывалъ свою исторію сыну. Родился онъ въ 1880 г., а въ 1816 взялъ себѣ жену, такую же юную, какъ и самъ онъ, не тратя времени на формальности, вродѣ визита къ пастору. Въ то время ребята всѣхъ возрастовъ, отъ 5—6 лѣтъ и выше, были на фабрикахъ довольно обычнымъ явленіемъ и прекраснѣйшимъ образомъ работали отъ двѣнадцати до четырнадцати и пятнадцати часовъ въ день. Половая зрѣлость у нихъ наступала рано, ибо температура на фабрикахъ была не ниже, чѣмъ въ Бомбеѣ, но, и при этомъ благопріятномъ условіи, половина дѣтей не достигала того возраста, когда разрѣшается жениться и выходить замужъ. Они мерли, какъ мухи, а тѣ немногіе, которые выживали, тоже какъ мухи особой породы, только-только успѣвали принять мѣры къ продолженію рода, прежде чѣмъ умереть, и затѣмъ тоже сходили со сцены. Мальчики и дѣвочки, взрослые мужчины и женщины работали вмѣстѣ и жили тоже всѣ вмѣстѣ. Надзирать за ихъ

нравственностью было некому, о какомъ бы то ни было контролѣ со стороны закона они тоже не слыхивали, и общія казармы, гдѣ они ютились, были—что грѣха таить—ничѣмъ не лучше публичнаго дома. Зарабатывали они ровно столько, чтобы поддерживать свое бренное тѣло: такса вознагражденія была установлена на основаніи весьма здраваго экономическаго предположенія,—что у нихъ нѣтъ души,—и потому душа въ расчетъ не принималась.

„Отецъ Сворта, повидимому, такъ же живо интересовался общественными дѣлами, какъ и его болѣе знаменитый сынъ. Онъ нерѣдко рассказывалъ мальчику о томъ, какой приливъ патріотической гордости онъ ощутилъ, читая парламентскій указъ 1816 г., предписывавшій содержать Наполеона въ заточеніи на островѣ св. Елены. Онъ почувствовалъ, какъ онъ выражался, что теперь этому разбойнику уже не достать его, Сворта, и онъ, наконецъ, можетъ вздохнуть свободно—насколько ему это позволяетъ кашель. Юная мамаша Сворта отнеслась къ великому событію равнодушно, ибо въ эту минуту она, имѣя Сворта подъ сердцемъ, работала на фабрикѣ, за три дня до вступленія младенца въ этотъ лучший изъ міровъ. Выполнивъ свою материнскую функцію, она присоединилась къ своимъ предкамъ, генеалогію которыхъ, съ грустью долженъ сказать, мнѣ совершенно невозможно было прослѣдить. Отецъ Сворта не разъ жаловался, что ему менѣе повезло, чѣмъ принцу Леопольду, который, женившись, приблизительно въ это же время на принцессѣ Шарлоттѣ, устроился такъ, что его жена, все равно живая или мертвая, должна была приносить ему ежегодно 50,000 ливровъ дохода. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, конечно, что содержаніе, получаемое принцессой, должно было выдаваться ей супругу, даже и въ случаѣ ея смерти. Это былъ щедрый даръ, ибо народъ, какъ разъ въ это время, былъ ввергнутъ въ бездну нищеты, благодаря долгой войнѣ. Вскорѣ затѣмъ маркизъ Кэмденскій сложилъ съ себя свою должность, бывшую простой синекурой, „въ видахъ облегченія общественныхъ тяготъ“—что было чрезвычайно мило съ его стороны, а принцъ регентъ напелъ, что и онъ можетъ удѣлять изъ своихъ немалыхъ доходовъ 50,000 ф. ст. въ годъ для той же цѣли. Отецъ Сворта былъ въ особенности тронутъ этимъ послѣднимъ подвигомъ самоотреченія и выразилъ надежду, что принцу никогда не придется изъ-за этого сидѣть не ѣвши самому. Его пожеланіе, вѣроятно, было услышано на небесахъ. Но народъ, въ широкомъ смыслѣ слова, былъ менѣе счастливъ: онъ прямо озвѣрѣлъ отъ голода; что ни день, то тамъ, то здѣсь вспыхивало возстаніе; вся страна была охвачена заревомъ пожаровъ, словно здѣсь вторично праздновали заключеніе мира. Не былъ

забыть и герой, которому она была обязана заключеніемъ мира, и Стратфильдъ-Сай былъ приобретенъ для герцога Веллингтонскаго.

„Отецъ Сворта однажды имѣлъ счастье видѣть его свѣтлость, герцога, и такъ тщательно всматривался въ него, что сосчиталъ даже число пуговицъ на его синемъ камзолѣ. И это отрадное воспоминаніе было не единственнымъ въ своемъ родѣ. „Отецъ мой—разсказывалъ Свортъ—встрѣтилъ однажды маркиза Устерфордскаго въ то время, какъ его милость изволили разгуливать по городу и дурачиться, и его милость поставили отцу фонарь подъ глазомъ, а потомъ дали полкроны“.

Викторія опять завязала узелокъ, вѣроятно, на словѣ „фонарь“.

„Нѣкоторое время участь рода Свортовъ остается покрытой мракомъ неизвѣстности, но въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія они всплываютъ наружу въ лицѣ пра-прадѣдушки моего Сворта, проданнаго по бѣдности въ цвѣтѣ лѣтъ на плантаціи. Туда отправляли бѣдняковъ на извѣстный срокъ, какъ теперь воровъ и грабителей на каторжныя работы; при этомъ плантатору предоставлялось право стегать ихъ кнутомъ, а за попытку бѣгства полагались добавочные годы работы.

„Его сцапали въ сумятицѣ,—разсказывалъ Свортъ,—въ то время, какъ везли въ Тоуэръ сокровища стараго командора Ансона. Вы посмотрите въ книгахъ, сэръ: тамъ все это описано. Этотъ командоръ объѣхалъ кругомъ цѣлаго свѣта и насобиравъ страсть сколько богатѣйшей добычи—ну и позволили ему сложить свои сокровища въ Тоуэрѣ, а сокровищъ этихъ было на миллионъ съ четвертью, коли не больше. Везли ихъ на тридцати двухъ повозкахъ,—пра-прадѣдъ самъ считалъ и сыну сказалъ, и какъ то-такъ вышло, что эта цифра сохранилась въ нашемъ роду. Ну, извѣстное дѣло, какъ выѣхали возы, вся голытьба высыпала смотрѣть на нихъ—нашего брата хлѣбомъ не корми, а дай поглазѣть. Пра-прадѣду въ тѣ поры приходилось довольно-таки круто, и онъ ночевалъ въ сараѣ для обжиганія кирпичей на калильной печи, вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями, которымъ также не повезло. Но въ эту ночь никто изъ нихъ не спалъ; пра-прадѣдъ мой увѣрялъ, что въ такую ночь они не могли бы сомкнуть глазъ и на самой мягкой пуховой постели. Такой знаменательный день для Англіи! Они всѣ сидѣли въ полѣ и пѣли пѣсни, пока не настало время ийти смотрѣть на процессію. Старикъ потомъ всегда увѣрялъ, что онъ ни капельки не былъ пьянъ, и не могъ быть, такъ какъ у него въ тотъ день маковой росинки во рту не было, а просто у него должно быть при видѣ воевъ голова пошла кругомъ. Какъ бы тамъ ни было,

онъ, должно быть, повелъ себя не хорошо, ибо его сцапали, какъ я уже вамъ докладывалъ, схватили за шиворотъ, связали и продали въ работу. Главное—что онъ не могъ ничего про себя рассказать, кто онъ такой и откуда,—за это нашему брату всегда доставалось.

„Пра-прадѣдушкина жена пошла за нимъ на плантаціи, куда его угнали, три мѣсяца ходила, да такъ и не нашла; адресъ, вишь, потеряла — ну, и пришлось вернуться домой. Такъ они и не видались больше. Она одно время стирала на м-ра Питта—того, которому дворянство пожаловали, про это тоже есть въ книгахъ,—да такъ и померла надъ корытомъ, тутъ ей и конецъ пришелъ. Правильная была женщина прапрабабка—царство ей небесное!—это ужъ надо сказать!“

Бѣдная Вики! Я вижу въ ея глазахъ крупныя капли слезъ и знаю, что онѣ готовы пролиться, и потому продолжаю.

„Не всѣ женщины въ нашемъ роду были таковы, какъ моя пра-прабабка. Вы понимаете, сэръ, я не хочу марать свое же гнѣздо, но бѣдному человѣку иной разъ очень трудно добыть кусокъ хлѣба для подрастающихъ дѣвочекъ. Но надо и то сказать, что наши женщины всегда мѣтили выше себя. Одна изъ нихъ сошлась, напримѣръ, съ хозяиномъ сапожнаго магазина въ Бондъ-стритъ, по имени Симмонсомъ, ни больше, ни меньше какъ придворнымъ поставщикомъ. Вотъ какова была моя бабка, или какъ она тамъ мнѣ приходится! Мнѣ не разъ говорили, что я могъбы, если-бъ захотѣлъ, называться Фицъ-Симмонсомъ,—но съ меня довольно и Сворта. Я это говорю только къ тому, что моя бабка вовсе не такъ унизила себя, какъ могутъ подумать иные“.

„Прадѣдъ мой изображенъ на одной картинѣ Гогарта—знаете, тотъ въ углу, котораго колотятъ по головѣ оловянной кружкой. Ахъ, славно жили въ доброе старое время“!

„Въ этомъ упоминаніи о фамильномъ портретѣ я не могъ не увидеть новаго доказательства древности расы. Я нашелъ даже нѣкоторые слѣды семейной библіотеки въ видѣ уличной баллады, пѣтой нѣкогда прародителемъ Сворта во время коронаціи Георга IV и до сихъ поръ превосходно сохранившейся на заглавномъ листкѣ книги Истины. Въ грубоватыхъ, но поэтическихъ и прочувствованныхъ стихахъ баллада призываетъ всю землю къ радости. Фамильный музей рѣдкостей, нерѣдко также служащій указаніемъ на древность рода, въ данномъ случаѣ отсутствовалъ, если не считать достопримѣчательностью краснаго жилета, принадлежавшаго м-ру Тауксэндъ, знаменитому полисмену изъ Бау-стрита, который однажды „засадилъ дѣдку въ кутузку“. Свортъ слыхалъ, что жилеть этотъ, какъ рѣдкость, стоитъ большихъ денегъ, но

подъ залогъ его не давали больше шести пенсовъ, и Свортъ напрасно предлагалъ его старьевщицѣ.

„На этомъ и кончаются фамиліиыя записи на Библии и устное преданіе, хранимое въ памяти Сворта, но я не могъ примириться съ этимъ. Мнѣ нужно было найти продолженіе его исторіи. Я отправился въ департаментъ герольдіи, потомъ въ государственный архивъ и тамъ, благодаря щедрой мздѣ желтолицымъ субъектамъ, именуемымъ архивными крысами, обрѣлъ не мало дополнительныхъ свѣдѣній. Мои ожиданія оправдались. Мнѣ было доказано, какъ дважды два четыре, что Сворты всегда были съ нами и во всѣ времена принимали участіе, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, въ великой исторической драмѣ, но только режиссеры не считали нужнымъ выставлять ихъ фамиліи на афишѣ. За то, какъ только я далъ себѣ трудъ взглянуть на обратную сторону афиши, Свортовъ тамъ было видимо-невидимо, что черники въ лѣсу. Оказалось, что безъ нихъ нигдѣ не обходилось дѣло. Поройтесь въ фундаментъ любого красиваго зданія, свидѣтельствующаго о величій имперіи, и вы обязательно наткнетесь на того или другого Сворта, хотя бы въ роли мусора для заполнения щелей. Одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, былъ въ числѣ семидесяти двухъ тысячъ бродягъ, повѣшенныхъ, или инымъ манеромъ отправленныхъ на тотъ свѣтъ въ царствованіе Генриха Грубаго.

„Свортовъ къ этому времени развелось многое множество, а Генрихъ уничтожилъ монастыри, гдѣ они иногда находились кровь и пищу. Благодаря этой операци, страну наводнили бродяги, а бродяги, извѣстное дѣло, такой элементъ, отъ котораго слѣдуетъ избавляться. Ихъ сѣкли плетями, обрубали имъ уши, въ видѣ перваго предостереженія, а, вмѣсто втораго, вѣшали ихъ, какъ гусиные полотки, и это уже было радикальное средство. Нѣкій Свортъ, или Свайртъ, изъ Норфолька,—ихъ родного графства, какъ уже было сказано выше—былъ подвергнутъ клейменію раскаленнымъ желѣзомъ за бездѣльничаніе и праздношатайство при полномъ тѣлесномъ здоровьѣ еще въ 1547 г.

„Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какъ имъ жилось, прослѣдите какъ-нибудь за мухой, пытающейся выбраться изъ банки съ вареньемъ. Вы оставили ее утромъ въ банкѣ и вечеромъ найдете ее тамъ же. Никогда, никогда, ни за долгій лѣтній день, ни за цѣлую вѣчность не выбраться мухъ на свободу!“

— Вы нарочно говорите такія жестокія вещи: кто-нибудь да поможетъ мухъ освободиться.

— Викторія, не портите мнѣ сравненія! Допустимъ, что никто не поможетъ. При помощи героическихъ усилій ей уда-

лось высвободить переднія лапки, но крылья отяжелѣли отъ налипшаго на нихъ сахара, и она не можетъ ихъ вытащить; ища опоры, она становится на переднія лапки, и опять онѣ вязнутъ въ сиропѣ. Она бьется, барахтается, теряетъ въ концѣ-концовъ равновѣсіе и опять топить въ сахарѣ крылья. Бѣдная муха! Бѣдный Свортъ! Бѣдные, бѣдные глупцы, исторію которыхъ я взялся прослѣдить сквозь тьму вѣковъ. Разница между ними и мухой только та, что Сворты вязли въ грязи, а не въ вареньѣ, сохраняя способность размножаться въ этой грязи и передавая свою бесплодную борьбу по наслѣдству безчисленнымъ поколѣніямъ. Грязь во всѣ времена была населена представителями этой расы, и не выбраться имъ оттуда, пока Богъ не пошлетъ имъ на помощь брата-человѣка. Траги-комическая сторона ихъ положенія заключается въ томъ, что если одному изъ нихъ, какимъ-то чудомъ нашедшему точку опоры въ тѣлѣ погибшаго брата, удастся выкарабкаться на свободу, онѣ непременно станутъ на краяхъ и будутъ утѣшать остальныхъ грошевыми нравоученіями изъ книги автора „Самопомощи“.

„Цѣлыхъ семь столѣтій, какъ я убѣдился въ томъ, Сворты ждали избавителя. Ихъ исторія—исторія заблужденій, вытекавшихъ изъ вѣры въ то, что избавитель, наконецъ, придетъ. Одно время они, очевидно, считали такимъ избавителемъ Кетта, ибо въ предводительствуемомъ имъ возстаніи 1549 г. участвовалъ одинъ изъ Свортовъ. Я какъ сейчасъ слышу его нелѣпую проповѣдь правъ человѣка:

„Посмотрите на нихъ и посмотрите на насъ! развѣ не всѣ мы созданы по одному образу и подобію? развѣ не всѣ мы одинаково родимся на свѣтъ“?—Вѣчный протестъ! Вѣчно шепчущій голосъ природы въ тайникахъ человѣческаго сердца и въ отвѣтъ—тукманка по головѣ извнѣ — слишкомъ недостаточный отвѣтъ! Графъ Варвикъ и его наѣмники на такіе отвѣты не скупились, но Сворты все продолжали вѣрить: ихъ разубѣдить было трудно.

„Нѣкій Свайртъ,—я не могу не видѣть въ немъ представителя той же семьи, и мое мнѣніе подтверждаютъ знатоки, — въ четырнадцатомъ вѣкѣ участвовалъ въ дѣлѣ Уотъ Тайлера. Надо полагать, то былъ одинъ изъ „безземельныхъ бѣдняковъ“, которыхъ стряпчіе того времени всячески старались обратить опять въ крѣпостное состояніе, послѣ того, какъ дала имъ свободу черная смерть, хотя и безъ соблюденія формъ. Если припомните, въ эту эпидемію въ одномъ Норвичѣ умерло отъ чумы около шестидесяти тысячъ человѣкъ, и это, по всей вѣроятности, убѣдило Свайртовъ, что пришло время возстать. Въ поговоркахъ того времени сквозитъ какая-то безумная радость по поводу опустошенія, вызваннаго эпи-

деміей, какъ бы подготовляющаго путь праву и свободѣ. Здѣсь избавителемъ является діаволь, и уцѣлѣвшіе Свайрты изъ тѣхъ, что пошли за Тайлеромъ, въ такой крайности, пожалуй, чувствовали себя готовыми принять всякое честное предложеніе съ его стороны. Это чувство, быть можетъ, наслѣдственно, ибо я замѣчалъ въ Свортѣ временъ Викторіи порывы какой то странной гордости въ тотъ недавній періодъ времени, когда азіатская холера грозила или—боюсь, что онъ предпочиталъ этотъ способъ выраженія—обѣщала появиться на нашихъ берегахъ. Въ его рѣчахъ и обращеніи въ то время сквозило трепетное ожиданіе, волненіе какой-то великой, хотя и шаткой надежды; а телеграммы изъ Марсели и Парижа, помѣщаемыя въ его воскресной газеткѣ, онъ читалъ нараспѣвъ, скандируя слова и дѣлая ритмическія ударенія, словно пѣсни древней саги. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве можно было бы, пожалуй, усмотрѣть случайное доказательство его сѣвернаго происхожденія, но не будемъ заходить слишкомъ далеко. Мѣстныя кентскія лѣтописи свидѣтельствуютъ о томъ, что вышеупомянутый Свайртъ изрядно выдвинулся во время возстанія и достигъ, пожалуй, наиболѣе высокаго положенія, какого когда-либо достигалъ его родъ, ибо въ одномъ случаѣ человѣкъ, носящій это имя, несомнѣнно фигурируетъ въ качествѣ уполномоченнаго „полоумнаго кентскаго попа“, Джона Болля.

„Джонъ Болль, какъ извѣстно, проповѣдывалъ пять столѣтій тому назадъ совершенно то же, что въ наши дни проповѣдуютъ въ Клеркенвельгринѣ...

„Когда Болль былъ брошенъ въ тюрьму, его помощникъ и уполномоченный, повидимому, присоединился къ Тайлеру въ качествѣ простого солдата, ибо имя его встрѣчается въ довольно первобытномъ спискѣ войсковыхъ чиновъ Благгэзскаго сбора. Возможно, что онъ принадлежалъ къ шайкѣ удалцовъ, пробившихъ себѣ дорогу въ Тоуэръ и таскавшихъ за бороды скандализованныхъ рыцарей, обѣщая имъ въ будущемъ сдѣлаться равными имъ и добрыми товарищами. Съ тѣхъ поръ ему уже никогда больше не доводилось вступать въ близкое общеніе съ рыцарями, если только онъ не былъ въ числѣ уцѣлѣвшей горсти поселянъ бунтовщиковъ, павшихъ подъ ударами ихъ палицъ въ Беллерикэйскомъ лѣсу послѣ двухдневнаго боя за „тѣ же вольности, какъ у господъ“. Но это только догадка, и вѣроятноѣе предположить, что благгэзскій Свайртъ, по смерти своего вожда, просто-напросто прокрался въ столицу и тамъ, пустивъ корни въ лондонскую грязь, положилъ начало новой вѣтви этого славнаго рода.

„Я не нашелъ никакихъ слѣдовъ участія Свортовъ въ битвахъ при Кресси и Пуатье, хотя несомнѣнно, что многіе

изъ нихъ сложили свои кости во Франціи. Правда, они не остались безъ памятника, но этотъ памятникъ—ихъ собственныя дѣла. *Circumspice*. Онъ былъ воздвигнутъ на опустошенныхъ поляхъ Аквитаніи, превращенныхъ въ пустыню, гдѣ царила жесточайшая нищета, гдѣ миля за милей тянулись сожженные фермы и бродили голодныя толпы поселянъ, обезумѣвшихъ отъ горя и ярости. Ибо, разъ французскіе лорды попались въ плѣнъ, французскимъ крѣпостнымъ, само собой, пришлось добывать деньги на выкупъ, и мучительная трудность такой операціи въ эпоху полного раззоренія страны привела ихъ къ открытому возстанію. Плѣнные же господа, какъ и подобаетъ ихъ званію, проявили удивительное самообладаніе и съ большимъ достоинствомъ возсѣдали за столомъ своихъ хозяевъ въ англійскихъ замкахъ, въ ожиданіи денегъ, которыя должны были вернуть имъ свободу. Кровь всегда скажется! Тѣмъ временемъ англійскіе Сворты, на погубель себѣ самимъ, добивались гибели Свортовъ французскихъ. Такъ оно было всегда и вездѣ, по всему свѣту; такъ оно должно быть, всегда и будетъ... Викторія, еще одно заключительное слово!...

Но она только слабо улыбнулась и покачала головой.

„Здѣсь, признаюсь, я почти теряю слѣдъ этой интересной расы, хотя чутье у меня хорошее, а отъ нихъ духъ идетъ сильный, какъ тому и слѣдуетъ быть. Что нѣкоторые изъ нихъ не сидѣли безъ дѣла во времена Вильгельма завоевателя, въ томъ меня вполне убѣждаютъ и геральдика, и даже фیزیологія. Я искалъ ихъ на старинныхъ картинахъ и въ одной простертой на землѣ фигурѣ, изображающей изъ себя грѣлку для ногъ, въ то время какъ болѣе достойные, надо полагать, любятъ англійскимъ пейзажемъ, какъ мнѣ показалось, узналъ фамиліныя черты. Что касается меня лично, я почти увѣренъ, что нѣкоторые изъ нихъ жили еще во времена Трои, и уже тогда кто-нибудь сидѣлъ у нихъ на шеѣ.

„Удивительно древній родъ эти Сворты! Въ сравненіи съ ними, Перси, о которыхъ такъ часто упоминается въ лѣтописяхъ, не болѣе какъ *parvenus*. Этотъ родъ во всѣ вѣка и эпохи способствовалъ образованію темнаго фона картины красоты и гордости жизни для игривой группы Чоусера, для блестящаго триумфальнаго фейерверка въ Кресси, для Армады, Бленгейма и Ватерлоо, для грандіозной выставки пышности и тщеславія во всѣхъ сферахъ жизни. Стыдъ и срамъ досужей литературѣ, которая все это время занималась святотатственнымъ воспѣваніемъ раздуренныхъ будуаровъ, потому что въ закоулкахъ, гдѣ ютились Сворты, воняло отъ грязи; стыдъ и срамъ праздному искусству, которое за все это время не сумѣло поставить себѣ болѣе серьезной

задачи, чѣмъ задача найти подходящія краски для изображенія контраста между пурпуромъ королевской мантии и бурнымъ цвѣтомъ одежды нищаго!... Какъ громко и усердно кричали *ура!* эти честные Сворты, когда имперія округлялась, присоединяя провинцію за провинціей, пока, наконецъ, не достигла такихъ размѣровъ, что въ предѣлахъ ея никогда не заходитъ солнце!

„Сколько бы Свортъ ни потерялъ въ теченіе вѣковъ, все же онъ оставался владыкой Индіи и гордился этимъ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать. У него былъ товарищъ Ласкари, тоже служащій на индійской выставкѣ; они были наилучшими друзьями, но, идя съ нимъ по улицѣ, Свортъ всегда шелъ впереди. Тутъ не было умышленной невѣжливости. Это былъ просто на просто вопросъ старшинства; въ полдень, во время отдыха, они вмѣстѣ выкуривали трубочку. На дѣлѣ Ласкари стоялъ старше Сворта на ступеняхъ служебной іерархіи: онъ получалъ въ день на три пенса больше всѣхъ другихъ за свой цвѣтъ лица, наиболѣе соотвѣтствовавшій характеру выставки. Благодаря этому естественному преимуществу и тюрбану, съ рѣдкимъ самоотреченіемъ сфабрикованному изъ задняго полотнища собственной сорочки, онъ былъ любимцемъ публики и специалистомъ по части показыванія такихъ вещей, какъ индійскія настойки и турецкая баня. Онъ былъ болѣе философомъ, чѣмъ Свортъ. Для него дѣленіе на касты было существеннымъ закономъ, установленнымъ Богомъ и природой; Свортъ же только принялъ это учрежденіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было ему преподнесено. Индіецъ объяснялъ и подтверждалъ свой взглядъ цитатами изъ священныхъ книгъ. „Въ видахъ сохраненія вселенной, Верховное Существо опредѣлило различныя обязанности различнымъ существамъ, вышедшимъ изъ его рта, руки, бедра и ноги“. Почитайте-ка Дхарма Састру и вы увидите.

„Затѣмъ онъ обыкновенно пояснялъ, что этимъ еще не ограничивается различіе между людьми, ибо на ногѣ пять пальцевъ, и каждому пальцу разная честь. Встрѣтивъ однажды на улицѣ другого индійца, заподозрѣннаго имъ въ происхожденіи изъ мизинца, онъ сталъ плевать и выказывать всѣ признаки отвращенія, хотя его землякъ, разносившій объявленія объ индійскомъ гумиластикѣ, занимался тѣмъ же дѣломъ, что и самъ онъ, и, по всей видимости, былъ ничѣмъ не хуже его. Вся бѣда въ томъ, что ихъ раздѣляли три пальца, какъ онъ объяснялъ Сворту.

„Была попытка привести его въ лоно христіанства, но не удалась. Представитель спеціальной миссіи по этой части довелъ его, такъ сказать, до самыхъ дверей, но, въ простотѣ

души и по невѣдѣнію, назначилъ его земляку, происшедшему изъ мизинца Брамъ, rendez-vous на тамъ же самомъ мѣстѣ. Мой индѣецъ добросовѣстно старался выносить ненавистное ему сосѣдство, пока во время причащенія отъ него не потребовали, чтобы онъ коснулся своими устами чаши, которой только что касался другой. Тутъ онъ поставилъ чашу, не отвѣдавъ залога любви и братства, и обратился въ бѣгство.

„Онъ привезъ съ собою свою жену, которая жила въ полномъ затворничествѣ уайтчпельской *зенана* и въ постоянномъ страхѣ вреднаго вліянія нашего насмурнаго неба на уцѣлѣвшее легкое ея супруга и господина. Вдали отъ своихъ и отъ родины, она страшно боялась остаться вдовой. Можно ли надѣяться, что здѣсь, во время выполненія позорнаго обряда, къ ней отнесутся съ должнымъ презрѣніемъ? О сожженіи, конечно, не могло быть и рѣчи, но кто вырветъ у нея изъ носу кольцо и хрящъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ это принято и полагается? кто будетъ бить ее и осыпать укорами, за то, что она осмѣлилась пережить мужа? Она знала Ману и Састра (Сутра) не хуже, чѣмъ наши бѣдняки пообразованнѣе знаютъ свои священныя книги, и вполнѣ прониклась убѣжденіемъ въ святости смиренія и покорности мужчинъ—чему, въ сущности, учать всѣ священныя книги. „На женщину нельзя положить“ (тексты она знала на память), „добродѣтельная жена должна почитать мужа, какъ божество“. Бѣдныя рабыни рабовъ! Прелестныя и нѣжныя созданія, такъ быстро и охотно научающіяся покорности, когда же придетъ вашъ чередъ?...

— Викторія, мой рассказъ конченъ“.

Викторія сначала играла своимъ шарфомъ, какъ бы для того, чтобы запомнить, по какому поводу были завязаны узлы, потомъ стала развязывать одинъ узелъ за другимъ, обнаруживая всѣ признаки душевной усталости.

И это Англія, это имперія! — повторяла она, пристально глядя на меня. Не скажу, чтобы эта манера ея мнѣ нравилась.

— О, нѣтъ, не совсѣмъ. Надо быть справедливымъ. Тамъ же, на протяженіи сотенъ квадратныхъ миль, вы увидите красоту, изящество, роскошь, превосходно устроенные дома, утонченно воспитанныхъ людей, любезныхъ, вкрадчивыхъ, разсудительныхъ, тонко деликатныхъ, нарядныхъ бѣлыхъ женщинъ—удивительной бѣлизны, образованныхъ, — нѣкоторыя изъ нихъ даже умѣютъ читать по-гречески—увидите науку нарядную, раздушенную. А наши увеселительныя экскурсіи, бібліотеки, картинныя галлерей! Когда мы, англичане, беремся за такія вещи, за нами никому не угнаться. Особенно мы гордимся одной квадратной милей, ограниченной Оксфордъ-стритъ, Пиккадили, Риджентъ-стритъ и Парклѣномъ,

и за столомъ на парадныхъ банкетахъ обыкновенно хвастаемъ, что, по интеллигентности, культурѣ, остроумію и высокой цивилизаціи, этой квадратной милѣ нѣтъ равной на всемъ земномъ шарѣ.

— Тѣмъ стыднѣе для васъ! Какъ же вы можете оставлять другія квадратныя мили въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ есть?

— Ну какъ же, есть вѣдь благотворительность.

— Благотворительность! Мазь для лѣченія рака! Надо найти причину болѣзни. Очевидно, у васъ происходитъ что-то такое, чего никто изъ васъ не видитъ и не понимаетъ. Я увѣрена, что это такъ. На мѣстѣ этихъ изящныхъ господъ я не могла бы прожить ни одного дня, ни одного часа, пока не нашла бы причины. Какъ могутъ они жить спокойно? О чемъ говорятъ они между собой? Я увѣрена, что корень зла можно найти, стоитъ только захотѣть. Попробуемъ мы найти его прежде, чѣмъ вернуться домой. Въ нашемъ распоряженіи еще цѣлый часъ. Пока вы говорили, я думала: навѣрное, причина всему—эгоизмъ. Каждый беретъ себѣ, что можетъ, вмѣсто того, что ему полагается, и, разумѣется, кто умнѣе, тому больше и достается. А потомъ часть взятаго отдають обратно бѣднякамъ глупцамъ, при помощи того, что вы называете благотворительностью, и, такимъ образомъ, копятъ одновременно деньги и нищету. Вотъ какъ мнѣ это представляется. Какимъ образомъ богатые люди становятся богатыми? Развѣ вы не знаете, что нельзя разбогатѣть, никого не обидѣвъ, все равно, будете ли вы дѣлать зло сознательно, или безсознательно? Развѣ вы могли бы такъ поступать? Въ лучшемъ случаѣ, если вы не грабите, вы всетаки пользуетесь своимъ умомъ и ловкостью для того, чтобы захватить чью-нибудь долю. Когда я подумаю обо всѣхъ этихъ людяхъ, которые такъ красивы, хорошо одѣты и пахнутъ, какъ цвѣты, и говорятъ, какъ книга, и въ то-же время—все время стараются сдѣлаться богаче другихъ...—о хитрые! гадкіе! Какъ вы разбогатѣли? Я не могу понять, какъ это дѣлается.

— Вначалѣ всегда одинаково: вы берете себѣ, сколько можете захватить, и стараетесь оставить другимъ, какъ можно меньше, покупаете по дешевой цѣнѣ и продаете по дорогой. Иногда такое начало было положено такъ давно, что тѣ, кому принадлежитъ богатство въ настоящее время, даже и забываютъ, что это было когда-нибудь. А потому они себя эгоистами вовсе не признають.

— Ну, да, я такъ и думала. И торговецъ, покупающій спичечныя коробки въ домѣ м-ра Сворта, даетъ за нихъ не ту цѣну, какую онъ долженъ бы дать, а самую меньшую, какую онъ можетъ дать.

— „Долженъ“ на практикѣ всегда превращается въ „можетъ“.

— Я вижу; оттого то бѣдняки и сидятъ голодными и холодными.

— Я полагаю.

— А когда имъ становится очень ужъ голодно и холодно, торговецъ и его преуспѣвающіе друзья даютъ имъ немного супу и одѣяло.

— Около того.

— О! какъ это забавно! какъ забавно!

— А вы что же хотѣли бы, чтобы онъ дѣлалъ?

— А вы?

— Не знаю.

— Вы знаете. Что тутъ можно сдѣлать, кромѣ одного — брать меньше себѣ и давать больше имъ?

— Но тогда онъ былъ бы не такъ богатъ, какъ другіе спичечные фабриканты.

— Ну, такъ что-же?

— И ему пришлось-бы жить не въ такомъ большомъ домѣ.

— Ну, такъ что-же?

— И отказаться отъ собственнаго экипажа.

— Ну, такъ что-же?

— Да вѣдь его всѣ будутъ ругать дуракомъ, если онъ это сдѣлаетъ, Вики, поймите вы это!

— Очень можетъ быть. Я говорю только о томъ, что онъ долженъ дѣлать. Но я думаю, что вы неправы. Онъ дѣлалъ, бы, если-бъ зналъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, но онъ не знаетъ. Можетъ быть, священникъ иногда забываетъ сказать ему. Ну, да все равно; будемъ продолжать: это такъ занимательно. Назовите мнѣ еще какіе-нибудь способы пріобрѣтенія денегъ.

— Ну вотъ, напримѣръ: вы вкладываете свои деньги въ какое-нибудь Общество и получаете доходы.

— Не спрашивая, какъ добываются эти доходы и какъ живутъ люди, ихъ добывающіе?

— По большей части, да. Иные, впрочемъ, спрашиваютъ, но такихъ зовутъ чудаками. Нашелся какъ-то акціонеръ, поднявшій страшный шумъ изъ-за служащихъ на трамваѣ, которыхъ морятъ на работѣ и доводятъ прямо-таки до отупѣнія въ интересахъ дивиденда. Правда, это была женщина, — но и то ея необычное поведеніе обратило на нее общее вниманіе. Дѣло въ томъ, что всякій понимаетъ, что и бѣдняки не хуже бы давили другъ друга, если-бъ могли.

— А, бѣдняки хотѣли бы быть такими же злыми, какъ богатые! Это вы хотите сказать?

— Приблизительно, да, миссъ Сократъ.

— Но куда же богатымъ столько денегъ? Какъ они ихъ тратятъ? На что онѣ имъ, въ сущности?

— На что? Развѣ вы никогда не слыхали о катаньи на яхтѣ, охотѣ, старинныхъ картинахъ, хорошенькихъ женщинахъ, хорошемъ винѣ? Бѣдная маленькая дикарочка, вы даже и понятія не имѣете о томъ, какъ можно жить. Да на одно то, чтобъ завести у себя хорошую породу скаковыхъ лошадей, можно истратить двадцать-тридцать тысячъ фунтовъ, если вы любительница лошадей. Надо пристраститься къ чему-нибудь: къ лошадямъ, собакамъ, женщинамъ, картинамъ, китайскому фарфору—все равно, къ чему, все годится, лишь бы имѣть своего конька. Вы говорите себѣ, „это мой конекъ“, и бросаете деньги безъ счета, лишь бы имѣть все самое лучшее по этой части и самое рѣдкое.

— А человѣческую породу никому не приходится въ голову улучшать? Ни у кого не являлось желанія купить трущобу и возиться съ нею, пока она не превратится въ рай?

— Нѣтъ, породу улучшаютъ, главнымъ, образомъ для выставокъ.

— И всѣ народы въ Европѣ такіе же забавные, или только одни англичане? Однако, солнце уже коснулось верхушки большого банана; время обѣдать! Сколько вы тутъ понаказали мнѣ и всетаки не все сказали! Я вижу, что, кромѣ бѣдныхъ глупцовъ, есть еще богатые глупцы, и я думаю, что послѣдніе хуже первыхъ.

XX.

Деревенскій праздникъ.

До сихъ поръ мнѣ это не приходило въ голову, но несомнѣнно, что мы оба здѣсь одиноки и живемъ какъ будто вдвоемъ. Правда, на Островѣ есть и другіе люди, и я вижу ихъ ежедневно, но смотрю на нихъ, какъ на картины. Я и говорю съ ними, но и говорю тоже какъ будто съ картинами, не особенно разсчитывая на отвѣтъ.

Само собой, я вижу каждый день губернатора и нерѣдко бесѣдную съ нимъ. Кромѣ дней, есть вѣдь и вечера, и Викторіи нельзя все время быть со мной. Я членъ большой семьи, дѣлаю, что хочу, прихожу и ухожу незамѣченнымъ—это истинная атмосфера дружбы и любви.

Въ послѣднее время я болѣе обыкновеннаго замѣчаю присутствіе губернатора, ибо онъ готовитъ прокламацію. По случаю дня рожденія королевы у насъ скоро будетъ общественный праздникъ, и прокламація заключаетъ въ себѣ

программу торжества. Она написана на грифельной доскѣ и вывѣшена передъ губернаторскимъ домомъ. Его превосходительство цѣлыми днями сидѣлъ надъ ней, вырабатывая программу увеселеній, съ моей скромной помощью—по части текста, и съ помощью Викторіи—по части здраваго смысла. Какъ только мы собираемся сочинить какую-нибудь глупость, она прерываетъ насъ, отворачиваясь отъ окна, возлѣ котораго она сидитъ за шитьемъ при свѣтѣ догорающаго дня. Такъ, она наложила свое veto на три проекта—смотреть гарнизона, банкетъ съ рѣчами и парадный приѣмъ въ губернаторскомъ домѣ.

Программа, наконецъ, выработана. Мы начнемъ съ примѣрнаго урока чтенія въ школѣ, послѣ котораго учитель прочтетъ лекцію о древностяхъ Острова. Затѣмъ послѣдуютъ спортъ и всякія увеселенія съ призами, отъ букета цвѣтовъ и до мѣшка картофелю. Въ заключеніе, еще лекція—„для укрѣпленія умовъ“—и, въ качествѣ лектора, предстоитъ выступить мнѣ.

Я долго протестовалъ, добросовѣстно стараясь отклонить отъ себя эту честь, но меня пересилили.—„Что-нибудь объ Англіи, сэръ; мы никогда не устаемъ слушать о ней!“ Голосъ у окна поддержалъ эту просьбу, и я уступилъ.

Начинается, начинается; скучныя приготовленія покончены, желанный день наступилъ! Vive la joie! Утромъ насъ поднимаютъ съ постели три ружейныхъ выстрѣла, возвѣщающіе нашу радость вселенной. На Пикѣ вооруженъ англійскій флагъ. Съ завтракомъ мы покончили въ какихъ-нибудь десять минутъ, и меньше чѣмъ черезъ часъ все населеніе Острова уже собрано въ школѣ.

Идетъ состязаніе въ чтеніи, въ которомъ могутъ принимать участіе всѣ, кто угодно, но на дѣлѣ принимаетъ только младшее поколѣніе. Ученики, одѣтые въ праздничное платье, всѣ сидятъ на одномъ концѣ классной; поредъ ними учитель, а позади восхищенная аудиторія. Состязаніе идетъ серьезное, обнаруживающее основательную домашнюю подготовку. Первымъ дѣломъ читаютъ по складамъ хоромъ собственныя имена изъ Писанія. Первое изъ нихъ, „Achaicus“ прочитано бойко и почти одновременно всѣми; лишь немногіе остались за флагомъ. „Achaicharus“ также своевременно прочтено, но одолѣвшихъ его уже значительно меньше. При „Habaziniah“ поле брани покрыто павшими, но битва все же выиграна. „Geuel“, благодаря нарочито трудному распредѣленію гласныхъ, для большинства оказывается камнемъ преткновенія, и многіе изъ состязающихся заливаются слезами. „Gezerites“ снова приводитъ всѣхъ насъ въ хорошее расположеніе духа, ибо тутъ ужъ пораженіе общее. Намъ совершенно не подъ силу спра

виться съ конечнымъ s, когда оно выговаривается — такова ужъ особенность произношенія островитянъ вообще.

Прохожу молчаніемъ остальные номера программы и перехожу прямо къ лекціи о древностяхъ. Подобно достопамятному судьбищу, дѣйствіе происходитъ подъ открытымъ небомъ. Покончивъ съ чтеніемъ, мы шествуемъ гурьбой, съ лекторомъ во главѣ, осматривать большіе плоскіе камни, сто разъ уже видѣнные нами раньше. Это надгробные памятники нашихъ доисторическихъ предковъ. Одинъ такой камень лежалъ передъ однимъ изъ коттѣджей, но былъ оттуда удаленъ и теперь служить папертью для церкви. Другой лежитъ тамъ же, гдѣ его оставили исчезнувшіе люди — на полѣ, по ту сторону горъ. Мы знаемъ, что оказалось бы подъ нимъ, если-бы приподнять его — человѣческій скелетъ, спящій вѣчнымъ сномъ на подушкѣ изъ жемчужныхъ раковинъ. Уже много столѣтій проспалъ онъ здѣсь, и пусть спитъ еще столько же! — Затѣмъ мы снова перебираемся черезъ горы, направляясь къ пику, гдѣ я впервые встрѣтилъ Викторію; лекторъ рекомендуетъ намъ обратить вниманіе на останки четырехъ грубаго издѣлія каменныхъ фигуръ, нѣкогда стоявшихъ здѣсь на площадкѣ, словно вѣчные стражи моря. Большинству изъ насъ эти останки знакомы съ ранняго дѣтства; тѣмъ не менѣе, мы разсматриваемъ ихъ теперь съ большимъ вниманіемъ и сообщаемъ другъ другу результаты своихъ наблюденій восклицаніями, какъ бы свидѣтельствующими о неожиданномъ и внезапномъ открытіи — все въ угоду школьному учителю. Мы спрашиваемъ, какъ попали сюда эти изваянія и что они означаютъ? — все это входитъ въ программу. Намъ говорятъ, что они являются неоспоримымъ доказательствомъ существованія древней расы островитянъ.

Но какъ же попала сюда эта раса!

Лекторъ предлагаетъ намъ угадать. Неужели среди насъ найдется такъ дурно воспитанный человѣкъ, чтобы намекнуть о существованіи лодокъ? Конечно, нѣтъ! Мы добросовѣстно разыгрываемъ нашу маленькую комедію вплоть до заключительной сцены. Мы держимъ языки за зубами; добродѣтель или привычка, наконецъ, врожденная правдивость въ рѣчахъ не позволяютъ намъ сдѣлать большаго. Какой-то розовый мальчуганъ крикнулъ было: „Я знаю!“, но Викторія мгновенно утащила его назадъ и заткнула ему ротъ апельсиномъ. Помимо этого, всѣ исполняютъ свои роли добросовѣстно, безъ всякой примѣси лукавства.

Лекторъ самъ отлично знаетъ, что мы могли бы всѣ подхватить возгласъ ребенка, но онъ держится послѣдовательности въ изложеніи. — „А что бы вы сказали, — предлагаетъ онъ наводящій вопросъ, — что бы вы сказали о суднѣ, прибывшемъ

сюда съ Гамбійскихъ острововъ, лежащихъ за триста миль отсюда?“—Ай, да! Ну, конечно! Они пріѣхали на суднѣ?

„Но зачѣмъ же имъ было ѣхать сюда?“—Этого вопроса не предложить невозможно. Надо же поддержать человѣка.—„Предположимъ, что они пріѣхали потому, что не могли не пріѣхать,—поневолѣ“.

— „Это, конечно, мѣняетъ дѣло. Но что же могло ихъ заставить?“—Въ дальнѣйшемъ поощреніи онъ не нуждается.—„Въ прежнее время, главнымъ образомъ, въ старину, да и на памяти сторожиловъ, дикари, живущіе на островахъ Тихаго Океана держались обычая усаживать побѣжденныхъ враговъ въ лодку и оставлять ихъ на произволъ волнъ.“—Его объясненіе болѣе пространно, но мы удовольствуемся этимъ.

— Пойдемте, я вамъ кое-что покажу, — продолжаетъ добрякъ, — и мы опять идемъ за нимъ, на этотъ разъ внизъ по крутой тропинкѣ, къ рошѣ и опять вверхъ по крутой тропинкѣ, къ поселку, затѣмъ черезъ весь поселокъ, дѣлаемъ маленькую передышку передъ дверью и оканчательно останавливаемся въ его спальнѣ, являющейся въ то же время музеемъ острова.

Что за бѣда, что мы уже видѣли одинокую полку, заключающую въ себѣ цѣликомъ коллекцію національныхъ сокровищъ! Что за бѣда, что эти каменные копья и топоры лишь немногимъ менѣе знакомы нашимъ рукамъ, чѣмъ наши собственные ножи и вилки. Мы оказываемъ вниманіе и любезность ближнему—этого достаточно. Притомъ же это такъ пріятно намъ самимъ! Это—идеальная комбинація дѣла и удовольствія, ибо это путешествіе въ музей было прогулкой по райскимъ полямъ, гдѣ насъ вели, вмѣсто ангеловъ, босоногіе ребятишки, такіе же проворные и легкіе на бѣгу, какъ если-бы у нихъ были крылья. За ними слѣдовали дѣти постарше, слишкомъ большія для игръ, слишкомъ юныя для любви, шедшія по самымъ крутымъ тропинкамъ, словно по облакамъ, съ легкостью и увѣренностью идеальной силы, — а за ними мужчины и женщины, дѣвушки и молодые люди, радостные, довольные, неспѣшной поступью, чтобы продлить наслажденіе. Дай Богъ, чтобы имъ еще не скоро пришлось, въ свою очередь, уснуть на подушкѣ изъ раковинъ!

Я совершенно позабылъ бы о предстоящей мнѣ лекціи, если бы мнѣ не напомнилъ о ней школьный учитель, по окончаніи его собственной. Съ фамиллярностью собрата по искусству, онъ учтиво освѣдомляется объ избранной мною темѣ, и я вынужденъ сознаться, что мнѣ и въ голову не приходило подготовиться заранѣе. „Мы увѣрены, что вы приложите всѣ старанія“, говоритъ онъ съ улыбкой.—„Могу-ли я отнестись небрежно къ своей задачѣ послѣ того, что я слышалъ?“ Но

эта отвѣтная любезность, подобно большинству гладкихъ фразъ, ни мало не подвинула насъ впередъ. Я начинаю придумывать тему. — Я видѣлъ вашъ праздникъ, не хотите-ли послушать описаніе другого праздника въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ иной, заморской странѣ? Что вы скажете, на примѣръ, о праздникѣ въ Римѣ?

— Но вѣдь вы хотѣли разсказать намъ что-нибудь объ Англіи.

— Я подразумеваю праздникъ въ современномъ Римѣ, а современный Римъ, какъ извѣстно, находится на берегахъ Темзы.

— Отлично, превосходно! Не хотите ли посидѣть въ моей спальнѣ, чтобы собраться съ мыслями.

— Ничего онъ соберетъ здѣсь, — говоритъ Викторія, бывшая свидѣтельницей этого разговора. — Если вы хотите, чтобы онъ работалъ, за нимъ нуженъ присмотръ. Никто не умѣетъ обходиться съ нимъ, кромѣ меня. Пожалуйста, сэръ, идемте!

Когда человѣка ведутъ на буксирѣ, онъ можетъ держать себя, какъ медвѣдь, или какъ гениальный человѣкъ, и я надѣюсь, что я не медвѣдь. Мой вожатый ведетъ меня прямо на Пикъ, черезъ рошу, которая хранитъ его завѣтную тайну. Меня усаживаютъ на развалинахъ платформы, теперь оставленной всѣми, ибо слѣдующую лекцію на ней будутъ читать не ранѣе будущаго года. Покидая меня, Викторія велитъ мнѣ сосредоточиться и сидѣть совершенно спокойно до ея возвращенія. Я обѣщаю и выполняю обѣщаніе. Я ложусь на спину и слѣжу за носящимися въ воздухѣ билліонами легкихъ шариковъ, какъ бы составляющихъ субстанцію этого воздуха, и спрашиваю себя, неужели каждый изъ нихъ содержитъ, при соотвѣтственномъ уменьшеніи всѣхъ пропорцій, божественную Викторію и мое созерцающее я. Если бы это могло быть такъ! Какая концепція безконечнаго счастья! Но вотъ легкіе шаги предупреждаютъ меня, что она снова здѣсь, и я оставляю догадки для сладкой и вполне удовлетворяющей меня увѣренности въ томъ, что есть такой шаръ, который содержитъ насъ обоихъ. Она несетъ въ рукѣ корзину съ фруктами, — но кто она, Флора, или Минерва? Ибо наверху корзины лежитъ маленькая записная книжка и карандашъ. Бананы и гуавы предназначаются на завтракъ одинокому мыслителю; карандашъ и бумага должны закрѣпить и сохранить для лекціи его драгоценныя мысли, прежде чѣмъ онѣ разлетятся. Я протягиваю жадную руку къ плодамъ, но Викторія подаетъ мнѣ карандашъ.

— Запишите то, о чемъ вы думали, пока меня не было.

Это было бы вдвойнѣ восхитительно, если бы здѣсь была

хоть самая легкая примѣсь кокетства; но ея нѣтъ—ни малѣйшей, ни тѣни.

— Я думалъ о безконечномъ.

— Потеря времени и только! А я думала, это будетъ о римскихъ праздникахъ.

— Что будетъ? Ахъ, да! Лекція! Да!

— Вы хотите сказать, что вы не...—Ахъ, какой вы лѣнивый!

— И какая вы глупенькая, моя Викторія! Но за это я васъ еще больше люблю!

— На что это мнѣ?

— Такъ люблю, что безъ васъ цѣлый міръ....

— Не хотите ли банана?

— Ничего не имѣю противъ, если вы тоже съѣдите.

— У меня нѣтъ аппетита.

— И у меня нѣтъ.

— Вы только что говорили, что страшно голодны.

— Я и былъ голоденъ.

Викторія стояла на колѣняхъ передъ корзиной. При послѣднихъ моихъ словахъ она выпрямилась, что у нея всегда служило признакомъ сосредоточенности чувства, но все же не измѣнила позы. Въ этой позѣ она казалась обломкомъ большой статуи.

— Не кажется-ли вамъ, что вы иногда выражаетесь нѣсколько неточно и дѣйствуете неувѣренно? Если вы голодны, почему вы не ѣдите?

— Это голодная стачка.

— Что это значитъ?

— Это изобрѣтеніе сибирскихъ каторжниковъ. Когда имъ становится очень ужъ тошно, они устраиваютъ стачку противъ собственныхъ обѣдовъ и умираютъ съ голоду.

— Вамъ незачѣмъ морить себя голодомъ, если только то, въ чемъ вы нуждаетесь, въ нашей власти,—возразила Викторія, и отъ взгляда, обращеннаго ею на меня, строгая красота ея лица выиграла еще больше.

Это было слишкомъ восхитительно. Кто-бы на моемъ мѣстѣ удержался отъ продолженія?

— Да, я знаю; у меня все есть, но все же мнѣ еще нужно кое-что.

— О, теперь я понимаю!—сказала она, поднимаясь во весь ростъ и опрокидывая корзину такъ, что фрукты разсыпались по землѣ.—О, я прекрасно понимаю! Я отлично знаю, что вы хотите сказать! Нечего вамъ хитрить и выражаться полусловами. Вы уже сказали это однажды и обѣщали, что никогда больше не будете объ этомъ говорить.

Глупенькая Викторія! Она разсыпала всѣ карты по столу и испортила всю игру!

Одинъ коротенькій получасовой урокъ въ лондонскомъ будуарѣ, даже въ лондонской классной—и она выучилась-бы играть въ эту игру. Вотъ что значить вырасти на дикомъ островѣ и быть воспитанной старикомъ-отцомъ, который учить васъ говорить правду, какъ квакеры.

— И все-таки, Викторія я не стану ѣсть своего завтрака.

— Дорогой другъ, милый, милый другъ, если-бы только я могла сказать вамъ все, что мнѣ хочется сказать! Но зачѣмъ вы такъ смущаете меня? Зачѣмъ вы хотите заставить меня поступать дурно?

Теперь пришелъ мой чередъ вскочить и схватить её за руку, которой она не отняла.

— Викторія, кто можетъ спорить съ вами? Вы играете по своимъ собственнымъ правиламъ, а я словно шулеръ. Ну, будетъ; голодная стачка окончена; дайте мнѣ плоды.

Викторія очищала бананы, я ѣлъ ихъ. Это было прелестно—почти такъ же хорошо, какъ самое лучшее. Небо было безоблачно; солнце играло на ея волосахъ и лицѣ... „Я стою не больше другихъ, но Богъ далъ мнѣ больше“.—Такова была моя смиренная благодарственная молитва.

Немного погода—и слишкомъ скоро для меня—я былъ снова предоставленъ собственнымъ размышленіямъ. Викторія удалилась, взявъ съ меня слово, что во время ея отсутствія я буду готовиться къ лекціи. Я слѣдилъ за ней, пока она не спустилась къ подножію холма, принимая задумчивую позу, всякій разъ, какъ она оборачивалась взглянуть на меня. Я видѣлъ, какъ она спорила съ толпой ребятишекъ, порывавшихся вскарабкаться наверхъ, въ мою студию, какъ она уговаривала ихъ не мѣшать мнѣ, и, наконецъ, увела ихъ подальше отъ искушенія, во фруктовый садъ за холмами.

Я добросовѣстно пытался работать, но это было невозможно. Отголоски праздничнаго веселья долетали до меня, на мой возвышенный наблюдательный постъ, со всѣхъ населенныхъ частей Острова, даже съ отдаленныхъ вершинъ, высившихся, какъ башни, надъ каменной стѣною;—кругомъ все смотрѣло по праздничному. Разстояніе смягчало шумъ и смѣхъ, крики птицъ и животныхъ; все это сливалось въ полной гармоніи съ ритмическимъ шумомъ прибоя; казалось, эти звуки были только видоизмѣненіемъ, варіантомъ обычной музыкальной тишины. Въ воздухѣ широкими полосами висѣлъ прозрачный лѣтній туманъ, и, видимыя сквозь него, всѣ краски сливались въ такой же гармоніи. Мѣстами почти невозможно было разоб-
раться, гдѣ кончаются цвѣты и начинаются люди, мужчины и женщины. Человѣческія фигуры выдѣлялись только при движеніи; глядишь—то тамъ, то сямъ парочка вынырнетъ изъ травы, бѣгутъ, гонятся другъ за другомъ, но чѣмъ дальше,

тѣмъ очертанія больше тускнѣютъ, и, наконецъ, совсѣмъ сливаются съ ландшафтомъ. Это утонченное наслажденіе для чувствъ и для души, это образъ единства природы. Небо и земля, и море, мужчины и женщины, цвѣты и деревья кажутся лишь многообразными формами и проявленіями единого всеобъемлющаго элемента красоты, которую каждый видитъ и понимаетъ и представляетъ себѣ по своему. Я былъ всецѣло поглощенъ этой мыслью и усердно развивалъ еѣ, лежа ничкомъ на травѣ и бесѣдуя съ цвѣтами. Въ этой позѣ и застала меня Викторія. Если-бъ ей понадобилась моя жизнь, она легко могла бы взять ее. Она подошла такъ неслышно, что я замѣтилъ ее только тогда, когда она была уже возлѣ меня.

— Принцесса, прежде чѣмъ хмуриться, послушайте мою исповѣдь. Я ничего не сдѣлалъ—ровно, ровно ничего. Но теперь я начну; я сдѣлаю все, что вы хотите. Только я не могу работать здѣсь. Я долженъ пойти куда-нибудь.

— Домой, въ вашу комнату?

— Душно.

— Такъ куда-же?—Она даже притопнула босою ножкой отъ нетерпѣнія.

— Я знаю куда, только не смѣю сказать.

— Да ну же, говорите!

— Въ Пещеру—въ ту самую, куда вы водили меня въ первую нашу прогулку.

— Это безуміе! Вы убьетесь, и только.

— Не убился же я въ первый разъ.

— Тогда я помогала вамъ.

— Я хочу, чтобъ вы и теперь помогли мнѣ.

— Не понимаю, за что я люблю васъ, а между тѣмъ я такъ васъ люблю!—Если бы Богу угодно было, чтобы вы убились, Онъ не допустилъ бы меня помогать вамъ въ этомъ. Идемте!

Всѣ трудности этого восхожденія уже были однажды описаны мною, и любезный читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на меня, если я избавлю его отъ повторенія. Достаточно сказать, что вскорѣ я шелъ по узкому гребню скалы, закрывъ глаза, по приказу моей повелительницы, и положивъ руки на плечи Викторіи, которая была моимъ вожатымъ. Прежде чѣмъ закрыть глаза, я поймалъ ея взоръ, брошенный на меня, и во взорѣ этомъ было столько нѣжности и тревоги, что я не забуду его во всю жизнь. Когда мнѣ опять разрѣшили открыть глаза, мы были уже въ пещерѣ. Убѣдившись, что я въ безопасности, Викторія ушла, обѣщая вернуться черезъ часъ и вывести меня изъ пещеры.

XXI.

Праздникъ въ Римѣ.

Я остался одинъ съ облаками, океаномъ и моей записной книжкой. Чтобы сосредоточить свои мысли на записной книжкѣ, мнѣ необходимо было забыть объ океанѣ и облакахъ; поэтому, полюбовавшись ими въ послѣдній разъ, я отошелъ вглубь пещеры и принялся за дѣло.

Замѣтки для лекцій. — Параллель между старой Англіей и древнимъ Римомъ.—Обращаю ваше вниманіе, друзья мои, на то обстоятельство, что Англія находится въ настоящее время точно въ такомъ же положеніи, какъ древній Римъ послѣ завоеванія міра. Она отдыхаетъ, наслаждаясь плодами своихъ побѣдъ. Она не желаетъ большаго: пообѣдавшій левъ не обидитъ и мухи. Она ощущаетъ нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ; въ особенности это чувствуется въ правящихъ сферахъ. Тѣмъ не менѣе, граждане кой-какъ выполняютъ свои обязанности въ отношеніи государства. Римъ кормилъ всѣхъ своихъ дѣтей на счетъ покоренныхъ государствъ, и всѣ они въ концѣ концовъ облѣнились. Англія кормитъ лишь нѣкоторыхъ, и, если не считать нужды и голода, интересы имперіи блюдутся въ должной мѣрѣ. Особенно тщательно охраняются дальнія области; туда шлютъ стражу, смѣна за смѣной; проконсулы, по прошествіи извѣстнаго срока, неизмѣнно возвращаются домой умирать въ прадѣдовскихъ замкахъ. Если обозрѣть наше полушаріе съ высоты птичьяго полета, мы увидимъ всѣ главные пути на сушѣ и на морѣ покрытыми пѣной или пылью—признаки, отмѣчающіе движеніе нашихъ легионовъ. Зрѣлище недурное!

„Приготовленія къ празднику.“—Общественныя празднества въ Англіи предписаны закономъ; три-четыре раза въ годъ эта огромная мастерская міра совершенно прекращаетъ работы. Это бѣваетъ наканунѣ народныхъ торжествъ. Одинъ изъ первыхъ признаковъ наступающаго торжества—выселеніе изъ города немногихъ избранныхъ. Всѣ, кто только можетъ, спѣшатъ уйти прочь съ дороги—конечно, только для того, чтобы предоставить больше мѣста другимъ. Это такъ похоже на нихъ.

Лондонъ со всѣми его обширными окрестностями отданъ въ распоряженіе массъ. Имъ принадлежать улицы, имъ принадлежать парки. Каждый фонарный столбъ въ трущобахъ превращенъ въ винтовые качели.

Приспособляемость расы.—Развлеченія дѣтей англійскаго

народа отличаются первобытной простотой. Юные обитатели трущобъ играютъ, какъ въ старину работали взрослые дикари, при помощи самыхъ грубыхъ орудій. Имъ ничего не стоитъ устроить себѣ качели изъ разорванной на полосы рубашки или простыни; а въ національной игрѣ какой-нибудь прутикъ замѣняетъ имъ ворота, а щепка отъ сосновой доски крикетный молотокъ. Это здоровое презрѣніе къ орудіямъ говорить о приспособляемости расы, о ея умѣніи утилизировать наилучшимъ образомъ попадающіеся подъ руку матеріалы. Битва при Ватерлоо была выиграна на отведенныхъ для игръ поляхъ Итона. Пройдитесь по Сень-Джемскому парку и вы перестанете сомнѣваться въ этомъ. Въ крикетъ играютъ съ помощью вышеуказанныхъ приспособленій; для ногового мяча берутъ старую шляпу, или битый котелокъ. Та же приспособляемость замѣчается и во всемъ остальномъ: количество матеріи, употребляемой на штаны, по отношенію къ размѣрамъ обнаженной поверхности, которую имъ полагается прикрывать, можетъ быть выражено цифрою $\frac{3}{5}$.—И, однако же, вы не видите бьющихъ въ глаза бѣлыхъ пятенъ, портящихъ красоту ландшафта, и даже на лицахъ лежитъ какой-то зеленоватой оттѣнокъ. Художникамъ не мѣшало бы брать по больше такихъ праздничныхъ сценъ въ Паркѣ сюжетами для своихъ картинъ; такія картины непременно обратили бы на себя вниманіе въ Берлингтонъ-гофѣ. Хворыя дѣти и самыя маленькія играютъ въ аллеяхъ поближе къ дому, гдѣ пыль благоразумно сберегается въ достаточномъ количествѣ, чтобы дѣти могли изъ нея лѣпить пирожки. Многія играютъ на старыхъ кладбищахъ, прилегающихъ къ этимъ аллеямъ, недавно открытыхъ для публики, благодаря великодушію властей, воодушевленныхъ желаніемъ общаго блага. Это, можетъ быть, наилучшій примѣръ нашего національнаго умѣнья пользоваться обстоятельствами.

NB.—Здѣсь набросать картину народнаго гулянья реальнаго, или вымышленнаго—въ праздничный день—зрѣлище въ высшей степени поучительное: „Пріютъ Тома Одиноката плюсъ нѣкоторыя наблюденія надъ Рэссель Кортонъ и Винигеръ Ярдомъ“.—старинное кладбище, или мѣстная свинная закута, состоящая изъ трехъ заднихъ дворовъ, слитыхъ въ одинъ—въ настоящее время паркъ для народнаго гулянья, съ должной помпой преподнесенный народу, какъ дорогой подарокъ. Для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ этотъ подарокъ, на него нужно взглянуть съ полей и луговъ, разстилающихся вокругъ Итонской коллегіи. Видимый съ этой точки зрѣнія, онъ вызываетъ чувство живѣйшей благодарности Богу за тайны терпѣнія, далеко превосходящія глубинной тайны вѣры, сокрытыя въ душѣ человѣческой. „Пріютъ

Тома Одинокaго“ преподнесень какъ милость, за которую нужно быть благодарнымъ! Ха, ха, ха! (здѣсь постарайтесь засмѣяться). О, какимъ же волшебствомъ, какимъ колдовствомъ мы заставляемъ ихъ довольствоваться этимъ несокращаемымъ *minutim*’омъ въ удовлетвореніи своихъ человѣческихъ требованій? (постарайтесь не заплакать).

Нѣкоторая приспособляемость замѣчается также и во взрослыхъ уроженцахъ здѣшнихъ мѣстъ,—по истинѣ, это характерная черта нашей расы. Для увеселенія ихъ не требуется большихъ расходовъ. Возьмите деревянную доску, поставьте съ одной стороны рядъ боченковъ и стакановъ, а съ другой родъ лошадиного стойла, гдѣ могутъ помѣститься, стоя, человѣкъ пятнадцать-двадцать, и вы получите „увеселительное заведеніе“. Молодая женщина отворачиваетъ краны, стараясь дѣлать это возможно проворнѣе, и наполняетъ стаканы; публика въ стойлѣ осушаетъ ихъ не съ меньшей быстротой, и народное веселье въ полномъ разгарѣ. Мраморные столы, общественные сады, цвѣты, музыка—все это не необходимо. Еще проще было бы пристроиться къ водопойной колодѣ, но лошади не любятъ джина, да и высшее животное возмутилось бы противъ такого объединенія, основаннаго на ложномъ принципѣ общности имуществъ.

Здѣсь, въ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ они обмѣниваются безхитростными признаніями и устраиваютъ свои семейныя дѣла. О будущемъ они не загадываютъ; опытъ отучилъ ихъ отъ празднаго любопытства и приучилъ къ близорукости. А когда ихъ начинаютъ смущать проклятые вопросы, или проблема ихъ собственныхъ отношеній къ этому счастливому міру, они подмигиваютъ молодой особѣ, которая отворачиваетъ кранъ, и смущеніе ихъ быстро проходитъ.

Дивная скромность ихъ жизненныхъ требованій можетъ быть поставлена въ примѣръ даже пастухамъ, какъ образецъ умѣнья довольствоваться малымъ, въ отношеніи вина, женщинъ, музыки, свѣта и радости. Ихъ рѣчь пряма и проста, свободна отъ всякихъ ухищреній, цвѣтистыхъ оборотовъ и вымученнаго остроумія; ихъ шутки обыкновенно не что иное, какъ легкая игра оловянныхъ кружекъ по головамъ, и всѣ ихъ удовольствія въ томъ же первобытномъ родѣ. Они охотно посвящаютъ свой досугъ наблюденіямъ за тѣмъ, какъ собака травитъ крысъ или два человѣка колотятъ другъ друга до безчувствія перчатками, которыя только съ виду бьютъ больно. Они такія же дѣти, какъ сѣвероамериканскіе индѣйцы, да и въ смыслѣ расоваго типа недалеко ушли отъ нихъ—выдающіяся скулы, широкій ротъ, толстыя губы, трещины вмѣсто глазъ. Посмотрите на нихъ въ дни такихъ народныхъ торжествъ, когда они мириадами сбѣгаются поглазѣть на бѣга,

на гребную гонку, на парадъ лорда мэра, и подивитесь чудесамъ соціального и религіознаго режима, приучившаго ихъ довольствоваться своимъ положеніемъ, а насъ находить въ этомъ удовольствіе.

(Слѣдуетъ панегирикъ этому режиму въ лирическомъ духѣ—ритмическая проза и т. д.).

Ихъ женщины. Подобно своимъ сѣвероамериканскимъ сестрамъ, питаютъ пристрастіе къ перьямъ и яркимъ цвѣтамъ. Вы не найдете въ природѣ ничего пестрѣ фабричной дѣвушки въ праздничномъ платьѣ цвѣта *таин* съ жестокимъ перомъ на шляпѣ, какъ будто окрашеннымъ кровью. Отношенія самки къ самцу—куръезный пережитокъ первобытнаго состоянія. Ухаживанье, по крайней мѣрѣ, по формѣ, всегда представляетъ собою похищеніе дѣвушки. Церемонія начинается съ встрѣчи на углу, на улицѣ въ сумерки; затѣмъ идетъ погоня, бѣготня вокругъ домовъ, тяжелые сапоги, настигающіе легкіе башмачки, радостныя взвизгиванья, отмѣчающія собою путь бѣгланки; затѣмъ поимка, бѣгство, нѣжности, въ видѣ звонкихъ пощечинъ, способныхъ выбить дурь изъ головы и у коновала. Финаль—объятія; юбки изорваны въ клочки, земля усѣяна перьями; затѣмъ запыхавшаяся парочка возвращается рука объ руку къ тому же углу, съ тѣмъ, чтобы начать сначала.

Ночью.— Съ наступленіемъ ночи всѣ обитатели трущобъ сходятся вмѣстѣ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ на одно общее rendez vous; мужчины и тѣ, что нѣкогда были дѣвушками, шамкающіе старики и бранчивыя дѣти стоятъ толпою передъ грязнымъ прилавкомъ, пока неизсякающая влага не зальетъ въ нихъ послѣдней искры огня. Тогда огромный городъ отходитъ на покой и снова погружается въ безмолвіе. Воображеніе того, кто видѣлъ адъ, врядъ-ли сумѣло бы нарисовать эту заключительную сцену“.

— Вы готовы?

Голосъ доносился со скалы надъ пещерой; то былъ голосъ Викторіи.

— Да, и жажду свободы; пожалуйста, выведите меня отсюда.

— Вы кончили свою работу?

— Да.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Я сейчасъ приду. Вы можете подойти и взглянуть на меня, если хотите; только помните—внизъ нельзя смотрѣть.

Я сталъ у входа въ пещеру. Въ нѣсколькихъ ярдахъ надо мною съ вершины скалы на меня смотрѣла чудная головка,

и глаза ея улыбались мнѣ. Видно было только лицо; должно быть, дѣвушка лежала растянувшись во весь ростъ на скалѣ.

Еще нѣсколько минутъ, и мы снова шли шагъ за шагомъ по гребню, и я снова испытывалъ сладостное, восхитительное ощущеніе ея близости, испытывалъ его все время, что мы спускались по тропинкѣ, ведущей къ зданію школы, ибо, хотя здѣсь я уже не нуждался въ помощи, Викторія не отнимала у меня своей руки. И такъ мы шли рука объ руку въ сумерки, не говоря ни слова и не испытывая желанія говорить.

Эта лекція такъ и не состоялась. Увидѣвъ всѣ эти счастливыя лица въ классной, я почувствовалъ, что не въ состояніи испортить имъ праздникъ. Пока губернаторъ говорилъ вступительную рѣчь, я наскоро выбралъ другую тему и ввѣрился своей счастливой звѣздѣ. Звѣзда была благосклонна ко мнѣ. Губернаторъ говорилъ долго, и когда онъ сѣлъ, я былъ уже достаточно подготовленъ къ вдохновенной импровизаціи о благодѣтельныхъ результатахъ изобрѣтенія книгопечатнаго станка, которой остались всѣ довольны.

— Зажги факелы, Рейбенъ,—сказалъ старикъ, когда рукоплесканія стихли. — Въ заключеніе, ребятамъ разрѣшается пойти пошарить по птичьимъ гнѣздамъ на холмахъ. А ты, Викторія, и вы, дѣвушки, будьте добренькія, спойте намъ пѣсню Свѣту здѣсь довольно.

XXII.

Недоразумѣніе.

Ссора съ Викторіей? Нѣтъ, не то, это слово не подходитъ. Но, „что-то“ есть. А что—не знаю.

Викторія сдѣлалась какая-то „странная“—не умѣю назвать иначе. Ея не поймешь; не знаешь, какъ съ ней быть, и это обидно. А я такъ старался понять ее.

Маленькій инцидентъ на Пикѣ былъ для меня урокомъ—по крайней мѣрѣ, я стараюсь, чтобы онъ пошелъ мнѣ на пользу. Мнѣ какъ будто сказали: „Не надѣдай Викторіи; оставь свои чувства уваженія и прочія при себѣ. Викторія какъ будто хочетъ сказать тебѣ что то и не знаетъ, съ чего начать. Неужели ты не можешь избавить ее отъ непріятности? Ты смущаешь ее своимъ ухаживаньемъ, почтительнымъ и инымъ; она хочетъ, чтобы ты оставилъ ее въ покоѣ. На дорогѣ у тебя стоитъ Кудряшъ.

— Что за бѣда, что Кудряшъ смутно блистаетъ вдали, какъ звѣзда Ореона! Онъ унесъ ея сердце съ собою въ пространство. Оставь ее въ покоѣ.

— Тебѣ нужны еще доказательства? Сколько разъ еще тебѣ нужно видѣть ее простертой передъ своимъ алтаремъ въ роцѣ, какъ ты видѣлъ ее вчера, когда ты выслѣдилъ ее, идя за нею по пятамъ, какъ собака, какъ шпионъ? Сколько разъ тебѣ нужно еще услышать ея мольбы: „Вернись, вернись и помоги мнѣ“!—мольбы, прерываемыя безчисленными поцѣлуями фетишей, развѣшанныхъ на вѣтвяхъ?

— Да если бы Кудряшъ и не существовалъ вовсе, развѣ это измѣнило бы-чтонибудь? Викторія не для тебя. Развѣ ты останешься здѣсь вѣчно? Ты самъ знаешь, что нѣтъ. А развѣ ты можешь увести Викторію съ собой? Викторія—дикарка и кто бы могъ пожелать, чтобы она стала иною? Или ты хотѣлъ бы нарядить эту дикарку въ крѣпъ де шинъ и сюра, въ вышивки, шелкъ и гипюръ и перенести ее въ лондонскую гостиную, на потѣху скучающей лондонской толпѣ? Ты представляешь себѣ эту замѣтку въ газетѣ? „Лэди, — высокая фигура которой хорошо знакома всему лондонскому обществу, была одѣта въ черное шелковое платье, открывающееся спереди на выставкѣ изъ бѣлаго муслина, задрапированнаго въ складки отъ шеи до ногъ и перехваченнаго на груди патой изъ вышитаго чернаго бархата, скрѣпленнаго бриллиантовымъ аграфомъ“.

— Нѣтъ, это не годится!

— Дружба невозможна съ твоей стороны. Какъ только ты съ ней, ты сейчасъ же начинаешь валять дурака. Сойди съ ея дороги.

И вотъ я пересталъ быть тѣнью Викторіи. Я гуляю одинъ. Я подладилсѣ къ губернатору и выпросилъ у него ружье, чтобы поохотиться за дикими птицами. Дикія птицы на меня не въ претензіи. Моя пальба волнуетъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ она волнуетъ Викторію. Да и ружье какое-то чудное! Какъ это люди ухитрялись убивать что бы то ни было изъ такихъ ружей, и тѣмъ болѣе убивать другъ друга. Рѣзня при Мальплакѣ положительно повышаетъ мое уваженіе къ чело-вѣческой расѣ. Эта рѣзня можетъ быть поставлена наряду съ пирамидами — вообще съ матеріальными чудесами, достигнутыми самыми простыми средствами.

Нѣсколько дней подрядъ я поддерживалъ въ себѣ такія мысли и въ то утро, о которомъ идетъ рѣчь, усерднѣйшимъ образомъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ чаетъ, хотя это нисколько не нарушало добраго согласія между мною и чайками, и стая, благодаря любопытству, разрослась вмѣсто того, чтобы уменьшиться—какъ вдругъ предо мною выросла и за-слонила собою свѣтъ фигура Викторіи.

Вотъ это то и есть то, что я называю „странностями“ Викторіи; это и есть то, на чемъ я строю свои обвиненія.

Ибо Викторія пришла посмотрѣть, гдѣ я. Мнѣ нѣтъ надобности даже угадывать это. Она сама сказала мнѣ. Обратите вниманіе на то, что слѣдуетъ за этимъ вступленіемъ, и, скажите, не правъ-ли я, чувствуя себя обиженнымъ.

— Зачѣмъ вы искали меня, Викторія?

— Я такъ несчастна.

— Почему?

— Вы дѣлаете меня несчастной.

— Что я сдѣлалъ, принцесса?

— Что я вамъ сдѣлала? Вы почти не разговариваете со мной—вотъ ужъ три дня.

— Я думалъ, что вамъ самой такъ пріятнѣе, Викторія?

— На какомъ основаніи вы это думаете? Во что обратился бы для меня этотъ уголокъ, если бы мы раздружились?

— Я смущаю васъ.

— Предоставьте мнѣ судить объ этомъ. Въ томъ, что я вижу васъ и разговариваю съ вами, не можетъ быть ничего дурного.

Я оставляю въ покоѣ весьма недовольныхъ этимъ чашечкой, и мы перебираемся на другую сторону островка, на то мѣсто, гдѣ я высадился на зарѣ этой исторіи, съ тѣмъ чтобы найти Новый Міръ.

Вначалѣ мы разговариваемъ мало. Я стараюсь наладить разговоръ съ помощью нѣсколькихъ условныхъ фразъ, помогающихъ примирить бѣдность мысли съ самоуваженіемъ. Эпиграммы насчетъ женской непослѣдовательности никому еще не помогали понять женщину, но если бы ихъ выкинуть изъ человѣческаго словаря, пустота чувствовалась бы очень замѣтно; непослѣдовательныхъ людей мало, но непонимающихъ большинство. Ужасно обидно, что я такъ глупъ. Я нашелъ Викторію и не умѣю съ ней обходиться—все равно, какъ дикарь съ часами.

Нѣкоторое время мы идемъ молча, другъ возлѣ друга, какъ въ прежніе дни, наслаждаясь просто воздухомъ и движеніемъ. Мы также свободны, какъ животныя вокругъ насъ, и, можетъ быть, счастливѣе ихъ, ибо наше счастье утонченнѣе. Впрочемъ, можно говорить только за себя. Мириадамъ птицъ и насѣкомыхъ и немногимъ избраннымъ породамъ животныхъ, которыя имѣются здѣсь, живется хорошо и привольно;—это радостная жизнь на свѣту, на солнцѣ; и смерть у нихъ легкая и быстрая, въ расцвѣтѣ силъ, а работа у нихъ состоитъ главнымъ образомъ въ насыщеніи и движеніи на открытомъ воздухѣ. Большинство животныхъ здѣсь такіе же члены большой семьи, какъ и люди, и Викторія всѣхъ ихъ зоветъ по именамъ. Съ нею они только притворяются дикими, и отверженные козы, бродящія по горамъ, такъ же регулярно приходятъ къ

ней утромъ за лаской, какъ и сестры ихъ, примирившіяся съ цивилизаціей.

Если бы мы съ ней всегда могли быть такими! Но мы не можемъ. Мы по очереди—то друзья, то враги, а почему это такъ—хоть убейте, не знаю. Мы то сближаемся, то расходимся какими-то таинственными путями. Ибо то, что произошло сегодня, бывало уже не разъ. Я сижу съ нею и счастливъ и не желаю ничего большаго, но вдругъ какая-то неуловимая переменъна въ ея обращеніи внушаетъ мнѣ мысль, что Викторія желаетъ, чтобы я ушелъ, и я ухожу. Я держусь въ сторонѣ,—тогда она розыскиваетъ меня и начинаетъ упрекать за холодность и невниманіе. Мы достигаемъ совершенства, и тутъ начинается несовершенство. Медленно, медленно, словно переменъна въ окраскѣ растенія, развивается и растетъ новое для меня недовѣріе Викторіи ко мнѣ или къ себѣ самой. Что это такое? Что это можетъ быть? Это проявленіе какого то страннаго закона, управляющаго ея эмоціями. Но въ чемъ этотъ законъ? Дикарь уже настолько изучилъ свои часы, что чувствуетъ всю несоотвѣтственность утвержденія, будто у часовъ странныя привычки. Онъ не умѣетъ изслѣдовать, но начинаетъ догадываться. Предположить можно только одно—все то же, прежнее,—что между нами и полнымъ, ничѣмъ неомраченнымъ свѣтомъ стоитъ призракъ Кудряша. Но отъ этой догадки ничуть не легче. Когда я отстраняюсь, чтобы уступить ему мѣсто, Викторія идетъ за мной и спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Чортъ бы его побралъ, этотъ призракъ, который точно играетъ нами! Тутъ не виноваты ни я, ни она. Виноватъ призракъ, который самъ не знаетъ, что ему нужно.

XXIII.

Снова парусъ.

Забудемъ о немъ пока. Съ вершины Пика видѣнъ новый корабль!

На этотъ разъ не англійскій корабль, а американскій, суда по красивому флагу.

Повторяется прежняя сцена—на пристань спѣшно собирается народъ; на сигналы отвѣчаютъ сигналами, спускаютъ на воду лодку; старики собираются на совѣтъ относительно приѣма гостей, но на этотъ разъ совѣщаніе носитъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущій. Новый корабль купеческій, а только военныя суда не грозятъ никакой опасностью беззащитнымъ островитянамъ. На немъ есть экипажъ—люди грубые, плохо дисциплинированные, можетъ быть,

и не особенно честные, несдержанные запальчивые, и не боящіеся наказанія за лишнюю выпитую бутылку или грубое слово. Если имъ вздумается безчинствовать и обижать островитянъ, никто не можетъ помѣшать имъ; весь островъ въ ихъ власти, отъ движимаго и недвижимаго имущества до чести женщинъ и жизни гражданъ.

Встревоженный губернаторъ, я думаю, охотно зарылъ бы въ землю всѣхъ нашихъ дѣвушекъ, если бы онъ только могъ надѣяться выкопать ихъ оттуда здоровыми и невредимыми по минованіи опасности. Онъ украдкой озирается вокругъ, ища надежнаго убѣжища, какъ финикійскій купецъ, завидѣвшій шайку пиратовъ. Но онъ благоразумно скрываетъ свои опасенія, чтобы не встревожить другихъ, и всходитъ на бортъ своего китоловнаго судна, чтобы ѣхать навстрѣчу гостямъ, съ веселымъ лицомъ.

Все зависитъ отъ того, что за личность капитанъ, но на счетъ этого мы успокаиваемся съ перваго же момента его появленія. Выйдя на берегъ, онъ начинаетъ съ того, что одѣляетъ дѣтей леденцами и приподымаетъ шляпу предъ одной изъ дѣвушекъ, съ видомъ самаго неподдѣльнаго уваженія.

Онъ совершенно не похожъ на всѣхъ другихъ капитановъ въ настоящемъ и въ прошломъ, если не въ будущемъ. Онъ молодъ, блондинъ, франтовать; волосы у него съ проборомъ посрединѣ; у него правильныя черты лица и шелковистые усы. Всѣ эти признаки довольно плохо гармонировали бы съ его обязанностями, если бы не плотно сжатые губы и твердый взглядъ ясныхъ, голубыхъ глазъ, говорящихъ о силѣ воли. Носовой платокъ его слегка надушенъ—это внѣ всякихъ сомнѣній; относительно жеванія табаку онъ выше подозрѣній. Рѣчь его иногда выдаетъ его происхожденіе, но не профессію. Порою онъ говоритъ какъ книга—пожалуй, какъ книга громко читаемая въ классѣ,—но это только тогда, когда у него есть время подумать о себѣ и постараться выказать себя съ наилучшей стороны. Въ такія минуты, къ счастью, рѣдкія, рѣчь его становится не только безусловно правильной, но и классически изысканной. Американецъ сказывается въ пуританскомъ стараніи придать каждому слову и каждой буквѣ cadaго слова полное присущее имъ фонетическое значеніе. Онъ распространяетъ принципы Декларации независимости на каждый произносимый имъ слогъ: всѣ слоги у него свободны и равны, безъ малѣйшаго признака акцентуаціи, которая могла бы превозвысить одинъ слогъ надъ другимъ. Короче говоря, его рѣчь въ смыслѣ словопроизношенія является образцомъ конституціи безъ короля.

Онъ помѣщенъ въ нашемъ домѣ, по моей просьбѣ. Мнѣ кажется, я иду этимъ навстрѣчу желаніямъ губернатора, который, впредь до ближайшаго знакомства, не прочь держать его на глазахъ. Онъ спитъ въ моей комнатѣ, на запасной кровати. Экипажъ, за немногими исключеніями, остается на корабль, но всѣмъ матросамъ разрѣшено съѣзжать на берегъ. Передъ отъѣздомъ, по словамъ губернатора, самолично доставившаго намъ капитана, этотъ послѣдній обратился къ нимъ съ краткой рѣчью, которую они, очевидно, помнятъ во все время своего пребыванія на берегу. Онъ, что называется, безпокойный человѣкъ. Не успѣлъ онъ войти въ нашъ домъ, какъ уже куда-то исчезъ и до заката солнца успѣлъ обойти весь островъ и узнать, какой у насъ образъ правленія, порядки, законы, въ какомъ положеніи земледѣліе, торговля и промышленность. Онъ призналъ часы въ губернаторскомъ домѣ за привезенные изъ Чикаго, а органъ—за презентъ изъ Салима, и почти во всѣхъ отрасляхъ нашей промышленности предложилъ усовершенствованія, долженствующія удвоить доходность дѣла. Онъ попросилъ также показать ему нашу газету и, не дожидаясь отвѣта, что таковой у насъ не имѣется, преподнесъ намъ цѣлую кипу газетъ обоихъ полушарій, гдѣ, по его словамъ, могутъ найтись любопытныя статейки, пригодныя для компиляціи въ мѣстномъ листкѣ.

Вначалѣ онъ былъ молчаливъ или ограничивался вопросами и въ сношеніяхъ съ нами выказывалъ необычайную осторожность. Но къ вечеру все это исчезло, и его словоохотливость и готовность повѣствовать о самомъ себѣ и о сдѣланной имъ карьерѣ не оставляли желать ничего большаго.

Это была типичная американская карьера прежнихъ временъ, и потому, при всей своей живости и молоджавости, капитанъ казался мнѣ нѣсколько старомоднымъ.

Новое поколѣніе американцевъ по большей части ограничивается одной какой-нибудь профессіей, какъ и мы англичане; этотъ человѣкъ перепробовалъ ихъ съ полдюжины. Онъ началъ жизнь мальчикомъ въ конторѣ, былъ агентомъ по покупкѣ и продажѣ недвижимой собственности, адвокатомъ, издателемъ газеты, а теперь шкиперомъ; это, по его мнѣнію, составляло вполне правильную эволюцію. Корабль его вышелъ изъ Санъ-Франциска съ тѣмъ, чтобы совершить кругосвѣтное плаваніе черезъ Суэцкій каналъ и Средиземное море, заходя въ Ливерпуль и Нью-Йоркъ. Корабль былъ его собственностью, а грузъ доставлялъ ему карманныя деньги во время путешествія. Губернаторъ спросилъ его, гдѣ онъ выучился вести морскую торговлю, но онъ, повидимому, не находилъ, чтобы этому нужно было учиться. По его словамъ, онъ не могъ припомнить времени, когда бы онъ не зналъ

этого дѣла въ главныхъ чертахъ. Еще мальчигомъ онъ плавалъ на яхтѣ по Нью-Йоркской бухтѣ, а затѣмъ одно время годъ служилъ матросомъ на китоловномъ суднѣ. Одно время онъ думалъ посвятить себя искусству.

— А гдѣ же онъ выучился издательству?—Этого онъ тоже не могъ сказать. Онъ только увѣрялъ, что всѣ суда управляются однимъ и тѣмъ же принципомъ—здравымъ смысломъ. Издавать газету—все равно, что плавать на кораблѣ, только при другихъ условіяхъ. Надо только сосредоточить свои мысли на этомъ дѣлѣ и спокойно нести бремя неизбѣжныхъ ошибокъ. Если у него есть природная склонность къ чему-нибудь, такъ это къ построению схемъ и отыскиванію основныхъ принциповъ. Въ бытность его журналистомъ ему пришлось одно время еженедѣльно поставлять въ газету столбецъ остроумъ и шутокъ. Онъ не шутилъ по природѣ и не охотникъ до шутокъ. Но когда надо придумать шутку, онъ, разумѣется, можетъ это сдѣлать. Онъ изучилъ принципы этого искусства и нашелъ, что они заключаются въ разительныхъ сходствахъ и разительныхъ контрастахъ. Послѣ небольшой практики онъ скоро выучился остроумить по поводу чего угодно—чернильницы на конторкѣ, дыры въ коврѣ, мимолетнаго дождика. Вся штука въ томъ, чтобы намѣтить себѣ два пункта и идти къ нимъ прямо. А если ходить вокругъ да около—выйдетъ неудачно. Онъ преподнесъ намъ двѣ-три шутки на пробу съ невозмутимо-серьезнымъ лицомъ, извиняясь за нѣкоторую шероховатость, происходящую отъ того, что онъ уже отвыкъ отъ такого занятія. Шутки были весьма и весьма недурны. Не будь мы предупреждены относительно ожидаемыхъ результатовъ, мы бы даже, пожалуй, смѣялись. Надо было „пальнуть“ ими въ насъ, какъ онъ выразился, тогда бы все было ладно. Губернаторъ обѣщалъ испробовать ихъ на Рейбенѣ, и нашъ новый знакомый поручался, что онъ будетъ хохотать до упаду. Основываясь на томъ же принципѣ наблюденія, онъ изобрѣлъ способъ упростить оснастку корабля, сберегая 45% на такелажѣ и блокахъ и обѣщалъ намъ показать образецъ такихъ упрощенныхъ снастей, изготовленныхъ во время пути.

Къ концу вечера мы почувствовали, что онъ извлекъ все возможное изъ насъ самихъ и нашего островка и готовъ хоть сейчасъ уѣхать. Но пока это было неудобно: корабль нуждался въ свѣжей провизіи и, кромѣ того, въ нѣкоторомъ ремонтѣ. Это волновало и сердило нашего капитана, такъ какъ сидѣть смирно онъ абсолютно не могъ. Я въ жизнь свою не видалъ такой лихорадочной дѣятельности, такой страстной потребности непременно что-нибудь дѣлать. Ълъ онъ такъ, точно издѣвался надъ божественнымъ Провидѣ-

нѣмъ, но такъ какъ онъ ниразу не подавился, то очевидно, Провидѣніе хранило его для какой-нибудь спеціальной надобности. Въ десять минутъ онъ уничтожилъ все поданное—мясо, рыбу и свою порцію пирога. Описать это могъ бы одинъ только Раблэ. Ни онъ самъ и никто возлѣ него не зналъ покоя. Онъ былъ необычайно дѣятеленъ, но какъ-то все на поверхности, не доискиваясь истиннаго смысла и назначенія той или другой вещи. Это была прямо какая-то промышленная горячка, какъ встарину людьми владѣла горячка военная. Какъ дѣти Штаркадера дрались, такъ онъ трудился изъ любви къ искусству, получая отъ своей работы не больше выгоды, чѣмъ они отъ кровопролитія. Намъ еле-еле удалось уговорить его лечь въ постель.

Какъ я уже говорилъ, онъ спалъ, или по крайней мѣрѣ легъ спать въ моей комнатѣ. Но онъ не въ состояніи былъ улечься, пока не изслѣдовалъ консистенціи матраца и не предложилъ новаго способа набивки матрацовъ какой то травой, растущей въ дикомъ состояніи у подножія Пика. Онъ долго распространялся на эту тему и вдругъ посерединѣ фразы заснулъ, совершенно неожиданно, какъ будто въ немъ завернули кранъ. Минуту спустя забылся и я и спокойно спалъ нѣсколько часовъ, но еще задолго до разсвѣта проснулся отъ свѣта свѣчи, бившаго мнѣ прямо въ глаза.

Свѣчу зажегъ, разумѣется, капитанъ. Онъ сидѣлъ на постели и внимательно разсматривалъ въ лорнетъ что-то, зажатое имъ между первымъ и указательнымъ пальцами.

— Посмотрите-ка сюда, — сказалъ онъ, и не думая извиняться за то, что разбудилъ меня; — глядите, какъ дерется!

— Что тамъ такое?—спросилъ я не безъ тревоги.

— Огромнѣйшая бабочка—вы такой навѣрное и не видывали: сильная—страхъ тянеть... Я зажегъ свѣчку, чтобы подумать немножко на свободѣ, а она и налетѣла на огонь.

— Отпустите ее на волю!

— О, пусть летитъ! Пока она еще не нужна мнѣ,—И онъ выпустилъ насѣкомое.—Любопытно знать, много ли тутъ такихъ бабочекъ. Надо будетъ спросить старца съ хохолкомъ,—такъ онъ называлъ нашего хозяина.

— Ну, много—такъ что-жъ изъ того?

— Видите-ли,—началъ онъ, упираясь локтемъ въ подушку и, къ большему моему неудовольствію, очевидно, готовясь къ продолжительному разговору.—Видите-ли; я вамъ вотъ что скажу: это насѣкомое — неразвившаяся, непримѣненная сила.

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Развѣ вы не понимаете?—спросилъ отъ тономъ, выра-

жавшимъ его глубокую увѣренность въ томъ, что я дѣйствительно не понимаю.

Я далъ ему ожидаемый отрицательный отвѣтъ, и онъ продолжалъ:

— Это насѣкомое половина движущей силы въ природѣ, выброшенная за окно.

— Пока я еще не угадываю вашей мысли.

— Я увѣренъ въ этомъ, но современемъ вы поймете. Въдѣ всѣ животныя на полѣ и остальные твари созданы для того, чтобы служить человѣку. Что вы скажете объ этомъ?

— Что я скажу объ этомъ? — Спросонокъ я никакъ не могъ понять его.

— Ну, да! А эти отлыниваютъ отъ дѣла, вотъ и все. Половина изъ нихъ кормится даромъ, ничего не дѣлая, чтобы заслужить свое пропитаніе. Теперь вы понимаете меня?

— А какъ же они могли бы заслужить его?

— Посадите ихъ за работу, вотъ идея!

Теперь я уже совсѣмъ проснулся. Это имѣло такой видъ, какъ будто онъ повѣрялъ мнѣ какое-то новое преступное изобрѣтеніе; и обстановка была самая подходящая—полночь, мракъ и мертвая тишина вокругъ.

— Неужели же вы хотите сказать, что и пѣвчихъ птицъ надо отправить на фабрики?

— Именно, именно. Конечно, сейчасъ я только такъ, фантазирую, но современемъ я разработаю эту идею. Видѣли вы когда-нибудь представляющихъ на сценѣ блохъ?

— Нѣтъ; это, кажется, единственное, чего я никогда не видалъ.

— А я, сэръ, видѣлъ. И съ этого момента я сталъ другимъ человѣкомъ. Для тѣхъ господъ, что выводятъ ихъ на сцену, онѣ просто игрушка, но для человѣка, который умѣетъ сложить два и два, такое зрѣлище — то же, что паденіе яблока для Ньютона. Послѣ того, какъ я въ первый разъ увидалъ это, я три ночи не спалъ. Я пошелъ на дешевую выставку въ Бродвэй; тамъ показывали, кромѣ блохъ, еще черкешенку и, если не ошибаюсь, ребенка - математика. Я началъ съ блохъ и послѣ этого уже ни на что другое не смотрѣлъ. Ихъ было съ дюжину разной величины и національности—англійскія блохи, русскія, американскія и такъ далѣе. Тотъ человѣкъ, что показывалъ ихъ, началъ съ того, что сталъ болтать всякій вздоръ о различіи между разными національностями, о томъ, какія блохи лучше и тому подобное; все это сводилось, конечно, къ похваламъ полосамъ и звѣздамъ. Русская блоха, говорилъ онъ, крупна, но лѣнива; англійская—сильна, но упряма; американская—полна живости, энергіи и здраваго смысла. Я прервалъ эту вздорную

болтовню, увѣривъ его, что я шотландецъ. Тогда онъ вынулъ изъ выложенной ватой коробочки новый экземпляръ, будто бы привезенный изъ Шотландіи, и сказалъ, что это самый лучший конь въ его конюшнѣ. Я далъ ему долларъ и попросилъ его не валять дурака; тогда онъ перешелъ прямо къ дѣлу. Вы понимаете, я хотѣлъ себѣ усвоить самую суть, основной принципъ. На блохахъ была упряжь изъ женскихъ волосъ—мужской волосъ для этого слишкомъ грубъ;—у каждой блохи одинъ конецъ волоса былъ обвязанъ вокругъ углубленія на ея тѣлѣ, составляющемъ естественный перехватъ. А затѣмъ, разъ уже блоха у васъ на арканѣ, другой конецъ вы можете привязать къ чему угодно—хотя бы къ картонной каретѣ королевы Викторіи или къ телѣжкѣ мельника. Блоха, разумѣется, рвется на свободу—и вотъ вамъ движущая сила. Когда ее хотятъ заставить приводить въ движеніе мельницу, ее ставятъ противъ колеса, и чѣмъ сильнѣе она рвется убѣжать, тѣмъ быстрѣе вертится колесо. Принципъ вездѣ одинъ и тотъ же—утилизациа движенія во время бѣгства. Новое примѣненіе принципа часового механизма. Разумѣется, сэръ, фокусникъ этотъ ничего не видѣлъ дальше своихъ блохъ, но я то съ перваго взгляда понялъ, какъ можно примѣнить этотъ принципъ въ животной жизни вообще. Я сказалъ себѣ: заставьте животныхъ зарабатывать свое пропитаніе, научитесь утилизировать ихъ рефлексивныя движенія къ выгодѣ человѣка. Это полное разрѣшеніе рабочаго вопроса; нѣтъ больше стачекъ! Съ того момента, какъ мысли мои были отправлены въ эту сторону, я уже не видѣлъ въ природѣ ничего, кромѣ возмутительной лѣни и праздности. Возьмите даже трудящихся животныхъ. Какая польза человѣку отъ труда большинства изъ нихъ? Возьмите, напримѣръ, постройки бобровъ—какой въ нихъ толкъ, съ этой точки зрѣнія? Никакого. Загораживаютъ дорогу и только,—а все потому, что нѣтъ интеллигентнаго существа, которое руководило бы ихъ работами. А муравьи? Я согласенъ, что они слишкомъ малы для того, чтобы дѣлать серьезное дѣло, но за что же восхищаться ими? Я не говорю уже объ ихъ бесполезныхъ дракахъ и войнахъ между собою. Но развѣ когда-нибудь муравей умѣлъ изготовить что-нибудь по части пищи или одежды? Знаете-ли, сэръ, съ тѣхъ поръ, какъ эта мысль засѣла у меня въ головѣ, я пересталъ читать поэтовъ, такъ мнѣ противно было, что они такъ восхищаются этими тварями, совершенно выпуская изъ виду главное. То же самое было со мной, когда я пошелъ въ звѣринецъ,—а въ звѣринецъ я хожу такъ часто, какъ только могу. Мнѣ прямо грустно стало. Только подумать, сколько силы пропадаетъ даромъ въ клѣткѣ обезьянъ! Никогда я не повѣрю, чтобы онѣ способны

были только щелкать орѣхи, да раскачиваться, зацѣпившись хвостомъ за перекладину. Не вѣрю я, чтобы ихъ нельзя было заставить дѣлать что-нибудь другое—не вѣрю и не вѣрю!

Онъ, очевидно, приготовился къ долгой бесѣдѣ, и, взвѣсивъ все, я пересталъ сердиться на него за это. Я думалъ о томъ, что въ этомъ явленіи, такъ сильно огорчающемъ его, есть болѣе глубокій смыслъ, незамѣченный имъ, и что, какъ онъ видѣлъ дальше фокусника, такъ другіе, не лишенные нѣжности къ красотѣ жизни, почти гибнущей отъ избытка эксплуатаціи, могутъ видѣть дальше его. Притомъ же, разъ человѣкъ уже проснулся, ему пріятно почувствовать себя снова живымъ. Ибо, помимо свѣта свѣчи, я видѣлъ въ окно мерцаніе звѣздъ на небѣ, а монотонную рѣчь капитана прерывала иногда ласкающая слухъ пѣсенка ночной птицы.

Зато его эта птица, видимо, прямо-таки бѣсила. „Ну, вотъ ну, вотъ! Видите! повторялъ онъ строго, взывая черезъ открытое окно къ невидимой пѣвицѣ.—Откуда же тебѣ знать, въ чемъ твои обязанности, когда тѣ, кому слѣдуетъ быть умнѣе тебя, всю жизнь только поощряли тебя! Вы читали когда-нибудь книгу: „Птицы Поэтовъ“? Возмутительнѣйшая книга, прямо сердце надрывающая, если взглянуть на нее съ точки зрѣнія предпринимателя и хозяина. Все это пѣніе, къ чему оно? И почему онѣ поютъ съ утра до ночи? Только потому, что некому посадить ихъ за работу. Кто больше всѣхъ свиститъ? Бродяга, праздношатай, слоняющийся по улицамъ. Это скрытая энергія, сэръ, ищущая выхода. Вотъ почему пернатые поднимаютъ такой шумъ и возню въ періодъ любви. Онѣ рады, что у нихъ есть, чѣмъ убить время. Позаботьтесь о развитіи промышленности, и скоро этихъ пѣсень и воркованія значительно поубавится. Посмотрите на Италію, Испанію. Тамъ тоже все любили да ворковали, пока не пошли работать на фабрики. Ну, а теперь въ Каталоніи не очень-то много играютъ на гитарѣ и, если вы любитель кастаньетъ, не совѣтую вамъ ѣздить въ Бильбао. Людямъ нужно дѣло, и когда они не выдѣлываютъ хлопка, или не плавятъ желѣза, они дерутся на дуэляхъ и увозятъ чужихъ женъ. Животное царство полно неиспользованной силы—вотъ мое мнѣніе. Мы не можемъ использовать всю эту силу; до такой ступени умственного развитія мы еще не дошли; но мы можемъ начать, попробовать. Видали вы когда-нибудь облако, повисшее надъ водой не больше, какъ на аршинъ отъ воды и тянущееся иногда на цѣлыя мили? Какъ вы думаете, что это такое? Молоденькія креветки, скачущія взадъ и впередъ, просто для того, чтобы выразить чѣмъ-нибудь свое удовольствіе—милліоны, билліоны, триллионы креветокъ. Вотъ вамъ сила, умѣйте только взять ее. Я не говорю, чтобы

это было возможно въ данномъ случаѣ; я не хочу фантазировать. Я только говорю: какъ бы хорошо было, если бы можно было утилизировать эту силу!

„Будемъ говорить, какъ практическіе люди. Смотрите, какъ собака отвильнула отъ всякаго дѣла въ промышленности. Бывало, она зарабатывала себѣ обѣдъ, жаря обѣдъ своего господина; но и эти времена теперь миновали. Я не говорю, что держать собаку дешевле, чѣмъ купить вертелъ; я имѣю въ виду только принципъ. Что такое представляетъ собою въ настоящее время собака? Машину для того, чтобы лизать руку своего хозяина и лаять, когда кто-нибудь стоитъ у дверей. Своимъ лизаніемъ она не вымоетъ вамъ руки,—напротивъ того, еще послѣ нея нужно мыть руки. И если привратникъ настолько глухъ, что не услышитъ звонка, онъ не услышитъ и собачьяго лая. Собака—чистѣйшій дармоѣдъ, и если она выказываетъ намъ привязанность, то лишь для того, чтобы выманить у насъ сытный завтракъ. Къ чему вся это бѣготня взадъ и впередъ, безъ всякой надобности, всѣ эти скачки и прыжки? Напрасная трата силъ и ничего больше. Единственные умные люди—голландцы и эскимосы. Они сумѣли утилизировать собаку. Надѣньте на нее упряжь, и она скоро перестанетъ метаться и рвать вамъ фалды.—Что касается кошекъ, мнѣ прямо стыдно за нихъ и еще больше стыдно за людей, поощряющихъ ихъ къ такому бесполезному времяпрепровожденію.

„Во многихъ домахъ кошки даже не ловятъ мышей; это дѣлается съ помощью мышеловокъ. Балованное животное—общій любимецъ въ домѣ—есть экономическій абсурдъ. Вы знаете, какъ я понимаю пѣніе птицъ въ клѣткахъ? Онѣ потѣшаются надъ человѣкомъ при мысли, что онъ кормитъ ихъ на свой счетъ. Всему можно найти примѣненіе: даже черепаха, если вы умѣете обходиться съ ней, будетъ предсказывать вамъ погоду. Сэръ, я желалъ бы искоренить праздность среди животныхъ—даже у змѣй. Ищейки когда-то замѣняли полицію. Приставьте ихъ опять къ этому дѣлу. Дайте имъ форму, если хотите—синій мундиръ. Всюду скрыта сила; возьмите, напримеръ, хвостъ аллигатора, развѣ онъ не крѣпче всякаго молота? А что вы скажете объ идеѣ заставить гиппопотамовъ ломать тростники? Я-бы всѣ зоологическіе сады превратилъ въ фабрики.—Клянусь Богомъ, превратилъ-бы! И каждое животное заставилъ бы что-нибудь дѣлать, зарабатывать себѣ пропитаніе. Нѣтъ пѣсень, нѣтъ и ужина. Бѣлки у меня сучили бы нитки, жирафы доставали бы вещи съ верхнихъ полокъ. Вначалѣ отъ этого, конечно, былъ бы убытокъ, какъ отъ работы заключенныхъ въ тюрьмахъ, но скоро мы бы научились вести дѣло такъ, чтобы оно окупалось“.

Его какъ будто начинало клонить ко сну, но я былъ совершенно бодръ, и мнѣ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ. Мое любопытство, повидимому, льстило ему, и онъ опять подбодрился.

— Надо бы продѣлать такой опытъ, начавъ съ малаго и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ некому надъ вами смѣяться. Что же? Это-же опытъ, какъ и всякій другой; сначала вы будете вести дѣло шутя, ошупью, на собственный страхъ. Надо только выбрать глухое мѣстечко; собственно говоря, этотъ островъ вполне годился-бы. Въ самомъ дѣлѣ, почему-бы не здѣсь, а?

Онъ сѣлъ на постели, выпрямился и устремилъ на меня пристальный взоръ изобрѣтателя.

— Мѣсто здѣсь тихое; народу мало; вы не идете въ счетъ—вы понимаете, что я хочу сказать—вамъ нечего терять. Только подумайте: въ одинъ прекрасный день вы можете послать свои образчики животной мануфактуры на одну изъ европейскихъ выставокъ, и вы сразу станете восьмымъ чудомъ свѣта. Что вы дѣлаете, напримѣръ, съ вашими козами? Почему не попробовать запрягать ихъ? Я имѣю въ виду настоящее дѣло, а не ребяческую забаву. Устроить, напримѣръ, сообщеніе на козахъ отъ здѣшняго дома вдоль гребня холмовъ и до подножія Пика? А плата за проѣздъ картофелемъ, если вы уже предпочитаете обходиться безъ денегъ. Здѣсь у васъ всюду кругомъ живая жизнь, сэръ,—а жизнь это сила. Ваши морскія птицы, напримѣръ,—вѣдь жалко смотрѣть. Ужъ ихъ-то можно было бы сколько-нибудь утилизировать. Составьте счастливое семейство въ новомъ стилѣ—кошку, собаку, гвинейскую свинку и всякую домашнюю птицу, посадите ихъ всѣхъ за дѣло, чтобы онѣ не куксились, и заставьте ихъ дѣлать что-нибудь такое, что можно продавать на аршины. А затѣмъ, поѣзжайте читать лекціи по всѣмъ государствамъ объ утилизаціи рефлективной и мышечной дѣятельности у животныхъ. Вы наживете громадное состояніе, а затѣмъ безъ труда можете составить компанію на акціяхъ для разработки вашей идеи. Жалко, у васъ нѣтъ обезьянъ, но зато птицъ, птицъ! Вотъ я только до сихъ поръ не могу придумать, что дѣлать съ птицами,—пробормоталъ онъ, когда за окномъ снова прозвучала жалобная нотка одной пѣвуньи.

— Не могу придумать, да и только.

На этомъ словѣ онъ опять завернулъ краѣ и моментально уснулъ.

XXIV.

Замѣтка въ газетѣ.

Отъ меня сонъ бѣжалъ. На меня проектъ американца произвелъ впечатлѣніе рѣшительнаго удара, вѣроломно разрушающаго счастье островитянъ. Я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы испортить здѣшнихъ людей, и сдѣлалъ бы еще больше, если бы Викторія съ своимъ *caveat* не возстала противъ этого преступленія; а вотъ этотъ спящій человекъ, логически развивая мою мысль, готовъ былъ развратить и испортить здѣсь все живое.

Это была удручающая мысль и я сталъ озираться вокругъ, не найдется-ли, чѣмъ отогнать ее. На стулѣ лежала пачка газетъ, привезенныхъ капитаномъ; я взялъ ихъ и началъ читать, надѣясь, что это нагонитъ на меня сонъ.

Я съ такимъ же успѣхомъ могъ бы принять кофе, вмѣсто усыпительнаго. Какъ только я взялся за эти роковыя страницы, жизнь, во всей ея мелочности, хлынула на меня волнами, съ оглушительнымъ шумомъ, изъ всѣхъ частей свѣта. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ душевнаго карантина, я опять былъ въ толпѣ, шумной, лихорадочно дѣятельной. Я точно пришелъ въ себя послѣ хлороформированія; въ вискахъ у меня стучало, каждое бѣненіе пульса причиняло боль. Я пробѣгалъ столбецъ за столбцомъ, страницу за страницей. Я утратилъ способность выбирать, вездѣ было одно и то же, и все производило на меня потрясающее впечатлѣніе. Я отдѣлялъ Европу отъ Америки, Африку отъ Азіи, но въ то же время каждая изъ этихъ странъ представлялась мнѣ только огромной массой, кружащейся въ вихрѣ. Самый шаръ земной, со всѣми морями и континентами, какъ-то вдругъ сорвался съ своей оси и со свистомъ проносился мимо меня, между тѣмъ, какъ я лежалъ на облакѣ, въ пространствѣ. Не только вся масса его была въ движеніи, но и каждая частица въ отдѣльности. Это былъ огромный катящійся сыръ, насквозь гнилой и вонючій,—міръ, полный низкихъ чувствъ и думъ, даже не міръ, а просто возвеличенный задній дворъ, со всѣми его мошенничествами, воровствомъ, ложью, жестокостями, мелкими заботами и мелкимъ честолюбіемъ, помноженными само на себя и одно на другое и составившими одно цѣлое. Только красотѣ и добру не было мѣста въ этомъ цѣломъ, но такіа бездѣлицы, какъ добро и красота, не шли въ счетъ.

Я не зналъ, съ чего начать: выбирать было невозможно; я читалъ все, что попадалось. „Разбои на большихъ доро-

гахъ“; „Толпы пришлыхъ рабочихъ бѣдняковъ, бродящія по улицамъ Сити“; — „Насилія надъ англійскими рыбаками“; — „Парламентскія извѣстія—исключеніе двухъ членовъ“; — „Афганистанъ—пятьсотъ убитыхъ“; — „Беспорядки въ Ирландіи; размноженная голова полисмента“; — „Выселеніе неоплатныхъ должниковъ; смерть старухи на улицѣ“; — „Пожаръ въ театрѣ—сто человѣческихъ жертвъ“; — „Жестокое обращеніе съ мальчикомъ“. Это вѣсти изъ Англій. Еще ужаснѣ американскія новости, съ ихъ насмѣшливыми заголовками, дышущими убійственной ироніей, словно все горе и безуміе міра не что иное, какъ колоссальная, чудовищная шутка. — „Переселенцы, продаваемые, какъ скотъ“; „Страшная желѣзно-дорожная катастрофа; рельсы сняты спекуляторами и нѣтъ денегъ на ремонтъ“; — „Несвареніе желудка у м-ра Чоуна; пріобрѣтеніе милліоновъ дурно отражается на желудкѣ“; — „Неунывающий американецъ, еженедѣльно пишущій письма въ газеты съ просьбой ссудить ему 50.000 ф. на открытіе новой газеты“; — „Нѣтъ праздника для богатѣйшаго холостяка Филадельфіи, не могущаго оторваться отъ дѣлъ даже и для обѣдни“; — „Чрезмѣрная экономія превращаетъ лечебницу умалишенныхъ въ разсадникъ эпидеміи“; — „Послѣдняя новость въ области воровства“; — „Соціалисты, громящіе ренегатство“; — „Карболовая кислота—не святая вода“; — „Чудесные рассказы о высшей великобританской аристократіи“; — „Благоденствіе страны; дама съ тридцатью восьмью сундуками“; и т. д., и т. д.

Какъ вдругъ, въ одной изъ англійскихъ газетъ, мнѣ бросилось въ глаза мое собственное имя.

„Въ газетахъ до сихъ поръ появлялись совершенно невѣрные свѣдѣнія объ исчезновеніи бѣднаго лорда.—Онъ пропалъ безъ вѣсти или, по крайней мѣрѣ, уѣхалъ изъ дому уже почти годъ тому назадъ, а не „около двухъ мѣсяцевъ“, какъ утверждаютъ *иные*. Семейство лорда приняло мѣры къ тому, чтобы вѣсть о его исчезновеніи не проникла въ газеты; потому, вѣроятно, органъ м-ра Генри и получилъ такіа неточныя свѣдѣнія. Другіе органы, лучше освѣдомленные, молчали, не желая вызывать въ обществѣ излишнюю тревогу“.

„Несомнѣнно одно—что ударъ былъ слишкомъ тяжелъ для вдовствующей графини, и состояніе ея здоровья внушаетъ серьезныя опасенія. Лордъ—ея любимый сынъ. Сообщаютъ, что, со времени выѣзда изъ Англій, онъ писалъ ей одинъ только разъ. Это невѣрно. Вначалѣ онъ часто писалъ изъ Парижа, а также изъ Генуи“.

„Письмо изъ Генуи нѣсколько загадочно:—„Предпринимаю новую экскурсію; дамъ знать по возвращеніи“. Такая таинственность, естественно, встревожила графиню. Обратились къ помощи полиціи, пожалуй слишкомъ рано, и узнали, что молодого лорда видѣли въ Женевѣ въ довольно сомнительномъ обществѣ. Вдовствующая графиня тотчасъ-же вывела изъ этого заключеніе, что сынъ ея попалъ въ сѣти нигилистовъ. Съ этой минуты она отказывается вѣрить, что онъ живъ, и хотя ей было показано слѣдующее письмо съ его подписью, она не признаетъ почерка за почеркъ своего сына...“

„Газета мистера Генри вдвойнѣ неправа, говоря, что лордъ ни разу не давалъ о себѣ знать послѣ письма изъ Генуи. Нѣсколько недѣль тому назадъ о немъ были получены исполнѣ опредѣленные свѣдѣнія нѣсколько необычнымъ путемъ. Во время своего послѣдняго рейса въ южныхъ моряхъ корабль Ея Величества „Ролло“ зашелъ на одинъ изъ острововъ (мы не помнимъ названія) и здѣсь нашелъ пропавшаго безъ вѣсти молодого человѣка здоровымъ и невредимымъ физически и морально. Онъ подпалъ обаянію одной туземной красавицы и, если не ошибаемся, намѣренъ подвергнуть себя татуировкѣ въ видѣ подготовительной мѣры къ вступленію въ составъ племени. Онъ просилъ передать его привѣтъ и любовь всѣмъ роднымъ, но его невозможно было убѣдить дать обѣщаніе вернуться немедленно“.

„Вдовствующей графинѣ передали привѣтъ отъ сына, но она продолжаетъ упорствовать въ своемъ недовѣріи. Она убѣждена, что лордъ палъ жертвою измѣны въ Генуѣ или Женевѣ и что всѣ письма и сообщенія отъ его имени подложныя. Это заблужденіе матери—единственная серьезная черта во всемъ дѣлѣ. Все сообщенное—факты; если газета мистера Генри согласится признать ихъ за таковыя, она окажетъ несомнѣнную услугу своимъ читателямъ. Въ дополненіе мы можемъ сообщить ей, что—корть закрытъ для посѣтителей“.

XXV.

Снова разставаніе.

Я выронилъ газету и усталъ въ стѣну; такъ я пролежалъ съ раскрытыми глазами вплоть до разсвѣта. Глаза у меня мучительно болѣли. Каковы были мои мысли, понятно

само собою. Это были даже не мысли, а щемящія сердце угрызенія.

Я вскочилъ съ постели, поспѣшно одѣлся, захватилъ газету, чтобы она какъ-нибудь не затерялась во время уборки комнаты, и пошелъ искать Викторію.

Я встрѣтилъ ее почти на порогѣ, свѣжею, какъ утро, только что послѣ купанья въ морѣ и, не здороваясь, сунулъ ей въ руки газету, со словами: „Викторія, что мнѣ дѣлать?“

Я слѣдилъ за ея лицомъ, пока она читала, и видѣлъ, какъ всѣ краски юности и здоровья внезапно померкли и смѣнились пепельною блѣдностью. Въ этой перемѣнѣ было что-то такое жуткое, что я, не говоря ни слова, ушелъ.

Вернувшись домой, я засталъ старика губернатора и шкипера вдвоемъ передъ остатками завтрака. Викторія, повидимому, отнеслась къ своимъ обязанностямъ хозяйки такъ же добросовѣстно, какъ будто ничего не случилось. Старикъ торопилъ меня ѣсть; я отломилъ кусочекъ хлѣба.

— Нынче утромъ, кажется, ни у кого нѣтъ аппетита, кромѣ насъ съ вами, капитанъ,—замѣтилъ онъ.—Я не могу понять, что случилось съ моей дѣвочкой.

Послѣдовало мертвое молчаніе. Я не хотѣлъ отвѣчать, капитанъ не могъ. Онъ, казалось, питалъ инстинктивное отвращеніе къ положеніямъ подобнаго рода и поспѣшилъ вернуться къ разговору, прерванному моимъ приходомъ.

— Да, сэръ, завтра утромъ мы снова въ путь, конченъ будетъ ремонтъ, или нѣтъ. Пора. Я держалъ очень крупное пари относительно этого путешествія. Дѣло въ томъ, чтобы объѣхать вокругъ свѣта въ извѣстное число дней. Не удерживайте меня; не то я проиграю пари.

Вошла Викторія. Румянецъ еще не вернулся на ея щеки, но болѣзненная блѣдность исчезла. Она казалась совершенно спокойной.

— Нашъ гость уѣзжаетъ утромъ, дѣвочка, сказалъ старикъ.—Разскажи ему, какъ мы не любимъ прощаться.

— Оба наши гостя уѣзжаютъ, отецъ,—былъ отвѣтъ Викторіи.

Строгое спокойствіе этихъ словъ, казалось, исключало возраженія. Я могъ только смотрѣть на нее. Старикъ онѣмѣлъ отъ удивленія и только переводилъ глаза съ дочери на меня и обратно. Даже капитанъ, кажется, понялъ, что тутъ происходитъ нѣчто не обыкновенное.

— Оба уѣзжаютъ,—повторилъ старикъ, помолчавъ.—Значитъ вы, сэръ...

— Отецъ мой, ласково сказала Викторія,—я знаю, что говорю, и нашъ другъ тоже знаетъ. Онъ долженъ ѣхать. Поблагодаримъ Бога за то, что онъ оставался съ нами такъ долго.

— Но что же случилось?—допытывался старикъ. Чѣмъ мы ему не угодили? Я всегда старался, чтобы онъ чувствовалъ себя здѣсь полнымъ хозяиномъ.

— Дорогой, дорогой другъ!...—Я взялъ и крѣпко пожалъ его честную руку. Говорить я не могъ.

— Видишь ли, отецъ,—начала Викторія, подойдя ближе и цѣлуя старика,—нашъ другъ живетъ не одною съ нами жизнью. У него есть родные, семья, и эта семья призываетъ его. Она призвала его все время, пока онъ былъ съ нами и прошлую ночью голосъ ея достигъ его слуха, обойдя полмира. Настало время проститься, и только. Рано или поздно у насъ всегда этимъ кончается. Нашъ островокъ—пріютъ разставанія, и Богъ судилъ намъ жить одинокими.

— Если бы я только зналъ, чѣмъ мы его обидѣли,—уныло повторилъ старикъ.

— Отецъ, постарайся же понять, сказала Викторія, снова нѣжно цѣлуя его,—посмотри, что здѣсь написано.—Она подала ему газету.—Но ты не можешь понять вполне, что это значить. Я объясню тебѣ, если наши друзья оставятъ насъ на время однихъ.

Мы вышли. Капитанъ, чувствуя, что разобраться въ происходящемъ ему не подъ силу, молчалъ и зорко слѣдилъ за мною. Я въ нѣсколькихъ словахъ удовлетворилъ его естественное любопытство. Мнѣ легче было говорить, чѣмъ молчать; это немножко облегчало. Но найти облегченіе тому, что терзало меня въ глубинѣ души, я не могъ. Я жаждалъ чего-нибудь необыкновеннаго, что вырвало бы меня изъ этого нравственного оцѣпенѣнія. Мое желаніе исполнилось, какъ только мы вступили въ поселокъ. Та же дѣвочка, которая была вѣстникомъ моего прибытія, теперь возвѣщала всѣмъ о моемъ отъѣздѣ. Она была любимицею Викторіи, и, вѣроятно, та, принявъ рѣшеніе, намекнула ей о происшедшемъ. Какъ бы тамъ ни было, дѣвочка вихремъ носилась изъ дома въ домъ, какъ въ тотъ незабвенный день, когда она кричала: „Мама, мама,—лордъ“! Повторилась та же сцена, что и тогда, но съ нѣкоторою разницею—люди выходили изъ домовъ, женщины плакали, мужчины тѣснились около меня, пожимая мнѣ руки, и всѣ задавали вопросы въ третьемъ лицѣ, хотя обращались какъ будто ко мнѣ: „почему онъ уѣзжаетъ? что случилось? какъ онъ получилъ извѣстіе? Бѣдная мать. Проститъ ли она намъ когда-нибудь? Тринадцать тысячъ миль! Надо взять съ него слово вернуться. Что же будетъ дѣлать Викторія? Другіе уже бѣжали къ намъ съ далекихъ полей, бросивъ работу, лишь только до нихъ донеслась печальная вѣсть“. Дѣла на этотъ день были оставлены.

Немного погодя, къ намъ присоединился и губернаторъ.

Онъ поднялъ руку, и всѣ островитяне собрались вокругъ него, словно дѣти. Это былъ импровизированный митингъ.

— Друзья, сказалъ старикъ, мы теряемъ брата. Я надѣялся удержать его здѣсь навсегда, но Викторія говоритъ, что онъ долженъ ѣхать. Я надѣялся, что онъ забудетъ дорогу домой и родину, оставленную имъ позади, но случилось нѣчто, напомнившее ему объ этомъ. Даже и теперь, я не знаю хорошенько, что это такое, но нѣчто произошло. Я думаю, женщины поймутъ это лучше насъ. Я надѣялся, что онъ останется съ нами и будетъ нашимъ руководителемъ и наставникомъ, а мнѣ дать отдохнуть. Мы нуждаемся въ человѣкѣ, который показалъ бы намъ, какъ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Нѣкоторые говорятъ, что мы счастливы въ своемъ невѣдѣніи—кто можетъ это сказать? Мы, точно дѣти, никогда не сидѣвшія на колѣняхъ у матери. Онъ могъ бы указать намъ путь. Я не могу просить его остаться, Викторія говоритъ, что ему нужно ѣхать, а Викторія знаетъ. (Голоса: „да, Викторія знаетъ“). Если бы я могъ просить его, я бы сказалъ: возьми все, что хочешь—все, что въ нашей власти дать тебѣ—мое званіе губернатора, мой участокъ земли...

— Отдать ему длинное поле, что за холмами,—слышны голоса.—Построить для него домъ. Сдѣлать его на будущій годъ губернаторомъ. Пусть будутъ два губернатора.

Всѣ обращались ко мнѣ. Я качалъ головою. Дѣти съ плачемъ столпились вокругъ меня, и скоро въ хоръ ихъ звонкихъ дискантовъ замѣшались болѣе глубокія ноты скорби. Какъ описать словами все уныніе этой сцены? Я чувствовалъ тоже, что и раньше—безумную жалость къ этимъ страданіямъ, которыя, повидимому, должны были быть ихъ удѣломъ.

Чтобы остановить этотъ потокъ скорби, нужно было чье нибудь властное слово, и оно было сказано. Пришла Викторія, безъ слезъ, съ тѣмъ самымъ выраженіемъ на лицѣ, какое я поймалъ у нея въ тотъ моментъ, когда она спасла мою жизнь въ пещерѣ. Она вошла въ кругъ и, отстранивъ отца, стала на его мѣсто. Послѣ этого всѣ жалобы смолкли, и толпа словно растаяла.

Съ этого момента Викторія сдѣлалась какъ бы руководительницею остальныхъ. Никто не задумывался повиноваться ея приказаніямъ,—вѣрнѣе говоря, даже не приказаніямъ, а властнымъ желаніямъ, которыя всѣ угадывали.

Сразу какъ-то стало понятно, что капитанъ долженъ доставить меня въ Европу, хотя его даже не просили объ этомъ. Точно также не спрашивали меня, хочу ли я ѣхать на его кораблѣ. Викторія сама распоряжалась приготовленіями къ моему отъѣзду, выказывая энергію, достойную рѣшительнаго момента въ битвѣ. Она оставалась на берегу все время, пока ки-

толовное судно разѣзжало взадъ и впередъ, перевоза съ берега на корабль вымѣненное нами у американцевъ и американцами у насъ. Значительную часть груза составляли подарки, поднесенные мнѣ островитянами. Я не привезъ на островъ ничего, кромѣ того, что было на мнѣ одѣто, и пачки банковыхъ билетовъ, изъ которыхъ губернаторъ не согласился взять ни одного. Это позволило мнѣ сдѣлать нѣкоторыя покупки на англійскомъ кораблѣ, съ цѣлью пополнить мой гардеробъ, и теперь приобрести у заѣзжихъ янки кое-что въ подарокъ моимъ великодушнымъ хозяевамъ.

Суета и хлопоты, связанныя съ приготовленіями къ отѣзду, заставили на время позабыть о тоскѣ разставанія. Но вечеромъ, когда всѣ собрались на лужайкѣ, освѣщенной луною, чтобы спѣть мнѣ прощальныя пѣсни, тоска эта вернулась съ удвоенною силою. Здѣсь были всѣ островитяне, кромѣ одной; Викторіи нигдѣ не могли найти. Всѣ пришли съ веселыми лицами. Я зналъ, что завтра, въ моментъ прощанія, ихъ скорбь проснется снова и что разлука будетъ горька, но эти дѣти природы живутъ минутою. Ребятишки играли и болтали между собой, и въ тихомъ разговорѣ старцевъ не слышно было печальныхъ нотъ. Если бы въ это время сіяло солнце, эта сцена могла бы показаться даже веселой, и, если при лунномъ свѣтѣ она производила грустное впечатлѣніе, то лишь въ силу ассоціаціи идей. Пѣли все, что, по ихъ мнѣнію, могло понравиться мнѣ, все, что я любилъ—разумѣется, больше веселыя пѣсни; но мнѣ онѣ казались грустными. Безукоризненно чистые голоса сливались въ стройный хоръ. Наконецъ среди глубокаго безмолвія ночи, зазвучала послѣдняя пѣсня, самая моя любимая—пѣснь разлуки и смерти, съ припѣвомъ: „Когда меня не будетъ, когда меня не будетъ“.

Не дослушавъ второй строфы, я оставилъ свое мѣсто и укрылся въ тѣни. Сердце мое разрывалось на части. Такого горя, такой безумной тоски, я не испытывалъ еще никогда въ жизни.

XXVI.

Объясненіе.

Я шелъ все дальше и дальше, съ невыразимымъ отчаяніемъ въ душѣ, облегчаемымъ только одною мыслью, одною надеждой—найти Викторію. Мнѣ недолго пришлось искать ее: ея стройная фигура явственно вырисовывалась на свѣтломъ небѣ надъ Пикомъ.

Она повернулась ко мнѣ съ серьезной улыбкой на губахъ.

— Вы ушли раньше, чѣмъ это кончилось; я была умнѣе васъ—я ушла раньше, чѣмъ началось. У насъ столько всякихъ церемоній при прощаніи—это, должно быть, оттого, что мы дикари. Пока насъ не научили быть христіанами, мы подымали такую же суету всякій разъ, какъ кто-нибудь умиралъ.

— Развѣ это прощаніе, Викторія? Я прямо не знаю, что это такое. Это похоже скорѣе на увольненіе, даже безъ прощальнаго привѣта. Вы точно гоните меня.

— Я, дѣйствительно, гоню васъ.—Голосъ ея дрогнулъ, но она тотчасъ же овладѣла собой.—Да, я хочу имѣть право сказать себѣ, что, когда время пришло, я велѣла вамъ ѣхать.

Сердце мое защемило острой болью, но не сожалѣнія, а какого-то ревниваго бѣшенства.

— Вы очень тщательно слѣдите за тѣмъ, чтобы все дѣлалось въ свое время и въ пору, Викторія. Можетъ быть, я и такъ уже слишкомъ долго зажился у васъ?

— Можетъ быть.—Въ голосѣ ея звучали низкія бархатныя ноты, но онъ былъ попрежнему твердъ. Затѣмъ она прибавила, какъ бы поясняя свою мысль:

— Будь у меня всѣ самыя уважительныя причины удерживать васъ, милый, дорогой другъ, вы всетаки должны ѣхать, чтобы спасти жизнь вашей матери. Вы чувствуете уважительность этой причины не меньше, чѣмъ я. Зачѣмъ же искать другой?

— Это можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для меня, чтобы уѣхать, но не для васъ, чтобы гнать меня.

— Развѣ мало у меня основаній помимо этого? Всѣ покидаютъ насъ, все проходитъ мимо насъ; только мы одни обречены жить здѣсь, прикованы къ нашему острову. Кто бы ни пріѣхалъ къ намъ, непременно уѣдетъ. Къ чему надѣяться удержать, когда конецъ все равно одинъ? Богъ судилъ намъ одиночество: покоримся Его волѣ. Ничто не могло бы удержать васъ здѣсь; видно, такъ ужъ суждено. Вѣдь не остались же другіе!

При этихъ словахъ, боль, почти утихшая, снова, словно тисками, сжала мнѣ сердце.

— Бездушная, жестокая!—вскричалъ я, въ порывѣ мучительной злобы.—Вы никогда не старались удержать меня. Затѣмъ вы, хотя бы изъ жалости, не дали мнѣ умереть, когда волны прибили меня къ берегу?

Она посмотрѣла на меня—при невѣрномъ свѣтѣ луны я не могъ хорошенько рассмотреть выраженія ея глазъ—выпрямилась, сложила руки за спиной и повернулась лицомъ къ морю.

Мучительная злоба въ моей душѣ не улеглась и послѣ этого отпора, хоть я и чувствовалъ, что заслужилъ его. Я

совершенно ясно сознавалъ, что играю въ глазахъ Викторіи жалкую роль, и въ то же время совершенно не въ состояніи былъ сдержать себя. Мука сознанія, что я теряю ее, что я для нея ничто, пересиливала всѣ болѣе благородныя чувства. Чѣмъ яснѣе я чувствовалъ, какъ унижительно такое отсутствіе выдержки, тѣмъ неудержимѣе и грубѣе мое чувство рвалось наружу. Я ощущалъ только нестерпимую боль утраты и, позабывъ всѣ свои прекрасныя рѣшенія отнестись къ ней съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ, какъ мнѣ казалось, она относится ко мнѣ, я схватилъ ее въ свои объятія и цѣловалъ, цѣловалъ страстно, безъ конца, ея губы, глаза, лобъ, пока она не опустилась безсильно на первый попавшійся камень. То былъ не первый робкій поцѣлуй наступешской идилии, но градъ поцѣлуевъ, сыплющихся одинъ за другимъ, какъ удары. Въ нихъ была не только любовь, но и гнѣвъ. Я чувствовалъ въ эту минуту, что я какъ будто сдѣлался игрушкой ея невинности. Я все время старался превзойти ее въ нѣжности, великодушіи, сдержанности, и изъ-за этого все потерялъ. Такъ я понимаю свое состояніе теперь, но въ тотъ моментъ я дѣйствовалъ совсѣмъ какъ безумный, безъ всякаго сознательнаго мотива. Звѣрь, сидящій въ каждомъ изъ насъ и только наполовину сдерживаемый законами, привычками и обычаями, казалось, неожиданно оборвалъ свою цѣпь и вырвался на свободу.

Но, если самъ я былъ удивленъ своей дерзостью, то еще больше удивился я тому, какое впечатлѣніе она произвела на Викторію. Дѣвушка поникла головкой и вся какъ-то опустилась; въ ней не было и тѣни сопротивленія. Уста ея раскрылись, безъ слова, безъ звука, но во взорѣ, встрѣтившемъ мой гнѣвный взоръ, свѣтилась безконечная нѣжность, и когда она заговорила, вотъ что я услышалъ:

— О, я люблю васъ, люблю—больше жизни люблю; а вы никогда не полюбите меня, и завтра вы уѣдете отъ меня навсегда.

Слово было сказано, и взять его назадъ было уже нельзя. Напрасно Викторія, овладѣвъ собой почти такъ же быстро, какъ она утратила самообладаніе, вырвалась изъ моихъ объятій; руки мои снова и снова жадно тянулись къ ней.

Она сидѣла, молча, и я не могъ не чувствовать, что она подавлена стыдомъ. Съ минуту я тоже молчалъ. Мы оба были словно ошеломлены этимъ неожиданнымъ признаніемъ. Викторія сказала то, чего никогда не намѣревалась сказать; я услышалъ то, чего не надѣялся услышать. Если я ждалъ чего-нибудь—хотя я, положительно, увѣренъ, что я ничего не ждалъ—то скорѣе гнѣва и рѣзкаго отпора.

Ко мнѣ первому вернулась способность рѣчи, если не само-

обладаніе. Я взялъ ее за руку; благодаря Бога, у меня хватило ума и чувства не требовать отъ нея поцѣлуевъ на основаніи того, что произошло. Я пытался сказать ей кое-что изъ того, что мнѣ такъ хотѣлось сказать ей во всѣ эти томительно долгіе дни—какъ во мнѣ зародилась любовь къ ней, вначалѣ подѣ влияніемъ ея дивной красоты, ея голоса и обращенія, какъ потомъ обаяніе ея души довершило начатое и превратило увлеченіе въ законъ бытія.

Она слушала, и я видѣлъ, что стыдъ ея мало-по-малу проходитъ. Рука, которую я держалъ въ своихъ, отвѣчала мнѣ пожатіемъ на пожатіе, и я испытывалъ нервную дрожь отъ прикосновенія другой руки къ моимъ волосамъ и лбу.

Она заговорила, наконецъ:

— Выслушайте меня, дорогой другъ; теперь нужно говорить все, до конца. Слишкомъ поздно бранить васъ за то, что произошло, или меня—за то, что я допустила это. Такъ, видно, суждено. Ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ, знающій, какъ я боролась, не могъ бы сердиться на меня, ни даже...

Я не могъ позволить ей произнести это имя.

— Не говорите о немъ! Что онъ для васъ? чѣмъ можетъ онъ быть для васъ? Развѣ онъ стоитъ васъ?

Но она положила пальчикъ мнѣ на губы.

— Я знаю. Мое сердце—ваше, но руку мою я могу отдать лишь съ его разрѣшенія.

— Викторія!

— О! слушайте-же, слушайте меня и сидите смирно! Я знаю все, знаю, что нужно сказать и что нужно дѣлать.

— Когда вы пріѣхали сюда, мое сердце принадлежало ему, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что оно принадлежитъ ему. Я думала, что онъ унесетъ съ собою мое сердце въ далекій міръ—вашъ міръ, или сосѣдній съ нимъ—не все-ли равно? они оба одинаково далеки отъ насъ. Не знаю, что я чувствовала къ вамъ, знаю только, что мое чувство было искреннее и хорошее. Развѣ дурно было съ моей стороны полюбить васъ? Развѣ можно знать васъ и не любить? Вы говорили со мной, какъ никто не говорилъ со мной раньше. Вы знаете, кажется, все на свѣтѣ. Мнѣ хотѣлось только слушать васъ, оставаясь вѣрной ему. Я надѣялась на себя, думала, что я сумѣю остаться вѣрной. У насъ на островѣ не вѣмъ знакома такого рода вѣрность. У насъ смѣшанная кровь; мы—англичане, но съ примѣсью еще кое-чего. Меня съ ранней юности шокировало, когда я видѣла; какъ быстро нѣкоторые умѣютъ забывать. Мы чувствуемъ такъ живо, такъ быстро поддаемся чувству, но пройдетъ моментъ—и чувства нѣтъ. Я считала себя выше другихъ дѣвушекъ; я дрожала при мысли, что я могу стать такой, какъ

онѣ: Моя любовь была частью моего уваженія къ самой себѣ. Половина нашихъ женщинъ дарятъ морякамъ залогомъ любви, увозимые вдаль на королевскихъ судахъ, и все же кончаютъ тѣмъ, что становятся женами и матерями здѣсь, на островѣ. Я не могла, не хотѣла поступить какъ онѣ.

— Я не осуждала ихъ, я жалѣла. Когда сюда ходятъ королевскіе корабли, это такое великолѣпное зрѣлище! Кажется, будто молодые люди, приѣзжающіе на этихъ корабляхъ, падаютъ съ неба,—точно боги въ мифологіи, сходящіе на землю.

— Когда я увидѣла васъ впервые, я не знала, что будетъ такъ, какъ вышло. Я была увѣрена въ себѣ и еще больше была увѣрена въ васъ. Потомъ, не сразу, понемножку, понемножку все измѣнилось, хотя, еслибъ вы не заговорили тогда, я бы, можетъ быть, такъ и не узнала объ этой переменѣ. Да когда и узнала, мнѣ все таки казалось, что еще не поздно. Моя гордость была очень велика; я не знала, какъ велика моя слабость. Я ходила каждый день туда—въ рощу, и молилась, чтобы онъ вернулся ко мнѣ. Я старалась закрыть для васъ мое сердце, не закрывая души. Вы такъ добры! вы заставили меня думать, что это мнѣ удалось. Вы старались убѣдить меня въ этомъ; я видѣла, что вы стараетесь, и ваша доброта только ухудшала и ухудшала дѣло.

— Потомъ, я почувствовала, что моя увѣренность въ себѣ исчезаетъ. Я пыталась держаться вдали отъ васъ, но—знать, что вы здѣсь, близко, и не видѣть васъ, не говорить съ вами—отъ этого весь міръ казался мнѣ холоднымъ и мертвымъ. И я шла искать васъ; я каждый разъ добровольно возвращалась къ вамъ, желая сохранить все мое счастье цѣликомъ, когда мнѣ нужно было выбрать, какою долей его пожертвовать.

— Викторія, еслибъ я только зналъ, еслибъ я понималъ!

— О, какой ужасъ, если вы считали меня легкомысленной, играющей вами! Я хотѣла только одного—любить васъ, сколько смѣю, не давая вамъ любить меня больше чѣмъ слѣдовало. Мнѣ надо было сдѣлать то, что я теперь считаю своимъ долгомъ сдѣлать—отослать васъ домой, заставить васъ уѣхать, ради обоихъ насъ. Но я не сразу поняла это.... Простите меня, дорогой другъ,—пожалуйте и простите!

— Я опять стала молить небо о помощи, и вы видите—помощь явилась! Мы оба, можетъ быть, оказались бы слишкомъ слабы для такой жертвы, и вотъ, эта жертва сдѣлалась неизбежной, помимо нашей воли. Вы должны ѣхать.

— Я вернусь, вернусь, чтобы предъявить свои права на васъ, моя Викторія. Я привезу вамъ обратно ваше слово, которое вернетъ вамъ свободу, и возьму васъ—хотите вы этого, или нѣтъ.

— Вы никогда не вернетесь,—сказала она тономъ, какъ бы исключавшимъ и надежду, и отчаяніе.—Она повернула мое лицо къ свѣту и вглядывалась въ него любящими, но сухими глазами.—Вы не должны возвращаться, ваше мѣсто тамъ въ большомъ мірѣ—бѣдномъ, маленькомъ большомъ мірѣ! Приучите себя думать, что есть нѣчто выше и благороднѣе любви къ одному—жалость ко всѣмъ. Поѣзжайте и живите для тѣхъ бѣдняковъ, о которыхъ вы мнѣ рассказывали.

— Это мнѣ не по силамъ; я могу только умереть за нихъ—самое большее.

— И все же—я знаю, что говорю—другіе имѣютъ на васъ больше правъ; ваше положеніе...

— О, Викторія, неужели вы такого низкаго мнѣнія обо мнѣ? Вы отсылаете меня домой—для чего? Для того, чтобы я вернулся къ карьерѣ „англійскаго джентльмена“ и скрылъ свой стыдъ за свое умственное и нравственное убожество подъ личиной добродѣтелей этого жалкаго существа?

— Не знаю, дорогой другъ, но чувствую—что мы теряемъ васъ навсегда. Сюда еще никто не возвращался.

Я вскочилъ съ мѣста.

— Такъ не отпускайте же меня!—вскричалъ я, снова прижимая ее къ своей груди.—Позвольте мнѣ любить васъ, быть съ вами всегда и забыть весь міръ!

Ею опять начинало овладѣвать восхитительное безсиліе, которое разъ уже почти отдало ее во власть мою. Губы этого дивнаго созданія раскрылись, но лишь для вздоха; глаза сомкнулись. Уста мои еще разъ коснулись ея устъ... Но вдругъ дѣвушка какимъ-то таинственнымъ усиліемъ воли овладѣла собой, вырвалась изъ моихъ объятій и подбѣжала къ самому краю утеса.

— Дорогой мой, любимый, вѣчно любимый, еще шагъ—и я брошусь въ самую глубину! Идите, уйдите отъ меня, дайте мнѣ помолиться! Я люблю васъ; это послѣднее слово Викторіи; больше вы не услышите ея голоса.

— Но она услышитъ мой. Такое слово, моя Викторія, не можетъ быть послѣднимъ. Если бы вы могли сказать мнѣ, что я ничего не значу для васъ, я уѣхалъ бы навсегда, но теперь—только смерть разлучитъ насъ. Уѣхать я долженъ, на время, но послѣ вашего дорогого слова, которое я не могу не считать обѣщаніемъ, мнѣ почти легко сказать вамъ *прости*. Можетъ быть увѣрены, я вернусь, хотя бы съ того края свѣта, и предъявлю свои права. Теперь я васъ оставляю, уйду, такъ какъ мое присутствіе волнуетъ васъ. Я даже готовъ уѣхать, не пытаясь говорить съ вами еще разъ, не ища встрѣчи. Но, прежде чѣмъ я уѣду, вы должны подать мнѣ

вѣсть въ знакъ вашей покорности—я не удовольствуюсь меньшимъ, моя Викторія—въ знакъ того, что вы побѣдили въ себѣ свое нелѣпное суевѣріе и свою жестокую гордость.

XXVII.

Небесное знаменіе.

Эту ночь я провелъ одинъ въ своей комнатѣ. Капитанъ отправился ночевать на корабль, пообѣщавъ чуть свѣтъ подать мнѣ выстрѣломъ изъ ружья сигналъ къ отъѣзду. Я долженъ былъ встать на зарѣ и ждать сигнала.

Едва начинало свѣтать, когда я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ чьи-то шаги. Я бросился туда, съ какой-то безумной надеждой, но нашелъ тамъ только старика-губернатора.

Онъ стоялъ у ниши, служившей спальней его дочери, держась за выдвижную панель и растерянно глядя на пустую кровать. Постель была не смята.

Онъ взглянулъ на меня; этого взгляда было достаточно; не дожидаясь словъ, я кинулся вонъ изъ дому.

Благодареніе Богу, нашъ страхъ оказался фальшивой тревогой. Малютка, любимица моей принцессы, уже бѣжала мнѣ навстрѣчу сообщить то, что ей велѣно было передать накануне вечеромъ. Викторія провела ночь у сосѣдей.

Я поспѣшилъ домой съ успокоительной вѣстью и по дорогѣ услышалъ сигнальный выстрѣлъ.

Прошла недѣля, но я до сихъ поръ еще не могу себѣ ясно представить того, что было дальше. Смутно припоминаю, какъ я обернулся взглянуть въ послѣдній разъ на котѣджъ и поселокъ, толпу плачущихъ поселянъ, пожатіе руки губернатора. Затѣмъ, между лодкой у пристани и кораблемъ, на всѣхъ парахъ уносящимъ прочь отъ берега своего единственнаго пассажира, — пробѣлъ, почти абсолютная пустота, какъ будто сознаніе на время замерло. Память моя сохранила и сохранить на всю жизнь только одно неизгладимое впечатлѣніе—Викторія на вершинѣ Пика, простирающая руки къ кораблю. На этой высотѣ, на фонѣ перистыхъ облаковъ, она казалась скорѣе небеснымъ видѣніемъ, чѣмъ дочерью земли, и жестъ ея—небеснымъ знаменіемъ. Я почувствовалъ, что это для меня доброе знаменіе, и съ легкимъ сердцемъ отвернулъ лицо свое отъ Острова.

СОФЬЯ ПУШКАРЕВА.

Повѣсть.

ХІІІ.

Первое время, по пріѣздѣ въ N, для Софьи Николаевны настала новая жизнь. Новой она была потому, что та физическая брачная жизнь, которую Софья Николаевна себѣ представляла полной какой-то сладкой таинственности, состоящей изъ поцѣлуевъ, объятій и еще чего-то, что бываетъ между мужчиной и женщиной и что казалось ей стыднымъ, не вполне понятнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плотски-прелестнымъ и именно потому, что это было стыдно по отношенію къ мужчине,—эта жизнь не только не оказалась прекрасной, но была ужасна для нея въ первое время и во весь такъ называемый медовый мѣсяцъ.

Уже въ поцѣлуѣ мужа при вѣнчаніи, въ тѣхъ взорахъ, какими онъ смотрѣлъ на нее, въ неуловимомъ тонѣ словъ и вообще въ томъ нѣжно-почтительномъ отношеніи покорности и лелѣнія, съ какимъ онъ обращался теперь съ нею, Софья Николаевна чувствовала, что Николай Александровичъ любитъ ея, какъ прелестной вещь, которую онъ, наконецъ, купилъ, которая составляетъ его собственность и которую онъ будетъ поэтому наслаждаться. И это новое, что было въ его отношеніяхъ, пугало ее потому, что—она знала—это было только начало того, что еще будетъ и что казалось ей теперь очень непріятнымъ. И она, гдѣ только было возможно, старалась отдалить это, если не навсегда—она знала, что это невозможно—то хоть на время.

Началось это съ общей спальни. Софья Николаевна, увидавъ, что ихъ кровати стоятъ въ одной комнатѣ, что сегодня же вечеромъ она должна будетъ раздѣваться при немъ, лежать раздѣтой въ двухъ шагахъ отъ посторонняго и взрослого мужчины, котораго она не любитъ, и что тогда уже *это* неизбежно будетъ, почувствовала тотъ стыдъ, который присущъ

всѣмъ неиспорченнымъ женщинамъ—почувствовала страхъ и отвращеніе. Она заявила, что ни за что не будетъ спать вмѣстѣ, и какъ Николай Александровичъ ее ни упрашивалъ, ни уди-влялся—онъ не понималъ ея—и даже сердился, хотя выра-жалъ это въ болѣе нѣжныхъ ласкахъ, онъ принужденъ былъ уступить, и они стали спать отдѣльно.

И тогда-то началась у нихъ скрытая упорная борьба. Ни-колай Александровичъ намеками, словами, отношеніями —про-силъ ее согласиться на это, Софья Николаевна боролась и от-казывалась. На всѣ его доводы, что вѣдь это естественно, что она должна согласиться, если его любить, что все равно это въ концѣ концовъ неизбежно и что она потомъ привыкнетъ, на его тяжелый для нея, какъ женщины, вопросъ, неужели она не хочетъ имѣть дѣтей, —на все это Софья Николаевна отвѣчала однимъ и тѣмъ же: не надо.. потомъ.. лучше послѣ.. Ей даже казалось, что было бы лучше всего, если бы ихъ отношенія были чистыя, хорошія, если бы они прожили всю жизнь, какъ братъ и сестра, и что она тогда больше бы лю-била мужа.

Но время шло... Николай Александровичъ желалъ этого все настойчивѣе... Ея сопротивленіе таяло... Она чувствовала, что это приближается и вотъ-вотъ случится невольно не се-годня завтра. Она чувствовала себя слабѣе его и знала, что скоро сдастся. И вся эта мучительная борьба кончилась тѣмъ, чѣмъ кончается всегда, кончилась на второмъ мѣ-сяцѣ. И долго послѣ этого Софья Николаевна не могла за-быть то ощущеніе гадости и омерзѣнія, которое она чувство-вала тогда къ мужу.

Когда они увидались утромъ на слѣдующій день, онъ по-цѣловалъ почтительно ея руку, былъ еще болѣе, чѣмъ всегда, сдержанъ и, казалось, готовъ исполнить ея малѣйшее жела-ніе. Но все его отношеніе, все существо говорило: „а всетаки я побѣдилъ... и я очень радъ этому.. и какъ ты ни старайся, а это и снова будетъ...“ Софья Николаевна стало и грустно и жаль себя и обидно за то, что она отдалась ему вчера. Она чувствовала себя, гадкой, униженной и, уйдя въ другую ком-нату, чтобы онъ не замѣтилъ, она не могла сдержаться и за-плакала...

Когда это случилось во второй разъ и еще... и еще... все это стало легче... Борьба сдѣлалась глуше... прекратилась. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ то, что въ началѣ возбуждало отвращеніе, сдѣлалось обыкновеннымъ и привычнымъ.

XIV.

Другая причина новизны теперешней жизни Софьи Николаевны была, какъ казалось ей, свобода въ дѣйствіяхъ и деньгахъ. Тамъ, въ семьѣ, за каждою копѣйкою нужно было идти къ матери или отцу и выпрашивать ихъ, чуть не унижаясь. Здѣсь мужъ давалъ ей ежемѣсячно на ея расходы 100 рублей. Онъ называлъ это „*pour boire*“. Тогда, въ особенности въ послѣднее время, было скучно и нечѣмъ было убить время, теперь же она удивлялась:—въ заботахъ по хозяйству, съ выѣздами, приемами, вечерами—какъ мало у нея времени, чтобы все сдѣлать. Тогда ей было скучно, и она читала иногда романы, теперь же скучать было некогда, и она уже ничего не читала.

Она вставала въ 10—11 часовъ, такъ какъ по большей части не засыпала до трехъ, пока не засыпалъ Николай Александровичъ—кровати ихъ находилось рядомъ. Отъ 11 до часу она одѣвалась и принимала счетъ отъ кухарки. Потомъ, послѣ завтрака, ѣздила кататься или по магазинамъ. Въ 5 былъ обѣдъ, затѣмъ кофе. Такъ время шло до семи. Вечеромъ она или ѣздила съ мужемъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, или къ нимъ приходили повинтить товарищи прокурора и Николая Александровича. У нихъ установились даже дни, когда всѣ товарищи съ семьями шли куда-нибудь. Это не были *jours fixes*, большіе приемные дни; это было иное: небольшіе вечера въ своемъ кругу. Такъ какъ товарищей прокурора было 5 женатыхъ, то всѣ почти вечера собирались у кого-нибудь, пѣли, играли, разговаривали, — однимъ словомъ, дѣлали то, что всегда дѣлаютъ на такихъ вечерахъ, и проводили время очень мило.

Въ общемъ же, въ эти первые мѣсяцы супружеской жизни, было не то, чтобы очень весело, но и не дурно. Не было той скуки и апатіи отъ ничегонедѣланія, которая была у нея по вечерамъ у родителей. Теперь все почти время было занято, а если иногда и нечего было дѣлать, то все же было не такъ скучно, какъ раньше. Если ни къ кому не ѣздили и никто къ нимъ не пріѣзжалъ, можно было поиграть на роялѣ; не хотѣлось играть, можно было заняться вышиваніемъ или разсматриваніемъ модъ. Главное же, было то хорошо, что во всемъ этомъ было сознаніе, что главное дѣло ея жизни, ея цѣль, какъ вообще цѣль всѣхъ дѣвушекъ—выйти замужъ, исполнена и исполнена хорошо. И съ этимъ пріятнымъ сознаніемъ, которое никогда не покидало Софью Николаевну, можно было выѣзжать на балы, когда хотѣлось,

безъ мыслей о томъ, какъ-бы найти гдѣ-нибудь жениха, и разговаривать съ мужчиной просто, естественно, смотря на мужчину, какъ на кавалера, а не какъ на возможнаго жениха. Это было въ особенности пріятно Софьѣ Николаевнѣ, и это чувствовали молодые люди. Теперь даже она имѣла большій успѣхъ, чѣмъ раньше, и этотъ успѣхъ льстилъ ей. Но, какъ порядочная женщина, она не выходила ихъ границъ приличія, ничего себѣ не позволяя, такъ что никто не могъ сказать что-нибудь дурное про нее. Въ своемъ кругу ее обожали. Судейскія дамы не любили ея, но это было оттого, что судъ былъ во враждѣ съ прокуратурой, и эта вражда переходила на женъ.

Такъ она и жила этотъ первый годъ. Если жизнь и не была такъ хороша, какъ она мечтала, то, во всякомъ случаѣ, была лучше прежней жизни, текла сравнительно легко, не было непріятностей, такъ что Софья Николаевна стала думать, что и дальше будетъ такъ. Но къ концу этого года стало случаться нѣчто нехорошее, неприличное, нарушавшее легкость и комилфотность ихъ жизни. И виной этому былъ Николай Александровичъ.

XV.

Первое время своей женитьбы Николай Александровичъ былъ счастливъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось ему. Проживъ до тридцатилѣтняго возраста и предаваясь всецѣло службѣ, Николай Александровичъ, влюбившись въ Софью Николаевну и рѣшивши жениться на ней, думалъ, что онъ сдѣлаетъ хорошее дѣло. Помимо того, что онъ сталъ бы обладать красивой женой, т. е. тѣмъ молодымъ красивымъ тѣломъ, въ которое онъ былъ влюбленъ и жить безъ котораго ему, какъ и всякому влюбленному, казалось невозможнымъ,—фактъ женитьбы для него былъ хорошъ самъ по себѣ. Николай Александровичъ думалъ, что та спокойная, ровная жизнь чиновника, къ которой онъ такъ привыкъ, не только не нарушится этой женитьбой, но даже пріобрѣтетъ нѣкоторую добавочную пріятность. Хорошо было жить одному въ прекрасной квартирѣ, съ лакеемъ, съ хорошимъ столомъ, съ содержанкой, со всѣми привычками состоятельнаго человѣка, которыя онъ усвоилъ; пріятно было сидѣть утромъ въ халатѣ за столомъ и, курая сигару, просматривать дѣла. Все это было пріятно, пріятно это сознаніе, что все, что составляетъ удобство и комфортъ жизни, можетъ быть пріобрѣтено имъ. Но было лучше, чтобы ко всему этому была хозяйка молодая, красивая, именно красивая, былъ тутъ какой-то особенный вѣсъ и тонъ,

который свойственъ, только женатому человѣку,—и Николай Александровичъ высоко ставилъ этотъ тонъ.

То, чего Николай Александровичъ ожидалъ отъ женитьбы, отъ жены, то, дѣйствительно, въ первое время случилось. Софья Николаевна принесла съ собою необъяснимое, но, тѣмъ не менѣе, важное значеніе супружеской жизни, хозяйства, солидности и положительности. И Николай Александровичъ видѣлъ и чувствовалъ всю эту незамѣтную, но, тѣмъ не менѣе, существенную перемѣну, которая поставила его еще выше во мнѣніи другихъ людей и была чѣмъ-то въ родѣ награды, ордена, и былъ счастливъ.

Николай Александровичъ въ старшихъ классахъ гимназіи былъ либераломъ и сторонникомъ женской эмансипаціи. Сдѣлавшись товарищемъ прокурора, онъ сталъ держаться того мнѣнія, что все это, какъ не касающееся направленія дѣлъ въ такомъ-то порядкѣ и значенія сенатскаго разъясненія, не должно имѣть никакого отношенія къ нему. Онъ не былъ противъ эмансипаціи, но и не за нее. Онъ относился къ ней безразлично. Но, какъ умный человѣкъ, Николай Александровичъ видѣлъ неразвитость дѣвушекъ его круга, осуждалъ ее и очень часто смѣялся надъ нею. Онъ видѣлъ, какъ многіе его товарищи влюблялись и женились на неразвитыхъ и глупыхъ дѣвушкахъ и какъ много было несчастья для нихъ изъ-за этихъ браковъ. И онъ считалъ, что онъ лично, Николай Александровичъ Пушкаревъ, какъ бы тамъ ни поступали другіе, не можетъ сдѣлать такой глупости. Онъ слишкомъ ясно понималъ женщину, чтобы впасть въ эту ошибку, и это сознаніе пониманія женщины возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Если онъ и полюбитъ, то только такую женщину, которую будетъ цѣнить за ея умъ и уважать.

Когда онъ влюбился въ Софью Николаевну, онъ, по правдѣ говоря, совсѣмъ забылъ объ этихъ своихъ мысляхъ. Въ томъ важномъ дѣлѣ, которое одно занимало его: какъ можно скорѣй и во что бы то ни стало жениться на Софьѣ Николаевнѣ,—эти мысли, какъ и вообще всѣ мысли, были оставлены. Умна или глупа его невѣста, найдетъ-ли онъ въ ней сочувствіе своимъ взглядамъ на жизнь,—Николай Александровичъ никогда не задавалъ себѣ этого вопроса, и онъ казался ему лишнимъ. Когда тутъ разбирать, кто она, какое сходство во взглядахъ, когда одно только нужно: скорѣй жениться и не выпустить какъ-нибудь изъ своихъ рукъ обладаніе этой красотой, когда всякій другой каждую минуту могъ сдѣлать ей предложеніе и отбить ее у Николая Александровича. И его влюбленнымъ физическимъ и духовнымъ очамъ она казалась какъ разъ такую, какъ нужно, и именно такую потому, что она была хороша и онъ былъ влюбленъ въ

эти глаза, въ походку, талию и не могъ жить безъ нихъ. Онъ чувствовалъ, что она сокровище, и въ глубинѣ души ему казалось, что онъ не достоинъ ея и что вотъ-вотъ ускользнетъ отъ него это сокровище. Какъ тутъ думать о чемъ-нибудь, кромѣ того, чтобы жениться и быть безгранично счастливымъ? И Николай Александровичъ женился,

Сначала все было хорошо. Николай Александровичъ былъ съ ней милъ и нѣженъ. На вечерахъ ему было пріятно пройти подъ руку съ хорошенькой женой и видѣть восхищеніе передъ ней въ глазахъ мужчинъ и зависть къ нему, обладателю такой жены. Пріятно было поговорить съ ней во время обѣда о городскихъ новостяхъ и чувствовать цѣлый день присутствіе около себя хорошенькой женщины, одна близость которой доставляла ему, какъ и всякому влюбленному, неизъяснимую отраду. А ночью ждали его супружескія наслажденія. Все было хорошо. И Николай Александровичъ сталъ думать, что онъ сдѣлалъ хорошо, что женился.

Но время шло, а съ нимъ обладаніе женой, а съ обладаніемъ привычка и не то, чтобы разочарованіе въ ея тѣлѣ—она была попрежнему прелестна,—но просто все это сдѣлалось для него обыкновеннымъ, лишеннымъ всякой пріятности и новизны.

Прелесть ея для него стала таять, какъ весенній ледъ на солнцѣ, что-то холодное, ужасное, нѣмое вторгалось въ его душу. Съ нимъ произошло то, что происходитъ со многими: онъ мало-по-малу переставалъ быть въ нее влюбленнымъ. Прежде чуть не божество, она стала дѣлаться самымъ обыкновеннымъ существомъ. Она сама, когда бывала полураздѣта, широкобедрая, съ большимъ тазомъ—все это было мучительно для его влюбленности. И не только утромъ, но и во весь день выступали передъ нимъ эти подробности, на которыя онъ закрывалъ глаза, когда былъ влюбленъ раньше: черные ободки на ногтяхъ, желтые до чистки зубы и еще многое и многое.

Прежде она была божество, а все это было человѣчно, противорѣчило ей, убивало влюбленность. И это было ужасно. Видя ее теперь на балахъ, въ нарядѣ, прелестномъ, какою онъ зналъ ее въ тотъ памятный вечеръ, когда влюбился въ нее, Николай Александровичъ не могъ себя обманывать, какъ обманывалъ раньше, и не зпать, что все это не то, что она на самомъ дѣлѣ хуже и что влюбиться въ нее было, въ сущности, нельзя. И онъ глубоко страдалъ, переживая это разочарованіе въ тѣлесной влюбленности къ женѣ.

Мишура влюбленности осыпалась, и открывалось то, что есть. Физически это было еще ничего: молодое, красивое тѣло, хотя его и не любилъ теперь Николай Александровичъ и

пресытился имъ. Въ духовномъ же отношеніи то, что открылось, когда отпала влюбленность, сквозь призму которой смотрѣлъ на жену Николай Александровичъ, ужаснула его. Прежде, хотя она и не казалась ему особенно умною, но самая ограниченность ея была мила и пикантна. Теперь же она была то, что есть, т. е. ужасна.

Николай Александровичъ понялъ теперь, что Софья Николаевна ничуть не умнѣе и не развитѣе тѣхъ дѣвушекъ его круга, на которыхъ женились его товарищи и надъ которыми онъ самъ смѣялся, что она такая же, какъ и всѣ. Точно человѣкъ, у котораго сняли съ глазъ бѣльмо, долго мѣшавшее ему видѣть свѣтъ, Николай Александровичъ прозрѣлъ и увидалъ настоящій свѣтъ, т. е. чѣмъ была на самомъ дѣлѣ Софья Николаевна. И онъ удивлялся тому, что онъ этого раньше не замѣчалъ. Теперь въ каждомъ ея словѣ, замѣчаніи, во всемъ, что она дѣлала, Николай Александровичъ ясно видѣлъ, какъ она неразвита, и онъ не зналъ, когда сталъ впервые видѣть это, такъ это случилось постепенно. Но когда онъ прозрѣлъ, онъ уже не могъ закрывать себѣ глаза, было наоборотъ,—видѣлъ все яснѣе и яснѣе.

Николай Александровичъ попробовалъ читать ей книги, но изъ этого ничего не вышло: едва скрывая скуку, она для него только слушала то, что онъ читалъ, и онъ видѣлъ это по ея словамъ, взглядамъ... Тогда онъ пересталъ читать. Онъ понялъ, что ошибся, женившись на ней, и его испугала мысль, что ему предстоитъ прожить съ женой не годъ, не два, а всю жизнь. Но какъ всегда это бываетъ, онъ не обвинилъ себя за то, что женился на незнакомой ему дѣвушкѣ, а перенесъ обвиненіе на нее. Онъ счелъ ее одну во всемъ—въ чемъ, онъ хорошо не зналъ—виноватой, себя же считалъ обманутымъ человѣкомъ. И хотя это сознаніе возвысило его самого въ собственныхъ глазахъ, но уменьшить ужасъ его положенія оно не могло. Онъ перемѣнился къ женѣ незамѣтно, невольно, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе была эта отчужденность.

XVI.

Перемѣна эта сейчасъ же выразилась во внѣ, въ супружескихъ ссорахъ. Ссоры эти начинались изъ-за пустяковъ. Приходилъ Николай Александровичъ изъ суда, усталый, раздраженный и эту раздраженность переносилъ на обѣдъ и на жену, которая была виновата въ этомъ. То супъ безъ навару, то телятина пережарилась. Николай Александровичъ былъ вообще гастрономъ, а тутъ еще, послѣ неудачи въ судѣ, испорченный супъ казался ему личнымъ оскорбленіемъ, не-

вниманіемъ къ нему, который платитъ за все деньги. И тутъ же онъ припоминалъ, какъ до женитьбы онъ хорошо обѣдалъ въ клубѣ. Или Николай Александровичъ приходилъ веселый и рассказывалъ, какъ онъ сегодня провелъ адвоката Плеве. Онъ долженъ былъ проиграть дѣло, такъ какъ шансовъ для обвиненія не было, но онъ сдѣлалъ ловкій ходъ и обжаловалъ рѣшеніе, а въ сенатѣ навѣрно кассируютъ. Софья Николаевна молчала все время, но когда онъ кончилъ, она почему-то сказала, что онъ не выиграетъ и сенатъ не кассируетъ. Николай Александровичъ сталъ спорить съ женой, которая, какъ это часто бываетъ съ женами судейскихъ, знала процессъ. Но Софья Николаевна, хотя и не изучала въ университетѣ право и законы, вдругъ привела такое вѣрное подтвержденіе своей мысли, что Николай Александровичъ удивился, какъ это онъ самъ, опытный юристъ, упустилъ это изъ виду. Онъ разсердился, сказалъ женѣ, что она вѣчно ему пророчить дурное и что она желаетъ ему дурного. Это было слишкомъ обидно. Софья Николаевна отвѣтила тоже недержанно.

Слово за слово, они наговорили другъ другу дерзостей. Николай Александровичъ бросилъ салфетку и ушелъ изъ-за стола. Потомъ они помирились, потомъ опять поссорились. Поводы были самые разнообразные и пустячные, но причина была одна и та же. Николай Александровичъ чувствовалъ, что онъ не правъ, но не могъ не ссориться съ женой, потому что ссоры были выраженіемъ его внутренняго отношенія къ ней; онѣ, какъ стрѣлки компаса, показывали отклоненіе отъ настоящаго пути. И такъ шли дни, недѣли.

Если бы не эти ссоры, Софья Николаевна была не то, чтобы счастлива, но спокойна и довольна въ этотъ второй годъ супружеской жизни. Но Николай Александровичъ портилъ все, и Софья Николаевна не понимала, почему онъ дѣлаетъ это. Она поспѣшила отдѣлится отъ мужа свой особый міръ, куда онъ не могъ проникнуть и которымъ она могла импонировать ему. Міръ этотъ состоялъ въ веселой свѣтской жизни и поддерживаніи свѣтскихъ отношеній. Софья Николаевна нашла въ немъ отдыхъ и успокоеніе отъ непріятностей въ семейной жизни. Чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ больше она отдѣляла себя отъ мужа. И она считала, что этимъ она наиболѣе разумно устроила свою жизнь.

Николай Александровичъ видѣлъ это счастье Софьи Николаевны и, сопоставляя его со своимъ несчастіемъ, еще болѣе сердился. Но чѣмъ больше онъ сердился, чѣмъ чаще были ссоры съ его стороны, тѣмъ менѣе онѣ дѣйствовали на Софью Николаевну и тѣмъ болѣе она уходила къ себѣ, въ свой особый пріятный ей міръ.

Такъ шло время, и прошелъ еще годъ. И въ этотъ годъ случилось, наконецъ, то, что Николай Александровичъ разлюбилъ совершенно Софью Николаевну. Это случилось не сразу, а незамѣтно, постепенно, но когда это случилось, Николай Александровичъ вдругъ невольно почувствовалъ освобожденіе отъ тяжелаго чувства разочарованія въ женѣ, почувствовалъ, что какъ будто бы онъ снова счастливъ... И чѣмъ больше шло времени, тѣмъ ему дѣлалось все спокойнѣе, легче, счастливѣе. Секретъ этого счастья былъ легокъ и простъ.

Не было влюбленности въ тѣло, не было и муки разочарованія въ его воображаемой исключительной красотѣ. Теперь Николай Александровичъ зналъ, что жена его красивая женщина, но не что-нибудь особенное, а точно такъ же хороша, какъ и всѣ другія красивыя женщины. Онъ теперь не чувствовалъ вовсе того непонятнаго восторга, который ощущалъ въ себѣ раньше, когда она бывала около него, ни скуки, когда ея не было. Не было того сладко-тайнственнаго чувства, когда при одномъ взглядѣ на нее открывался ему волшебный міръ безконечныхъ желаній и стыдливо-трепетныхъ ощущений. Нѣ было того переполняющаго душу счастья, когда она принадлежала ему, того нѣжнаго поэтически-плотскаго чувства, когда онъ любилъ ее. Настоящее чувство было простое, одно плотское, и потому оно было безъ всякихъ страданій. И самая интимности ея женской жизни и тѣ стороны ея человѣческой жизни, которыя своей грязью мучили его недавно, теперь не были ему неприятны. Онъ пересталъ быть влюбленнымъ и пересталъ страдать отъ всего того, отъ чего обыкновенно страдаютъ влюбленные.

И не только въ этомъ отношеніи онъ сдѣлался счастливъ, но, главное—онъ пересталъ мучиться неразвитостью жены. Теперь ему было все равно, какая она. Она была такая, какъ и всѣ,—онъ зналъ это и не хотѣлъ, чтобы она была другая. Умѣла она или глупа, начитана или нѣтъ—какое ему до этого дѣло? Она не была такъ глупа, чтобы конфузить его, даже было-бы неудобно—почему, онъ хорошо не зналъ, но невольно чувствовалъ это,—если бы она была слишкомъ умна. Онъ зналъ, что ихъ міръ отгороженъ одинъ отъ другого, и какъ онъ — хорошій товарищъ прокурора, такъ и она—хорошая, исполняющая свое назначеніе для него и для общества, свѣтская дама: каждый исполнялъ свое дѣло въ своемъ мірѣ. Николай Александровичъ разъ навсегда положилъ, что она, какъ и всѣ и какъ нужно. И на этомъ рѣшеніи успокоился, потому что думать иначе было слишкомъ тяжело. Онъ сдѣлался счастливъ.

Средство къ этому вытекло само собою. Присматриваясь

къ своимъ знакомымъ, Николай Александровичъ видѣлъ; что всѣ они были счастливы съ женами: и предсѣдатель, и прокуроръ, и члены... Жены же всѣхъ были никакъ не лучше Софьи Николаевны. Прежде Николай Александровичъ удивлялся этому, и недоумѣвалъ, почему у него одного нѣтъ счастья. Когда же онъ приглядѣлся ближе, онъ увидалъ, что многіе ничуть не счастливѣе его, а у тѣхъ, кто былъ счастливѣе, онъ скоро нашелъ секретъ: предъявлять къ духовной сторонѣ своихъ женъ малыя требованія. Когда онъ пересталъ быть въ нее влюбленнымъ, ему было легко примѣнить это къ своей личной супружеской жизни, и тогда получился неожиданный, но пріятный результатъ.

Николай Александровичъ понялъ и почувствовалъ, когда пересталъ быть влюбленнымъ въ жену, что любовь къ женщине пустая и даже лишняя вещь и что она такъ же не имѣетъ никакого отношенія къ порядку направленія дѣлъ, какъ и эмансипація женщинъ. Теперь ему казалось смѣшнымъ и даже немного стыднымъ, что онъ, такой опытный юристъ, товарищъ прокурора, могъ влюбиться, т. е. заняться такимъ несерьезнымъ дѣломъ. Это было дѣло гимназистовъ и институтокъ, но для него, Николая Александровича, коллежскаго совѣтника, съ орденомъ, съ мундиромъ—это было какъ-то смѣшно.

Важно и нужно было одно: имѣть сношенія съ женой, имѣть красивую хозяйку дома. Софья Николаевна удовлетворяла этому, и потому все было хорошо. Самъ онъ отдался службѣ всецѣло и нашелъ въ ней счастье и покой жизни.

Кончилось все это тѣмъ, что онъ и самъ повѣрилъ, что ихъ отношенія съ женой самыя нормальныя супружескія отношенія. И когда онъ повѣрилъ этому, жить съ Софьей Николаевной ему сдѣлалось пріятно и легко.

XVII.

На третьемъ году супружества случилось одно важное, давно ожидаемое и вмѣстѣ неожиданное обстоятельство: Софья Николаевна забеременѣла. Это открытіе, когда она впервые почувствовала бѣніе маленькой зарождающейся жизни и тяготу, которую ей причиняло утробное существо, было ей пріятно и непріятно въ одно время. Пріятно было потому, что тутъ-то впервые послѣ многихъ лѣтъ она почувствовала что-то хорошее въ этомъ фактѣ существованія въ ней маленькаго человѣка и испытала невольную неизбѣжную любовь и состраданіе къ нему. Она было рада и удивлена тѣмъ, что это она, именно она, даетъ жизнь своему сыну—она вѣрила,

что это будетъ сынъ, что онъ будетъ такой маленькій, безпомощный, потомъ будетъ ребенкомъ, который бѣгаетъ, говорить, и потомъ еще взрослымъ мужчиною съ усами, съ бородой. И теперь она чувствовала нѣжность и страхъ за его утробную жизнь: она боялась, какъ бы ему тамъ не было плохо, какъ бы онъ не потерпѣлъ тамъ внутри ея боль. Лежа иногда на длинномъ креслѣ съ полузакрытыми глазами, она прислушивалась, какъ сосала, шевелилась, тяготѣла въ ней эта новая жизнь. Тайнство ношенія совершалось въ ней, и она благоговѣла передъ его святостью и величіемъ.

То было одно чувство—чувство матери. Другое же было чувство свѣтской женщины, привыкшей къ красивымъ платьямъ, корсетамъ, вечерамъ, веселью, уходуванію. И хотя это второе чувство было слабѣе материнскаго, оно все же было настолько сильно, что заставляло Софью Николаевну много разъ жалѣть о своемъ положеніи. Оно заставляло ее, несмотря на первые мѣсяцы беременности, также выѣзжать на вечера къ знакомымъ и также неосторожно предаваться веселью. Время шло, увеличивалась беременность, и, вмѣстѣ съ увеличеніемъ материнскаго чувства къ будущему ребенку, выплывалъ все болѣе и болѣе страхъ передъ тѣми ужасными физическими болями, о которыхъ она знала со словъ другихъ, и страхъ передъ возможностью смерти. Она такъ часто читала и слыхала о смерти во время родовъ, что не могла никакъ отогнать отъ себя эту мысль. Время шло, и падала красота. Она чуть не съ каждымъ днемъ становилась дурнѣе, желтѣе, и главное—этотъ все увеличивающійся безобразный животъ, а съ нимъ вынужденный отказъ отъ веселой жизни и кавалеровъ и уходаванія мужчинъ. Все это было ей непріятно. И чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе росли и чаще смѣнялись эти два чувства. То была любовь и нѣжность къ близкому рожденію ребенка, то боязнь паденія красоты, то страхъ смерти.

Въ томъ же году Николай Александровичъ получилъ перемѣщеніе въ уѣздъ, куда они и переѣхали. Въ уѣздномъ городѣ не было никого, кромѣ старика судьи, прежняго корнета, а нынѣ предводителя дворянства, получившаго эту должность потому, что онъ проигралъ все свое состояніе, и теперь пившаго съ горя; слѣдователя, больного, обремененнаго большимъ семействомъ человѣка, чиновъ полиціи, доктора, который нигдѣ не бывалъ, да еще выгнанныхъ кадетовъ—двухъ акцизныхъ. Все это было не подъ стать Пушкикаревымъ, и они остались одни.

Тутъ-то впервые послѣ выхода замужъ Софья Николаевна почувствовала себя одинокой и покинутой, находясь въ полномъ уединеніи послѣ шумной городской жизни. Мужъ все время

занимался дѣлами и интересовался всѣмъ, кромѣ нея. Такъ было у нихъ положено: ихъ міры были строго разграничены. Онъ не мѣшалъ ей, а она ему. А, кромѣ него, не было ни одного человѣка, который бы подходилъ къ ней, понималъ бы ее и составилъ ей общество. Она начала заваливать себя шитьемъ для будущаго ребенка. Но рубашечки, пеленки и другія нужныя и ненужныя вещи и заботы по хозяйству не поглощали ее; было много свободнаго времени, а съ нимъ пришла скука. Такъ прошла недѣля, мѣсяцъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Когда же стало слишкомъ тяжело, она почувствовала, что такъ жить нельзя, что надо какъ-нибудь устроить иначе.

Былъ 8-й мѣсяцъ беременности, уѣхать было нельзя, и никого около нея не было. Оставался одинъ мужъ. Тогда-то Софья Николаевна почувствовала, что ихъ отношенія съ мужемъ,—когда ихъ міры, его служебный, а ея свѣтскій, разграничены и когда они сходились только въ постели—что эти отношенія не нормальны.... Ей хотѣлось, чтобы мужъ былъ около нея, чтобы онъ не оставлялъ ее одну, хоть бы говорилъ ей что-нибудь или читалъ ей. Но Николай Александровичъ строго опредѣлилъ свое отношеніе къ женѣ и вѣрилъ въ правильность своего опредѣленія. И теперь онъ прочно держался его. Если онъ не былъ занятъ, то игралъ въ клубѣ, а если былъ дома, то читалъ у себя въ кабинетѣ. Сидѣть же съ женой ему было скучно, а говорить съ ней не о чемъ—все было давно переговорено. Софья Николаевна стала ревновать его къ уединенію, къ службѣ, къ слѣдователю, ко всѣмъ людямъ, у которыхъ онъ бывалъ, къ женщинамъ. Она стала сердиться, когда онъ уѣзжалъ, и высказывала ему это. Николай Александровичъ былъ очень удивленъ этимъ, но не перемѣнилъ своего отношенія. Тогда она стала сама ссориться и браниться съ нимъ. Ихъ спокойная комильфотная жизнь, установившаяся было такъ хорошо, опять стала нарушаться.

Хуже всего было то, что Софья Николаевна сама установила эти отношенія. Теперь она раскаивалась въ этомъ. Ей хотѣлось, чтобы мужъ былъ инымъ, чтобы онъ пожалѣлъ ее въ ея положеніи, просто пожалѣлъ, какъ маленькаго ребенка, чтобы онъ взялъ ее за руку и сидѣлъ бы съ ней по часамъ на диванѣ, въ столовой, въ полумракѣ октябрьскаго вечера. Она стала искать случая не пускать Николая Александровича изъ дому. Какъ прежде Николай Александровичъ искалъ ссоръ съ нею, а она была спокойна и весела, такъ теперь, напротивъ, она начинала ссоры, а онъ былъ счастливъ и доволенъ ихъ отношеніями.

XVIII.

Въ ноябрѣ выпалъ снѣгъ. Стало еще болѣе темно по вечерамъ и скучно. Однажды вечеромъ, когда, по обыкновенію, Николай Александровичъ собрался уйти въ клубъ, Софья Николаевна потребовала, чтобы онъ остался. Николай Александровичъ заявилъ, что у него дѣла. Тогда Софья Николаевна такъ разсердилась—она знала, что онъ лжетъ и что никакихъ дѣлъ у него нѣтъ — что стала ругать его неприличными словами, — что могла услышать прислуга. Николай Александровичъ ужаснулся и разсердился и въ гнѣвѣ наговорилъ ей много лишняго и даже назвалъ ее дурой. Потомъ, спохватившись, быстро ушелъ.

Софья Николаевна, оставшись одна, долго не могла успокоиться отъ обиды. Она почувствовала себя одинокой, покинутой всѣми, въ особенности тѣмъ, кто долженъ былъ заботиться о ней и для котораго, какъ ей казалось, она столь многимъ пожертвовала. Она сѣла на диванъ въ своей комнатѣ, припоминая всѣ слова, сказанныя ей мужемъ, точно воспоминаніе о нихъ доставляло ей наслажденіе. Ревность поднялась въ ней, холодная, злая, неумолимая къ нимъ, къ тѣмъ женщинамъ, къ которымъ онъ поѣхалъ. Софья Николаевна знала это навѣрное.

„Да, онъ дороже ему, дороже, чѣмъ я, его жена. Холодный, злой человекъ. Зачѣмъ онъ мучаетъ меня? Зачѣмъ онъ жерился тогда на мнѣ? Онъ не любитъ меня, онъ ненавидитъ меня. Это ясно. Да, да, я знаю это навѣрно. Ахъ, зачѣмъ я такъ несчастна?“—подумала она. Слезы полились изъ ея глазъ. Плакала она о томъ, что мужъ сказалъ ей обидныя слова, что ее никто не любитъ, что она одинока и что ей жаль себя.

— Ахъ, зачѣмъ я вышла за него замужъ,—сказала она себѣ,—я ошиблась въ немъ. Другой велъ бы себя иначе. Онъ бы любилъ меня.

Она сѣла поглубже на диванъ и задумалась. Она думала о томъ, что она могла быть счастлива и что другой, кто-то невѣдомый, который бы долженъ былъ быть ея мужемъ, сильный и прекрасный, любилъ бы ее. Какъ всѣ женщины, Софья Николаевна иногда до замужества мечтала объ идеалѣ, мощномъ, прекрасномъ мужчинѣ и, какъ многія женщины, когда ей пришлось выйти замужъ,—не то, чтобы забыла, но замуровала это въ своей душѣ. И теперь это воспоминаніе всплыло и мучило ее.

Она долго плакала. Духовное существо ея раздѣлилось

на двое. Одно было страдающее, несчастное, которое требовало утѣшенія; другое было гордое, которое само утѣшало первое и рѣшило не подчиняться Николаю Александровичу.

Софья Николаевна рѣшила дожидаться возвращенія мужа и высказать ему все и не подчиняться ему, а самой подчинить его, и отомстить ему за его слова. Она велѣла зажечь въ будуарѣ висячій фонарь, зеленоватый свѣтъ котораго она очень любила. Свѣтъ этотъ наводилъ на нее особое мечтательное настроеніе и переносилъ ее въ иную область, полную грезъ. Сидя на диванѣ, облокотившись, съ глазами, еще невысохшими отъ слезъ, она сама не сознавала, о чемъ думаетъ. Она грезила ни о чемъ и обо всемъ вмѣстѣ. И все было такъ волшебнo, хорошо. Она забыла, что она Софья Пушкирева и что она одинокая, несчастная женщина. Мечты ея ушли далеко.

Рѣзкій звонокъ вывелъ ее изъ этого созерцательнаго настроенія. Она вздрогнула и сначала не поняла, откуда это, а когда поняла, почувствовала радость, что онъ пришелъ, и вмѣстѣ—злобу къ нему. Николай Александровичъ прошелъ около ея будуара и, взглянувъ на нее холоднымъ, удивленнымъ, насмѣшливымъ, какъ ей показалось, взоромъ, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. И при этомъ взглядѣ, въ которомъ Софья Николаевна прочла столько равнодушія къ себѣ, она не могла болѣе сдержать чувство ненависти къ нему, охватившее ее. Она вскочила съ дивана и пошла за нимъ въ кабинетъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами... Когда она вошла, онъ остановился и, засунувъ руки въ карманы, молча сталъ смотрѣть на нее. Такъ они стояли нѣсколько минутъ другъ противъ друга и молчали.

— Что тебѣ нужно?—сказалъ онъ, наконецъ. И взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее, говорилъ: „Я знаю, зачѣмъ ты пришла, но я тебя не боюсь“.

Она ничего не могла сказать ему, какъ ни хотѣла этого. Всѣ тѣ обидныя слова, которыя она приготовила, были забыты. Она старалась ихъ припомнить и молчала, и смотрѣла на него негодующимъ отъ внутренняго чувства взглядомъ.

— Если ты ничего не хочешь сказать, то я долженъ тебѣ заявить, что я сейчасъ раздѣваюсь. Уйди отсюда,—сказалъ онъ, смотря на нее. И опять этотъ взглядъ показался Софьѣ Николаевнѣ насмѣшливо презрительнымъ.

— Что я хочу тебѣ сказать?—повторила она, и при этихъ словахъ боль оскорбленія поднялась въ ней волной, и всѣ обидныя слова припомнились ей сразу.—Я хочу сказать, что ты злой, отвратительный человѣкъ. Да, ты эгоистъ! Ты бросаешь меня одну въ такомъ положеніи и уважаешь къ нимъ, къ своимъ содержанкамъ, къ этимъ тварямъ. Да, да, я знаю

это. Не смѣй отпираться...—закричала она, увидя, что онъ пожалъ плечами.—Вы всѣ такіе, мужчины! Я отлично знаю. Тебѣ нѣтъ дѣла, что я беременна, что я боюсь одна. Ты гадкій, гадкій, отвратительный. Тебѣ бы только мучить меня...—Лицо ея покрылось пятнами и было очень некрасиво въ эту минуту. Она вся дрожала. Она не ожидала сама такого приступа злобы въ себѣ. Но, ощутивъ его, она отдалась ему съ наслаждениемъ.

Николай Александровичъ молчалъ, согнувъ свою сутуловатую спину и смотря внизъ. И видъ этой согнутой головы и фигуры выражалъ покорность и какъ бы говорилъ: „ну бей, бей, если хочешь, а я все-таки смѣюсь надъ тобой“.

— Ты съ ума сошла, наконецъ!..—сказалъ онъ, подымая голову при ея послѣднихъ словахъ.—У меня были дѣла. Не знаю, зачѣмъ тебѣ нужно, чтобы я сидѣлъ около тебя. Нянюшекъ мало,—что-ли? ну, такъ найми еще!

— Ничего мнѣ не нужно! Ступай къ нимъ. Отправляйся скорѣй!..—сказала быстро Софья Николаевна...—Но зачѣмъ ты женился на мнѣ?—прошептала она тихо.—Да, зачѣмъ женился? Если бы я знала тогда, что ты будешь такой, никогда, никогда не вышла бы за тебя! Я была бы гораздо счастливѣе съ другимъ, онъ бы любилъ меня...—сказала она, вспоминая свое прежнее мечтательное настроеніе и грезы.

— Ты говоришь, Богъ знаетъ, что. Это не я, а ты меня мучаешь. Какъ ты смѣешь меня ревновать? Какъ ты смѣешь оскорблять меня такимъ образомъ?...—вдругъ кричалъ онъ на нее такъ, что Софья Николаевна испугалась звука его голоса и отступила. Николай Александровичъ прошелся два раза по кабинету и остановился, смотря въ окно.

— Это я напрасно на тебѣ женился,—сказалъ онъ медленно, какъ бы вдумываясь въ смыслъ своихъ словъ.—Я одно, одно прошу тебя: оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ. Я не мѣшаю тебѣ, и ты мнѣ не мѣшай.

— Ахъ, какъ я тебя ненавижу,—прошептала Софья Николаевна, сама не сознавая своихъ словъ, не будучи въ состояніи сдержать злобы къ нему. Ей хотѣлось ударить его, уколоть чѣмъ-нибудь. И, когда эти слова вырвались у нея, злоба поднялась къ нему, виновнику ея несчастій, она вдругъ почувствовала, что что-то маленькое, живое шевелится внутри ея. И это маленькое было отъ него: оно было онъ и она. Софья Николаевна вдругъ ощутила въ своей душѣ знакомое чувство любви и нѣжности къ нему, къ его безпомощности и къ своей собственной женской слабости. Ей сдѣлалось безконечно жаль себя и страшно, что она можетъ, причинить ему страданіе и что она, быть можетъ, скоро умереть. Она сѣла на постель и заплакала.

Николай Александровичъ обернулся, когда она заплакала, и сталъ смотрѣть на нее. Она сидѣла прямо, съ большимъ безобразнымъ животомъ и, закрывъ лицо бѣлымъ платкомъ, который она придерживала худыми нѣжными пальцами, тихо всхлипывала. При видѣ ея плачущей, при видѣ ея женской безпомощности и страданія, Николай Александровичъ забылъ свою злобу къ ней и испыталъ сердечное умиленіе. Ему было теперь только безконечно жаль ее. Онъ подошелъ къ ней, сѣлъ около нея на постѣль и непривычно-нѣжно обнялъ ее своей неловкой мужской рукой.

— Соня, какія глупости! Какъ тебѣ не стыдно дѣлать это? Ну, о чемъ плакать? Перестань, пожалуйста!—сказалъ онъ, не будучи въ состояніи ничего болѣе сказать и боясь такъ же расплакаться, какъ она.

— Оставь меня,—говорила она дрожащими губами, не отрывая платка отъ глазъ.—Я знаю,—ты хочешь быть одинъ. Я скоро, скоро всѣхъ васъ избавлю отъ себя. Я знаю, я скоро умру...—И когда она сказала это, ей стало еще больше жаль себя, и она заплакала, какъ дитя.

— Соня,—повторилъ Николай Александровичъ. Онъ хотѣлъ сказать что-нибудь еще болѣе нѣжное, но ничего не сказалъ и, какъ ни старался, ничего, кромѣ состраданія, не испытывалъ къ ней.

Черезъ часъ они помирились и весь слѣдующій день были спокойны. Но потомъ опять поссорились и опять помирились. И хотя Николай Александровичъ никуда теперь не ходилъ,—отношенія между ними были такія же холодныя и натянутыя, какъ и раньше. Оба они чувствовали, что, не смотря на нить, связывавшую ихъ въ готовомъ родиться существѣ, они, какъ два острова въ безграничномъ морѣ, отдѣлены другъ отъ друга безконечнымъ пространствомъ отчужденности.

ХІХ.

Въ концѣ декабря наступилъ опять давно ожидаемый, какъ всегда, и неожиданный и страшный день. Утромъ Софья Николаевна почувствовала боли, послали за акушеркой и докторомъ. Николай Александровичъ встревожился, не отходилъ отъ нея, удивляясь, отчего акушерка не ѣдетъ, бралъ ее за руки и просилъ успокоиться. Ему, какъ мужчинѣ, этотъ будущій и таинственный актъ, эти никому не нужныя боли казались еще болѣе непонятными и ужасными, чѣмъ самой Софьѣ Николаевнѣ, которая вдругъ стала спокойна, точно она примирилась и поняла своимъ женскимъ существомъ величіе и святость этого таинства.

Когда пріѣхалъ докторъ, акушерка и начались роды, Николай Александровичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, заперся и, волнуясь и мучаясь при каждомъ крикѣ, слышалъ, не смотря на запертыя двери, всю гамму все росшихъ и росшихъ воплей, криковъ, сдѣлавшихся прямо животными. И онъ не узнавалъ въ нихъ Софьи Николаевны. Ему казалось, что около него кого-то мучаютъ живого, терзаютъ, и это живое кричить, и онъ ничего не можетъ сдѣлать, какъ только слышать все это. Онъ не думалъ, любить-ли онъ или нѣтъ этого человѣка. Ему было только невыразимо жаль его, и потому онъ страдалъ.

Роды были трудные и, что хуже всего, затянулись. Пришелъ вечеръ, наступала ночь, а роды все еще не кончились и все не было извѣстно, когда же наступитъ конецъ всѣмъ этимъ страданіямъ. Николай Александровичъ теперь все это только слушалъ и ничего не понималъ. Въ три часа пришелъ докторъ, въ одной сорочкѣ, хмурый и чѣмъ-то недовольный, и объявилъ Николаю Александровичу, что онъ долженъ предупредить, что Софья Николаевна можетъ умереть. Молча Николай Александровичъ выслушалъ это и пошелъ въ спальню...

Въ спальнѣ, освѣщенной свѣчами и пахнувшей медикаментами, Софья Николаевна лежала на постели, прикрытая одѣяломъ и склонивъ голову на подушки. Когда Николай Александровичъ вошелъ, она подняла голову и посмотрѣла на него. Лицо ея было прелестно попрежнему, даже еще лучше, чѣмъ всегда, но какой-то особенной животной прелестью. Оно было блѣдно. Ротъ ея былъ полуоткрытъ. Курчавые волосы растрепались по плечамъ и подушкѣ. Чудесные глаза ея, теперь налитые слезами, со страхомъ и недоумѣніемъ остановились на немъ, смотрѣли на него, какъ бы ища въ немъ помощи и облегченія. „Зачѣмъ ты?.. зачѣмъ все это... страданіе, боли... Избавь меня. Неужели это невозможно“—сказали ему эти глаза. Николай Александровичъ, взглянувъ на нихъ, прочелъ въ нихъ все то, что Софья Николаевна хотѣла и не могла сказать, и вдругъ ему стало ясно, удивительно ясно, что вѣдь сейчасъ она умретъ. Ему стало и страшно, и жалко ее, и стыдно, что вѣдь это онъ виновникъ всего и что это она изъ-за него страдаетъ и должна умереть. Онъ заплакалъ. Его увели изъ комнаты.

Съ этой минуты для него все стало безразлично, тупо и нудно. Онъ ушелъ въ сосѣдній флигель, легъ на диванъ, ни о чемъ не думая, но чувствуя одну тупую тяжесть, лежалъ такъ безъ движенія. Бѣжали минуты и часы. Подъ утро пришелъ докторъ, опять какъ будто чѣмъ-то недовольный и въ той же бѣлой, ужасной рубашкѣ, и объявилъ ему, что роды хорошо кончились, и поздравилъ его. Николай Александровичъ сна-

чала не повѣрилъ... А когда повѣрилъ, ему сразу стало странно легко. Слезы полились у него изъ глазъ, но не отъ ужаса, а отъ благодарности къ кому-то за радость, что все кончилось хорошо.

Съ этого времени онъ все время просиживалъ около Софьи Николаевны. Не то, чтобы любовь возвратились къ нему, но ему было ее жалко, какъ страдающаго человѣка, и онъ былъ безконечно радъ, что она жива. Когда же она стала поправляться и не страдала, жалости къ ней стало меньше, и радость начала таять. Въ выздоравливаемомъ человѣкѣ опять мелькнула прежняя Софья Николаевна, нелюбимая, неуступавшая ему, мѣръ которой былъ отдѣленъ отъ его мѣра. И чѣмъ дальше шло выздоровленіе, тѣмъ сильнѣе чувствовалось возвращеніе къ старому и тѣмъ болѣе Софья Николаевна сама опять отстранялась отъ него. Когда она выздоровѣла совсѣмъ, то, что мелькнуло на время, погасло, пропало въ морѣ ихъ обыкновенныхъ отношеній, и супружеская жизнь ихъ потекла попрежнему, какъ будто ничего и не было.

XX.

Сначала Софья Николаевна попробовала сама кормить ребенка. Но вскорѣ заболѣла, и у нея пропало молоко. Она наняла кормилицу и, отправивъ дѣвочку къ Аннѣ Семеновнѣ, уѣхала къ двоюродной сестрѣ, чтобы поправиться послѣ родовъ и болѣзни. Она не рассчитывала долго пробыть въ С., гдѣ жила ея сестра. Она хотѣла только поправиться физически и не быть совершенно одной, какъ это было съ мужемъ.

Но случилось такъ, что, вмѣсто однообразной жизни маленькаго городка, которую Софья Николаевна думала найти въ С., тамъ оказалось очень весело. Сестра ея была замужемъ за подполковникомъ Резенцевымъ — артиллеристомъ. Вся артиллерія, шесть батарей, стояла въ это время тамъ же. Оказалось большое общество, — были все милыя батарейныя дамы, съ которыми Софья Николаевна по пріѣздѣ скоро познакомилась и сошлась. Много было офицеровъ, преимущественно молодыхъ. Всѣ они бывали у Резенцевыхъ и, какъ молодые военные люди, ухаживали за Софьей Николаевной.

Какъ многія женщины, Софья Николаевна смотрѣла на мужчинъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Съ первой — мужчины рассматривались какъ женихи, со второй — какъ кавалеры въ обществѣ. Съ первой точки зрѣнія — самую высокую ступень занимали инженеры, адвокаты, люди съ деньгами или положеніемъ, — самую низкую — офицеры. Но, какъ кавалеры, воен-

ные, въ особенности артиллеристы и кавалеристы, занимали одно изъ самыхъ высшихъ мѣстъ. Никто не могъ такъ много танцовать, быть такимъ услужливымъ, предупредительнымъ съ дамами и такъ занимать ихъ тѣми разговорами, которые не утомляютъ и вѣчно нравятся женщинамъ. У Софьи Николаевны теперь осталась лишь вторая точка зрѣнія, и она рада была этому знакомству съ артиллерійской молодежью.

Среди этихъ поклонниковъ, которыхъ у Софьи Николаевны сразу стало очень много, особенной настойчивостью въ ухаживаніи и другими блестящими качествами кавалера выдѣлялся поручикъ Анцевъ, Илья Григорьевичъ, Ильюша, какъ его звали въ бригадѣ. Анцевъ былъ очень милый, красивый офицеръ, отлично воспитанный, элегантный и большой баловень женщинъ.

Софья Николаевнѣ нравился Анцевъ, и ей было пріятно это ухаживаніе. Но, какъ не глупая, порядочная женщина, она держала его въ извѣстныхъ предѣлахъ, то кокетничая съ нимъ, когда онъ отодвигался отъ этихъ предѣловъ, то держась холодно, когда онъ слишкомъ ухаживалъ.

Были въ С—кѣ танцевальные вечера, которые устраивалъ бригадный генералъ, бывали также пикники съ закусками и винами, были катанія на лодкахъ и прогулки при лунномъ свѣтѣ. Все было хорошо и пріятно, и Софья Николаевна, припоминая скуку недавней жизни съ мужемъ и теперешнее веселье и удовольствіе, старалась всѣми силами погрузиться въ настоящее...

XX.

У командира 4-ой батареи въ его большомъ, почти загородномъ домѣ былъ вечеръ. Изъ открытой настежь двери, выходившей на большую веранду, обсаженную дикимъ виноградомъ, и изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, лился широкой струей свѣтъ. Нѣсколько солдатъ, потихоньку притаившихся около оконъ и прильнувшихъ лицами къ запотѣвшимъ стекламъ, смотрѣли, какъ веселятся господа. Въ садъ доносился мягкій успокоительный звукъ музыки и таялъ въ воздухѣ. Было тепло, тихо, и темная іюльская ночь составляла величавый контрастъ тому веселью и шуму, которые царили въ домѣ.

Софья Николаевна и Герсъ, жена дивизіонера, молодая хорошенькая дама, вышли на веранду, обмахиваясь вѣерами.

— Ахъ, какъ темно, — сказала Герсъ, попадая изъ свѣтлой залы и въ эту темноту и ничего не видя отъ этой рѣзкой перемены. — Не упадите, Софья Николаевна.

— Нѣтъ, ничего, я, кажется, нашла дорогу, — сказала Софья

Николаевна, спустившись съ веранды и ступая по мягкому песку дорожки.

— Какая ночь прелестная... Сейчасъ будутъ зажигать ракеты и бенгальскій огонь. Я совсѣмъ не могу танцовать этого вальса. У меня голова кружится.

— А я ничего. Посмотрите, вотъ звѣзда упала и какъ красиво. Вы не знаете, гдѣ Большая Медвѣдица? Всегда ищу и никакъ не могу найти. Удивительно.

Два офицера выбѣжали изъ дома и съ разбѣга прыгнули на песокъ, звеня шпорами.

— Ахъ это вы!—сказалъ Анцевъ, чуть не натыкаясь на Софью Николаевну. —А мы-то васъ искали. Идемте, пожалуйста. И Елена Осиповна здѣсь? Губинъ, гдѣ вы? Елена Осиповна здѣсь. Идите сюда.

— Елена Осиповна, танцовать!—сказалъ подошедшій молодой Губинъ, ухаживавшій за Герсѣю.

— Я не хочу,

— Ну, вотъ еще. Идемте. Одинъ туръ.

Онъ схватилъ Герсѣю за руку съ дерзкой, но милой шаловливостью и увлекъ ее на веранду. Они исчезли за дверью.

— А мы не пойдемъ, неправда-ли, Софья Николаевна?—сказалъ Анцевъ, нагибаясь къ ней.

— Да, конечно,—отвѣтила она, смотря на него влюбленными глазами.

Софья Николаевна и Анцевъ въ концѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ были уже влюблены другъ въ друга. Софья Николаевна сама не знала, когда и какъ случилось то, что, играя съ нимъ въ любовь и позволяя ему ухаживать за собой и кокетничая съ нимъ, она почувствовала, что увлечена сама. Она пока еще не признавалась себѣ въ этомъ и не говорила ему, но она несомнѣнно знала это, и теперь уже не она одна, но они оба играли роль. Она видалась съ нимъ почти каждый день и всегда по долгу говорила. Въ послѣднее время Анцевъ сталъ говорить ей о своей любви, а она, радуясь внутренно его словамъ, слегка смѣялась предъ нимъ надъ ихъ серьезностью.

— Пойдемте гулять по саду,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я хочу остаться здѣсь.—Она взошла на веранду и, облокотившись о перегородку, стала смотрѣть въ темное пространство сада.

— Какъ темно здѣсь,—сказалъ онъ, всходя за ней на веранду и становясь очень близко.

— Да, я люблю темноту.

— Я знаю это. И это очень плохо. Я люблю свѣтъ. Я люблю...—Онъ остановился и ничего не сказалъ, но только посмотрѣлъ на нее.

— Вы говорите все глупости. Оставьте,—сказала она, прижимая свое лицо обѣими руками и все не отрываясь взглядомъ отъ темноты сада.

— Да вотъ оно... опять начинается,—сказала она себѣ, не оборачиваясь къ нему, чтобы не выдать волненія, которое она всегда испытывала, когда онъ говорилъ ей про любовь.

— Вы не любите, это я знаю. Но я не могу. Я не могу этого не говорить. Простите меня, если вамъ это непріятно.

— Мнѣ нечего вамъ прощать. Но я не хочу, слышите: не хочу, чтобы вы такъ говорили. Я запретила вамъ это.

— Я не могу. Я слушаюсь своего сердца.

— А меня вы не хотите слушать?.. Ну хорошо!—сказала она, поворачиваясь къ нему. И при неясномъ свѣтѣ, который былъ на верандѣ, онъ увидѣлъ то лицо, которое поражало его всякій разъ особенностью своей красоты. Теперь въ немъ виднѣлась нѣжность, и эта нѣжность ласкала его.

— Я на все, на все готовъ для васъ!—отвѣтилъ онъ.

— Такъ не говорите мнѣ о вашихъ кажущихся чувствахъ! Вы вѣдь знаете, я не люблю этого.

— Я говорю не о кажущихся чувствахъ, но о томъ, что есть. Что-жъ, если не хотите, этого скоро не будетъ. Я уѣду отсюда...—сказалъ онъ, помолчавъ и перемѣняя разговоръ.—Тогда никто не будетъ вамъ надоѣдать...—Грусть въ его голосѣ удивила ее,

— Я не говорю, что вы надоѣдаете мнѣ. Я скажу вамъ прямо: я люблю съ вами говорить. Но отчего вы говорите то, чего я не хочу?

— Но отчего вы не хотите?—сказалъ онъ тихо, наклоняясь къ ней.

— Отчего?—повторила Софья Николаевна, и ея большіе темные прелестные глаза посмотрѣли на него. — Почему вы знаете... быть можетъ, я потому вамъ запрещаю, что придаю такъ легко слишкомъ большое значеніе тѣмъ словамъ, которыя вы произносите на вѣтеръ...

Она посмотрѣла на него и улыbnулась „Да, да, я люблю тебя. Развѣ ты не понимаешь этого“—говорилъ ея взглядъ такъ ясно, что онъ не могъ не вѣрить тому, что прочелъ.

— Я говорю это не на вѣтеръ... Вы знаете, что это правда...

Она подняла къ небу свои глаза.

— Посмотрите, не это ли Медвѣдица, да?—спросила она, какъ бы не обращая вниманія на его слова. И она опять это сдѣлала потому, что почувствовала себя такой счастливой отъ его словъ и влюбленной въ него, что не хотѣла, чтобы онъ это замѣтилъ.

— Я говорю правду,—повторилъ онъ настойчиво, чувствуя, что приближается къ желанной цѣли.

— Ну такъ что-жъ, что правду!..—сказала она, смѣясь и не сводя глазъ съ неба.—Не нужно говорить всякую правду. Я никогда не сказала бы въ этомъ отношеніи правды.

Она сказала это такъ просто, что онъ даже не понялъ, какой шагъ къ сближенію она сдѣлала этими словами, и спросилъ:

— Отчего?

— Оттого, что для насъ, женщинъ, эти слова имѣютъ всегда болѣе серьезный смыслъ, чѣмъ для васъ...

— Я готовъ отдать за это все, что вамъ угодно.

— Ничего мнѣ не нужно.—Она помолчала немного, точно о чемъ-то думая.—Если хотите, будемъ друзьями и... не уѣзжайте...—прошептала она.—Вы берете отпускъ. Мнѣ Зина говорила.

— Да, беру. И вы знаете, почему?

— Ничего я не знаю. Вотъ видите: я хочу, чтобы вы остались. Развѣ вамъ этого мало?

— Если бы вы хотѣли, вы поступали бы иначе.

— Но что вы хотите, чтобы я сдѣлала?—сказала она. И звукъ ея голоса былъ нѣжно-грустенъ. Она посмотрѣла на него и вздохнула.

— Вы знаете это.

— Ничего не знаю и не думаю объ этомъ.

— Знаете, но не хотите признаться.

— Если не хочу, значить, такъ лучше,—сказала она, сама не замѣчая того, какое огромное значеніе имѣли эти слова и что они были еще шагомъ къ сближенію. Она повернулась полуборотомъ къ нему и стала смотрѣть въ окно, гдѣ кружились танцующія пары.

— По моему мнѣнію, всякая опредѣленность лучше того положенія, въ какомъ я нахожусь!—сказалъ онъ. Она засмѣялась, провожая глазами улывавшіеся пары.

— А если отвѣтъ будетъ дурной для васъ?—Она подняла на него счастливые смѣющіеся глаза.—Тогда что?

— Быть не можетъ,—неожиданно для себя сказалъ онъ,—но, все равно, говорите!

— Вы хотите? Только смотрите, не раскаивайтесь... а?

— Говорите,—сказалъ онъ рѣзко.

— Что вы сердитесь? Ничего я вамъ не скажу. Я ничего не знаю. Что вы—мой духовникъ, что-ли, что такъ исповѣдуете меня?—сказала она все такъ же смотря на него дразнящими и влюбленными глазами. Пойдемте лучше въ залу.

— Никуда я не пойду.

— Ну, такъ оставайтесь!—сказала Софья Николаевна и

пошла къ дверямъ. Ей очень хотѣлось остаться, и тѣ слова, которыя онъ говорилъ, были такъ пріятны, что она долго бы ихъ слушала. Но духъ противорѣчія и кокетства побѣдиль это желаніе. „Не показывать виду, но подчинить его себѣ“, подумала она.

Онъ смотрѣлъ, какъ она уходила, и хотѣлъ остановить ее. Но онъ ничего не сказалъ, а только глядѣлъ, какъ она шла.—„Обернется или нѣтъ? Если да, то она будетъ моею“—подумалъ онъ. Она прошла въ дверь, не оборачиваясь. Но въ темнотѣ ему вдругъ показалось, что она, прежде чѣмъ скрыться, обернулась на мигъ и улыбнулась ему. „Неужели это правда?“—подумалъ онъ. Радость охватила все его существо. Онъ прошелся нѣсколько разъ по верандѣ.

До сихъ поръ онъ еще ни разу ни любилъ. То же, что онъ называлъ любовью, были увлеченія женщинами, которыя увлекали его однимъ и тѣмъ же, т. е. лицомъ и тѣломъ. Разъ выработавъ, онъ ко всѣмъ имъ примѣнялъ одинаковый способъ ухаживанія, который считалъ безошибочнымъ: сначала онъ говорилъ имъ о своей любви, потомъ слѣдовали прогулки, объятія и поцѣлуи. И почти всѣ женщины, которыми онъ увлекался, давали ему то, что онъ желалъ. Теперь же, увлекшись Софьей Николаевной и говоря ей, что онъ ее любитъ, онъ зналъ, что она ему нравилась сильнѣй всѣхъ другихъ увлеченій лишь потому, что не поддавалась, и что чувство его къ ней было такое же, какъ и къ другимъ женщинамъ, до нея нравившимся ему.

Закуривъ папиросу, которая всегда приводила въ порядокъ его мысли, онъ облокотился на перила и сталъ думать о томъ,—идти или не идти ему въ залу. Идти было пріятно; но не пойти—значило выдержать характеръ и показать ей, какъ онъ владѣетъ собой... Колеблясь между этими двумя рѣшеніями, онъ курилъ и смотрѣлъ въ лежавшую передъ нимъ темноту сада.

Софья Николаевна, войдя въ залу и протанцовавъ два тура, сѣла на стулъ и стала ждать его прихода. Она была въ этомъ увѣрена. Но онъ не приходилъ. Она протанцовала еще... Когда же онъ и послѣ этого не появился въ залѣ, она не могла сдержатъ желанія пойти къ нему. Нѣсколько времени она боролась съ нимъ въ душѣ, но потомъ встала и пошла. „Все равно, какъ ничего не значитъ“—подумала она, приводя, какъ всѣ, на помощь поступкамъ свои мысли.

— Ну, что-жъ вы все стоите? Идемте танцовать,—сказала она, подходя къ нему на верандѣ.

Онъ обернулся на ея слова и, увидавъ ее, почувствовалъ радость, но сдержалъ ее и сухо отвѣтилъ:

— Я не хочу.

— Что это вы такой скучный? Что вамъ нужно, наконецъ?—сказала она, не сердясь за его тонъ, но радуясь, что въ немъ выражается любовь къ ней.

— Да или нѣтъ?—сказалъ онъ рѣшительно, наклоняясь къ ней. Онъ увидалъ, что она сдается, и рѣшилъ кончить все скорѣй. Лицо ея было близко отъ него, и на немъ были стыдъ, любовь и смущеніе. Она невольно придвинулась къ нему и слабо, по дѣтски улыбулась.

Шумъ и разговоры, раздавшіеся недалеко, заставили ихъ отодвинуться другъ отъ друга. На веранду вылилась волна мужчинъ и женщинъ и разсыпалась по всему пространству. Стало тѣсно. Нѣсколько человѣкъ сошло на дорожку. Всѣ разговаривали, шутили, смѣялись. Зала, виднѣвшаяся сквозь окно, опустѣла.

— Ракеты?—спросила Софья Николаевна у подошедшихъ къ ней Герсъ и Губина.

— Да, сейчасъ начинается.

— Идемте, идемте, *messieurs et mesdames!* — раздался громкій голосъ. Высокій офицеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, неся пачку какихъ-то трубочекъ, пошелъ впередъ. Всѣ хлынули за нимъ въ садъ.

— Что за прелесть ночь!..—Какъ темно!..—Рѣшительно ничего не вижу!..—Не оступитесь, Марья Николаевна!..—Сюда, сюда, господа, здѣсь дорожка.—Алеша, гдѣ ты?—раздавалось тамъ и сямъ. Волна людей лилась по дорожкѣ, расползаясь по сторонамъ. Софья Николаевна шла подъ руку съ Анцевымъ среди другихъ.

— „Да, или нѣтъ?—повторила она мысленно, испытывая радость идти подъ руку съ тѣмъ, кого она любила.—Ну, конечно, да! Какъ я люблю его и онъ ничего не понимаетъ. Но не надо, ни за что не надо показывать ему. Такъ лучше“.

Она шла, стараясь идти съ нимъ въ ногу. Въ той темнотѣ, которая ихъ окружала, кромѣ ближайшихъ паръ, ничего не было видно. Только чувствовалось по долетавшимъ словамъ, подавленному смѣху и заглушаемому пескомъ дорожекъ, легкому топоту—присутствіе многихъ паръ.

XXI.

Офицеръ, шедшій впереди съ пучкомъ ракетъ, пройдя весь садъ, вышелъ на поляну, образовавшуюся послѣ вырубки молодого березняка, и остановился съ двумя солдатами, которые несли за нимъ большіе колья. Онъ сталъ ихъ

вбивать и занялся устройствомъ фейерверка. Гости, шедшіе за нимъ толпой, расположились въ небольшомъ отдаленіи отъ него, группами. Нѣкоторые сѣли на сломанныя деревья и пни, другіе, разостлавъ шинели на мокрую росистую траву, сѣли, поджавъ ноги, остальные стояли тамъ и сямъ.

Вездѣ былъ слышенъ говоръ. Иногда раздавались отдѣльныя громко сказанныя слова или вырывался у кого-нибудь смѣхъ, разносился и таялъ въ ночной тишинѣ. Кое-гдѣ вспыхивала спичка и, освѣщая на нѣсколько секундъ близъ стоящія лица, гасла, и тогда темнота дѣлалась еще гуще. Небо было ясное, звѣздное. На востокѣ бѣлѣла зеленовато-лимоннымъ цвѣтомъ непотухающая заря. Вездѣ было темно и тепло, такъ бываетъ въ хорошія теплыя іюнскія ночи.

Софья Николаевна стояла подъ руку съ Анцевымъ въ своей группѣ, гдѣ, кромѣ Губина и Герсъ, было еще нѣсколько офицеровъ. Она не разговаривала. Она то смотрѣла въ темную даль, гдѣ ничего не было видно, то блуждала глазами по небу, по млечному звѣздному пути, то по отдѣльнымъ бѣлымъ пятнамъ-кителямъ офицеровъ. Она не слушала того, что ей говорилъ Иволгинъ, стоявшій около нея, но все думала о томъ, о чемъ въ послѣднее время она стала такъ часто думать—о немъ, объ ихъ взаимной любви. Она не размышляла о томъ, что будетъ, но перебирала въ памяти все то отрадное, что уже было. Ей казалось, что въ будущемъ будетъ все такъ же прекрасно, какъ было въ прошломъ. Да и какъ не быть прекрасному, когда онъ тутъ, такъ близко, и онъ такой красивый, и онъ только что такъ ясно сказалъ, что ее любить. „Да или нѣтъ, да или нѣтъ?..“—прошптала мысленно она нѣсколько разъ и подумала, какъ онъ можетъ еще сомнѣваться и спрашивать, когда въ ней все такъ ясно и все существо ея говоритъ „да“. Эти мысли она по-женски перевела въ планъ будущихъ дѣйствій. Этотъ планъ былъ таковъ: кокетничать, слегка мучить и не показывать, что любишь.

Перейдя съ Анцевымъ поближе къ офицеру, она стала смотрѣть, какъ офицеръ въ это время установилъ сбитые накрестъ колья и, прикрѣпивъ къ нимъ нѣсколько ракетъ въ видѣ расходящихся лучей, отойдя въ сторону и полюбовавшись своей работой, обернулся къ собравшимся и закричалъ, что онъ сейчасъ начинается. Тѣ, кто лежали и сидѣли, вскочили. Мужчины подавали дамамъ руки и поднимали ихъ съ травы. Поднялся шумъ, смѣхъ и говоръ. Всѣ пододвинулись ближе и жались, боясь, что ракета попадетъ въ нихъ. Около кольевъ образовалась толпа.

Офицеръ чиркнулъ спичкой и, поднявъ ее къ своему лицу, спотыкаясь о кочки, пошелъ къ кольямъ. Вытянувъ

руки и стараясь, чтобы спичка не потухла, онъ сталъ поджигать ракету. Но спичка потухла, и наступила совершенная темнота. Солдаты почтительно и весело засмѣялись неудачѣ. Спичка вспыхнула снова, рука, приложившая ее къ ракетѣ, быстро отдернулась, и офицеръ прыгнулъ въ сторону.

— Ну, теперь, кажется, пойдетъ,—сказалъ онъ.

— Не будетъ ничего изъ эфтого,—усомнился солдатъ.

— Поди, Сидоровъ, помоги,—пошутили другой.

— Ловокъ. Подступись самъ. Кусается, — захохотали первый.

— *Comme c'est longtemps!*..—сказала генеральша французженокъ-гювернантокъ.

— *Non, madame, cela va bientôt finir,*—отвѣтила та.

Яркій красноватый свѣтъ озарилъ всѣхъ. Снопъ искръ вырвался откуда-то и разлетѣлся по воздуху. Въ одномъ концѣ раздался крикъ, и нѣкоторые поняли. Ракеты, скрѣпленныя въ одномъ концѣ вмѣстѣ, закружились, какъ колесо, и изъ всѣхъ отверстій ихъ стали сыпаться золотыя длинныя искры и таять въ воздухѣ. Быстрота движенія огненнаго колеса все увеличивалась, и искры стали сыпаться еще сильнѣй и гуще и шипѣли, и свистѣли въ воздухѣ. Толпа, сперва отодвинувшаяся, теперь снова приблизилась и окружила плотнымъ кольцомъ фейерверкъ. Лица всѣхъ были освѣщены желтовато-краснымъ свѣтомъ. Раздавались шутки, отдѣльныя слова:—*Comme c'est beau. Comme c'est joli,*—слышалось съ одной стороны. Ишь жарить, ровно паровозъ, преть-то преть-то какъ, братцы, чудеса право—раздавалось съ другой.

Колесо стало вертѣться медленнѣе, и искры тише сыпались на траву. Офицеръ, который устраивалъ фейерверкъ, выскочилъ изъ толпы и, пробѣжавъ пространство, гдѣ вертѣлось колесо, весь осыпанный искрами, исчезъ дальше въ темнотѣ. Въ тотъ же мигъ откуда-то справа рванулъ вверхъ, къ небу, цѣлый огненный фонтанъ. Всѣ бросились, слегка толкая другъ друга, къ нему и окружили его такимъ же плотнымъ кольцомъ, какое было у колеса. Фонтанъ доходилъ до сажени и потомъ вдругъ обрывался и падалъ внизъ въ видѣ длинныхъ красныхъ нитей, которыя пропадали, не достигнувъ земли. Еще два другихъ фонтана вырвались въ другомъ и третьемъ мѣстѣ и освѣтили окрестность красноватымъ свѣтомъ. Всѣ разбрелись по группамъ, стояли и любовались картиной. Когда и фонтаны стали гаснуть, вылетѣли голубыя, зеленыя и красныя китайскія свѣчи. Онѣ стрѣляли, проскользали далеко вверхъ и тамъ рассыпались на серебряныя звѣздочки, которыя медленно таяли, опускаясь къ землѣ. Иногда кидалась вверхъ, какъ огненная стрѣла,

ракета, и, поднявшись высоко-высоко до самого зенита и оставляя по себѣ свѣтлую полосу, разрывалась тамъ на верху, и отъ нея ползли по небу длинныя золотыя змѣи.

Потомъ стали зажигать бенгальскій огонь. При его фантастическомъ свѣтѣ вся окрестность и люди, и деревья принимали могильный волшебный оттѣнокъ. Кто-то пустилъ шутиху, и она, пыжась и шипя въ травѣ, заставила дамъ и мужчинъ со смѣхомъ бѣжать отъ нея. Когда высыпали въ разведенный костеръ красный порошокъ, все озарилось сильнымъ, ненатуральнымъ краснымъ свѣтомъ: лица, бѣлые кители офицеровъ, стволы березъ и даже небо—все было красно и волшебнo-красиво.

Когда всѣ пришли назадъ въ освѣщенный уютный домъ, и начались снова танцы, Софья Николаевна не стала танцевать, а поднялась наверхъ, въ дамскую уборную и сѣла на диванъ. Снизу до нея доносился топотъ и звонъ шпоръ—танцевали мазурку. Софья Николаевна хотѣлось побыть одной, чтобы никто, даже онъ, ея не видалъ. Она облокотилась о спинку дивана и задумалась: всю дорогу обратно послѣ окончанія фейерверка Анцевъ ничего ей не говорилъ, но такъ жаль ей руку и такъ нѣжно смотрѣлъ на нее, что она, хотя ничего не сказала ему, чувствовала, что такъ нельзя, что нужно какъ-нибудь перемѣнить ихъ отношенія.

— Неужели поссориться съ нимъ, разойтись?—спрашивала она себя—изъ-за чего?..—Онъ ничего мнѣ не сдѣлалъ. Что онъ любить меня?.. Ну такъ, что-жъ? Развѣ я могу ему запретить выражать свою любовь?.. Онъ хочетъ ухажать. Правду ли онъ говорить? Какъ ужасно, если это такъ. Какъ скучно будетъ безъ него. Разстаться и не видѣть, разстаться и не видѣть,—повторяла она, стараясь представить, какъ это будетъ тяжело.—Нѣтъ, ни за что. Какъ я его люблю, какъ я его люблю. Лучше все, чѣмъ расходиться. Все?.. что все? Неужели гулять, цѣловаться и то... то? Нѣтъ, не хочу.—Она облокотилась на руку и стала задумчиво смотрѣть въ окно, какъ бы вслушиваясь въ тотъ внутренній процессъ, который совершался въ ея душѣ.—А, впрочемъ, что изъ того.., если я его люблю,—невольно полу-призналась она себѣ.—Какъ это было бы хорошо: быть его, цѣловать его милое лицо, ласкать... Нѣтъ, нѣтъ не стоитъ. Я люблю его и буду всегда любить. Но „то“ не нужно. Не надо думать.

Она встала, подошла къ зеркалу. И красота собственнаго лица поразила ее неожиданно новымъ выраженіемъ. Черныя бархатныя глаза смотрѣли серьезно и смѣялись въ одно время. Она повернула слегка голову и улыбнулась себѣ.

— Да, я красива,—была первая, невыраженная словами, мысль, пришедшая ей въ голову.—Развѣ можно не любить

такую красавицу? Развѣ можно тобой не увлекаться?—сказала она себѣ.

„Да, какое счастье, что я такъ хороша и что я люблю и любима“—думала она, спускаясь внизъ по лѣстницѣ и ощущая знакомое чувство веселости и жара, сопровождавшее ее всегда на балу.

„Главное—не думать. Вотъ, кажется, онъ. Пройти мимо спокойно и не обратить никакого вниманія. А тамъ будетъ видно...“

XXII.

Прошла ночь. Наступилъ день. Утромъ выпалъ дождь и освѣжилъ воздухъ. Софья Николаевна встала поздно, а такъ какъ всѣ ушли, она пошла въ садъ и, сѣвъ на качалку, стала читать книгу. Было не жарко. Послѣ дождя все было точно вымыто. Поднимались послѣдождевыя испаренія. Лучи солнца, прорываясь сквозь переплетенную чащу вѣтвей орѣшника, образовывавшихъ что-то въ родѣ бесѣдки, переносили эту бесѣдку на песокъ въ видѣ яркихъ свѣтлыхъ четырехугольниковъ и круговъ. Порой, когда проносился вѣтеръ и березы, стоявшія возлѣ, шелестѣли ровнымъ шумомъ, а листья орѣшника летѣли во всѣ стороны, солнечныя фигуры струились на песокъ и разнообразились.

Софья Николаевна не читала, хотя и смотрѣла въ книгу. Раскрывъ ее на 48-й страницѣ и смотря на лиловато-черный фонъ буквъ, она думала о томъ, о чемъ она такъ часто думала съ одинаковою охотой. Она вспоминала вчерашній вечеръ и его, и всѣ тѣ слова, которыя онъ сказалъ ей, и радовалась тому, что они были любовныя, и перебирала ихъ нѣсколько разъ про себя, чтобы только повторить ихъ. И куда она мысленно ни обращалась, вездѣ былъ онъ съ милымъ лицомъ, съ черными глазами, нѣжно смотрящими на нее, одинъ онъ, котораго она любила.

Звонъ шпоръ, раздавшійся невдалекѣ, по ту сторону чащи деревьевъ, заставилъ ее вздрогнуть и поднять голову. И сейчасъ же, отчасти по звуку мѣрныхъ увѣренныхъ шаговъ—звукъ этотъ она такъ хорошо знала—и, главное, по тому неизъяснимому инстинкту, который присущъ влюбленнымъ, она почувствовала, что это онъ. Радость охватила ее, она, не отрывая глазъ отъ книги, чтобы скрыть краску, залившую ее лицо, чувствовала, что онъ теперь свернулъ за уголъ и идетъ къ ней.

— Доброе утро,—услышала она и, когда подняла голову, увидала того, чье присутствіе она уже знала. Онъ былъ въ кителѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ.

— Вы читали. Я вамъ помѣшалъ?—сказалъ онъ, пожимая ей руку и сядя на лавку около качалки.

— Нѣтъ, я такъ... Я мечтала,—сказала она, засмѣявшись и закрывая книгу.

— Мечтали? о чемъ? о комъ?—спросилъ Анцевъ, чувствуя, что разговоръ попадаетъ какъ разъ на ту тему, которую онъ желалъ и на которую всегда могъ говорить сколько угодно.

— Почему же „о комъ“?.. вѣрнѣе—„о чемъ“... Нѣтъ, впрочемъ, „о комъ“. О вчерашнемъ вечерѣ мечтала,—сказала она, подымая на него свои бархатные глаза и какъ бы спрашивая, доволенъ ли онъ ея отвѣтомъ.

— Что-жъ вы мечтали?

— Странно, неужели я вамъ должна рассказывать все то, о чемъ я думаю. Кто вамъ далъ такое право?

— Никто, кромѣ моихъ отношеній къ вамъ.

— А, вы опять за старое!—сказала она.—Слышите, я вамъ запрещаю, положительно запрещаю говорить когда-нибудь объ этомъ. Если я еще разъ отъ васъ это услышу, то я разсержусь на васъ, и мы съ вами разойдемся.—Губы ея говорили то, чего она не хотѣла, но глаза говорили то, что она желала. Ихъ влюбленный смѣющийся взглядъ очаровывалъ его и шепталъ ему: „ну да, да, я люблю тебя“.

— Вы разсердитесь и мы разойдемся?..—переспросилъ онъ.—Да, мы скоро разойдемся и безъ того.—Онъ помолчалъ немного, словно ожидая, не возразить-ли она ему не это.—Вы знаете,—сказалъ онъ вдругъ рѣзко:—я исполнилъ ваше желаніе. Я уѣзжаю. Вѣдь я къ вамъ съ прощальнымъ визитомъ.

Его глаза испытующе посмотрѣли на Софью Николаевну. Но чувство лжи, охватившее ее, было такъ велико, что она скрыла страхъ, поднявшійся въ ней при этомъ извѣстїи, и придала своему лицу равнодушное выраженіе.

— Что-жъ, уѣзжайте! Счастливаго пути,—сказалъ голосъ лжи.

— Я знаю, что вы этого желаете, а потому и взялъ отпущъ.

— Я ничего не желаю. Мнѣ все равно.

— Потому-то я и уѣзжаю,—сказалъ онъ, вставъ быстро съ лавки и отходя немного:—потому то и уѣзжаю, что вамъ все равно.

— А а...—только и могла сказать она.

Они замолчали и, пока это молчаніе длилось нѣсколько минутъ, Анцевъ сбивалъ хлыстомъ листья орѣшника. Софья Николаевна не смотрѣла на него и качалась.

— „Оставить или нѣтъ? Любить или нѣтъ“? спрашивала она себя—„Нѣтъ, нѣтъ... да“.

— Я никогда не желала, чтобы вы уѣзжали, Илья Григорьевичъ. Я всегда вамъ говорила, что мнѣ весело съ вами. Я и теперь готова васъ оставить. Впрочемъ, нѣтъ, уѣзжайте, если хотите. Быть можетъ, такъ лучше... — Лицо ея приняло грустное выраженіе, и глаза смотрѣли безучастно.

— Отъ васъ зависитъ, что лучше: остаться или нѣтъ.

— Нѣтъ... вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете?..—сказала она вдругъ, откладывая книгу на скамейку и вопросительно взглянувъ на него:—Не шутите?

— Даю вамъ слово,—сказалъ онъ, ни минуту не задумываясь. Онъ такъ увлекся въ этотъ моментъ, что былъ вполне искрененъ. Но когда онъ сказалъ, онъ понялъ, что никогда не исполнить и не можетъ исполнить этого.

Лицо Софьи Николаевны сдѣлалось унылымъ. Она разсѣянно смотрѣла вокругъ себя. Все сразу опустилось въ ней. И эта свѣжая веселая природа, и яркій свѣтъ солнца, и голубое небо сразу потемнѣли для нея. Она готова была заплакать и машинально качалась.

— Что-жъ, уѣзжайте!—сказала она, наконецъ.—Быть можетъ, такъ будетъ лучше.—Она опять взяла книгу, разсѣянно перевернула нѣсколько страницъ и задумчиво посматрѣла въ сторону.—Только одно я хотѣла бы вамъ сказать: мнѣ жаль, что вы уѣзжаете. Я не хочу, чтобы вы, уѣзжая, питали ко мнѣ непріязненное чувство, именно вы. Я не виновата ни въ чемъ. Я къ вамъ очень хорошо отношусь... Да, можетъ быть... слишкомъ хорошо...—прошептала она.—Впрочемъ, все равно, уѣзжайте. Какъ вамъ угодно.

— Такъ до свиданья...—сказалъ онъ, не прощаясь съ ней сейчасъ, но относя это слово къ предполагаемому будущему.

Софья Николаевна, какъ бы не слыша его словъ, откинулась на спинку качалки. Лицо ея было задумчиво и грустно. Прелестные глаза ея смотрѣли вдаль и не видѣли.

— Знаете что, дайте мнѣ вашу карточку на память,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ она вамъ? Для васъ вѣдь она ничего не значитъ.

— Если я говорю, значитъ хочу имѣть. Какъ вы ничего не понимаете...—прошептала она. И звукъ ея голоса, и глаза, смотрѣвшіе на него, не оставляли больше сомнѣній.

„Неужели?“—спросилъ онъ себя, и радость вдругъ охватила его волной. Онъ прошелся нѣсколько разъ, чтобы скрыть свое волненіе.

— А какъ бы это могло быть прекрасно, если бы вы иначе ко мнѣ относились...—сказалъ онъ вдругъ, снова усаживаясь такъ близко отъ нея, что головы ихъ были почти рядомъ.

— Ничего не могло быть и не будетъ прекрасно.... Но...

какъ вы ничего не понимаете!.. — тихо сказала она, откидываясь назадъ. Она опять покачалось нѣсколько разъ и потомъ остановилась. Что-то боролась въ ней, и лицо ея выразило эту борьбу: что-то нѣмое, жалкое, просящее было въ немъ, — не то страхъ, не то сожалѣніе и нерѣшительность, не то нѣжность и любовь къ нему.

— Слушайте, я скажу вамъ все. Но тогда прощайте. Вы сейчасъ уходите.

Она протянула ему маленькую руку и вся покраснѣла.

Онъ нѣсколько времени сидѣлъ, ничего не понимая, но чувствуя, что сейчасъ совершится что-то радостное. Наконецъ, онъ всталъ, машинально пожалъ ей руку и остановился, не выпуская ея руки и смотря прямо на нее.

— Такъ вы не понимаете ничего? Ну, такъ знайте, что я люблю васъ, — сказала она быстро. И когда она это сказала, тутъ только почувствовала, какое огромное и страшное значеніе имѣютъ эти слова. Она, какъ человѣкъ на краю пропасти, бросилась въ нее и, только оторвавшись отъ земли, почувствовала ужасъ паденія. До этого, не смотря на то, что она его любила, и на то, что онъ говорилъ ей, онъ былъ все же чуждъ ей. Въ этотъ же мигъ въ душѣ ея совершился переломъ. Все прошлое пропало, а въ настоящемъ она была связана навсегда съ этимъ человѣкомъ. Она не была женой другого, она была любовницей того, кого любила. Эта близость и связь съ нимъ пугали ее своей неизвѣстностью. Ей стало жаль того, что она сказала, и радостно, что все неизвѣстное, наконецъ, кончено. вмѣстѣ съ тѣмъ, ей казалось, что она полюбила его гораздо больше. Она почувствовала себя такой беззащитной и слабой, что, по-женски, закрывъ лицо руками, заплакала.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Смотрѣлъ и не понималъ величія того, что совершалось передъ нимъ, и что въ этотъ мигъ эта женщина отдавалась ему. Онъ видѣлъ, что исполнилось то, чего онъ желалъ. Ему было пріятно это и непонятно, отчего она плачетъ. Онъ не зналъ, ни что ему дѣлать, ни что сказать. Она все плакала, закрывъ лицо руками и вздрагивая плечами. Онъ подошелъ и взялъ ее за руку.

— Ахъ, оставьте!.. — прошептала она, не отрывая рукъ, страннымъ, злымъ, дрожащимъ голосомъ: — Уйдите... потомъ.

— Такъ когда же? — сказалъ онъ, все думая о себѣ.

— Сегодня вечеромъ... приходи... — сказала она, переходя на ты. — А теперь уйди... скорѣе!

Онъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на нее. Онъ совсѣмъ растерялся и ничего не понималъ. То, что совершилось предъ нимъ, было слишкомъ велико и недоступно его пониманію.

Онъ повернулся и медленно пошелъ, ниразу не посмотрѣвъ на нее. Когда она услышала, что онъ отошелъ, она отняла платокъ отъ заплаканныхъ глазъ и нѣжнымъ взоромъ смотрѣла на того, кого такъ любила.

— Все равно... какъ я люблю его!.. Что будетъ, то будетъ... Не надо думать... Такъ сегодня вечеромъ... какое счастье!

XXII.

Когда, наконецъ, было удовлетворено то, что они называли любовью, и когда послѣ этого акта любви Софья Николаевна, придя домой, вошла въ свою комнату и, заперевъ ее, сѣла на стулъ у окна, она долго сидѣла такъ и смотрѣла открытыми широко глазами на темную зіявшую пропасть ночи. Она смотрѣла, но не думала объ этомъ, а все перебирала въ своей памяти недавнія подробности и все спрашивала себя и не могла дать себѣ отчета, какъ случился съ ней весь этотъ ужасъ. И чѣмъ болѣе она припоминала все, начиная съ того времени, когда она вошла къ нему и кончая тѣмъ, какъ онъ отпускалъ ее, стоя на крыльцѣ, куря папиросу, въ послѣдній разъ обнялъ ее, всю дрожавшую, и поцѣловалъ,—чѣмъ болѣе она вспоминала всѣ нѣжности и тайны любви, которыя она недавно пережила, тѣмъ страшнѣе становилось ей, и тѣмъ сильнѣе она чувствовала ужасъ и гадость происшедшаго.

Она не винила себя въ томъ, что это было безнравственно и что она погибшая женщина, измѣнившая мужу и ребенку,—она совсѣмъ не думала объ этомъ и не чувствовала себя ни предъ кѣмъ виноватой. Ее ужасала только та пропасть, которая открылась между тѣмъ, о чемъ она мечтала, и тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ. Не только не было плотского сладкаго чувства любви, нѣги и очарованія отъ объятій любимаго человѣка и поэтически-трепетнаго чувства желанія, которое манило ее къ этому, но былъ одинъ ужасъ и физическое омерзѣніе передъ той грязью, которая открылась ей, и это было еще хуже, чѣмъ тогда, въ первую ночь съ Николаемъ Александровичемъ. Ей было жалко и больно, что онъ и она осквернили эту любовь, ей казалось, что послѣ этого ей будетъ совѣстно и стыдно смотрѣть на него. Она хотѣла отогнать и забыть скорѣе всю эту грязь, а вмѣсто того яснѣе ее припоминала. И она сидѣла такъ на стулѣ около окна и, подперевъ лицо руками, смотрѣла и не могла оторваться отъ грозной темноты, висѣвшей передъ ней.

Было душно. Въ разстилавшейся передъ ней давящей черной мглѣ не видно было ни зги, только слышалось ды-

ханіе жизни, подавленной предстоящимъ потрясеніемъ природы. Собиралась гроза. Одна сторона неба была еще совершенно чиста и выливалась синимъ звѣздистымъ покровомъ. На другой же сторонѣ собиралось что-то еще болѣе черное, чѣмъ сама ночь, грозное и нѣмое. Это сходились тучи и кое-гдѣ вспыхивали фосфорически-зеленоватымъ свѣтомъ молніи. Эти вспышки были такъ часты, что иногда сливались въ одинъ блестящій взрывъ свѣта. Но грома не было слышно. Только чуть-чуть доносилось урчаніе и опять все затихало. Эта нѣмая тишина и это величавое спокойствіе природы еще болѣе усиливали напряженіе передъ грозой. Все замерло и затихло. Далеко внизу гдѣ-то тихо плескался ручей.

„Ахъ, зачѣмъ все это случилось, и какъ оно произошло неожиданно! Какъ я мечтала обо всемъ этомъ и боялась этого. И хотѣла... и боязнъ эта была пріятна. И какъ отвратительно и гадко было это. Илья... Да, я люблю, люблю его“, — сказала она себѣ, стараясь припомнить лицо, въ которое была влюблена, съ знакомымъ ей выраженіемъ ласки и нѣги. Но лицо это не являлось въ ея воображеніи и смѣнялось чѣмъ-то другимъ, гадкимъ... „Зачѣмъ было стремиться къ этому? Развѣ нельзя было иначе? Мы были бы друзьями. Мы бы любили другъ друга. Нѣтъ, теперь кончено! Я принадлежу ему. Я люблю его. Я его, я его...“ — шептала она, стараясь найти въ томъ хоть какую-нибудь прелесть... „Но какъ нехорошъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда утѣшалъ меня. Онъ думалъ, что я плачу изъ-за раскаянія, что мнѣ стыдно предъ Николаемъ... Да... стыдно ли мнѣ?“ Она задумалась. „Нѣтъ, нисколько. Я предъ нимъ невиновата. Это гадко, быть можетъ, очень гадко, но что же мнѣ дѣлать, если я не чувствую никакой вины предъ нимъ. Николай не любитъ меня... Если бы мы иначе жили и онъ понималъ бы меня, — быть можетъ, этого бы не было... Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не жалѣю. Я люблю его одного, моего милаго, славнаго... Но какъ все гадко и... тяжело“.

Она думала все это и говорила это себѣ и все смотрѣла въ садъ усталыми блуждающими глазами. Еще болѣе тихо и страшно стало въ природѣ. Тучи обложили темной массой полнеба, но молніи теперь прекратились и было совсѣмъ черно. Гдѣ-то рѣзко кричала незнакомая птица. Пронесся легкій свѣжій вѣтерокъ-буревѣстникъ, и зашумѣли слегка деревья, заструились листья. Окно рванулось туда и сюда и остановилось. Птица смолкла.

„Когда мы съ нимъ познакомились, это было такъ отдаленно, а теперь... Когда это случилось? Вотъ никогда бы не подумала, что полюблю его и будетъ это. Ни при первой встрѣчѣ, ни въ послѣдующее время я объ этомъ не думала.“

Когда же это было рѣшено?.. Неужели на томъ балу? Нѣтъ, не тогда... Это всегда, всегда готовилось въ моей душѣ и тогда, когда я выходила за Nicolas, и въ первую ночь нашу, и во всю послѣдующую жизнь. Если бы я его любила, развѣ бы это случилось? Онъ одинъ виновенъ, онъ привелъ меня къ этому.. Но чего мнѣ жалъ и чего такъ страшно и душно?... Ахъ!

Молнія разрѣзала пополамъ весь небесный сводъ, и горизонтъ озарился на мгновение зеленовато-лиловымъ необыкновеннымъ свѣтомъ. Въ это мгновение явились и застыли и деревья, и далекое поле, и рядъ избъ вдали, и лѣсъ на горизонтѣ, и забытая въ саду качалка. Упоительно страшенъ былъ этотъ мигъ подавляющаго безмолвія, и все, что открылось, было дивно прекрасно. Вдругъ сразу все пропало, тьма залила все, и ахнулъ громъ.

Софья Николаевна сидѣла очарованная и оглушенная. Только тогда, когда первый ударъ прошелъ и дальнѣйшіе болѣе тихіе, хотя все еще грозные раскаты, тяжело громыхали въ небѣ, она вскочила, невольно, по привычкѣ, перекрестилась и потянулась къ окну, стараясь затворить его. Но ворвавшійся откуда-то вѣтеръ со страшной силой ударилъ въ окно, вырвалъ его изъ рукъ Софьи Николаевны и такъ сильно хватилъ его о подоконникъ, что зазвенѣли стекла. Софья Николаевна снова схватила его и что было силы потянула къ себѣ, борясь съ вѣтромъ. Въ этотъ моментъ опять сверкнула молнія и опять озарилась вся окрестность, и ударило. Окно рванулось. Софья Николаевна держала его всѣми силами, ничего не сознавая. Она вся дрожала. Въ это время гдѣ-то залопотало, точно удары бича сыпались на землю. Первые крупныя капли дождя упали ей на руку и на лобъ, а за ними другія, все чаще и чаще. Софья Николаевна закрыла окно и задвинула щеколду. Дождь пошелъ сильнѣе и сливался въ одинъ неясный водяной шумъ. Онъ билъ со всего размаху въ стекла. Когда сверкала молнія, онъ казался лиловой висящей сѣткой. Громъ сталъ урчать меньше. Но вѣтеръ вылъ въ трубѣ, и этотъ вой былъ страшенъ Софьѣ Николаевнѣ.

„Чему эта примѣта? Я помню, что, когда случалось что-нибудь хорошее, няня говорила: быть дождю. Неужели это къ счастью? Но, Боже, какъ дико и страшно“.

А гроза все бушевала и бушевала.

Съ этого времени и началась ихъ любовь. И чѣмъ дальше шло, тѣмъ менѣе было угрызений совѣсти и тяжести неизвѣстно передъ чѣмъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было менѣе пре-

лести въ ихъ любви* и меньше очарованія. Потомъ все сдѣлалось привычнымъ и обыкновеннымъ. Не она одна, а много женщинъ то же дѣлали, и всѣ онѣ осуждали за это другихъ и не осуждали только себя. Чужая вина, какъ су-чокъ въ глазу, была видна всѣмъ, свое же бревно онѣ не то, чтобы не могли видѣть, но не *хотѣли* видѣть и даже считали, что это не бревно, а что-то другое.

Шли дни и недѣли, но сближеніе между Анцевымъ и Софьей Николаевной не увеличивалось больше, чѣмъ въ первый разъ. И, не смотря на то, что Софья Николаевна, уѣзжая къ себѣ, сильно плакала, разставаясь съ нимъ, оба они понимали, что въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, отъѣздъ Софьи Николаевны будетъ самымъ лучшимъ концомъ. Софья Николаевна знала и то, что эта любовь была совсѣмъ не то, о чемъ она мечтала, и что, хотя онъ ей и нравился теперь, она его скоро забудетъ. И это дѣйствительно случилось.

XXIV.

Николай Александровичъ не скучалъ по отъѣздѣ Софьи Николаевны и безъ нея наслаждался теперь полнымъ счастьемъ, какимъ можетъ наслаждаться обеспеченный и пользующійся разумно жизнью человѣкъ. Не говоря уже о томъ, что теперь онъ не испытывалъ никакихъ непріятностей дома и могъ всецѣло отдаться столь любимой имъ службѣ,—Николай Александровичъ только теперь вкусилъ сладость разумной и пріятной любви.

Николай Александровичъ зналъ *ее* еще до своей женитьбы. Она служила гувернанткой у Давыдовыхъ, гдѣ онъ часто бывалъ. M-lle Madelaine была бѣлокурая подвижная дѣвушка, очень бойкая и очень охотно разговаривавшая съ мужчинами. Онъ слышалъ потомъ, что она уѣхала отъ нихъ съ какимъ-то офицеромъ. Онъ ея не видалъ три года. Теперь Николай Александровичъ встрѣтилъ ее на улицѣ губернскаго города. Она узнала его, первая подошла къ нему. Они разговорились. Оказалось, что она бросила офицера и хотѣла открыть здѣсь модный шляпочный магазинъ. Когда они подошли къ тому дому, гдѣ она жила, она такъ просила Николая Александровича зайти хоть на минуту къ ней, что Николай Александровичъ сдался. Онъ думалъ просидѣть у нея полчаса, но остался до 11. Онъ нашелъ ее очень милой и интересной. Потомъ онъ заходилъ къ ней еще нѣсколько разъ. Черезъ мѣсяцъ онъ уговорилъ ее не открывать магазина. Онъ нанялъ ей небольшую, но мило отдѣланную квартиру и пріѣзжалъ къ ней изъ уѣзда три раза въ не-

дѣлю: вѣды было 3 часа по желѣзной дорогѣ. Сдѣлавъ такъ, онъ былъ доволенъ, что, наконецъ, устроилъ себѣ нормальную жизнь.

Нельзя было сказать, что Николай Александровичъ не интересовался вопросомъ, хорошо-ли онъ поступилъ. Онъ задалъ и обсудилъ его съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) личной и 2) семейной. И со всѣхъ этихъ точекъ оказалось, что онъ поступаетъ не то, чтобы хорошо, а скорѣе недурно. Съ личной, было недурно потому, что связь съ m-lle Madelaine являлась перемѣной въ способѣ наслажденія сравнительно съ утратившей прелесть новизны связью съ женой и она открыла ему новыя пріятныя стороны физической любви. Съ семейной, не было дурно потому, что онъ не приносилъ этимъ семьѣ никакого зла. Николай Александровичъ считалъ, что гадко вносить что-нибудь въ семейный очагъ, и онъ никогда не позволилъ бы себѣ ухаживать за своей гувернанткой. Но дѣлать это внѣ семьи, такъ, чтобы жена не знала и не нарушались приличія общественности,—это не было вовсе дурно. Николай Александровичъ строго разграничилъ эти два міра и не позволялъ себѣ смѣшивать ихъ.

Онъ хотѣлъ было еще разсмотрѣть это съ религіозной точки зрѣнія, но потомъ оставилъ это дѣло. Онъ нашелъ, что религія тутъ не при чемъ. Николай Александровичъ разсматривалъ религію съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, она была его внутренняя вѣра. Въ этомъ отношеніи онъ считалъ, что вѣруеть-ли онъ въ того Бога, ученіе котораго преподаютъ въ гимназіяхъ священники, или не вѣруеть—это его личное дѣло и никто не смѣетъ въ это вмѣшиваться. Но, съ другой стороны, религія христіанская была государственная религія. И онъ, какъ чиновникъ и товарищъ прокурора, обязанъ исполнять ея правила, имѣющія общественное значеніе: говѣть, причащаться, ходить по табельнымъ днямъ и большимъ праздникамъ въ церковь въ мундирѣ—въ маленькіе праздники это было лишнее—напоминать подчиненнымъ въ рѣчахъ объ ихъ отвѣтственности предъ Богомъ,—однимъ словомъ, дѣлать все то, что требуется отъ чиновника-христіанина. Вопросъ же объ его связи съ m-lle Madelaine былъ дѣломъ не товарища прокурора, а его, Николая Александровича, и потому оно было не подсудно государственно-религіознымъ требованіямъ. Разсудивъ такъ, Николай Александровичъ прекратилъ это разсмотрѣніе.

Но одинъ разъ, лежа на своей кровати уже послѣ того, какъ онъ вступилъ въ связь съ m-lle Madelaine, онъ сталъ думать о своемъ поведеніи съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Николай Александровичъ любилъ иногда позволить себѣ такія умственные вольности, пофилософствовать. Но онъ

никогда не проводилъ этого философствованія въ жизнь. Это отдѣленіе мыслей отъ дѣлъ было у него выработано еще съ университета.

На этотъ разъ, философствуя съ папироской въ зубахъ, лежа на мягкой кровати въ хорошей комнатѣ, Николай Александровичъ нашелъ, что и эти размышленія подтверждаютъ правильность его поступка. Это была слабость въ родѣ куренія, но никакъ не дурной поступокъ. А у кого нѣтъ слабостей? — Всѣ мы грѣшны. Многіе его товарищи, судья и другіе знакомые, какую жизнь они ведутъ? Онъ сталъ перечислять себѣ тѣхъ, кого онъ зналъ людьми, любящими пожить: Павловъ, Таубе... да много. „Да, да всѣ такъ“ — сказалъ онъ. Вспомнилъ онъ еще о томъ, что гдѣ-то тамъ въ катехизисѣ въ гимназій училъ: будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ Вашъ Небесный, и что есть 7-я заповѣдь, всегда вызывавшая нескромныя шутки у учениковъ, запрещавшая это... Но вѣдь все это тамъ находится... въ книгѣ... для народа... для дѣтей. „Нельзя же въ самомъ дѣлѣ учить дѣтей этому“. Но изъ взрослыхъ кто же понимаетъ заповѣди буквально? Вотъ напримѣръ: „люби враговъ, какъ самого себя“. „И ударившему тебя въ правую щеку, подставь лѣвую“... Все это идеалы... А до тѣхъ поръ нужно жить, какъ всѣ живутъ. Да, все это пустяки.

Такъ думалось ему.

И эти два мѣсяца Николай Александровичъ пріятно и много работалъ, такъ что заслужилъ благоволеніе начальства. Все это было очень хорошо и, главное, вполне прилично.

XXV.

Въ концѣ сентября Софья Николаевна пріѣхала въ мужу. Она нашла все попрежнему, только Николай Александровичъ нѣсколько измѣнился, какъ будто помолодѣлъ и въ обращеній съ нею сдѣлался болѣе нѣженъ и спокоенъ. Онъ былъ занятъ переѣздомъ въ губернскій городъ, куда ихъ снова перевели въ началѣ сентября.

Въ губернскомъ городѣ было то же самое, что и раньше. Скоро начался зимній сезонъ. Пошли клубные, семейные вечера, была опера, были концерты пріѣзжихъ знаменитостей. Софья Николаевна чувствовала себя свѣжей и бодрой, и съ наслажденіемъ отдавалась этой веселой свѣтской жизни. Лѣто имѣло на нее благотворное вліяніе: она еще похорошѣла. Она стала теперь съ особеннымъ удовольствіемъ заботиться о туалетахъ и перемѣнила свою прежнюю портниху

Клару Петровну на *madame Annette*, которая шила женѣ предводителя и председателя.

Софья Николаевна всегда къ чему-нибудь пристращалась и, если чѣмъ занималась, то занималась съ любовью. „Я не могу дѣлать зря, какъ другіе“—говорила она; „если я что-нибудь дѣлаю, то стараюсь, чтобы это вышло хорошо“. И Софья Николаевна дѣлала хорошо свое дѣло.

Она вся погрузилась въ заботы о фасонахъ платьевъ, кофть, корсажей. Она выписывала для этого изъ заграницы два французскихъ модныхъ журнала „*Aux élégants*“ и „*Les modes nouvelles*“. Прежде она скучала во время беременности,—некуда было дѣвать день,—теперь она весь день была занята и всетаки какъ будто не успѣвала сдѣлать все то, что нужно. Она вставала въ 10 часовъ и послѣ чая до завтрака читала два часа что-нибудь изъ новѣйшей беллетристики, потому что это убивало время и интересно было слѣдить за развитіемъ любовнаго сюжета. Послѣ завтрака почти каждый день нужно было съѣздить къ портнихѣ, чтобы посмотреть, какъ шьется платье, и узнать, какимъ фасономъ будетъ сшито платье другихъ,—не будетъ ли этотъ фасонъ болѣе модный, потому что было бы обидно, если бы у другихъ платье оказалось лучше, чѣмъ у нея.

У *madame Annette* было очень весело. Туда собиралось къ двумъ часамъ все лучшее дамское общество. Это былъ маленький клубъ, „нашъ женскій клубъ“. Здѣсь бывала и Лиза Катурина, хорошенькая брюнетка, недавно вышедшая замужъ и теперь учившаяся находить удовольствіе въ нарядахъ, и Лиза Куломзина, подруга Софьи Николаевны еще по гимназіи, имѣвшая уже двухъ любовниковъ, но очень милая и любимая всѣми. Здѣсь бывала и баронесса Эгфельдъ, очень добрая и очень глупая женщина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большая сплетница; и жена председателя Рукавьева, умная 45 лѣтняя, но очень любившая наряды женщина. Было много и другихъ дѣвушекъ и, въ особенности, дамъ все самаго лучшаго городского общества. Здѣсь говорили обо всемъ и обо всѣхъ, всѣхъ любили въ глаза и бранили въ отсутствіи. Здѣсь узнавались всѣ новости, и онѣ отсюда расходились по всему городу. Все было очень мило и весело, и всѣ были дружны между собой. Немного это было дорого,—на костюмы у Софьи Николаевны уходило до ста рублей въ мѣсяцъ, но съ этимъ можно было мириться.

Отсюда Софья Николаевна заѣзжала къ мужу въ судъ и брала его съ собой. Теперь они съ мужемъ окончательно помирились и даже сдѣлались друзьями. Софья Николаевна нашла, что мужъ совсѣмъ не тяжелый, а, напротивъ, пріятный человѣкъ, только нѣсколько сухой и дѣловитый. Ей теперь

было странно вспоминать, какъ у нихъ раньше могли быть ссоры.

Произошла эта окончательная перемѣна оттого, что Софья Николаевна снова сдѣлалась такой, какой она была въ первое время замужества, и, напротивъ, перестала быть такой, какъ во время беременности, когда она хотѣла, чтобы мужъ любилъ ее и они были бы вмѣстѣ. Въ настоящее время это было не нужно и даже излишне. Она поняла, что была во время беременности больна и потому предъявляла къ мужу такія странныя требованія, и что теперь, когда она выздоровѣла, ихъ нужно оставить. Теперь ей былъ нуженъ умный человѣкъ, совѣтникъ, положеніе,—какъ разъ то, чего она въ первое время замужества требовала отъ мужа, съ той только разницей, что Николай Александровичъ тогда чего-то искалъ большаго въ ней, и потому были ссоры, а теперь и онъ понималъ разумность ея взглядовъ. И ихъ міры, еще недавно разграниченные, снова сошлись.

Теперешнее окончательное, основанное на опытѣ, выстраданное отношеніе Николая Александровича къ женѣ и семейной жизни было слѣдующее: жена была предметъ удовольствія и дополненія къ наслажденіямъ жизни, потому что она дѣйствительно внесла извѣстную солидность и положительность въ холостую жизнь Николая Александровича, заботилась о хозяйствѣ и была живымъ человѣкомъ въ домѣ, съ которымъ можно было поговорить и посовѣтоваться, принять или не принять новое назначеніе по службѣ. Въ остальномъ же, въ смыслѣ стѣсненія холостой свободы, лишнихъ расходовъ и т. д., она была неизбежно зло, крестъ, который нужно было спокойно, съ достоинствомъ нести, помня, что это общая участь, и, гдѣ возможно, сгладить другими пріятными сторонами жизни. Вопросъ же о развитіи ея ума и образованіи былъ исчерпанъ и рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Такъ и текла ихъ жизнь, словно жерновъ на мельницѣ, который, отбрасывая вонь шелуху—непріятности, оставляетъ лишь зерно—наслажденія.

Софья Николаевна, иногда вспоминая время своей беременности, весь ужасъ его и боли физическія и, кромѣ того, не желая имѣть болѣе одного ребенка, рѣшила, что больше этого никогда не будетъ.

Борисъ Гегидзе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРОЛЬ КЛОНДАЙКА.

Романъ Р. Озіа-Тюренна.

Переводъ съ французскаго В. К.

XI.

Разбитая трубка.

Сумасшедшій Випплъ „напалъ“ на золото у себя, на *Irish Gulch*':—не на воображаемое, какъ въ первый разъ, а на видимое, осязаемое, настоящее! Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ видѣть золото вездѣ, кромѣ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно было на самомъ дѣлѣ, имѣя безобидную манію собирать наиболѣе блестящіе куски кварца. Поэтому представлялось нетруднымъ купить его яму... Разумѣется, *Push*, агенты котораго были настоящіе аргусы, первый захотѣлъ воспользоваться такою благодатью; но тутъ его постигло горькое разочарованіе. Продавцомъ оказался не Випплъ, а Жюно съ своею вѣчною трубкою въ зубахъ и съ законною довѣренностью въ рукахъ. *Push*, какъ опытный игрокъ, не высказалъ неудовольствія, рассыпался въ комплиментахъ передъ канадцемъ и, послѣ большой затраты краснорѣчія, рискнулъ задать вопросъ.

Отвѣтъ получился въ четырехъ словахъ:

— Двадцать-пять тысячъ долларовъ.

— Какъ?... Что вы сказали?... Да это не возможно! И въ другихъ мѣстахъ по этому проклятому ручьишкѣ ничего не найдено!

— У Виппля — по пяти долларовъ на тазъ. Попробуйте сами.

— Это не доказываетъ, чтобы весь участокъ былъ таковъ.

Вмѣсто отвѣта—клубы вонючаго табачнаго дыма и равнодушный видъ, внушающій тревогу. Все равно, что торговаться съ глыбою кварца, а между тѣмъ помѣшанный теперь ничего не хотѣлъ дѣлать безъ Жюно!

— Послушайте, мы дадимъ пятнадцать тысячъ! Но это просто грабежъ!

— Теперь цѣна ужъ—тридцать тысячъ... Если вы не знаете, что тамъ есть, такъ мы-то съ Бушѣ знаемъ. Ну что жъ? да или нѣтъ? Вѣдь съ вами говорю я, Жюно, и мнѣ начинается надѣдаться такая канитель.

Ахъ, что за собака, что за упрямый оселъ этотъ французскій канадецъ! *Push* испугался и сказалъ „да“.

Деньги, были отсчитаны и потомъ отправлены въ Санъ-Франциско. Одинъ пріятель Бушѣ увезъ Виппля на югъ, гдѣ пожизненная рента должна была обезпечить его хлѣбомъ и небольшимъ количествомъ говядины до конца его дней!...

Когда онъ уѣзжалъ, всѣ юконскіе старожилы пришли проститься съ нимъ; но никто, не исключая и его самого, не зналъ, что разъ, ночью, двое мужчинъ и сани съ запряжкой въ пятнадцать собакъ приблизились къ его шахтѣ и пробыли какъ разъ столько времени, сколько нужно было, чтобы вытряхнуть въ нее нѣсколько мѣшковъ гравія съ № 16. Между тѣмъ, *Push* отложилъ на нѣкоторое время разработку розсыпи, которая, такимъ образомъ, готовила ему сюрпризъ.

Не мало застывшихъ сердецъ старыхъ старателей всколыхнулось при отѣздѣ Виппля въ страну солнца. Лосъ-Анжелосъ, жемчужина Калифорніи, благоухающая ароматными вѣтерками Востока, чудный садъ, гдѣ по вечерамъ, подъ цвѣтущими померанцами, ангелы-хранители прилетаютъ шептаться съ людьми,—о ней мечтали всѣ они и въ Даусонѣ, и на Бонанцѣ, на Хункерѣ, на Эльдорадо, вездѣ, гдѣ они скребли ледъ, отыскивая золото... Птицы, которыя поютъ, дитя, которое смѣется, нѣжные глаза женщины, которая любитъ, солнце, которое сіяетъ, грѣетъ, воскрешаетъ мертвыхъ... Ахъ! чего бы не дали старатели въ Клондайкѣ, чтобы хоть въ теченіе одного дня посмотреть на эти чудеса!

Наконецъ, признался въ этомъ пріятелю и Жюно, самъ Жюно, полярный піонеръ, полная приключеній жизнь котораго доселѣ служить предметомъ розсказней по берегамъ Аляски. Бушѣ тотчасъ же пустился въ пространныя рѣчи, что у него было признакомъ непритворной тревоги, и въ заключеніе сказалъ:

— На югъ ты не будешь такъ счастливъ, какъ воображаешь! Съѣзди-ка хорошенечко пообѣдать въ Даусонъ, а потомъ вернись, да и скажи мнѣ, стоятъ ли эти пиры нашихъ давнишнихъ полдниковъ изъ сала и бобовъ, съѣденныхъ стоя и между дѣломъ.

— Оно, пожалуй, и правда, — сказалъ Жюно.—Но штука не въ томъ... а вотъ: во мнѣ заговариваетъ будто голосъ, осо-

бенно по воскресеньямъ, и говорить: „Жанъ Батистъ, ты видѣлъ удачу и неудачу, и жизнь твоя идетъ на убыль. Что-жъ ты дѣлаешь тутъ? Неужто хочешь, чтобъ схоронили тебя въ поганой сторонѣ, гдѣ и души твоей не помянутъ?...“

И въ первый разъ онъ упомянулъ о весьма своеобразномъ опасеніи:

— Знаешь, здѣсь тѣло-то вѣдь замерзнетъ въ могилѣ, а не сгніетъ, а я этого не хочу... Я хочу воскреснуть съ такимъ тѣломъ, какое было у меня, когда я уѣзжалъ изъ Святого-Павла-Отпелъника, въ двадцать лѣтъ, а не съ теперешнимъ!

Бушѣ промолчалъ: ему тоже знакомы были такіе голоса и, можетъ быть, тѣ же ужасныя опасенія. Но его участокъ былъ такъ богатъ! Развѣ кто-нибудь бросилъ бы его на его мѣстѣ?... Когда же онъ увидѣлъ, что другъ его твердо рѣшился „выйти“ съ Юкона, то захотѣлъ оказать ему послѣднюю услугу и взялъ на себя переговоры съ представителемъ одного нью-йорскаго золотопромышленнаго общества, которое еще раньше желало купить № 23. Насталъ день, когда старій золотоискатель получилъ отъ него въ окончательную расплату семьдесятъ-пять тысячъ долларовъ.

Когда Жюно ощутилъ въ рукахъ шелковистую бумагу банковыхъ билетовъ; когда онъ услышалъ ихъ шелестъ у себя на колѣняхъ; когда увидѣлъ, наконецъ, яркій голубоватый новый блескъ надписи: „Yukon-territory, L. 1000“, и насчиталъ ихъ семьдесятъ-пять, кровь прилила къ его щекамъ, а руки начали дрожать; трубка-талисманъ, выпавшая изъ нихъ, ударилась объ полъ и ея слишкомъ сухое, слишкомъ старое дерево треснуло по самой серединѣ знаменитой надписи: „Это я—Жюно!“

Нѣсколько слезъ скатилось по морщинамъ старика. Покупатель съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ вами?... Вы нездоровы?... Жалѣете о продажѣ? Увѣряю васъ, вы не въ убыткѣ!

— Ахъ, это все не то, — отвѣтилъ Жюно, расплакавшись окончательно.—Моя болѣзнь не лѣчится. Мнѣ семьдесятъ-три года, и вотъ семьдесятъ-пять тысячъ долларовъ. Чтобы ихъ добыть, я больше мучился, чѣмъ десять человѣкъ въ теченіе трехъ четвертей вѣка. Вѣдь правда, Бушѣ?

Бушѣ опустилъ голову, можетъ быть, за тѣмъ, чтобы не видно было и его глазъ, а Жюно продолжалъ:

— Кто никогда не бѣдовалъ, тотъ не знаетъ... А теперь, когда, наконецъ, я добылъ то, за чѣмъ гнался, мнѣ пора думать о смерти... Умереть такъ легко было бы прежде и такъ тяжело теперь!.. Ахъ, сударь, сударь! Скажите мнѣ, коли знаете, что нужно сдѣлать, чтобъ еще долго и долго жить?

XII.

Двоеженство.

Наци пріятели съ Боульдера уже не тревожились мыслью о хлѣбѣ насущномъ съ того дня, какъ „напали“ на золотоносную жилу. Это произошло къ концу зимы въ четвертой шахтѣ, какъ разъ въ ту пору, когда они уже рѣшили покинуть свой участокъ. Когда Робертъ промылъ тазъ, въ которомъ нашель золота на десять франковъ; когда убѣдился, что это—не случайность, какъ въ первый разъ, пошелъ къ Тильдену, въ боковой туннель, и сказалъ:

— На этотъ разъ вотъ она, жила-то! Посмотрите на золото: ошибиться невозможно.

— Правда,—отвѣтилъ Томъ.—Наконецъ-то! Оно не слишкомъ рано, правосудные боги!

Онъ бросилъ свою кирку въ уголь, присѣлъ на край шурфа и началъ посвистывать. Насаженная на желѣзную проволоку въ стѣнѣ, сальная свѣчка свѣтила такъ плохо, что Робертъ нагнулся, желая лучше разсмотрѣть.

— Это васъ такъ мало радуетъ!

— Нѣтъ, отчего же?!... Вотъ такъ удача!

— О чемъ вы думаете, Тильденъ?

— А вы?

— Я-то? О маленькомъ...

Томъ ничего не сказалъ; его товарищъ, съ тазомъ въ рукѣ, полѣзъ вверхъ по лѣстницѣ.

Достигнувъ середины, Робертъ съ ругательствомъ шваркнулъ тазъ объ стѣну. Золотые блески вернулись во мракъ, откуда были извлечены, а безучастныя стѣны продолжали источать по каплямъ воду, которая, стекая въ нижнія лужи, какъ-будто повторяла: „Вотъ... вотъ... въ чемъ счастье жизни!“

Патъ О'Хара принялъ извѣстіе иначе. Этотъ вполне здоровый человекъ прежде всего исполнилъ пляску, которая произвела бы фуроръ на любой ярмаркѣ въ Дублинѣ. Затѣмъ послѣдовало упражненіе кувыркомъ, которому онъ далъ названіе *salto mortale*, а потомъ начались посѣщенія всѣхъ сосѣдей по Боульдеру. Малое ихъ количество вполне возмѣщалось ихъ отдаленностью; забывши, что въ этотъ день была его очередь стряпать, онъ очень удивился, когда, по возвращеніи, засталъ своихъ обоихъ товарищей весьма сердитыми. Но водка, которой онъ выпилъ вездѣ понемножку, сдѣлала его весьма услужливымъ. Онъ поспѣшилъ поджарить на ско-

вородѣ кусокъ сала, окруживъ его, превращеннымъ въ уголь, картофелемъ, и подаль прямо съ пылу ровно въ полночь.

Не нужно забывать, что понятіе о времени быстро исчезаетъ къ странѣ безконечныхъ дней или ночей и что тамъ люди спятъ, ѣдятъ и умираютъ (въ Европѣ прилично умирать только по ночамъ) въ какіе попало часы. Этотъ физическій безпорядокъ, разумѣется, отражается и на жизни духовной: даже сейчасъ, когда Клондайкъ наводненъ цивилизаціей, ксендзы, попы и пасторы, вырывающіе другъ у друга души старателей, не сумѣли еще ихъ научить отличать воскресные отъ прочихъ дней. А между тѣмъ, имъ стоило бы только предложить своимъ духовнымъ чадамъ *a square meal*, солидную земную трапезу послѣ очень короткой проповѣди...

На другой день послѣ находки очередь стряпать была за Робертомъ. Патъ, который, очевидно, родился въ сорочкѣ, откололъ своей мотыкою нѣсколько крупныхъ самородковъ. Тильденъ и французъ, вновь охваченные лихорадочной жаждой золота, прибѣжали помогать ему: драгоценная жатва отъ этого удвоилась. Но въ полдень пришлось удовольствоваться холодными бобами, сваренными шесть дней тому назадъ и начавшими проростать. Два или три такихъ обѣда возмутили къ концу недѣли всѣ желудки, и они запротестовали окончательно: „Такое отравленіе не можетъ продолжаться... Разъ вы богаты, наймите себѣ кухарку!“

Кухарку! Неслышанная роскошь, о которой каждый старатель вздыхаетъ по три раза въ день, когда, изнемогая отъ усталости, возвращается къ себѣ въ нору готовить пищу. Кухарку! Языки заранѣе сами собою облизывали губы.

— Только,—прибавилъ Робертъ,—надо будетъ удовлетвориться индіанкой, потому что ни одна бѣлая не пойдетъ въ кухарки за городъ.

— У многихъ старыхъ канадцевъ живутъ, но онѣ становятся ихъ женами: кажется, онѣ соглашаются стряпать только на этомъ условіи, при уплатѣ еще ста долларовъ отцу... Онѣ любятъ бѣлыхъ.

— Онѣ скверно пахнутъ: ихъ кожа выдѣляетъ жиръ копченной семги, которую онѣ ѣдятъ.

— А почему вы, чортъ возьми, это знаете, Патъ?—О'Хара, который былъ скромнень, промолчалъ. Тильденъ, человѣкъ дѣйствія, продолжалъ:

— Какъ бы то ни было, ихъ можно научить стряпнѣ, а это главное. Прочее же ничего не значить... Патъ, добрыйшій, вы, кажется, такъ ихъ цѣните? Почему бы вамъ не жениться на одной изъ нихъ?

— Почему же мнѣ, а не вамъ или Роберту? Я уже женатъ. Песчаная или ледяная пустыня является истинною шко-

лою равенства: всякая фальшь, прикрывающая тѣло или душу, тамъ скоро разсыпается въ прахъ, и люди оказываются одинъ передъ другимъ такими же обнаженными, какъ мать родила. Томъ замѣтилъ это на самомъ себѣ и сказалъ:

— Что-жъ! Намъ остается только бросить жребій. Какъ по-вашему? Старшая карта выигрываетъ женщину.—О'Хара досталь съ полки колоду картъ, такую засаленную, что ихъ едва можно было различить; каждый взялъ по картѣ. У Тильдена оказалась десятка трефъ, у Роберта—валетъ, а у бывшаго городского—король.

— Вамъ, Патъ!... Рѣшительно, и жребій за васъ!

— У меня есть супруга,—снова возразилъ этотъ упрямый человѣкъ.—Неужели вы хотите, чтобы я сталъ двоежнецомъ?

— Фи, какое скверное слово! Въ Аляскѣ не бываетъ двоеженства: бываютъ морганатическіе браки. Это очень одобряется, Патъ. Въ нихъ вступаетъ только самая высшая знать.

— Кромѣ того, когда вы будете въ скверномъ настроеніи, какъ сейчасъ, вы поколотите ее вмѣсто того, чтобы обнимать: это очень успокаиваетъ нервы, особенно, когда онѣ защищаются.

Патъ произнесъ ругательство, которое послужить для него тяжкимъ обвиненіемъ въ день Страшнаго Суда; потомъ взялъ свою мѣховую шапку и сказалъ:

— Давайте денегъ! Я пойду въ индѣйскую деревню подъ Даусономъ... Но если вы кому-нибудь расскажете, когда мы опять будемъ въ Штатахъ, то вы мнѣ поплатитесь...

— Чѣмъ угодно!... Будьте покойны, мы ни одной живой душѣ не скажемъ ни словечка. Идите, насъ уже пробираетъ волчій голодъ.

О'Хара исчезъ. Что съ нимъ было въ индѣйскомъ становищѣ, осталось тайною навсегда. Только черезъ день, утромъ, довольно поздно, онъ вернулся въ Боульдеръ съ очень скверной черной шишкой надъ самымъ лѣвымъ глазомъ.

— Это меня хлестнуло вѣткой...—объяснилъ онъ.—Нашель: будетъ здѣсь къ вечеру. Какъ ни какъ, а и эти дикарки не безъ достоинствъ. Она—недурна, а отецъ ея сообщилъ мнѣ, что она умѣетъ печь „бисъ-кази“. Вся эта семья говоритъ по-чинукски, а спросъ на бабъ такъ великъ, что ихъ не хватаетъ, хотя у главы семейства тринадцать дочерей и ожидается еще... Онъ мнѣ повторялъ каждую минуту: „Мой хорошъ *cloush-tan*“. Кажется, это значить: человѣкъ, одобряемый *сквавами*. Я ему далъ пятьдесятъ долларовъ въ задатокъ.

— Какъ, прежде полученія?

— Полученія чего?

— Да жены, разумѣется!

Ирландецъ прокашлялся и отвѣтилъ:

— Бояться нечего... потому что... дѣло въ томъ, что малютка меня любитъ. Я ужъ не виноватъ!—Оба его собесѣдника кинулись вонъ изъ избы подѣ предлогомъ, что идутъ за дровами. Они не въ силахъ были подавить неудержимаго взрыва хохота. Какъ? Патъ сталъ двоеженцемъ и уже влюбленъ! И никакихъ угрызений совѣсти! О, испорченность человѣческая!

Скоро имъ пришлось перемѣнить предметъ разговора: Патъ пришелъ къ нимъ въ лѣсъ, гдѣ они начали запасать хворостъ. Въ половинѣ шестого Робертъ вернулся домой прежде остальныхъ съ тяжело нагруженными санями. Приближаясь, онъ замѣтилъ, что Катонъ стоитъ и лаеетъ рядомъ съ Килиппою. Шерсть у него на спинѣ поднялась дыбомъ, точно онъ чуялъ волковъ. Робертъ позвалъ:

— Катонъ! сюда! сюда, мой дружечекъ!

„Дружечекъ“ удралъ еще немножко подальше, поджавши хвостъ. Въ ту же секунду двѣ крѣпкихъ руки стиснули шею француза, двѣ мясистыхъ губы прижались къ его губамъ, и ужаснѣйшій запахъ гнилой рыбы ударилъ ему въ голову... До его слуха долетѣли отрывочныя слова:

— Душечка!... мой душечка!

Это была она, супруга № 2 Пата О'Хара: и страшная, и старая, и цивилизованная на придачу, судя по поцѣлюю въ губы и по испорченнымъ канадскимъ словамъ... Несчастный Робертъ обезпамятѣлъ на секунду, затѣмъ призвалъ на помощь всѣхъ святыхъ, выскользнулъ изъ ея объятій и, задыхаясь, убѣжалъ на холмъ подѣ защиту Катона.

— Не я! Не я!... Я—скверный! Я—очень нехорошій... Онъ скоро придетъ... Вотъ оттуда!...

Между тѣмъ, индианка, чтобы лучше понять его мимику, вознамѣрилась приблизиться, а по быстротѣ ногъ сами лоси не могутъ равняться съ дочерьми Аляски. Но тутъ, на горизонтѣ показался Тильденъ, таща вторыя сани, которыя сзади подталкивала искупительная жертва.

Какъ только *сквава* признала своего возлюбленнаго, то пустилась къ нему стрѣлою. Томъ, при видѣ ея, не растерялся, а бросилъ веревку, обошелъ вокругъ саней и выдвинулъ ирландца впередъ:

— Патъ, это, я думаю,—ваша жена!

Патъ колебался, тогда Тильденъ указалъ дикаркѣ на него пальцемъ, и она кинулась къ нему на шею.

— Это—онъ, да, онъ! Вотъ такъ! Поцѣлуйтесь, дѣти мои, а потомъ приготовьте намъ обѣдъ... Эй, Робертъ, Катонъ! Что это вы забрались туда, наверхъ?

Его рѣчь прервалъ мучительный вопль, почти подобный воплю утопающаго:

— Да вѣдь я выбралъ-то не эту!... Недаромъ, мнѣ казалось... А эта—жена старика... Та-то была молоденькая... Охъ, баринъ, баринъ (въ порывѣ отчаянія онъ припомнилъ разницу общественнаго положенія)! Помогите! Освободите меня Неужели у васъ хватить духу...

„Баринъ“ удиралъ, „баринъ“ грубо крикнулъ:

— Это все не важно... Бросьте ка шумѣть и не робѣйте!... Покажите ей печку...

Дикарка, не смотря на старость, повидимому, была привычна къ атлетическимъ упражненіямъ. Она влекла О'Хара къ избѣ съ силою эскимосской собаки, причемъ кричала:

— Мой все умѣетъ... ученый, добрый *cook, very very much* *).

— Да пусть ее, Патъ!—кричалъ Робертъ со своей обсерваторіи.—Увидите, что все пойдетъ прекрасно. Вѣдь уже семь часовъ!

Даже Катонъ измѣнилъ хозяину, такъ какъ при словѣ *cook* (кухарка) завилялъ хвостомъ:

— Тяфъ! Тяфъ!.. Скорѣе, не задерживайте, господинъ Патъ!

И Патъ скрылся въ избѣ. На горизонтѣ поднималась луна, свѣтило влюбленныхъ. На холмѣ Робертъ съ Тильденомъ ждали того умиротворенія, какое всегда наступаетъ послѣ ужасныхъ припадковъ.

Но время кажется долгимъ, когда подъ ногами ледъ, а вокругъ головы — тучи комаровъ. Внизу воцарилось полное молчаніе. Наши пріятели стали очень серьезны. Наконецъ, Робертъ воскликнулъ:

— На что это вы такъ смотрите, Тильденъ?

— На трубу, разумѣется! А вы?

— Я тоже! Какого чорта они тамъ дѣлаютъ? Вы видите дымъ?

— Нѣтъ... Ну, право, я туда пойду!

Ему не пришлось идти. Внизу поднялся страшный гамъ. Дверь распахнулась, оттуда выскочилъ ирландецъ съ кучею одѣялъ на головѣ; дикарка вцѣпилась въ него сзади. Онъ повернулся, свалилъ ее оплеухою прямо по лицу и бѣгомъ направился къ товарищамъ.

— Что такое?—спросилъ Робертъ, уже безъ смѣха.

— Что? Да, клянусь рогами Вельзевула, это—не *скава*, а чортъ! Она знаетъ все: она хотѣла выдавить мнѣ глаза большими пальцами! И мнѣ бы не вывернуться, не будь она пьяна!

— Пьяна?... Да гдѣ же она взяла водки?

Лицо Пата украсилось легкимъ румянцемъ.

— Должно быть, выпила мой пузырекъ съ арникой.. Никакой нѣтъ деликатности у этого народа!

*) Кухарка, очень хорошая.

— Но всетаки, что же вы думаете дѣлать?

— Подождать до завтра. Отецъ придетъ за остальными деньгами и пустъ ее бер...

— Какъ можно?! Мы сегодня еще не ѣли!

— И я тоже. Пойдемте куда-нибудь. Я не сунусь въ избу, пока она тамъ. Больше ужъ не стану брать дикарокъ, ну ихъ!

И такъ какъ онъ былъ очень золъ, а на его лбу вздулись еще двѣ шишки, подобныя первой, то Тильденъ и Робертъ промолчали: въ пустынь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, надо дожидаться ледяного хладнокровія, прежде чѣмъ отважиться упрекнуть товарища, хотя бы вполне основательно.

ХІІІ.

Арктическая идиллія.

Послѣ этой катастрофы Робертъ рѣшился, въ свою очередь, пожертвовать собою ради общаго блага.

За мѣсяцъ передъ тѣмъ, возвращаясь съ развѣдокъ въ Скалистыхъ Горахъ, онъ останавливался въ поселкѣ одного чилкутскаго вождя на берегу *Indian-River* и тамъ, въ первый разъ со времени пріѣзда въ Аляску, увидѣлъ одну изъ тѣхъ юныхъ индіанокъ, которыхъ такъ много въ разсказахъ о путешествіяхъ, написанныхъ дома и, увы! такъ мало въ дѣйствительности. Она принадлежала къ другому племени—Тлинкитовъ, рыболововъ въ Аляскинскомъ заливѣ, гораздо болѣе одаренныхъ физически и духовно, нежели туземцы материка. Безъ сомнѣнія, ея широкое круглое лицо еще очень напоминало характерныя фізіономіи алеутовъ; но оно освѣщалось прекраснѣйшими глазами прирученной тигрицы, какіе только можно себѣ представить, и когда она поднимала на васъ взоры, то приходилось или отворачиваться или подвергаться ихъ гипнотическому вліянію. Ея руки, ноги, грудь, еще неизуродованныя трудомъ и обладавшія отъ природы тою красотою формъ, къ которой многія стремятся напрасно, ихъ почти полная соразмѣрность,—словомъ, все гибкое тѣло этой краснокожей дѣвицы запечатлѣлось въ памяти француза. Въ немъ даже пробудились нѣкоторыя чувства, которыя онъ предпочелъ не анализировать и заглушить среди старательскихъ работъ, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день дьяволъ оживилъ ихъ въ той самой шишкѣ, которую френологи называютъ „шишкой сладострастія“. Смуглая дѣвочка предстала предъ нимъ съ такой опредѣленностью очертаній, которая убѣдила Роберта, что изъ нея выйдетъ идеальная кухарка. Не откладывая въ долгій ящикъ, онъ отправился на поиски, сопровождаемый благословеніями товарищей.

Послѣ сорока-восьми часовъ усердной ходьбы онъ очутился въ становищѣ вождя. Выкуривъ трубку - другую въ молчаніи, согласно требованіямъ этикета дикарей, онъ вытащилъ изъ кармана свертокъ съ долларами и по одному началъ перекладывать ихъ изъ руки въ руку.

— Я ищу *скваву*, чтобы варить мнѣ похлѣбку... Я дамъ *hiou dolla* (много денегъ)...

Между этою фразою и отвѣтомъ, по крайней мѣрѣ, четверть часа прошло въ молчаніи, во время котораго тихонько позвякивали монеты. Только цивилизованные народы болтаютъ вкривъ и вкосъ быстро, по дѣтски. Съ другой стороны, сразу стало ясно, что старый *чилькутъ*, вслѣдствіе сношеній съ *янками*, утратилъ свою первобытную невинность, ибо отвѣтъ его былъ удивительно коваренъ:

— Сколько?

Робертъ, не будучи торговцемъ, сдѣлалъ глупость: назначилъ цифру.

— Пятьдесятъ пиастровъ и еще два раза по столько же.

— Я не знаю такой!—поспѣшно отвѣтилъ вождь.

— Отдай мнѣ дочь твою, тлинкить.

Какъ разъ въ эту минуту она входила, неся какой-то деревянный сосудъ на головѣ. Что за прекрасная, дивная статуя! Дикарь взглянулъ на молодого человѣка и вытряхнулъ трубку.

— Айрелуска *) непродажна: она—очень ученая, воспитана у черныхъ рясъ внизу рѣки... Она для меня, великаго вождя... очень великаго!

— Мой даетъ сто пиастровъ и еще сто.

Динь! динь!.. Динь-динь!.. Старый вождь наострилъ глаза и уши, потомъ покачалъ головою, между тѣмъ, какъ Робертъ окончательно терялъ свою.

— Айрелуска не хочетъ жениться!

— Мой дастъ двѣ сотни и пятьдесятъ!

Эта цѣна была легендарною на Юконѣ: она превышала все, на что могъ надѣяться Чилькутъ. Айрелуску трудно было сбыть: она не обладала тѣмъ жиромъ и тѣмъ брюхомъ, которые свидѣтельствуютъ, что *сквава* годна на тяжелую работу при какой угодно пищѣ. Тѣмъ не менѣе, старикъ попытался сорвать еще кое-что и высказалъ свою самую застенную мысль:

— И твой карабинъ?

Это былъ единственный шестиударный карабинъ Марлина на всемъ Юконѣ—настоящая игрушка, вѣсомъ всего въ семь фунтовъ, пули которой, со свинцовымъ остріемъ и въ никелевой сорочкѣ, однако, пронизывали цѣль на разстояніи

*) Бѣлая луна.

почти версты. Этот изящный карабинъ составлялъ половину души Роберта. Отчаявшись, онъ всталъ, чтобы уйти; но Айрелуска вновь прошлась мимо палатки своей соблазнительною походкою Евы, безсознательно торжествующей.

— Да, и мой карабинъ!—воскликнулъ онъ, хотя у него щемило сердце.—И прибавлю еще двѣсти зарядовъ. безъ дыма, но съ однимъ условіемъ, вождь: я уведу ее сейчасъ... сейчасъ!..

Такъ онъ сталъ владыкою красавицы-дѣвицы. Часъ спустя, пользуясь весеннимъ половодьемъ, вмѣсто того, чтобы пробираться горами, онъ поплылъ съ нею въ Даусонъ въ береганомъ челночкѣ. Они бѣшено мчались по бѣлой водѣ, чуть не затоплявшей ихъ лодчонку, которая несла ихъ вдвоемъ—ее, смуглую дочь лѣсовъ, и его, сына десятивѣковой цивилизаціи—куда? Къ какимъ берегамъ? На жизнь или на смерть? Онъ избѣгалъ задавать себѣ этотъ вопросъ... Чтобы отогнать мысли о будущемъ, которыя только мѣшаютъ, и вполне отдаться восхитительному настоящему, онъ подложилъ обѣ руки подъ голову и откинулся назадъ. При такомъ положеніи его лицо было обращено прямо къ индіанкѣ, съ которою онъ находился посреди рѣки, въ виду береговъ, уже начавшихъ одѣваться темною зеленью короткаго и знойнаго лѣта. На фонѣ двойного ряда березъ, пихтъ или тополей, тянувшихся до горизонта, граціозно вырисовывался силуэтъ Айрелуски, которая то наклонялась, то выпрямлялась, при чемъ юная грудь ея обозначалась подъ когда-то синимъ вязанымъ лифомъ, купленнымъ у Компаніи Гудзонова залива. Ея ротикъ полуоткрылся отъ усилія, показывая мелкіе плотные зубы, точно выточенные изъ слоновой кости, въ то время какъ она боролась съ теченіемъ, остерегаясь омутовъ, водоворотовъ близъ островковъ, коварныхъ песчаныхъ пороговъ, перемѣщающихся по большой рѣкѣ; и при каждомъ взмахѣ весла, при каждомъ колебаніи груди, чтобы перевести духъ, ея юная пятнадцатилѣтняя прелесть все болѣе смущала умъ и сердце ея обладателя. Вотъ почему, выйдя на берегъ послѣ этого головокружительнаго спуска, онъ схватилъ Айрелуску сзади, загнулъ ея голову себѣ на плечо и приналъ къ ея губамъ, какъ припадаютъ къ источникамъ, скрытымъ въ лѣсу, тѣ, кто умираетъ отъ жажды.

Дѣвочка содрогнулась, ея пугливыя глаза закрылись, потомъ открылись, полные слезъ. Обезумѣвшій Робертъ хотѣлъ выпить эти слезы, какъ вдругъ по близости раздались крики:

— Эй, Робъ! Сладко-ли цѣловать Сивашку? Она какъ будто вамъ по вкусу, и, право, малютка ничего себѣ... Гдѣ, чортъ возьми! вы ее откопали?

Ахъ! эти идіоты, шалуны, которые убиваютъ время, сло-

няясь взадъ и впередъ по улицамъ Даусона! Неужели хотъ разъ во всю свою жалкую жизнь не могутъ они оставить въ покоѣ порядочнаго человѣка, который только и желаетъ, что быть одному? Пусть бы цынга. Но избавиться отъ нихъ можно было лишь однимъ способомъ.

— Пойдемте, господа, выпить за ея здоровье. Я расскажу вамъ про нее у Эллиса, въ „Новомъ Эльдorado“... Айрелуска, душенька, дожидись меня тутъ: я скоро вернусь, и мы отдохнемъ въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не поспешилъ на угощеніе и, когда всѣ стали веселы, счелъ умѣстнымъ произнести рѣчь.

— Да, она будетъ моею женою въ Аляскѣ, знаете, по-настоящему, и на дверяхъ своего *вывама* я сдѣлаю надпись: „Трогать воспрещается“. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не сумѣетъ прочесть!

— Тра-ла-ла! Какъ вы наивны, прекрасный влюбленный!—крикнулъ Эллисъ, южанинъ, забравшійся подъ 64-й градусъ широты.—Ваша звѣздочка уже отрясла на Даусонъ прахъ со своихъ мокасиновъ! Сейчасъ, пока вы здѣсь пили, я самъ видѣлъ, какъ она помчалась въ горы. Это научить васъ выдумывать подобныя надписи!

Робертъ вышелъ среди взрывовъ хохота и побѣждалъ къ челноку. Эллисъ не солгалъ: Айрелуски уже не было. А онъ-то думалъ, онъ-то воображалъ... идиотъ! Какъ многіе другіе до него, въ томъ числѣ какъ Патъ, онъ далъ себя надуть! Но, безъ сомнѣнія, ее удастся еще догнать, если сейчасъ кинуться по слѣду. Пылая гнѣвомъ, онъ пошелъ по тропинкѣ на гору, поднимающуюся надъ Даусономъ съ востока. Бѣги Айрелуска даже быстрѣе клондайскихъ оленей, онъ и то сумѣетъ ее сыскать, хотя бы ему пришлось обойти всѣ неизвѣданныя лѣсныя дебри сѣвера или выслѣживать ее по мхамъ, среди столѣтнихъ сосенъ, до самыхъ болотъ, куда скрываются раненные на смерть звѣри. А когда, выбившись изъ силъ, она дастъ ему приблизиться къ себѣ, тогда, о! тогда онъ прыгнетъ на нее и стиснетъ ее такъ, что вся дикая кровь проступитъ сквозь золотистую кожу... Но куда же она дѣлась? Кто бы могъ это сказать?

— Боже мой, дай мнѣ найти ее!—сказалъ онъ, проходя мимо католической часовни.

Чтобы перевести духъ, онъ присѣлъ на ея единственную гнилую деревянную ступень. Новая церковь отцовъ іезуитовъ внизу, на берегу рѣки, была еще не достроена, а пока прежняя изба русской миссіи служила имъ святилищемъ. Она господствовала надъ тѣмъ болотомъ, которое образуетъ сліяніе Клондайка съ Юкономъ, гдѣ, почти за три года передъ тѣмъ, пильщикъ досокъ Ледюкъ воткнулъ дощечку, напи-

савъ на ней карандашомъ: „Dawson City“. Послѣ этого, въ томъ же 1898 году, сюда стеклось со всѣхъ концовъ міра до пятидесяти тысячъ охотниковъ за золотомъ... Робертъ видѣлъ, какъ они кишѣли у его ногъ, то поднимаясь, то спускаясь по этой главной улицѣ, гдѣ они любили толкаться по двадцати часовъ въ сутки молча, безостановочно, автоматически, точно звѣри въ клѣткѣ. У многихъ были отчаянныя лица грѣшниковъ, ждущихъ Бога, своего искупителя. А Богъ не приходилъ. Нѣкоторые, болѣе счастливые, валяясь въ поперечныхъ переулкахъ рядомъ съ безчисленными собаками, подложивъ камни подъ головы, видѣли сны: губы ихъ порою раскрывались для безумныхъ словъ, рассказовъ объ открытіяхъ, требованій, которыхъ никто не слушалъ; или же въ экстазѣ, подобномъ смерти, они получали обѣщанія свыше, какъ Яковъ на пути въ Харанъ: „Я буду хранить тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ и дамъ тебѣ землю, на которой спишь“.

А изъ золотоносныхъ мѣстъ, съ Юкона или съ горы, все прибывали и прибывали старатели съ мѣшочками золота, которое они спѣшили растратить въ трактирахъ, театрахъ и на той Пятой улицѣ, гдѣ почти всѣ обитательницы говорятъ по-французски. Подумавъ объ этомъ, Робертъ на минуту испыталь истинное униженіе. Кто это рассказывалъ, будто изъ Франціи не эмигрируютъ? Этотъ специальный кварталъ доказываетъ обратное; онъ также служитъ живымъ объясненіемъ того прекраснаго мнѣнія, какое имѣютъ о насъ за границею... Затѣмъ, поднявши взоръ надъ этою толпою, онъ разглядѣлъ вдали хлопавшій по вѣтру флагъ надъ зданіемъ консульства. Онъ вѣялъ надъ сѣверною частью города и какъ бы защищалъ больницу, гдѣ жили другія французженки, прибывшія изъ Квебека, чтобы врачевать тѣла, а иногда и души... Тутъ Робертъ сразу постигъ и низость, и величіе своего галльскаго племени, созданнаго изъ порывовъ любви. Затѣмъ его вниманіе вновь привлекъ рокотъ Даусона, этого чудовищнаго сборища энергичныхъ людей, предававшихся тутъ распутству, мечтамъ, отчаянію и наслажденію богатствомъ.

Пока онъ такъ прислушивался, его поразили знакомый голосъ, раздавшійся такъ близко, что онъ вздрогнулъ. Онъ обернулся, толкнулъ дверь и увидѣлъ ту, кого преслѣдовалъ. Стоя передъ алтаремъ, скрестивши руки, поднявъ голову, Айрелуска громко молилась. Ея экстатическая поза была изъ тѣхъ, принимать которыя учатъ юконскіе миссіонеры своихъ новообращенныхъ. Бутылка, въ которой блестѣли свѣтящіеся жучки, освѣщала церковь вмѣсто лампы, и при этихъ неровныхъ вспышкахъ свѣта Робертъ разсмотрѣлъ индіанку. Она говорила:

— О, Боже мой, Отецъ, меня создавшій! Черная ряса го-

ворила, что послѣ я буду служить Тебѣ въ миссіяхъ Бѣлыхъ Покрываль, внизу рѣки. Зачѣмъ же ты позволилъ продать меня старателю?.. Ты знаешь, какъ я Тебя люблю, почему же не хочешь взять меня Себѣ?... Черная ряса говорила...

Когда она выскочила взглянуть на солнце, оно уже касалось горъ. Какъ должно было быть поздно! Она бѣгомъ слетѣла съ горы, пересѣкла городъ и направилась прямо къ челноку. Эллисъ, увидѣвшій ее, крикнулъ ей что-то непонятное. Разумѣется, хозяинъ прибѣдетъ ее!

Онъ стоялъ у челнока, опустивъ глаза въ землю, и показался такимъ сердитымъ, когда взглянулъ на нее.

— Айрелуска, въ лодкѣ есть харчи на двое сутокъ и запасное весло. Прыгай въ нее и плыви. Плыви въ миссію французскихъ сестеръ, на низовья, и скажи, что тебя посылаетъ имъ землякъ, чтобы тебѣ жить у нихъ... Не возвращайся сюда никогда, слышишь? Никогда. Поняла? Ну, ступай же, дѣвочка!

Слыша, но не понимая, она стала на колѣни, взяла его руку и приблизила къ губамъ. Онъ грубо оттолкнулъ ее:

— Да ступай же ты! Ступай!

Она съ испугомъ прыгнула въ челнокъ и выплыла на середину, подальше отъ коварныхъ теченій у подмытыхъ береговъ. Солнце, достигая горизонта, золотило мутныя воды Юкона, и Робертъ въ послѣдній разъ отчетливо увидѣлъ фигуру своей юной подруги, глаза прирученной тигрицы, слоновой кости зубки, грудь, выдвигающуюся впередъ при каждомъ взмахѣ весла... На этомъ разстояніи она могла бы еще его услышать, и, если онъ крикнетъ, она пристанетъ пониже, какъ разъ тамъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ сдѣлать съ нею привалъ. Большіе тополи, шелестѣвшіе при каждой ласкѣ вѣтерка, бросали тамъ свѣжую тѣнь... Онъ открылъ ротъ, колебался еще, передохнулъ и сказалъ:

— Боже, Боже! Какъ я глупъ!.. Я отдалъ бы весь остатокъ моей жалкой жизни за то, чтобы имѣть языческое міровоззрѣніе!

Напившись на счетъ Роберта и не сомнѣваясь въ томъ, что онъ теперь обнимаетъ свою красавицу, компанія сочла естественнымъ говорить о немъ и о его родинѣ. Эллисъ, которому посчастливилось разъ побывать въ томъ желанномъ Парижѣ, куда попадаютъ по смерти всѣ добрые американцы, рассказывалъ внимательнымъ слушателямъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ во Франціи. Развѣ онъ не зналъ, о чемъ говорилъ? Онъ перебивалъ поочередно во всѣхъ притонахъ этого центра распутства, онъ смотрѣлъ и увѣковѣчилъ фото-

графіей этотъ „куши-куши, танецъ... гм... желудка“, въ которомъ такъ специализировались француженки.

— Вы спрашиваете, есть ли тамъ, между Сеною и Роною, хоть одна женщина, умѣющая отвѣтить: нѣтъ? У! — Эллисъ улыбался, какъ человѣкъ, избалованный успѣхомъ.

— Рѣшительно, Парижъ—это современный Вавилонъ.

Тотчасъ послѣ этого приговора явился Робертъ. Долгое знакомство съ этимъ деликатнымъ обществомъ дало ему возможность угадать, что говорилось. Онъ ощутилъ во рту горькій вкусъ и крикнулъ:

— Кому здѣсь хочется подраться?.. Есть здѣсь кто-нибудь, желающій драться?.. Мнѣ это было бы полезно!

Такъ какъ глаза его горѣли бѣшенствомъ, то никто не отвѣтилъ. Тогда онъ упалъ на скамью у незанятаго столика.

— Эллисъ, бутылку водки, да большую!.. Сегодня хочу напиться по случаю моей свадьбы!

XIV.

Главная жила.

За полгода передъ тѣмъ, разъ вечеромъ Жюно у Бушѣ рассказывалъ Тильдену въ тысячу первый разъ объ открытіи Клондайка Кормакомъ; но хозяинъ прервалъ его рѣчь.

— Не Кормакъ нашелъ его первый.

Жюно вынулъ трубку изъ рта, посмотрѣлъ на бутылку, стоявшую передъ собесѣдниками, и, наконецъ, сказалъ:

— Въ бутылкѣ-то ужъ пусто... Не это-ли тебя разсердило?

Тильденъ расхохотался. Бушѣ, который и на самомъ дѣлѣ выпилъ много лишняго, выругался по-чилькутски, т. е. извлекъ изъ глубины своей груди самые странные, булькающіе звуки, какіе только можно себѣ представить.

— Ты думаешь, я пьянъ?... А, вы хохочете!... Ну, такъ пойдемте взглянуть, что я нашелъ третьяго дня подъ кустами у большой скалы. Можетъ быть, вы тогда повѣрите?

Они увидѣли родъ грота, выдолбленнаго киркою; мохъ на его стѣнкахъ свидѣтельствовалъ уже о нѣкоторой древности. Въ немъ оказались остатки золотопромывательской снасти: четыре гнилыхъ доски, вашгердъ и кирка, на три четверти съѣденная ржавчиной. Жюно, сначала покачавшій головой, теперь остановился и внимательно разглядывалъ эти обломки, между тѣмъ, какъ Бушѣ съ торжествомъ повторялъ:

— Well! Что скажете?

— Да ты пробовалъ-ли жилу-то? Небогата, кажется?

— По доллару на тазъ. Не сравняется съ моей ямой, но вѣдь этотъ ходъ велъ туда... Тѣ, кто тутъ копались, почти добрались до мѣста, гдѣ раки зимуютъ!

— Что бы это могъ быть за чортъ?... Слушай, вѣдь мы всѣхъ знали въ Форти-Майлѣ. Народу-то было тогда немного... были Дюбуа, были Жаффрѣ...

— Погоди, я покажу тебѣ еще штуку.

Старикъ подошелъ къ углубленію болѣе сухому и при томъ естественному; здѣсь онъ поднималъ съ земли что-то круглое съ тремя дырами, въ которыя было очень удобно продѣть пальцы, и преподнесъ своимъ пріятелямъ. Оба вскрикнули отъ удивленія, увидавъ человѣческій черепъ.

— Вотъ оно!—сказалъ Бушѣ.—Я нашелъ его на камняхъ, на самомъ днѣ... Не могу себѣ представить, чья бы это могла быть голова. Кругла, точно бомбы на Квебекскихъ укрѣпленіяхъ. Навѣрное, это—не англичанинъ. Какъ по-твоему, Жюно?

— Не знаю: послѣ смерти всѣ черепа—одинаковы... Брр! Я и самъ боюсь такъ кончить. Пойдемъ-ка прочь...

Въ избѣ откупорили еще бутылку, тогда Жюно сказалъ:

— А еще-то кто?

— Еще? Ты помнишь Лабелля, котораго индѣйцы называли „бѣлымъ духомъ“, потому что натыкались на него повсюду между Берингомъ и верховьями Юкона? Говорятъ, онъ теперь ушелъ къ Мѣдной рѣкѣ... Ну, такъ Тагишъ-Чарли, деверь Кормака, говорилъ мнѣ, что видѣлъ его на этомъ самомъ ручьѣ въ 1895 году!...

— О, такъ вотъ почему у него вѣчно были деньги въ карманахъ! Проклятый молчальникъ!.. Сталъ хуже дикаря, потому что объясняется ужъ только знаками... Такъ ты думаешь, что онъ? Возможно! А если не онъ и если онъ не околѣлъ гдѣ-нибудь, то ужъ вѣрно притащится на дняхъ съ другимъ золотомъ, потому что у него въ головѣ вся географія Аляски... И если кто ужъ знаетъ, гдѣ проходитъ главная жила, такъ непременно онъ!

Главная жила! Два маленькихъ слова, ради которыхъ въ то время всѣ пятьдесятъ тысячъ старателей Даусона согласились бы пройти босикомъ сквозь адъ; два слова, воспламенявшія самыя крѣпкія головы! Буше, присмотрись онъ хорошенечко, непременно разобралъ бы ихъ на внутренней поверхности найденнаго черепа, гдѣ они должны были отпечатлѣться, какъ звуки на восковыхъ валикахъ фонографа.

Черезъ долгое время послѣ этого достопамятнаго разго

вора Тильденъ услышалъ о внезапномъ прибытіи въ Даусонъ знаменитаго Лабелля. Ему сообщили, что этотъ чело-вѣкъ принесъ новаго золота на два или три милліона дол-ларовъ, совершенно какъ три года назадъ Кормакъ въ Форти-Майлѣ. Тогда Тильденъ, хотя не спалъ, однако далъ видѣніе. Ему представился чудовищный потокъ изъ тронутаго золота, который долженъ былъ существовать гдѣ-нибудь, а гдѣ именно—это знали Богъ, чортъ, да еще, мо-жетъ быть, этотъ чело-вѣкъ,—застывшая золотая рѣка, края которой поцарапали первобытные льды, принесшіе въ Клон-дайкъ отскобленные ими золотыя частицы,—словомъ, глав-ная жила, мать полярныхъ сокровищъ! Она рисовалась въ воображеніи столькихъ людей и разгорячила ихъ до такой степени, что вокругъ палатки Лабелля ихъ собралось болѣе тысячи съ твердой рѣшимостью лучше повѣсить его, чѣмъ упустить, не вырвавъ у него изъ горла тѣхъ свѣдѣній, ка-кія имъ были нужны.

Только этотъ чело-вѣкъ, или, вѣрнѣе, дикарь, возрастъ ко-торого опредѣлить было невозможно, глядѣлъ изъ-подъ кос-матыхъ бровей свѣтло-голубыми глазами, почти ни передъ кѣмъ не опускавшими, и имѣлъ скверную привычку вер-тѣть собачку своего ружья ради развлечения, когда случа-лось, что кто-нибудь влѣзалъ къ нему въ палатку для раз-говоровъ. Гость рѣдко приходилъ вторично, потому что хо-зяинъ отвѣчалъ только знаками, какъ сказалъ когда-то Жюно. Прибѣгать къ насилію совершенно не стоило: тотчасъ вмѣшалась бы полиція, хотя она не воскресила бы убитыхъ (которыми могли оказаться и вы, и я), а дѣло не подвину-лось бы ни на шагъ. Умнѣе было дѣйствовать хитростью: поэтому, въ продолженіи двухъ дней все населеніе Даусона провожало его въ склады съѣстныхъ товаровъ, гдѣ онъ ку-пилъ на цѣлый годъ ветчины, муки, бобовъ и двѣ скоро-роды, изъ которыхъ состояла вся его посуда, потому что, поджаривши сало, онъ въ той же сковородѣ кипятилъ кофе, вслѣдствіе чего, послѣдній становился весьма питательнымъ. Въ теченіе сорока восьми часовъ депутаты Push'a, Арктиче-скихъ братьевъ, Піонеровъ,—словомъ, всѣхъ болѣе или менѣе могущественныхъ ассоціацій, поочередно старались заставить его проболтаться, но напрасно. Всѣ усилія разбивались о его упорную нѣмоту до той минуты, пока появился Кормакъ съ бутылкою въ рукѣ. Лабелль, у котораго тоже имѣлась, пови-димому, *скава* въ какой-нибудь трущобѣ, узналъ собрата и принялся съ нимъ пить. Около полуночи Кормакъ, которому богатство измѣнило душу, отважился все на тотъ же вопросъ:

— Лабелль, вѣдь мнѣ-то ужъ ты скажешь, откуда у тебя золото. Гдѣ ты его нашелъ?

Пріятель поглядѣлъ на него изъ-подъ полей шляпы, лишенной дна. Дно погнбло еще Богъ знаетъ когда, но успѣшно замѣнялось лѣсомъ густыхъ сѣдыхъ волосъ. Что же касается лица, то оно было сплошною сѣтью морщинъ, повѣствовавшихъ, точно іероглифы на пергаментѣ, о бродячей жизни въ Аляскѣ. Наконецъ, его губы раскрылись:

— На! прогулкѣ!—отвѣтилъ онъ.

И пьяный Лабелль покатился на полъ, гдѣ уснулъ. Тогда Кормакъ, желавшій одинъ допить бутылку и боявшійся, какъ бы кто не влѣзъ некстати, приподнялъ уголокъ палатки и крикнулъ:

— Слышали? Нынче ужъ ничего не подѣлаемъ. Теперь ляжемъ спать. Ступайте по домамъ. До другого раза!

Этотъ разъ не наступилъ вовсе, такъ какъ на другой день Лабелль исчезъ со своими собаками и харчами. Онъ даже не взялъ своей палатки, въ которой храпѣлъ Кормакъ и вокругъ которой на зарѣ расположились *Pish*, Арктическіе Братъя, Аляскинскіе Піонеры,—всѣ тѣ, кому главная жила мѣшала спать.

Въ это утро, пріѣхавши въ Даусонъ и узнавши объ этомъ таинственномъ исчезновеніи, Тильденъ сказалъ себѣ, что упустилъ единственный случай, который каждому представляется только разъ и болѣе не повторяется... Поэтому онъ вернулся въ Боулдеръ совершенно обезкураженный, забывъ даже закупить припасы по порученію Пата. Послѣдній не могъ не выразить своего разочарованія.

— О чемъ это вы размечтались?... Богаты ли мы, бѣдны ли, а животъ нужно набивать по три раза въ день? Вы какъ будто этого и не подозреваете... Теперь мнѣ приходится ѣхать въ Даусонъ, а собакъ нѣтъ: Робертъ взялъ упряжку на Хункеръ, а Катона нужно привязать здѣсь... Какой-то долговязый чортъ, нѣмой что ли, увелъ Килиппу, и съ тѣхъ поръ онъ точно сбѣсился. Недурно!

Вмѣсто того, чтобы огрызнуться, Тильденъ засыпалъ его вопросами:

— Нѣмой, вы говорите?... А каковъ собою? Одѣтъ въ одѣяла съ Гудзонова залива? Съ двѣнадцатидарнымъ карабиномъ и въ въ шляпѣ безъ дна?... Говорите же скорѣе!

— Одежду не замѣтилъ, карабинъ—тоже, а вотъ отъ шляпы такъ ужъ одно донце осталось, и борода завернута вокругъ шеи, точно шарфъ. Настоящій дикарь и злобный, какъ эскимосскій песъ. Онъ проходилъ здѣсь нынче утромъ, когда его завидѣла Килиппа и тотчасъ прижалась къ землѣ. По всему видно, что она его знала. Онъ же прямо подошелъ къ ней, надѣлъ ей на шею веревку и, такъ какъ я на него смотрѣлъ, промывчалъ въ родѣ того: „Кто привелъ сюда эту суку? Я

ищу ее уже два года!“ А я ему крикнулъ: „Конечно, соб-
ственные ея четыре лапы! Возьмите ее. Намъ она не нужна,
это просто наказаніе: она свела съ ума вотъ этого пса, а онъ—
хорошей породы“. Тотъ что-то пробурчалъ, чего я не понялъ,
потомъ привязалъ ее къ санямъ и отправился дальше. Она
упиралась, но веревка была прочная... Ахъ, мерзавка! Она
не лучше своего хозяина. Только, когда этотъ бѣдный Катонъ...

Томъ Тильденъ болѣе не слушалъ: передъ смущенными
взорами Пата онъ исполнялъ такое балетное соло, которое
указывало на вѣсьма странное состояніе разсудка. Съ палкою
въ рукѣ онъ скакалъ вокругъ Катона, припѣвая: „Дѣло въ
шляпѣ! Дѣло въ шляпѣ“!

Песъ, отлично понимавшій, вылъ ему въ отвѣтъ:

— Я тебя поведу! У-у-у-а-у!

Вечеромъ этого достопамятнаго дня, когда три пріятеля
насытились харчами, привезенными Патомъ, Тильденъ, подъ
печатью тайны, сообщилъ имъ свой планъ. Его уста были
менѣе краснорѣчивы, нежели глаза, такъ и пронизывавшіе
полярную тьму; тѣмъ не менѣе, слова его звучали въ ухахъ
его молчаливыхъ слушателей, точно призывъ къ оружію.
„Правда, весеннія промывки не дали имъ умереть съ голоду,
но неужели только для этого они забрались въ Аляску? И
зачѣмъ ставить этотъ вопросъ, когда имъ стоитъ лишь спу-
стить Катона, чтобы, вслѣдъ за нимъ, дойти до богатствъ
превосходящихъ сокровища Вандербильтовъ?“

— Это еще требуется доказать,—очень холодно возразилъ
Робертъ. Почему вы знаете, что у Лабелля—не то что жила,
а хоть только розсыпь?

— А его зерна? Ужъ не съ луны ли?

— Могъ нацарапать тамъ и самъ, по Юкону, въ тѣ два
года, какъ его не видали.

— Все его золото изъ одного мѣста.

— Предположеніе, которое еще не доказано!

— Наконецъ, я почему-то увѣренъ, что онъ напалъ на
главную жилу... Подумайте, сколько онъ увезъ провіанта!

— Должно быть, передъ тѣмъ чуть не умеръ съ голоду,—
вмѣшался Патъ.—Ну, и дай ему Богъ здоровья!.. А восхити-
тельны эти франкфуртскія сосиски. Я ихъ еще разогрѣю.
Не хотите ли?.. Я больше ужъ не пойду на открытія: съ меня
довольно того, что есть, и я зимою съѣзжу домой. У меня
вѣдь есть жена!

— У другихъ могутъ быть невѣсты,—замѣтилъ Робертъ
и тотчасъ прикусилъ губы.

Тильденъ вздрогнулъ: передъ нимъ возникло лучезарное
видѣніе; дивный взоръ упалъ на него, словно лучъ солнца
сквозь туманъ... Но нѣтъ, вотъ она, жила, вотъ желтый ме-

талъ, отливающій пламенемъ—пламенемъ вулкана, который выкинулъ его изъ нѣдръ земли... Однако, и это вновь исчезло передъ гордымъ и грустнымъ лицомъ Аэлиды: „Вернитесь... ахъ! вернитесь!.. намъ такъ мало дней осталось провести вмѣстѣ“!

И Тильденъ вздохнулъ.

— Робертъ, вы жестоки! Развѣ не ради нея я хочу вслѣдить этого человѣка?

— Вы въ томъ увѣрены?... Двинемтесь-ка всѣ на югъ, какъ птицы... Мы вернемся... Часъ, проведенный *съ нею*, лучше всѣхъ главныхъ жилъ на свѣтѣ... Мы здѣсь торчимъ уже болѣе двухъ лѣтъ, и я, какъ Патъ, хочу отдышаться въ цивилизованномъ краю, можетъ быть, даже во Франціи... Я чувствую потребность смѣяться, пѣть, говорить глупости... При одной мысли объ этомъ у меня захватываетъ духъ! Такъ неужели вы насъ отпустите однихъ? Это невозможно!.. Помните, что даже американской машинѣ необходимъ отдыхъ, послѣ котораго ея колеса дѣйствуютъ вдвое лучше.

— Вотъ—золотыя слова!—проговорилъ Патъ съ полнымъ ртомъ.—Ахъ, что за вкусная капуста!

Но Тильденъ не отвѣтилъ. Онъ сдавилъ голову руками и погрузился въ созерцаніе апокалипсическаго видѣнія: звѣрь съ желтымъ брюхомъ дулъ на него, изсущалъ и жегъ его мозгъ, опьянялъ его своимъ дыханіемъ, повергалъ его въ рабство, тѣмъ болѣе ужасное, что оно было добровольно. Онъ узналъ этого звѣря: онъ его видѣлъ въ „черную пятницу“, получилъ отъ него поцѣлуй въ лобъ и лишился разсудка... ..Наконецъ, онъ поднималъ голову, а Робертъ съ глубокимъ огорченіемъ опустилъ свою, поневолѣ слушая отходную любви, побѣжденной золотомъ.

— Убѣжайте вдвоемъ, я приѣду къ вамъ послѣ... Никогда вы не вернете того, отъ чего теперь такъ легкомысленно отказываетесь, никогда... А я найду! найду!.. Я отправлюсь завтра.

XV.

Мечта миллионера.

Въ самомъ центрѣ Нью-Йорка, на аренѣ Мадисонъ-сквера высоко-аристократическій Пельхамъ-колледжъ разыгрывалъ свою ежегодную партію въ крикетъ съ еще болѣе аристократическимъ колледжемъ Розмери. Оба эти заведенія являются, дѣйствительно, тѣми разсадниками, откуда Европа набираетъ себѣ знатныхъ дамъ изъ дѣвицъ, учившихся химіи, дипломатіи, исторіи, астрономіи и умѣющихъ также за столомъ

граціозно коснуться стакана своими губками, похожими на розовый бутонъ, или же на охотѣ съ гончими, перескакивать на чистокровныхъ ирландскихъ лошадакахъ черезъ пятифутовый заборъ. Наступалъ замѣчательный день, когда ихъ атлетическая ловкость должна была торжествовать передъ прежними ученицами и наиболѣе элегантными спортсменами столицы. Три часа въ короткихъ юбкахъ — чортъ возьми, какія хорошенькія ножки!—и въ триковыхъ лифахъ съ восхитительной маленькой арматурой спереди, патентованнымъ корсетомъ, защищающимъ чувствительныя мѣста отъ ударовъ мяча; три часа быстрой маршировки съ палками въ рукахъ, съ красивыми закругленными жестами, такими эстетичными! Словомъ, три часа этого черезчуръ мужественнаго упражненія, при крикахъ обоихъ станомъ, пурпурнаго и сафироваго:

Who are, who are
Who are we?
We are the girls
Of Rosemary!

Вотъ что кричали пурпуровый станъ, а отрядъ г-жи Хэзенъ храбро отвѣчалъ:

Rah! rah! rah!
Hear us call
Hazen! Hazen!
Pelham Hall!

Когда одолѣлъ Розмери, то восхищенная публика повторила его кликъ: «Ро-ро-ро-змери!» и Аэлида, когда-то получившая дипломъ въ этомъ заведеніи, не могла удержаться отъ поцѣлуя по адресу Минни, хорошенькой предводительницы. Всѣ, ее окружавшія, собираясь расходиться, повторяли побѣдный припѣвъ.

Rozzle—dozzle, hobble—gobble,
Sis! boum! ah!
Victoria! Victoria!
Rah! rah! rah!

На губахъ невѣсты Тома Тильдена только что замерли эти ирокезскія восклицанія, какъ у выхода ее остановилъ малышъ въ сѣрой ливреѣ и, прикасаясь къ фуражкѣ, сказалъ:

— Извините, барышня... Васъ спрашиваютъ въ отдѣленіи № 3, здѣсь рядомъ. Вамъ телеграмма.

— Телеграмма? Что-жъ вы не принесли?

— Мыѣ не дали, васъ просятъ самихъ, барышня.

Мальчишка, который ежедневно бѣгалъ между первымъ,

вторымъ и третьимъ телеграфными отдѣленіями, прекрасно зналъ хорошенькую телеграфистку съ биржи. Аэлида, не стараясь разрѣшить эту загадку, пошла за нимъ въ отдѣленіе: безъ сомнѣнія, на центральномъ телеграфѣ заболѣлъ кто-нибудь, кого требовалося замѣнить. Она усѣлась передъ аппаратомъ, вызвала № 1 и протелеграфировала:

— Это—я, дѣвица д'Орз. Кто меня спрашиваетъ?—

— А! Очень хорошо. Васъ спрашивалъ самъ директоръ. Я ему скажу.

— Я подожду.

Прошло нѣсколько минутъ, очень долгихъ для молодой дѣвушки, которой становилось все интереснѣе узнать, въ чемъ дѣло. Наконецъ, аппаратъ Морза затрещалъ, и получилось слѣдующее:

— Вы здѣсь? Съ вами говоритъ Франкъ Смитъ.

— Да, *господинъ Смитъ*.

Между тѣмъ, какъ она подчеркивала „господинъ“, кровь приливала и отливала въ нѣжномъ личикѣ Аэлиды.

— Я перестану быть „господиномъ Смитомъ“, если вамъ это угодно. Я никогда не осмѣлился бы сказать вамъ это лично... Вы все еще тутъ?

Аппаратъ умолкъ. На улицѣ вѣтеръ потрясалъ проволоку, заставляя ее смѣяться или, можетъ быть, стонать—рѣшить это только могли бы развѣ феи воздуха. Изъ № 3 выскочила искорка:

— Да... да...

№ 1 совершенно расхрабрился и продолжалъ съ быстротой и отчетливостью истинно дѣлового чѣловѣка.

— Въ такомъ случаѣ, имѣю честь просить вашей руки, миссъ д'Орз! Согласны-ли вы быть моей женой?.. Вы не отвѣчаете? Безъ сомнѣнія, я знаю, какъ велика разница нашихъ лѣтъ, но моя привязанность заставитъ васъ забыть о ней...

Отъ этой рѣчи она вся дрожала. Если бы онъ ее видѣлъ, то его старый ротъ скептика, съ опущенными углами, произнесъ бы: „Любовь моя“, что было бы вполнѣ искренно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшно. Теперь же онъ закончилъ такъ:

— Наконецъ, если деньги могутъ дать счастье молоденькой женщинѣ, то ужъ, конечно, вы будете счастливы!

Служащія третьяго телеграфнаго отдѣленія потомъ увѣрали, что фаворитка (такъ онѣ звали ее между собою) вдругъ закрыла аппаратъ и вышла вонъ, не сказавши ни слова и даже не надѣвъ перчатокъ. „И красная, пунцовая, душа моя, какъ будто нарумянилась, что, впрочемъ, удивило бы меня не особенно!..“

Звонъ изъ перваго отдѣленія прервалъ эти разговоры. Ди-

ректоръ требовалъ дежурную телеграфистку, и торопливость его призывовъ не предвѣщала ничего хорошаго.

— Кто осмѣлился прервать меня?... Чѣмъ вы тамъ заняты, что не отвѣчаете, когда я зову? Гдѣ миссъ д'Орѣ?

— Она... кажется... она ушла.

— Это невозможно. Ступайте, бѣгите, ищите, скажите ей, что я еще не кончилъ... Шевелитесь! Я буду ждать.

Пошли, побѣжали, поискали—дѣвицы д'Орѣ не оказалось. И Франкъ Смитъ могъ прождать бы очень долго, если бы урсулинская монахиня, мать Сень-Жозефъ, была еще въ Нью-Йоркѣ; но ее только что услали въ Санъ-Франциско. Аэлида очутилась въ большомъ городѣ одна; вотъ почему, полчаса спустя, она входила въ контору директора телеграфовъ. Теперь, когда она стояла противъ него, какъ четыре года назадъ, ея наружность заставляла его совершенно терять голову: сіяніе зари и благоуханіе весны, бархатистые глаза, всегда немножко печальные, но оттого казавшіеся еще красивѣе,—восхитительная живая статуя христіанской Діаны, какъ бы нарочно созданная для того пьедестала, который могъ воздвигнуть для нея миллионеръ.

А почему бы этимъ миллионеромъ не быть старому Франку?... Разъ его первая жена догадалась убраться во время, кто же можетъ помѣшать исполненію его желанія?

Европейскіе коллекціонеры любятъ разрывать погибшіе города и разыскивать богинь прошлыхъ вѣковъ, призраки изъ мрамора. Американцы же хотятъ имѣть ихъ живыми, трепещущими, такими, каковы онѣ были, когда проходили передъ глазами скульпторовъ древности: „Эта женщина—такая красавица—принадлежитъ мнѣ, мнѣ!“

Франкъ Смитъ, пробудившись отъ этихъ чудныхъ грезъ, открылъ глаза и пролепеталъ:

— Миссъ д'Орѣ... я... вы... неуждно-ли присѣсть!..

Если наступитъ субботній вечеръ, а ваша прачка еще не принесла вамъ сіяющаго бѣлизной бѣлья, наличность котораго позволила бы вамъ на другой день пойти молиться Господу на самомъ видномъ мѣстѣ, такъ, чтобы всѣ прихожане посѣщаемой вами церкви приняли къ свѣдѣнію какъ ваше благочестіе, такъ и ваше изящество, то вы скоро терпѣніе: вы берете трость и идете требовать объясненій. Неаккуратность является смертнымъ грѣхомъ въ вѣкъ пара: въ самомъ дѣлѣ, совершенно нестерпимо...

На этомъ словѣ бывали прерываемы почти всѣ кліенты г-жи О'Хара, уже двадцать лѣтъ державшей прачешную въ домѣ № 203½ на 109-й улицѣ. Всякій дѣлался нѣмымъ при

видѣ самой невѣроятной фантазмагоріи. Во-первыхъ, у дверей стояло шесть пароконныхъ извозчиковъ, при чемъ лошади были покрыты попонами и разубраны султанами нѣжно-зеленаго цвѣта—цвѣта ирландскаго трилистника, а чтобы туда добраться, приходилось толкаться направо и налево, протискиваясь сквозь восхищенную толпу, которая все росла, точно морской приливъ въ пору равноденствія. Подойдя, вы замѣчали Бригитту О'Хара въ глубинѣ ея кухни, на гладильномъ столѣ, какъ на тронѣ, окруженную штатомъ подругъ еще болѣе зеленыхъ, нежели кони на улицѣ. Это зрѣлище начинало смущать васъ, и ваши требованія становились менѣе настойчивы. Впрочемъ, двое или трое хладнокровныхъ мужчинъ не стѣснялись выражать свое негодованіе; въ ихъ числѣ находился псаломщикъ церкви св. Патрика, чурбанъ, которому земное великолѣпіе не внушало никакого трепета:

— Надо не имѣть здраваго смысла, чтобы заставлять приходить насъ за бѣльемъ сквозь такую толпу! Гдѣ наше бѣлье? Здѣсь точно всѣ выскочили изъ сумасшедшаго дома!

— Ваше бѣлье было слишкомъ грязно!—въ бѣшенствѣ крикнула г-жа О'Хара.—Берите его, псаломщикъ, и убирайтесь вонъ! Будетъ съ меня стирать на васъ, да и на прочихъ. Мой мужъ привезъ миллионы изъ Клондайка, и у дверей меня ждетъ коляска. Кому же теперь придетъ въ голову, что я попрежнему буду жечь себѣ руки поташомъ?

Никому не приходило въ голову ничего на свѣтѣ, въ томъ числѣ и смущенному псаломщику. Если вамъ приходится подходить къ осиному гнѣзду или сборищу ирландокъ, то самое благоразумное—молчать. Кромѣ того, слова хозяйки дыщали истиной: если, какъ толковали на улицѣ, Патрикъ вернулся изъ Клондайка, таща на спинѣ мѣшокъ золота ростомъ съ него самого, то можете-ли вы ожидать, чтобы его жена попрежнему еженедѣльно стирала, выжимала, полоскала ваше бѣлье?... Жизнь похожа на коромысло въсовъ: вчера вверху, сегодня внизу или наоборотъ, и въ этомъ сила Америки.

Но самъ *онъ*, говорю вамъ, былъ на верху славы, когда показался на площадкѣ лѣстницы. Изъ комнаты, гдѣ они только что угощались, выходили безчисленные пріятели, все джентльмены въ перчаткахъ и пиджакахъ.

Толпа зааплодировала. Патъ снялъ свой складной цилиндръ (эта шляпа очень практична для свалокъ, гдѣ она сплющивается безъ поврежденія), кучера щелкнули бичами, лошади заплясали. Патъ опять надѣлъ шляпу, закурилъ сигару и сѣлъ въ первую коляску съ восемью пріятелями. Вторую заняла его супруга съ почетною свитою изъ четырехъ дамъ. Остальные провожатые понапихались въ прочіе эки-

пажи неизвестно какъ, и торжественный поѣздъ тронулся, сверкая зеленью—зеленью ирландскаго трилистника! На козлахъ первой коляски корнетъ-а-пистонъ заигралъ:

We'll sound the jubilee from the centre to the sea
And Ireland shall be free, says the Shan-vaa-Vogh!

Патъ приказалъ остановиться передъ домомъ № 107, чтобы вручить письмо отъ своего друга Томи, бывшаго царя биржи, его невѣстѣ, красивѣйшей дѣвушкѣ въ Нью-Йоркѣ, — и царственный поѣздъ продолжалъ свой путь между двумя рядами восхищенныхъ зрителей. Находись тутъ же Діогенъ, онъ погасилъ бы свой фонарь, ибо увидѣлъ бы прекраснѣйшее изъ твореній Создателя—вполнѣ счастливаго человѣка. Глядя сквозь табачный дымъ на его добродушное и широко улыбающееся лицо и на чудесные отблески бархата цвѣта морской воды на ярко-красной физиономіи г-жи О'Хара (окружность талии 103 сантиметра), вы забыли бы о вашемъ грязномъ бѣльѣ, простили бы избранницу судьбы и, вмѣстѣ съ прочими, закричали бы отъ души:

— Да здравствуетъ Патъ изъ Клондайка! *Erin go bragh... Chorus boys!* Ну-ка, вмѣстѣ:

We'll sound the jubilee from the centre to the sea...

XVI.

Предъ лицомъ божества.

— Клянусь волками, невозможно лакать эту похлебку! Обваришь всю морду! А если подождать нѣсколько минутъ, такъ передъ тобой очутится ледяшка, которую сколько ни лижи, все голоднымъ останешься. Мерзѣйшая сторона! Какъ глупо со стороны людей гонять насъ на Юконъ.

Двѣнадцать упряжныхъ собакъ лакало изъ чашки съ рисомъ и саломъ, время отъ времени взглядывая вбокъ и свирѣло рыча, какъ только товарищъ пододвигался поближе. Тутъ было четверо эскимосскихъ, громадный сенъ-бернаръ, шесть разнообразныхъ метисовъ, продуктовъ случайности, дѣтей богемы, и нашъ пріятель Катонъ.

Уткнувъ морду между лапъ, онъ погрузился въ мечты вдали отъ прочихъ. Время отъ времени, поднимая голову, онъ втягивалъ въ себя холодный воздухъ, потомъ однимъ скачкомъ кидался впередъ; но каждый разъ лязгъ цѣпи, за которую онъ былъ привязанъ, заставлялъ его опомниться, и онъ возвращался къ своему колу, близъ котораго сверты-

вался въ клубокъ, между тѣмъ, какъ товарищи непрерывно издѣвались надъ нимъ. Впрочемъ, сейчасъ никто не обращалъ на него вниманія, такъ же, какъ и на вой Питю, незаконнаго потомка пастушьей собаки: всѣ были слишкомъ заняты вылизываніемъ чашки снизу, сверху и внутри. Наконецъ, какое-то подобіе болонки отвѣтило:

— Да, это скотская жизнь... Но хуже всего не голодъ, не холодъ, не усталость—а насѣкомья. Подумайте, что я, я Санчо, который всегда былъ совершенно чистъ во Фриско...

— Насѣкомья? Что это вы тамъ лааете, господинъ аристократъ? Блохи и даже вши весьма полезны для здоровья. Насъ убиваетъ работа. Какъ подумаешь, что вотъ уже полтора мѣсяца мы тащимъ тысячу фунтовъ на этихъ проклятыхъ.

— Питю, милѣйшій, не ругайтесь,—сказалъ сень-бернаръ, облизывая себѣ лапу.—Это нехорошо и потомъ ни къ чему не ведетъ.

Песъ отъ негодованія подпрыгнуть въ воздухъ и, опять упавъ на всѣ четыре лапы, съ гнѣвомъ посмотрѣлъ на этого толстаго быка, всѣ желанія котораго сосредоточивались на отдыхѣ:

— Послушайте-ка этого важнаго барина, которому угодно пережевывать жвачку! Если мои слова нарушаютъ его покой, пусть обвиняетъ въ томъ людей, которые переправлялись съ нами черезъ Чилькутъ въ прошломъ году и ругались по десяти разъ ежеминутно: „проклятыя сукины дѣти!“ А вечеромъ, послѣ тридцати или сорока верстъ пути, насъ согрѣвали пинками и кормили мѣсячкою на тухломъ жирѣ. Фу! Меня тошнитъ при одномъ воспоминаніи!

— Или,—прибавилъ другой песъ:—пускалось по пултѣ въ голову у озера Лабержа, когда у насъ бывали ободраны всѣ лапы объ острые льдины дороги. Такъ погибли мои оба брата. А я убѣждалъ и спасся на лодкѣ, на рѣкѣ Сорока Восьми Километровъ.

— Вамъ бы лучше было утонуть. Развѣ это не пріятнѣе того занятія, которому мы предаемся уже мѣсяцъ съ того дня, какъ хозяинъ пустилъ насъ по этому фантастическому слѣду, который сначала велъ къ скалистымъ горамъ?

— Слѣдъ какого-нибудь золотоискателя... Новое открытіе похоже на лавины: по мѣрѣ того, какъ онѣ приближаются къ намъ издали, онѣ становятся все толще. А дойдите до источника, и что окажется? Пустота.

— Нѣтъ, это былъ, вѣроятно, охотникъ, потому что слѣдъ повернулъ къ рѣкѣ Стюарта, вернулся опять къ Юкону и пошелъ вдоль Бѣлой рѣки, гдѣ мы его потеряли; но это не помѣшало намъ забраться сюда, гдѣ самый водъ оборотнямъ

и полярнымъ медвѣдямъ. Посмотрите-ка вокругъ! Съ меня, по крайней мѣрѣ, довольно!.. У!.. у...а...уу!!

— Юноша совершенно правъ!—раздался чей-то лай.—У меня изъ лапъ идетъ кровь при каждомъ скачкѣ...

— Я вижу только однимъ глазомъ, или, вѣрнѣе, для меня теперь все бѣло.

— Это отвратительно! Мы тутъ всѣ подохнемъ! Давай, взбунтуемся, Питѹ!

Среди метисовъ вспыхнуло всеобщее негодование. Питу выпрямился:

— Это — и мое мнѣніе. Только надо знать, гдѣ мы находимся! Можетъ-ли кто-нибудь сказать намъ это?

— Я,—съ зѣваніемъ отвѣтила одна изъ эскимосскихъ собакъ.

— Такъ говори же, говори!

— Я думаю, что ручеекъ, который течетъ тамъ на востокъ, будетъ истокъ Тананы, а вонъ этотъ на югъ—Мѣдной рѣки... Тихій океанъ — слѣва, Берингово море — справа: курьезно, очень курьезно даже для меня, который своими лапами измѣрилъ всю Аляску, ребята. Велика эта сторона! Мы, должно быть, на охотничьихъ участкахъ тѣхъ великановъ, которыхъ зовутъ *Натанусками*... Это—антропофаги.

Метисы никогда не бывали въ школѣ, даже начальной. Они вскричали въ одинъ голосъ:

— Это что еще такое?

— Если вы будете меня перебивать, я не скажу ничего болѣе,—заявилъ эскимосскій песъ: будучи сѣверяниномъ, онъ говорилъ мало и не любилъ повторять.—Это слово я слышалъ отъ миссіонеровъ на низовьяхъ рѣки, и оно значитъ „пожиратели...“

— Собакъ?—съ ужасомъ завылъ Питу, причемъ вся шерсть его стала дыбомъ.

— Ну, право же, только этого не хватало! Братья, вставайте! Бѣжимте прочь!

— Уймись, щеночекъ,—сказалъ сенъ-бернаръ. — Что за гамъ вы подняли вшестеромъ? Дайте же уснуть порядочнымъ собакамъ.

Эскимосъ повернулся къ добродушному толстому псу.

— Не обращайтесь вниманія! Этотъ ублюдокъ все вреть. И развѣ онъ способенъ пропитаться на свободѣ?

Прочія индѣйскія собаки беззвучно захихикали, а ихъ предводитель продолжалъ:

— Этотъ городской народъ ничего не умѣетъ, не можетъ даже ободрать ежа, не исколовши губъ... И потомъ завтра ихъ уйметъ морозъ. Видѣли вы сегодня четыре солнца, а вокругъ круги, точно совиные глаза ночью? Да? Ну, такъ

это предвѣщаетъ такой холодъ, что черезъ нѣсколько часовъ языкъ каждаго, кто откроетъ ротъ, повиснетъ изъ пасти мерзлый, какъ сосулька. Я видалъ это своими глазами, а мнѣ нѣтъ еще пятнадцати лѣтъ.

Онъ замолчалъ, вздохнулъ и завертѣлся въ снѣгу, какъ штопоръ въ пробкѣ, чтобы вырыть себѣ яму и тамъ уснуть. Но его грозныя предсказанія разбудили весь станъ. Изъ пастей вылетало тревожное дыханіе, а Питу, который уже не хотѣлъ бѣжать, но желалъ остаться коноводомъ, возымѣлъ гениальную мысль. Онъ повернулся къ Катону:

— Вотъ кто во всемъ виноватъ, друзья и братья! Это онъ ведетъ насъ по прихоти своей лабрадорской морды! Онъ заставляетъ насъ скакать хуже лошадей по слѣду, гдѣ никто, кромѣ него, ничего не чувствуетъ. Хозяинъ все идетъ за нимъ, такъ пусть онъ же завтра и ведетъ насъ назадъ... Слышите, почтеннѣйшій Катонъ?

Отвѣта не получилось, если не считать за отвѣтъ вытянутый хвостъ, прижатые уши и губу, подозрительно приподнятую надъ очень острыми клыками. Кромѣ того, желтые глаза Катона несомнѣнно свѣтились бѣшенствомъ. Питу взглянулъ на товарищей: они готовы были двинуться за нимъ, *если бы онъ пошелъ первымъ*. Эскимосы спали, образовавши правильный кругъ, принимая жизнь, какъ она есть, и, въ сущности, охотно служа тому, кто ихъ кормить. Но сень-бернаръ, повернувъ голову въ три четверти, глядѣлъ однимъ глазомъ изъ-подъ самымъ ироническимъ способомъ надвинутаго уха.

Когда большія собаки такимъ образомъ глядятъ на маленькихъ, то маленькія ужъ и не знаютъ, что имъ дѣлать. Питу кинулся на Катона, желтый песъ повалилъ его, придавилъ къ землѣ, и онъ уже начиналъ хрипѣть, когда прибѣжалъ хозяинъ. Порядокъ скоро возстановился при помощи кнута. Впрочемъ, Катонъ былъ пощаженъ при этомъ наказаніи: хозяинъ даже заботливо осмотрѣлъ всѣ его лапы, точно считая ихъ гораздо болѣе драгоценными, нежели лапы его товарищей. Поэтому, когда Томъ ушелъ, то высѣченные въ отместку затанули гимнъ къ лунѣ и не смолкали въ теченіе семи часовъ, при чемъ повторили по три тысячи шестьсотъ разъ каждый:

— Катонъ взбѣсился, взбѣсился, взбѣсился!.. У-у-у!.. Ау-у! Ау-у!.. У... у..

Когда Тильденъ рѣшился пойти по слѣду Лабелля, безъ вѣдома послѣдняго, онъ тотчасъ сталъ готовить все, что требовалось для путешествія, по крайней мѣрѣ, въ теченіе полугода, въ самую суровую пору зимы на Юконѣ. Опытность, приобрѣтенная въ продолженіи двухъ полярныхъ зимъ, дала

ему возможность не затруднять себя тѣмъ бесполезнымъ багажемъ, который таскають съ собой новички: мѣховыми шапками, слишкомъ тяжелыми для ходьбы, толстыми одѣялами, громоздкими и тяжелыми, а, между тѣмъ, пропускающими холодъ каждый разъ, какъ перевернешься съ боку на бокъ; всякими мясными экстрактами, которыхъ вѣсъ весьма значителенъ отъ жестяныхъ коробокъ, а питательность не равняется и двадцатой долѣ того, что обѣщано въ рекламахъ... Онъ ограничился двумя парами превосходныхъ сапогъ со шнуровками на подъемѣ и сбоку, мокасинами, двумя дюжинами паръ носковъ (послѣдніе никогда не могутъ быть лишними при большихъ зимнихъ переходахъ), кожаной курткой на мѣху съ капюшономъ для ночевокъ и, наконецъ, мѣшкомъ-постелью изъ трехъ простеганныхъ слоевъ перьевъ, не оставившихъ ни малѣйшей щелчки, сквозь которую холодъ могъ бы проникнуть до кожи. Остальная кладь состояла изъ печурки, шелковой палатки и, приблизительно, двадцати пудовъ сала и корабельныхъ сухарей. Съ такими запасами онъ могъ идти хоть къ сѣверному полюсу или, по крайней мѣрѣ, могъ идти до тѣхъ поръ, пока будутъ дрова для вечерней стряпни и сало для собственной и собачьей пищи: древесный уголь для желѣзной печки и мясной уголь для той, что находится внутри каждаго живого существа. Чай и сахаринъ дополняли этотъ роскошный провіантъ. Дорогою онъ застрѣлилъ нѣсколькихъ оленей, мерзлые трупы которыхъ послужили дивнымъ угощеніемъ для запряжки. Благодаря Катону, все время привязанному, чтобы не сбѣжалъ, Тильдену удалось выслѣдить старика, не смотря на его необыкновенные повороты, которые начинали внушать беспокойство нашему американцу.

Зналъ-ли Лабелль, что за нимъ слѣдять? Смѣялся-ли онъ себѣ въ бороду, заманивая Тильдена по ложному слѣду? Или же его золото, какъ говорили нѣкоторые, набиралось имъ тамъ и сямъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бродилъ годами? Если такъ, если дѣйствительно онъ не нашелъ главной жилы, то, значить, Томъ Тильденъ гонится за призракомъ—тѣмъ золотымъ призракомъ, который всякому старателю является хоть разъ въ жизни—между тѣмъ, какъ въ Нью-Йоркѣ его друзья вмѣстѣ съ Аэлидой!.. Нѣтъ, теперь онъ не хотѣлъ объ этомъ думать: иначе его мозгъ не выдержалъ бы, и онъ лишился бы разсудка среди тундры, такъ что собаки привезли бы назадъ въ Боульдеръ только его безумное тѣло. Онъ былъ бы не первымъ: вы помните Виппла? Ха! ха! ха! Аэлида поцѣловала бы его въ лобъ, и ему стало бы очень больно, потому что въ головѣ уже ничего бы не было, и онъ не смогъ бы вернуть туда того, что оттуда вышло... Сколько времени не

видалъ онъ лица человѣческаго? Тридцать дней? Сто дней? Онъ не зналъ и не хотѣлъ знать, потому что рядомъ подстерегалъ его демонъ Аляскинскихъ тундръ и ждалъ случая во второй разъ попытаться вынуть изъ него душу.

Тильденъ вспомнилъ, какъ заблудился на горѣ, и сдѣлалъ надъ собой усиліе: онъ зажегъ печурку, чтобы зажарить себѣ нѣсколько ломтей сала, которые намѣренъ былъ запить горячимъ чаемъ. Температура понизилась настолько, что около полуночи его термометръ лопнулъ со звукомъ, похожимъ на выстрѣлъ изъ дѣтскаго ружья. Онъ вышелъ изъ палатки, чтобы нарубить дровъ, въ нѣсколько секундъ перчатки покрылись тонкимъ слоемъ льда, вслѣдствіе испаренія черезъ поры кожи; его пальцы замерли на рукояти топора и не могли разогнуться. Онъ побоялся, что въ нихъ остановится кровообращеніе, побѣждалъ по замерзшему ручью, поскользнулся и упалъ руками впередъ. Правая попала въ полынью, гдѣ вода не замерзала, а выпускала паръ, какъ бываетъ въ самые сильные холода. Онъ тотчасъ выдернулъ руку: она уже была окутана ледяною корою, подъ которой онъ еще чувствовалъ воду, распрямляя и сгибая пальцы, чтобы не дать имъ замерзнуть окончательно. Онъ поспѣшилъ къ себѣ въ палатку и, растопивъ эту кору, опять вышелъ за дровами. Когда онъ возвращался, вдругъ поднялась мятель, возвѣщенная четырьмя солнцами и предсказанная эскимосскимъ псомъ.

Это былъ ураганъ летучаго снѣга, сыпавшагося отовсюду на ротъ, гдѣ онъ таялъ, на глаза, гдѣ онъ сначала становился мокрымъ, а потомъ смерзался, склеивая собою вѣки, заставляя его вертѣться на мѣстѣ и подвергая опасности заблудиться въ десяти шагахъ отъ крова. Тильденъ едва успѣлъ добѣжать до палатки, которая исчезала среди всеобщей бѣлизны. Онъ просунулъ туда свои дрова, закрылъ ее и съѣжился возлѣ печки.

Снѣгъ продолжалъ идти такъ быстро и густо, что на другой день уже не видно было того бѣловатаго круга, который обыкновенно къ полудню претендовалъ на имя солнца. Мятель погребала въ снѣгу сани, собакъ, лежавшихъ вокругъ палатки,—все, что было живого въ Аляскѣ. На второй день подули вѣтры со всѣхъ четырехъ краевъ свѣта, какъ бы сражаясь вокругъ шелковаго лоскута, откуда выходило немножко синяго дыма; и безконечно уныло протекали часъ за часомъ для Тильдена, который заползъ въ свой спальный мѣшокъ ради экономіи въ топливѣ.

Наконецъ, въ ночь третьихъ сутокъ Большая Медвѣдица засверкала на небѣ, ставшемъ изумительно прозрачнымъ; заискрились цвѣтные лучи Арктура; мятель и ураганъ перешли въ Азіатскую Сибирь; сѣверное сіяніе обогрило го-

ризонть роскошнымъ фантастическимъ фейерверкомъ, который то являлся въ видѣ фонтановъ нѣжнаго свѣта, то въ видѣ струнъ небесной лиры, къ которымъ, точно руки, тянулись облака. Тильденъ, снова пустившійся въ путь, ибо боялся медлить, чтобы чутье не измѣнило Катону, вдругъ услышалъ какіе-то аккорды, доносившіеся очень издалека, спереди, сзади, сверху—онъ не могъ опредѣлить, потому что они раздавались на сѣверѣ, потомъ зазвучали съ юга, размѣстились по всѣмъ краямъ горизонта и наполнили собою все безграничное пространство. Сюда присоединились дѣтскіе голоса, напѣвавшіе гаммы, столь же разнообразныя, какъ игра небесныхъ струнъ. Тильденъ сдѣлалъ усиліе дать себѣ отчетъ въ томъ, что слышитъ: ему хотѣлось увѣриться, что онъ не спитъ. Чтобы лучше въ томъ убѣдиться, онъ сказалъ себѣ: „Я сяду.—мнѣ будетъ очень хорошо на этомъ мягкомъ снѣгѣ. Ахъ, какая красивая музыка! Какъ она поетъ и плачетъ... А вонъ въ воздухѣ тотъ городъ бѣлыхъ дворцовъ... Это, конечно, *спящій городъ* индѣйцевъ... Видны колокольни, башни, улицы и площади, но никого“...

Внезапный лай Катона заставилъ его встрепенуться; онъ принудилъ себя встать и продолжать путь. Неужели его одолѣетъ сонъ въ этотъ ужасный морозъ? По всему тѣлу его колело, точно огненными остріями; лучше было бы переждать еще сутки въ палаткѣ, но, разъ уже тронулся, приходится идти впередъ, согрѣваясь на ходу въ ожиданіи солнца.

Шесть часовъ спустя, солнце, дѣйствительно, появилось на горизонтѣ, ослѣпляя блескомъ свѣжаго снѣга, великолѣпное, какъ Богъ, торжествующій надъ смертью. Катонъ залаялъ вторично и поскакалъ галопомъ. Прочіе одиннадцать псовъ понеслись вслѣдъ за нимъ: у нихъ за трое сутокъ точно выросли новыя лапы, они съѣли много сала, которое хорошо переваривается лишь при моціонѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ. Томъ кликнулъ ихъ: они не слушали. Разстояніе между нимъ и собаками, все увеличиваясь, начинало его беспокоить, какъ вдругъ онѣ остановились около бѣлаго холмика. Катонъ исчезъ за нимъ, а прочія начали выть. Вѣроятно, какой нибудь скалистый выступъ, зацѣпивъ за сани, благодаря Бога, помѣшалъ имъ летѣть, какъ полоумнымъ. Онъ пошелъ не такъ скоро, такъ какъ опасность миновала, но, по мѣрѣ того, какъ подходилъ ближе, дрожь пробирала всѣ его члены. Наконецъ, онъ подошелъ и увидѣлъ.

Увидѣлъ Катона, лежавшаго на снѣгу, въ ямѣ, которую, издыхая, вырыла Килиппа; увидѣлъ упряжку старика, неподвижную подъ сбруей, точно деревянные звѣрки, съ естественно разставленными лапами, съ губами, приподнятыми надъ обледенѣлыми зубами; взглянулъ, наконецъ на сани,

и подъ снѣжнымъ покровомъ, съ вожжами въ рукахъ, узналъ Лабелля, замерзшаго, похожаго на ледяную статую, съ открытыми глазами, откуда солнце уже начинало извлекать слезы.

И старикъ, котораго призракъ золота закружилъ во время бури, старикъ пристально глядѣлъ на утесъ передъ собою, на камень, который онъ, вѣроятно, видѣлъ уже цѣлые годы, во всѣ дни, часы и минуты своей одинокой жизни. Инстинктивно Томъ Тильденъ взглянулъ туда же, и въ расширенныхъ глазахъ его потемнѣло, какъ отъ блеска молніи... Да, она была передъ нимъ, жила, главная жила, желтая полоса, фантастическая, невѣроятная, еле прорѣзанная кое-гдѣ синимъ кварцемъ, жила, главная жила Клондайка, о Творецъ, создавшій міры и отдавшій ихъ во власть золота!

И бѣднякъ, который, такимъ образомъ, вдругъ превратился въ короля Клондайка, позналъ въ этотъ день блаженство рая, ибо увидѣлъ своего бога лицомъ къ лицу и остался живъ.

XVII.

„Lady prostitute“.

Франкъ Смитъ не могъ понять отказа Аэлиды. Это превосходило его разумѣніе! Развѣ онъ не „стоилъ“ множества милліоновъ, съ математическою точностью умножавшихся каждый годъ? Изъ нихъ онъ готовъ былъ положить три или четыре на имя жены, чтобы застраховаться отъ возможности раззоренія или банкротства. Будь она пятнадцатилѣтней дѣвочкой, ея романическія идеи были бы еще извинительны, потому что въ эти годы, начитавшись романовъ, мечтаютъ о миломъ въ шалашѣ. Но на двадцать третьемъ году, испытавъ матеріальные недостатки—да, вѣроятно, и настоящую нужду!—отказываться отъ милаго во дворцѣ—*well! it was a most foolish thing to do!* Это было непостижимо... Сверхъ того, недаромъ говорить пословица: „Лучше быть душенькой у старика, чѣмъ невольницей у молодого!“ Безъ сомнѣнія, Аэлида одумается, ея мимолетная экзальтація...

Здѣсь Франкъ, который имѣлъ одно достоинство—всегда лгать только другимъ, выбросилъ свою сигару за окно:

— Зачѣмъ обманывать себя? У этой дѣвочки такіе глаза и губы, которыя не солгутъ. Стоить на нее посмотреть, какъ видѣлъ ее я, когда она обернулась ко мнѣ на порогъ: „Это невозможно! Повторяю вамъ, что я уже невѣста.“—О, такъ мало!.. О немъ ничего не слышно уже сколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ исчезъ гдѣ-то у полюса. Вы одна помните о немъ. Неужели вы пожертвуете собою ради воспоминанія?—

Что за великолѣпный взглядъ негодованія въ эту минуту, и что за серебристый голосокъ! „Именно поэтому, сударь, благодарите принять мою просьбу объ отставкѣ и благодарность за все, чѣмъ я вамъ обязана... Если я одна не забыла его, какъ вамъ угодно было сказать, то мнѣ и слѣдуетъ поѣхать удостовѣриться, живъ ли онъ еще“. И вотъ она умчалась съ быстротою телеграммы, бѣдная и прекрасная, какъ и прежде, гордая, какъ царица, глупая, какъ сказка о любви на хлѣбѣ и водѣ!.. А я, Франкъ Смитъ, остаюсь между прошедшимъ, которое на кладбищѣ, и будущимъ, которое ѣдетъ въ Клондайкъ... Какъ же бы его догнать? Я не пожалѣлъ бы ста тысячъ долларовъ, чтобы узнать это.

Сажая Аэлиду на „паровую лодку“ на верховьяхъ Юкона Робертъ д'Азэ ей сказалъ:

— До свиданья, барышня. Мнѣ нужно заѣхать въ Атлингъ, но черезъ двѣ недѣли я буду въ Даусонѣ.—И онъ ушелъ очень скоро, не поворачивая головы, ибо находилъ удивительное удовольствіе въ своей роли покровителя между Нью-Йоркомъ (гдѣ она попросила у него позволенія ѣхать съ нимъ вмѣстѣ) и озеромъ Бенетта. Она поглядѣла ему вслѣдъ, чувствуя, что у нея сжимается сердце, и на лицѣ ея вдругъ выразилась тревога того ужаснаго одиночества въ Аляскѣ, которое она ясно сознала впервые. Это ощущеніе не покидало ее вплоть до Даусона, куда она прибыла послѣ четырехъ дней плаванія. Ночь, проведенная въ Королевской гостиницѣ, вернула ей силы, и она съ утра отправилась въ больницу, гдѣ должна была найти монаха-иезуита, къ которому имѣла рекомендательное письмо отъ своихъ наставницъ-урсулинокъ.

Когда она туда явилась, на двери висѣло черное покрывало, и, хотя она постучала нѣсколько разъ, ей не удалось привлечь вниманіе сидѣлокъ... Наконецъ, какой-то старый старатель, еще весь черный отъ цынги, подошелъ къ ней.

— Это вы тутъ стучитесь?

— Да, я. Если возможно, я хотѣла бы видѣть достопо-
чтеннаго отца Джуджа.

— Конечно, барышня, конечно... Только въ Даусонѣ не стучатся, а прямо входятъ, особенно съ такимъ хорошенькимъ личикомъ, какъ у васъ!

— Извините за беспокойство. Я думала... Да гдѣ же я увижу батюшку?

— Въ церкви, разумѣется!.. Развѣ вы не видѣли на улицѣ, какая толпа идетъ къ нему! Ступайте съ прочими...

— Такъ я сейчасъ пойду. Благодарю васъ, милостивый государь.

„Милостивый государь“, котораго вотъ уже шестьдесятъ три года всѣ звали просто „Николаемъ“, разинулъ громадный ротъ, глядя, какъ она сходила по деревяннымъ ступенямъ, а потомъ заворчалъ:

— Ахъ, пусть возьмутъ меня всѣ черти! Вотъ такъ красавица дѣвица! Да и вѣжлива къ тому-жъ! Ужъ непременно она изъ Юшивы... Вотъ такая меня вылѣчила бы отъ цынги скорѣе, чѣмъ всѣ доктора.

Рядомъ съ больницею находилась церковь, построенная шотландцемъ-милліонеромъ, для котораго, три года назадъ, миссіонеры отслужили въ кредитъ обѣдню, повѣривъ ему въ долгъ двадцать пять копѣекъ. Сотни золотопромышленниковъ входили и выходили молча со шляпами или шапками въ рукахъ и ступали съ особою осторожностью, образуя вереницу, которая дѣвушкѣ показалась безконечною.

— Что за толпа! Ни за что не доберусь раньше полудня.

Она ошиблась: и здѣсь ея хорошенькое личико совершило чудеса. Плотные ряды раздвинулись, тяжелые сапоги перестали стучать по землѣ. „Проходите, леди, проходите. Господь съ вами!“ Она прошла тоже молча, но привѣтливо кивнувъ головой. Одною рукою она приподняла свою юбку, а въ другой держала рекомендательное письмо; про себя же, входя въ церковь съ непонятнымъ трепетомъ въ сердцѣ, она повторяла слова, съ которыми намѣрена была обратиться къ священнику. Ужъ навѣрное онъ ей не откажетъ, если она хорошенько попроситъ, будучи такою одинокою среди всѣхъ этихъ мужчинъ, между которыми неизвѣстно когда очутится ея женихъ. Она чувствовала себя въ высшей степени несчастною. „Сначала онъ скажетъ „нѣтъ“, потому что къ нему обращается столько народа. Тогда я ему скажу“...

Она подняла голову: позади нея смолкъ топотъ толпы. Передъ нею, посреда церкви, стоялъ катафалкъ, и трепетный свѣтъ свѣчей падалъ на того, кому всѣ пришли поклониться въ послѣдній разъ. Молодая дѣвушка едва удержалась отъ крика, подняла обѣ руки къ лицу, но почти тутъ же ихъ опустила и, собравшись съ духомъ, взглянула на того, кто покоился въ черномъ гробу съ бѣлою надписью:

R. P. Judge, S. J.

R. J. P.

Батюшка, батюшка, неужели васъ поразилъ грозный ангелъ, о которомъ вы намъ такъ часто говорили? Неужели васъ онъ позвалъ, говоря: „Твоя работа кончена, иди на судъ, уже пора!“ Вы просили объ острочкѣ, вы даже боролись до конца, ибо вы любили вашихъ юконскихъ авантюристовъ и

слишкомъ хорошо знали, что съ ними будетъ, если они лишатся миссіонера, который служить имъ поддержкою въ этомъ глухомъ углу міра. Но ангелъ одолѣлъ, и, побѣжденный, вы еще улыбались намъ, вы, апостолъ первобытной церкви въ городѣ грязи и золота, вы, *единственный* человѣкъ, прибывшій въ Клондайкъ *не ради денегъ*. Даже при этомъ послѣднемъ прощаніи ваше блѣдное аскетическое лицо еще повторяло намъ: „Есть иное на свѣтѣ, повѣрьте мнѣ, дѣти мои!“ А мы проходили по одному, опустивъ головы и брызгая святою водою на это тѣло, такое изможденное, такое прозрачное, что при выходѣ изъ церкви тѣ, кто не видывалъ васъ раньше, восклицали: „Ахъ, какой же онъ былъ тщедушный! Какъ могъ онъ сдѣлать столько дѣла тутъ?“

Аэлида стояла на колѣняхъ; слезы по каплѣ падали на письмо, которое она неловкою рукою старалась просунуть къ ногамъ умершаго священника. Сдѣлавши это, она собралась помолиться, произнести про себя: „De profundis“. Вдругъ сзади нея поднялся гулъ, какой-то рокотъ наполнялъ церковь и перешелъ на площадь. Она безсознательно произносила молитву вслухъ и канадцы отвѣчали на грозные стихи:

„Li iniquitates observaveris, Domine, Domine quis sustinebit?...
A custodia matutina usque ad noctem, speret Israel in Domino...
Requiem aeternam dona eis, Domine,
Et lux perpetua luceat eis...“

Она встала, вышла, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, очутилась на улицѣ возлѣ нѣсколькихъ рудоправъ, которые тихо переговаривались, и спросила у нихъ:

— Когда хоронять батюшку?

— Завтра утромъ, въ восемь часовъ, миссъ. Соберется весь городъ. Съ Бонанцы и съ Хункера тоже явятся вечеромъ, а въ ночь ждемъ людей съ Доминіана... Онъ любилъ насъ всѣхъ, протестантовъ, католиковъ и язычниковъ, громъ меня разрази!... *Oh! J beg your pardon, miss! *)*

Надо замѣтить, что въ Даусонѣ, по самому точному исчисленію, было семь порядочныхъ женщинъ. Восьмою оказалась Аэлида. Такъ какъ она этого не знала, то на другой день, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ ихъ малочисленному обществу на первой церковной скамейкѣ, она помѣстилась рядомъ съ остальными, составляющими подавляющее большинство. Этимъ послѣднимъ въ церкви, очевидно, не мѣсто,—

*) Охъ, прошу извинить меня, барышня!

неправда-ли, читательница?—и потребовалась кончина святого человѣка, чтобы вызвать съ ихъ стороны подобное нахальство. Впрочемъ мудрыя дѣвы глядѣли на нихъ такъ, что эти неразумныя не попытались уменьшить разстояніе и болѣе или менѣе робко столпились въ самой глубинѣ церкви, образуя тамъ свою хорошенькую группу шелудивыхъ овечекъ.

Исключеніе, впрочемъ, составила Топся, рядомъ съ которою преклонила колѣни Аэлида... Топся была розовый лотосъ Юшивы; а Юшива (кто могъ когда-либо докопаться до происхожденія этого названія?) есть тотъ самый кварталъ Пятой улицы, куда, въ припадкѣ добродѣтели, администраторы Даусона запрятали „*этихъ дамъ*“. Англичане звали его „Маленькою Франціею“, а канадцы—„Болѣе обширную Англіею“. Какъ бы то ни было, Топся тамъ была царицею, восхитительной куколкой изъ Іокогамы, гдѣ ни одна гейша не сумѣла бы милѣе пропѣть вамъ съ аккомпаниментомъ трехструнной гитары:

Деньги или меня, что ты предпочитаешь?

Choïto! don-don!
Otagaidoné;
Choïto! don don!!
Shimaïmashitané.

Произнося это, она смотрѣла на васъ своими пятнадцатилѣтними глазами, настолько же невинными, насколько сознательно-вызывающей была ея улыбка. Безспорно, въ ней было много женственного и кошачьяго, и опаснаго: стоило пройти мимо ея домика, возвращаясь съ приисковъ, чтобы въ томъ убѣдиться. Золота у васъ полны карманы, а отъ количества пройденныхъ верстъ подгибаются ноги; мѣсяцъ или два полного одиночества въ обледенѣломъ пустырѣ заставляють васъ спѣшить въ Даусонъ, и какъ разъ въ эту минуту васъ манятъ падшая Ева и ея весьма земной рай. Торопливые шаги ея ножекъ, нетвердо ступающихъ въ сандаляхъ, изъ которыхъ каждую вы могли бы скрыть въ рукѣ, поставивъ ее на ладонь и пригнувъ пальцы, начинали отдаваться у васъ въ сердцѣ, и тогда довольно бывало одного слова:

— Я видѣла мое отраженіе въ твоихъ глазахъ. Приди:—у меня есть душистый чай, ты отдохнешь...

Была-ли у нея душа? На это могли бы отвѣтить лишь тѣ миссіонеры разныхъ сектъ, которые изслѣдовали этотъ вопросъ своимъ невидимымъ скапелемъ: а они всѣ находились въ Санъ-Франциско, гдѣ и она провела два года. Въ Даусонѣ же это оказалось внѣ всякихъ сомнѣній послѣ заупокойной обѣдни по отцѣ Джуджѣ. Ибо именно въ этотъ

незабвенный день, когда всѣ флаги были спущены, притоны заперты и самая странная, самая порочная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, набожная толпа окружала гробъ проповѣдника, какъ разъ въ моментъ возношенія даровъ, Топся испустила вопль и безъ чувствъ покатила на полъ.

Аэлида тотчасъ подняла ея голову; золотистыя кудри ея волосъ, рассыпавшись, предохранили ее отъ ушиба, но, тѣмъ не менѣе, на глазахъ ея, похожихъ на два черныхъ бриллианта, сверкали слезы. Какой-то старатель взялъ ее въ охапку и вынесъ вонъ. На площади было тысячъ пять народа; при видѣ этой группы послышался протяжный ропотъ:

— Топся! это—Топся!..

— Воды, пожалуйста!—умоляла Аэлида.—Она только въ обморокѣ.

Явилась вода холодная, какъ ледъ, изъ котораго ее насилу добыли. Японка открыла глаза, отерла слезы, посмотрѣла на собравшихся вокругъ любопытныхъ и ужъ окончательно разрыдалась. Она прижалась къ Аэлидѣ:

— Уведите меня... Уведите... хорошо?.. Я его видѣла... Онъ мнѣ сказалъ, какъ въ прошломъ году въ больницѣ, когда я хворала плевритомъ: „Топся, маленькая Топся, куда ты идешь? Что ты будешь дѣлать, когда меня не станетъ?..“ Уведите меня.

Она вдругъ ударила въ ладоши два раза, три раза, четыре раза, на манеръ шинтоистовъ для пробужденія отъ „долгой ночи“:

— Ма! послушайте гномовъ! Чичи! Койши! Ха-ха! Койши!—

Ей представлялось, что она затеряна въ той мрачной пещерѣ, которую посѣщаютъ призраки умершихъ дѣтей, Кіу-Кукедо-Санъ, близъ Изюмо. Христіанство, буддизмъ, шинтоизмъ — всѣ вѣрованія перепутались въ ея легковѣсномъ мозгу, когда она вновь затынула свой призывъ къ Аэлидѣ:

— Уведите меня!

— Куда?

— Въ Юшиву, №... 2...

— № 132, миссъ,—сказалъ голосъ позади нихъ,—тамъ виситъ китайскій фонарь, разрисованный драконами. Но это не мѣсто для дамы.

— Правда, его правда!—сказала Топся.—Однако, мнѣ съ вами хорошо. Знаете, барыня, я вѣдь гейша.

— Кто такая?...

— Я... а lady prostitute.

Аэлида сильно покраснѣла, потомъ оглянулась вокругъ; старатели понялись: одинъ револьверъ не можетъ сравниться съ парю глазъ цѣломудренной женщины.

— Можете-ли вы итти?—спросила она.—Да? Такъ обопритесь же на меня. Я провожу васъ домой.

— Ахъ, какъ я рада!

Онѣ вмѣстѣ отправились на Пятую улицу. Минуту спустя, распахнулись двери церкви, чтобы пропустить тѣло священника: оно отправлялось на кладбище; безумныя и мудрыя дѣвы, старатели, игроки, даже слегка покачивавшіеся пьяницы провожали его подъ грустнымъ зимнимъ небомъ, на уныломъ крайнемъ сѣверѣ.

XVIII.

Omaé shindara.

Мужчины, никогда не терзавшіеся голодомъ, женщины, никогда не томившіеся жаждою, пусть не читають дальше, ибо они, очевидно, принадлежать къ тому очень малому числу привилегированныхъ существъ, которыхъ дьяволъ или жизнь искушали одною лишь праздною. Эти благовоспитанные люди, заранѣе запасшіеся мѣстомъ въ раю, гдѣ ничто „непристойное“ ужъ не будетъ шокировать ихъ прекрасныя души, не въ состояніи понять, а еще менѣе—объяснить или простить нѣкоторые проступки. Да и немудрено. Они живутъ такъ далеко отъ земли! Знакома-ли имъ неистовая жажда жизни, внезапно охватывающая тѣхъ, кто былъ потерянъ и нашелся; понятна-ли имъ сила желаній тѣхъ, кто былъ бѣденъ и вдругъ сталъ обладателемъ сотенъ милліоновъ? Они не видѣли дна бездны, они не видятъ и вершинъ чудовищныхъ успѣховъ. Такъ не имъ и судить...

Манеки-неко, — это кошка, которая дѣлаетъ бархатныя лапки и сладострастно потягивается, какъ бы говоря вамъ съ порога отвореннаго дома: „Приди же и забавляйся!“ Хотя за нею этого не видно, но въ тѣни ея скрывается богъ бѣдности, и вѣдьмы ей сестры; однако, такъ какъ она привлекаетъ благосклонность богатыхъ и покровительство знатныхъ, то эта маленькая тигрица считается добрымъ гениемъ гейшъ.

Та, которую Топся привезла съ собою въ Даусонъ, была фарфоровая: она стояла, поднявшия на заднія лапы, у самого входа, на *камиданъ*, священной этажеркѣ, которая видна была съ улицы. Рядомъ съ нею находилось изображеніе *Ами-но-узуме-но-микото* передъ пещерою, куда нѣкогда удалилась богиня солнца: немного согнувъ колѣни, поднявъ обѣими руками надъ головою мистическій тамбуринъ-*суру*, она представляла свое безстрастное лицо изъ подъ краснаго съ бѣлымъ покрывала, начиная чудодѣйственный танецъ, возвратившій міру тепло, любовь и жизнь.

Между двумя идолами горѣла лампада въ покоемъ на соусникъ бронзовомъ сосудѣ, и ея свѣтъ падалъ на нѣсколько кабалистическихъ надписей. Помогая Топсѣ заваривать душистый чай, Аэлида для развлечения заставила перевести ихъ себѣ.

Первая означала: „Поклоненіе великой Куанъ-зи-онъ, милосердой, взглядъ которой достигаетъ выше звуковъ молитвъ“.

Другая: „Въ раю избранникъ будетъ покоемъ на лепесткахъ золотого лотоса!“

Третья была разукрашена красными, синими и золотыми рисунками подъ слѣдующими строками:

Omaé shindara tera iva yaranou!

Yaété konishiti saki dé nomon!

— Ахъ это!..—сказала маленькая гейша.

— Ну?.. что же значить эта убывающая луна на пурпуровомъ небѣ?

— Любовь—пурпуроваго цвѣта и, какъ свѣтило ночи, растетъ, сіяетъ и умираетъ... Послушайте, вотъ смыслъ этой надписи. Это одно изъ самыхъ старинныхъ стихотвореній моей родины.

Она взяла гитару:

О, моя любовь, если ты умрешь, то не попадаешь въ могилу,
Ибо я лучше выпью твой пепелъ въ чашѣ сладкаго питья...

Убаюканная, увлеченная мелодіей плясунья въ мечтахъ перенеслась въ Іокогаму, страну боговъ, и почти не удивилась, когда звучный голосъ повторилъ за нею съ улицы:

Omaé shindara téra iva yaranou!

Топся запѣла второй стихъ:

Yaété konishiti saki de...

Она не кончила: побѣлѣвши, какъ снѣгъ, Аэлида покачнулась и обѣими руками схватилась за *камидану*, чтобы не упасть. Топся бросила гитару, подскочила къ ней и потихоньку усадила въ кресло. Потомъ она обернулась, и тотъ, кто отвѣтилъ ей на пѣсню, вошелъ не постучавшись. Хотя его посѣщенія бывали рѣдки, она заранѣе знала, что это онъ: во всемъ Даусонѣ, кромѣ нихъ двоихъ, никто не зналъ подлиннаго текста этой любовной пѣсни. Она выступила впередъ, прижавши руки къ груди и улыбаясь той улыбкою, какая свойственна ея племени; позади нея Манеки-неко все протягивала свои бархатныя лапки надъ склоненною головою

Аэлиды. Лампада сразу погасла отъ холоднаго вѣтра съ улицы.

— Топся, Топсинька, вотъ я и вернулся!.. И на этотъ разъ нашелъ больше золота, чѣмъ можно помѣстить въ твоёмъ домикѣ.

Глаза дочери востока сверкнули, какъ у змѣи; гейша обвила руками шею того, кто принесъ такія добрыя вѣсти. Онъ же нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ губы, точно пьяница или влюбленный.

— Сколько разъ... о! сколько разъ вспоминалъ я о Даусонѣ и о тебѣ во время моего странствія!.. Еще немного, и я не вернулся бы живымъ. Ахъ! какъ дорого достается золото!

Произнося эти слова, онъ замѣтилъ ту, которая, сидя въ креслѣ, въ тѣни камиданы, не отнимала рукъ отъ лица, вѣроятно, ради шутки; онъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за локти и наклонился для поцѣлуя, говоря:

— Это подруга, Топся? Такъ пусть же она тоже меня...

Онъ не договорилъ: она подняла голову, и они взглянули другъ на друга. Топся увидѣла, какъ онъ вдругъ выпрямился, выпустилъ руки дѣвушки и, не спуская съ нея глазъ, прояснившихся и серьезныхъ глазъ вдругъ отрезвѣвшаго человѣка, пятясь, отступилъ къ самой стѣнѣ. Аэлида, съ своей стороны, провожала его взоромъ, и за этимъ взоромъ ему чудилась покойница. Наконецъ, она встала и беззвучно, точно привидѣніе, прошла мимо него. Такъ какъ дверь должна была тотчасъ захлопнуться и скрыть отъ него это прекрасное лицо, гдѣ изумленіе, отчаяніе, скорбь и ужасъ сливались въ самое трагическое выраженіе, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ:

— Аэлида... Вы ли это? Что вы здѣсь дѣлаете?

Ахъ, какъ ясно было по ея голосу, что она потеряна для него навѣки, когда она отвѣтила:

— А, вы?

Въ приотворенную дверь ворвался далекій гулъ толпы, крики, восклицанія, которые то приближались, то удалялись, то снова слышались ближе, точно лай собакъ, напавшихъ на слѣдъ оленя. Это Даусонъ возвращался съ похоронъ святого и уже пускался въ поиски за божественнымъ металломъ:

— Онъ пошелъ въ Пятую улицу!—Нѣтъ, его видѣли у Элліса!—Правда ли, что онъ нашелъ главную жилу?—Да, онъ привезъ трое саней золота!—Его индѣйцы тотчасъ ѣдутъ туда опять.—Гдѣ это такое?

— Онъ скажетъ намъ!

Вдругъ всѣ голоса покрылъ одинъ:

— Онъ на Пятой улицѣ!

— Неудивительно. Идемъ туда! — Да, онъ у японки... Ура! Ура королю Клондайка! королю! королю! королю!

Аэлида слышала крики этихъ запыхавшихся людей. Чтобъ ускользнуть отъ нихъ, она бросилась бѣгомъ; а онъ, король, тоже слыша эти крики, стоялъ на порогѣ Топси неподвижно, молча и смотрѣлъ, какъ она удалялась и исчезла... Позади него японка напѣвала:

О, милый мой, коль ты умрешь, то не быть тебѣ въ могилѣ...

XIX.

Король Клондайка.

„Слушайте, слушайте, обитатели царицы Тихаго Океана! Кортесъ открылъ Мексику, а Пизарро—Перу. Въ Австраліи золото нашель бродяга, а въ Калифорніи—мельникъ. Въ Южной Африкѣ оно выкатилось изъ-подъ ногъ фермера; но въ Аляскѣ главную жилу открылъ старатель, настоящій американскій старатель, Томъ Тильденъ, изъ Нью-Йорка. Сейчасъ не время рассказывать всѣ приключенія, какія онъ испыталъ, прежде нежели нашель кладъ, передъ которымъ блѣднѣютъ сокровища доисторическихъ Инковъ. Отложимъ повѣствованіе о нихъ до ближайшихъ номеровъ. Сегодня ограничимся извѣстіемъ о его прибытіи въ нашъ городъ на „Эксельсиоръ“, томъ же пароходѣ, который увезъ его на сѣверъ четыре года назадъ. Шесть товарищей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, провожаютъ его драгоценные ящики съ самородками, они ночевали въ „Palace hotel“, откуда полиція препроводитъ ихъ нынче утромъ на монетный дворъ, въ одиннадцать часовъ ровно. Поистинѣ, этотъ человѣкъ пережилъ наяву самое невѣроятное сновидѣніе, ибо, вчера бывши нищимъ, сегодня онъ можетъ купить весь Санъ-Франциско, если пожелаетъ“.

Санъ-Францискскія „Times“ не лгали, печатая это въ своемъ первомъ столбцѣ. Дѣйствительно, нѣкій Томъ Тильденъ прибылъ наканунѣ, и у Дворцовой гостиницы смѣнялось по пятнадцати городскихъ, охраняя его ящики съ золотомъ. Слухъ о томъ скорѣе газетъ проникъ съ улицы Кирней до той „Скалы“ надъ океаномъ, гдѣ даже тюлени, приподнявшись на своихъ камняхъ, прокричали нѣсколько разъ: „Goant! Goant!“ что на ихъ языкѣ означаетъ: „Ступайте посмотрѣть! Ступайте посмотрѣть!“

Жители Нью-Йорка отвѣтили бы: „Намъ слишкомъ некогда!“ Жители Чикаго: „Эхъ!... врите другимъ!“ Но туземцы Санъ-Франциско, имѣющіе много досуга, ибо прекраснѣйшее, теп-

лѣйшее, лучезарнѣйшее солнце научаетъ ихъ любить жизнь, всегда черезчуръ короткую въ ихъ восхитительной Калифорніи,—граждане царицы тихоокеанскаго побережья кинулись къ монетному двору смотрѣть, какъ будетъ проѣзжать король Клондайка. Такимъ образомъ, онъ провезъ свои милліоны между двумя живыми стѣнами восторженныхъ зрителей, и его лицо, его осанка работника, надорваннаго черезчуръ тяжелой жизнью, непріятно поразили толпу.

— Онъ — точно конфузливый нищій. Это не онъ: вы, вѣрно, ошиблись!

— Это—первый въ переднемъ экипажѣ?

— Нѣтъ, то—французъ, другой старатель изъ Даусона... Говорю вамъ, что онъ—вотъ этотъ, въ этомъ ландо.

Поднялась толкотня, линія полицейскихъ была прорвана; тѣ же изъ нихъ, которые провожали Тильдена, сидя съ нимъ въ коляскѣ и рядомъ, и напротивъ, тотчасъ же крикнули: „Назадъ! Не класть рукъ на дверцы!“ И поспѣшно выхватили свои коротенькія палки. Одинъ маленькій нищій еще попытался возразить:

— Неправда! Это—не онъ! Этотъ смотреть слишкомъ несчастнымъ!

Всѣ попятились, а Тильденъ вышелъ изъ своего столбняка и, выправившись, въ свою очередь, крикнуть мальчишкѣ:

— А ты, малышъ, развѣ счастливъ?

— Я-то? (Вся сіяющая рожица отвѣчала на этотъ вопросъ). Я? Ну да, когда наѣмся досыта... Скажите-ка, вы что-ли король Клондайка?

Дѣйствительно, оборванный ребенокъ такъ и свѣтился радостью жизни въ лучахъ этого благодѣтельнаго солнца. Тильденъ отперъ одинъ ящикъ, вынулъ оттуда мѣшокъ въ тридцать фунтовъ и, не останавливая экипажа, обѣими руками швырнулъ его мальчику, причемъ сказалъ:

— Да, это я король. На, лови!

Мѣшокъ прорвался, ударившись бѣзелью; сѣверные самородки разсыпались въ южной пыли; толпа бросилась подбирать съ усердіемъ, скоро перешедшимъ въ свалку, а золотой поѣздъ со своимъ конвоемъ скрылся за тяжелыми воротами монетнаго двора.

Теперь Тильденъ находился въ желѣзной комнатѣ, гдѣ пробуютъ достоинство золота. Это была какая-то клѣтка, съ четырьмя стальными печами по угламъ, для глиняныхъ тиглей, куда кладутся куски руды или золотыя зерна. Чиновники кинули туда нѣсколько образцовъ изъ привезенныхъ Тильде-

номъ мѣшковъ, покрыли тигли глиняными же крышками и стали ихъ нагрѣвать.

Вскорѣ громче и громче загудѣла струя воздуха подъ высокимъ давленіемъ; сосуды порозовѣли, точно отъ отблеска далекаго зарева, и мало-по-малу стали совершенно красными и прозрачными. Жаръ еще усилился: красный цвѣтъ смѣнился бѣлымъ, слишкомъ яркимъ, чтобъ на него глядѣть незащищенными глазами, и показались язычки пламени зеленые, голубоватые, затѣмъ еще—всѣхъ цвѣтовъ радуги, точно садъ фосфорическихъ цвѣтовъ, расцвѣтшихъ вокругъ коралловаго острова, рассыпаясь порою искрами сапфировъ, изумрудовъ, чудными перемѣнчивыми огнями... Это было такое волшебное зрѣлище среди мрака желѣзной тюрьмы, что Тильденъ ужъ и не зналъ, гдѣ находится, какъ вдругъ кто-то взялъ его за руку и сказалъ:

— Готово... Ваше золото стоитъ по шестнадцати долларовъ за унцію.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Онъ съ трудомъ приходилъ въ себя; тотъ взглянулъ на него не безъ удивленія:

— Да... Такъ какъ вы привезли три тонны съ лишнимъ, то получите полтора милліона долларовъ на этотъ разъ.

— Хорошо, пишите расписку.

— Я напишу ее самъ,—вмѣшался самъ директоръ монетнаго двора. Позвольте поздравить васъ, г. Тильденъ. Вы—счастливый человѣкъ.

— Очень счастливый! Очень. Полтора милліона!.. Ну, рабъ, я бы далъ три, чтобы добыть ее... Я узналъ, что прямо съ парохода, который прибылъ на два дня раньше „Эксцельсіора“, она отправилась въ монастырь урсулинокъ. Я ей написалъ... Робертъ, вы теперь знаете ее, потому что привезли ее изъ Нью-Йорка въ Даусонъ—и пусть Богъ васъ проститъ за это!—Скажите... какъ вы думаете, какъ вамъ кажется, забудетъ-ли она?

— Надо надѣяться, милѣйшій. Вы знаете пословицу:—никогда не говорите: все пропало.

— Я, я требую отъ васъ категорическаго отвѣта. Зачѣмъ выворачиваться? Какъ по-вашему?

Тильденъ сталъ очень раздражителенъ; онъ нагнулся, чтобы лучше рассмотреть лицо француза, и прибавилъ:

— Вы молчите, потому что не хуже меня знаете, что она никогда, никогда не проститъ... Пусть я буду проклятъ! Я теперь больше раззоренъ, чѣмъ былъ въ „черную пятницу“!.. А хотите, я вамъ скажу, что вы думаете?..

— Успокойтесь, пожалуйста, Томъ! Всѣ услышать...

— А мнѣ-то что до этого?.. А, вы боитесь!.. Ну, такъ я

выскажу вашу тайну вслухъ, лживый вы другъ! Вы любите ее сами! И вы не горюете о томъ, что со мной случилось, потому что...

— Тильденъ, вы не имѣете права это говорить! Молчите, ради Бога, или я заткну вамъ ротъ!

Лицомъ къ лицу, готовые броситься другъ на друга, они походили на двухъ сумасшедшихъ, убѣжавшихъ изъ лѣчебницы. Робертъ д' Азэ сдѣлалъ послѣднее усиліе, причемъ его не совсѣмъ чистая совѣсть пришла на помощь его разуму, и овладѣлъ своими потрясенными нервами. Онъ отступилъ къ двери и вышелъ, но не прежде, чѣмъ его бывшій пріятель, нетронувшійся съ мѣста, крикнулъ ему на прощанье:

— Проклятье и на васъ, и на меня!.. Она вамъ не достанется, Робертъ; не достанется ни вамъ, ни мнѣ!

Послѣ этого Томъ погрузился въ молчаніе. Директоръ монетнаго двора, весьма взволнованный этою сценою, вывелъ его изъ аданія, всунувъ ему квитанцію. Этотъ уже пожилой человѣкъ кликнулъ извозчика, втокнулъ Тома въ экипажъ и, когда извозчикъ отъѣхалъ, не могъ удержаться, чтобы не пробормотать сквозь зубы:

— Что за странный народъ эти сѣверные золотопромышленники! Старатели изъ Аризоны или съ Колорадо поютъ, принося свое золото. Эти же не говорятъ ни слова или же имѣютъ силы только на ругань. Въ нихъ точно что-то сломано... Неужели этотъ Клондайкъ доводитъ ихъ до такого скотскаго состоянія?

Томъ потерялъ невѣсту и друга; но у него есть золото, много золота; и онъ повторяетъ себѣ это, точно акаеистъ, чтобы не думать ни о чемъ другомъ, а также потому, что мозгъ у него болитъ еще сильнѣе, чѣмъ болѣлъ когда-то въ Нью-Йоркѣ. Извозчикъ, который везетъ его, оборачивается время отъ времени, показывая ему чудеса Санъ-Франциско, но сѣдокъ его не слушаетъ или отвѣчаетъ невпопадъ, и возница начинаетъ предлагать себѣ тотъ же самый вопросъ, что и директоръ монетнаго двора. А воздухъ полонъ благоуханій, и небо такъ сине, что хочется пѣть во весь голосъ!..

Вдругъ извозчику приходитъ въ голову мысль... „Какъ это я не догадался?.. Ну, да, разумѣется, это все отъ одиночества“... Онъ натягиваетъ вожжи. „Эй! но! рысью!“ И направляется въ восточную часть города, по взморью, гдѣ волны любовно лобзаютъ восхитительнѣйшія въ мірѣ дачи.

Вотъ они въ миниатюрномъ паркѣ, не очень далеко отъ церкви, на которой блеститъ большой мѣдный крестъ; далѣе тянется длинный низкій домъ, окруженный верандами, гдѣ

болтаютъ и смѣются за густою порослью жасмина. Вотъ слышна лютяня...

— Гдѣ я?—спрашиваетъ путешественникъ.

Извозчикъ торжествуетъ: онъ нашелъ лѣкарство для своего больного.

— Это — Юшива, — говоритъ онъ. — Неправда ли, какъ хорошо?

Его прерываетъ какой-то голосъ, поющій съ аккомпаниментомъ трехструнной гитары, которая звучитъ фальшиво для европейскихъ ушей:

O maé shindara...

— Тѣга іва уагапоу! — вскрикиваетъ Томъ, совершенно очнувшись, и начинаетъ хохотать такъ громко, что кучеръ вновь принимается подозрительно слѣдить за нимъ.

Изъ-за жасминовъ раздаются восклицанія, похожія на пискъ испугнутыхъ птицъ; является шелковое платье и маленькая головка съ черными волосами, заплетенными и подколотыми причудливыми гребешками съ золотомъ и цвѣтами.

— Какъ это мило! Почтенный иностранецъ, вы прекрасно говорите на нашемъ языкѣ!

— Это я привезъ его, — заявляетъ извозчикъ, выпрямляясь.

— Да, это ты, — подтверждаетъ Тильденъ, продолжая смѣяться. — Хо! хо! Аикипи или Кацуко! Эй, гейша, какъ тамъ тебя? Сведи меня къ твоей хозяйкѣ, сію минуту!.. А ты, извозчикъ, дождись меня тутъ.

Вотъ онъ сидитъ передъ хозяйкой: „Что ему угодно? Мы, конечно, сдѣлаемъ все, чтобы угодить. У насъ“...

— Я желаю купить домъ и паркъ.

— Какъ! Юшиву?.. Поселиться на нашемъ мѣстѣ?

— Да, лишь бы все очистилось въ двадцать четыре часа

— Это невозможно! И что будутъ дѣлать безъ насъ въ Санъ-Франциско?

— Говорите цѣну, сударыня. Я не шучу. Развѣ здѣсь не все продажно?

Хозяйка волнуется ужасно. Она побывала во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, но нигдѣ не видывала ничего подобнаго. Ей нужно хоть нѣсколько минутъ на размышленіе.

— Безъ сомнѣнія, вы не откажетесь отъ стакана шампанскаго? Я сейчасъ приду...

Она бѣжитъ къ извозчику:

— Кого это, вы мнѣ привезли? Проповѣдника или помѣшаннаго?

— Право, не знаю, помѣшанъ ли онъ, — отвѣтилъ тотъ, — но твердо знаю, что онъ — король Клондайка.

— Какъ? Знаменитый Тильденъ, о которомъ напечатано въ Times?

— Онъ самый.

Хозяйка исчезаетъ, какъ молнія. Она бѣжитъ, дрожитъ, поетъ. У дверей гостиной она застаётъ трехъ гейшъ, которыхъ этотъ оригиналъ только что выгналъ. Къ вину онъ даже не прикоснулся.

— Ну, что-жь, сударыня?

— Боже мой, сударь, я ужасно смущена. Я—вдова и вотъ ужъ двадцать лѣтъ работаю... У меня нѣтъ другихъ средствъ къ пропитанію...

— Хотите сто тысячъ долларовъ?

Пятьсотъ тысячъ франковъ! Возможность жить честной и уважаемой въ Ниццѣ, въ виллѣ, среди высшаго общества!.. Впрочемъ, если можно взять дороже...

Юшива стоитъ больше!

— Хотите полтораста тысячъ? Нѣтъ? Ну, предлагаю вамъ тысячу фунтовъ золота, т. е. двѣсти тысячъ долларовъ наличными, но съ однимъ условіемъ: *да* или *нѣтъ*, сію минуту. А затѣмъ вы меня больше не увидите.

Томъ встаетъ; хозяйка говоритъ „да“ и плачетъ. Онъ садится, чтобы подписать чекъ.

— Уѣзжайте всѣ нынче вечеромъ. Оставьте домъ, какъ есть; только убирайтесь съ вашими японками, турчанками, европейками и азиатками, со всѣми вашими продажными куклами, которыхъ пусть бы разразилъ громъ небесный!

Онъ начинаетъ ругаться, и хозяйка убѣгаетъ, зажимая уши. Тогда онъ одинъ идетъ къ экипажу, и ему стыдно, что онъ выкричалъ свое горе, онъ, который не разъ презрительно относился къ несдержанности южанъ, къ жалобамъ и гримасамъ людей тѣхъ племенъ, у которыхъ и языкъ, и лицо обнаруживаютъ всѣ чувства, вмѣсто того, чтобы прятать ихъ подъ маской стоицизма. Онъ возвращается въ Дворцовую гостиницу, чтобы лечь спать безъ ужина, и находитъ на столѣ записку изъ монастыря:

„Дѣвица д'Орз приметъ г. Тильдена завтра, въ десять часовъ.“

Сестра Сень-Жозефъ“.

Наступилъ слѣдующій день; часы монастырской приѣмной, которые уже съ полвѣка повторяютъ: „Всегда... Никогда“, торжественно бьютъ десять, а король Клондайка слушаетъ ихъ, точно приговоренный къ казни. Его сердце черезчуръ громко стучитъ въ груди среди молчанія этой унылой комнаты. Придетъ ли она? А вдругъ не придетъ.

По ту сторону рѣшетки раздаются шаги, отворяется дверь, и входитъ монахиня... съ нею: съ нею, съ Аэлидою!.. Томъ

встаетъ, наклонивъ голову, хочетъ говорить, но это ему не удается, и горячія, быстрыя, обильныя слезы застилаютъ ему глаза и капаютъ на полъ, словно дождь въ грозу. Онъ, мужчина, плачетъ и рыдаетъ, какъ ребенокъ. Аэлида смотритъ на него тѣмъ же взоромъ, какъ на биржѣ въ Нью-Йоркѣ, когда онъ отдался во власть чудовища, отойдя отъ конторки, за которою она сидѣла, и минуя маклерскую рѣшетку. Чтобы спасти его въ тотъ день, могла ли она преступить свою клятву? А теперь, можетъ ли она?..

Она обратилась къ монахинѣ:

— Матупшка, хотя я удалилась отъ міра, позвольте намъ остаться вдвоемъ. Не болѣе пяти минутъ.

Мать Сенъ-Жозефъ уходитъ....

Десять минутъ спустя, она вернулась. Аэлида встаетъ:

— Прощайте, Томъ Тильденъ.... Прибѣгните къ Нему, ибо Онъ одинъ—неизмѣненъ и одинъ знаетъ, что для насъ лучше. Каждый день, который я проведу здѣсь, я буду молиться за васъ; и если вы, съ своей стороны, помолитесь Ему, то Онъ укажетъ намъ обоимъ нашъ путь.

Говоря это, она слегка покачнулася. Бя бывшая воспитательница кладетъ ей руку вокругъ талии и потихоньку уводитъ. Тильденъ обѣими руками хватается за рѣшетку.... Итакъ, вотъ онъ, конецъ, конецъ всѣхъ его приключеній! Такъ ради этого прощанія онъ растратилъ во всѣхъ концахъ Аляски болѣе силъ, чѣмъ дано бываетъ обыкновеннымъ смертнымъ!.... Онъ изъ всѣхъ силъ потрясъ сквозную перегородку:

— Аэлида, ты не вернешься ко мнѣ, я чувствую, я знаю! Аэлида, скажи слово, и я сломаю эту ненавистную рѣпотку и унесу тебя на край свѣта, далеко отъ моего преступленія и отъ моей казни. Аэлида, я хочу тебя, слышишь ты!

Великолѣпный въ своемъ порывѣ, этотъ новый Самсонъ, казалось, готовъ былъ разрушить весь монастырь: развѣ что-нибудь могло противиться его атлетическимъ рукамъ? Обѣ женщины остановились, растерянные и поневолѣ потрясенныя до глубины души. Но неумолимые часы, пробивши половину, вернули ихъ къ сознанію долга. Аэлида пришла въ себя и вышла первая; а монахиня за нею, кинувъ милостыню отчаявшемуся:

— Сударь, сударь, молитесь отъ всего сердца.... Кто имѣетъ вѣру, творитъ чудеса!

Въ тотъ же вечеръ вспыхнулъ пожаръ, который въ высокой степени заинтересовалъ горожанъ Санъ-Франциско. Тревога поднялась въ первой, во второй и въ третьей частяхъ почти одновременно: лошади кинулись вонъ изъ конюшенъ,

сбруя автоматически надѣлась на нихъ, подоспѣли люди, и всѣ поскакали при позваниваніи колокольчиковъ, при всхлипываніи насосовъ высокаго давленія, готовыхъ извергнуть потоки воды. Въ слѣдъ пожарнымъ бѣжала толпа, возраставшая съ секунды на секунду тѣмъ болѣе, что тысяча странныхъ слуховъ въ высшей степени обостряли страсть массы ко всему драматическому.

— Что горить?

— Говорятъ: Юшива.

— Помилуйте! Этого не можетъ быть! Тамъ столько народа!

— Да тамъ одинъ лишь король Клондайка! Развѣ вы не читали газетъ?

— Король? Что-жъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— У него пятьсотъ женъ, какъ у его коллеги Соломона?

Раздается хохотъ, быстро прекратившійся отъ недостатка дыханья на бѣгу. Другіе восклицали:

— Это монастырь горить!

— Хорошо монастырь! Говорятъ вамъ, что Юшива!

— Это ужасно! Бѣдныя дѣвочки! Бѣжимъ!

Добѣжавъ до Юшивы, любопытные увидѣли самое странное зрѣлище. Шесть водокачекъ стояло у ограды, а пожарные спорили съ очень блѣднымъ человѣкомъ, который кричалъ имъ со двора:

— Отвяжитесь вы отъ меня! Я поджегъ этотъ домъ! Онъ мой, и я желаю чтобъ онъ сгорѣлъ!..... Я—Томъ Тильденъ, изъ Клондайка.... Здѣсь никого нѣтъ: я всѣхъ ихъ выгналъ. Пусть горитъ!

Ворота распахнулись, машины въѣхали, расположились передъ пламенемъ и тотчасъ направили туда струи воды. Но вода почти не оказывала дѣйствія на громадный костеръ, который теперь освѣщала своимъ заревомъ полгорода.

— Пусть горитъ: онъ сказалъ, что желаетъ сжечь. Это его дѣло!... Кромѣ того, тутъ ужъ ничѣмъ не поможешь.

— Правду говорили, что онъ помѣшался!

— Совершенно обезумѣлъ, посмотрите на его лицо!... Есть у него наслѣдники?

— Это фейерверкъ короля!

Толпа нашла эту фразу настолько удачной, что повторила ее въ видѣ громкаго клика. Томъ Тильденъ слышалъ. Онъ вновь пережилъ свое прошлое: Нью-Йоркъ, торжество и гибель, потомъ Клондайкъ, жизнь въ глуши, бѣдствія, страданія и удачу, затѣмъ восторгъ, возвращеніе; по прибытіи изъ глуши, онъ возымѣлъ самую простую мысль, воображеніе его на ней остановилось съ удовольствіемъ, и въ ту минуту, какъ онъ сказалъ соблазну: „да“, прежде еще, чѣмъ онъ имъ наслаждался, между нимъ и грѣхомъ его возникла ужасная кара.

Да, дѣйствительно, ему нуженъ праздничный фейерверкъ, чтобъ ознаменовать все это, эту добычу золота, которое грязнить, отравляетъ и истребляетъ все, чего касается! Даже того мальчика, которому онъ бросилъ наканунѣ мѣшокъ золотыхъ зеренъ, и котораго толпа, кажется, задавила чуть не до смерти, кинувшись на сокровище.... Гдѣ же счастье на этомъ свѣтѣ? Въ жизни или въ смерти?

Половина Юшивы обвалилась,—показалась внутренность комнатъ съ зеркалами, которые лопались, расплавились въ очистительномъ пламени; стали видны: позолота, тотчасъ исчезающая, бѣлый и розовый мраморъ, который трескался, серебрянныя ванны, надъ которыми краны выпускали свои послѣднія капли воды, точно слезы. Волосяные матрацы извивались, словно живыя существа, вставали стоймя, потомъ падали въ адское пламя; толпа завопила отъ ужаса. Остальныя стѣны рушились, производя точно взрывъ; любопытные попятились; остался только черный хаосъ, откуда выскакивали мириады искръ. Затѣмъ исполинскіе снопы пламени вновь поднялись къ покраснѣвшему небу. Одинъ брандмайоръ крикнулъ:

— Надо отстаивать Францисканскую церковь: смотрите, искры летятъ туда...

Всѣ оглянулись въ ту сторону, и король вмѣстѣ съ прочими. Церковь свѣтилась какъ днемъ своими готическими арками, подъ которыми столько разъ ангелъ будущей жизни являлся утѣшать обездоленныхъ міра. Если толпа о томъ не подумала, за то Тильдену такая мысль пришла въ голову. На самомъ шпигѣ очень высоко большой мѣдный крестъ сіялъ на багровомъ небѣ. Почти безсознательно онъ упалъ на колѣни, и губы его, которыя съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ взрослымъ, совсѣмъ разучились молиться, невольно произнесли:

— Боже мой, если ты захочешь...

На землѣ никто не обратилъ вниманія на вопль безумца: задыхающійся шумъ машинъ покрывалъ всѣ звуки. Но такъ какъ въ эту секунду Томъ Тильденъ имѣлъ вѣру—истинную вѣру, о которой говорила мать Сен-Жозефъ, то возможно, что Богъ, который его слушалъ, совершилъ чудо въ сердцахъ дѣвѣ.

* * *

Ты говоришь мнѣ: „счастья нѣтъ“...
Но не тоскуй душой свободной:
Твое страданье—тихій свѣтъ,
А счастье многихъ—мракъ холодный!

Страдаешь ты не за себя..
Ты жизнь наполнила борьбою,
Горячимъ сердцемъ любя
Всѣхъ, обездоленныхъ судьбою.

Ты крестъ тяжелый подняла—
И видишь: отъ его сіянья
У тѣхъ надежда ожила,
Кто проклиналъ существованье.

Будь этимъ подвигомъ горда
И сохрани въ душѣ безстрастье..
Что счастья ждать тебѣ, когда
Вся жизнь твоя—святое счастье.

А. Лукьяновъ.

Русская политическая газета *).

(Статистическій очеркъ).

Съ каждымъ годомъ газета становится все болѣе видною частью нашей литературы, все болѣе важнымъ факторомъ нашей общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ нарастаетъ и потребность въ объективномъ изученіи, какъ историческаго развитія нашего газетнаго дѣла, такъ и современнаго его состоянія. Методы такого изученія могутъ быть различны, и въ числѣ ихъ методъ статистическій, по нашему мнѣнію, также долженъ имѣть мѣсто.

Настоящій очеркъ не первая уже попытка подвергнуть цифровому учету нѣкоторыя явленія въ сферѣ періодической печати. Еще недавно Н. М. Лисовскій **) прослѣдилъ движеніе числа періодическихъ изданій, съ подраздѣленіемъ ихъ на группы, за всѣ годы существованія русской журналистики. Цифровыя данныя, нанесенныя имъ на диаграммы, дали крайне характерныя линіи. Въ частности, кривая общественно-литературныхъ и политическихъ изданій отразила на себѣ, можно сказать, всю исторію нашей общественности. То быстро, почти по вертикальной линіи, поднимаясь вверхъ (въ концѣ 50-хъ и въ концѣ 70-хъ годовъ), то колеблясь цѣлыми десятилѣтіями на одной и той же высотѣ, даже съ наклонностью въ нѣкоторые періоды къ пониженію (80-е годы), эта кривая отмѣчаетъ не только такой рѣзкій переломъ, какой произошелъ въ русской жизни въ началѣ второй половины истекшаго столѣтія, но и менѣе глубокія, казалось бы, колебанія въ условіяхъ нашей общественной жизни. Въ работѣ В. А. Розенберга ***) мы находимъ сводъ цифровыхъ данныхъ объ административныхъ взысканіяхъ съ печати. Оказывается, что

*) Нѣкоторыя данныя, послужившія матеріаломъ для настоящей статьи, были реферированы въ общемъ собраніи Союза Писателей 12 ноября 1900 г.

**) Въ докладѣ, прочитанномъ въ Союзѣ Писателей 12 ноября 1900 г. См. также ст. «Россія» въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

***) «Въ мірѣ случайностей» въ сборникѣ «На славномъ посту».

и въ этомъ „мірѣ случайностей“ цифры обнаруживаютъ своего рода законосообразность, заставляя усматривать несомѣнную связь между числомъ взысканій, съ одной стороны, и темпомъ общественной жизни—съ другой.

Матеріаль, который будетъ предложенъ читателю въ настоящемъ очеркѣ,—иного свойства. Онъ касается не исторіи періодической печати, а ея современнаго состоянія. Полученъ этотъ матеріаль, если употребить статистическій терминъ, посредствомъ переписи, которой были подвергнуты газеты, вышедшія 5 октября 1900 года или въ ближайшій слѣдующій, соотвѣтствующій обычному ихъ выходу, день.

По разнымъ причинамъ область предпринятаго нами изслѣдованія пришлось ограничить довольно тѣсными рамками, выдѣливъ изъ всей массы періодическихъ изданій сравнительно небольшую, но, по нашему мнѣнію, наиболѣе важную группу ихъ. Мы взяли только изданія, выходящія на *русскомъ* языкѣ, совсѣмъ не касаясь органовъ, издающихся на другихъ языкахъ (польскомъ, нѣмецкомъ, армянскомъ и т. д.). Изъ русскихъ изданій мы ограничились лишь *политическими*, оставивъ въ сторонѣ научныя, литературныя, справочныя *) и т. д. Изъ политическихъ изданій мы подвергли переписи лишь *газеты*, не касаясь журнальной литературы. Для того, чтобы объекты изслѣдованія были по возможности однородны, мы ограничились изданіями, выходящими не менѣе 2 разъ въ недѣлю, оставивъ въ сторонѣ еженедѣльные, какъ имѣющія особый характеръ и приближающіяся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ журналамъ **). Наконецъ, изъ газетъ мы подвергли переписи лишь *частныя*, не вводя въ изслѣдованіе официальныхъ изданій. При этомъ разграниченіи пришлось встрѣтиться съ тѣми затрудненіями, какія представила изъ себя офиціозная пресса. Редакціи нѣкоторыхъ газетъ, какъ извѣстно, находятся въ тѣхъ или иныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ правительству. Офиціозное положеніе однихъ газетъ общеизвѣстно, по отношенію къ другимъ (репильная пресса) оно можетъ быть лишь предполагаемо. Чтобы избѣжать всякаго субъективизма, мы, опредѣляя предѣлы изслѣдованія, считали за лучшее руководиться внѣшними признаками: отсутствіемъ въ газетѣ офиціального отдѣла и подписью частнаго лица, какъ

*) Харьковскій Справочный Листокъ, хотя онъ издается по расширенной программѣ и мало отличается отъ многихъ другихъ провинціальныхъ газетъ, какъ не освободившійся отъ названія справочнаго, мы сочли за лучшее не вводить въ перепись.

**) Изъ газетъ, выходящихъ не менѣе 2 разъ въ недѣлю, въ перепись не вошли: издающіяся на двухъ языкахъ Либавскія Новости, Псковскій Городской Листокъ и Лодзинскій Листокъ, какъ имѣющія слишкомъ слабо выраженный политическій характеръ, и «Восходъ» — издаваемый по типу еженедѣльныхъ газетъ.

издателя *). Перепись была распространена также на двѣ старѣйшія русскія газеты—С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости,—хотя и принадлежащія казеннымъ учрежденіямъ, но сдающіяся въ аренду,—по правительственному, правда, выбору,—частнымъ лицамъ.

Говоря коротко, переписи были подвергнуты частныя русскія политическія газеты ежедневнаго типа. Но и въ этихъ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ нами учтены далеко не всѣ признаки, поддающіеся цифровому выраженію. Настоящій очеркъ коснется лишь числа газетъ, давности ихъ изданія, сроковъ выхода, общаго объема и распредѣленія матеріала въ нихъ по важнѣйшимъ отдѣламъ.

Подходя со счетомъ и мѣрою—этими орудіями статистическаго анализа—къ сложному газетному дѣлу, мы хорошо сознаемъ ихъ недостаточность. Сложна и полна случайностей жизнь, которую отражаетъ газета; сложны и еще болѣе обильны случайностями условія газетнаго существованія. Нужны очень большія цифры, какихъ не можетъ дать еще слабо развитое у насъ газетное дѣло, нужны предыдущія изслѣдованія, на которыя не можетъ опереться наша въ своемъ родѣ первая перепись, чтобы вполне разобраться въ этомъ многообразіи случайностей, установить постоянство въ соотношеніи явленій и уяснить характеръ сопутствующихъ измѣненій въ нихъ. Наша задача скромнѣе: мы надѣемся, что цифровыя выраженія нѣкоторыхъ газетныхъ признаковъ и указанія, хотя бы отрывочныя и неполныя, на связь между ними будутъ не лишни для характеристики современнаго состоянія одной изъ важнѣйшихъ въ настоящее время отраслей литературы и той роли, какую она можетъ играть въ жизни.

I.

Въ началѣ октября 1900 года въ Россіи фактически выходили (а не числились лишь имѣющими право на существованіе) 86 газетъ вышеописаннаго типа. Изъ нихъ двѣ (Биржевыя Вѣдомости и Новости) выходили въ двухъ существенно различныхъ между собою по цѣнѣ и объему изданіяхъ. Такимъ образомъ, нашъ очеркъ коснется 88 частныхъ политическихъ газетъ. Велика или мала эта цифра,—во всякомъ случаѣ не лишне будетъ напомнить, что выражаемое ею газетное наслѣдство, полученное начавшимся столѣтіемъ отъ XIX вѣка, всецѣло нажито послѣднимъ. Изъ XVIII вѣка въ XIX перешли лишь двѣ газеты—С.-Пе-

*) На этомъ основаніи Виленскій Вѣстникъ, Варшавскій Дневникъ, Рижскій Вѣстникъ вошли въ перепись, а такія, какъ Кавказъ, Финляндская Газета,—остались внѣ ея.

тербургскія и Московскія Вѣдомости,—обѣ казенныя, хотя и сдававшіяся въ аренду. Окончательно же типъ ежедневной газеты установился и получилъ довольно широкое распространеніе лишь во второй половинѣ минувшаго столѣтія.

Всѣхъ губерній и областей въ Россіи 97, а если не считать Финляндіи, находящейся въ совершенно особыхъ условіяхъ, и о. Сахалина, не представляющаго въ сущности губернской или областной единицы, то 88. Послѣднее число вполнѣ совпадаетъ съ числомъ частныхъ политическихъ газетъ, т. е. въ среднемъ на каждую губернію (или область) приходится ровно по одной газетѣ. Это совпаденіе, могущее удивить какого-либо любителя ранжира, конечно, совершенно случайное и не имѣетъ никакого реального значенія. Жизнь не знаетъ такого равномернаго дѣлежа. Въ дѣйствительности изъ 88 частныхъ газетъ 21 или почти четверть издавалась въ двухъ столичныхъ губерніяхъ, а именно: въ С.-Петербургѣ—11, въ С.-Петербургской губеріи (въ Кронштадтѣ и Нарвѣ)—3, въ Москвѣ—7. Въ остальныхъ 86 губерніяхъ издавалось 67 газетъ, т. е., если бы они даже были раздѣлены поровну, то 19 губерній все-таки остались бы безъ газетъ. Въ дѣйствительности не имѣли частныхъ газетъ 42 губерніи. Между остальными газеты распредѣлялись такъ: въ 26 губерніяхъ было по одной газетѣ, въ 11—по двѣ, въ 3—по три; Таврическая губернія располагала четырьмя газетами, Херсонская—семью.

Наибольшаго развитія провинціальная политическая пресса достигла на югѣ Россіи. Въ районѣ распространенія южныхъ газетъ, если къ нему, начиная съ Харьковской, отнести 7 губерній, имѣется 16 политическихъ изданій, т. е. на губернію приходится $2\frac{2}{7}$ газеты. Второе мѣсто занимаетъ Поволжье, гдѣ издается 12 газетъ, причемъ изъ 9 Поволжскихъ губерній не имѣютъ частныхъ газетъ лишь двѣ (Тверская и Симбирская). Въ самомъ Поволжьѣ, впрочемъ, газеты распредѣлены также не совсѣмъ равномерно: ихъ больше въ южной его части, чѣмъ въ сѣверной, а именно:

въ 3 нижневолжскихъ губерніяхъ	6 газетъ
„ 3 средневолжскихъ „	4 „
„ 3 верхневолжскихъ „	2 „

Югъ и Поволжье представляютъ изъ себя закругленную полосу, обильнѣе другихъ мѣстностей провинціи снабженную частными газетами. Продолженіе этой полосы можно прослѣдить въ западной части Россіи. Слѣдующее мѣсто по числу политическихъ изданій (по одной газетѣ на губернію) занимаютъ юго-западный край (съ находящейся въ районѣ югозападныхъ газетъ Черниговской губерніей) и Прибалтійскій. Внутри этой дугообразной полосы, замѣтно ослабленной лишь въ предѣлахъ сѣверозападнаго края (3 газеты на 6 губерній), и внѣ ея провинція зна-

чительно хуже обеспечена газетами. На 15 губерний, безъ столичныхъ и Финляндіи, лежащихъ внутри и къ сѣверу отъ этой полосы, приходится лишь 5 газетъ, на 42 губерніи и области, лежащихъ внѣ ея,—24 газеты.

Извѣстно, какими случайностями обставлено у насъ возникновеніе и существованіе политическихъ изданій. Понятно поэтому, что общая схема развитія газетной прессы въ провинціи по даннымъ о числѣ періодическихъ изданій можетъ быть установлена лишь въ самыхъ грубыхъ чертахъ. Несравненно больше для ея уясненія даютъ другіе охваченные переписью признаки газетнаго дѣла.

Наше изслѣдованіе, какъ мы уже сказали, коснулось газетъ ежедневнаго типа. Съ внѣшней стороны эти газеты имѣютъ между собою много общаго: всѣ онѣ издаются въ формѣ листовъ, а не тетрадей, во всѣхъ нихъ имѣются однородныя отдѣлы; онѣ похожи другъ на друга также распредѣленіемъ матеріала по отдѣламъ и даже отдѣловъ на пространствѣ газетнаго листа. Но можно указать внѣшніе признаки, которыми и однородныя по типу газеты существенно разнятся между собою. Изъ такихъ признаковъ необходимо прежде всего остановиться на срокахъ выхода, т. е. на числѣ номеровъ, даваемыхъ каждою газетою за недѣлю.

Что касается столичныхъ газетъ, то всѣ онѣ выходятъ ежедневно, не исключая послѣ-праздничныхъ дней. Изъ провинціальныхъ газетъ одна—Одесскія Новости—выходитъ два раза въ день; изъ остальныхъ:

7	разъ въ недѣлю	выходятъ	25 газетъ или 36%
6	" "	" "	25 " " 36 "
3	" "	" "	15 " " 21 "
2	" "	" "	4 " " 6 "

Въ среднемъ, провинціальная газета даетъ 5½ номеровъ въ недѣлю, т. е., почти на 20% меньше, чѣмъ столичная. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторыя газеты изъ числа выходящихъ 2 и 3 раза въ недѣлю въ промежуточные дни даютъ прибавленія съ телеграммами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ хроникой и объявленіями. За то нѣкоторыя изъ газетъ, выходящихъ ежедневно, даютъ по понедѣльникамъ половинные номера, а изъ отнесенныхъ нами къ числу выходящихъ 6 разъ — всѣ, кромѣ понедѣльниковъ, не выходятъ также и послѣ другихъ праздниковъ.

Среднее количество номеровъ, даваемыхъ провинціальною газетою въ недѣлю, замѣтно разнится по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Такъ, если мы возьмемъ ту дугообразную полосу, которая отличается наибольшимъ количествомъ частныхъ газетъ, а именно: Поволжскія, Южныя (кромѣ Крымскихъ), юго и сѣверо-западныя

и прибалтійскія губерніи, то найдемъ, что 34 газеты, издаваемыя въ этихъ губерніяхъ, даютъ въ недѣлю 218 номеровъ или въ среднемъ каждая газета выходитъ 6,4 раза въ недѣлю. Въ мѣстностяхъ, непосредственно примыкающихъ къ этой полосѣ съ вѣшной ея стороны, а именно, въ привислинскихъ, крымскихъ, кавказскихъ и приуральскихъ губерніяхъ издается 14 газетъ, дающихъ 86 номеровъ въ недѣлю, т. е. въ среднемъ одна газета даетъ 6,1 номера. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ дальше отъ указанной полосы, среднее число номеровъ, даваемыхъ газетою, еще уменьшается и равно: для сибирской газеты—4,6, для среднеазиатской—4,2, для газеты Дальняго Востока—2,7. Внутри дугообразной полосы среднее число номеровъ, даваемыхъ газетою, также значительно меньше, а именно газета центральныхъ губерній выходитъ 4,2 и подстоличная—3,7 разъ въ недѣлю.

Такимъ образомъ, данныя о срокахъ выхода не только подтверждаютъ вышеуказанную общую схему развитія газетнаго дѣла, но и вносятъ въ нее нѣкоторыя детали. Наиболѣе развитой политическая газета оказывается въ столицахъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ—въ губерніяхъ, расположенныхъ по отношенію къ столицамъ дугообразною полосою. Чѣмъ ближе къ этой полосѣ съ вѣшной и внутренней стороны, тѣмъ чаще выходитъ газета, и чѣмъ дальше отъ нея по направленію къ столицамъ или окраинамъ, тѣмъ меньше номеровъ даетъ она въ недѣлю.

Еще нагляднѣе, чѣмъ срокъ выхода, характеризуетъ газету ея размѣръ. Для опредѣленія послѣдняго мы измѣрили длину столбцовъ, данныхъ газетами въ тѣхъ номерахъ, по которымъ была произведена перепись. Полученныя такимъ образомъ данныя, мы привели, хотя и не совсѣмъ точно, къ одному дню, а именно для газетъ, выходящихъ 3 раза въ недѣлю, полученную въ результатѣ измѣренія длину газетныхъ столбцовъ (вмѣстѣ съ длиною ихъ въ прибавленіи, если оно было дано наканунѣ) мы раздѣлили на два, а для выходящихъ 2 раза—на три. Сложивъ полученные для отдѣльныхъ газетъ цифры, мы получили $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ длины всѣхъ газетныхъ столбцовъ за недѣлю, т. е. приблизительно среднее ежедневное количество даваемого газетами печатнаго матеріала, выраженное въ сантиметрахъ *).

Оказалось, что всѣми 88 частными политическими газетами дается ежедневно свыше 123.000 сантиметровъ или болѣе версты; въ томъ числѣ 18 столичныхъ газетъ даютъ свыше 36 тыс. см. или 30% и 70 провинціальныхъ около 86 тыс. или 70%. Средняя длина столбцовъ, даваемыхъ одною газетою за день, равна 1.400 см., а за годъ—болѣе 4 верстъ.

*) Въ сантиметрѣ умѣщается приблизительно три строки, а именно цецеро и корпуса $2\frac{2}{3}$ и петита $3\frac{1}{3}$.

Отдѣльныя изданія по своимъ размѣрамъ рѣзко разнятся между собою. Соединяя ихъ въ двѣ крупныя группы, мы найдемъ, что средняя ежедневная длина столбцовъ равна

для столичной газеты	2.081 см.
„ провинціальной	1.224 „

т. е. столичная газета ежедневно даетъ на 857 см. или на 70% печатнаго матеріала больше, чѣмъ провинціальная.

Среди провинціальныхъ наибольшими по размѣрамъ оказываются газеты югозападные, южныя (безъ крымскихъ) и поволжскія. Средняя длина столбцовъ, даваемыхъ газетою за день равна:

для югозападной газеты	1.843 см.
„ южной „	1.803 „
„ поволжской „	1.506 „

Въ Поволжѣ размѣръ газеты уменьшается съ приближеніемъ къ сѣверу или, что равнозначуще въ данномъ случаѣ, къ столицѣ, а именно средняя ежедневная длина столбцовъ равна:

для нижеволжской газеты	1.749 см.
„ средневолжской „	1.415 „
„ верхневолжской „	960 „

Въ сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ газеты отличаются также сравнительно большимъ размѣромъ, хотя и меньшимъ, чѣмъ на югѣ. Средняя ежедневная длина столбцовъ въ прибалтійской газетѣ оказалась равной 1.263 см. и въ сѣверо-западной 940 см.

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ ярко окрашенную на югѣ и нѣсколько блѣднѣющую съ приближеніемъ къ сѣверу дугообразную полосу. За этой полосой и внутри ея средній размѣръ газеты по мѣрѣ удаленія отъ нея становится все меньше. Въ мѣстностяхъ, непосредственно примыкающихъ къ ней съ внѣшней стороны, а именно въ привислинскихъ, крымскихъ, кавказскихъ и приуральскихъ губерніяхъ, средняя ежедневная длина столбцовъ одной газеты равна 1170 см. Далѣе она равна:

для западно-сибирской газеты	1.032 см.
„ среднесибирской „	763 „
„ среднеазіатской „	586 „
„ газеты Дальняго Востока	512 „

Подстоличную газету и газету центральныхъ губерній и въ этомъ случаѣ приходится сблизить съ окраинными. Средняя еже-

дневная длина столбцовъ для центральной газеты оказалась равной—878 см., для подстоличной—519.

II.

Газетный матеріалъ и съ издательской и съ читательской точекъ зрѣнія представляется далеко не однороднымъ. Всякая газета рѣзко распадается на двѣ части: въ одной хозяиномъ является редакторъ, въ другой—издатель. Съ составомъ и взаимнымъ отношеніемъ редакціонныхъ отдѣловъ въ русскихъ политическихъ газетахъ мы познакоимъ читателя нѣсколько ниже. Сейчасъ до статочно будетъ отмѣтить, что отдѣлы, которыми завѣдуетъ редакция, сопряжены для издателя съ оплатою редакторскаго и авторскаго гонорара, т. е., они въ газетномъ бюджетѣ являются по преимуществу расходными. Среди издательскихъ отдѣловъ важнѣйшимъ нужно считать отдѣлъ объявленій, который не только не требуетъ расходовъ на авторскій и редакторскій гонораръ, но самъ оплачивается клиентами и нерѣдко является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ газетнаго дохода. Другой отдѣлъ, находящійся въ распоряженіи издателя,—это справки (календарныя свѣдѣнія, росписанія поѣздовъ и т. п.). Не представляя изъ себя доходной статьи и не будучи сопряженъ въ то же время съ расходами на оплату авторскаго и редакторскаго труда, этотъ отдѣлъ нерѣдко служитъ для сбалансированія газетнаго номера, дозволяя поддерживать равновѣсіе между расходными редакціонными отдѣлами и доходнымъ отдѣломъ объявленій. Наконецъ, третій отдѣлъ, остающійся по установившемуся въ русскихъ газетахъ порядку въ распоряженіи издателя,—это биржевыя и торговыя извѣстія. Заполненіе этого отдѣла сопряжено уже съ извѣстными расходами, хотя и меньшими, нужно думать, чѣмъ на редакціонные отдѣлы. Съ читательской точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ между редакціонными отдѣлами, которые даютъ матеріалъ для чтенія, и издательскими, которые годятся лишь для справокъ, существуетъ рѣзкая разница. Характеризуя газеты со стороны ихъ размѣра, необходимо такъ или иначе принять во вниманіе эту разницу.

Сравнивая въ этомъ отношеніи столичныя газеты съ провинціальными, мы найдемъ, что соотношеніе въ нихъ между редакціонными и издательскими отдѣлами почти тождественно, а именно редакціонными отдѣлами въ столичныхъ газетахъ занято 58%, а въ провинціальныхъ—57% всей ежедневной длины газетныхъ столбцовъ. Не замѣчается какой-либо существенной разницы и въ соотношеніи издательскихъ отдѣловъ между собою: такъ, объявленія занимаютъ въ столичныхъ газетахъ 34%, въ провин-

ціальных—35, справки и заголовки—5 и 6, торговый отдѣлъ—3 и 2%. По расчету на одинъ день газеты даютъ:

Въ сантиметрахъ:	Столичная.	Провинціальная.
Матеріала для чтенія .	1.203	698
Торговыхъ извѣстій .	67	23
Справокъ	115	74
Объявленій	696	429
	878	526

Такимъ образомъ, провинціальная газета меньше столичной какъ въ редакціонныхъ, такъ и въ издательскихъ отдѣлахъ. Такой же параллелизмъ въ измѣненіяхъ размѣра тѣхъ и другихъ отдѣловъ можно прослѣдить и по тѣмъ газетнымъ областямъ, на которыя мы уже неоднократно дѣлили Россію. Такъ въ среднемъ газета ежедневно даетъ:

Въ сантиметрахъ:	Ред. отд.	Изд. отд.
Въ дугообразной полосѣ	879	690
<i>Внѣ ея:</i>		
Въ прилегающихъ мѣстностяхъ .	665	505
„ Сибирскихъ губерніяхъ	570	354
„ Среднеазиатскихъ	334	252
„ областей Д. Востока	281	231
<i>Внутри ея:</i>		
Въ центральныхъ губерніяхъ . .	598	280
Подъ столицей	340	179

Этотъ параллелизмъ даетъ право думать, что развитіе газетнаго дѣла въ той или иной мѣстности сказывается одновременно на размѣрахъ какъ редакціонныхъ, такъ и издательскихъ отдѣловъ.

Съ данными объ общихъ размѣрахъ газетъ и, въ частности, ихъ редакціонныхъ и издательскихъ отдѣловъ интересно сопоставить свѣдѣнія о подписной платѣ.

Для всѣхъ 88 частныхъ газетъ годовая подписная цѣна съ пересылкой опредѣлилась въ 720 руб. 50 к., т. е., въ среднемъ, газета обходится иногороднему подписчику въ 8 р. 19 коп. Столичная газета стоитъ дороже, чѣмъ провинціальная: въ то время, какъ средняя цѣна первой достигаетъ 10 р. 28 коп., для послѣдней она равна 7 р. 65 коп. Но если мы примемъ во вниманіе указанныя выше различія въ среднихъ размѣрахъ столичной и провинціальной газеты, то придемъ какъ разъ къ обратному выводу, а именно, что столичная газета дешевле провинціальной. Такъ по расчету на рубль подписной платы столичная газета даетъ ежедневно 202 см. печатнаго матеріала, а провинціальная лишь 160 см. Но мы уже указали, что газетный матеріалъ далеко неравноцѣненъ и для издателя и для читателя. Для чита-

теля важны размѣры редакціонныхъ отдѣловъ, представляющихъ матеріалъ для чтенія; для издателя важнѣе всего отдѣлъ объявленій, составляющій подчасъ не менѣе важную доходную статью, чѣмъ и подписная плата. Сравнивая столичную и провинціальную газеты въ томъ и другомъ отношеніи, мы найдемъ, что на рубль годовой подписной платы ежедневно приходится сантиметровъ:

	Чтенія.	Объявленій.
Въ столичной газетѣ .	117	68
„ провинціальной „ .	91	56

Провинціальная газета на рубль подписной платы даетъ меньше, чѣмъ столичная, какъ матеріала для чтенія, такъ и объявленій. Съ точки зрѣнія читателя, это значить, что провинціальная газета обходится дороже столичной, такъ какъ за одинъ и тотъ же рубль даетъ меньше ежедневнаго чтенія, чѣмъ столичная (качественную сторону мы, конечно, совсѣмъ оставляемъ въ сторонѣ). Съ издательской точки зрѣнія тѣ же цифры имѣютъ нѣсколько иной смыслъ. Давая подписчику за уплачиваемый имъ рубль меньше матеріала для чтенія, провинціальный издатель и самъ въ дополненіе къ доходу отъ подписной платы получаетъ меньше дохода отъ объявленій. Находятся-ли эти два явленія въ причинной или сопутствующей связи, мы не знаемъ. Важно во всякомъ случаѣ то, что какъ абсолютный размѣръ подписной платы, такъ и соотношеніе ея съ количествомъ чтенія и объявленій измѣняются параллельно съ другими признаками, характеризующими собой развитіе газетнаго дѣла.

		На рубль подписной платы въ см.:	
	Средняя го- довая цѣна.	Ежедневн. чтенія.	Ежедн. объявленій.
Въ столицахъ	10 р. 28 к.	117	68
„ дугообразной полосѣ	8 „ 32 „	106	69
<i>Внѣ ея:</i>			
Въ прилегающихъ мѣстностяхъ	7 „ 21 „	92	57
„ сибирскихъ губерніяхъ	7 „ — „	81	42
„ среднеазиатскихъ	6 „ 75 „	49	29
„ областяхъ Дальн. Востока .	9 „ 33 „	30	21
<i>Внутри ея:</i>			
Въ центральныхъ губерніяхъ .	6 „ 20 „	96	32
Подъ столицей	5 „ 83 „	58	21

Чѣмъ менѣе богата мѣстность газетами, чѣмъ рѣже сроки ихъ выхода, чѣмъ меньше ихъ размѣръ, чѣмъ меньше, однимъ словомъ, развита газетная пресса, тѣмъ ниже средняя годовая подписная плата за газету. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ лишь области Дальняго Востока, на что, конечно, могутъ

быть свои причины. Съ другой стороны, чѣмъ слабѣе развито газетное дѣло, тѣмъ дороже обходится газетное чтеніе подписчику, тѣмъ меньше получаетъ онъ за свой рубль матеріала для чтенія. Параллельно съ этимъ уменьшается и количество объявленій, приходящихся на рубль подписной платы, т. е., въ мѣстностяхъ, гдѣ мало газетъ и онѣ малы по объему, сокращается размѣръ не только расходныхъ, какъ мы ихъ назвали, отдѣловъ газеты, но и доходный отдѣлъ объявленій.

III.

Газетные признаки, рассмотрѣнные нами, извѣстнымъ образомъ совпадая между собою, намѣчаютъ, какъ мы видѣли, концентрическую схему развитія русской политической прессы. Наиболѣе развитой оказалась она, какъ и слѣдовало ожидать, въ столицахъ. Окружающее ихъ пространство отличается напротивъ слабымъ развитіемъ газетнаго дѣла. Последнее нашло себѣ благоприятную почву лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ столицъ—въ дугообразной полосѣ, протянувшейся по границѣ Европейской Россіи или вблизи ея. Въ южной, наиболѣе удаленной отъ столицъ, части этой полосы провинціальная газета и количествомъ даваемыхъ номеровъ, и своими размѣрами, и своей подписной платой лишь немного уступаетъ столичной. За указанной полосой газетное дѣло опять слабѣетъ и на далекихъ окраинахъ мы встрѣчаемъ газетную прессу столь же мало развитой, какъ и въ центральной провинціи.

Эта схема заставляетъ предполагать наличность, по крайней мѣрѣ, двухъ факторовъ, задерживающихъ развитіе частной политической прессы въ провинціи: одинъ, очевидно, дѣйствуетъ изъ столицъ, другой пріобрѣтаетъ наибольшую силу на окраинахъ. Каковы именно эти факторы—догадаться не трудно. Болѣе богатая силами и средствами, пользующаяся болѣе льготными цензурными условіями, столичная пресса давить на провинціальную газету близъ лежащихъ мѣстностей, ослабляя потребность въ ней. Это вліяніе столичной прессы слабѣетъ, конечно, съ разстояніемъ. Съ другой стороны, на окраинахъ развитіе политической прессы задерживаютъ и меньшая численность населенія, и болѣе низкій культурный его уровень, и разноплеменность его состава. На Дальнемъ Востокѣ или въ Средней Азіи имѣютъ значеніе всѣ эти обстоятельства. Въ Западной Россіи рѣшающую роль играетъ въ этомъ случаѣ, конечно, племенной составъ. Само собой понятно, что съ приближеніемъ къ центру значеніе указанныхъ демографическихъ условій, которыми характеризуются окраины, слабѣетъ. Въ дугообразной полосѣ, отличающейся наибольшимъ развитіемъ газетной прессы, последняя существуетъ подъ ослаб-

леннымъ дѣйствіемъ и столичныхъ и окраинныхъ факторовъ. Понятно, что на сѣверѣ, гдѣ разстояніе между столицами и мало-населенной окраиной наименѣе значительно, эта полоса не имѣетъ своего продолженія.

Эту схему современнаго состоянія газетнаго дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи было бы интересно, конечно, сопоставить съ ходомъ ея историческаго развитія въ нихъ. Изъ газетныхъ признаковъ, охваченныхъ нашею переписью, лишь одинъ можетъ дать нѣкоторые указанія по этому вопросу—это давность возникновенія нынѣ существующихъ политическихъ газетъ. Вотъ эти данныя о провинціальныхъ изданіяхъ *).

	Средній годъ изданія.	
Подстоличная газета	16-й	} 24-й
Въ центральныхъ губерніяхъ	28-й	
Въ дугообразной полосѣ	16-й	
Въ прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ	12-й	
Въ Сибири	13-й	
Въ Средней Азіи	6-й	
На Дальнемъ Востокѣ	5-й	
Въ среднемъ	14-й	

Наиболѣе давней по времени возникновенія является газета центральныхъ губерній. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ моложе существующія газеты. На далекихъ окраинахъ—въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ—самыя старыя изъ существующихъ газетъ издаются лишь 9-й годъ. Что касается подстоличныхъ газетъ, то одна изъ нихъ относится къ очень старымъ (40-й годъ изданія) и двѣ—къ очень молодымъ (3 и 5-й годы изданія).

Возрастъ нынѣ существующихъ газетъ можетъ быть разматриваемъ, конечно, какъ признакъ большей или меньшей устойчивости отдѣльныхъ изданій. Но несомнѣнно, что на среднихъ величинахъ его сказывается и давность существованія газетной прессы вообще въ той или иной мѣстности. Во всякомъ случаѣ, есть основаніе думать, напримѣръ, что не только существующіе органы, но и вообще окраинная пресса моложе центральной. А если это такъ, то необходимо допустить, что и темпъ развитія ихъ разный. И потому вполне возможно, что позднѣйшимъ изслѣдователямъ уже не придется сближать газеты центра съ окраинными.

Если давность возникновенія нынѣ существующихъ газетъ въ центральныхъ губерніяхъ не позволяетъ слабое развитіе въ нихъ

*) Данныя о годѣ изданія Виленскаго Вѣстника и Варшавскаго Дневника, какъ возникшихъ при особыхъ условіяхъ, при выводѣ среднихъ не принимались въ расчетъ.

газетной прессы объяснять ея молодостью, каковое объяснение допустимо по отношенію къ газетамъ окраиннымъ, то та же давность, свидѣтельствуя объ устойчивости отдѣльныхъ органовъ, заставляетъ думать, что близость къ столицамъ не представляетъ изъ себя такого условія, при которомъ вовсе невозможно существованіе газетной прессы. Наличие газетъ, и притомъ молодыхъ, подъ самой столицей, приводитъ къ тому же заключенію. Очевидно, и вблизи столицъ есть потребность въ мѣстныхъ газетахъ, хотя, можетъ быть, и иного масштаба и типа, чѣмъ вдали отъ нихъ. Отсутствие молодыхъ газетъ въ центральныхъ губерніяхъ, можетъ быть, объясняется не столько отсутствіемъ потребности въ нихъ, сколько многочисленными, всѣмъ извѣстными отказами въ ихъ разрѣшенія. Вполнѣ возможно поэтому, что развитіе центральный и окраинной прессы пойдетъ (или могло бы пойти) не столько различнымъ темпомъ, сколько различными путями. Эту разнотипичность окраинной и центральной прессы, замѣтную и теперь, можно было бы прослѣдить, конечно, сравнивая содержаніе тѣхъ и другихъ газетъ. Къ сожалѣнію, характеръ нашихъ матеріаловъ не даетъ права такъ детализировать вопросы и, говоря о редакціонныхъ отдѣлахъ въ нашихъ политическихъ газетахъ, мы должны будемъ ограничиться сравненіемъ между собою лишь крупныхъ группъ и наиболѣе рѣзко выраженныхъ типовъ ихъ.

IV.

Редакціонные отдѣлы въ русской политической газетѣ занимаютъ, какъ мы видѣли, нѣсколько больше половины ея столбцовъ, а именно 57%. Весь даваемый газетами матеріалъ для чтенія наша перепись позволяетъ изложить въ такомъ видѣ:

	Сантим.	°/°
Передовыя статьи	2.189	3
Статьи подъ заголовками	3.659	5
Фельетонъ	8.917	13
Фельетон. и бѣглыя замѣтки на злобу дня . .	4.898	7
Итого	19.663	28
Оффиціальн. отдѣлъ и придворныя извѣстія . .	1.198	2
Извѣстія по телеграфу и телефону	6.260	9
Хроника (мелкія извѣстія репорт. характера) .	13.070	18
Внутреннія извѣстія (корреспонденціи)	6.583	9
Внѣшнія извѣстія	4.191	6
Китайскія событія	5.601	8
Отчеты о засѣданіяхъ (думскіе, земскіе, обществъ и судебные)	5.896	9
Итого	42.799	61

	Сантим.	‰/‰
Обзоръ газетъ и журналовъ	2.499	4
Театръ, искусство, спортъ	2.331	3
Остальные (письма, некрологи, смѣсь, иллюстра- ціи, научныя новости и т. д.)	3.208	4
Итого	8.038	11
Всего	70.500	100

Эти данныя, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю случайности. На распредѣленіи матеріала по отдѣламъ сказались, на примѣръ, событія даннаго года. Такъ, намъ пришлось выдѣлить особый отдѣлъ, посвященный китайскимъ событіямъ. Не будь этихъ событій, мѣсто, занятое извѣстіями о нихъ, пошло бы подъ другіе отдѣлы и, можетъ быть, нѣсколько видоизмѣнило бы соотношеніе между ними. Сказались и особенности сезона, въ который была произведена перепись: такъ, она совпала, на примѣръ, съ уѣздными земскими собраніями и потому отдѣлъ отчетовъ оказался, можетъ быть, нѣсколько обширнѣе, чѣмъ онъ бываетъ въ другое и, въ особенности, лѣтнее время. Возможно, наконецъ, что сказались и особенности дня, къ которому была приурочена перепись. Правда, мы выбрали средній день недѣли (четвергъ), равно далекій и отъ воскресенья, когда газеты даютъ нѣсколько увеличенные номера, и отъ понедѣльника съ его уменьшенными, а въ нѣкоторыхъ газетахъ и половинными номерами. Такой выборъ, можно думать, обезпечилъ довольно близкій къ дѣйствительно среднему составъ самыхъ газетъ, но онъ не могъ обезпечить средняго количества иллюстрированныхъ приложенийъ къ нимъ.

Кромѣ случайности, приведенныя данныя заключаютъ въ себѣ и значительную дозу условности. При громадномъ количествѣ матеріала, съ которымъ пришлось имѣть дѣло, мы не могли детально вчитываться въ него и должны были во многихъ случаяхъ полагаться на то распредѣленіе, которое дано ему редакціями. На примѣръ, такъ называемый, большой фельетонъ отъ маленькаго и бѣглыхъ замѣтокъ мы должны были отдѣлать чисто механически, отнеся къ первому все, что напечатано за чертой въ нижней части газетныхъ листовъ и литературную часть въ иллюстрированныхъ приложенияхъ. Самый характеръ матеріала, который нерѣдко можно было отнести къ тому и другому отдѣлу, также вводилъ условность въ нашу работу. Мы не говоримъ уже про самую классификацію отдѣловъ, которая, хотя она и соотвѣтствуетъ общепринятой, заставляетъ многого желать съ точки зрѣнія выдержанности какого-либо принципа.

Какъ бы то ни было, приведенныя данныя позволяютъ, по нашему мнѣнію, намѣтить общую фizioномію русской газеты, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе крупныхъ и рѣзкихъ ея чертахъ.

Центръ тяжести ея лежитъ въ извѣстіяхъ, т. е. въ фактическомъ матеріалѣ, предлагаемомъ ею читателю, въ большинствѣ случаевъ, безъ какой-либо литературной его обработки. Извѣстія занимаютъ 61% той части газетъ, которая находится въ распоряженіи редакцій. Наиболѣе видное мѣсто среди нихъ занимаетъ хроника, т. е. мелкія извѣстія репортерскаго характера. Хронику приходилось различать: общую, т. е. содержащую извѣстія, имѣющія значеніе съ общерусской точки зрѣнія; мѣстную, т. е. новости того города, гдѣ издается газета; иногороднюю или хронику близъ лежащихъ пунктовъ, если для нихъ въ газетѣ заведены особые репортерскіе отдѣлы, и, наконецъ, специальную, какъ, напримѣръ, морскую—въ одесскихъ и кронштадтскихъ газетахъ, нефтяную—въ нѣкоторыхъ кавказскихъ, волжскую—въ поволжскихъ и т. д. Противопоставлять приходится въ сущности общую хронику всей остальной. Соотношеніе между ними оказалось таково: общія извѣстія занимаютъ въ отдѣлѣ хроники около 25%, мѣстные и спеціальныя—75.

Слѣдующими по размѣрамъ среди извѣстій оказались отдѣлы: телеграфный, корреспонденцій (своихъ и перепечатокъ) и отчетовъ. Въ отдѣлѣ отчетовъ оказалось:

думскихъ. . . .	12%
земскихъ. . . .	44 „
обществъ. . . .	12 „
судебныхъ. . . .	32 „

Экстраординарный отдѣлъ, посвященный китайскимъ событіямъ, занималъ восьмую часть редакціонной половины газетъ. Близкій къ нему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣлъ виѣшнихъ извѣстій (переводы изъ иностранныхъ газетъ и собственныя корреспонденціи) составилъ 6% и, наконецъ, оффиціальныи и придворный лишь 2%.

Матеріалъ литературно-обработанный—статьи, беллетристика и т. д.—составляетъ нѣсколько больше четверти (28%) даваемого газетами матеріала для чтенія. Наименѣе значительными въ этой части газетъ оказались отдѣлы передовыхъ статей и статей подъ заголовками. Эти руководящія, такъ сказать, отдѣлы составили лишь 8%. Въ 2½ раза оказались больше фельетонные отдѣлы, въ совокупности занимающіе 20%, т. е. пятую долю читаемой части газетъ. Наконецъ, отдѣлы смѣшаннаго характера занимаютъ 11%. Наибольшее значеніе среди нихъ принадлежитъ обзору газетъ и журналовъ, имѣющему чаще всего руководящій характеръ.

Сравнивая столичную газету съ провинціальной, мы получимъ такія данныя:

Изъ 100 см. длины газетныхъ столбцовъ занято:			Въ столич- ной.	Въ провин- ціальной.
Передовыми статьями			4	3
Статьями подъ заголовками			5	5
Фельетономъ			17	11
Фельетонными замѣтками			9	6
Итого			35	25
Оффид. и придворн. извѣстіями			3	1
Телеграфн. и телефонными			11	8
Хроникой			11	22
Внутренними извѣстіями			7	10
Внѣшними извѣстіями			5	6
Китайскими событіями			9	8
Отчетами о засѣданіяхъ			5	10
Итого			51	65
Обзоромъ печати			3	4
Театральнымъ и спортивнымъ отдѣлами			4	3
Остальными			7	3
Итого			14	10

Столичная газета удѣляетъ относительно больше мѣста литературно обработаннымъ статьямъ и меньше фактическимъ извѣстіямъ, чѣмъ провинціальная, хотя въ той и другой отдѣлы извѣстій остаются важнѣйшими, а первое мѣсто среди нихъ занимаетъ хроника. Въ частности, въ отдѣлѣ хроники извѣстія общаго характера въ провинціальной и столичной газетахъ составляютъ почти одинаковую часть (25%). Изъ другихъ фактическихъ отдѣловъ въ столичной газетѣ оказались сравнительно болѣе развитыми телеграфный и оффиціальны, а въ провинціальной—отдѣлы хроники, отчетовъ и корреспонденцій. Среди литературно обработаннаго матеріала руководящіе отдѣлы въ провинціальной и столичной газетѣ оказались почти,—а если отнести къ нимъ и обзоръ печати, то совершенно,—тождественными по своимъ относительнымъ размѣрамъ. За то отдѣлъ фельетоновъ въ столичной газетѣ оказался въ полтора раза больше, чѣмъ въ провинціальной.

Такимъ образомъ со стороны содержанія, важнѣйшія различія между той и другой газетами сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что въ столичной мы встрѣчаемъ широкое развитіе фельетоновъ, а въ провинціальной—внутреннихъ извѣстій, понимая послѣдній терминъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. объединяя подъ нимъ хронику, корреспонденціи и отчеты.

V.

На предыдущихъ страницахъ столичную прессу, разумѣя подъ нею петербургскую и московскую, мы, какъ нѣчто однородное, противопоставляли провинціальной. Въ дѣйствительности, столичные газеты рѣзко разнятся между собой, какъ по внѣшнимъ признакамъ, такъ и по содержанію. Необходимо отмѣтить прежде всего нѣкоторую разницу между петербургскими и московскими газетами:

Въ среднемъ:	Пет. газета.	Мос- ковск.	Про- винц.	Вообще русская.	
Даетъ номеровъ въ недѣлю . .	7	7	5½	6	
Ежедн. длина столбцовъ въ см.	2159	1957	1224	1400	
Подписн. цѣна съ перес. въ руб.	11,18	8,76	7,65	8,9	
Приходится на подпис- ной рубль сантим.	ежедневн. чтенія .	119	114	91	98
	ежедневн. объявл. .	59	85	56	59

Московская газета занимаетъ среднее мѣсто между петербургской и провинціальной. Лишь по количеству объявленій, приходящихся на рубль подписной платы, она превзошла въ день переписи петербургскую.

Еще большую разницу, чѣмъ между средней петербургской и московской газетами, найдемъ мы, если станемъ сравнивать между собою газеты различныхъ типовъ, издающіяся въ той и другой столицѣ. Наиболѣе дифференцированной въ смыслѣ газетныхъ типовъ является петербургская пресса. Среди петербургскихъ изданій можно различать три рода газетъ. Это, во первыхъ, большая пресса, т. е. серьезныя политическія изданія, къ которымъ можно отнести: С. - Петербургскія Вѣдомости, Новости (1 изд.), Новое Время, Биржевыя Вѣдомости (1 изд.), Россію и уже не существующій теперь, но захваченный нашей переписью, Сѣверный Курьеръ. Второй типъ составить, такъ называемая, малая или уличная пресса, представленная въ Петербургѣ двумя изданіями — Петербургской Газетой и Петербургскимъ Листкомъ. Къ третьему типу необходимо отнести дешевую прессу — двѣ газеты, рѣзко отличающіяся отъ остальныхъ своею цѣною, а именно: Свѣтъ и Биржевыя Вѣдомости (2 изд.). *)

Московская пресса менѣе дифференцирована, чѣмъ петербургская и въ ней можно намѣтить лишь два типа: большую прессу (Русскія Вѣдомости, Московскія Вѣдомости и Курьеръ) и малую (Московский Листокъ, Новости Дня, Русское Слово и Русскій

*) Второе изд. Новостей, занимающее среднее мѣсто между газетами большой и дешевой прессы, мы въ настоящемъ случаѣ вовсе исключаемъ.

Листокъ). Что касается дешевой прессы, то ея функціи, нужно думать, выполняются въ Москвѣ нѣкоторыми изданиями отчасти большой, отчасти малой прессы.

Сравнивая различные типы газетъ между собою и однородные типы въ Москвѣ и Петербургѣ, мы получимъ такія цифры

	Большая пресса.		Малая пресса.		Дешевая Петербургская.
	Петербург.	Московск.	Петербург.	Московск.	
Ежедневная длина газетныхъ столбцовъ въ см.	2.660	2.280	2.344	1.715	854
Подписная цѣна за годъ въ рубл. . . .	14,17	11,33	10,00	7,00	4,00
На рубль подписной } Ежедн. чтенія .	112	105	143	124	156
платы приходится см. } Ежедн. объявл.	62	76	81	95	41

И въ Москвѣ и въ Петербургѣ наибольшими по размѣрамъ и наиболѣе дорогими, какъ по подписной цѣнѣ, такъ и по количеству чтенія, даваемого за рубль подписной платы, являются органы большой прессы. Что касается объявленій, то наибольшее количество по расчету на рубль подписной платы въ обѣихъ столицахъ получаютъ органы малой прессы. Наименьшей по размѣрамъ, наиболѣе дешевой не только по годовой платѣ, но и по количеству ежедневнаго чтенія, даваемого за подписной рубль, и наименѣе, наконецъ, обеспеченной объявленіями является дешевая пресса. Въ то же время московскіе органы и большой и малой прессы меньше размѣромъ, дешевле по подписной платѣ, но дороже по количеству даваемого ими матеріала для чтенія и въ то же время богаче по расчету на подписной рубль объявленіями, чѣмъ петербургскія газеты соотвѣтствующаго типа.

Различія между столичными газетами разныхъ типовъ далеко не ограничиваются внѣшними признаками. Еще болѣе существенна разница между ними со стороны содержанія, насколько о послѣднемъ можно судить по распредѣленію редакціоннаго матеріала по отдѣламъ.

Такъ, количество руководящаго матеріала (передовыхъ статей, статей подъ заголовками и обзора печати), даннаго газетами разныхъ типовъ въ день переписи, оказалось рѣзко различнымъ. Въ процентахъ онъ составилъ:

	Большая.	Малая.	Дешевая.	Вообще.
С.-Петербургская пресса .	13	2	26	12
Московская „	17	5	—	11
Столичная „	14	4	26	12

Наиболѣе сильно руководящая роль выражена у дешевой газеты. Малая пресса—и московская и, въ особенности, петербург-

ская—оказалась поразительно бѣдна руководящимъ матеріаломъ. За то и въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ газеты малой прессы дали обширные фельетонные отдѣлы. Въ процентахъ послѣдніе составили:

	Большая.	Малая.	Дешевая.	Вообще.
С.-Петербургская пресса .	23	40	13	25
Московская „	21	33	—	27
Столичная „	22	36	13	26

Въ малой прессѣ они занимаютъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ читаемой части газетъ. Наиболѣе далеко отъ малой прессы стоитъ въ этомъ отношеніи дешевая газета, давшая наименьшее количество фельетоннаго матеріала, меньше даже, чѣмъ провинціальная пресса.

Органы разной прессы разнятся не только количествомъ фельетоновъ, но и характеромъ ихъ. Такъ, даже наше условное дѣленіе фельетона на большой и маленькій даетъ такіа характерныя цифры:

Изъ 100 см. фельетонныхъ отдѣловъ занято фельетон. замѣтками:	Большая пресса.	Малая.	Дешевая.	Вообще.
Въ Петербургскихъ газетахъ . .	22	56	40	33
„ Московскихъ „ . .	18	52	—	39
Вообще . .	21	54	40	35

Малая пресса развиваетъ, главнымъ образомъ, маленькій фельетонъ, тогда какъ большая отводитъ ему лишь пятую часть всего мѣста, отдаваемого фельетонному чтенію. Дешевая пресса, рѣзко разнящаяся въ остальныхъ отношеніяхъ отъ малой, въ данномъ отношеніи стоитъ ближе къ послѣдней, чѣмъ къ большой столичной прессѣ или провинціальной.

Отдѣлы извѣстій въ совокупности составили (въ процентахъ):

	Большая.	Малая.	Дешевая.	Вообще.
С.-Петербургская пресса .	52	31	55	45
Московская „	53	57	—	56
Столичная „	53	45	55	51

Въ газетахъ различныхъ типовъ извѣстія заняли приблизительно одинаковую часть редакціонной половины газетъ. Исключеніе представила лишь петербургская малая пресса, отводящая имъ меньшее мѣсто, чѣмъ даже фельетонамъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что новости петербургскія уличныя газеты подносятъ своимъ читателямъ нерѣдко подъ фельетоннымъ соусомъ. Что касается московской малой прессы, то, отдавая меньше мѣста, чѣмъ петербургская, фельетоннымъ отдѣламъ, она развила отдѣлъ извѣстій и превзошла въ этомъ случаѣ даже дешевую

прессу. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что московская малая пресса и въ другихъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ дешевой, чѣмъ петербургская. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что, за отсутствіемъ дешевыхъ газетъ въ Москвѣ, она выполняетъ нѣкоторыя функціи послѣднихъ и обслуживаетъ не только городского читателя, но и провинціального.

Соотношеніе между собою извѣстій разнаго характера въ органахъ различной прессы также не одинаково:

Въ ‰/‰ з а н я т о:	Большая пресса.	Малая.	Дешевая.
Оффиціальнымъ отдѣломъ	3	1	3
Телграфн. извѣстіями	9	8	15
Телефон. извѣстіями	1	6	—
Хроникой мѣстной	8	9	4
„ общей	4	1	4
Внутренними извѣстіями	10	3	6
Внѣшн. извѣстіями	7	2	2
Извѣстіями о кит. событіяхъ	7	8	20
Отчетами	4	7	1
Итого	53	45	55

Наиболѣе далеко отходитъ отъ остальныхъ газетъ составомъ своего фактическаго матеріала дешевая пресса. Наибольшее мѣсто она отдала китайскимъ событіямъ и затѣмъ телеграммамъ; извѣстія этого рода оказались, очевидно, наиболѣе важными и заполнили двѣ трети того мѣста, которое маленькія газетки отводятъ подъ фактическій матеріалъ. Сравнительно съ органами большой прессы, онѣ очень сжимаютъ мѣстную хронику, внѣшнія извѣстія и отчеты. Малая пресса выдѣляется крайне слабымъ развитіемъ оффиціального отдѣла, общей хроники, внутреннихъ и внѣшнихъ извѣстій. Большое мѣсто, отведенное въ ней телефоннымъ извѣстіямъ и отчетамъ, падаетъ почти всецѣло на долю московскихъ органовъ. За исключеніемъ этой разницы, характерныя черты малой прессы свойственны какъ петербургскимъ, такъ и московскимъ ея представителямъ: у послѣднихъ онѣ выражены лишь нѣсколько слабѣе, чѣмъ у первыхъ, т. е. московскія газеты этого типа и по составу факческаго матеріала приближаются болѣе къ дешевымъ и провинціальнымъ, чѣмъ петербургскія.

Органы различныхъ типовъ имѣютъ въ сущности совершенно разныхъ читателей. Серьезный читатель большой прессы интересуется, очевидно, всей жизнью, отражаемой газетой, что и сказывается наиболѣе равномернымъ распредѣленіемъ въ ней матеріала по отдѣламъ. Главнымъ образомъ, городской (особенно у петербургскихъ органовъ) и малоразвитый читатель уличной прессы интересуется по преимуществу мѣстными новостями и экстраординарными событіями, совсѣмъ почти игнорируя новости

общерусскаго характера, внутреннюю жизнь страны и текущую жизнь другихъ народовъ (оффиц. отдѣлъ, общая хроника, внутр. и внѣшнія извѣстія въ петербургскихъ уличныхъ газетахъ въ совокупности занимаютъ лишь немного болѣе одного процента). Почти исключительно провинціальный читатель дешевой прессы, отличаясь также пристрастіемъ къ извѣстіямъ объ экстраординарныхъ событіяхъ, предъявляетъ, кромѣ того, спросъ на общерусскія извѣстія и провинціальныя, поступающія заграничными. Эти отличія между провинціальнымъ и городскимъ читателями еще рѣзче сказываются въ ихъ спросѣ на литературно-обработанный матеріалъ: первый ищетъ руководящихъ статей, второй фельетоннаго чтенія. Серьезный читатель большой прессы занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. Онъ потребляетъ больше руководящихъ статей, чѣмъ уличный городской читатель, и больше фельетоновъ, чѣмъ деревенскій читатель дешевыхъ газетъ.

А. Пѣшехоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова, съ историко-литератур. комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ, изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. I (вып. I—III), Спб. 1901.

Это новое замѣчательное изданіе предпринято извѣстною книгоиздательскою фирмою Брокгауза-Ефрона, солидное имя которой ручается прежде всего за то, что изданіе будетъ доведено до конца, а не лопнетъ, какъ множество другихъ красивыхъ мыльныхъ пузырей. Съ другой стороны, имя редактора изданія служитъ надежною гарантіею того, что оно будетъ обладать крупными внутренними достоинствами.

Тѣмъ не менѣе, возникаетъ естественный вопросъ: какими же мотивами вызвано появленіе на свѣтъ этой новой книги? Развѣ мы не имѣемъ уже очень хорошаго (въ общемъ) перевода Шиллера въ сравнительно къ тому же дешевомъ изданіи Гербеля, съ 1863 года выдержавшемъ цѣлыхъ шесть повтореній и сдѣлавшемъ въ Россіи имя Шиллера столь же роднымъ и любимымъ, какъ и многія имена лучшихъ русскихъ поэтовъ и писателей? Вопросомъ этимъ задается и сама редакція Брокгаузовскаго изданія и такъ на него отвѣчаетъ: „Настоящее изданіе совпадаетъ,

конечно, съ предшествовавшимъ ему собраніемъ Гербеля въ главной своей задачѣ—передать произведенія великаго поэта въ возможно точныхъ переводахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него есть и своя собственная, новая задача: путемъ историко-литературныхъ комментарій помочь читателю легче усвоить значеніе произведеній, отдѣленныхъ отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ и не всегда доступныхъ непосредственному воспріятію. Этой же задачѣ до извѣстной степени содѣйствуютъ и иллюстраціи. При исполненіи „главной“, общей съ Гербелемъ, задачи редакція озаботилась изготовленіемъ совершенно новыхъ переводовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда прежніе оказывались не совсѣмъ точными. Такъ, изъ общаго числа 272 стихотвореній заново переведено 81, а изъ драматическихъ произведеній слѣдующія: „Заговоръ Фіеско“, „Пикколомини“, „Смерть Валленштейна“, „Марія Стюартъ“, „Привѣтствіе искусствъ“ и „Ненавистникъ людей“; дополнены прежніе переводы „Разбойниковъ“ и „Донъ Карлоса“. Въ новыхъ переводахъ даны также „Исторія 30-лѣтней войны“, „Отпаденіе Нидерландовъ“ и эстетическіе и философскіе трактаты Шиллера. Наконецъ, *впервые* переводятся на русскій языкъ сказочная комедія „Турандотъ“ и трактатъ „О связи духовной и физической природы человѣка“. Въ общемъ, изъ 110 печ. листовъ всего изданія 75 листовъ редакція обѣщаетъ дать въ новыхъ переводахъ. Уже одно перечисленіе этихъ новыхъ переводовъ, сдѣланныхъ такими лицами, какъ П. И. Вейнбергъ, Н. И. Карѣвъ, И. Р. Тархановъ, Влад. Соловьевъ, г-жи Зинаида Венгерова и Ольга Чюмина, говоритъ за то, что *главная* задача въ значительной своей части будетъ выполнена въ настоящемъ изданіи съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ у Гербеля. Но другое, не менѣе цѣнное, преимущество заключается въ обширныхъ историко-литературныхъ примѣчаніяхъ и прекрасныхъ иллюстраціяхъ. Одни только комментаріи къ стихотвореніямъ обнимаютъ 130 страницъ мелкой убористой печати въ два столбца. Авторъ ихъ, А. Г. Горифельдъ, очевидно, глубоко и всесторонне изучилъ свой предметъ, и многія стихотворенія Шиллера, скользившія прежде мимо вниманія читателя, теперь—даже и въ неудачныхъ, сравнительно, переводахъ—являются интересными и значительными. Талантливо составленные примѣчанія дѣлаютъ понятными большой публикѣ не только мифологическія и историческія имена, обильно пестрящія стихи Шиллера, но и возсоздаютъ реальныя подробности эпохи, въ которую эти стихи писались, настроеніе и весь внутренній ходъ творчества великаго поэта и т. п. Можно пожалѣть объ одномъ лишь, что такая любопытная и цѣнная часть изданія не легко розыскивается въ огромной книгѣ. Если нельзя было дать примѣчаній въ подстрочныхъ выноскахъ, то необходимо было указывать при текстѣ каждаго стихотворенія страницу, на которой помѣщено относящееся къ нему примѣчаніе. Не мѣшало точно

такъ же и при каждомъ примѣчаніи отмѣчать страницу соотвѣтствующаго стихотворнаго текста. Это ничтожное, повидимому, упущеніе редакціи доставляетъ читателю массу непріятныхъ хлопотъ: извольте при каждой справкѣ обращаться къ помѣщенному особо „Оглавленію“, расположенному къ тому же въ алфавитномъ порядкѣ!..

Въ томъ же отдѣлѣ примѣчаній редакціей дается подробный списокъ всѣхъ существующихъ на русскомъ языкѣ переводовъ изъ Шиллера, и цѣликомъ или въ отрывкахъ перепечатываются тѣ изъ нихъ, которые по своему достоинству могутъ отчасти соревновать съ помѣщенными въ текстѣ переводами. Другою существенно-цѣнною стороною изданія являются многочисленныя иллюстраціи. Здѣсь нужно прежде всего указать на превосходныя, исполненныя Брукманномъ, фототипіи, составляющія полное собраніе извѣстной въ Германіи „Шиллеровской Галлерей“ Каульбаха. Другіе рисунки заимствованы большей частью изъ нѣмецкихъ, такъ называемыхъ, „роскошныхъ“ изданій. Однако, при біографіи Шиллера, написанной проф. Кирпичниковымъ, помѣщено и немало иллюстрацій, исполненныхъ по фотографіямъ, которыя С. А. Венгеровъ самостоятельно собралъ въ Веймарѣ и Марбахѣ.

При всѣхъ несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствахъ новаго изданія Шиллера, мы должны, тѣмъ не менѣе, отмѣтить въ немъ и нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя странности. Таково, напр., отношеніе редакціи къ переводамъ покойнаго Гербеля. Мы вполне понимаемъ, что, являясь въ значительной степени конкурентомъ его изданія Шиллера, она не имѣла ни возможности, ни права воспользоваться собственными переводами Гербеля, не смотря на то, что нерѣдко они значительно превосходятъ новые переводы (если не точностью, то литературностью); но намъ думается, что редакціи слѣдовало бы съ полной откровенностью сообщить читателямъ объ этой чисто-внѣшней причинѣ абсолютнаго устраненія гербелевскихъ переводовъ и въ примѣчаніяхъ нужно было такъ же свободно критиковать Гербеля, какъ и другихъ переводчиковъ, добросовѣстно указывая на его сильныя и слабыя стороны. При системѣ же умолчанія многіе читатели неизбѣжно выведутъ заключение, будто всѣ переводы Гербеля въ настоящее время нигде не годятся... Не совсѣмъ понятно для насъ и отношеніе редакціи къ нѣкоторымъ другимъ переводчикамъ. По какимъ, на примѣръ, соображеніямъ въ текстѣ помѣщенъ переводъ Фета:

Крошка-счастливецъ! теперь для тебя колыбель безгранична (?);
Мужемъ ты станешь—и міръ цѣлый тебя не выѣститъ (!),—

простой же и поэтический переводъ Лермонтова отнесенъ въ примѣчанія:

Счастливъ ребенокъ! *И въ мѡмѣхъ просторно ему:* но дай время
Сдѣлаться мужемъ — *и тѣсенъ покажется міръ!*

Или чѣмъ объяснить, что редакція забрала истинно-вдохновенный переводъ стихотворенія „Друзьямъ“, сдѣланный Струговщиковымъ, и помѣстила новый переводъ г. Случевского, гораздо болѣе похожій на рубленную прозу, чѣмъ на стихи? Неужели, по ея мнѣнію, это поэзія:

Да, друзья мои, бывало время *краснѣе*, —
Спорить нечего: *красивѣе, чѣмъ наше*, —
Жилъ великій въ древности народъ!
Если-бъ лѣтописи наши умолчали (это стихъ?)
Камни мертвые, *конечно бы*, сказали!
Ихъ (?) земля порою отдаетъ (?).
Но *прошло, исчезло* это племя,
Даровитое и мощное во всемъ (стихъ?), —
Мы же живы! *Нынче наше время!*
Правъ, кто живъ; *а мы теперь живемъ!*
Да, друзья мои, есть, *есть* края иные,
Лучше нашего, и намъ *совсѣмъ* чужіе,
Какъ объ этомъ люди говорятъ (?).
.....
Если лавръ у насъ не возростаетъ,
Если мирта въ здѣсь не простоятъ,
Но за то мы виноградъ вкушаемъ (!)
И всегда (?) влажны вѣнки изъ розъ сплетать и т. д.

Только за недостаткомъ мѣста мы не выписываемъ здѣсь же прекраснаго перевода Струговщикова, закопаннаго редакціей въ примѣчаніяхъ, но не можемъ не отмѣтить такихъ чудныхъ стиховъ, какъ: „Уголокъ нашъ бѣденъ, но онъ теплъ *тепломъ высокихъ думъ*“; „жить только то, что, полное дыханья, *изъ ключа живой минуты пьетъ*“; „вѣчнаго и солнце не видало; то лишь вѣчно, что не расцвѣтало и чему подъ солнцемъ не цвѣсти!“

Впрочемъ, подобные эстетическіе промахи почтенной редакціи, вѣроятно, объясняются въ большинствѣ случаевъ желаніемъ стоять возможно ближе къ подлиннику. Въ самомъ дѣлѣ, спорнымъ можетъ быть вопросъ, что лучше: художественныя достоинства перевода, или же его точность и близость къ подлиннику? Мы лично предпочли бы первое (причемъ въ примѣчаніяхъ давали бы подстрочный прозаическій переводъ), г. же Венгеровъ предпочитаетъ, повидимому, второе: сравните, напр., „Боговъ Греціи“ въ забраккованномъ имъ переводѣ Бенедиктова, мѣстами сильномъ и поэтическомъ, съ помѣщеннымъ въ текстъ неуклюжимъ переводомъ Фета. У Бенедиктова:

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣли младенчественный свѣтъ! и т. д.

У Фета:

*Какъ еще вы правили вселенной
И забавъ на лежишь помочать
Свой народъ водили вождѣнный,
Чада сказокъ въ творческихъ нощахъ (?)*

и т. д. въ томъ же родѣ.

Пора, однако, кончить нашу и безъ того затянувшуюся рецензію. Еще одно только маленькое замѣчаніе: не чрезмѣрная ли роскошь — помѣщеніе въ III выпускѣ I-го тома 32 *портретовъ* русскихъ переводчиковъ Шиллера? Кто такіе эти „знаменитости“, имена которыхъ русскій читатель долженъ отнынѣ связать съ именемъ великаго нѣмецкаго поэта? Положимъ, имена Жуковского, Ф. Миллера, Мина, Михайлова и Струговщикова, даровитыхъ поэтовъ, столько потрудившихся для передачи Шиллера на русскій языкъ, вполне достойны такой высокой чести; но кто же остальные 27 *поэтовъ*? Оказывается, что въ ихъ числѣ блещутъ гг. Льдовъ, Случевскій, Аполлонъ Коринфскій и имъ подобные... Г. Случевскій далъ при этомъ всего лишь одинъ переводъ, тотъ самый, перлы котораго мы видѣли выше; г. Льдовъ подарилъ два изреченія (по два стиха въ каждомъ) и двѣ загадки (по 10 стиховъ); г. Коринфскій перевелъ одно крикливое юношеское стихотвореніе Шиллера и т. д., и т. д. И въ то же самое время портретовъ не удостоены Лермонтовъ, Майковъ, Полонскій... Не кажется ли читателю, что память Шиллера нѣсколько оскорблена подобною „роскошью“ и что лучше было бы обойтись безъ нея?..

Мы закончимъ нашу, быть можетъ, нѣсколько придирчивую рецензію справедливымъ замѣчаніемъ самой редакціи новаго изданія Шиллера: „Новизна задачи да послужить извиненіемъ тѣхъ недостатковъ, которые неизбѣжно связаны съ каждымъ новымъ дѣломъ“.

Н. М. Минскій. Новые нѣсни. Спб. 1901.

Книжка „новыхъ“ нѣсенъ г. Минскаго открывается стихотвореніемъ, написаннымъ около 20 лѣтъ назадъ, задолго до той печальной эволюціи, которая во второй половинѣ 80-хъ годовъ произошла въ пѣвцѣ „прогрессивныхъ настроеній“ нашего общества. Правда, цѣликомъ стихотвореніе это появилось въ печати, сравнительно, лишь недавно (въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“), но муза г. Минскаго знавала счастливыя времена, когда нѣкоторые изъ ея нѣсенъ еще до появленія на страницахъ журналовъ становились извѣстными и даже заучивались любителями поэзіи наизусть.

Для чего же г. Минскій, не разъ торжественно отрекавшійся, съ благословенія г. Волинскаго, отъ своей поэзіи либеральнаго періода, прибѣгаетъ теперь къ этой маленькой фальсификаціи?

Неужели онъ созналъ, наконецъ, что его настоящія „новыя“ пѣсни никуда не годятся, и что ихъ необходимо скрасить старыми?

Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно.
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.
Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь—одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.
Какое дѣло до себя
И до другихъ и до вселенной
Тому, кто слѣдовалъ, любя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?
Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожить,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ!

Эти прекрасные стихи изъ „Геесиманской ночи“ характеризуютъ настроеніе прежняго г. Минскаго, котораго мы любили, на котораго возлагали надежды. Судите же сами, читатель: есть-ли тутъ что-либо общее съ авторомъ книги „При свѣтѣ совѣсти“, трагедіи „Альма“ и декадентскихъ стихотвореній, воспѣвающихъ презрѣніе къ человѣчеству и его страданіямъ? Мы не думаемъ, конечно, подробно останавливаться на „новой фило-софіи“ г. Минскаго, достаточно уже извѣстной читателямъ „Русскаго Бог.“: эти „новыя“ пѣсни, собственно, далеко не новы, такъ, какъ значительная часть ихъ была напечатана еще на страницахъ „Свѣт. Вѣстника“. Тутъ фигурируетъ та же пресловутая, изобрѣтенная г. Минскимъ, Свобода (ничего общаго съ дорогой всѣмъ людямъ свободой не имѣющая), она же, повидимому, и Смерть, со всѣми свойственными этой послѣдней атрибутами—холодомъ, мракомъ, молчаніемъ. Г. Минскій до того „опьяненъ желаніемъ“ всѣхъ этихъ прекрасныхъ (бр!..) вещей, что даже изъясняться съ нами, жалкими смертными, согласенъ не иначе, какъ помощью какихъ-то „холодныхъ словъ“. Впрочемъ онъ увѣряетъ, будто „слова *холодныхъ* пѣсенъ *нужныхъ*“ (каменное дерево?) лучше всякаго другого лѣкарства способны „испѣлять боль сердецъ мятежныхъ“, и будто напѣвъ собственныхъ его, г. Минскаго, „стиховъ холодныхъ скрашиваетъ язвы міра“... Страдальцы всѣхъ вѣковъ и народовъ, утѣштесь! цѣлительный бальзамъ, наконецъ, найденъ...

Одному только нужно удивляться: зачѣмъ просить г. Минскій у Господа Бога прощенія за „дерзновеніе мысли“ (стр. 83)? Гдѣ, въ чемъ, какое дерзновеніе?! Вѣдь идеаль г. Минскаго—мракъ, холодъ и тишина—такъ легко осуществимъ въ нашемъ благодатномъ климатѣ: не прибѣгая къ героическому средству

самоуничтоженія, стоитъ только не топить день-другой печей, закрыть ставни, погасить огонь и наслаждаться сколько душѣ угодно „свободой“, отнюдь не рискуя быть обвиненнымъ въ какой-либо ереси!..

Со стороны поэтической формы „Новыя Пѣсни“ представляютъ нѣчто столь же притязательное и жалкое, какъ и со стороны содержанія. Утратилъ г. Минскій настроеніе, когда-то приподнимавшее и дѣлавшее интереснымъ его, въ сущности, скромный талантъ—и, вмѣстѣ съ „безстрастіемъ“, въ писанія его проникла струя холодной аллегоричности и надутой риторики. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, поэзія—всѣ эти потуги „объять необъятное“? Не говоря ужъ о „серебряномъ снѣ“ и „лучистомъ молчаніи“ (это ужъ по штату полагается главѣ декадентовъ... Помилуйте: *poblesse oblige!*), у г. Минскаго можно встрѣтить даже „зеленые сны“ и „голубыя объятія“! Добро и зло „праздно играютъ“ у него „во вселенную“ (чуть-чуть не въ чехарду!). „Запахъ“ двухъ цвѣтковъ нашептываетъ его „мечтѣ“... всевозможную ерунду (см. „Два цвѣтка“). Снѣгъ, „убитый“ весеннимъ солнцемъ, казалось бы, уже не существуетъ, но у г. Минскаго такой „убитый“ снѣгъ сравнивается съ блѣдныи щеками умершей дѣвушки. Другая дѣвушка, играющая на арфѣ, „къ мелодіи объятія простираетъ, и замираетъ у ней въ объятіяхъ (!) каждый звукъ“. Ночь „сыплетъ пылью звѣздной“—это не значить, читатель, что на дворѣ мятель, а—загораются на небѣ звѣзды... „И все больше неба (sic!) свѣтитъ“—это значить: осыпается осенью лѣсъ... Что касается рифмъ, то г. Минскій охотно и часто пользуется даже такими, какъ „правды“ и „Аргонавты“, „бока“ и „берега“, „могъ имъ“ и „немногимъ“, „дождя“ и „свиста“, „часъ“ и „трудясь“, „вершинъ“ и „святынь“ и т. п. Ай-ай, г. Минскій! что скажутъ ваши собратья-парнасы?

Не смотря на все это, гордый поэтъ остается въ пріятномъ заблужденіи, что онъ „творитъ“, что муза вдохновеній посѣщаетъ его по-прежнему, и свою бесѣду съ нею изображаетъ такъ:

Слышу, внимаю, чую, замираю...

Любопытно было бы узнать относительно этого стиха мнѣніе г. К. Абрамова, издавашаго недавно опытъ „Словаря русскихъ синонимовъ“.

За исключеніемъ стоящей особнякомъ „Геесиманской Ночи“, изъ всѣхъ 44 стихотвореній намъ кажутся красивыми только „Памяти В. С. Соловьева“, „Городъ вдали“, „Волны“ и „Въ тотъ вечеръ облакомъ я былъ“, да и то первое отзывается подражаніемъ Пушкину, а послѣднее—Лермонтову, которому г. Минскій вообще тѣнится подражать. Въ общемъ, про свою новую книжку г. Минскій смѣло могъ бы сказать своимъ же стихомъ:

Эти пѣсни—гробница надъ силой моею...

Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Книга новыхъ пѣсенъ. М. 1900. Странная репутація выпала на долю г. Валерія Брюсова. Въ то время, какъ произведенія его собратьевъ по духу, гг. Бальмонта, Мережковского, Минского, Сологуба et tutti quanti, принимаются и публикой, и критикой въ серьезъ (даже смѣются надъ ними въ серьезъ), къ г. Валерію Брюсову установилось какое-то двусмысленное отношеніе: не то это—наивный младенецъ, не то остроумный шутникъ, сознательно доводящій до крайностей вычуры символизма, чтобы лучше ихъ высмѣять. Послѣ второй „книги“ стиховъ, посвященной „вѣчности и искусству“, г. Брюсовъ на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ исчезъ съ горизонта литературы.

Оказалось, однако, что за это время онъ лишь набирался силъ и подготавливалъ въ тиши „третью книгу пѣсенъ“, которую московское книгоиздательство „Скорпионъ“ и выпустило теперь въ свѣтъ. Внѣшность книжки (обложка, заголовокъ) отличается все тѣми же декадентскими претензіями, что и прежнія изданія г. Брюсова, но внутри есть и кое-что новое. Такъ, въ предисловіи авторъ торжественно заявляетъ, что онъ теперь „равно любить и вѣрныя отраженія зримой природы у Пушкина и Майкова, и порыванія выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительныя (?) раздумья Баратынского, и страстныя рѣчи гражданскаго поэта, скажемъ, Некрасова“. Короче,—г. Брюсовъ пересталъ быть декадентомъ и сдѣлался просто индифферентистомъ въ искусствѣ. Вспоминая о своемъ недавнемъ прошломъ, онъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи:

Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Далеко первая ступень:
Пять бѣглыхъ лѣтъ—какъ пять столѣтій!

Въ читателѣ возбуждено невольное любопытство, и онъ перелистываетъ книжку. Читаетъ одно стихотвореніе, другое, третье, десятое... Что за чортъ! гдѣ же перемѣна, въ чемъ? Рѣшительно все то же самое, что и прежде. Правда, грамматическаго смысла стало, какъ будто, побольше, но въ содержаніи—чуши и дичи не оберешься по-прежнему!

О, великая сладость—узнать, утаить отъ вселенной!
Мнѣ довольно знать,—что я свершилъ,—одному.

Поклоняются многіе мнѣ
Въ часы вечерніе,
Но молитвы къ блѣдной лунѣ
Еще размѣрнѣе.

И когда меня ты убьешь,
Ты надѣнешь бѣлое платье,
И свѣчи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.

А вотъ оригинальное описаніе весны:

Вблизи, вдали все мнѣ твердить о смѣнѣ:
И стая птицъ, кружащихъ надъ крестомъ,
И ручеекъ, звеня, бѣгущій въ пѣнѣ,
И—женщина съ огромнымъ животомъ.

И, однако, всетаки нужно признать, что природа не отказала г. Валерію Брюсову въ нѣкоторомъ поэтическомъ дарованіи. Тамъ и сямъ замѣтны проблески недурного эстетическаго вкуса, попадаются счастливыя выраженія, но—что самое главное—въ книжкѣ есть одно стихотвореніе, подписаться подъ которымъ не отказался бы, вѣроятно, и настоящій поэтъ. Мы имѣемъ въ виду, написанное прекраснымъ народнымъ стихомъ, „Сказаніе о разбойникѣ“, къ сожалѣнію, черезчуръ длинное, чтобы выписать его здѣсь цѣликомъ. При чтеніи этого стихотворенія у насъ, признаемся, „душа смутилася трепетомъ“, трепетомъ за тѣ безобразныя жизненныя условія и вліянія, которыя развили въ г. Брюсовѣ уродливыя художественныя вкусы и создали изъ него не свѣжій и гуманный талантъ, а посмѣшище глупыхъ и умныхъ людей—россійскаго декадента нашего времени. Впрочемъ, нужно замѣтить, что даже и въ области декадентскихъ бредней г. Брюсовъ, на нашъ взглядъ, пріятно отличается отъ своихъ собратьевъ: доводя иногда уродливое и пошлое до чудовищнаго, онъ бываетъ, видимо, и искренно проникнутъ идеалистическимъ настроеніемъ, наивными мечтами о какой-то великой предстоящей ему и другимъ „символистамъ“ работѣ.

Мы бродимъ въ неконченномъ зданіи
По шаткимъ, дрожащимъ лѣсамъ,
Въ какомъ-то тупомъ ожиданіи,
Не вѣря вечернимъ часамъ (?)

Здѣсь будутъ проходы и комнаты!
Всѣ стѣны задвинутся сплошь!
О, думы упорныя, вспомните!
Вы только забыли чертежъ.
Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба дойдетъ,
И въ глубь, разумно расчисленной,
Замкнетъ человѣчскій родъ.

Характерно также его обращеніе къ „братьямъ соблазненнымъ“.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ.
Полно, братья соблазненные!

Это только бѣглый свѣтъ.
 Развѣ есть предѣлъ мечтателемъ?
 Развѣ цѣль намъ суждена?
 Назовемъ того предателемъ,
 Кто намъ скажетъ—здѣсь она!
 Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
 Мертвый идолъ красоты?

Поднимайте жъ, братья, посохи!
 Дальше, дальше, какъ и шли!
 Паруса развѣйте въ воздухѣ,
 Дерзко правьте корабли.
 Жизнь не счастье, но—томленье,
 Но—презрѣнье, но борьба.
 Все впередъ—отъ возрожденія
 Къ возрожденью сквозь гроба!

Если это дѣйствительно не кокетничанье красивыми фразами, то нужно искренно пожалѣть, что поэзія г. Брюсова лишена всякаго человѣческаго содержанія. Теперь она вся состоитъ изъ подражаній Маріи-Хозе Эредіа и... г. Бальмонту. Увлеченіе послѣднимъ особенно бьетъ въ глаза. Любопытенъ, между прочимъ, сонетъ „Къ портрету К. Д. Бальмонта“:

Угрюмый обликъ, каторжника взоръ!

 Но я въ тебѣ люблю, что весь ты—ложь,
 Что самъ не знаешь ты, куда пойдешь,
 Что высоту считаешь самъ обманомъ.

Въ одномъ отношеніи г. Брюсову далеко до своего образца—въ красотѣ стиха. За рифмы сходятъ у него, напр., такія грубыя созвучія: „антихристъ“ и „утихнеть“, „Астарта“ и „ярко“, „Господа“ и „доступа“, „дѣвственница“ и „лѣстница“...

А. Погорѣловъ. „Мракъ“ и „Передъ грозой“. (Изъ жизни Приуралья). М. 1900.

Два разсказа, составившіе книжку г. Погорѣлова, — сравнительно, небольшой очеркъ „Мракъ“ и обширная повѣсть, пожалуй, даже романъ, „Передъ грозой“, — связаны единствомъ темы, которая какъ въ томъ, такъ и въ другомъ слагается изъ двухъ тѣсно сплетающихся между собой элементовъ: психологическаго и общественнаго. Психологическое содержаніе обоихъ разсказовъ составляетъ, коротко говоря, исторія „больной совѣсти“, въ первомъ—глубоко-трагическая, во второмъ—скорѣе трагикомическая; общественное—та густая сѣть „пошехонскихъ чудесъ“, въ которой съ фатальной неизбежностью запутывается слабая душа пошехонскаго интеллигента, однажды ступившаго на путь активнаго участія въ процессъ созиданія этихъ чудесъ,—запутывается до того, что онъ утрачиваетъ если не самый образъ человѣческій, то, по

меньшей мѣрѣ, увѣренность въ своемъ правѣ именоваться чело-
вѣкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, задерживается раз-
витіе способности къ безшабашному творчеству въ области чу-
десъ и задерживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше усложняется
внутренній міръ дѣятеля раздвоеніемъ, вносимымъ въ него бо-
лѣзнью совѣсти, интенсивность же и теченіе послѣдней, въ свою
очередь, разнообразятся въ зависимости отъ глубины и искрен-
ности натуры, вообще отъ всей совокупности индивидуальных
качествъ субъекта. У однихъ названная болѣзнь протекаетъ въ
порывистыхъ и мучительныхъ формахъ, заставляя человека вре-
менами дѣлать отчаянныя усилія съ цѣлью вырваться изъ опу-
тавшей его сѣти безобразій, созданныхъ отчасти при его же со-
дѣйствіи или попустительствѣ; такое судорожное усиліе изобра-
жено въ очеркѣ „Мракъ“, герой котораго, инженеръ Псалтыринъ,
послѣ одной изъ безплодныхъ попытокъ разорвать сплетеніе лжи,
хищеній и плутней, образовавшееся годами въ управленіи подчи-
ненныхъ ему заводскихъ селеній, впадаетъ въ мрачное отчаяніе,
завершающееся дикимъ запоемъ. Это—трагедія „больной совѣсти“,
трагедія, правда, столь же сѣрая и будничная, какъ и породив-
шая ее житейская обстановка, но именно своей заправской подлин-
ностью, совершенно лишенной элемента „выдумки“ (къ чему она, если
дѣйствительность диковиннѣе всякой фантазіи?), неотразимо захва-
тывающая читателя, передъ которымъ встаетъ удивительно цѣ-
лостная, законченная и гармоничная въ своемъ родѣ картина по-
истинѣ непрогляднаго и безысходнаго „Мрака“.

Но Псалтыриныхъ мало. У другихъ, несравненно болѣе много-
численныхъ „практиковъ“ способность испытывать стыдъ и пере-
живать связанные съ нимъ мучительныя эмоціи съ теченіемъ вре-
мени утрачивается въ такой мѣрѣ, что заглушаемая совѣсть уже
не причиняетъ имъ ощутительныхъ безпокойствъ, а если и за-
являетъ о себѣ при болѣе или менѣе чрезвычайныхъ occasi-
яхъ (въ родѣ встрѣчъ съ друзьями юности), то „болѣзнь совѣсти“
оказывается уже въ значительной степени симулированной. Въ
результатѣ получается такая противоестественная смѣсь полу-
напускнаго покаянія съ прорывающимися въ немъ циничными
бравадами „торжествующаго“, которая въ наблюдателѣ едва-ли
можетъ вызвать что-нибудь кромѣ тошноты. Для художника и
психолога этотъ типъ, по крайнему своему убожеству, предста-
вляетъ матеріалъ въ высшей степени неблагодарный. Слѣдить
шагъ за шагомъ, какъ это дѣлаетъ г. Погорѣловъ въ романѣ
„Передъ грозой“, за постепеннымъ и благополучнымъ превраще-
ніемъ Николая Ивановича Толмачева изъ прекраснодушнаго зем-
скаго агронома въ дѣятельнаго земскаго начальника, не безуспѣшно
содѣйствующаго заводоуправленію въ совершаемомъ имъ обеззе-
меленіи крестьянъ-мастеровыхъ „на законномъ основаніи“, затѣмъ
кающагося въ этомъ передъ другомъ юности, Чагинымъ, и непо-

средственно вслѣдъ за покаяніемъ арестовывающаго „зачинщиковъ“ несомнѣнно уже законнаго приговора, составленнаго тѣми же крестьянами противъ управляющаго заводами,—задача, повторяемъ, крайне неблагоприятная. Эта работа требуетъ такой мелочной отдѣлки деталей, на которую у нашего автора, повидимому, не хватаетъ ни терпѣнія, ни охоты.

Центръ тяжести и главный интересъ романа „Передъ грозой“ лежитъ, впрочемъ, не въ психологіи Николая Ивановича, а также и не въ личности Чагина, играющаго въ романѣ крупную роль, но очерченнаго еще болѣе блѣдно и слабо (не везетъ у насъ, вообще, положительному типу), а въ тѣхъ широкихъ бытовыхъ картинахъ, которыя авторъ развертываетъ передъ нами съ несомнѣннымъ повѣствовательнымъ талантомъ и основательной *compaissance de cause*. Онѣ тѣмъ болѣе интересны, что въ нихъ, свойственный пошехонской дѣйствительности, элементъ чудеснаго, характеризующійся отсутствіемъ не только законной, но иногда и просто сколько-нибудь разумной почвы подъ нѣкоторыми событиями, очень, однако, чувствительными для ихъ живыхъ объектовъ, своеобразно усугубляется столь же беспочвеннымъ *de jure*, но всесильнымъ *de facto* вліяніемъ заводской администраціи. Значительный диссонансъ въ эту „гармонію сферъ“ вноситъ проникающее въ среду заводскаго населенія знакомство съ собственными, несомнѣнно существующими, хотя и пренебрегаемыми, правами, что и приводитъ къ нѣкоторымъ осложненіямъ. Появляющаяся при этомъ на сцену слѣдственная власть, оказывающаяся, по счастью, свободною отъ закулисныхъ вліяній, приподымаетъ таинственную завѣсу съ событій, вызвавшихъ ея вмѣшательство... Такъ или иначе, а „Мракъ“ какъ-будто начинаетъ понемногу разсѣиваться...

Мы не будемъ, однако, останавливаться на любопытной бытовой сторонѣ очерковъ „Передъ грозой“, которые, вѣроятно, еще свѣжи въ памяти читателей „Русскаго Богатства“, и ограничимся еще лишь нѣсколькими словами о писательскихъ особенностяхъ г. Погорѣлова. Многочисленные, выводимыя имъ, эпизодическія лица, каковы: всесильный дѣлецъ и воротила Смолинъ, организаторъ доноса на Чагина, ведущаго тяжбу крестьянъ противъ него; переметная сума,—докторъ Красногорскій; дѣятели за водоуправленія, чиновники и вся захолустная *quasi*-интеллигенція, дружно поддерживающая темныя силы, изображены г. Погорѣловымъ правдиво и ярко, а фигуры трехъ крестьянъ-ходоковъ, очерченныя нѣсколькими штрихами, неизгладимо запечатлѣваются у васъ въ памяти, какъ живыя. Очень также удаются г. Погорѣлову отдѣльные психологическіе моменты, и, напр., картину душевнаго состоянія Псалтырина (въ очеркѣ „Мракъ“) смѣло можно назвать незаурядною по художественной законченности и силѣ. Гораздо менѣе счастливъ нашъ авторъ, когда онъ берется

воспроизводить эволюцію характеровъ, которая и вообще-то, конечно, несравненно труднѣе поддается изображенію, чѣмъ стационарныя состоянія и отдѣльные психологическіе моменты. Такія попытки у г. Погорѣлова сплошь и рядомъ оставляютъ впечатлѣніе незаконченности, отчасти зависящее, быть можетъ, отъ того, что онъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало, обрабатываетъ свои произведенія. Въ противоположность Псалтырину, Толмачевъ и, особенно, Чагинъ остаются до конца смутными силуэтами, въ которыхъ мало чувствуется жизни. Еще въ большей степени производитъ впечатлѣніе недодѣланнаго чернового наброска интересный въ сущности и благодарный образъ жены Смолина. Молодая и красивая, совершенно неразвита, но и неиспорченная, она, повидимому, безотчетно томится неосмысленностью своего существованія; мы знакомимся съ нею въ тотъ моментъ, когда она ночью, въ саду, по жестокой прихоти автора, вѣшается на шею случайно забредшему туда полу-пьяному Толмачеву, тогда еще юному земскому агроному, искренно возмущающемуся продѣлками Смолина, который именно въ это время подготавливаетъ высылку Чагина. Узнавъ обо всемъ отъ Николая Ивановича, молодая женщина неожиданно проявляетъ мужество, доходящее до героизма, вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ мужемъ и терпитъ отъ него всякія мученія до звѣрскихъ побоевъ включительно, но при этомъ напрасно ищетъ поддержки у тѣхъ, на чье участіе она, казалось бы, вправѣ рассчитывать. Не только слабодушный князь—Толмачевъ, но и Чагинъ почему-то отдѣляются отъ нея на манеръ Пилата, умывающаго руки (чѣмъ, кстати сказать, довершается безжизненность фигуры Чагина), и затѣмъ она исчезаетъ со сцены, оставляя читателей въ полномъ недоумѣніи о причинахъ столь крутой и короткой расправы съ нею автора... А между тѣмъ, г. Погорѣлова, вообще говоря, вовсе нельзя упрекнуть въ недостатокъ теплоты. Вся бѣда его въ томъ, что у него иногда не хватаетъ свѣтотѣней, и это именно тамъ, гдѣ онѣ всего болѣе нужны,—въ изображеніи переходныхъ, измѣняющихся душевныхъ состояній и эволюционирующихъ характеровъ. Отсюда—отмѣченныя угловатости, значительно, впрочемъ, сглаживающіяся въ широкихъ и яркихъ картинахъ заводскаго быта, развертываемыхъ г. Погорѣловымъ. Эти картины отличаются и большою содержательностью, и жизненной правдой, которыя придаютъ его книжкѣ несомнѣнную и крупную цѣнность.

Упырь. Разсказъ гр. А. К. Толстого. Съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. СПб. 1900.

Фантастическимъ разсказомъ „Упырь“ А. К. Толстой дебютировалъ въ 1841 году подъ псевдонимомъ Красногорскаго. Это произведение начинавшаго автора не прошло въ свое время № 3. Отдѣлъ II.

замѣченнымъ; о немъ сохранилась у насъ библиографическая замѣтка Бѣлинскаго. Теперь, спустя шестьдесятъ лѣтъ, когда ни критика, ни автора уже давно нѣтъ въ живыхъ, „Упырь“, не вошедшій въ собраніе сочиненій Ад. Толстого, вновь появился отдѣльнымъ изданіемъ. И на этотъ разъ его привѣтствовалъ Владиміръ Соловьевъ—тоже въ настоящее время покойный. „Упырь“, давно забытый и воскресшій изъ могилы, и два отзыва о немъ людей, сошедшихъ въ могилу, но не забытыхъ, людей разныхъ поколѣній и различныхъ эпохъ русской жизни, — таковъ литературный фактъ, съ которымъ встрѣчается современный читатель. И, конечно, читателя тутъ гораздо больше интересуютъ эти отзывы двухъ мертвецовъ, чѣмъ самая книжка, которая могла пролежать шестьдесятъ лѣтъ подъ спудомъ. Мы и не будемъ передавать ея содержанія, не будемъ еще и потому, что „это было бы—какъ говорилъ Бѣлинскій—очень длинно и читатели немного увидѣли бы изъ сухого изложенія“. Но о рецензій Бѣлинскаго и предисловіи Соловьева не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ; къ тому же, изъ сопоставленія этихъ двухъ отзывовъ читатель выяснитъ и свою точку зрѣнія и узнаетъ, чего ему ждать отъ „Упыря“.

Хотя Соловьевъ и ссылаясь въ своемъ предисловіи на рецензію Бѣлинскаго, однако ихъ мнѣнія относительно „Упыря“ расходятся по существу. Они согласны лишь въ формальной оцѣнкѣ этого произведенія, и оба признаютъ за авторомъ его талантъ. Это и подтверждаютъ выдержки изъ Бѣлинскаго, приведенныя Соловьевымъ, хотя уже и тутъ Бѣлинскій высказывается нѣсколько иначе, чѣмъ Соловьевъ. Привѣтствовать появленіе „Упыря“ по тому, что онъ заставляетъ ожидать отъ автора многого „въ будущемъ“, и рекомендовать читателямъ этого самаго „Упыря“, когда будущее стало прошедшимъ,—это, конечно, не одно и то же. Но въ замѣткѣ Бѣлинскаго есть еще и другія мѣста, которыхъ Соловьевъ не могъ привести и съ которыми онъ не былъ согласенъ. Изъ нихъ ясно видно, что знаменитый критикъ, настаивая на томъ, что у автора „есть рѣшительное дарованіе“ былъ, въ сущности очень невысокаго мнѣнія о первомъ его опытѣ. „Упырь“—это „грѣхъ юности“, и произведенія, ему подобныя, обыкновенно предаются въ зрѣломъ возрастѣ огню. Это—„произведеніе фантастическое, но фантастическое внѣшнимъ образомъ: незамѣтно, чтобъ оно скрывало въ себѣ какую-нибудь мысль“, и потому „оно можетъ насытить прелестью ужаснаго“ только „молодое воображеніе, которое, любясь фейерверкомъ, не спрашиваетъ, что въ этомъ и къ чему это?“ Другими словами, хотя „Упырь“ и даетъ пищу фантазій, въ немъ нѣтъ никакого смысла.

Соловьевъ же оцѣнилъ иначе юношескую повѣсть Толстого. Онъ не ограничился анализомъ фантастическаго элемента, какъ „существенной формы“ этой повѣсти, а попытался найти въ ней

особый смысл. Для него фантастический элемент имѣть далеко не формальное только значеніе. Хотя „подлинно фантастическое... никогда не является, такъ сказать, въ обнаженномъ видѣ“ и не должно „вызывать принудительной вѣры въ мистическій смыслъ жизненныхъ происшествій“, но оно должно „указывать, намекать на него“. Въ подлинно фантастическомъ всегда остается внѣшняя формальная возможность простого объясненія изъ обыкновенной всегдашней связи явленій, причемъ однако это объясненіе окончательно лишается внутренней вѣроятности: если не „отдѣльныя подробности“, то „связь цѣлаго должна указывать на иную причинность“. Вотъ въ этой то „иной причинности“ и все дѣло. Кто удѣляетъ мѣсто въ жизни „таинственному и необычайному“, подчиненному „какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей“, и кто сочувственно относится къ тому, что въ наши дни „влеченіе къ таинственному и необычайному все болѣе распространяется“, тотъ можетъ, конечно, найти особый, не научный смыслъ въ юношеской фантазіи Толстого и можетъ думать, что появилась она вновь болѣе чѣмъ кстати. „Искушеніе предковъ потомками“—вотъ „общій смыслъ“ „Упыря“ съ точки зрѣнія вышеупомянутой „иной причинности“. Но чтѣ бы было, спросимъ мы, если бы всѣ читатели увѣровали въ идею *этого* „искупленія“? Не слишкомъ ли и ~~большая~~ того сильна у русскаго человѣка эта фаталистическая вѣра въ искупленіе чьихъ-то грѣховъ, которая такъ мѣшаетъ ему разбираться не въ мистической, а въ реальной связи жизненныхъ явленій? И, наконецъ, не ближе ли къ требованіямъ „нашихъ дней“ стоялъ тотъ, другой критикъ, который шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ спрашивалъ: „что въ этомъ и къ чему это?“—и рекомендовалъ начинающему автору „науку и жизнь“ въ противовѣсъ метафизическимъ грезамъ и слѣпой игрѣ воображенія?

Л. Л. Толстой. Въ голодные годы. Записки и статьи. (Съ иллюстраціями). Москва, 1901.

Авторъ этой небольшой книжки былъ еще студентомъ московскаго университета, когда голодная нужда 1891 года вызвала его на борьбу съ ней въ одномъ изъ центровъ пострадавшихъ мѣстностей, въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губ.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ поразившихъ его ужасовъ народнаго горя ему приснилось однажды, будто онъ въ Москвѣ, въ опустѣвшей столицѣ: всѣ его знакомые, вся интеллигенція города, учащіе и учащіеся въ университетѣ покинули свои мѣста и занятія и ушли кормить голодный народъ. Конечно, ничего такого не случилось ни съ Москвой, ни съ какимъ другимъ русскимъ городомъ въ эту и послѣдующія голодовки. И напротивъ даже, по мѣрѣ того, какъ умножались онѣ числомъ и крѣпчали ин-

тенсивностью, нѣкоторой преемственностью бѣдствій, вниманіе общества къ нимъ какъ бы притуплялось, непосредственное участіе въ немъ общественныхъ силъ замѣтно ослабѣвало. Неудивительно, что на протяженіи всей книги авторъ не разъ возвращается къ выясненію этого вопіющаго противорѣчія. Не безъ основанія подчеркиваетъ онъ силу привычки, которая дѣлаетъ насъ равнодушными и безучастными къ голоду, болѣзнямъ и даже голодной смерти нашихъ ближнихъ, разъ эти явленія дѣлаются зауряднымъ и привычнымъ для насъ зрѣлищемъ. Такъ, бѣдствія донскихъ крестьянъ, которымъ помогаль его отецъ, Л. Н. Толстой, казались ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми ужасами, которые развернулись передъ нимъ въ Самарской губерніи; точно также примелькавшаяся ему изо дня въ день жизнь односельчанъ изъ Ясной Поляны проходила совершенно незамѣтной для него, между тѣмъ какъ посѣтившій Ясную Поляну пражскій профессоръ Массарикъ, войдя въ одну изъ наиболѣе зажиточныхъ деревенскихъ избъ, не выдержалъ, выскочилъ на улицу и заплакалъ: свѣжему челоуку иной культуры и эта обстановка показалаcя нестерпимой, обидной для челоуческаго достоинства. Безъ сомнѣнія, привычное отношеніе къ окружающему злу сильно способствуетъ развитію пассивности и индифферентизма, но не въ немъ только дѣло, какъ мы видимъ хотя бы изъ рассказанной тутъ исторіи столкновенія съ земскимъ начальникомъ и закрытія многихъ вновь учрежденныхъ по сосѣдству столовыхъ. Правда, столкновеніе это уладилось благополучно, и столовыя были открыты, къ общей радости и удовольствію, но не всякому дано такъ справляться съ затрудненіями, и тѣмъ менѣе всякій можетъ съ независимымъ видомъ отвѣчать губернатору, — „быть въ Самарѣ не считаю нужнымъ“, когда именно этого требуетъ отъ него иногда всесильный начальникъ края. А между тѣмъ, такія столкновенія и такія требованія ждуть на каждомъ шагу того, кто измѣнилъ одуряющей власти привычки и рутины. Кромѣ того, ростъ нужды изображенъ намъ въ столь безостановочномъ, фатальномъ, почти стихійномъ процессѣ, что невольно кажется правдоподобной и естественной растерянность и робость частнаго почина при указанныхъ условіяхъ, вполне понятными являются безпомощность и упадокъ духа въ проявленіи личнаго участія и активной готовности. Такъ или иначе приходится задумываться о „корнѣ вещей“, объ устраненіи общихъ и всеобъемлющихъ причинъ, порождающихъ хроническую голодовку и грозное „обнищаніе“ русскаго народа. Авторъ „записокъ“ (напечатаны были предвѣстительно въ „В. Е.“ 99 г.), относящійся столь живо, горячо и серьезно ко всѣмъ встрѣчнымъ явленіямъ народной жизни, не могъ не остановиться на постановкѣ этихъ общихъ вопросовъ. Пороку, правда, его обобщенія поспѣшны и мало обоснованы; нельзя также сказать, чтобы его указанія и совѣты помочь бѣдѣ

были новы и дѣйствительно отвѣчали бы назрѣвшимъ нуждамъ. Приведемъ выдающіеся примѣры. Въ статьѣ „Мой отчетъ“, сравнивая положеніе Петровской волости Самар. губ. въ 1899 г. съ состояніемъ ея 1891—92 г.г., онъ приходитъ къ заключенію, что оно значительно ухудшилось и что въ этомъ виновато, между прочимъ, переселеніе крестьянъ въ Сибирь и др. мѣста Имперіи. Въмѣсто того, — говоритъ онъ, — чтобы переходить къ высшимъ формамъ культуры, крестьянинъ бѣжитъ невѣдомо куда, чтобы и тамъ ковырять и портить землю. „Нашъ сибирскій просторъ, наши природныя богатства, наше безлюдіе—вотъ первыя причины всѣхъ нашихъ бѣдъ. Будь у насъ меньше земли, будь больше народа, мы давно бы сравнялись и обогнали бы Западъ“. Самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ книги рѣзко противорѣчитъ себѣ, когда „первыми причинами нашихъ бѣдъ“ онъ называетъ вовсе не обиліе земли, а недостатокъ ея у крестьянъ, чрезмѣрную обремененность ея платежами, отсутствіе правъ и свободы личности, безграмотность и некультурность народа. На стр 144. на вопросъ, почему народъ голодаетъ? данъ отвѣтъ: „Потому что у народа нашего, кромѣ тьмы и некультурности его, нѣтъ достаточно необходимой гражданской свободы“. На 145 стр. на вопросъ:—что нужно для прекращенія нашихъ голодовокъ? находимъ отвѣтъ: „Первое, что нужно для этого,—это дарованіе народу окончательной свободы, второе—просвѣщеніе его“. На вопросъ:—чѣмъ стѣсненъ мужикъ? онъ отвѣчаетъ: „Прежде всего своимъ общиннымъ владѣніемъ“, и доказываетъ неотложность перехода отъ общиннаго хозяйства къ „хуторскому, подворному и непремѣнно личному“. Доказательства эти очень стары и наши возраженія противъ нихъ были бы также не новы, поэтому ограничимся замѣчаніемъ, что общинныя формы владѣнія и пользованія собственностью могутъ быть одинаково орудіемъ прогресса и реакціи, смотря потому, какимъ содержаніемъ онѣ наполнены, какимъ цѣлямъ онѣ служатъ и какими условіями окружены. При описанныхъ же въ книгѣ условіяхъ указанное „освобожденіе“ едва ли достигло бы своего назначенія. Спѣшимъ прибавить, что вторая часть этой „освободительной“ формулы, хотя и менѣе развита, стоитъ гораздо ближе къ нашему пониманію современныхъ нуждъ народа, говоритъ больше нашему уму и сердцу. Но и тутъ мы остаемся не вполне удовлетворенными и наученными, что же намъ дѣлать. „Дайте, говорится въ концѣ „записокъ“,—кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его вволю, щедро и не скупясь,—просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ!“ Прекрасныя слова. Но опять же нами овладѣваетъ сомнѣніе, точно ли вмѣщается обѣщанное блаженство въ предѣлы набросанной схемы. Поэтому мы больше цѣнимъ данныя намъ живыя картинки народной жизни въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ моментовъ ея,

полныя вдумчивости и серьезнаго отношенія описанія горькой нужды и борьбы съ ней, а также горячіе призывы къ нашему непосредственному чувству, кончающіеся, напр., такими словами: „Мы должны вернуть мужику то, что у него взяли. А если сдѣлать этого уже невозможно, мы должны по крайней мѣрѣ перестать брать у него“... И самъ авторъ понимаетъ значеніе своихъ статей, потому что въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ, что нужно оставить рѣшеніе общихъ вопросовъ и помогать народу сейчасъ, во что бы то ни стало. Въ виду наступавшаго повторнаго голода 1898—99 г., онъ взывалъ къ обществу и увѣрялъ его, что „теперь не время думать о тѣхъ коренныхъ причинахъ, почему народъ нашъ бѣденъ и голодаетъ такъ часто, — объ этомъ подумаемъ потомъ. Теперь тамъ ѣсть нечего людямъ—вотъ въ чемъ ужасъ“. Значеніе этихъ воззваній остается въ полной силѣ и теперь, черезъ 2—3 года послѣ того, какъ они написаны. Поэтому и воспроизведеніе ихъ въ лежащей передъ нами небольшой, изящно изданной книгѣ можетъ вызывать одно только сочувствіе, и хотя большая часть ея (149 стр. изъ 180) относится къ событіямъ голоднаго 1892 года, увѣковѣченнаго на страницахъ извѣстнаго произведенія Вл. Г. Короленко, „Въ голодный годъ“, значеніе ея, этой книги, рядомъ съ нимъ, не теряется, и успѣха ея среди читателей можно пожелать безусловно: „голодные годы“ не кончились, и скорая помощь народу нужна тѣперь еще больше, чѣмъ три года назадъ...

Д. М. Лѣвшинъ. Т. Н. Грановскій. (Опытъ историческаго синтеза). СПб. 1901.

„Года два тому назадъ—разсказываетъ г. Лѣвшинъ въ предисловіи къ своей книгѣ—намъ пришлось присутствовать на утреннемъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ“. Шла пьеса „Старый закалъ“, въ которой одинъ изъ героевъ, между прочимъ, вспоминаетъ о благотворномъ вліяніи, произведенномъ на него въ молодости московскимъ университетомъ и, въ частности, лекціями Грановскаго. „Дружные и долго несмолкаемые (?) аплодисменты послужили отвѣтомъ на этотъ монологъ“ со стороны наполнявшей театръ учащейся молодежи. „Ясно было, что нравственное вліяніе профессора пережило его самого и что онъ завѣщалъ русскому обществу нѣчто большее, чѣмъ 2 тома сочиненій“ (III—V). Повидимому, именно это наблюденіе, сдѣланное въ театрѣ, и явилось для г. Лѣвшина тѣмъ толчкомъ, который навелъ его на мысль о духовномъ наслѣдствѣ Грановскаго и побудилъ написать книгу съ цѣлью „постараться выяснить, въ чемъ состояло это едва уловимое наслѣдство, часть какого и куда потраченного (?) капитала составляло оно, и почему его такъ бережно передаютъ отъ одного поколѣнія къ другому“ (V). Съ

другой стороны, г. Лёвшину стало извѣстно, что въ Парижѣ рѣшено издавать особый историческій журналъ, „Revue de synthèse historique“, специально посвященный работамъ синтетическаго характера; потребность въ изслѣдованіяхъ подобнаго характера, по мнѣнію г. Лёвшина, назрѣла и у насъ. Этимъ опредѣлился методъ и планъ его собственной работы. „Мы имѣемъ намѣреніе—говорить онъ—представить синтезъ дѣятельности Грановскаго, а для этого предварительно считаемъ нужнымъ: дать синтетическую картину русской общественной жизни второй половины царствованія Императора Александра I и всего царствованія Императора Николая I,—синтетическую картину ближайшей среды, въ которой протекала жизнь московскаго профессора, и синтезъ его духовнаго „я“... Когда эта предварительная работа будетъ готова, мы пойдемъ обратнымъ путемъ: синтезъ духовнаго „я“ сопоставимъ сначала съ синтезомъ ближайшей среды, а затѣмъ съ синтетически установленными социальными процессами. Сравнимъ добытые результаты, мы получимъ синтезъ дѣятельности того, кто былъ олицетвореніемъ и мастеромъ его и кто потому, болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, сталъ въ ряды тѣхъ историковъ, которые за синтетическими историческими работами признавали такое же право научнаго гражданства, какъ и за критическими“ (VI—VII). Слѣдую этому плану, г. Лёвшинъ раздѣлилъ свою книгу на четыре главы и далъ имъ такія заглавія: „среда въ обширномъ смыслѣ этого слова“, „ближайшая среда“, „человѣкъ“ и „подвигъ жизни“.

Приведенными цитатами до нѣкоторой степени уже обрисовываются какъ поводъ появленія въ свѣтъ новаго труда о Грановскомъ, такъ и задача этого труда, его планъ и внѣшнія рамки. Раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ содержанія, вложеннаго въ эти рамки г. Лёвшинымъ, необходимо сказать еще два слова о томъ научномъ багажѣ, которымъ онъ запасаея, выступая на дорогу историческаго изслѣдованія. Количество и качество этого багажа вполне гармонируютъ съ происхожденіемъ труда г. Лёвшина и съ тою ясностью общихъ представленій о задачѣ историка, какую мы видѣли въ его планѣ. Почти всѣ страницы его книги испещрены ссылками и подстрочными примѣчаніями, но весь этотъ ученый аппаратъ говоритъ не столько о знакомствѣ автора съ источниками его темы и съ относящейся къ ней литературой, сколько объ его неумѣніи отличить общеизвѣстные факты и азбучныя положенія исторіи отъ такихъ выводовъ и гипотезъ, которые требуютъ еще иллюстрацій и доказательствъ. Упоминая о томъ, что Александръ I въ началѣ своего царствованія увлекался такими идеями, отъ которыхъ потомъ отказался, г. Лёвшинъ считаетъ нужнымъ подтвердить это сообщеніе ссылками на извѣстную книгу г. Шильдера: „Императоръ Александръ I“ (2). Равнымъ образомъ, характеризуя Аракчеева, какъ „человѣка ограниченаго, однако, не лишенаго ума, дѣятельнаго, злого по при-

родѣ, съ виду преданнаго Александру, но, въ сущности, думавшаго лишь о своихъ выгодахъ“, онъ каждое изъ этихъ опредѣленій подкрѣпляетъ спеціальными ссылками на различныя страницы той же книги г. Шильдера (4). Ссылками на ту же самую книгу сопровождаетъ авторъ сообщенія и о томъ, что Александръ I былъ „идеалистомъ“, „гуманнымъ“, „отзывчивымъ“, „добрымъ“, что между нимъ и Аракчеевымъ существовала дружба, что при Павлѣ „дисциплина была весьма строга“ (5) и т. п. Свѣдѣніе о томъ, что крѣпостные крестьяне въ XIX в. иногда возмущались или убивали своихъ помѣщиковъ, также, повидимому, представляется автору чѣмъ-то новымъ и способнымъ возбудить недовѣріе читателя, и онъ спѣшитъ подкрѣпить его ссылками на книгу г. Романовича-Славятинскаго о русскомъ дворянствѣ (41). Въ другомъ мѣстѣ авторъ, признавъ за чѣмъ-то нужнымъ дать библиографическія указанія о Меттернихѣ, отсылаетъ читателя къ краткимъ свѣдѣніямъ объ этомъ дѣятелѣ, помѣщеннымъ въ „Р. Старинѣ“ за 1873 г., и къ статьѣ Писарева (48). Подобный же характеръ имѣетъ и большинство примѣчаній въ книгѣ г. Лѣвшина. Направленные, по преимуществу, къ тому, чтобы засвидѣтельствовать передъ читателемъ эрудицію автора, они, въ сущности, лишь выясняютъ, что начитанность послѣдняго не особенно далеко выходитъ за предѣлы популярной литературы, а за этими предѣлами носить крайне случайный характеръ. Въ частности, г. Лѣвшинъ не ознакомился въ достаточной мѣрѣ и съ литературой, имѣющей ближайшее отношеніе къ главной темѣ его собственного труда.

Свою „синтетическую картину“ русской общественной жизни во второй половинѣ царствованія Александра I г. Лѣвшинъ начинаетъ съ изображенія того противорѣчія, какое возникло въ это время между правительствомъ и частью общества. Въ томъ мистицизмѣ, которымъ увлекся подъ конецъ жизни Александръ I и который завелъ его на дорогу реакціи, г. Лѣвшинъ не видитъ ничего рѣзко противоположнаго либерализму первыхъ лѣтъ царствованія. Въ томъ и другомъ, по его словамъ, „чувствуется Лагарпъ“. Дѣло въ томъ, что „Александръ I былъ сыномъ своего народа, его сердце гораздо болѣе, чѣмъ его умъ, прониклось принципами его наставника, и, когда уставшая голова потребовала отдыха, сердце стремилось удвоить свою дѣятельность, а для этой цѣли оно обратилось къ Вѣчному и Неизсякаемому Источнику“. Вообще, замѣчаетъ авторъ, „у нѣкоторыхъ натуръ сближеніе идей либеральныхъ съ идеями религіозными совершается необыкновенно легко“: для этого нужно только, чтобы „жизнь сердца взяла у нихъ верхъ надъ жизнью ума, чтобы всемогущество послѣдняго было подвергнуто сомнѣнію, чтобы философія головы была замѣнена философіею сердца“. „А такъ какъ философія сердца выражается въ системѣ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ чувствъ, а живымъ воплощеніемъ ея былъ Христосъ“, то „для начинающаго жить

сердцемъ челоѣка ничего не можетъ быть естественнѣе, какъ стремиться подражать Создателю философіи сердца“. Поэтому-то „во второй половинѣ царствованія Императора Александра, когда у него сердце взяло верхъ надъ умомъ, Лагарпъ уступилъ и въ первомъ мѣсто Христу“ (10—11). Между тѣмъ у передовой молодежи этого времени „былъ тоже свой Лагарпъ, но у нихъ онъ продолжалъ владѣть головою и въ сердцѣ не уступалъ мѣста Христу“ (12), къ чему и сводился разрывъ между ними и правительствомъ. Та небольшая доля истины, которая имѣется въ этомъ изображеніи, довольно банальна, но и она безслѣдно тонетъ въ туманѣ неясныхъ представленій и претенціозныхъ фразъ. То-же самое повторяется и во всемъ дальнѣйшемъ „синтезѣ“ г. Лѣвшина. Сдѣлавъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о жизни различныхъ классовъ русскаго народа въ первой половинѣ XIX вѣка, онъ приходитъ къ заключенію, что главное содержаніе этой жизни „какъ нельзя лучше объясняется теоріею подражанія Тарда“ (31). Еще до Петра въ Россіи началось подражаніе европейцамъ, которое сперва распространялось только на внѣшность, а затѣмъ постепенно перешло въ область образованія и умственной жизни. „XIX столѣтіе застало подражательный процессъ въ полномъ разгарѣ“, и только борьба съ Наполеономъ остановила его. Послѣ того „общество раздѣлилось какъ бы на три части. Правительство, и съ нимъ нѣкоторые мыслящіе люди, сознавая необходимость многое еще заимствовать у иностранцевъ, держалось ихъ и подражало вполне сознательно. Часть примыкавшаго къ нему высшаго слоя шла по, ставшей для него традиціонной, дорогѣ слѣпому заимствованія, а другая его часть приглашала прекратить подражаніе, боясь утратить свою русскую самобытность“. Но эти „опасенія были напрасны: въ 1820 г. появилась поэма Пушкина „Русланъ и Людмила“, ясно показавшая, что литература вступила на самостоятельный, народный путь. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Рубиконъ перейденъ. Самобытность и жизнеспособность русскаго народа доказаны“. Поэтому Пушкинская поэма „произвела настоящій скандалъ. Всѣ вострепнулись, всѣ зашевелились; рутина начала кричать караулъ, прогрессъ—неистово аплодировать“ (33—4, 37, 67). Такое положеніе дѣлъ отразилось и въ тайныхъ обществахъ Александровскаго времени. Члены этихъ обществъ, „съ одной стороны, воодушевленные желаніемъ подражать, съ другой—быть самобытными, русскими, воплотили въ себѣ тотъ моментъ, когда подражательный процессъ не былъ еще настолько слабъ, чтобъ уступить мѣсто творческому, а творческій—недостаточно силенъ, чтобы взять верхъ надъ подражательнымъ“ (70).

Иной видъ, по словамъ г. Лѣвшина, приняла борьба этихъ „процессовъ“ при Николаѣ I. Въ это время дворяне продолжали поручать воспитаніе своихъ дѣтей учителямъ-иностранцамъ, изъ чего „несомнѣнно слѣдуетъ, что подражательный процессъ про-

должалъ свое развитіе“. „Что же касается творческаго процесса, то онъ съ той минуты, какъ Императоръ Николай объявилъ основаніемъ своей внутренней политики самодержавіе, православіе и народность, получилъ возможность расти, и онъ какъ бы рѣзче обозначился. Съ этой точки зрѣнія правительство было прогрессивно“. Сторонники творческаго процесса составили въ это время кружокъ славянофиловъ, сторонники же процесса подражательнаго, выступавшіе въ то же время и „защитниками якобы гонимой цивилизаціи“, получили названіе западниковъ. Споръ этихъ кружковъ выдвинулъ вопросъ о томъ, „какой изъ двухъ прогрессовъ настоящій прогрессъ—закрывающійся въ прекращеніи подражанія или въ продолженіи его“, и отвѣтъ на этотъ-то вопросъ молодежи 40-хъ годовъ получила отъ Грановскаго (91, 93, 107).

Затѣмъ г. Лѣвшинъ останавливается на обстоятельствахъ, подготовившихъ такую роль Грановскаго, и пытается выяснить духовную личность послѣдняго и характеръ отвѣта, даннаго имъ на только что указанный вопросъ. Къ сожалѣнію, и въ этихъ частяхъ своего труда авторъ столь же рѣшительно говоритъ о предметахъ, весьма мало ему знакомыхъ, и столь же неуклонно замѣняетъ научное изслѣдованіе банальными формулами и напыщенными, но не вполне грамотными, тирадами. „По теоріи Шопенгауера“,—замѣчаетъ г. Левшинъ, ссылаясь на Рибо, —отецъ Грановскаго „долженъ былъ передать свой характеръ“ сыну, но „это, къ счастью, на самомъ дѣлѣ не случилось“. За то мать Грановскаго, „по теоріи Шопенгауера, должна была передать ему свой умъ, что какъ разъ и сдѣлала“ (113, 114). Вліяніе матери и другія обстоятельства ранняго дѣтства Грановскаго „помогли установленію въ немъ преобладанія чувства надъ всѣми остальными душевными способностями, что составляло его отличительную черту и было причиной его успѣха“ (118). Позднѣе, въ студенческіе годы Грановскаго, его университетскія занятія „тоже способствовали установленію преобладанія его эмоціональнаго „я“ надъ интеллектуальнымъ“ (199). Изъ чувства въ значительной мѣрѣ вытекали и умственные интересы Грановскаго. „Любовь къ матери—поясняетъ авторъ этотъ тезисъ — породила соціальныя чувства, а также и нравственное, интеллектуальный элементъ котораго слился съ врожденнымъ въ немъ интеллектуальнымъ чувствомъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, еще болѣе развилъ умъ Грановскаго“ (180). Наконецъ, и въ изображеніи научной дѣятельности Грановскаго „синтезъ“ г. Лѣвшина не опирается ни на какой соотвѣтствующій анализъ и, благодаря этому, не выходитъ изъ сферы голословныхъ заявленій, едва-ли вполне понятныхъ самому ихъ автору. Г. Лѣвшинъ лишь по наслышкѣ знаетъ о различныхъ историческихъ школахъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился Грановскій, о философіи Гегеля и его учениковъ, о московскихъ литературныхъ кружкахъ 40-хъ годовъ, но это обсто-

ятельство нисколько не мѣшаетъ ему говорить обо всѣхъ этихъ фактахъ и опредѣлять ихъ воздѣйствіе на Грановскаго. Конечный итогъ, полученный въ результатъ такого „синтеза“, авторъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „мыслитель, поэтъ по природѣ, посвященный поэтомъ абстракціи (Станкевичемъ) въ тайны философіи поэта истины (Гегеля), обстоятельствами жизни въ ея разочарованія, горести и тягости, благодаря матери, развившій въ себѣ социальныя чувства, которыя, по мѣрѣ того, какъ онѣ интеллектуализировались, постепенно сливались въ одно общее чувство гуманности, Грановскій былъ созданъ для историческаго синтеза“ (223). Въ своей общественной дѣятельности Грановскій, „руководимый вѣрнымъ историческимъ чутьемъ, угадалъ, что для русскаго общества не насталъ еще моментъ прекращенія подражательнаго процесса“, и потому „своимъ обаяніемъ, своимъ авторитетомъ поддержалъ его развитіе тогда, когда такой же, какъ и онъ, рыцарь, но царственный, угадавъ простымъ русскимъ сердцемъ существованіе творческаго процесса, рѣшился помочь его развитію, задержавъ ходъ процесса, поддержаннаго московскимъ профессоромъ“. Но и въ рядахъ западниковъ Грановскій „игралъ роль примирителя“ ихъ со славянофилами (225). Въ своихъ лекціяхъ онъ „15 лѣтъ подъ рядъ подъ разными формами повторялъ одно и то же: прогрессъ заключается въ нравственномъ самосовершенствованіи, совершенствуйтесь сами и этимъ вы будете способствовать совершенствованію своего народа и даже всего человѣчества“. „Молодежь, услыхавъ это, встрепенулась, пріободрилась и понемногу стала успокаиваться. Она получила отвѣтъ на интересовавшій ее вопросъ, въ чемъ состоитъ прогрессъ: въ прекращеніи подражанія или въ продолженіи его? Ей указали цѣль жизни. Оставалось слѣдовать совѣту дорогаго учителя. Она ему послѣдовала и тѣмъ подготовила себя къ дѣятельности 60-хъ годовъ“ (235, 237). Итакъ, „какое же въ концѣ-концовъ завѣщалъ профессоръ наслѣдство?“—спрашиваетъ въ заключеніе г. Лѣвшинъ и отвѣчаетъ:—„фактическое подтвержденіе значенія нравственнаго въ социальной жизни вообще и, въ особенности, тогда, когда оно соединено съ научнымъ и художественнымъ“ (238). Въ такой формулировкѣ наслѣдство Грановскаго оказывается, дѣйствительно, „едва уловимымъ“ и даже, пожалуй, вовсе неуловимымъ. Другой вопросъ, насколько такая формулировка имѣетъ смыслъ.

Мы остановились на книгѣ г. Лѣвшина гораздо подробнѣе, чѣмъ она заслуживаетъ сама по себѣ. Къ этому насъ побудила какъ важность темы, избранной авторомъ, такъ и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его трудъ былъ встрѣченъ благопріятными отзывами. Все предшествовавшее изложеніе, надѣмся, достаточно выяснило, насколько такіе отзывы оправдываются самымъ содержаніемъ этого труда. Вопреки своему пре-

тенціозному заглавію, книга г. Лёвшина по существу не имѣетъ ничего общаго не только съ историческимъ синтезомъ, но и вообще съ исторіей, и съ появленіемъ этой книги наша литература обогатилась лишь новымъ изданіемъ, рассчитаннымъ на макулатуру.

М. В. Аничковъ. Война и трудъ. Спб. 1900. Ц. 4 р. 50 к.

Война и трудъ! Почему война и трудъ и при чемъ тутъ трудъ,—остается тайной и для того, кто имѣлъ несчастье до конца прочесть эту огромную книгу. Вообще, очень трудно сказать, о чемъ собственно трактуетъ книга г. Аничкова. Общій характеръ ея содержанія былъ бы переданъ гораздо точнѣе, если бы вмѣсто теперешняго заголовка: «Война и трудъ» на обложкѣ красовалось: „Взглядъ и нѣчто“ или „Вокругъ да около“. Однако, если трудно указать, о чемъ пишетъ г. Аничковъ, то, пожалуй, еще труднѣе догадаться, для кого онъ пишетъ. Предположить, что его произведеніе есть научное изслѣдованіе, предназначенное для специалистовъ, мѣшаетъ та легкость, съ которою его мысль порхаетъ по самымъ серьезнымъ и сложнымъ вопросамъ, и та наивная важность, съ которою онъ высказываетъ самыя элементарныя истины и общеизвѣстные аргументы. Съ другой стороны, видѣть въ книгѣ г. Аничкова публицистическое произведеніе, предназначенное для широкаго круга читателей, мѣшаетъ тяжеловѣсная форма, въ которую облакаются его незатѣйливыя мысли, отступленія спеціальнаго характера и огромные размѣры книги (въ ней около 700 страницъ).

Не желая утомлять читателя систематическимъ изложеніемъ трудноизлагаемаго содержанія книги г. Аничкова, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ, выясняющихъ ея общій характеръ. По мнѣнію г. Аничкова, которое является основнымъ мыслью всей его книги, для прекращенія войнъ, что составляетъ очередную и важнѣйшую задачу грядущаго вѣка,—необходимо и достаточно уничтоженія всякихъ пограничныхъ стѣсненій и полной свободы всякихъ международныхъ сношеній культурныхъ странъ. Всѣ другія мѣры безплодны. „Проекты вѣчнаго мира, проекты международныхъ судовъ и международной организаци, какъ показалъ горькій опытъ, не подвигаютъ дѣла впередъ. Даже торжественные международные акты, оказываясь иногда благотѣльными и смягчая бѣдствія войны, сами по себѣ не приближаютъ насъ къ совершенному прекращенію войнъ“. (Предисловіе, I стр.).

Это основное положеніе г. Аничкова заключаетъ въ себѣ долю истины, хотя имъ и игнорируются тѣ препятствія къ прекращенію войнъ, которыя коренятся въ самыхъ основныхъ условіяхъ современной государственной и соціальной организаци и

которыя, по меньшей мѣрѣ, не менѣе серьезны, чѣмъ таможенныя стѣсненія. Но и то, что есть цѣннаго въ приведенномъ положеніи автора, вполне уничтожается послѣдующими разсужденіями, развивающими и обосновывающими это положеніе. Въ теоретической части они наивны, иногда до смѣшного, въ практической ужь слишкомъ отдаютъ классовыми аппетитами. Тотъ „режимъ свободныхъ границъ“, отъ котораго авторъ ждетъ прекращенія европейскихъ войнъ и который онъ громко величаетъ „свободной и энергичной коопераціей, всемірной и соціальной“—обрисованъ имъ очень туманно. Во всякомъ случаѣ „мы имѣемъ право утверждать, что весь ходъ государственнаго механизма останется неприкосновеннымъ при свободныхъ границахъ“ (III, 225). Вмѣстѣ съ тѣмъ, „если всѣ цивилизованныя государства опояшутся свободными границами, тогда вооруженную силу придется сохранить для охраны внутренняго порядка и для принудительныхъ мѣръ по отношенію къ варварскимъ или малокультурнымъ странамъ“ (III 223).

При этомъ „новомъ режимѣ“ останутся въ полной сохранности наиболѣе пріятныя стороны современнаго режима вплоть до такихъ исключительно пріятныхъ вещей, какъ... государственныя субсидіи и казенные заказы. Отстаивая право на существованіе казенныхъ заказовъ въ своей „свободной и энергичной коопераціи, всемірной и соціальной“, ученый авторъ трогательно поясняетъ, что „новѣйшая промышленность оказывается чрезвычайно чувствительной къ такому роду воздѣйствія, чуждому всякаго запретительнаго характера“ (III, 205). Казенныя субсидіи, какъ сказано, тоже найдутъ мѣсто въ этой „коопераціи“. „Только—заявляетъ авторъ—казенныя субсидіи не должны вести за собою мелочнаго придирчиваго контроля, а тѣмъ болѣе вмѣшательства агентовъ фиска въ обычный ходъ хозяйственныхъ распоряженій“ (III, 210).

Вообще, какъ истинный ревнитель интересовъ отечественныхъ промышленниковъ, нашъ авторъ весьма дружественно настроенъ по отношенію къ субсидіямъ и весьма враждебно по отношенію къ контролю. Быть можетъ, поэтому-то онъ такъ мрачно смотритъ на общественное веденіе хозяйства, гдѣ какъ извѣстно, не полагается никакихъ субсидій и очень много контроля. Во всякомъ случаѣ, если авторъ и не прочь отъ государственнаго вмѣшательства, въ видѣ всякихъ подачекъ, казенныхъ заказовъ и субсидій, то въ то же время онъ становится самымъ яркимъ и непримиримымъ противникомъ всякаго вмѣшательства, если оно такъ или иначе грозитъ конкуренціей частнымъ предпринимателямъ. Тутъ онъ начинаетъ бить въ набатъ, призывать къ обузданію и спасенію отечества и вообще впадаетъ въ тонъ спеціальныхъ обуздывателей и „спасателей отечества“. Конечно, общественное городское хозяйство, какъ крупный конкурентъ

частныхъ предпринимателей, встрѣчаетъ въ лицѣ нашего автора непреклоннаго противника; частію скрытаго, а порою и вполне явнаго. Такъ, напримѣръ, обнаруживающуюся за послѣднее время тенденцію муниципалитетовъ къ самостоятельному веденію своего хозяйства взволнованный авторъ называетъ „побѣдою шантажа надъ здравымъ смысломъ“ и объясняетъ преимущественно кознями „соціалистовъ того или другого толка“. Вообще, эти „соціалисты того или другого толка“ совсѣмъ не даютъ покою ученому автору. Онъ то и дѣло возвращается къ нимъ и на протяжении всей книги громить ихъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ и полною неустрашимостью. Дѣло не обходится безъ курьезовъ, иногда довольно крупныхъ, и только эта часть порою нѣсколько разсѣиваетъ томительную скуку книги г. Аничкова. Навязчивая идея о „соціалистахъ того или другого толка“ до того преслѣдуетъ нашего автора, что она мерещится ему повсюду. Даже разсужденія профессора Чупрова и академика Янжула о выкупѣ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ отъ частныхъ компаній кажутся ему соціалистическими и онъ со скорбью восклицаетъ: „Какъ могъ появиться аргументъ въ пользу обмана на страницахъ, написанныхъ серьезными экономистами? Повидимому, причиной является злобная моральная зараза, которая доходитъ и до университетскихъ кафедръ, зараза неправды—печальный даръ соціалистической концепціи“ (III, 34).

Когда же г. Аничковъ „о честности высокой говорить“ имъ овладѣваетъ какой то родъ изступленія и краснорѣчіе его достигаетъ столь головокружительной высоты, что ее не могутъ превзойти даже разсужденія о высокой мисіи казенныхъ заказовъ и субсидій. Однако, эти разглагольствованія автора какъ-то совсѣмъ не трогаютъ читателя: слишкомъ ужъ вѣетъ отъ нихъ мертвящимъ духомъ реторики и прописной морали и въ концѣ концовъ они нагоняютъ на читателя невыносимую скуку. Во всякомъ случаѣ они не дѣлаютъ книгу г. Аничкова интереснѣе или поучительнѣе. Если даже совсѣмъ не подвергать сомнѣнію искренность автора и вовсе не останавливаться на тѣхъ нѣсколько двусмысленныхъ практическихъ выводахъ, которые онъ дѣлаетъ изъ своихъ прописныхъ сентенцій, все-таки его книга, въ лучшемъ случаѣ, останется безталанной и совершенно бесполезной. И именно полная бесполезность этой широковѣщательной по заглавію и огромной по объему книги побуждаетъ насъ предостеречь читателей отъ напрасной траты труда и времени.

Д-ръ В. Гааке. **Животный міръ, его бытъ и среда.** Три тома. Рисунки В. Кунертъ, Переводъ подъ редакціей проф. Н. А. Холодковского. Изд. А. Ф. Девріена. Вып. I. Спб. 1901 г. Ц. по подпискѣ 22 руб., отдѣльный вып. 2 руб.

Имя автора вновь предпринятаго фирмою Девріена изданія уже достаточно извѣстно и русской публикѣ, какъ одного изъ наиболѣе оригинальныхъ и смѣлыхъ по мысли современныхъ натуралистовъ въ области зоогеографіи. Въ противоположность недавно вышедшему на русскомъ языкѣ и² въ свое время рецензированному у насъ философскому сочиненію знаменитаго зоолога — „Происхожденіе животнаго міра“, нынѣ предлагаемое произведеніе его носитъ уже чисто описательный характеръ, принадлежа къ той же серіи полу-популярныхъ изданій, что и общезвѣстная „Жизнь животных“ Брѣма. Обиліе матеріала, главнымъ же образомъ, строгое распредѣленіе его въ порядкѣ зоологической системы, дѣлають, однако, послѣднюю совершенно неудовлетворительною для систематическаго чтенія, заставляя пользоваться ею скорѣе лишь какъ справочною книгою и вызывая появленія какъ заграницею, такъ и у насъ различныхъ сокращенныхъ изданій. Не говоря уже о нежелательности всякихъ передѣлокъ вообще, мы укажемъ лишь на то, что всѣ онѣ ни мало не устраняють главнаго недостатка такого рода сочиненій, недостатка, обусловливаемого отсутствіемъ тѣсной связи между жизнью отдѣльнаго какого-либо животнаго съ его естественной обстановкой. Различные представители одной и той же фауны разсматриваются здѣсь какъ члены вполне обособленныхъ замкнутыхъ группъ, не находящіеся въ тѣхъ тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между ними въ дѣйствительности. На ближайшее обнаруженіе именно этихъ - то взаимоотношеній между животными, принадлежащими подчасъ къ совершенно различнымъ систематическимъ подраздѣленіямъ, и обращено, главнымъ образомъ, вниманіе Гааке. Зоогеографическій принципъ, положенный въ основу всего сочиненія, проведенъ здѣсь съ большимъ искусствомъ и строго выдержанъ. Начиная съ Европы и послѣдовательно описывая животное населеніе ея лѣсовъ, полей, водъ и проч., авторъ переходитъ затѣмъ къ остальнымъ частямъ свѣта, придерживаясь, однако, обычнаго систематическаго порядка изложенія въ предѣлахъ каждой болѣе или менѣе рѣзко очерченной фауны. Сверхъ того, въ концѣ сочиненія, кромѣ отдѣльныхъ главъ о животныхъ домашнихъ и паразитахъ, онъ даетъ и общій систематическій обзоръ всего животнаго царства по типамъ. Такое расположеніе матеріала дѣлаетъ трудъ Гааке легко доступнымъ для широкаго круга читателей, передъ глазами которыхъ ярко вырисовывается картина жизни не только того или другого отдѣльно взятаго животного, но и всей фауны, къ которой оно принадлежитъ со всеми ея особенностями и общими условіями существованія и развитія.

Это дѣйствительно *естественная исторія* животнаго міра, заслуживающая тѣмъ большаго вниманія, что она является первымъ опытомъ въ этомъ направленіи. Что касается русскаго изданія, то, судя по первому выпуску, оно нисколько не уступитъ подлиннику. Переводъ сдѣланъ полный и мѣстами даже страдаетъ излишними для русскаго читателя подробностями за отсутствіемъ у насъ соотвѣствующихъ терминовъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи хотя бы на точное приведеніе всѣхъ многочисленныхъ, существующихъ у нѣмецкихъ охотниковъ, обозначеній благороднаго оленя, смотря по его возрасту и развитію роговъ. О художественной сторонѣ изданія говорить много не требуется: фирма Девріена уже достаточно зарекомендовала себя въ этомъ отношеніи, и великолѣпныя, по исполненію, картины Кунерта въ краскахъ переданы ею въ совершенствѣ.

Проф. Е. Вармингъ. Ойкологическая географія растений. Введеніе въ изученіе растительныхъ сообществъ. Перев. съ нѣмецкаго изд., измѣненнаго и дополненаго авторомъ, подъ ред. М. Голенкина и В. Арнольди. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. Изд. И. А. Баландина («Библіотека для самообразованія» I). М. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Противопоставляя флористической географіи растений географію ойкологическую (терминъ Геккеля), Вармингъ опредѣляетъ послѣднюю какъ науку, знакомящую насъ съ тѣмъ, „какимъ образомъ растеніе и цѣлыя растительныя сообщества согласуютъ свой внѣшній видъ и свои жизненныя отправленія съ дѣйствующими на нихъ жизненными факторами“. На эти-то жизненные или ойкологическіе факторы Вармингъ и обращаетъ свое главное вниманіе, сводя, такимъ образомъ, существованіе и развитіе всѣхъ жизненныхъ формъ растительнаго міра почти исключительно къ явленіямъ приспособленія. Если онъ и признаетъ при этомъ извѣстную роль за наслѣдственною измѣнчивостью и естественнымъ подборомъ, то, во всякомъ случаѣ, придаетъ имъ лишь второстепенное значеніе, какъ факторамъ, скорѣе сопутствующимъ, но не опредѣляющимъ образованіе новыхъ видовъ. Заключительныя слова автора, что „Ламифкъ имѣлъ, повидимому, въ этомъ отношеніи взглядъ болѣе близкій къ истинѣ, чѣмъ большая часть современныхъ ученыхъ“, даже вызвало со стороны редакціи примѣчаніе объ односторонности такого вывода. Намъ кажется, однако, что примѣчаніе это совершенно излишне здѣсь и излишне прежде всего потому, что Вармингъ касается вопроса о происхожденіи видовъ въ сущности лишь мимоходомъ, и книга его не даромъ носитъ названіе не біологіи растений, а ойкологической географіи. Съ этой же стороны, именно со стороны воздѣйствія на растительный организмъ какъ чисто физическихъ агентовъ, такъ и условій совмѣстной жизни растений, настоящее сочиненіе отли-

чается такой полнотой и разнообразіемъ сообщаемыхъ свѣдѣній, какъ ни одно изъ имѣющихся въ нашей научно-популярной литературы другихъ изданій по тому же вопросу (напр., Биологія растений Визнера, Спб. 1892 или Вюильмена, М. 1897). Это богатство собраннаго матеріала и своеобразная группировка его дѣлають книгу проф. Варминга глубоко интересною не для однихъ только ботаниковъ, и выборъ ея издателемъ для 1-го вып. „Библиотеки для самообразования“ должно признать какъ нельзя болѣе удачнымъ.

Русскій переводъ, не смотря на то, что принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, отличается ровностью и тщательно проредактированъ. Рисунки, иллюстрирующіе наше изданіе, въ противоположность нѣмецкому, сравнительно немногочисленны, но удачно подобраны и хорошо выполнены.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Т. VI. Стихи философа. Перев. И. И. Тхоржевскаго. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1901.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя произведенія. Съ критико-біографич. статей И. И. Иванова. Изд. Е. Н. К. (Библиотека культурной Руси). М. 1901. Ц. 65 к.

Ал. Н. Будищевъ. Стихотворенія. Изд. т-ва «Трудъ». Спб. 1901. Ц. 1 р.

М. Г. Васильева. Пѣсни сибирячки. Изд. А. А. Кобычева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворенія **М. Е. III**. М. 1901. Ц. 30 к.

Сборникъ русскихъ поэтовъ и поэтессъ. Спб. 1901.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. Изд. «Скорпионъ». М. 1901. Ц. 1 р.

Стихотворенія **Леонида Афанасьева**. Книга вторая. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Генрихъ Ибсенъ. Врагъ народа (докторъ Штокманъ). Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. съ норвежскаго

№ 3. Отдѣлъ II.

Н. Миревичъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1901. Ц. 30 к.

П. П. Гиппичъ. Первый томъ комедій. 2-е изданіе т-ва «Трудъ». Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

М. Зеленоглазый. Въ пути. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1901.

Артуръ Шницлеръ. Трилогія I. Подруга жизни. II. Зеленый попугай. Переводъ З. Венгеровой. III. Паранцельзій. Переводъ О. Н. Чюминой. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Паоло и Франческа. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ **Стефэна Филиппса**. Перев. съ 7-го англ. изд. Л. и В. Андрусонъ. Спб. 1901. Ц. 60 к.

Ив. Наживинъ. Убогая Русь. М. 1901. Ц. 1 р.

Теноръ ди грація. Разказы **Ивана Забржежева**. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Е. М. Станюковичъ. Изъ жизни моряковъ. Разказы. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Анна Сюэль. Черный красавецъ. Исторія лошади, разказанная ею самою. Съ англ. перевела Е. Б. Съ рие. М. 1901. Ц. 75 к.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Томаса Глана. Предисловіе К. Д. Бальмонта. Перев. съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. «Скорпионъ». М. 1901. Ц. 1 р.

М. М. Реабилитация Пушкина. Нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901. Ц. 2 к.

Г. Колышко. Два преступленія и два искупленія. Критико-психологическій этюдъ. Спб. 1901. Ц. 30 к.

Я. К. Ижиженецкій. «Хуторянинъ» и его читатели. Докладъ, читанный въ годичномъ засѣданіи Полтавскаго общ. сельскаго хозяйства. Полтава. 1901.

Т. Рубо. Творческое воображеніе. Перев. съ франц. Е. Предтеченскаго и В. Ранцева. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Вѣрованія въ сновидѣнія и ихъ ложность. Соч. **Г. З. Арапатьянцъ.** Баку. 1900. Ц. 15 к.

Нравственное значеніе личности Владимира Соловьева. Рѣчь **Н. А. Сморскаго.** Огд. отт. изъ «Вопросовъ нервно-психической медицины». Киевъ. 1901.

А. И. Фаресовъ. А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Биографія и мои о немъ воспоминанія. Съ 2 портретами. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Д-ръ Эрн. Магъ. Научно-популярныя очерки. Вып. I. Этюды по теории познанія. Перев. съ нѣм. А. А. Мейеръ, подъ ред. П. К. Энгельмейера. Изд. А. Ю. Маноцковой. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношенія къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія «Посредника». М. 1900—1901. Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. Книжки 19, 20, 22, 23 и 24-ая. Ц. по 1½ к.—Васька. Разсказъ **С. Семенова.** Ц. 3 к.—Царь золотой рѣки или черныя братья. Штирійская сказка **Джона Рескина.** Съ англ. Ц. 3 к.—На морскомъ берегу. Разсказъ **А. Троллона.** Перев. съ англ. Ц. 3 к.—Недруги. Разсказъ **С. Т. Семенова.** Ц. 1½ к.

Гр. Каминскій. Что разсказалъ учитель объ ухѣ. Хороль. 1901.

А. В. Еруловъ. Домна-ректорша. Повѣсть. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1901. Ц. 50 к.

Отчетъ по постройкѣ въ г. Костромѣ зданія народной читальни имени А. Н. Островскаго. Кострома. 1900.

Отчетъ Костромской городской народной читальни имени А. Н. Островскаго, за 1889—1900 г. Кострома. 1900.

Отчетъ общ. взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ въ низшихъ учебн. заведеніяхъ Калужской губ. за 1899 годъ. Калуга. 1900.

Отчетъ о дѣятельности лекціоннаго комитета при Одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учебные годы. Одесса. 1901.

Всемирное тяготѣніе и его причины. Гипотеза **Александра Парова.** Изд. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Нижній-Новгородъ. 1901. Ц. 1 р.

Анри Тистенберже. Философія Нитцше. Перев. съ франц. подъ ред. и со вступит. статей М. Невѣдомскаго. Съ портретомъ Фр. Нитцше. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901. Ц. 1 р. 80 к.

В. Михайлова. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Киевъ. 1901. Ц. 20 к.

Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и пр. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Учительскія общества, классы, курсы и съѣзды. Ц. 50 к.—Испытанія на званіе уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей и на первый классный чинъ. Ц. 50 к.—Учительскія семинаріи и школы. Ц. 2 р.—Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1901.

Д-ръ Ф. Фейгинъ. Труды досуга. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

В. Ярмонинъ. Письма идеалиста. Восьмое письмо. Спб. 1901.

С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Краткое руководство къ собиранію растений. Съ рис. Изд. третье, Московскаго Сельскохоз. Института. М. 1900. Ц. 30 к.

Руководство къ уходу за больными и къ подаванію первой помощи. Составилъ д-ръ **Ф. Фейгинъ.** Изд. 5-ое. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Евреи въ Китаѣ. Перев. съ нѣм. Левъ Майзель. Варшава. 1900. Ц. 35 к.

Ен. Эсперъ Устомскій. Изъ китайскихъ писемъ. Спб. 1901.

Ты побѣдилъ Галилеянина! Церковно-историческій очеркъ **Н. Малицкаго.** Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Эрн. Лависсъ и Альфр. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Т. VII, VIII вѣкъ. Переводъ М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1901. Ц. 3 р.

Р. Майо Смитъ. Статистика и соціологія. Перев. съ англ. М. Энгельгардта, подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изд. С. Скармунта. М. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. О. Гертицъ. Вопросы аграрной

политики. Съ предисловіемъ Э. Бернштейна. Изданіе В. Н. Головкина. Харьковъ. 1901. Ц. 60 к.

Начало политической экономіи съ нѣкоторыми примѣчаніями по исторіи политической экономіи. Дж. Ст. Милля, К. Маркса, проф. А. И. Чупрова и А. А. Исаева. Въ популярномъ изложеніи **Н. Демсюкъ**. Изданіе кн. магазина И. С. Козлова. М. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

А. Вухенбергеръ. Основные вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики. Переводъ съ нѣм. А. Гурьева. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Петръ Лохтинъ. Состояніе сельского хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX-му вѣку. Изд. т-ва «Посредника». Спб. 1901. Ц. 2 р.

Ф. А. Щербина. Крестьянскіе бюджеты. Изд. Имп. Вольнаго Экономич. Общ. Воронежъ. 1900. Ц. 3 р.

Статистическая коммиссія при III Отдѣленіи Имп. Вольнаго Эконом. Общ. Труды коммиссіи по вопросамъ земской статистики. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Вернеръ Зомбартъ. Организациа труда и трудящихся. Перев. подъ ред. Л. А. Кириллова. Съ портретомъ В. Зомбарта и предисловіемъ М. Туганъ-Барановскаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Курсъ гражданского права. Проф. **Г. Ф. Шершеневича**. Т. I. Введеніе. Вып. I. Казань. 1901. Ц. 2 р.

Я. И. Лимбажъ. Универсальная стенографія. Теорія, усваиваемая въ 2 дня. Изд. автора. М. 1901. Ц. 50 к.

Два промышленныхъ міра.

(Письмо изъ Англіи).

«Пройдутъ вѣка — и сколько разъ еще среди государствъ, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ, на языкахъ, теперь намъ неизвѣстныхъ, это повторится».

(Юлій Цезарь, дѣйствіе III, сц. I).

I.

Внимательное изученіе синихъ книгъ, затѣмъ наблюденія надъ „живой жизнью“, которая проходитъ предъ глазами, навели меня на кое-какія обобщенія, которыя я позволю себѣ высказать лишь какъ догадку. На страницахъ „Русскаго Богатства“ мнѣ не разъ приходилось говорить о тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, которые послужили основой для этой догадки.

Какъ извѣстно, существуетъ раздѣленіе фабрикъ на двѣ группы:

- 1) на таковыя, которыя обрабатываютъ волокнистыя вещества, и
- 2) на обрабатывающія неволокнистыя вещества.

Мнѣ кажется, въ Англіи каждой изъ этихъ группъ фабрикъ соотвѣтствуетъ отдѣльный промышленный міръ со своимъ характеромъ, со своими задачами, со своей политикой. Нѣсколько

мѣсяцевъ тому назадъ, выясняя причины имперіализма, я до-вольно подробно говорилъ о томъ промышленномъ районѣ, гдѣ теченіе зародилось, и пытался выяснить причины. Теперь, прежде чѣмъ перейти къ выводамъ, мнѣ остается дополнить картину и поговорить о промышленномъ мірѣ, который раньше мною былъ лишь слегка затронутъ въ другихъ статьяхъ.

Быть можетъ, читатель вспомнитъ описаніе міра машинъ и каменнаго угля, Midlands, которое я далъ въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“. Я знаю лишь одинъ край, который еще печальнѣе Бирмингэмскаго района, это — округъ, центромъ котораго является Манчестръ. На протяженіи десятковъ миль болотистая равнина покрыта сплошь, гдѣ нѣтъ закопченныхъ городовъ съ громадными фабриками, кучами угольнаго перегара, толстымъ слоемъ копоти, ржавыми обломками машинъ, развалинами заброшенныхъ заводовъ. Всю эту черную равнину перерѣзываютъ каналы съ темной, покрытой перламутровыми жирными пятнами водой да медленно струящимися рѣками, въ отравленной нечистотами фабрикъ водѣ которыхъ передохли даже всѣ жабы и тритоны. Въ воздухѣ, какъ тяжелая занавѣсъ, виситъ постоянно частая сѣтъ дождя или же тумана, насыщеннаго сажей фабричныхъ трубъ. Какъ громадные драконы пыхтятъ гдѣ-то во мглѣ непрерывно мчащіеся паровозы да завываютъ фабричныя гудки. Здѣсь слова „южное солнце“ „голубое небо“, „кувыркающіеся жаворонки“, „смѣющійся лучъ“ звучатъ такъ же странно, какъ рассказы про пальмовые лѣса въ Обдорскѣ или Среднеколымскѣ.

На этомъ громадномъ болотѣ, тянущемся до самыхъ береговъ бурнаго Ирландскаго моря,—царство хлопка. Для обрабатыванія его возникли сотни городовъ. Тысячи машинъ стучатъ безъ умолку, перерабатывая въ ткань горы грязнаго хлопка, доставленнаго пароходами (вслѣдствіе гигантскаго гидравлическаго сооруженія) до самаго Манчестра. Сольфордъ, Стокпортъ, Болтонъ, Ольдгемъ, Рочдэйль, Блэкборнъ и десятки другихъ городовъ въ миниатюрѣ повторяютъ картину, представляемую столицей округа. Ткацкіе станки доставляютъ постоянную работу 416.000 искуснымъ „рукамъ“. Двадцать тысячъ другихъ „рукъ“ сучатъ шелкъ и валяютъ сукно. Къ этой арміи, почти въ 440 тысячъ ткачей и валяльщи-ковъ, нужно прибавить 23 тысячи механиковъ и литейщиковъ, изготовляющихъ и чинящихъ ткацкія машины, 15 тысячъ плот-никовъ, столяровъ и токарей, занятыхъ сооруженіемъ деревян-ныхъ частей въ фабрикахъ, 18 тысячъ „апретурщиковъ“ и хи-миковъ, 53 тысячи красильщиковъ и набойщиковъ, 122 тысячи машинистовъ и кочегаровъ. Чтобы кормить колоссальныхъ дра-коновъ—машины, подъ землей непрерывно копаются въ этомъ округѣ 65 тысячъ углекоповъ, 15 тысячъ нагрузчиковъ на днѣ „дудокъ“ (шахтъ) насыпаютъ въ вагонетки свѣжевыкопанный уголь. Такъ или иначе, „отъ хлопка“ живутъ еще 23 тысячи

трактирщиковъ и лавочниковъ, кормящихъ рабочее населеніе, 27 тысячъ „рукъ“, изготовляющихъ бумагу для заворачиванія фабrikатовъ, сто тысячъ грузчиковъ и кондукторовъ, доставляющихъ хлопокъ отъ моря и ситцы да миткали къ морю, потомъ 60 тысячъ клэрковъ. Въ общемъ, армія страны хлопка состоитъ изъ 1.200.000—1.300.000 рядовыхъ, rank and file, какъ говорятъ англичане. Сюда нужно прибавить еще „генеральный штабъ“ арміи, т. е. инженеровъ, фабрикантовъ, крупныхъ негоціантовъ, биржевиковъ, спекулирующихъ на хлопокъ, администраторовъ и пр.

Область текстильнаго производства (т. е. обработки волокнистыхъ веществъ) не ограничивается, какъ я упомянулъ уже, однимъ райономъ хлопка. Къ Ланкаширу тяготѣютъ нѣкоторые восточныя и сѣверныя графства. На сѣверъ пыхтящія стальные чудовища перевалили черезъ невысокій горный хребетъ, распозлились по громадной равнинѣ Йорка и окружили Лидсъ, Брэдфордъ и Галифаксъ. Здѣсь въ 3000 фабрикахъ, обрабатывающихъ хлопокъ и шерсть, занято болѣе 250.000 ткачей и валяльщиковъ. Около 100 тысячъ другихъ „рукъ“ кормятся возлѣ фабрикъ. Половина всего населенія Уэстъ-Раддинга живетъ отъ ткацкаго станка *). Столицей всего этого громаднаго района является Манчестръ. Здѣсь зародилось много либеральныхъ теченій, которыя потомъ мощнымъ потокомъ хлынули по всей странѣ. Здѣсь въ 1819 г. старый консерватизмъ думалъ задуть пробуждающую демократію вооруженной силой. Здѣсь основалась потомъ Free Trade Hall, клубъ свободной торговли, откуда апостолы новой тогда доктрины отправлялись проповѣдывать по всей Англіи. Манчестръ одинъ изъ самыхъ культурныхъ городовъ Англіи. Мы здѣсь видимъ много ученыхъ обществъ, библиотекъ, хорошихъ школъ и политехникумовъ для народа. Здѣсь же выходитъ *Manchester Guardian*, лучшая изъ англійскихъ газетъ какъ по выдержанности направленія, такъ по талантливости изложенія и по богатству свѣдѣній. Провинціальныя англійскія газеты вообще неизвѣстны на континентѣ, что крайне жаль, такъ какъ каждая изъ этихъ газетъ является вѣрнымъ отраженіемъ цѣлаго промышленнаго района. *Manchester Guardian* же не только является драгоценнымъ пособіемъ для изученія „текстильнаго района“,— онъ служитъ также выраженіемъ мнѣній лучшей части англійскаго либерализма.

Но центральнымъ пунктомъ Манчестра, фокусомъ, въ которомъ сходятся всѣ жизненные нервы округа, является не университетъ, не статистическое общество, не *Manchester Guardian*, собравшій лучшихъ экономистовъ страны, а торговая палата (Chamber of Commerce). Биржа этой торговой палаты представляетъ интересы слишкомъ семи милліоновъ людей. Точно такъ,

*) См. Blue Book, C— 8955: Annual Return of Factories and Workshops.

какъ термы Каракалы являлись символомъ цѣлой эпохи, точно такъ же имъ является колоссальная манчестерская биржа съ мраморными колоннами своими, покрытыми толстымъ слоемъ копоти.

Было время, когда интересы Бирмингэма и Манчестера вполне совпадали, когда то они владычествовали надъ всѣми рынками. Какъ Манчестеръ, такъ и Бирмингэмъ, стояли тогда за свободную торговлю и за миръ; затѣмъ явились неожиданные конкуренты, болѣе молодые, болѣе прогрессивные, болѣе владѣющіе знаніями. Бирмингэмъ сталъ терять одинъ рынокъ за другимъ. Германія, Соединенные Штаты, Бельгія и Франція вытѣснили его изъ Южной Америки, изъ Испаніи, Россіи. Германія со своими фабрикантами явилась даже въ самую цитадель промышленнаго конкурента: нѣмецкіе стекла и ножи появились въ лавкахъ Шеффилда. Тогда, какъ я старался показать въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“, Бирмингэмъ сталъ имперіалистомъ. Районъ фабрикъ, обрабатывающихъ неволоконистыя вещества, сталъ за политику захвата новыхъ территорій и за войну. Новыя территоріи означаютъ для Бирмингэма обезпеченный сбытъ для фабрикатовъ, которые вытѣснены съ международныхъ рынковъ фабрикатами конкурирующихъ странъ. Захватъ Южной Африки, напр., обозначаетъ гигантскую желѣзную дорогу отъ Каптауна до Каира, т. е. огромный сбытъ рельсовъ, машинъ, болтовъ, стекла, паровыхъ крановъ и пр. Война обозначаетъ для Бирмингэма большіе заказы на пушки, бомбы, ружья, штыки, солдатскія манерки и пр.

Манчестеръ же долгое время безъ ужаса не могъ вспомнить о войнѣ. Онъ имѣетъ на то серьезныя основанія. Война для него означаетъ пріостановку доставки хлопка, т. е. смерть. Манчестеръ помнитъ хорошо наполеоновскія войны. Тогда ткацкіе станки почти прекратили работу, и Ланкаширъ едва не умеръ отъ голода. Четверть пшеницы, которая стоила въ 1786 г. 40 шил., въ 1792 — 43 ш., — въ 1796 г. стоила 78 шил., въ 1800 г. — 113 ш., въ 1801 г. — 119 ш., а въ 1812 г. — 126 шил. Склады фабрикъ были завалены пряжей и миткалемъ, для которыхъ не находился покупатель. Континентальные рынки закрылись блокадой, рынки крайняго востока и запада не были еще извѣстны. Война отняла торговые корабли и людей. Правительство было неистощимо въ придумываніи средствъ, какъ увеличить вербовку, т. е. какъ отнимать „руки“ у фабрикъ. Война! Ланкаширъ долго помнилъ 1811 годъ, когда 1.400.000 человекъ, т. е. пятнадцатая часть тогдашняго населенія Англіи, питались подаеніемъ. Громадная, голодная армія, на которую въ деревняхъ помѣщики охотились, какъ на волковъ, отъ которой церковь отвернулась *), имѣла пристанищемъ лишь тюрьму да страш-

*) Англиканская церковь, впрочемъ, никогда не интересовалась пролета-

ный дореформенный рабочій домъ. У пролетаріата отнимали дѣтей. Ихъ продавали въ ученики или же въ юнги на корабли. Война! Пусть Бирмингэмъ думаетъ о ней, что хочетъ. Манчестръ зналъ доподлинно, что война не только безчеловѣчна, но и крайне невыгодна. Не меньше, чѣмъ 1811 г., свѣжа въ памяти Манчестра эпоха отъ 1861—1864 гг., время „хлопкового голода“. Съ конца XVIII вѣка Соединенные Штаты были почти единственными поставщиками сырого хлопка. Когда-то хлопокъ доставляло южное побережье Средиземнаго моря. Оттуда шель сырой матеріалъ на фабрики Кареагена времянь пуновъ; оттуда же матеріалъ доставлялся потомъ въ Англію. Монополію вначалѣ отбили Антильскіе острова, затѣмъ—штаты по берегамъ Миссисипи. Въ 1846—1847 гг. въ Америкѣ былъ большой неурожай на хлопокъ. Ланкаширскіе фабриканты потребовали у парламента и индійской компаніи развитія хлопчатныхъ плантацій въ Индостанѣ; но возить хлопокъ изъ Индіи кругомъ мыса Доброй Надежды, на парусныхъ судахъ, было очень далеко. Поэтому индійскій хлопокъ не пошелъ, тѣмъ болѣе, что въ 1848 г. въ Америкѣ былъ большой урожай. Гражданская война между Сѣверными и Южными Штатами создала въ 1861 г. въ Ланкаширѣ „хлопковый голодъ“. Онъ свирѣпствовалъ весь 1862 г., чувствовался въ 1863 и 1864 гг. и окончился лишь въ 1865 г. Изъ 530.000 ткачей безъ работы были въ 1862 г. 250.000, въ 1863 г.—200.000, въ 1864 г.—130.000 и въ 1865 г.—100.000 (см. V. *Bérard*, „L'Angleterre et l'Imperialisme“, 1900, p. 197). Остальные работали лишь часть недѣли за сильно уменьшенную плату. Большія дороги Ланкашира и улицы городовъ тогда были наполнены ткачами, просившими подаянія. Цѣлыя семьи работниковъ пѣли псалмы на улицахъ, вымаливая хлѣбъ. Газеты того времени говорятъ о „респектабельныхъ“ рабочихъ, получавшихъ недавно еще по 3—4 ф. въ недѣлю, плачущихъ теперь на улицахъ отъ стыда, что приходится просить подаяніе. О степени нищенства говорятъ также цифры, показывающія число работниковъ, загнанныхъ голодомъ въ рабочіе дома: въ 1861 г. къ общественной помощи въ Ланкаширѣ обратилось 50 тысячъ чело-
вѣкъ, въ 1862 г.—485.000, въ 1863 г.—300.000, въ 1864 г.—

ріатомъ, который не имѣлъ ничего, чѣмъ вознаградить «клерджимэновъ»: у него не было ни денегъ, ни права голоса на выборахъ, каковое право желательно было бы приобрести. Въ силу этого, въ Англіи религія была достоинствомъ среднихъ классовъ. Во всемъ мірѣ, вѣроятно, не было болѣе дикаго и безбожнаго пролетаріата, какъ англійская городская голытьба. Клерджимэны обратили свое вниманіе на массы тогда, когда онѣ получили право голоса. Менѣе цинично и не столь грубо-откровенно было отношеніе къ массамъ диссентеровъ. Впрочемъ, до сихъ поръ клерджимэны предпочитаютъ насаждать религію и патріотизмъ среди среднихъ классовъ, могущихъ платить хорошо.

130 тысяч и въ 1865 г. болѣе 100 тысячъ. Вслѣдствіе хлопкового голода, вызваннаго войной, ланкаширскіе ткачи, по вычисленію статистиковъ, теряли 1.600.000 р. въ недѣлю въ 1862 г., а въ четыре года потеряли 320 мил. руб. Что же касается фабрикантовъ, то война между Сѣверными и Южными штатами обошлась имъ въ 600 мил. руб., по меньшей мѣрѣ (см. *Th. Ellison, Cotton Trade*, p. 96). Англія съ тѣхъ поръ приняла кое какія мѣры, чтобы замѣнить привозъ изъ С. Америки. Ланкаширъ обезпеченъ теперь въ извѣстной степени доставкой хлопка изъ Турціи, Южной Америки, изъ Египта, изъ Индіи. Но получая отъ всего міра, Ланкаширу необходимъ миръ всюду. Большая война съ морской державой можетъ нарушить правильный подвозъ хлопка, остановить станки и бросить на мостовую сотни тысячъ ткачей. Въ 1897 г., напр., Ланкаширъ получилъ 1.724 милліона фунтовъ сырого хлопка, въ томъ числѣ 1.380 мил. ф. изъ Соединенныхъ Штатовъ, 274 мил. фун. изъ Египта, 42 мил. ф. изъ Индіи и 25 мил. ф. изъ Центральной и Южной Америки. Манчестеръ стоялъ всегда за миръ, обезпечивающій правильное теченіе работы. Захваченный волной имперіализма Бирмингемъ, вмѣсто стараго экономическаго девиза, — *laissez faire, laissez passer*, выставилъ новый: „съ новыми завоеваніями растутъ и торговля“ (*The trade follows the flag*). Манчестеръ говоритъ другое. „Всюду, гдѣ развѣвается англійское знамя, высшимъ принципомъ нашего правительства должно быть: „жизнь каждаго человѣка драгоценна; страданіе должно быть облегчено насколько лишь возможно“, — постановила манчестерская торговая палата *).

Исходя изъ этого принципа, Манчестеръ поддерживалъ освобожденіе маленькихъ государствъ: Греціи, Болгаріи и пр. Потребителями его ситцевъ и коленкоровъ могли быть люди, обладающіе небольшимъ достаткомъ, люди свободные, ибо рабъ зависитъ всецѣло отъ произвола деспота. Такимъ образомъ немислимъ кредитъ, на которомъ держится торговля.

Но и Бирмингемъ, и Манчестеръ постигла одна и та же судьба. Бирмингемъ подвергся ей значительно раньше. Судьба эта — вытѣсненіе съ рынковъ конкурентами. Прежде всего стали уходить у Манчестра латинскіе рынки, подпавшіе подъ вліяніе французской промышленности. Пониженіе вывоза изъ Ланкашира во Францію, Италію и Португалію видно изъ слѣдующей таблицы. Вывезено было фабрикатовъ (въ милліонахъ фунт. стер.):

	1872	1882	1887	1892	1897
Во Францію	3	1,9	1,3	1,1	0,8
» Италію	2	1,8	1,9	0,7	0,3
» Португалію	1	0,6	0,7	0,3	0,3 **)

*) Annual Meeting of Manchester Chamber of Commerce, февраль 1897 г., рѣчь предсѣдателя.

**) V. Berard, p. 208.

На рынкахъ въ Африкѣ Ланкаширъ встрѣтилъ серьезныхъ соперниковъ, между прочимъ, въ лицѣ своего маленькаго финансоваго вассала.

„Португальскіе каленкоры и ситцы,—доносятъ англійскій консулъ изъ Лоанды,—стали поперекъ пути товарамъ изъ Манчестра, которые должны оплачиваться пошлиной въ 125 рейсовъ (около 20 коп.) за фунтъ. Съ 1870 г. можно считать, что ввозъ англійскихъ мануфактуръ уменьшился на 3.400.000 ф. (по вѣсу)... Португальскія фабрики,—пишетъ консулъ изъ Лисабона, работали день и ночь, чтобы удовлетворить запросамъ аффриканскаго рынка. Рубахи для негровъ, которыя прежде шли изъ Англіи, изготовляются теперь въ Португаліи“. „Итальянскіе и испанскіе эмигранты, перенесли сюда вкусы и запросы своихъ родинъ,—пишутъ консулы изъ Монтевидео и Лаплаты.—Теперь здѣсь въ ходу лишь итальянскіе миткалы, которые завоевываютъ мало-по-малу рынокъ. Обусловливается это яркостью красокъ миткалей, которыя нравятся туземному населенію, тогда какъ англійскіе фабриканты рѣшительно не хотятъ взять во вниманіе вкусовъ потребителей“ *). Ланкаширъ сталъ посылать свои товары въ Америку, но оттуда ихъ вытѣснилъ въ концѣ-концовъ протекціонизмъ. Слѣдующая таблица показываетъ какъ постепенно уходятъ у Ланкашира многіе рынки Сѣверной и Южной Америки:

Вывезено въ Америку (въ мил. ф. ст.):

	1872	1882	1892	1895	1897
Въ Соединен. Штаты	5,3	3,8	2,7	2,1	2,6
» Мексику	0,3	0,8	0,5	0,7	0,5
» Колумбію	1,8	0,5	0,6	0,8	0,7
» Чили	1,2	0,6	1,4	1,1	0,8
» Бразилію	3,5	3,0	3,4	2,7	1,8
» Аргентину	1,3	1,3	1,9	1,9	1,2 **).

Прежде Ланкаширъ имѣлъ покупателей въ Россіи, но съ 1890 г. заказы уменьшились почти на половину (7.200.000 руб. въ 1890 г., 4 милліона руб. въ 1897 г.). Рынокъ утерянъ отчасти потому, что его захватила Германія, отчасти вслѣдствіе развитія фабрикъ въ самой Россіи. Англійскій консулъ въ Москвѣ въ своемъ рапортѣ объясняетъ утерю русскаго рынка, между прочимъ, упрямствомъ англійскихъ фабрикантовъ и пренебреженіемъ ими вкусовъ покупателей. Такъ, напр., англійскіе фабриканты присылали своимъ агентамъ въ Россіи набойчатые платки продолговатой формы; русскимъ деревенскимъ покупателямъ форма не нравилась, онѣ спрашивали квадратные платки; но ланкаширскіе фабриканты лучше знали, что болѣе къ лицу русскимъ бабамъ и продолжали посылать продолговатые платки.

*) Annual Series, №№ 1949, 1927, 1908 и 1839.

**) Financial Reform Almanack, 1900, p. p. 158—180.

Квадратная форма потребовала бы перемѣны въ станкахъ. И вотъ въ деревню является галантный, ловкій нѣмецкій камивожеръ, бойко объясняющійся по-русски. Онъ не навязываетъ покупателямъ своихъ вкусовъ, а спрашиваетъ, что лучше нравится бабамъ. „Платки квадратной формы? Съ синими цвѣтами по красному полю? Отлично. Все будетъ“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ Германіи прибываетъ громадная партія такихъ именно платковъ, о которыхъ мечтали бабы. За это время германская фабрика успѣла приспособить станки, составить соотвѣтствующіе русскіе рисунки и пр. Пошатнулся даже экспортъ Ланкашира на ближній и дальній востокъ, на рынкахъ котораго у Англіи долго не было конкурентовъ. Слѣдующая таблица показываетъ экспортъ англійскихъ бумажныхъ тканей на рынки востока.

	1872	1877	1882	1887
Ввезено въ Грецію	490	480	620	560
» Евр. Турцію	3100	2300	2700	2000
» Аз. Турцію	2100	2300	2300	2200
» Румынію	400	100	510	590
» Египетъ	4200	1300	1200	1600
» Индію	13000	16700	19500	19200
» на Малайскіе остр.	2250	2940	2870	3000
» въ Китай	6980	5200	4300	6100
» Японію	1200	1000	1380	1500 *)

Цифры показываютъ стоимость экспорта въ тысячахъ ф. ст. За послѣдніе годы нѣкоторые изъ восточныхъ рынковъ, напр., Турція, упорно штурмуются Германіей, хотя Ланкаширъ стоитъ тамъ еще прочно. Экспортъ туда выражается въ слѣдующихъ цифрахъ (въ милліонахъ ф. ст.);

1895 г.	6,3
1896 г.	6,6
1897 г.	8,2
1898 г.	7,8 **).

Но Китай и Японія, повидимому, уходятъ. Японія сама пополняетъ потребности покупателей своими фабрикатами; въ Китай явились другіе промышленные конкуренты ***). Насаждали фабричную промышленность въ Японіи люди изъ Ланкашира, Lancashiremen, какъ когда-то въ самомъ Ланкаширѣ насаждали

*) V. Bérard, p. 215.

**) Financial Reform Almanack, 1900, p. 176—177.

***) Ввезено въ Китай Японію

въ 1895 г.	5,3	4,6	цифры показаны
» 1896 г.	6,7	6,0	въ милліонахъ ф. ст.
» 1897 г.	5,1	5,8	
» 1898 г.	5,0	4,9	

см. Financial Reform Almanack, 1900, p. p. 176—177).

ее гугеноты и фламандцы, спасавшіеся отъ религіозныхъ преслѣдованій. Первая ткацкая фабрика въ Японіи была открыта въ 1867 г. въ Осакѣ. Фабрикѣ была оказана щедрая правительственная поддержка. Правительство устроило само образцовые машиностроительные заводы. Каменный уголь подъ рукой (въ Іесо), отличный хлопокъ, многочисленныя руки, трезвыя, ловкія, дешевыя,— все содѣйствовало тому, что Осака очень быстро превратилась въ японскій Манчестръ. Теперь тамъ въ округѣ 4962 фабрики, на которыхъ заняты постоянно 31,400 работниковъ и 27,900 работницъ *).

Подобнымъ же образомъ фабрики возникаютъ въ Индіи. Первые фабрики были выстроены въ Бомбей въ 1851 г.; но хорошо онѣ работать начали лишь послѣ 1870 г. Тогда появились фабрики въ Калькуттѣ и въ Мадрасѣ. Въ послѣднее время фабрики возникаютъ всюду въ *Regour*, т. е. въ хлопчатобумажномъ районѣ. Уголь доставляется изъ Берара и Варда. Въ рукахъ, конечно, нѣтъ недостатка въ этой громадной имперіи съ безчисленнымъ полуголоднымъ населеніемъ. Съ 1887 г. по 1898 г. количество фабрикъ почти удвоилось. Въ Индіи было:

	фабрикъ	станковъ	веретенъ	работниковъ
1887 г. . . .	90	16.926	2.202.602	72.590
1890 > . . .	126	23.845	3.197.749	111.998
1894 > . . .	143	34.161	3.711.669	139.578
1897 > . . .	163	36.946	4.210.756	148.435

(Board of Trade Journal, апрѣль 1899 г., стр. 451). Отчетъ, откуда взяты эти цифры, говоритъ, что онѣ лишь приблизительны, такъ какъ нужно было бы присоединить небольшія мастерскія, которыя могутъ конкурировать съ фабриками, благодаря необыкновенной дешевизнѣ труда. Индійскимъ Манчестромъ является Бомбей, въ предмѣстьяхъ котораго теперь 114 ткацкихъ фабрикъ, въ Мадрасѣ—11 большихъ фабрикъ, въ Калькуттѣ—10. Остальныя фабрики—въ Деканѣ и въ Пенджабѣ. Индія, которая когда-то была промышленнымъ вассаломъ Манчестра, имѣетъ теперь своихъ промышленныхъ вассаловъ; они расположены вдоль того пути, по которому ежегодно благочестивые мусульмане отправляются на поклоненіе въ Мекку изъ Бомбея. Караваны богомольцевъ распространяютъ въ мусульманскомъ мірѣ ситцы индійскихъ фабрикъ. „Аравія стала теперь промышленнымъ вассаломъ Бомбея, который кормитъ ее своимъ хлѣбомъ и одѣваетъ въ свой ситецъ“,—пишетъ англійскій консулъ изъ Джеды **). То же самое сообщаютъ англійскіе агенты изъ другихъ святыхъ городовъ мусульманскаго міра: Дамаска, Багдада и пр. На турецкомъ востокѣ агентами Манчестера были армяне. Съ истребленіемъ ихъ, по

*) Miscellaneous Series, №№ 49 и 440; Annual Series № 2109.

**) Annual Series, № 2006.

свидѣтельству Берара „мусульманскій миткаль изъ Бомбея завоевалъ азіатскую Турцію, проникъ на берега Персидскаго залива, спустился вдоль африканскаго материка и достигъ Занзибара. Путеводителемъ мусульманскихъ фабрикантовъ является муссонъ, коммерческими агентами—арабы“ *). Итакъ, прежде Манчестръ былъ единственнымъ властелиномъ мірового рынка; теперь его тѣснятъ соперники со всѣхъ сторонъ. Тогда какъ количество веретенъ на фабрикахъ соперниковъ увеличивается съ каждымъ годомъ, Манчестръ вынужденъ даже нѣсколько сокращать производство. На фабрикахъ Соединенныхъ Штатовъ, напр., въ 1894 г. насчитывалось 15.841.000 веретенъ, въ 1896 г.—16.841.000, въ 1898 г.—17.570.000; въ Японіи въ 1894 г. работало 650.000 веретенъ, а въ 1898 г.—болѣе милліона (1.150.000). Я не говорю уже про фабрики Германіи. Въ Англіи же въ 1894 г. на фабрикахъ было 45.190.000 веретенъ, въ 1896 г.—44.900.000, въ 1898 г.—44.900.000 веретенъ **).

Промышленная борьба не могла не отразиться на политическихъ взглядахъ міра текстильнаго производства. Какъ и прежде, Манчестеръ противъ войны, но часть производителей начинаетъ склоняться къ политикѣ имперіализма. Южный Ланканширъ, напр., въ 1892 г. посылалъ въ парламентъ 10 радикаловъ, въ 1895 г. онъ послалъ лишь 4, шесть остальныхъ—либералы-юніонисты; то же повторилось и на выборахъ 1900 г. Южный Йоркширъ выбралъ въ 1892 г. 16 радикаловъ, въ 1895 г.—13, въ 1900 г. лишь 9. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы рѣшить: обусловливается-ли это явленіе тѣмъ, что часть ланкаширскихъ фабрикантовъ измѣнила свой традиціонный взглядъ на политику или же тѣмъ, что и въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ царства текстильнаго производства биржевой капиталъ взялъ верхъ, какъ въ царствѣ не текстильнаго производства.

II.

Итакъ, существуетъ два промышленныхъ міра въ Англіи. Одинъ, можно сказать, имѣетъ столицей Бирмингемъ; это—міръ, обрабатывающій не волокнистыя вещества (non-textile, поанглійской терминологіи). Другой, столицей котораго является Манчестеръ,—міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества (textile), міръ ткацкихъ станковъ, шпuleкъ и веретенъ. Я пытался показать, какъ въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“, такъ и въ этомъ письмѣ, что во многихъ важныхъ вопросахъ интересы этихъ двухъ про-

*) L'Angleterre et l'Impérialisme, p. 222.

**) Ellison's Annual Review of the Cotton Trade, 1900.

мышленныхъ міровъ діаметрально противоположны. Промышленное государство, центромъ котораго является Бирмингемъ, за завоевательную политику, за имперіализмъ. Для него имперіализмъ означаетъ новыя войны, т. е. громадныя заказы на пушки, ядра, штыки, кордита и пр. Захватъ новыхъ странъ обозначаетъ для него новыя желѣзнодорожныя линіи, новыя сооруженія, т. е. опять гигантскіе заказы на рельсы, вагоны, паровозы и пр.

Для промышленнаго государства, центромъ котораго является Манчестръ, война и политика захвата во многихъ случаяхъ обозначаетъ смерть. Царству текстильныхъ фабрикъ нуженъ миръ, обеспеченный подвозъ хлопка, рынки съ свободнымъ и зажиточнымъ покупателемъ, который могъ бы явиться потребителемъ фабрикатовъ. Нужно имѣть еще въ виду, что текстильныя фабрики въ этомъ районѣ въ значительной степени находятся въ рукахъ квакеровъ, которые также и принципиально противъ войны.

Въ то же время я пытался доказать, что какъ у Бирмингема, такъ и у Манчестра почва уходитъ изъ-подъ ногъ. Захватъ новыхъ рынковъ практиковался въ послѣднее время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Мы нахватили такую массу территоріи, что пройдутъ многіе годы, прежде чѣмъ удастся толкомъ защитить ихъ или же ввести въ нихъ какое-нибудь правленіе, — говоритъ пламенный имперіалистъ, лордъ Розбери. Имѣете-ли вы какое-нибудь представленіе, что мы прибавили къ имперіи въ послѣдніе годы? За 12 лѣтъ присоединено или въ видѣ захваченныхъ земель, или въ видѣ „сферъ вліянія“ 2.600.000 кв. миль. Поверхность Англіи, Шотландіи, Уэльса, Ирландіи и острововъ Джерзей и Гернзей составляетъ всего лишь 120.000 кв. миль. Другими словами за 12 лѣтъ мы прибавили территорію, превосходящую въ двадцать два раза поверхность Соединеннаго Королевства *).“ Въ тѣ же двѣнадцать лѣтъ промышленные конкуренты Англіи, Франція и Германія, на всѣхъ парахъ гнались за колоніями; онѣ тоже захватывали всякую территорію, какую только возможно было; но Англія, если можно такъ выразиться, оставила далеко за флагомъ соперницъ. Франція успѣла захватить 927.000 кв. миль; Германія—1.200.000 кв. миль. Улучшили ли эти два съ половиной милліона кв. миль новыхъ рынковъ колеблющееся промышленное положеніе Бирмингема, т. е. міра нетекстильнаго производства? Подробно на этотъ вопросъ я пытался отвѣтить въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“. Къ сказанному уже я прибавлю еще одно доказательство. Возьмемъ сумму вывоза англійскихъ и ирландскихъ фабрикатовъ въ колоніи въ періодъ 1881—85 гг. и сравнимъ съ цифрами экспорта за періодъ около 1899 г. Затѣмъ останется сравнить стоимость вооруженія въ эти два пятилѣтія. Отъ

*) Рѣчь въ Эдинбургѣ.

1881—1885 г. Англія израсходовала на содержаніе флота и арміи 140.936.000 ф. ст., отъ 1895—1899 гг.—197.728.000 ф. ст. Военные расходы увеличились на 56.792.000 ф. ст., или на 11.358.000 фун. ст. въ годъ. (До войны съ Трансваалемъ, которая уже обошлась Англіи въ 200 мил. ф. ст.). Въ тѣ же два періода вывозъ въ колоніи составляетъ: въ первое пятилѣтіе—на 403.799.000 ф. ст., во второе пятилѣтіе—на 391.225.000 ф. ст. *). То есть, съ ростомъ колоній и стоимости вооруженія вывозъ въ колоніи уменьшился на 12.574.000 ф. ст., что составляетъ 2.515.000 ф. ст. въ годъ. Еще болѣе внушительны цифры, показывающія экспортъ и импортъ Англіи на международныхъ рынкахъ. Мы видѣли, что Англія теряетъ одинъ рынокъ за другимъ. Промышленные конкуренты, такъ сказать, проникли въ самую цитадель. Въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“ я приводилъ много примѣровъ. Вотъ еще одинъ, на который я натолкнулся случайно при чтеніи газеты. Городъ Ярмутъ объявилъ торги на поставку рельсъ для электрическаго трамвая; на торги явились лишь три англійскія фирмы; онѣ запросили по 7 ф. 13 ш. 6 п. за тонну стальныхъ рельсовъ, тогда какъ бельгійцы взялись доставлять такіе же рельсы по 6 ф. 6 ш. за тонну. Такимъ же образомъ уходитъ почва подъ ногами у Манчестра.

Какой же выводъ изъ этихъ фактовъ? Есть, во-первыхъ стереотипный отвѣтъ, который былъ данъ еще Энгельсомъ, кажется, и съ тѣхъ поръ повторяется всѣми „правовѣрными“. Было время, говорить это объясненіе, когда Англія занимала первенствующее мѣсто въ промышленности. Такъ какъ всѣ остальные страны въ промышленномъ отношеніи отстали тогда сильно, то англійскіе фабриканты получали такую огромную прибыль, что были въ состояніи удѣлить изрядную толику работникамъ. Такимъ образомъ, послѣдніе были въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, чему содѣйствовали также ихъ союзы. Получавшіе хорошую заработную плату работники совершенно не интересовались политикой. Въ значительной степени англійскіе трэдъ-юніонисты обуржуазились. Но вотъ Англія стала терпѣть пораженія на международныхъ рынкахъ. Это заставило фабрикантовъ понизить заработную плату, что, по словамъ стереотипнаго объясненія, разобьетъ кору буржуазности англійскихъ работниковъ: они почувствуютъ необходимость борьбы. И тогда все пойдетъ по намѣченному пути. Вѣрно ли, однако, это объясненіе? Англія вступила въ фазисъ развитія биржевого капитала. Въ странѣ накопились колоссальныя суммы, владѣльцы которыхъ находятъ уже невыгоднымъ для себя помѣщать ихъ въ фабрикахъ въ Англіи. Тотъ же бирмингемскій или манчестерскій фабрикантъ, видя дороговизну труда въ Англіи и другія неблагопріятныя условія, находитъ болѣе

*) См. подробныя таблицы въ «Financial Reform Almanack», 1900, p. 28.

выгоднымъ помѣщать капиталы въ иностранныхъ предпріятіяхъ, въ государствахъ молодыхъ или же слабыхъ, которыя могутъ быть всецѣло взяты подѣ военный контроль. Португалія—„карманное государство“ англійскихъ капиталистовъ. Судьба Трансвааля извѣстна всѣмъ. Колоссальныя капиталы, вмѣсто того, чтобы быть помѣщенными въ Англіи, уходятъ въ колоніи, гдѣ мѣстныя богатства эксплуатируются при помощи дешеваго, подневольнаго, туземнаго труда. Манчестерскій фабрикантъ мечтаетъ теперь о перенесеніи фабрикъ на берега Янцекіанга, гдѣ подѣ руками дешевый хлопокъ, дешевый уголь и баснословно дешевыя рабочія руки. Этими дешевыми „руками“, при помощи вывезенныхъ старшихъ работниковъ изъ Ланкашира, англійскій капиталистъ заводитъ теперь фабрики всюду. Консульскіе отчеты говорятъ о такомъ примѣненіи англійскихъ капиталовъ не только въ „дикихъ“ странахъ, но въ Германіи, въ Руанѣ, въ Вогезахъ, Барселонѣ, Малагѣ, Оporto. Съ 1885 г. англійскіе капиталы, которые были помѣщены въ Италіи невыгодно въ такихъ предпріятіяхъ, какъ прорытіе канала Кавура, спустились, такъ сказать, къ морю, поближе къ каменному углю и хлопку. Въ Генуѣ, въ Пизѣ, въ Неаполѣ возникли англійскія фабрики, съ старшими работниками изъ Ланкашира и итальянскими ткачами *). Зачѣмъ англійскій фабрикантъ будетъ бороться съ промышленными конкурентами и дорогими „руками“, когда у него есть возможность болѣе выгоднаго помѣщенія капитала, чѣмъ постройка фабрики въ Midlands, напр.? Я старался доказать въ прошлыхъ статьяхъ, что росту биржевого капитала соотвѣтствуютъ, такъ называемыя, промышленныя колоніи, въ которыхъ мѣстныя богатства эксплуатируются принудительнымъ трудомъ туземцевъ. Подобныя промышленныя колоніи имѣлъ когда-то первообразъ Англіи—Кареагенъ, когда превратился въ банкира всего тогдашняго міра. Изъ за промышленныхъ колоній Кареагенъ велъ упорную войну съ Греціей; изъ-за промышленной колоніи, наконецъ, (Сициліи) Кареагенъ началъ борьбу съ Римомъ, которая закончилась гибелью биржевого государства древняго міра. Формальное рабство туземцевъ, на которомъ держалась колоніальная политика Кареагена, быстро возродилось въ самой откровенной формѣ, когда культурному міру XX вѣка понадобились промышленныя колоніи. Дѣйствительно, не Англія первая придумала закрѣпощеніе туземцевъ. То же самое дѣлаютъ всѣ *безъ исключенія* бѣлые народы, имѣющіе колоніи. Итакъ, англійскій фабрикантъ, когда его еще сильнѣе станутъ тѣснить конкуренты на международныхъ рынкахъ, найдетъ (и находитъ уже) болѣе выгодный исходъ для себя, чѣмъ борьбу съ работниками. Въ свою очередь, лучшая часть англій-

*) см. Blue-Book, С.—4621, р. 34, С.—4712, р. р. 140 и 154; Annual Series. №№ 1860, 1867, 1891 и т. д.

скаго пролетаріата, цвѣтъ тредъ-юніонистовъ, въ критическій моментъ для себя, т. е., если начнется сокращеніе заработной платы, найдетъ болѣе легкій исходъ, чѣмъ упорную борьбу съ предпринимателями. Работники эти пойдутъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Я говорю вотъ о чемъ. Самоуправляющіяся англійскія колоніи, Австралазійская республика и Канада, перестаютъ быть только поставщиками сырыхъ продуктовъ, какъ мечтаютъ имперіалисты. Въ Австралазіи и въ Канадѣ возникаютъ фабрики. Въ Канадѣ, напр., имѣется въ изобиліи отличный уголь, есть обезпеченный притокъ хлопка; нѣтъ лишь хорошихъ, знающихъ работниковъ. Канада, напр., уже давно предлагала самыя выгодныя условія ланкаширскимъ ткачамъ, соблазняя ихъ переселиться. Соблазномъ являлась высокая заработная плата, почти даровой проѣздъ, вознагражденіе на мѣстѣ и т. д. До сихъ поръ ланкаширскіе ткачи получали такъ много, что Канада не могла убѣдить ихъ переселиться. Логично ли думать, что, въ случаѣ крайняго пониженія заработной платы, когда будетъ предстоять отчаянная и упорная борьба (быть можетъ, безъ надежды на побѣду),—ланкаширскіе ткачи выберутъ именно этотъ путь? Не вѣрнѣ ли то, что въ подобномъ случаѣ ланкаширскіе ткачи предпочтутъ предлагаемыя имъ блестящія условія за океаномъ? Въ 48 г. четверть всего населенія Ирландіи бѣжала же вѣдь за океанъ, хотя тамъ переселенцевъ ждали лишь голодъ и нищета. Ланкаширцевъ же ждетъ довольство и высокій заработокъ. Мое предположеніе можетъ быть подтверждено уже теперь фактами. Осенью прошлаго года въ Викундѣ, въ Уэльсѣ, въ шиферныхъ ломкахъ возникли осложненія изъ-за пониженія заработной платы. На первомъ же митингѣ (собралось 3 тысячи работниковъ), почти единогласно выдвинуто было одно положеніе: „нужно эмигрировать“. Въ концѣ лѣта прошлаго года ланкаширскіе фабриканты, желая понизить цѣны на хлопокъ, установленныя американскимъ синдикатомъ, остановили, по общему рѣшенію, значительное число станковъ. Этимъ воспользовалась Канада и предложила временно отдыхающимъ ткачамъ переселиться; нѣсколько сотъ работниковъ приняли предложеніе. При возникновеніи необходимости упорной борьбы переселенія примутъ широкіе размѣры, т. е. *лучшая* часть работниковъ, наиболѣе способные, цвѣтъ тредъ-юніонистовъ, переселится въ колоніи. Молодая демократія въ Австралазійскихъ республикахъ, которая сдѣлала такіе поразительные и смѣлые опыты въ послѣднее время,—является побѣгомъ отъ стараго англійскаго дерева. Все то здоровое, смѣлое, энергичное, что поражало и восхищало міръ въ Англіи,—все это мы видимъ обновленнымъ въ молодыхъ колоніяхъ. Притокъ новыхъ силъ, прибавленіе цвѣта англійскаго пролетаріата—еще больше будетъ содѣйствовать поразительному прогрессу по *новому пути* Австралазіи...

III.

Я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня эмигрантскій пароходъ, отправлявшійся въ Ауклэндъ (въ Новую Зеландію). Со словомъ „переселенцы“ у меня всегда ассоціировалась картина, которую я въ 1892 г. видѣлъ на „московскомъ трактѣ“, отъ Иркутска до Томска. Дорога была залита вся группами оборванныхъ до послѣдней степени, голодныхъ, запуганныхъ мужиковъ, тянувшихся на вольныя мѣста. Все имущество состояло изъ телѣгъ, покрытыхъ старыми цыновками и запряженныхъ тощими, слабосильными, разбитыми клячами. Въ телѣгахъ было не имущество, а древніе старики да малые ребята, тоже голодные, оборванные, босые. Видъ этихъ безконечныхъ каравановъ надрывалъ сердце. То было какое-то поголовное бѣгство деревни, большею частью неизвѣстно куда. Въ Тюмени опять та же безконечная армія голодныхъ людей, ищущихъ земли, которую можно было бы полить потомъ, опять то же безграничное море страданія и нищеты. „Переселенческіе бараки“! Черезъ девять лѣтъ предо мною сразу вырисовывается картина, какъ будто бы я ее только что видѣлъ. Подъ открытымъ навѣсомъ я вижу тысячи убитыхъ отчаяніемъ мужиковъ, которыхъ голодъ и холодъ выгнали изъ мазанныхъ хатъ Черниговской губерніи, изъ курныхъ избъ Смоленской, изъ рубленныхъ избъ Поволжья. Я вижу женщинъ въ очикахъ, женщинъ, повязанныхъ платками. Хотя эти женщины говорятъ различнымъ говоромъ, но на лицахъ ихъ написано одно и то же отчаяніе отъ того, что не могутъ накормить ничѣмъ заливающихся отъ плача дѣтей. И какъ девять лѣтъ тому назадъ, на глаза набѣгаютъ бессильныя слезы. Я видѣлъ эмигрантскій пароходъ, отправлявшійся въ Ауклэндъ. Я ожидалъ почему-то такія же картины, какія видѣлъ на московскомъ трактѣ, уторенномъ цѣпами колодниковъ. И быстро убѣдился я, что тутъ нѣтъ людей, доведенныхъ голодомъ и отчаяніемъ до того, что они бѣгутъ неизвѣстно куда. Отправлялся въ Новую Зеландію цвѣтъ населенія: здоровые, крѣпкіе, хорошо одѣтые. Переселенцы, повидимому, взвѣсили все заранѣе; они ѣхали на „извѣстное“, какъ вольные люди, а не какъ полуарестанты. Они знали, что встрѣтятъ на новомъ мѣстѣ, на краю свѣта. И этотъ эмигрантскій пароходъ припоминается мнѣ не только какъ антитеза повозки съ дырявымъ верхомъ на московскомъ трактѣ. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ такіе пароходы станутъ отправляться отъ береговъ Англіи десятками.

Конечно, переселится далеко не весь пролетаріатъ, а лишь цвѣтъ его, какъ я сказалъ, т. е., тѣ искусные трэдъ-юніонисты, которыхъ колоніи ждутъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ

Англія ждала когда-то гугенотовъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, или фландрскихъ ткачей во время злодѣяній герцога Альбы. Но что будутъ дѣлать оставшіеся? Вмѣстѣ съ ростомъ биржевого капитала, въ Англіи увеличивается все больше и больше спросъ на слугъ его. Уже и теперь клэрки, агенты, 'разсылные при безчисленныхъ банкахъ составляютъ громадную армію, на которую джингоизмъ опирался во время послѣднихъ выборовъ. По послѣдней переписи эта армія почти равнялась той, которая работаетъ на фабрикахъ. Нужно надѣяться, что перепись 1901 г. покажетъ еще болѣе приростъ арміи служителей биржевого капитала. Безъ сомнѣнія, даже эта армія оставитъ много не завербованныхъ; но и для нихъ уготовлено занятіе. Вмѣстѣ съ ростомъ Имперіи, все болѣе и болѣе чувствуется настоятельная необходимость въ громадной арміи. Для защиты англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ иностранныхъ предпріятіяхъ, требуется готовый запасъ солдатъ, которые при первомъ же грозовомъ облакѣ на финансовомъ небѣ были бы готовы идти, куда прикажутъ, и разить супостатовъ лондонской королевской биржи. Въ послѣднее время вопросъ объ увеличеніи арміи особенно обострился. Былъ предложенъ цѣлый рядъ проектовъ политиками-добровольцами. Нужно сознаться, что если въ большинствѣ этихъ проектовъ смысла было не много, за то эксцентричностей не мало. Одинъ священникъ предложилъ преподавать въ школахъ, главнымъ образомъ, священное писаніе и военный артикулъ; такимъ образомъ, по мнѣнію его преподавшаго, дѣти вырастутъ уже готовыми воинами. Другой совѣтовалъ окопать всѣ дороги канавами и приучить населеніе лежать тамъ и палить въ непріятеля, буде послѣдній сдѣлаетъ десантъ. Третій совѣтовалъ сдавать въ солдаты всѣхъ гуллигановъ, т. е. уличныхъ буяновъ. Самъ премьеръ выступилъ съ полуфантастическимъ проектомъ стрѣлковыхъ клубовъ. Но критики разбивали очень быстро фантастическіе проекты указаніемъ на слѣдующее. Предположимъ, все населеніе Англіи научится лежать въ канавахъ и караулить десантъ; предположимъ, во всѣхъ школахъ введено будетъ преподаваніе маршировки вмѣсто латинскаго языка и математики; предположимъ, въ стрѣлковые клубы запишутся не только мужчины, но даже и дамы лиги Подснѣжника. Что же, все-таки, выйдетъ? Въ лучшемъ случаѣ, получится лишь милиція для защиты Англіи, тогда какъ нужны полки для отправки въ Индію, въ южную Африку, на островъ Тринидатъ, на Барбадосъ,—словомъ, во всѣ концы громадной Имперіи. Въ концѣ-концовъ, для увеличенія арміи осталось все же лишь два средства: или введеніе всеобщей воинской повинности, или прежній способъ вербовки. На послѣднемъ сѣздѣ консервативной ассоціаціи, предсѣдатель, лордъ Ньютонъ, прямо поставилъ вопросъ ребромъ: „нужна конскрипція“,—заявилъ онъ. Въ послѣдней (февральской) книжкѣ National Review тотъ же взглядъ

развивается подробно офицеромъ генеральнаго штаба. Авторъ доказываетъ, что конскрипція сразу дастъ Англии громадную армію: во Франціи призывается ежегодно 230 тысячъ молодыхъ людей, въ Англии же, по словамъ автора, ежегодно достигаютъ двадцатилѣтняго возраста 280 тысячъ человѣкъ; во Франціи городское населеніе слабосильно, такъ что приходится многихъ браковать, тогда какъ въ Англии, доказываетъ авторъ, мускулы населенія развиты спортомъ.

Знающіе люди, однако, легко разбиваютъ проектъ всеобщей воинской повинности. Правда, говорятъ эти критики,—конскрипція могла бы дать хорошіе результаты; но, увы! въ Англии такой законъ не можетъ пройти. Министерство, которое внесетъ въ парламентъ подобный билль, не проживетъ и четверти часа. Противъ билля выскажутся не только потому, что Англія свободная страна, что пришлось бы ввести систему регистраціи, паспортовъ и пр., которая приводитъ въ такой ужасъ англичанъ. Нѣтъ, противъ конскрипціи выскажутся еще потому, что она наноситъ ударъ основному воззрѣнію англичанъ на „business“, на дѣло. Англичане на первый планъ ставятъ практическую выучку, а не школу. Клэркъ, морякъ, инженеръ, журналистъ—всѣ они учатся не въ школѣ, а на практикѣ. Школьное образованіе заканчивается въ 15 лѣтъ, затѣмъ мальчикъ поступаетъ на „выучку“ въ контору, въ банкъ, на заводъ, въ редакцію подъ начальство старшаго репортера, на пароходъ и т. д. Такъ же обучаются адвокаты, врачи. Мальчикъ начинаетъ посѣщать контору адвокатской фирмы или госпиталь, затѣмъ, научившись ремеслу, выдерживаетъ экзаменъ на дипломъ. Въ результатѣ—рядъ очень хорошихъ ремесленниковъ, которые, если надѣлены гениемъ Дарвина, Лайеля, Спенсера, Уоллеса или Листера, выводятъ изъ горы тщательно разработанныхъ „прецедентовъ“—смѣлое обобщеніе. Подавляющее большинство, конечно, остаются всю жизнь ремесленниками. Самый меньшій срокъ практической выучки—5 лѣтъ. Дѣловой англичанинъ не понимаетъ, какимъ образомъ будетъ идти „business“, если юношей, только что закончившихъ практическую выучку, заберутъ въ казармы, гдѣ они позабудутъ все. Въ силу этого, конскрипція встрѣчаетъ непримиримыхъ враговъ даже въ рядахъ крайнихъ имперіалистовъ.

Приходится, значитъ, остановиться на прежнемъ способѣ пополненія арміи, на вербовкѣ. Въ этомъ отношеніи крайне любопытны статьи, появлявшіяся въ *Times*. Газета исходила изъ двухъ положеній: 1) Англии необходима громадная армія и 2) конскрипцію ввести невозможно. Газета доказывала, что громадная армія—лишь вопросъ увеличеннаго жалованья. Теперь солдатъ получаетъ въ день полтинникъ. Эта плата можетъ соблазнить лишь полнаго неудачника или кабацкую голь. Увеличить жалованье до пяти шиллинговъ въ день, т. е. сдѣлать военную

службу по меньшей мѣрѣ столь же выгодной, какъ работу на фабрикѣ, и у насъ сразу явится миллионная армія—доказываетъ газета. Вопросъ лишь, можемъ-ли мы платить такое громадное жалованье? Газета отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что разъ вопросъ идетъ о жизни Имперіи, то деньги найдутся. За послѣднія тридцать лѣтъ стоимость арміи увеличилась почти вдвое; но Англія не составляетъ исключенія. На столько же дорого обходится армія другимъ государствамъ, которыя гораздо бѣднѣе Англіи *). Дѣйствительно, богатѣйшее государство въ мірѣ найдетъ средства.

Та часть пролетаріата, которая не выселится и которая не пойдетъ на службу биржевому капиталу, пойдетъ въ солдаты защищать интересы англійскихъ капиталистовъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Мнѣ припоминается статья въ январской книжкѣ „North American Review“—„газеты двадцатаго вѣка“. Написана она Альфредомъ Гармсвортомъ, основателемъ уличной прессы въ Англіи, какъ общественной силы—редакторомъ *Daily Mail*. Гармсвортъ доказываетъ, что принципъ *треста* долженъ быть примѣненъ и въ области изданія газетъ. Авторъ предвидитъ возникновеніе двухъ или трехъ газетныхъ синдикатовъ, которымъ будетъ принадлежать вся пресса, издаваемая въ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски. Тогда, по мнѣнію автора, солнце имперіализма засвѣтитъ новымъ блескомъ. Гармсвортъ увѣряетъ, что теперь вліяніе прессы на публику находится на ущербѣ. Духъ времени заклю-

*) Вотъ таблица, показывающая въ фунтахъ стерл. стоимость содержанія армій въ 1869—70 и въ 1897—1898 г.г.

Государства.	1869—1870	1887—98	Расходъ увеличился на
1) Великобританія	22.440,000	40.094,000	17.654,000
2) Франція	28.564,000	37.000,000	13.446,000
3) Россія	15.400,000	35.600,000	20.200,000
4) Германія	11.217,000	32.800,000	21.583,000
5) Австро-Венгрія	9.103,000	16.041,000	6.938,000
6) Италія	7.070,000	13.510,000	6.440,000
7) Бельгія	1.475,000	1.936,000	461,000
8) Болгарія	—	884,000	884,000
9) Данія	727,000	946,000	219,000
10) Испанія	5.018,000	10.621,000	5.603,000
11) Греція	144,000	934,000	790,000
12) Голландія	2.066,000	3.275,000	1.209,000
13) Португалія	1.119,000	2.196,000	1.077,000
14) Румынія	722,000	1.779,000	1.057,000
15) Сербія	648,000	565,000	—83,000
16) Швеція	909,000	1.855,000	1.706,000
17) Норвегія		760,000	
18) Швейцарія	104,000	1.100,000	996,800
19) Турція	4.003,000	6.981,000	2.978,000

Всего 105.719,000 208.877,000 103.158,000

(См. «The Financial Reform Almanack», 1900, p. 31).

чается въ Америкѣ и въ Англіи въ сосредоточиваніи великихъ силъ въ немногихъ рукахъ. Даже сила англійскаго парламента и та, по мнѣнію Гармсворта, сосредоточилась теперь въ рукахъ семьи Сесилей. „Керосиновый трестъ“ (Standard Oil Trust) приводитъ Гармсворта въ восторгъ, такъ какъ доказываетъ, что можетъ сдѣлать монополія. „Синдикатъ, издающій 60 или 70 газетъ въ различныхъ мѣстахъ, будетъ такимъ же королемъ газетнаго міра, какъ Рокфеллеръ въ мірѣ нефти“, — говоритъ Гармсвортъ. Синдикату будетъ принадлежать монополія сообщать новости и формировать общественное мнѣніе. „Первымъ дѣломъ синдиката будетъ—купить лучшихъ писателей (to buy the best brains), заказать самыя лучшія машины; провести собственные телеграфы, проложить свои кабели или, во всякомъ случаѣ, захватить контроль надъ существующими уже проволоками. Въ силу этого, синдикатъ возьметъ такой верхъ надъ другими газетами, что онѣ или погибнутъ, или же вынуждены будутъ присоединиться къ синдикату. „Имѣя въ своемъ распоряженіи безграничный капиталъ и монополію на телеграфы всего міра,—синдикатъ смететъ все на своемъ пути. Какъ тресты въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ задушитъ всѣхъ конкурентовъ. Синдикатъ предложитъ на выборъ каждой независимой газетѣ или присоединиться, или продать дѣло, или полное разореніе“. Великій синдикатъ будетъ имѣть свои собственные спеціальныя пароходы и поѣзда, свои бумажныя фабрики, свои заводы для изготовленія машинъ и типографскихъ чернилъ; синдикатъ, наконецъ, захватитъ контроль надъ всѣми газетными кіосками на улицахъ и станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Синдикатъ, по готовому плану, будетъ заказывать и проводить въ публику статьи съ опредѣленными взглядами на „религію, науку, воспитаніе, финансы, торговлю, спортъ, юриспруденцію, медицину и пр.“ Гармсвортъ въ „Daily Mail“, въ „Evening News“ въ „Answers“ и въ десяткѣ другихъ изданій, принадлежащихъ ему, далъ уже образецъ, что за политику, науку и финансы сталъ бы насаждать синдикатъ. Авторъ не находитъ словъ для восхваленія тѣхъ выгодъ, которыя извлечъ бы империализмъ, если бы газетный трестъ возникъ. „Газеты треста имѣли бы громадное воспитательное значеніе. Существованіе прессы сточныхъ канавъ—фактъ, заслуживающій вниманія. Нельзя также не обратить вниманія на то, что значительная часть публики патронизируетъ уличной прессѣ. Новый режимъ (т. е., синдикатъ) быстро покончитъ съ прессой сточныхъ канавъ. Представьте лишь себѣ, какое огромное вліяніе на публику будетъ имѣть пресса, которая вся говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, вся проводитъ одни и тѣ же взгляды! Такая пресса внушитъ ужасъ всѣмъ злоумышленникамъ, всѣмъ сторонникамъ взглядовъ, враждебныхъ государству“. Въ этомъ проектѣ, помѣщенномъ въ самомъ серьезномъ американскомъ журналѣ, не знаешь, чѣмъ

болѣе поражаться—наглостью ли автора, или откровенностью его. Вспомните лишь, что „уличную прессу“ громить основатель ея, издатель *Daily Mail*! Въ послѣдніе два года мы видѣли, что можетъ сдѣлать газетный синдикатъ! Въ южной Африкѣ войну создалъ въ значительной степени подобный синдикатъ, который контролировалъ общественное мнѣніе въ Англіи, такъ какъ самъ доставлялъ корреспонденціи почти во всѣ газеты.

IV.

Возникновеніе газетнаго синдиката въ Англіи, правда въ меньшихъ размѣрахъ, дѣло вполне возможное. Объединеніе, напр., уличныхъ газетъ въ одинъ синдикатъ—вопросъ лишь недалекаго будущаго. И теперь *Daily Mail*, *Evening News* и *Illustrated Mail* составляютъ одно цѣлое; *Daily Express* поглотилъ *Morning Herald* и пр. На такой прессѣ, составляющей единственное чтеніе миллионѣ людей, формируются взгляды на „политику, религію и финансы“. Эта пресса сослужить великую службу, когда нужно будетъ сдѣлать армію болѣе привлекательной для массъ. Много сдѣлано уже. До войны, напр., отношеніе къ солдатамъ было пренебрежительное. Солдатъ не впускали, напр., въ рестораны. Это было пренебреженіе вольнаго человѣка къ *наемнику* (soldier), продавшему за полтинникъ свою независимость. Когда понадобилось увеличить вербовку, уличная пресса заговорила любовно про „Томи Аткинса“, барды ст ли воспѣвать даже его грубость и сквернословіе; солдата величали не иначе, какъ „джентельмэномъ въ хаки“. Увы! нѣтъ горше глупости, паче глупости!“ Глупость человѣческая не менѣе важный факторъ, чѣмъ голодъ. Если же прибавить къ лстивымъ словамъ еще тридцать пять шиллинговъ въ недѣлю, то не подлежитъ сомнѣнію, куда пойдетъ значительная часть англійскаго пролетаріата. Огромный денежный сундукъ, снабжающій весь міръ деньгами, сундукъ, изъ котораго идутъ капиталы въ колоніи для эксплуатаціи принудительнымъ туземнымъ трудомъ мѣстныхъ богатствъ *), колоссальный банкъ, охраняемый миллиономъ наемныхъ штыковъ Англіи, затѣмъ мощное развитіе англосакской демократіи въ Австраліи, рядъ поразительно смѣлыхъ социальныхъ опытовъ, о кото-

*) До какой степени спокойно можетъ обсуждаться рабство, можно видѣть, между прочимъ, по статьѣ члена парламента Маркгема «Экономическая будущность Трансвааля», въ январской книжкѣ *Nineteenth Century*. Авторъ ждетъ, что имперія получитъ большія выгоды отъ захвата Трансвааля. Здѣсь имѣются, доказываетъ авторъ, мѣды, желѣзо, каменный уголь, золото и алмазы. Нужно лишь будетъ найти способъ заставить туземцевъ работать и везти побольше китайцевъ, которые получаютъ мало и не устраиваютъ стачекъ, какъ бѣлые работники.

рыхъ едва могутъ мечтать въ старомъ мірѣ—таковы двѣ вѣроятныя картины недалекаго будущаго.

Стоимость наемной арміи не останавливала государства, когда солдаты были необходимы. Риму, напр., приходилось платить солдатамъ гораздо больше, чѣмъ платитъ Англія. „Послѣдній солдатъ получалъ около 40 ф. ст. въ годъ. Нужно имѣть въ виду, что тогда деньги были дороже, чѣмъ теперь. Унцъ серебра равнялся по стоимости 70 ф. мѣди“ *). Кстати, есть разительное сходство между процессомъ возникновенія наемной арміи въ Римѣ и въ Англіи. „Въ лучшія времена республики право носить оружіе оставалось за гражданами, имѣвшими любимую родину и собственность, которую нужно было охранять; за тѣми, которые принимали нѣкоторое участіе въ выработкѣ тѣхъ законовъ, что нужно было защищать; но, съ увеличеніемъ завоеваній, война мало-по-малу превратилась въ искусство, въ профессію. Пришлось допустить, наконецъ, даже рабовъ... Во времена республики полководецъ убѣждалъ солдатъ держаться стойко, указывая на то, что они охраняютъ родные очаги, свою собственность, свои законы. Для бездомныхъ наемниковъ нужно было придумать другой стимулъ. Его нашли въ религіи и въ чести арміи. Наемникамъ втолковали, что орлы, которые носили на палкахъ предъ легіонами, не просто куски мѣди, а нѣчто мистическое, заключающее всю честь войска“ **). Англія въ значительной степени пополняетъ свои войска типичными цвѣтнокожими наемниками, изъ которыхъ когда-то состояла армія богатѣйшей республики древняго міра, „африканскаго Лондона“—Кареагена. Въ Западной Африкѣ, напр., въ 1899 г. сформированы полки изъ негровъ, которые получили кличку „Чоджерсъ“ (Chojers, т. е. Chamberlain's Soldiers, солдаты Чемберлена). Офицеры—бѣлые. Полки эти находятся въ полномъ распоряженіи министра колоній. Они, между прочимъ, умирляютъ теперь мятежъ, вызванный закрѣпощеніемъ ашантиевъ. Въ центральной Африкѣ сформировали другой черный полкъ (Central Africa Rifles), часть котораго принимаетъ теперь участіе въ борьбѣ съ Трансваалемъ. Въ Угандѣ война была ведена черными солдатами (Uganda Rifles). Въ Занзибарѣ сформировали тоже черный полкъ. Вся египетская армія состоитъ изъ туземцевъ, находящихся подъ командой англійскихъ офицеровъ. Туземные полки наняты во владѣнія въ Малайскомъ архипелагѣ, въ сѣверной части Борнео ***). Индія давно уже служитъ своего рода военнымъ банкомъ для Англіи. Имѣя,

*) Gibbon, «The Decline and Fall of the Roman Empire», v. I (изданіе 1899), p. 23.

**) Gibbon, v. I, p. 24.

***) См. статью Чарльза Дилка «The Cost of the Army» въ Financial Reform Almanack, 1900, p. 13—18.

такимъ образомъ, прецедентъ Рима и Карфагена, Англія все же вынуждена пользоваться услугами цвѣткокожихъ наемниковъ.

V.

Та Англія, которой нуженъ захватъ, нашла свою прессу, своихъ священниковъ (собственно говоря, всю англиканскую церковь), своихъ поэтовъ, своихъ ученыхъ. Предо мною только что вышедшій курсъ университетскихъ лекцій, прочитанный профессоромъ Крэмбомъ въ лондонскомъ женскомъ университетѣ—„Размышленія по поводу происхожденія и судьбы Великобританіи“ *). Этотъ курсъ—крайне типиченъ для той эпохи, о которой я говорилъ, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ статьѣ „Англійскій имперіализмъ“. Въ силу этого, остановлюсь нѣсколько на размышленіяхъ „профессора новой исторіи“. Изъ первой лекціи мы узнаемъ, что „Англія—алтарь земли“, что англійская раса является „авангардомъ гуманности“ и что Господь послалъ ее съ великой и страшной миссіей „создать имперію“. Далѣе профессоръ объясняетъ своимъ слушательницамъ значеніе трансваальской войны. И тутъ, по словамъ лектора, „Англіи суждено было выполнить миссію, которой нѣтъ еще примѣра въ лѣтописяхъ исторіи“. Война эта—„кризисъ, въ разрѣшеніи котораго заинтересована вся вселенная“. Цѣль этой войны—„освободить Бога въ сердцахъ людей такъ, чтобы жизнь человѣческая стала болѣе свободной, какъ въ себѣ, такъ и внѣ себя; цѣль этой войны—намѣтить путеводную звѣзду, стремясь къ которой человѣчество могло бы установить, гармонию между Я и Божествомъ“. Не въ первый и, къ несчастью, не въ послѣдній разъ мы видимъ, что вздоръ, для импонированія другимъ, облекается въ мистическую и туманную оболочку. Профессоръ, конечно, горячій поклонникъ войнъ вообще. Война, учитъ онъ,—это „усиліе государства самоосуществиться“, высшее проявленіе національнаго самосознанія. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что война это—„рѣшеніе государства выполнить судьбы, намѣченные Верховнымъ Бытіемъ“. Такъ какъ Толстой очень популяренъ въ Англіи и такъ какъ труды его противъ войны пользуются большимъ уваженіемъ среди квакеровъ, то профессоръ считаетъ нужнымъ полемизировать съ русскимъ писателемъ. Но какъ? Вмѣсто опроверженія взглядовъ Толстого на войну, профессоръ приводитъ одну цитату изъ Карлейля въ защиту войны. Далѣе побѣдоносный авторъ переходитъ къ выясненію отношенія между христіанствомъ и войной и доказываетъ, что вторая отнюдь не противорѣчитъ первой. „Наиболѣе религіозные изъ великихъ

*) Reflections on the Origins and Destiny of Great Britain. By I. Cramb, Professor of Modern History, Queen's College Empire, v. I (изданіе 1899), p. 23.

народовъ были въ то же время и наиболѣе воинственными,—говоритъ авторъ,—въ силу этого, нелѣпо отрицать войну въ принципѣ“. Этимъ самымъ аргументомъ профессора Крэмба можно было бы воспользоваться такъ. „Наиболѣе религіозные изъ великихъ народовъ признавали пытку и варили вѣдьмъ въ котлахъ, слѣдовательно, нелѣпо возставать въ принципѣ противъ пытки и противъ казни вѣдьмъ“. Второй доводъ Крэмба таковъ: „Въ ученіи Христа нельзя найти ни одного слова, осуждающаго войну народа съ народомъ, государства съ государствомъ“. Въ силу этого, пугаломъ авторъ считаетъ не колоссальную войну, а всеобщій миръ, ибо „лишь въ борьбѣ осуществляется жизнь“. „Къ счастью,—говоритъ лекторъ въ третьей лекціи,—война не умретъ; напротивъ, на горизонтѣ возникаютъ уже призраки новыхъ войнъ, которыя намѣчены таинственной десницей для опредѣленія судьбы имперіи“. Изъ этихъ войнъ побѣдительницей выйдетъ Великобританія, такъ какъ, во первыхъ, „она выполняетъ божественную миссію“, а во вторыхъ, такъ какъ „кровь англичанъ выше по достоинству крови остальныхъ народовъ“.

Предо мной возникаетъ картина, которую я видѣлъ мѣсяцъ тому назадъ, во время поѣздки въ сѣверную Африку. Жъ морю, тянущему однообразную пѣсню, спускается холмъ, усыянный обломками. Кое-гдѣ по откосу видны громадныя ямы; на днѣ ихъ—обвалившіеся своды, обломки мраморныхъ колоннъ, площадки, вымощенныя цвѣтнымъ мраморомъ и мозаикой. Кое-гдѣ валяются громадныя кубическія глыбы, изгрызенныя вѣками. Все это безформенно, неопредѣленно. Кругомъ—все мертво. Единственное живое существо—громкая сѣрая ящерица, грѣющаяся на глыбѣ яшмы. Здѣсь были когда-то великолѣпный форумъ и улицы, обставленныя шеститажными домами... По откосу, усыянному обломками, выдранными изъ земли первобытнымъ арабскимъ рабомъ, я добираюсь до шумящаго моря. Низкая песчаная дюна, шаговъ въ полторасти шириной, отдѣляетъ море отъ двухъ большихъ лужъ, одной—въ видѣ полумѣсяца, съ островомъ посрединѣ, другой—довольно правильнаго параллелограмма. Нѣсколько одинокихъ пальмъ печально шумятъ надъ лужами. Задумчивый, крошечный осликъ щиплетъ кслючки на обсыпавшемся берегу. Однообразно тянетъ свсю вѣчную пѣсню море, нарушая тишину гигантскаго кладбища. Этотъ однообразный призывъ море повторяло и тогда, когда въ лужахъ, которыя были двадцать три вѣка тому назадъ военными и торговыми портами древняго Лондона, ошвартовывались галеры, разогнавшія только что пиратовъ; когда въ гавань прибывали корабли, нагруженные сѣвернымъ янтаремъ, золотомъ изъ нынѣшней Родезіи, корсиканскимъ медомъ, хлѣбомъ и виномъ изъ Сициліи, хлопкомъ изъ Мальты, серебромъ изъ страны Пиктовъ, драгоценными украшеніями изъ Египта, рабами и невольницами со всего извѣстнаго тогда міра. Подъ тотъ же

прибой волнъ моряки, смуглые, горбоносые, чернобородые, съ украшенными бусами отдѣльными локонами, падавшими вдоль щекъ изъ подъ черныхъ шапочекъ, рассказывали про чудеса далекой Англіи, которая черезъ много вѣковъ явилась преемницей Картегена, ибо развалины этого города я описываю. Холмъ этотъ—Бирса, акрополь Картегена, лужи—остатки гаваней. Пуны удивительно умѣли воспользоваться естественными богатствами нынѣшняго Туниса.

Древній Лондонъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы заниматься земледѣліемъ самому. Картегенине были лишь лэндлордами. Земледѣльческія работы производились туземцами-рабами. Вокругъ жили и такіе гордые народы, которыхъ невыгодно было давить слишкомъ сильно: они могли возмутиться, напр., нумидійцы (берберы). Древній Лондонъ объявилъ надъ ними родъ протектората. Эти народы доставляли солдатъ, какъ доставляютъ ихъ Англіи пограничныя воинственныя племена Индіи. Картегенская конституція измѣнялась съ вѣками, но всегда, въ сущности своей, страна оставалась республикой аристократической. Великій совѣтъ былъ своего рода палатой лордовъ; лишь представители древнѣйшихъ родовъ могли принять въ немъ участіе. Главная власть находилась въ рукахъ сената, представлявшаго денежную аристократію древней республики. Коренное населеніе картегенской республики не принимало участія въ войнахъ: то было дѣло подчиненныхъ колонистовъ. Національная гордость достигала крайнихъ размѣровъ. Съ подчиненными народностями, не умѣвшими отстоять свою индивидуальность, гордая республика обращалась жестоко. Лучше было отношеніе къ нумидійцамъ, потому что ихъ боялись. Чтобы защитить далекія колоніи, чтобы держать въ подчиненіи покоренные народы, нужна была армія. Денежная аристократія, какъ корпораціи Сити, не хотѣла служить сама; но республика была страшно богата, платила хорошо, и наемники являлись въ изобиліи: греки, умѣвшіе владѣть всякимъ оружіемъ, галльскіе мечники, балеарскіе пращники. Африканскіе земледѣльцы доставляли пѣхоту, а нумидійцы—великолѣпную конницу. Политика картегенскаго сената заключалась въ томъ, чтобы удерживать и смирять одну часть войска другой. Противъ нумидійцевъ направляли африканскую пѣхоту. Если бунтовали крестьяне, то нумидійскую конницу посылали грабить ихъ села. То была политика, въ силу которой и теперь наталійскіе волонтеры изъ полковъ Брабанта посылаются грабить и жечь фермы буровъ. Въ мирное время наемники порой доставляли много хлопотъ, когда становились безпокойны, тогда ихъ вмѣстѣ со всѣми недовольными отправляли на какую-нибудь рискованную авантюру. Такую именно армію повелъ Гамилькаръ на завоеваніе Испаніи. Какъ извѣстно, принципъ, придуманный Картегеномъ, примѣняется съ успѣхомъ до сихъ поръ всюду.

Богатѣйшей имперіи древняго міра нужны были торговыя колоніи. Изъ одной колоніальной войны съ греками Карѳагенъ вышелъ побѣдителемъ, какъ вышла Англія въ борьбѣ съ Франціей. Другая война за колоніи (за Сицилію) погубила Карѳагенъ. Когда начались Пуническія войны, Карѳагенъ держался лишь на одной грубой силѣ. Республику ненавидѣли всѣ народы. Правда, Римъ не обращался съ подчиненными народами болѣе мягко; но то была еще молодая деспотія, и всѣмъ казалось, что впослѣдствіи съ ней можно будетъ ужиться. Карѳагенъ презиралъ своихъ сосѣдей, какъ стоявшихъ ниже его, и не принималъ никакихъ предосторожностей. Посыпался рядъ тяжелыхъ ударовъ. Казалось, пуны потеряли всю свою прозорливость. Вначалѣ они не поняли даже той борьбы, въ которую вступали. Они слабо поддерживали своего знаменитаго полководца. Лишь третья Пуническая война раскрыла имъ глаза; лишь тогда они увидѣли, что вопросъ идетъ уже о жизни и смерти, а не о потерѣ только одной колоніи, какъ Сицилія или Испанія. Всѣ отрицательныя черты разжирѣшаго побѣдителя, державшаго въ своихъ рукахъ всю торговлю тогдашняго міра, потонули во взрывѣ пламеннаго патріотизма. Конецъ намъ извѣстенъ еще со школьной скамьи... Карѳагенская культура продолжалась въ колоніяхъ пуновъ, напр., въ Марсели.

И на берегу шумящаго моря приходило въ голову: „Нынѣ жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ“. Кому еще? Кто ближе на очереди? На развалинахъ какого изъ нынѣ существующихъ Карѳагеновъ туристъ черезъ десятокъ вѣковъ станетъ вспоминать старое изреченіе: „Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убиту мечемъ“ („Откровеніе Св. Іоанна“, гл. XIII, 10). Ничего нѣтъ болѣе непрочнаго, чѣмъ грубая физическая сила. Вѣченъ лишь разумъ; лишь творческая мысль, кристаллизовавшаяся въ какой нибудь формѣ, избѣжала дѣйствія вѣковъ, мечей побѣдителя, огня...

Діонео.

Переписка Ницше.

Friedrich Nietzsches Gesammelte Briefe.—Erster Band. Herausgegeben von Peter Gast und Dr. Arthur Seidl. Berlin und Leipzig. 1900.

„Аристотель считался у древних классикомъ прозаическаго изложенія не изъ-за его литературныхъ произведеній, дошедшихъ до насъ, но исключительно благодаря его діалогамъ и письмамъ“—пишетъ Ницше пріятелю, совѣтуя ему изложить свои мысли • музыкѣ въ формѣ писемъ.—„Мы, простые смертные, не имѣемъ права печатать наши письма, если мы не аффектированные дураки и не желаемъ прослыть таковыми“.

Но смерть даетъ намъ это право. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ кончины Ницше, и его преданные ученики и друзья, давно работающіе надъ его литературнымъ наслѣдіемъ, уже нашли возможнымъ познакомить читателей съ его богатой и интересной перепиской. Лежащій предъ нами томъ—ихъ предполагается четыре—даетъ разнообразный и незамѣнимый матеріалъ для характеристики философа. Дать такую характеристику не стремятся ни въ малой степени наши немногочисленные замѣчанія, сопровождающія выдержки изъ писемъ, которые показались намъ наиболѣе содержательными. Наоборотъ, намъ хотѣлось представить ихъ читателю въ всякихъ предопредѣляющихъ выводовъ, ибо возможное богатство этихъ выводовъ таково, что строить ихъ пока на неполномъ и одностороннемъ матеріалѣ было бы жалко.

Русскіе читатели отмѣтятъ, вѣроятно, въ перепискѣ два-три мѣста, имѣющія отношеніе къ нашей жизни, и прежде всего указанія на связи Ницше съ семьей Герцена и на его знакомство съ сочиненіями великаго русскаго публициста. Еще въ 1872 году онъ *настоятельно* совѣтуетъ пріятелю прочесть „Aus den Memoiren eines Russen“—„въ высшей степени поучительно и страшно“. Съ Герценомъ сблизила Ницше ихъ общая пріятельница.—Мальвида фонъ-Мейзенбургъ, содержательная книга которой—„поучительная и трогательная“ по выраженію Ницше,—„Мемуары идеалистки“ недавно получила извѣстность и въ русской литературѣ. Похвалы книгѣ Герцена особенно интересны тѣмъ, что относятся къ столь раннему періоду развитія Ницше, когда онъ былъ гораздо болѣе далекъ съ общественно-политическаго міровоззрѣнія, представляемаго Герценомъ, чѣмъ даже впоследствии. Особенно полны и содержательны въ этомъ томѣ переписки матеріалы для

знакомства съ его личностью за это „доисторическое“ время, когда онъ работалъ въ узкой специальности и высказывался больше всего въ письмахъ къ друзьямъ.

I.

Въ первыхъ письмахъ—особенно по первому знакомству—совсѣмъ не видно будущаго Ницше; мы встрѣчаемся съ двадцатилѣтнимъ и довольно типичнымъ нѣмецкимъ студентомъ. Затеряны среди иныхъ, пока преобладающихъ, свойствъ ума, тѣ черты, по которымъ проницательный наблюдатель, быть можетъ, уже тогда могъ бы понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. На поверхностный взглядъ это именно обыкновенный нѣмецкій студентъ-корпорантъ, поклонникъ Пруссіи, государственникъ и націоналистъ, въ которомъ уже созрѣлъ будущій поклонникъ Вагнера. Онъ очень трудолюбивъ и считается лучшимъ ученикомъ лейпцигскихъ филологовъ; работы надъ греческими классиками занимаютъ значительную долю его вниманія; нѣсколько позже это мѣсто занимаютъ политическія размышленія, вызванныя крупнѣйшими событіями исторической жизни Германіи, современникомъ которыхъ ему придется быть. Уже побѣда надъ Австріей охватываетъ его восторгомъ. „Никогда за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мы не были такъ близки къ осуществленію нашихъ нѣмецкихъ надеждъ. Я начинаю понемногу понимать, что не было для нашего освобожденія другого, болѣе мягкаго пути, чѣмъ ужасы опустошительной войны“; онъ намѣчаетъ также дальнѣйшую—въ это время (1866 г.) уже вѣсѣмъ ясную—задачу нѣмецкой объединительной политики. „Пока центръ политическаго равновѣсія въ Парижѣ, все въ Европѣ останется по-старому. Стало быть наши національныя вожделѣнія не обойдутся безъ необходимости совершить переворотъ въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, попытаться сдѣлать это. Если же это не удастся, то оба мы, надѣюсь, будемъ имѣть честь пасть на полѣ битвы отъ французской пули“. Правительственная программа встрѣчаетъ съ его стороны полное одобреніе. „Какъ мы должны гордиться, что обладаемъ такой арміей и даже—*horribile dictu*—такимъ правительствомъ, которое не только на бумагѣ имѣетъ національную программу, но проводитъ ее въ жизнь съ величайшей энергіей, съ гигантской затратой денегъ и силъ и даже вопреки французскому великому соблазнителью *Louis le diable*. Въ сущности, всякая партія, одобряющая эти политическія цѣли, есть партія либеральная и потому въ значительной консервативной массѣ палаты депутатовъ я могу видѣть лишь новый оттѣнокъ либерализма. Ибо я не могу вѣрить, чтобы эти люди были только людьми правительства, людьми, которые слѣпо лнутъ ко всякой правительственной власти, которые полгода назадъ ви-

дѣли въ Австріи оплотъ консервативныхъ интересовъ, а черезъ полгода дадутъ средства на національную войну противъ нея. Но не бѣда, если наше правительство будетъ по-прежнему называться консервативнымъ. Для людей проникательныхъ—это лишь кличка, для осторожныхъ—засада, наконецъ, для нашего превосходнаго короля—родъ шапки-невидимки, которая закрываетъ ему самому глаза и даетъ ему отвагу спокойно подвигаться впередъ по его изумительно смѣлому и либеральному пути“. Разумѣется, ничего, кромѣ восторженнаго преклоненія, не вызываетъ въ немъ виднѣйшій дѣятель этой содержательной эпохи. „Ты говоришь—теперь не время философствовать—пишетъ онъ пріятелю, уже состоя на военной службѣ.—И ты правъ. Политика стала теперь органомъ мысли. Меня изумляютъ текущія событія и я могу приблизиться къ нимъ, лишь выдѣляя изъ общаго потока подвиги извѣстныхъ лицъ и разсматривая ихъ отдѣльно. Неизмѣримое наслажденіе доставляетъ мнѣ Бисмаркъ. Я читаю его рѣчи, точно пью крѣпкое вино: я придерживаю языкъ, чтобы онъ не пилъ слишкомъ быстро и я наслаждался подольше. Охотно вѣрю тому, что ты пишешь мнѣ объ интригахъ его противниковъ; вполне послѣдовательно, что противъ такихъ натуръ возстаетъ все маленькое, узкое, партійное, ограниченное и готовится къ непримиримой войнѣ“. И съ пыломъ, вполне соответствующимъ этимъ убѣжденіямъ, юный канониръ второго коннаго отдѣла четвертаго полевого артиллерійскаго полка сообщаетъ другу о своихъ занятіяхъ. Правда, необходимость въ теченіе перваго времени ежедневно съ 5 часовъ утра убирать конюшни, выносить навозъ и чистить лошадь не приводитъ его въ особенный восторгъ, и онъ чувствуетъ нужду опереться въ этомъ вынужденномъ „аскетизмѣ“ на любимаго Шопенгауера. Но онъ съ удовольствіемъ говоритъ о своихъ успѣхахъ въ верховой ѣздѣ, о подготовкѣ къ офицерскому экзамену, а когда, свалившись съ коня, онъ серьезно заболѣлъ и не могъ уйти съ полкомъ на маневры, онъ грустно сравниваетъ себя съ „покинутымъ аистомъ, который съ завистью глядитъ вслѣдъ своимъ здоровымъ собратьямъ“. Иногда въ его дѣтски самодовольномъ разсказѣ о своемъ житіѣ-бытѣ чувствуется такой малый размахъ „мѣщанскаго счастья“, что даже странно дѣлается при мысли, что это будущій Ницше.

„Въ сущности, теперь ничто меня не стѣсняетъ, пишетъ онъ пріятелю (въ 1867 году), я живу въ свое удовольствіе, поскольку это возможно въ такомъ мірѣ, имѣю добрыхъ друзей, вѣрныхъ сосѣдей и хорошихъ учителей, сижу каждый день въ кафе у Кинчи съ Колемъ и Роде (студенты-товарищи), съ которыми я теперь сблизился, работаю по мѣрѣ силъ для нашего филологическаго кружка, покупаю много филологическихъ книгъ, по временамъ нахожу сносныя идейки и работаю не совсѣмъ вяло“. Одна изъ темъ, занимающихъ его теперь: „О заглавіи книгъ у древнихъ“.

Но выступают и другія нити, сплетенныя въ этомъ сложномъ существѣ. Далеко не одни „Источники Диогена Лаэртія“ занимаютъ его. Онъ горячій поклонникъ и убѣжденный, серьезный послѣдователь Шопенгауера, онъ восхищенъ „Исторіей материализма“ Ланге; онъ весь живетъ духовными интересами. Его любимый романистъ—Шпильгагенъ; ему особенно нравятся „Загадочныя натуры“, гдѣ онъ видитъ „по истинѣ Гетевскую силу и ясность“; но его привлекаетъ въ этомъ романѣ „дружественное дворянству направленіе“; наоборотъ, „Фонъ-Гогенштейн“, гдѣ нѣмецкое дворянство изображено во всей своей феодальной красѣ—„дикая партійная картина. За то въ полный восторгъ приводитъ его знаменитое произведеніе нѣмецкаго прогрессивнаго романиста, наиболѣе популярное и у насъ. „Романъ, о которомъ я хочу поговорить съ тобой—пишетъ онъ въ 1867 году—это первое поэтическое произведеніе въ трагическомъ, почти аскетическомъ духѣ Шопенгауера, книга, герои которой багровымъ пламенемъ сансары *) гонимы къ вѣчному преображенію воли; при этомъ произведеніе это отбѣчено высокой художественностью, чуднымъ богатствомъ мысли и, наконецъ, написано въ превосходномъ, милымъ стилѣ. Это—послѣдній романъ Шпильгагена—„Одинъ въ полѣ не воинъ“, который читается мало, потому что авторъ его слишкомъ гордъ, чтобы связаться съ клаской, какую имѣетъ, на примѣръ, Фрейтагъ. По мнѣнію моего учителя Ричля (знаменитый филологъ), этотъ романъ въ десять разъ значительнѣе всего Фрейтага“.

Философія, литература, политика, музыка, наука—таковъ разнообразный кругъ интересовъ молодого Ницше. Эта разносторонность—не случайна. „Эллинскій“ идеалъ всесторонняго развитія уже ясно опредѣлился для молодого человѣка, и онъ дѣлится этимъ настроеніемъ со своимъ другомъ, Герсдорфомъ. „Вся наша манера работать вообще ужасна. Сотня книгъ на моемъ столѣ—это сотня клещей, раскаляющихъ нервъ самостоятельнаго мышленія. Мнѣ думается, что ты смѣлымъ взмахомъ избралъ лучший жребій: дѣйствительный контрастъ, противоположное мировоззрѣніе, противоположное отношеніе къ жизни, къ человѣку, къ труду, къ долгу. Я этимъ не хочу сказать, что вообще одобряю твое нынѣшнее призваніе (Герсдорфъ въ это время перешелъ съ филологическаго на юридическій факультетъ), но одобряю его постольку, поскольку оно есть отрицаніе твоей прежней жизни, стремленій, мыслей. Такіе контрасты даютъ здоровье душѣ и тѣлу и устраняютъ тѣ болѣзненные формы, которыя необходимо вызываются перевѣсомъ ученой дѣятельности или преобладаніемъ фи-

*) Сансара (странствіе, бытіе)—ученіе индусовъ о переселеніи душъ, метемпсихозѣ.

зической, — которымъ ученый подверженъ столько же, сколько мужикъ; у послѣдняго эти болѣзни только иначе проявляются. Греки не были ученими, но не были также бессмысленными акробатами. Развѣ ужъ такъ необходимо дѣлать выборъ между той и иной стороною? И, быть можетъ, и здѣсь, благодаря „христіанству“, образовалась въ человѣческой природѣ трещина, которой не зналъ народъ гармоніи? Развѣ не долженъ пристыдить всякаго „ученаго“ образъ Софокла, который умѣлъ такъ изящно плясать и играть въ мячъ и при этомъ проявилъ также нѣкоторыя умственные способности. Но и въ этомъ отношеніи мы поступаемъ такъ же, какъ и во всей нашей жизни: сознать зло мы еще можемъ, но пошевелить пальцемъ для его устраненія—дѣло другое“.

Съ этой односторонностью ученыхъ Ницше связываетъ ихъ духовную узость и пристрастіе. Онъ рассказываетъ пріятелю исторію о томъ, какъ недавно отказали въ докторской степени даровитому молодому ученому изъ-за его воззрѣній. Отвѣтъ молодого философа, который не преклонился предъ рѣшеніемъ ученой коллегіи, но выразилъ мнѣніе, что нѣкоторые философскій факультетъ лишенъ необходимой *facultas philosophandi*, находить полное сочувствіе Ницше. „Словомъ, дорогой другъ, нельзя быть *слишкомъ* самостоятельнымъ въ своихъ путяхъ. Истина рѣдко живетъ тамъ, гдѣ ей воздвигнуты храмы и приставлены къ ней жрецы. За все, что мы сдѣлаемъ хорошо или глупо, несемъ отвѣтственность мы, а не тѣ, кто даетъ намъ умные или глупые совѣты. Пусть намъ позволятъ хоть глупости дѣлать за свой страхъ. Всеобщаго рецепта для всѣхъ и cadaго на свѣтѣ нѣтъ. Надо самому быть своимъ врачомъ и на себѣ пріобрѣтать врачебный опытъ. Право, мы слишкомъ мало думаемъ о нашемъ благѣ; нашъ эгоизмъ недостаточно уменъ, нашъ разумъ недостаточно эгоистиченъ“.

Здѣсь уже слышатся характерныя ноты. Еще звучнѣе онѣ въ другихъ письмахъ.

„Люди благочестивые вѣрятъ, что всѣ горести и страданія, постигающія ихъ, съ точнѣйшимъ намѣреніемъ рассчитаны на нихъ съ той цѣлю, чтобы возбудить въ нихъ ту или иную мысль, благое намѣреніе, сообщить имъ извѣстный опытъ. У насъ нѣтъ данныхъ для такой вѣры. Но въ нашей власти—воспользоваться всякимъ событіемъ, большой и малой неудачей для нашего улучшения. Въ этомъ смыслѣ преднамѣренность въ судьбѣ отдѣльнаго человѣка не мнѣ. *Мы* должны пользоваться нашей судьбой съ определеннымъ *намѣреніемъ*, ибо сами по себѣ событія—пустая шелуха. Дѣло въ нашей организаціи: событіе имѣетъ для насъ ту цѣну, которую мы придаемъ ему. Люди безъ мысли и нравственности не имѣютъ представленія объ этой преднамѣренности судьбы. Событія проходятъ мимо нихъ: *Мы* же хотимъ учиться на нихъ—и чѣмъ больше растетъ и совершенствуется наше по-

знаніе нравственныхъ отношеній, тѣмъ болѣе будутъ событія, постигшія насъ, сплочиваться въ замкнутый кругъ или, вѣрнѣе, казаться таковымъ. Ты знаешь, къ чему ведетъ это размышленіе“. Нѣсколько ранѣе онъ пишетъ Герсдорфу: „Кланяется тебѣ ***. Откуда? изъ Тюбингена. Въ какой роли? въ роли теолога и даже окончательнаго. Я написалъ ему письмо съ самыми убѣдительными доводами, но, кажется, у него это дѣло воли: въ такихъ случаяхъ доказательства не помогаютъ“...

Но если бы насъ спросили, какая черта показалась намъ наиболѣе сильной и яркой въ этихъ молодыхъ письмахъ Ницше, мы бы сказали: жажда мысли и связанная съ ней жажда жизни, жажда впечатлѣній. Ему хочется все пережить, испытать все сильное, помѣряться съ нимъ и продумать его. И, пожалуй, больше всего за это время говоритъ о будущемъ Ницше слѣдующій отрывокъ, даже по подъему чувствъ выдѣляющійся изъ его писемъ:

„Три вещи составляютъ мой отдыхъ, но отдыхъ рѣдкій—Шопенгауеръ, музыка Шумана и, наконецъ, прогулки въ одиночествѣ. Вчера, во время сильной непогоды, я постигшиль на сосѣднюю гору, гдѣ нашель хижину, въ ней человѣка, зарѣзавшаго двухъ козочекъ, и его мальчика. Буря разразилась съ страшной силой, а я чувствовалъ необычайный подъемъ духа; я понялъ, что мы тогда лишь можемъ понять природу, когда должны бѣжать къ ней отъ нашихъ заботъ и тяготъ. Какъ ничтоженъ показался мнѣ человѣкъ и его безпокойныя стремленія; какъ ничтожно вѣчное „ты долженъ“, „ты не долженъ!“ Какъ безконечно далеки отъ этого молнія, звѣзды, градъ: свободныя силы безъ этики! Какъ счастливы онѣ, какъ могучи, эти проявленія чистой волн, не затуманенныя интеллектомъ!“

II.

Въ началѣ 1869 года Ницше былъ приглашенъ на кафедру греческой словесности въ Базель. Это давало ему желанную самостоятельность и возможность развернуть свои силы. Съ неопиваемой радостью и одушевленіемъ сообщаетъ онъ пріятелю объ этомъ событіи. „Не правда-ли, въ этомъ есть что-то сказочное, сапого-сороходное! Самымъ необычайнымъ остается все-таки то, что есть же, дѣйствительно, на свѣтѣ такое, лишенное всякихъ предразсудковъ, умственно свободное и чуждое формальностей правительство... Мы вѣдь въ Пруссіи—и особенно въ области образованія—привыкли совсѣмъ къ другому отношенію.“ Въ слѣдующемъ письмѣ, наканунѣ отъѣзда, онъ ужъ съ меньшимъ возбужденіемъ, но съ глубокой серьезностью бросаетъ общій взглядъ

на предстоящую переменѣ въ его жизни. „Вотъ мой послѣдній вечеръ на родинѣ. Завтра рано утромъ надо двинуться въ путь, въ новый міръ, въ новое призваніе, въ тяжелую атмосферу долга и труда. Снова надо прощаться: золотое время свободной, ничѣмъ не ограниченной дѣятельности, самодержавной власти мгновенія, наслажденія искусствомъ и міромъ въ роли безучастнаго или, по крайней мѣрѣ, почти безучастнаго зрителя — это время унеслось невозвратно: теперь царить строгая богиня — поденщина... Да, да! Вотъ мнѣ и самому надо стать филистеромъ. Нельзя безнаказанно имѣть санъ и почести: вопросъ только въ томъ, изъ чего узы—изъ желѣза или изъ нитокъ. И я чувствую въ себѣ мужество въ случаѣ нужды разорвать эти цѣпи и попытаться перестроить свою жизнь. Я еще не чувствую на себѣ гнета обычнаго профессорскаго ярма. Быть филистеромъ, *anthropos amousos* (человѣкъ, чуждый музамъ), человѣкомъ стада — да спасутъ меня отъ этого Зевсъ и всѣ музы. Да я и не знаю, какъ бы я сталъ такимъ, когда я не такой. Къ одному виду филистерства я, однако, приблизился: къ разряду „специалистъ“; слишкомъ естественно, что ежедневная работа, ежечасное сосредоточеніе мышленія на опредѣленныхъ областяхъ знанія и вопросахъ, нѣсколько притупляетъ свободную воспримчивость и въ корнѣ поражаетъ философскіе интересы. Но я думаю, что сумѣю съ большимъ спокойствіемъ и увѣренностью бороться съ этой опасностью; слишкомъ глубоко коренится во мнѣ философская мысль, слишкомъ ясно преуказаны мнѣ великимъ мистагогомъ Шопенгауеромъ истинныя и существенныя задачи жизни, чтобы когда бы то ни было бояться позорной измѣны „идеѣ“. Оживить мою науку этой новой кровью, перенести въ моихъ слушателей шопенгауеровскую серьезность, запечатлѣнную на челѣ великаго мужа—такое мое желаніе, моя смѣлая надежда; не только дѣльныхъ филологовъ мечтаю я „выводить“: поколѣніе учителей современности, забота о грядущемъ поколѣніи—вотъ что паритъ въ моей душѣ. Если ужъ намъ приходится выносить жизнь, то попытаемся хоть такъ примѣнить ее, чтобы другіе нашли ее цѣнной и благословили ее, когда мы благополучно избавимся отъ нея.“

Для этого представлялся — благоприятный или печальный — случай: грянула долго-жданная война съ Франціей, и оба пріятеля, въ подъемѣ патріотическаго воодушевленія, оказались немедленно на своемъ посту. Герсдорфъ вступилъ въ ряды дѣйствующей арміи, Ницше постарался сдѣлать то же, по—былъ вынужденъ служить отечеству въ болѣе мягкой роли. „Все, что ты пишешь мнѣ, — отвѣчаетъ онъ Герсдорфу на письмо съ поля битвы, — произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе, особенно честный возвышенный тонъ, которымъ ты говоришь объ этомъ боевомъ испытаніи нашего общаго міровоззрѣнія. Я также чув-

ствую, что и для меня эти мѣсяцы были эпохой, когда основы принятаго нами ученія оказались неискоренимы: съ ними можно умереть; это важнѣе, чѣмъ то, что съ ними — какъ сказали бы кто нибудь — можно жить. И я не былъ въ такой ужъ абсолютной безопасности и отдаленіи отъ опасностей этой войны. Я постигшииъ тотчасъ же испросить у моего начальства отпускъ, чтобы въ качествѣ солдата исполнить мой нѣмецкій долгъ. Мнѣ дали отпускъ, но — въ виду нейтралитета Швейцаріи — обязали не быть въ строю. Тогда я немедленно выѣхалъ съ однимъ пріятелемъ, чтобы посвятить себя уходу за ранеными“.

Далѣе слѣдуютъ весьма любопытныя подробности о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось работать философу, и о томъ, съ какимъ самоотверженіемъ онъ работалъ — пока самъ не свалился. „На моихъ рукахъ было шесть тяжело раненыхъ... была ужасная погода, и наши товарные вагоны пришлось запереть, чтобы нашихъ больныхъ не вымочило; воздухъ въ вагонахъ былъ ужасенъ, у больныхъ былъ кровавый поносъ, у двоихъ — дифтеритъ“. Онъ заразился и тѣмъ, и другимъ, и, такимъ образомъ, его желаніе во что бы то ни стало принять дѣятельное участіе въ народномъ движеніи, которому онъ сочувствовалъ, осталось неисполненнымъ. „Я долженъ теперь удовлетвориться созерцаніемъ и *состраданіемъ*. О, другъ мой, какія благословленія я тебѣ посылаю. Мы знаемъ оба, во что мы цѣнимъ жизнь. Но мы *должны* жить не для себя“. Странно дѣйствуютъ такія слова на того, кто привыкъ думать объ иномъ Ницше, кто привыкъ изъ тѣхъ же устъ слышать: „падающаго толкни“.

Національное одушевленіе, послѣдовавшее за войной и объединеніемъ Германіи, сперва находитъ въ поклонникѣ Бисмарка и Трейчке восторженный отзвукъ. „Итакъ, цѣль и невредимъ, ты счастливо возвратился домой изъ страшныхъ опасностей — обращается онъ къ Герсдорфу. — Наконецъ-то, ты можешь подумать о мирныхъ занятіяхъ и замыслахъ и смотрѣть на этотъ страшный военный эпизодъ какъ на серьезный, но промелькнувшій сонъ твоей жизни. Теперь тебя манятъ новыя обязанности: и если нужно и въ мирѣ сохранить что-нибудь изъ этой дикой военной игры — то это тотъ духъ геройскаго мужества и вмѣстѣ благоразумія, свѣжій и могучій, который я, къ моему изумленію и радости, открылъ во всей его исконной германской крѣпости въ нашемъ войскѣ. Вотъ почва, на которой можно строить! Наша *нѣмецкая* миссія еще не закончена! Я мужественнѣе чѣмъ когда-либо, ибо не все еще погубило подъ натискомъ француско-еврейской пошлости и „элегантности“, и жадной сутолоки „современности“. Есть еще мужество, нѣмецкое мужество, которое будетъ поглубже, чѣмъ élan нашихъ жалкихъ сосѣдей“.

Но одновременно съ этимъ и даже нѣсколько ранѣе — онъ уже отдаетъ себѣ отчетъ въ тѣхъ опасностяхъ, которыя связаны съ

великими національными успѣхами. „Предстоящая форма культуры возбуждаетъ во мнѣ величайшую тревогу. Боясь, какъ-бы за громадныя національныя успѣхи мы не заплатили слишкомъ дорого въ той области, гдѣ я, по крайней мѣрѣ, не могу пойти ни на какія уступки. Между нами, я считаю нынѣшнюю Пруссію силой въ высшей степени опасной для культуры. О вопросахъ образованія предполагаю въ будущемъ поговорить публично; религіозными происками въ пользу католической іерархіи, которые возобновлены въ Берлинѣ, тоже слѣдовало бы заняться кому-нибудь. Подчасъ бываетъ довольно тяжело, но намъ надо быть философами, чтобы сохранить здравомысліе во всеобщемъ опьяненіи—чтобы не пришелъ воръ и не похитилъ или не окарналъ того, что для меня несравнимо съ величайшими воинскими подвигами и даже со всякими національными подъемами“.

И онъ готовится къ борьбѣ съ этимъ теченіемъ, грозящимъ захлестнуть то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ съ своимъ другомъ. „Какіе враги нашей вѣры вырастаютъ на кровавой почвѣ этой войны! Въ этомъ отношеніи я готовлюсь къ худшему, правда, въ надеждѣ на то, что изъ-подъ гнета горя и ужаса тамъ и сямъ взойдетъ ночной цвѣтокъ познанія. Наша борьба впереди—поэтому *мы должны жить!* Поэтому я надѣюсь, что ты закаленъ; пули, которыя поразятъ насъ, вылетятъ не изъ ружей и пушекъ!“.

Въ этомъ сильномъ боевомъ тонѣ написаны и слѣдующія письма; одно изъ нихъ мы уже цитировали.

„Каждое твое письмо—пишетъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—напоминаетъ мнѣ о твоей дѣятельной культурной жизни—точно ты еще солдатъ и проявляешь твои военныя воззрѣнія въ области философіи и искусства. Да такъ оно и слѣдуетъ; лишь въ качествѣ бойцовъ получаемъ мы право на существованіе въ наше время,—въ качествѣ борцовъ за грядущій вѣкъ, строеніе котораго мы, пожалуй, можемъ чувствовать въ наши лучшіе часы, ибо наши лучшіе часы явно отчуждаютъ насъ отъ духа нашего времени—а вѣдь должны же они имѣть гдѣ-нибудь отечество; вотъ почему я думаю, что въ эти часы въ насъ есть какое-то неопредѣленное чутье грядущаго. Итакъ, рѣшено жить въ полнотѣ, цѣлостности, красотѣ. Но для этого нужна недюжинная рѣшительность—и не для всякаго это годится“:—„То, что ты говоришь мнѣ о религіи и философіи, принадлежитъ, разумѣется, къ печальнѣйшимъ necessitatibus въ жизни: разъ человѣкъ дошелъ до этого, остается только вооружиться мудростью и мягкостью. Въ высшей степени трудно при такихъ нападеніяхъ быть совершенно свободнымъ отъ всякой горечи: между тѣмъ, въ непроницаемомъ мракѣ бытія это—самая настоящая область состраданія. Старайся лишь всегда проявить въ дѣйствиіи твое глубочайшее согласіе съ догматомъ любви и состраданія—вотъ

устойчивый мостъ, который можетъ быть переброшенъ даже чрезъ такіа пропасти.

И надо владѣть благороднымъ искусствомъ во время *молчать* объ этихъ вещахъ. Слово—страшная штука и рѣдко бываетъ умѣстно въ этихъ случаяхъ. Какъ многого нельзя высказывать. И именно основные религіозныя и философскія воззрѣнія принадлежатъ къ такимъ *rudenda*. Это корни нашего мышленія и воленія, поэтому ихъ нельзя вытаскивать на свѣтъ“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ это ограниченіе всей жизнедѣятельности чистымъ, факирскимъ познаніемъ жизни, спокойнымъ, самозабвеннымъ и безстрастнымъ, формулируется еще опредѣленнѣе.

„Какова цѣна жизни, ты можешь усмотрѣть изъ прилагаемаго письма невыразимо страдающаго ***; ясно, что не слѣдуетъ связывать съ ней свое сердце; но можно выносить ее и тогда, когда по истинѣ ничего не *хочешь*. Я хочу сказать, что *жажда познанія* остается послѣднимъ убѣжищемъ желанія жизни, промежуточной областью между воленіемъ и неволеніемъ, нѣкоторымъ чистилищемъ, поскольку мы неудовлетворенно и презрительно смотримъ на прежнюю жизнь, и нѣкоторой нирваной, поскольку это приближаетъ душу къ состоянію чистаго познанія. Я стараюсь отучиться отъ стремительности, жажды познанія; этимъ страдаютъ всѣ ученые, теряя поэтому чудное состояніе успокоенія послѣ завоеванія истины. Тенерь, правда, я все еще слишкомъ туго затянутъ разнообразными требованіями моихъ обязанностей, такъ что не могу избѣгнуть этой поспѣшности; но понемногу я это улажу. Тогда установится и мое здоровье,—котораго я и не требую, пока я его не *заслужилъ*, пока я не обрѣлъ того состоянія души, которое есть для меня обѣтованное состояніе ея здоровья,—когда она сохранить одно стремленіе, жажду познанія, и освободится отъ всѣхъ прочихъ стремленій и побужденій. Простой обиходъ, вполне правильный образъ жизни, никакихъ возбужденій чѣстолюбія или жажды общества, жизнь вмѣстѣ съ моей сестрой (отчего все въ моей обстановкѣ станетъ вполне по *Ницшевски* и удивительно покойно), сознаніе, что имѣешь превосходныхъ любящихъ друзей, обладаніе сорока лучшими книгами всѣхъ временъ и народовъ (и многими еще, трже не изъ плохихъ), неизмѣнное счастье видѣть въ Шопенгауерѣ и Вагнерѣ своихъ воспитателей, въ грекахъ—предметъ моей ежедневной работы, вѣра въ то, что я буду имѣть хорошихъ учениковъ—вотъ изъ чего состоитъ моя теперешняя жизнь. Къ сожалѣнію, къ этому присоединяется хроническая болѣзнь, терзающая меня каждыя двѣ недѣли по двое сутокъ, а иногда и больше—ну, и этому придетъ конецъ“.

Болѣзнь, дѣйствительно, мучила его невѣроятно.

„Мнѣ трудно писать и я буду кратокъ. Милый другъ, я пере-

жилъ ужаснѣйшее, тяжелѣйшее Рождество (1875 г.), какое было въ моей жизни. Въ первый же день, послѣ нѣсколькихъ все учащавшихся предвѣстниковъ, произошелъ формальный припадокъ; не было сомнѣнія, что это серьезное страданіе мозга и что болѣзни желудка и глазъ зависать только отъ этого центральнаго воздѣйствія. Мой отецъ умеръ тридцати шести лѣтъ отъ воспаления мозга; возможно, что у меня это пойдетъ еще быстрее. Теперь, благодаря многочасовымъ ледянымъ пузырямъ и обливаніямъ, мнѣ—послѣ пѣлой недѣли полнѣйшаго расслабленія и мучительнаго страданія—нѣсколько легче. Но и это еще не выздоровленіе, ужасное состояніе не устранено, я вспоминаю о немъ каждое мгновение... Я терпѣливъ, но полонъ отчаянія: что будетъ... Если бы хотъ не эти страшные, дующіеся пѣлый день припадки! Безъ нихъ можно хотъ перетащиться изъ одного дня въ другой“.

И этотъ тягостный болѣзненный стонъ все же разрѣшается мягкой, самозабвенной мыслью:

„Будь хотъ ты здоровъ, я все больше вынужденъ искать моего счастья въ счастья моихъ друзей. Всѣ же мои замыслы—какъ дымъ. Я вижу еще ихъ предъ собой и ловлю ихъ. Ибо тяжело, пожалуй, невозможно жить безъ нихъ“. И онъ хватается за нихъ, онъ только въ нихъ живетъ. Онъ уже учитъ другихъ—не только въ университетской аудиторіи, но и въ литературѣ уже появились его боевыя „Несвоевременныя размышленія“—и удивительно трогательное и характерное впечатлѣніе производятъ въ устахъ этого неумолимаго, жестокаго, безстрастнаго такія неожиданныя признанія:

„Вчера похоронили въ Людвигсбургѣ Давида Штрауса (противъ котораго направлено самое рѣзкое „Несвоевременное размышленіе“). Я очень надѣюсь, что не затруднилъ ему послѣднихъ дней жизни и что онъ умеръ, не зная обо мнѣ ничего—это нѣсколько волнуешь меня“.

Но, выступивъ уже въ литературѣ законченнымъ и яркимъ бойцомъ, онъ продолжаетъ учиться,—учиться, какъ студентъ. Онъ исправно слушаетъ лекціи своего товарища по кафедрѣ, Якова Бурхардта, автора знаменитой „Культуры Возрожденія“, оказавшей на него серьезное вліяніе.

„Стараюсь теперъ заткнуть дыры нашего воспитанія (я имѣю въ виду гимназію и университетъ)—пишетъ онъ въ 1875 году,—и на каждый день опредѣленъ маленькій урокъ, не говоря о главной работѣ, связанной съ лекціями. Намъ еще порядочно надо пройти впередъ и вверхъ, медленно, но неуклонно, чтобы имѣть возможность взглянуть свободно на нашу старую культуру; многихъ трудныхъ областей знанія надо преодолѣть, и прежде всего точныя науки. Но это спокойное движеніе впередъ есть *наше* счастье; больше мнѣ ничего и не надо. Съ писательствомъ я покончилъ,

вѣрно, надолго“,—прибавляетъ онъ. Но это только временное настроеніе, не разъ овладѣвавшее имъ и раньше.

„Если бы ты зналъ, какъ меланхолически и нерѣшительно я, въ сущности, смотрю на себя, какъ на творца. Я ищу только одного: немного свободы, немного настоящей радости жизни и обронуясь, отбиваюсь отъ невыразимо многого *несвободнаго*, сидящаго во мнѣ. О дѣйствительномъ творчествѣ не можетъ быть рѣчи, пока мы такъ мало свободны отъ рабства, отъ страданій и тяготъ неволи. Добьюсь-ли я когда-либо свободы? Сомнѣніе за сомнѣніемъ. Цѣль слишкомъ далека, и когда ужъ достигнешь ея, то потеряешь всѣ силы на долгую борьбу и стремленія; достигаешь свободы—и чувствуешь себя разбитымъ, какъ однодневная мошка вечеромъ. Очень боюсь этого. Какое несчастье быть такъ увѣреннымъ напередъ въ предстоящей борьбѣ. А вѣдь никакихъ подвыговъ—какъ могъ бы художникъ или аскетъ—я противопоставить этому не могу. Какъ противенъ и ужасенъ мнѣ становится иногда этотъ вышій вой“!

III.

Къ этому приблизительно времени—второй половинѣ семидесятыхъ годовъ—относится любопытный эпизодъ въ жизни Ницше, оставившій самые привлекательные слѣды въ его перепискѣ—эпизодъ, такъ сказать, романтический. Мысль о женской любви какъ будто совсѣмъ чужда его признаніямъ. Бракъ по расчету—хотя бы и самому возвышенному—былъ всегда для него непонятенъ и противенъ, касалось-ли это другихъ или его самого. Разсужденіе, гдѣ онъ излагаетъ этотъ взглядъ предъ Герддорфомъ, начинается нѣсколько издали.

„Теперь я позналъ основную истину; главное, что дѣйствительно признаютъ люди всякаго пошиба и предъ чѣмъ они дѣйствительно преклоняются—это идейное дѣйствіе. Ради всего на свѣтѣ—ни шага къ приспособленію. Большой успѣхъ ждетъ только того, кто вѣренъ себѣ. Я вижу, какое вліяніе оказываю уже теперь и погубилъ бы не только себя, но и многихъ вмѣстѣ со мною растущихъ людей, если бы вздумалъ стать слабѣе или скептикомъ.

Въ примѣненіи къ тебѣ, мой дорогой другъ, умоляю тебя *забыть* кой-что, что случилось мнѣ въ минуты слабости говорить о твоей женитбѣ. Бракъ по расчету—*ни за что на свѣтѣ!* (А таковы *всѣ* партіи, которыя ты до сихъ поръ называлъ мнѣ или которыя тебѣ предлагали другіе). Въ этомъ вопросѣ мы не измѣнимъ чистотѣ характера! Въ десять тысячъ разъ лучше остаться навѣки въ одиночествѣ—таковъ мой девизъ въ этомъ дѣлѣ“. И когда друзья съ нѣкоторой настойчивостью стали совѣтовать ему избавиться отъ холостяцкаго одиночества, тяжесть

котораго онъ и самъ иногда чувствовалъ, онъ могъ только по-
емѣяться надъ этимъ.

„По истинѣ божественна мысль—писать онъ Герсдорфу—ви-
дѣть тебя и байретцевъ (Вагнеровъ), совместно засѣдающими въ
брачномъ бюро. Особенно хорошо указаніе, что женщинъ на свѣтѣ
много, а мое дѣло найти подходящую. Что-жъ, мнѣ отправиться
въ крестовый походъ по свѣту, чтобы найти столь восхваляемую
тобой землю обѣтованную? Или ты думаешь, что женщины явятся
ко мнѣ на испытаніе, какую я найду подходящей? Эта тема ка-
жется мнѣ нѣсколько невозможной. Или докажи противное—и
примѣни твой взгляды на себя“.

Кажется, „подходящая“ нашлась. Во всякомъ случаѣ, редак-
торъ переписки Ницше не безъ основанія находитъ, что семь
писемъ его къ м-ше Луизѣ О., дошедшія до насъ, „говорятъ бо-
лѣе теплымъ языкомъ, чѣмъ языкъ дружбы“. Въ этихъ письмахъ,
въ самомъ дѣлѣ, чувствуется налетъ иныхъ настроеній. Ницше
познакомился съ г-жей О. въ Байретѣ во время перваго предста-
вленія „Кольца Нибелунговъ“—и кто знаетъ, въ какое состояніе
повергають поклонниковъ Вагнера его музыкальныя драмы, тотъ
легко перенесется въ ту атмосферу, какой въ эти дни дышалъ
Ницше. „Вокругъ меня стало вдругъ темно, когда вы покинули
Байретъ, точно кто-то отнялъ у меня свѣтъ,—пишетъ онъ своей
новой пріятельницѣ.—Я долженъ былъ опомниться, но я *сплпалъ*
это,—и вы можете безъ тревоги взять это письмо въ руки.

Мы не измѣнимъ той чистотѣ духа, которая сблизила насъ,
мы останемся вѣрны другъ другу во всемъ хорошемъ.

Я думаю о васъ съ такой братской сердечностью, что могъ
бы полюбить вашего мужа, потому что онъ *ваши* мужъ; и вы по-
вѣрите, что я десятки разъ на день вспоминалъ вашего малень-
каго Марселя.

Не угодно-ли получить мои первыя три „Несвоевременныя
размышленія“? Надо же вамъ знать, во что я вѣрю, для чего я
живу?

Сохраните вашу доброту ко мнѣ и помогите мнѣ въ томъ,
что составляетъ мою задачу“.

Силой и благородствомъ дышетъ это письмо; авторъ подписы-
вается: „въ чистотѣ помысленій вашъ Ф. Ницше“, въ слѣдующемъ
письмѣ—„*братски* вашъ“—и чувствуешь, что эти подписи знаме-
нуютъ борьбу, быть можетъ, и побѣду надъ собой. Онъ хочетъ
искать только дружбы—и радуется ей. „Эта молодая дружба—
пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ—какъ молодое вино: очень пріятна
но, быть можетъ, чуточку опасна—для меня, во всякомъ случаѣ.
Да и для васъ тоже,—когда я подумаю, на какое *свободоми-
е* вы наткнулись въ моемъ лицѣ. На человѣка, который ничего
больше нежелаетъ, какъ ежедневно терять какую-нибудь успо-
каивающую вѣру, который въ этомъ ежедневно возрастающемъ

освобожденіи духа ищетъ и находитъ свое счастье. Быть можетъ, мысль моя *хочетъ* быть болѣе свободной, чѣмъ это *возможно* для меня“.

Болѣзнь Ницше прерываетъ оживленную переписку. Въ концѣ 1876 года онъ вновь пишетъ въ Парижъ, чтобы „добыть пару—нѣтъ, *много* строчекъ“, въ этомъ письмѣ онъ дѣлаетъ своей пріятельницѣ оригинальное предложеніе: „Недавно мнѣ пришло въ голову, что вы могли бы написать маленькій романъ и дать мнѣ его прочитать. Такъ получаешь возможность обзрѣть, что имѣешь и чего хочешь отъ жизни, и оттого, конечно, не становишься несчастнѣе—таково дѣйствіе искусства. Во всякомъ случаѣ, дѣлаешься мудрѣе. Быть можетъ, это глупый совѣтъ, тогда скажите, что посмѣялись надо мной—буду очень радъ это слышать“. Что-то иное чувствуется между этихъ шаловливыхъ строкъ—не просто случайный совѣтъ. Ницше еще далеко не спокоенъ—онъ чего-то *хочетъ*—быть можетъ, того, чего онъ не *хочетъ хотѣть*. Думается, что бессознательно онъ ищетъ въ романѣ пріятельницы косвенными путями того, чего искать прямо не позволяетъ ему его честность: исповѣди, быть можетъ, признанія...

Мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма—почти чрезъ годъ—что его совѣтомъ не воспользовались.

„Милый, милый другъ, не хочу разстаться съ моимъ горнымъ одиночествомъ, не сказавъ вамъ еще разъ, какъ хорошо отношусь къ вамъ. Какъ не нужно говорить и писать это, не правда-ли? Но мое расположеніе къ человѣку вѣпляется въ меня, какъ колючка, и иногда надоѣдливо, какъ колючка, не отдѣлаешься отъ него. Все-же примите это маленькое, лишнее, надоѣдливое письмецо.

Мнѣ говорили, что вы... ну, что вы ожидаете, надѣетесь, желаете; съ сердечнымъ участіемъ услышалъ я это и полонъ того же желанія, что и вы. Новымъ, добрымъ и прекраснымъ человѣкомъ больше на землѣ—а это ужъ нѣчто, это—много! Такъ какъ вы рѣшительно отказываетесь увѣковѣчить себя въ романѣ, то сдѣлайте это такимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ я слышалъ, гораздо нужнѣе, чѣмъ даже писаніе романовъ.

Недавно я вдругъ увидалъ въ темнотѣ ваши глаза. Почему никто на свѣтѣ не смотрѣлъ на меня такими глазами!—вскричалъ я ожесточенно. О, это ужасно!

Знаете, никогда женскій голосъ не дѣйствовалъ на меня глубоко, хотя я слышалъ знаменитостей всѣхъ сортовъ. Но я вѣрю, что есть на свѣтѣ голосъ *для меня*; я ищю его. Гдѣ только онъ?“

Черезъ два мѣсяца, больной и разбитый Ницше благодарилъ и поздравлялъ свою пріятельницу.

„Мое состояніе скверно, глаза и голова отказываются служить болѣе чѣмъ когда либо; мнѣ пришлось бы диктовать. Но я *не хочу* диктовать письмо къ вамъ“.

Мы видѣли—тайнъ въ этихъ письмахъ Ницше не было; но

они, очевидно, были нѣжной и глубокой тайной потому чувству, которое ихъ напечатало и которое не нашло въ нихъ грубо-яснаго выраженія.

На этомъ письмѣ переписка оборвалась. Лишь черезъ пять (по счету Ницше—шесть) лѣтъ друзья обмѣнялись парой записочекъ.

„Эти годы—пишетъ онъ послѣ перерыва—я жилъ ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни и оттого сдѣлался немножко черзчуръ „мудрецомъ“ и почти „святимъ“...”

Однако, *это* можетъ быть еще исправлено, ибо я снова вѣрю въ жизнь, въ людей, въ Парижъ, даже въ себя — и намѣренъ скорѣ видѣть васъ. Моя послѣдняя книга называется „Веселая наука“.

Есть-ли свѣтлое небо надъ Парижемъ? Быть можетъ вы знаете подходящую для меня комнату? Это должна быть простая комната, спокойная, какъ могила. И не слишкомъ далеко отъ васъ.

Или вы не совѣтуете мнѣ ѣхать въ Парижъ? Это не подходящее мѣсто для отшельника, для человѣка, который хочетъ тихо трудиться надъ дѣломъ цѣлой жизни, и не думать о политикѣ и о современности? Вы—такое пріятное воспоминаніе для меня“!

Но обстоятельства не позволили Ницше пріѣхать въ Парижъ, и онъ больше не видѣлся со своей пріятельницей.

Весь этотъ эпизодъ оставляетъ мягкое, чистое впечатлѣніе, весьма благопріятное для Ницше. Онъ особенно хорошо рисуетъ то свойство, которое такъ сильно и—для человѣка, мало знакомаго съ его произведеніями — такъ неожиданно поражаетъ въ его письмахъ: его нѣжность. Онъ всей душой прилѣпляется къ людямъ; онъ любитъ дѣтей, животныхъ, природу — и обо всемъ этомъ умѣетъ говорить съ особенной мягкостью. Ницше, заикающійся два фунта финиковъ для маленькаго Зигфрида Вагнера, Ницше, съ увлеченіемъ рассказывающій въ письмѣ пріятелю, какъ на прогулкѣ ему пришлось случайно видѣть, какъ козочка разрѣшилась отъ бремени—вотъ *особый* Ницше — быть можетъ, бросающій свѣтъ на того, котораго мы знали.

„Малюкъ былъ много подвижнѣе новорожденнаго ребенка и видъ имѣлъ лучшій, мать облизывала его и вообще, казалось мнѣ, вела себя весьма разсудительно, а я и Ротмундъ стояли, какъ ужасные дураки“.

Но всего сильнѣе дѣйствуетъ на читателя его способность привязываться къ людямъ, его преданность старымъ друзьямъ, то открытое, душевное чувство, съ которымъ онъ, несмотря на свою гордую сдержанность, встрѣчаетъ всякую ласку и отвѣчаетъ на нее.

„Послѣ такого письма—пишетъ онъ своему новому другу, барону Зейдлицу, получивъ отъ него письмо съ изъявленіемъ любви,

послѣ такого захватывающаго изображенія вашихъ чувствъ и вашей души я ничего не могу сказать, кромѣ одного: будемъ же близки другъ къ другу, будемъ стараться, разъ ужъ мы нашли одинъ другого, не терять другъ друга! Я полонъ радостной увѣренностью, что приобрѣлъ еще одного истиннаго друга. А если бы вы знали, какъ много это для меня значитъ! Я вѣдь, какъ корсаръ, всегда *охочусь за людьми*—только не затѣмъ, чтобы продавать ихъ въ рабство, но для того, чтобы вмѣстѣ съ ними *про-даваться свободѣ*“.

Любопытная подробность: въ 1885 году онъ пишетъ этому барону Зейдлицу вы, въ 1886—уже ты; ему шелъ тогда сорокъ второй годъ. Не многіе изъ насъ способны послѣ сорока лѣтъ переходить на ты съ новыми друзьями. И принимая во вниманіе сдержанность, гордость и искренность Ницше, которая не позволила бы ему сдѣлать это такъ себѣ, мы должны предположить въ этомъ человѣкѣ удивительную способность цѣнить чужую ласку и привязываться къ людямъ.

Кажется — пишетъ онъ ему-же—кажется, и фрейленъ фонъ-Мейзенбургъ вы доставили своимъ письмомъ большую радость, смѣшанную съ тѣмъ изумленіемъ, которое испыталъ и я и которое все спрашиваетъ: возможно-ли это? Неужто есть на свѣтѣ такіе люди? И почему они дарятъ *насъ* такой любовью? Заслужили мы ее? Говорю о себѣ и серьезно спрашиваю еще разъ, не ошиблись ли вы? Видитъ небо, вы найдете очень простаго человѣка, имѣющаго о себѣ совсѣмъ не высокое мнѣніе“. Позже это было не совсѣмъ такъ; но и тогда его высокое мнѣніе о себѣ не мѣшало ему дружить съ людьми. „Будьте благословенны, мой дорогой другъ, за вашу доброту и сердечность. Вотъ такъ я всегда думаю о васъ. Писать письма мнѣ ужъ не приходится; и старые мои и новые друзья не должны ихъ больше ждать. Я долженъ жить для моего долга и моей задачи—для господина и возлюбленной и богини одновременно: слишкомъ много для моихъ слабыхъ силъ и потрясеннаго здоровья. Извинѣ — это жизнь старика и отшельника; полное отсутствіе общенія даже съ друзьями—его условіе. Но я полонъ отваги, впередъ, excelsior!

Мое отношеніе къ Вагнеру совершенно свободно. Все это должно было произойти, оно благотѣльно для меня и я широко пользуюсь моею эмансипаціей отъ него для духовнаго движенія впередъ.—Нѣкто сказалъ мнѣ: „Байретскій каррикатуристъ—неблагодарный и дуракъ“; я отвѣтилъ: „людей столь высокаго назначенія должно по отношенію къ мѣщанской добродѣтели благодарности измѣрять мѣрой ихъ назначенія. — Впрочемъ, я быть можетъ не болѣе „благодарный“, чѣмъ Вагнеръ, а что до глупости...“ Но онъ клеветалъ на себя. Вагнеръ прославился неблагодарностью—и у него не найдешь такихъ искренне любовныхъ строкъ:

„Знаете—пишетъ онъ своей поклонницѣ и переводчицѣ г-жѣ Баумгартнеръ, въ домѣ которой въ Базелѣ часто находилъ пріютъ и теплоту семейной обстановки—знаете, мной давно уже владѣетъ одно чувство: „я не заслуживаю всего того, что мнѣ дали любовь и дружба“, и я иногда чувствую раздраженіе противъ моихъ друзей, что не могу отплатить имъ. Такъ оно: *давать* пріятнѣе, чѣмъ *отдавать*, но всегда брать и только брать—это можетъ сдѣлать человѣка несчастнымъ. Измѣнить здѣсь нельзя ничего—это рокъ“.

Эту бессознательную, незаслуженную любовь онъ, избалованный вниманіемъ сестры и матери, цѣнилъ особенно высоко. Оттого онъ такъ цѣпко держался за старыя связи съ школьными друзьями.

„Сегодня — пишетъ онъ пріятелю по поводу смерти его матери — сегодня ты, вѣрно, съ особенной болью смотришь на свою жизнь. Мы старѣемъ и становимся болѣе одиноки: насъ покидаетъ та именно любовь, которая любила насъ въ силу бессознательной необходимости, не за наши особенныя качества, но часто вопреки имъ. Наше прошлое уходитъ еще дальше, когда мы теряемъ мать; лишь тогда наше дѣтство и юность переходятъ всецѣло въ область воспоминаній. И на этомъ не останавливается; умираютъ друзья юности, учителя, бывше идеалы—мы все болѣе одиноки, все болѣе холодные вѣтры обвѣвають насъ. Хорошо ты сдѣлалъ, милый другъ, что насадилъ вокругъ себя новый садъ любви. Я думаю, ты сегодня особенно благодаренъ своей судьбѣ. Затѣмъ ты остался вѣренъ своему искусству; я слушаю все, что ты мнѣ объ этомъ пишешь, съ сердечнымъ удовлетвореніемъ, и быть можетъ, будетъ время, болѣе благоприятное для моего здоровья, чѣмъ нынѣшнее—и мы будемъ сидѣть вмѣстѣ, и *прошлое* будетъ вставать изъ твоихъ звуковъ подобно тому, какъ мы мечтали о *будущемъ* въ нашей юношеской музыкѣ“.

„Если иногда мнѣ становилось страшно при мысли о мракѣ моего базельскаго существованія въ будущую зиму, то я вспоминалъ также вашу уютную комнату и вашу сердечность,—пишетъ онъ г-жѣ Баумгартнеръ.—„Ты долженъ вѣчно отрекаться и ограничивать себя“—таковъ припѣвъ всякой человѣческой жизни, поэтому-то добрымъ друзьямъ и слѣдуетъ держаться другъ за друга, чтобы на свѣтѣ было хоть одно теплое мѣстечко, куда нѣтъ доступа пустынь самоограниченія.

Теперь мнѣ стало совершенно ясно, что, въ сущности, причиной моей болѣзни было чрезмѣрное усиліе, которое я вынужденъ былъ дѣлать надъ собою въ Базелѣ; въ концѣ-концовъ, моя способность сопротивленія не устояла. Я знаю, я чувствую, что есть для меня болѣе высокое назначеніе, чѣмъ то, которое выражается въ столь почетномъ моемъ базельскомъ положеніи; и я—нѣчто болѣе, чѣмъ филологъ, какъ ни велико примѣненіе, которое я могу сдѣлать изъ филологіи для моей высшей задачи. „Я жажду себя“—

такова, въ сущности, неизмѣнная тема моихъ послѣднихъ десяти лѣтъ. Теперь, когда годовое пребываніе наединѣ съ собою уяснило мнѣ все съ полной ясностью и отчетливостью (не могу выразить, какимъ богатымъ я себя чувствую, какую радость творчества ощущаю, какъ только меня оставляютъ въ одиночествѣ), теперь я могу сказать, что возвращаюсь въ Базель не затѣмъ, чтобъ тамъ остаться. Какъ это еще выйдетъ, я не знаю; но свободу (ахъ, вѣшнія условія ея должны быть такъ скромны, какъ только возможно), эту свободу я себѣ завоюю“.

IV.

Эти мысли о великомъ призваніи, о необъятной задачѣ жизни все больше овладѣваютъ философомъ съ середины семидесятыхъ годовъ и,—правда, больше только теоретически—отчуждаютъ его отъ друзей. Теорія возвышеннаго подвига мысли связывается для него съ требованіемъ возвышеннаго одиночества, и слѣды этого могучаго и рокового настроенія становятся все многочисленнѣе въ его письмахъ. Особенно отчетливо набросана картина этого двойственнаго отношенія къ личнымъ дружественнымъ связямъ въ большомъ письмѣ къ старому товарищу по гимназической скамьѣ и университетскому землячеству „Франконія“, выдающемуся изслѣдователю индійской религіозной философіи, профессору Дейссену.

„Я такъ высоко ставлю твою дѣятельную и мужественную жизнь, что нѣтъ никакого смысла выражать тебѣ особыя пожеланія (письмо начинается поздравленіемъ съ новымъ 1888 годомъ). Кто влагаетъ въ вещи свою волю, надъ тѣмъ онъ не имѣетъ никакой власти; въ концѣ-концовъ и *случайности* приспосаблиются къ нашимъ личнымъ потребностямъ. Я часто поражаюсь, какъ мало можетъ сдѣлать съ моей волей самое неблагоприятное отношеніе судьбы. Или, вѣрнѣе, я говорю себѣ,—до какой степени воля сама есть судьба, если она всегда побѣждаетъ судьбу, *hurere* *monop.* Какъ странно, что мои старые друзья какъ разъ теперь вновь сближаются со мной. (Кромѣ тебя, напримѣръ, Карлъ фонъ-Герсдорфъ, отъ котораго я недавно получилъ чудное письмо). Какъ разъ теперь, когда я такъ глубоко сознаю мое радикальное одиночество и нетерпѣливо и болѣзненно разрываю, *долженъ* разрывать одни отношенія за другими. По существу все во мнѣ переживаетъ теперь эпоху; все мое „до сихъ поръ“ шелушится съ меня; и когда я подсчитываю, что я вообще сдѣлалъ за послѣдніе два года, то мнѣ кажется, что всякая моя работа ведетъ къ одному: она отъединяетъ меня отъ моего прошлаго, перерѣзаетъ пуповину между нимъ и мною. Я такъ много пережилъ, желалъ и, быть можетъ, достигъ, что нужно нѣкоторое усиліе, чтобы снова очутиться внѣ и вдали отъ всего этого. Напряженіе внутреннихъ

колебаній было невѣроятно; что это, въ общемъ, замѣтно и издали, я заключаю по тѣмъ регулярнымъ „украшающимъ эпитетамъ“, которыми меня надѣляетъ нѣмецкая критика („патологическій“, „психиатрический“, „эксцентрический“ et hoc genus omne). Эти господа, не имѣющіе никакого понятія о моемъ центрѣ, о той великой страсти, на службѣ коей я живу, едва-ли сумѣютъ разобратъ, гдѣ я до сихъ поръ былъ внѣ моего центра, гдѣ я *былъ* по-истинѣ „эксцентриченъ“. Но что ни все равно, гдѣ меня не понимаютъ или оскорбляютъ. Хуже было бы, если бы этого не было: это породило бы во мнѣ недовѣріе къ самому себѣ.

Теперь въ теченіе многихъ лѣтъ я хотѣлъ бы одного: тишины, забвенія, милости солнца и осени къ тому, что должно созрѣть, къ поздней санкціи и оправданію всего моего существованія—по тысячѣ причинъ, вѣчно проблематичнаго существованія!

Ко всему, что ты предпринимаешь, я питаю, ты знаешь, глубокое сочувствіе. Къ важнѣйшимъ стимуламъ моей свободы отъ предрасудковъ (моего „сверхъевропейскаго глаза“) относится и то, что вся твоя дѣятельность постоянно напоминаетъ мнѣ о единственной великой параллели, равной нашей европейской философій. Здѣсь во Франціи *) царитъ по отношенію къ этому индійскому созданію старинное полнѣйшее невѣжество, такъ что, напримѣръ, послѣдователи О. Конта съ полнѣйшей наивностью конструируютъ *законы исторически-необходимаго развитія* и преемственности основныхъ философскихъ воззрѣній, совершенно не принимая въ расчетъ индусовъ,—законы, которыми индійское развитіе *противоречитъ*. Но это остается мосье де-Роберти неизвѣстнымъ („L'ancienne et nouvelle philosophie“, 1887)...

...Мое желаніе снова провести зиму въ одномъ изъ ученыхъ городовъ Германіи поближе къ добрымъ друзьямъ и книгамъ (желаніе, подчасъ, по отношенію къ питанію моего духа, доходящее до голода и пытки) до сихъ поръ всегда разбивалось о *force majeure* (или, вѣрнѣе, *mineure*) моего здоровья. Но „будетъ нѣкогда день“...

Здѣсь кстати отмѣтить то рѣшающее значеніе, которое, по признанію Дейссена, имѣлъ въ его жизни Ницше—не своими сочиненіями, которыя часто шли въ разрѣзъ съ воззрѣніями Дейссена, но личнымъ вліяніемъ. „Въ задушевныхъ разговорахъ о всевозможныхъ предметахъ онъ рано зажегъ во мнѣ пламя одушевленія ко всему высокому и прекрасному, никогда съ тѣхъ поръ не угасавшее; и болѣе примѣромъ, чѣмъ словами онъ внушилъ мнѣ достодолжное презрѣніе къ той научной дѣятельности, которая отправляется отъ матеріальныхъ или личныхъ цѣлей. Рука объ руку съ нимъ въ первые университетскіе годы я сорвалъ съ себя узы суевѣрія и пробился къ полной свободѣ,—и опять-таки онъ восполнилъ это отрицательное приобрѣтеніе положительными

*) Письмо изъ Ниццы.

элементами, ибо онъ въ послѣдствіи путемъ писемъ указалъ мнѣ на Шопенгауера, божественнаго, въ которомъ я на всю мою жизнь—уже помимо вліянія Ницше и иногда вопреки ему—нашелъ непоколебимую основу моего научнаго, равно какъ религіознаго міровоззрѣнія. Я долженъ также упомянуть, что Фридрихъ Ницше былъ первой причиной поворота въ моей жизни, вырвавшего меня изъ стѣсненныхъ и тяжелыхъ условій и доставившаго мнѣ свободу для болѣе достойнаго примѣненія моихъ силъ. Но духовные пути друзей разошлись, и едва-ли Ницше поразилъ чѣмъ-нибудь неожиданнымъ Дейссена, когда еще весной 1883 года писалъ ему: „По случайному совпаденію какъ разъ теперь печатаютъ мой *манифестъ*, который почти съ такимъ же краснорѣчіемъ говорить *да тамъ*, гдѣ твоя книга говорить *нѣтъ*. Это очень смѣшно; но, быть можетъ, тебѣ это будетъ тяжело, и я еще не рѣшилъ, пошлю-ли его тебѣ. Чтобы написать твою книгу, ты *долженъ* былъ не такъ смотрѣть на вещи, какъ я; но твоя книга должна была быть написана. Слѣдовательно...“

Такова обычная трагедія дружбы выдающихся людей: ихъ пути расходятся, потому что ихъ сила именно въ своемъ, особомъ пути; они идутъ лишь съ тѣми, кто можетъ идти за ними. И меньше всего это могло остановить Ницше, чутъ не съ самаго начала своей сознательной жизни уже предчувствовавшего свою силу и связанную съ ней судьбу. Вдохновеніе борьбы всегда владѣло имъ — и отълики его чувствуются еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ. „Она пишетъ—сообщаетъ онъ пріятелю о письмѣ г-жи Вагнеръ: „все восхищаюсь вашимъ мастерскимъ изложеніемъ; ничего лучше этого, уважаемый другъ, вы никогда не напишете; я считаю, что достигнуть большаго совершенства, чѣмъ царящее въ этой книгѣ, невозможно; но другими вещами, равными этой, вы еще насъ порадуете—и не въ одной этой области“. Какимъ горделивымъ чувствомъ наполняютъ человѣка такіе слова! Какимъ мужествомъ и вмѣстѣ стыдомъ. Но прежде всего я чувствую въ такихъ случаяхъ, что для того, чтобы мнѣ самому удовлетвориться моимъ произведеніемъ, я долженъ въ немъ стремиться къ возвышеннымъ, отважнымъ и весьма идеальнымъ цѣлямъ. Ты говорилъ о „простотѣ и величіи“—вотъ возгласъ изъ глубины моей души, здѣсь лежатъ и мои идеалы“. И чѣмъ дальше, тѣмъ грудь его дышетъ сильнѣе, тѣмъ взоръ его видитъ больше. Онъ чувствуетъ въ себѣ силу—и уже требуетъ ея отъ другихъ. „Это длинное письмо, дорогой докторъ, должно съ очевидностью демонстрировать вамъ, какъ обстоитъ дѣло съ моими глазами, о которыхъ вы съ такимъ участіемъ освѣдомляетесь; затѣмъ, мнѣ кажется, настало, наконецъ, время сказать вамъ нѣсколько подробнѣе и опредѣленнѣе, какъ много я за послѣдніе годы думалъ о васъ, не безъ нѣкоторой смѣны ощущеній: подчасъ съ надеждой и страхомъ, но всегда въ твердой и благой

увѣренности, что вы обладаете рѣдкой силой справляться безъ чужой поддержки; это, разумеется, значить также, что такимъ натурамъ и нельзя иначе помочь. Поэтому и не ждите отъ друзей ничего, кромѣ участливаго *созерцанія* вашей борьбы, не ждите совѣтовъ, увѣщаній, призывовъ, какъ ни сильно въ нихъ иногда искушеніе издали протянуть вамъ отъ души руку помощи. (Въ слѣдующемъ письмѣ Ницше говоритъ: „Гдѣ можно помочь, тамъ именно не стоитъ...“). Въ моихъ тринадцати „Несвоевременныхъ размышленіяхъ“, которыя я издаю понемногу *), я сковаль себѣ хорошее оружіе, которымъ бью людей по головѣ, пока изъ этого что-нибудь выйдетъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы вы поступили такъ же, и, такимъ образомъ, выдѣлили изъ себя все, что въ васъ есть отрицательнаго, полемическаго, ненавидящаго, чтобы потомъ наслаждаться покоемъ и не бояться „быть вовлеченнымъ въ противорѣчія“. Такъ надѣюсь я и утѣшаюсь мыслью о томъ времени, когда не будетъ ни борьбы, ни оханья, ни стоновъ; а пока—„впередъ въ рукопашную“, какъ сказалъ бы старый бранденбургскій мареграфъ изъ эпохи реформаціи. Ибо вѣдь въ концѣ-то концовъ всѣ мы страдаемъ такъ глубоко и мучительно, что вынести это можно только въ крѣпкомъ бою съ мечемъ въ рукѣ. А такъ какъ мы *для себя* не хотимъ ничего и можемъ съ чистой и радостной совѣстью броситься въ самую ожесточенную свалку, то возгласимъ себѣ: „кто въ мірѣ свободенъ?—одинъ лишь солдатъ“, а кто хочетъ быть, остаться или сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, тому нѣтъ никакого выбора: „впередъ, въ рукопашную“.

Съ начала второй половины семидесятыхъ годовъ письма Ницше запечатлѣны однимъ основнымъ настроеніемъ; это — готовность къ подвигу.

„Что мнѣ придется еще дольше (чѣмъ семь лѣтъ, на которыя былъ разсчитанъ университетскій курсъ Ницше) воздерживаться отъ всякаго писательства, становится для меня все яснѣе; это относится также къ уяснившимся понемногу условіямъ моего профессорскаго существованія; я пытаюсь сдѣлать фокусъ и соединить это существованіе съ моимъ личнымъ назначеніемъ такъ, чтобы они не вредили, а, наоборотъ, содѣйствовали другъ другу. Къ этому относится мой проектъ. Это значить: отказываться отъ многоаго, чтобы не имѣть необходимости отказываться отъ *главнаго*. Вы видите: на *малодушіе* похоже мое настроеніе меньше всего! Скорѣе на дерзость, ибо я разсчитываю на долгую жизнь—а въ этомъ легко обсчитаться, какъ, напримѣръ, мой отецъ, умершій въ 36 лѣтъ“.

„Не думайте, — прибавляетъ онъ черезъ мѣсяцъ — что я въ жизни очень избалованъ любовью; вы вѣрно это сами замѣтили.“

*) Ихъ вышло только четыре, а въ это время (1874) всего два.

Нѣкоторую безнадежную покорность въ этомъ отношеніи я ношу съ самаго ранняго дѣтства. Но, быть можетъ, я лучшаго и не достоинъ. А, между тѣмъ, несомнѣнно меня ждетъ это *лучшее*. Это такъ ново для меня, что я больше удивляюсь, чѣмъ радуюсь. Многое зрѣетъ теперь во мнѣ, и съ каждымъ мѣсяцемъ проясняется что нибудь въ моей жизненной задачѣ, хотя я не имѣю еще мужества подѣлиться этимъ съ кѣмъ нибудь другимъ. Спокойное, но рѣшительное движеніе отъ ступени къ ступени—вотъ что служить мнѣ ручательствомъ, что я пойду еще довольно далеко. Мнѣ сдается, что я рожденъ для того, чтобы всходить на горы. —Видите, какъ гордо я могу говорить.“ Онъ чувствуетъ въ себѣ Бога—и начинаетъ проявляться.

„Ты не повѣришь, какъ свободно я дышу, когда вспомню объ этомъ (о томъ, что онъ ѣдетъ на годъ въ Италію)... Всѣ мои замыслы и надежды на окончательное духовное освобожденіе и неустанное движеніе—въ полномъ расцвѣтѣ; вѣра въ себя, то есть, въ мое лучшее я, наполняетъ меня отвагой... Жениться?—нѣтъ; я такъ ненавижу уступки и подчиненіе всему „цивилизованному“ порядку вещей, что едва ли найдется женщина, достаточно свободомыслящая, чтобы пойти за мной. —Греческіе философы все больше дѣлаются для меня образами желаннаго существованія.“

„Можете ли вы—спрашиваетъ онъ вѣрнаго Зейдлица — перечувствовать за мной то—несравненное!—чувство, когда открыто сознаешь свой идеалъ и свою цѣль, которой, кромѣ тебя, нѣтъ ни у кого, которой никто не можетъ понять и которой надо достигнуть въ теченіе жалкой человѣческой жизни; если да, то вы поймете, почему мнѣ въ этомъ году необходимо *одиночество*. Никакихъ друзей—никто мнѣ не нуженъ; это необходимо. Примите это, прошу васъ, безъ разсужденія.

Кой что въ вашемъ письмѣ почти испугало меня. Если вамъ въ самомъ дѣлѣ случалось въ вашихъ мысляхъ ступать на страшный путь съ его исходомъ на *Via-mala* *),—остановитесь и не идите дальше. Я объ этомъ ничего не зналъ. Но насколько я васъ знаю, я позволилъ бы себѣ сказать вамъ: вашъ темпераментъ и ваша жизнь непригодны для этого —недовольство и мученія станутъ вашимъ удѣломъ и никому это не принесетъ пользы.

Я былъ бы очень радъ знать что-нибудь о впечатлѣніи, которое на васъ произвелъ ***. Для меня онъ сталъ невозможенъ собственно своими неоднократными поползновеніями распорядиться издали моей жизнью и вмѣшиваться въ нее словомъ и дѣломъ. Я не выношу этого, и никто изъ моихъ старыхъ друзей

*) Въ слѣдующемъ письмѣ говорится: «*Via-mala* это мои воззрѣнія на мораль и искусство—самое трудное, что до сихъ поръ отвоевала для меня моя жажда истины».

не позволилъ бы себѣ со мной такой дерзости. Это просто отсутствіе стыда. Отъ такого человѣка я долженъ быть подальше и тогда мнѣ вполнѣ удастся даже быть ему другомъ,—но *in partibus*“.

„Прошлую недѣлю я употребилъ на сосредоточеніе и на внутреннюю чистку и преодолѣлъ многое болѣзненное, тоскливое и малодушное, прежде же всего я съ новой жаждой возстановилъ предъ собой мои пѣли и отдѣлался отъ стремленія (которымъ я терзалъ и тебя) быть неправымъ предъ собой. Я вновь спокоенъ *совѣстью*, въ сознаніи, что сдѣлалъ для моего освобожденія все, что могъ, и этимъ оказалъ истинную услугу также всѣмъ людямъ. По этому пути я пойду впередъ, не бросая надежныхъ взглядовъ впередъ и назадъ“.

V.

Онъ сдержалъ слово. Но надо познакомиться съ интимными подробностями его существованія, чтобы понять, какъ это было трудно, какую, въ сущности, трагедію, полную геройскаго самоотверженія представляетъ собой его дальнѣйшая жизнь. Прежде всего—онъ страшно больной человѣкъ—больной мелкими, ничтожными, озлобляющими недугами, подъ гнетомъ которыхъ такъ легко гибнетъ человѣкъ въ человѣкѣ. „Ахъ, какъ мнѣ надоѣло сообщать о моемъ нездоровьѣ; маленькое облегченіе опять исчезло“, или: „Мое состояніе ужаснѣе, чѣмъ когда бы то ни было; не понимаю, какъ я пережилъ послѣднія четыре недѣли“—такими сообщеніями пестрятъ его письма. Но и въ физическомъ страданіи онъ находитъ силу. „Лучшаго и болѣе *личнаго* я ничего сказать не могу—пишетъ онъ, посылая доброй знакомой свою „Morgenröthe“, а пѣть предъ вами старую пѣсню о моихъ физическихъ страданіяхъ, я, право, не могу. *Каждый* долженъ нести: надо стараться, какъ бы изъ-за этого тяжкаго бремени не разучиться лѣтѣть и смотрѣть въ даль. Оно не такъ ужъ непримиримо. Есть много средствъ быть сильнымъ и способнымъ на могучій размахъ крыльевъ: ограниченія и страданія принадлежатъ къ нимъ; это средства въ экономіи мудрости. Надъ всякой мукой—вновь пѣсня радости: неправда-ли, *это* жизнь. Она *можетъ* быть такою“. Вотъ послѣднее утѣшеніе этого страдальца.

„Мое существованіе есть *страшное* бремя: я давно сбросилъ бы его съ себя, если бы именно это состояніе страданія и почти абсолютнаго самоограниченія не давало мнѣ возможности производить поучительнѣйшія пробы и эксперименты; это наслажденіе познанія возноситъ меня на высоты, гдѣ я побѣждаю всѣ мученія и всякое отчаяніе. Въ общемъ я счастливѣе, чѣмъ когда бы то ни было въ моей жизни, и все же... Непрерывное

страданіе, въ теченіе большей части дня ощущеніе, близкое къ морской болѣзни, полу-параличъ, такъ что мнѣ тяжело говорить, для разнообразія бѣшенныя припадки; во время послѣдняго меня рвало трое сутокъ подрядъ, я жаждалъ смерти. Не читать! Писать крайне рѣдко! Никакого общества! Никакой музыки! Пребывать въ одиночествѣ и гулять, горный воздухъ, молоко и яйца. Всѣ внутреннія средства оказались безсильными, я не принимаю ничего больше. Холодъ мнѣ очень вреденъ. Отправляюсь на будущей недѣлѣ на югъ начать мое прогулочное существованіе.

Мое утѣшеніе—мои мысли и замыслы. Гуляя, я царапаю тамъ и сямъ кой-что на бумажкѣ; у письменнаго стола я не пишу; друзья разбираютъ мои каракули. Последнее, съ чѣмъ справились мои друзья, при семъ прилагается, хотя-бы оно не весьма подходило къ вашимъ убѣжденіямъ. Вы повѣрите—я самъ не ищущу „послѣдователей“,—я наслаждаюсь моей свободой и желаю той же радости всѣмъ, имѣющимъ право на духовную свободу“.

О своемъ намѣренномъ одиночествѣ, о равнодушіи къ успѣху, вниманію и послѣдователямъ. Ницше говорить часто,—и онъ вполне соответствуетъ всему складу его воззрѣній. Но также часто онъ говоритъ и иное; часто прорываются у него жалобы на непониманіе; не изъ любви къ себѣ—изъ любви къ истинѣ, онъ радуется, когда о немъ говорятъ съ пониманіемъ, онъ тяготится своимъ духовнымъ одиночествомъ и даже старается, чтобы о немъ говорили. Уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ пишетъ:

„Я хотѣлъ бы переслать вамъ новую книгу Гиллебранда. Она называется „Эпохи, народы и люди“, и среди „людей“ идетъ немного рѣчь также обо мнѣ. Онъ говоритъ такъ, какъ будетъ говорить общественное мнѣніе черезъ десять лѣтъ, то есть онъ ушелъ немного впередъ отъ нынѣшнихъ воззрѣній. Но ушелъ недалеко“. Чѣмъ дальше, тѣмъ такіа сообщенія чаще и интенсивнѣе.

„Повѣрите-ли, на рабочемъ столѣ его (одного флорентинскаго астронома) я нашелъ весьма зачитанныя сочиненія вашего покорнаго слуги и онъ, бѣлоснѣжный старецъ, съ увлеченіемъ цитировалъ отрывки изъ „Menschliches, Allzumenschliches“? Образъ этого совершеннѣйшаго и возвышеннѣйшаго отшельничества былъ лучшимъ подаркомъ, увезеннымъ мной изъ Флоренціи, но это было и болѣзненнымъ укоромъ, а именно укоромъ совѣсти. Ибо этотъ одинокій изслѣдователь несомнѣнно пошелъ въ мудрости жизненной (а не только въ открытіи кометъ и туманностей Оріона) дальше, чѣмъ вашъ другъ.

И онъ былъ здоровъ; а когда философъ боленъ, то это почти аргументъ *противъ* его философіи. Я съ моей стороны долженъ указать; что „съ увлекательной быстротой“ становлюсь все здоровѣе съ тѣхъ поръ, какъ имѣю мою философію и не служу „ложнымъ идоламъ“.

Особенно огорчало его невниманіе отечества, тѣмъ болѣе, что онъ связывалъ его съ глубокимъ и для него—былого сторонника національной политики—неожиданнымъ и прискорбнымъ поворотомъ въ культурномъ развитіи Германіи.

„Мнѣ кажется, что за послѣднія пятнадцать лѣтъ—пишетъ онъ въ 1887 году Зейдлицу—Германія сдѣлалась настоящей школой глупости. Вода и навозъ—вотъ какой видъ представляетъ она издали. Тысячу извиненій, если я этимъ оскорбляю твои возвышенныя чувства, но къ этой нынѣшней Германіи, какъ она ни похожа на ежа, какъ она ни пыжится своимъ вооруженіемъ, я ужъ не питаю никакого уваженія. Она представляетъ собой тупѣйшую, чахлѣйшую, извращеннѣйшую форму „нѣмецкаго духа“, какая только была доселѣ—а какимъ отсутствіемъ духа не ознаменовалъ себя этотъ „духъ“. Не прощаю никому, кто вступаетъ съ нимъ въ компромиссъ,—хотя бы это оказался самъ Рихардъ Вагнеръ—и особенно, когда это дѣлается съ такой позорной двусмысленностью и осторожностью, какъ это оборудовалъ въ послѣдніе годы своей жизни умный, слишкомъ умный пѣвецъ „чистой простоты“ *). И Ницше не считалъ возможнымъ молчать объ этомъ. Самъ онъ о своихъ „Досугахъ психолога“ говоритъ: „Между прочимъ, здѣсь нѣмцамъ говорится правда такимъ образомъ, что съ этихъ поръ для меня возможны почести и посланія—развѣ отъ японскаго императора. Со всей скромностью я указываю, что „духъ“, такъ называемый, „нѣмецкій духъ“ ушелъ гулять и отдыхаетъ гдѣ-нибудь на травкѣ—во всякомъ случаѣ, не въ Германской имперіи“.—

„Я до сихъ поръ — пишетъ онъ въ 1886 году — не отдался отъ *ressentiment*, оставшагося у меня отъ послѣдняго моего пребыванія въ Германіи. Что „моральный вѣтеръ“ дуетъ здѣсь *противъ* меня, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣроятно, я совершу богомолье на Корсику, гдѣ Наполеонъ, хоть и не родился, но—что гораздо важнѣе—былъ зачатъ.“—„Когда-же, наконецъ,—воскликаетъ онъ—мое *периферическое* вліяніе (—ибо у меня есть послѣдователи въ Сѣверной Америкѣ и въ Италіи—) окажется обратное воздѣйствіе на наше любезное отечество,—гдѣ уже цѣлые годы меня замалчиваютъ съ злостнымъ безразличіемъ...“ И все это сгущало ту атмосферу оброшенности, въ которой онъ жилъ и которая подчасъ становилась слишкомъ тяжела. Провелизма онъ былъ чуждъ, какъ всегда.

„Дорогой старый другъ, по слухамъ, имѣется наилучшій предлогъ пожелать тебѣ счастья или, вѣрнѣе, уже желать нечего. Держи крѣпко то, что ты теперь имѣешь, мой старый другъ и това-

*) Парсифаль, герой послѣдняго произведенія и воплощеніе нравственнаго идеала Рихарда Вагнера,—„мудрый чрезъ состраданіе, чистый простецъ“—нѣ что вродѣ «идіота» или Алеши Карамазова Достоевскаго.

рищъ, особенно если „счастье“, какъ у тебя,—это хорошая жена. Ибо счастье слишкомъ легко убѣгаетъ отъ нашего брата, то есть отъ философовъ и чудовищъ познанія.

....Только что прочелъ страшную статью („по ту сторону“) подъ заглавіемъ „Опасная книга Ницше“—развитіе темы—„вотъ динамитъ“....

Что не все равно! Было-ли когда-либо отношеніе человѣка къ вещамъ дерзновеннѣе моего? Вотъ что надо выдержать, вотъ гдѣ испытаніе. А что „скажутъ“, что „подумають“, мнѣ все равно. Однимъ словомъ, я хочу быть правымъ не на сегодня и на завтра, но на тысячелѣтія.“ И все-таки наряду съ этимъ *все равно* у него прорывались не только мимолетныя и малозначущія жалобы, но и подлинныя крики отчаянія.

„Что за тоскливая осень! Повсюду свинцовая тягота, никого, кто бы мнѣ немного посвѣтилъ и вокругъ меня ничего, кромѣ моихъ старыхъ проблемъ, старыхъ, черныхъ, какъ воронъ, проблемъ! Освоился-ли ты уже съ моимъ „По ту сторону“? (Это нѣчто вродѣ комментарія къ моему „Заратустрѣ“. Но какъ надо понимать меня, чтобы понять, *въ какой степени* это комментарій къ нему!). Книга для людей обширнѣйшаго образованія, каковы, напримѣръ, Яковъ Бурхардтъ и Тэнъ, которыхъ я до поры до времени считаю своими единственными читателями; но въ концѣ концовъ эта книга и не для нихъ: не то имъ нужно, что мнѣ, не того они ищутъ, что я. Вотъ оно—одиночество: нѣтъ у меня никого, кто раздѣлялъ бы мое *да* и мое *нѣтъ*“. И онъ, находившій, что „къ величайшимъ заслугамъ людей, которыхъ называютъ геніями или святыми, относится то, что они добываютъ себѣ толкователей, которые ихъ, къ счастью человѣчества, не понимаютъ“—онъ былъ не прочь поискать и для себя толкователей, и былъ очень радъ, когда таковые являлись.

„Если когда-нибудь—пишетъ онъ одному своему поклоннику въ 1888 году—вамъ придется (у васъ, милый другъ, вѣдь времени нѣтъ для этого!) писать обо мнѣ что-нибудь, то имѣйте благо-разуміе, какого, увы! до васъ никто не имѣлъ, *характеризуйте* меня, „описывайте“,—но не расцѣпывайте. Это даетъ пріятный нейтралитетъ; мнѣ кажется, при этомъ можно оставить паеосъ въ сторонѣ и тѣмъ дать мѣсто болѣе тонкому духовному элементу. Меня до сихъ поръ никогда не характеризовали—ни какъ *психолога*, ни какъ *писателя* (считая и „поэта“), ни какъ изобрѣтателя *новаго* вида пессимизма (діонисовскаго, изъ *силы* рожденнаго и наслаждающагося тѣмъ, что хватаетъ за рога проблему бытія), ни какъ *имморалиста* (—высшая форма „интеллектуальной добросовѣстности“, которая, ставъ инстинктивной и неизбѣжной, получаетъ возможность смотрѣть на мораль, какъ на иллюзію). При этомъ нѣтъ совершенно никакой нужды и даже нежелательно становиться на мою защиту; наоборотъ, нѣкоторая доза

удивленія—точно предъ чуждымъ растеніемъ—съ нѣкоторымъ ироническимъ несогласіемъ—вотъ положеніе, которое мнѣ представлялось бы несравненно болѣе *интеллигентнымъ*.—Простите! Я написалъ нѣсколько наивностей: маленькій рецептъ благополучно выпутаться изъ *невозможнаго*...

Съ „веселой наукой“—*la gaia scienza*—вы должны познакомиться во всякомъ случаѣ: это моя *срединная* книга—очень много счастья, очень много жизнерадостности...”

И найдя выдающагося поборника и популяризатора въ лицѣ Георга Брандеса, онъ съ удовольствіемъ сообщаетъ о томъ, что Брандесъ открылъ въ Копенгагенскомъ университетѣ (1888 г.) курсъ, специально посвященный его философіи, и что лекціи датскаго критика пользуются большимъ успѣхомъ среди слушателей. Беремъ наиболѣе полное сообщеніе, къ тому же связанное съ весьма интересной характеристикой Брандеса. „Могу вамъ многое рассказать. Во-первыхъ, о д-рѣ Брандесѣ. Онъ сдѣлалъ для меня только то же, что вотъ ужъ тридцать лѣтъ онъ дѣлаетъ для всѣхъ независимыхъ умовъ Европы—онъ *представилъ* меня своимъ землякамъ. Но что я долженъ здѣсь особенно высоко цѣнить, это то, что онъ въ этомъ случаѣ преодолѣлъ свое страстное раздраженіе противъ всѣхъ нынѣшнихъ нѣмцевъ. Еще недавно, послѣ посѣщенія императора, онъ „въ истинно дьявольскомъ настроеніи“, какъ говоритъ *Kölnische Zeitung*, выразилъ свое презрѣніе ко всему нѣмецкому. Разумѣется, ему воздають сторицей. Въ ученыхъ кругахъ онъ пользуется самой дурной извѣстностью: поддерживать съ нимъ отношенія считается позорнымъ (достаточно основаніе для *меня, какъ я есть*, дать исторіи о его зимнихъ лекціяхъ наиболѣе широкую извѣстность). Онъ принадлежитъ къ тѣмъ международнымъ евреямъ, въ которыхъ сидитъ по-истинѣ *дьявольская смѣлость*—у него и на сѣверѣ врагъ на врагъ. Онъ владѣетъ многими языками, его лучшая аудиторія въ Россіи, онъ интимно знакомъ съ *лучшимъ* духовнымъ міромъ Англіи и Франціи и—психологъ (чего ему не прощаютъ нѣмецкіе ученые). Его обширное сочиненіе, выдержавшее много изданій, „Главныя теченія литературы девятнадцатаго вѣка“, остается лучшей на нѣмецкомъ языкѣ культурной работой объ этомъ важномъ предметѣ. Къ музыкѣ, какъ онъ писалъ мнѣ зимой, онъ, къ своему сожалѣнію, не имѣетъ никакихъ отношеній“.

Но гораздо больше радости, чѣмъ популяризаторы, доставляютъ ему настоящіе послѣдователи,—радости безкорыстной, потому что ищетъ онъ не послѣдователей, но они сами приходятъ.

„Вы одинъ изъ первыхъ, любезный докторъ, взглянувшихъ на мою книгу съ точки зрѣнія *практической*: я очень радъ этому, такъ какъ вижу въ этомъ доказательство, что благодареніе, которое я оказалъ себѣ,—переносится и на другихъ. Не почувствуете ли вы теперь дыханія горнаго воздуха: вокругъ насъ стало не-

много холоднѣе, но насколько же свободнѣе и яснѣе, чѣмъ въ духотѣ долины. Я, по крайней мѣрѣ, чувствую себя бодрѣе и рѣшительнѣе на все хорошее, чѣмъ когда бы то ни было—и въ десять разъ *милче* къ людямъ, чѣмъ во время моего прежняго писательства. In summa и въ мельчайшихъ частностяхъ: теперь я рѣшаюсь самъ идти за истиной и самъ *быть* философомъ; прежде я почиталъ философовъ. Много блаженныхъ иллюзій исчезло; но много получилъ я взаменъ болѣе цѣннаго. Метафизическая путаница довела меня подъ конецъ до того, что я задыхался, точно меня кто-то душилъ.

Въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, очевидно, происходитъ многое такое, что даетъ мнѣ извѣстную возможность полагать, что мы, именно на этомъ новомъ базисѣ, должны стать друзьями. Вы правите теперь въ незнакомое, новое море, и мнѣ пріятно думать, что я при этомъ не пресѣкъ вашу отвагу, что вы сумѣли даже воспользоваться моимъ свободомысліемъ, моимъ духомъ, какъ *попутнымъ вѣтромъ*“.

Проходить нѣсколько лѣтъ, и онъ пишетъ тому же д-ру Фукусу: „дорогой другъ, это была очень хорошая выдумка—написать мнѣ такое письмо, ибо, почти безъ всякаго желанія съ моей стороны, но повинуюсь непреодолимой необходимости, я какъ разъ теперь ушелъ въ окончательные расчеты съ самимъ собой, чтобы отложить все мое „до сихъ поръ“ — ad acta. Почти все, что я теперь дѣлаю, есть подведение итога. Напряжение внутреннихъ колебаній было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ невыносимо; теперь, когда я долженъ перейти къ новой и высшей формѣ, мнѣ приходится прежде всего пережить новое отчужденіе, новое, высшее отреченіе отъ себя. И важно знать, что и кто мнѣ останется.

Каковъ, собственно, мой возрастъ? Не знаю; не знаю также, какъ долго я буду еще молодъ.

Съ наслажденіемъ смотрю на вашъ портретъ; я вижу въ немъ такъ много молодости и отваги, смѣшанной, какъ и слѣдуетъ съ началомъ мудрости (и сѣдыми волосами?..).

Въ Германіи всѣ жалуются на мои „эксцентричности“. Но такъ какъ неизвѣстно, гдѣ мой центръ, то едва-ли возможно достоверно опредѣлить, гдѣ и когда я до сихъ поръ былъ „эксцентрикъ“. Напримѣръ, будучи филологомъ, я былъ *внѣ* моего центра (изъ чего, къ счастью, вовсе не слѣдуетъ, что я былъ дурнымъ филологомъ). Равнымъ образомъ теперь мнѣ кажется эксцентричностью то, что я былъ вагнеріанцемъ. Это былъ въ высшей степени опасный экспериментъ; теперь, когда я знаю, что не погибъ отъ этого, я знаю также, какой *смыслъ* это имѣло для меня: это была рѣшительнѣйшая проба моего характера. Понемногу внутренняя жизнь человѣка дисциплинируетъ его, заставляя сосредоточиться; отъ всѣхъ разсѣяній и отвлеченій спа-

саетъ насъ та *страсть*, для которой такъ долго не было названія, та задача, подневольнымъ миссіонеромъ которой является человекъ.

Все это очень трудно понять издали. Поэтому мои послѣднія десять лѣтъ были безмѣрно мучительны и тягостны. Если бы вамъ вздумалось узнать побольше объ этой дурной и загадочной исторіи, то рекомендую вашему дружескому вниманію новыя изданія моихъ старыхъ сочиненій, особенно *предисловія*. Замѣчу при этомъ: мой издатель—по понятнымъ причинамъ доведенный до нѣкотораго отчаянія, готовъ вручить эти сочиненія всякому, кто общается ему за это статью о „*Niçhe en bloc*“. Большія періодическія изданія, вроде „*Nord und Süd*“ Линдау, кажется, достаточно созрѣли, чтобы чувствовать необходимость въ такой статьѣ, такъ какъ замѣтно настоящее возбужденіе и беспокойство по поводу значенія моихъ произведеній. До сихъ поръ никто не имѣлъ достаточно мужества и пониманія, чтобы *открыть* меня любезнѣйшимъ нѣмцамъ: мои проблемы новы, мой психологическій горизонтъ обширенъ до ужаса, мой языкъ—языкъ смѣлый и нѣмецкій; быть можетъ, нѣтъ нѣмецкихъ книгъ, болѣе содержательныхъ и самостоятельныхъ, чѣмъ мои“.

VI.

Эта горделивая увѣренность въ своемъ значеніи—самая яркая черта писемъ Ницше за послѣднее десятилѣтіе его духовной жизни. Она-ли давала ему то безпредѣльное дерзновеніе, съ которымъ онъ произвелъ „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“, или, наоборотъ, эта смѣлость мысли воспитала въ немъ это сознаніе своего величія,—оно проникаетъ всякое слово его послѣднихъ писемъ.

„Въ теченіе этого мѣсяца ты получишь одну посылку: небольшую эстетико-полемическую брошюру, въ которой я впервые и совершенно свободно выясняю психологическую „проблему о Вагнерѣ“. Это—объявленіе войны всему этому движенію не на жизнь, а на смерть: въ концѣ-концовъ вѣдь я единственный, достаточно проникшій въ дѣло вширь и вглубь, чтобы говорить съ полной твердостью.

...Прочти брошюру также съ точки зрѣнія вкуса и стиля: *такъ не пишетъ теперь никто въ Германіи*. Было бы такъ же легко перевести это произведеніе на французскій, какъ трудно, почти невозможно перевести его на *нѣмецкій*... У моего издателя находится также другая рукопись, дающая весьма строгое и тонкое выраженіе всей моей философской гетеродоксiи, скрытой въ массѣ изящества и коварства. Она носитъ названіе „Досуги психолога“. Однако, оба эти произведенія—только отдыхъ въ невѣ-

роятно трудной и рѣшающей работѣ, которая, *если она будетъ понята*, дѣлитъ исторію человѣчества на двѣ половины. Смыслъ ея въ трехъ словахъ: *переоцѣнка всѣхъ цѣнностей*. Многое, что было до сихъ поръ свободно, является въ ней уже несвободнымъ: царство терпимости вслѣдствіе новой оцѣнки понижено до простой трусости и слабости характера. Чтобы указать хоть на одинъ выводъ: быть альтруистомъ становится съ этого момента *неприличнымъ*“.

Это — характерное письмо; таковы всѣ они подъ конецъ. Итоти, ein Strich-drunter-ziehen, какъ онъ образно выразился, таковъ ихъ основной тонъ, точно ихъ диктуетъ предчувствіе близкаго и неизбежнаго конца.

„Наша юность по различнымъ причинамъ была тяжела, — пишетъ онъ въ 1883 году Герсдорфу—было бы справедливо, чтобы наша зрѣлость встрѣтила въ жизни что-нибудь мягкое, утѣшительное, укрѣпляющее душу.

Что до меня, то за мной уже долгіе годы духовнаго аскетизма, которому я подвергъ себя добровольно и на который не всякій могъ бы рѣшиться. Послѣдніе шесть лѣтъ были въ этомъ отношеніи годами моей высшей побѣды надъ собой, не говоря ужъ о томъ, что заставили меня преодолѣть мое нездоровье, одиночество, непризнаніе, обвиненія въ ереси. Но я прошелъ и эту ступень моей жизни и все, что мнѣ осталось жить (немного, я думаю), должно выразить полно и цѣльно то, ради чего я вообще выносилъ жизнь. Время молчанія *прошло*: пусть мой Заратустра, котораго ты на-дняхъ получишь, откроетъ тебѣ, какъ высокъ теперь полетъ моей воли. Не обманись легендарной формой этой книжки: за всѣми простыми и странными словами скрывается вся глубина моей мысли и вся моя философія. Здѣсь я только начинаю высказываться—не больше! — Я *знаю*, что нѣтъ теперь никого, кто могъ создать что либо такое, какъ этотъ Заратустра“. Около того же времени онъ обращается къ г-жѣ Баумгартнеръ: „Судя по тому, что вы писали мнѣ въ прошломъ году о первыхъ строкахъ „Заратустры“ (онѣ составляли заключеніе „Веселой науки“) я могу съ увѣренностью предположить, что этотъ младшій и любимѣйшій мой сынъ не будетъ вамъ чуждъ.— Теперь я въ открытомъ морѣ и предъявляю вѣсшія требованія къ другимъ и къ себѣ.—Въ связи съ этимъ находится рѣшеніе, которое уже много лѣтъ приходитъ и уходитъ и вновь возвращается и, наконецъ—теперь—находитъ меня достаточно зрѣлымъ и сильнымъ,—рѣшеніе „исчезнуть“ года на два.

Но вы, быть можетъ, находите, милый другъ, что я ужъ достаточно „исчезъ“?—и ваше послѣднее, такое доброе письмо, кажется, выражаетъ желаніе, чтобы я изъ темныхъ водъ одиночества вновь вынырнулъ „на поверхность“.

Спросите объ этомъ сына моего Заратустру и — если нужно извиненіе въ какой бы то ни было „винѣ“, — то онъ очиститъ меня.

Я хочу, чтобъ мнѣ было такъ *тяжело*, какъ только бываетъ человѣку: лишь подъ этимъ бременемъ *совѣсть* даетъ мнѣ право имѣть то, что имѣютъ и имѣли немногіе люди, говоря сравненіемъ — *крылья*.

Будьте ко мнѣ добры даже тогда, когда я „исчезну“ и „улечу“.

Небольшое письмо къ Зейдлицу отъ того же приблизительно времени хорошо рисуетъ нѣкоторыя знаменательныя особенности его настроенія. „Ничто не могло быть любезнѣе обращеннаго ко мнѣ въ вашемъ письмѣ предложенія — подумать о себѣ. Но именно *это* — въ силу многолѣтней привычки — кажется, превосходить мои силы: за эту зиму надо было подумать о столь многомъ, на меня легло такъ много другого и все тяжелаго, что у меня просто времени не было подумать о себѣ... Все это буквально, какъ бы безумно оно ни звучало. Но человѣкъ, какъ я, — выраженъ въ свою проблему — надо бы сказать въ свою „задачу“? — какъ въ хорошее старинное орудіе пытки: если и выдержишь, то все равно надолго никуда не годишься. Напримѣръ, въ результатъ зимы — рукопись подъ коварнымъ заглавіемъ „По ту сторону добра и зла“; другая рукопись — здѣсь въ Венеціи; а самъ я, быть можетъ, дѣйствительно по ту сторону добра и зла, но совсѣмъ не по ту сторону отвращенія, скуки, *malinconia* и глазной болѣзни“. Эти недуги душатъ его все безпощаднѣе — и опять изъ его груди вырывается болѣзненный крикъ, быть можетъ, подготовленный физическимъ недугомъ, но зависящій и отъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ.

„Совсѣмъ не „гордое молчаніе“ заткнуло мнѣ ротъ на все это время, но весьма смиренное — молчаніе страдающаго человѣка, которому стыдно сознаться, какъ онъ страдаетъ. Когда животное болѣетъ, оно прячется въ свою пещеру; такъ поступаетъ и *la bête philosophique*. Дружескій голосъ такъ рѣдко доносится теперь до меня. Я одинъ, бессмысленно одинъ; и въ моей ожесточенной и адской борьбѣ противъ всего чтимаго и любимаго людьми (по моей формулѣ это называется „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“) изъ меня самого незамѣтно сдѣлалось нѣчто вродѣ пещеры — нѣчто скрытое, чего не найдешь, даже если станешь искать. *Но этого никто и не дѣлаетъ*. Между нами, возможно, что я первый философъ нашей эпохи — быть можетъ, даже нѣсколько болѣе: нѣчто рѣшающее и роковое, стоящее на грани между двумя тысячелѣтіями. За такое исключительное положеніе всегда приходится расплачиваться все возрастающимъ, все болѣе ледянымъ, все болѣе рѣжущимъ отчужденіемъ. И наши любезныя нѣмцы! Несмотря на то, что мнѣ сорокъ пятый годъ и что я написалъ почти пятнадцать произведеній (изъ нихъ одно — Заратустра — *non plus ultra*), Германія не дождала еще ни до единого хоть немного достойнаго вниманія

отзыва хоть объ одной моей книгѣ. Теперь отдѣляются словами: „эксцентрическое“, „патологическое“, „психіатрическое“. Нѣтъ недостатка въ клеветническихъ и злостныхъ намекахъ; въ періодическихъ изданіяхъ, ученыхъ и неученыхъ, царить неудержимо враждебный тонъ. Но почему же никто не протестуетъ противъ этого? Почему никто не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, когда меня обливаютъ грязью? И цѣлые годы—никакого утѣшенія, ни капли человѣчности, ни тѣни любви“.

Этотъ страшный, отчаянный крикъ мыслителя, обреченнаго своимъ величіемъ на одиночество, заканчивается великолѣпной картиной: „При такихъ обстоятельствахъ мнѣ приходится жить въ Ниццѣ. Какъ всегда, она кишитъ бездѣльниками, „греками“ *) и иными философиями, она кишитъ „ближними“, а небо, со свойственнымъ ему цинизмомъ, заставляетъ свое солнце свѣтить надъ нами прекраснѣе, чѣмъ надъ высокопочтенной Европой господина фонъ Бисмарка (которая съ лихорадочной добродѣтелью трудится надъ своимъ вооруженіемъ и имѣетъ видъ героически настроеннаго ежа). Дни сверкаютъ какой-то безстыдной красотой; лучшей зимы никогда не было. И эти краски Ниццы! я хотѣлъ бы послать ихъ тебѣ. На всѣхъ тонахъ легъ блестящій серебристо сѣрый налетъ; духовныя, одухотворенныя краски; ни намека на грубость основныхъ тоновъ...“

О, съ какой радостью я посидѣлъ бы съ тобой и съ твоей милой женой подъ какимъ-нибудь гомеровѣакскимъ небомъ... но я не *смѣю* жить южнѣе: *глаза* повелѣваютъ мнѣ довольствоваться болѣе сѣверными и тупыми пейзажами. Напиши мнѣ, пожалуйста, и прости мнѣ это *мрачное* письмо“.

Менѣ лирический, но, быть можетъ, болѣе объективный, хотя столь же горделивый характеръ носить послѣднее изъ сообщенныхъ въ этомъ томѣ писемъ; оно обращено къ американскому профессору Кнорцу, который предполагалъ писать о Ницше и списывался объ этомъ съ нимъ. Письмо относится къ эпохѣ заката сознательной мысли философа—къ срединѣ 1888 года.

„Задача изобразить меня какъ мыслителя или какъ писателя и поэта—говорить Ницше—кажется мнѣ чрезвычайно трудной: Первый болѣе обширный опытъ въ этомъ родѣ сдѣланъ въ послѣднюю зиму выдающимся датчаниномъ д-ромъ Георгомъ Брандесомъ, который, конечно, извѣстенъ вамъ, какъ историкъ литературы. Подъ заглавіемъ „Нѣмецкій философъ Фридрихъ Ницше“ онъ прочелъ обо мнѣ въ копенгагенскомъ университетѣ курсъ, успѣхъ котораго, судя по всему, что мнѣ оттуда сообщаютъ, можетъ быть названъ блестящимъ. Смѣлостью поставленныхъ мною проблемъ онъ живо заинтересовалъ толпу слушателей до 300 человѣкъ и, какъ онъ самъ говоритъ, прославилъ меня на весь сѣверъ. Вообще же у меня

*) Въ оригиналѣ *grecs*—по французски—шуглеръ.

больше скрытых читателей и почитателей, къ которымъ принадлежатъ также нѣкоторые французы, какъ г. Тэнъ. Глубочайшее мое убѣжденіе, что всѣ мои проблемы, все мое положеніе „имморалиста“ для сегодняшняго дня слишкомъ преждевременно, слишкомъ неподготовлено. Мнѣ самому совершенно чужда мысль о пропагандѣ; до сихъ поръ я для этого не шевельнулъ и пальцемъ.

О моемъ Заратустрѣ я полагаю, что это глубочайшее произведеніе, какое существуетъ на нѣмецкомъ языкѣ; совершеннѣйшее также и по отношенію къ языку. Но чтобы почувствовать это, нужны цѣлыя поколѣнія, которыя когда-нибудь переживутъ тѣ внутреннія событія, на почвѣ которыхъ могло возникнуть это произведеніе. Я, пожалуй, совѣтовалъ бы начинать съ послѣднихъ произведеній—наиболѣе важныхъ и глубокихъ („По ту сторону добра и зла“ и „Генеалогія морали“). Мнѣ лично болѣе всѣхъ симпатичны мои среднія книги—„Утренняя заря“ и „Веселая наука“ (это—самыя интимныя).

„Несвоевременныя размышленія“—въ извѣстномъ смыслѣ произведенія юношескія—заслуживаютъ, съ точки зрѣнія моего развитія, величайшаго вниманія. Въ „Völker, Zeiten und Menschen“ Карла Гиллебранда вы найдете пару очень хорошихъ статей о первыхъ „Несвоевременныхъ“. Статья противъ Штрауса возбудила цѣлую бурю; статья о Шопенгауэрѣ, чтеніе которой я особенно рекомендую, показываетъ, какъ энергическій и инстинктивно положительный духъ умѣетъ даже у пессимиста заимствовать самыя благодѣтельные импульсы. Съ Рихардомъ и Козимой Вагнеръ я былъ связанъ узами полнѣйшаго довѣрія и глубочайшаго единомыслія. Если я теперь принадлежу къ *противникамъ* вагнеріанскаго движенія, то причина этого, разумѣется, не въ личныхъ мотивахъ... Я думаю, что по богатству психологическаго опыта, по безстрашію предъ самымъ опаснымъ, по возвышенной свободѣ духа мои книги—произведенія первоклассныя. Что касается искусства изложенія и художественныхъ требованій, я не боюсь никакихъ сравненій. Съ нѣмецкимъ языкомъ меня связываетъ многолѣтняя любовь, интимная близость, глубокое благоговѣніе! Достаточное основаніе почти не читать книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ“...

А. Г.

Пересмотръ судебныхъ уставовъ.

II.

Предварительное слѣдствіе. — Судъ присяжныхъ.

Къ преобразованію мѣстнаго суда тѣсно примыкаетъ задуманное комиссіей переустройство слѣдственной части; слияніе происходитъ настолько полное, что обѣ реформы составляютъ, въ глазахъ самой комиссіи, одно сложное цѣлое. Единство органа и множественность функций — вотъ основной структурный принципъ, которому слѣдовала комиссія, который она воплотила въ своемъ созданіи. Судебный участокъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдственнымъ; участковый судья будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдователемъ. Но это еще не все: на судью-слѣдователя предполагается еще возложить нотаріальныя обязанности; въ его камерѣ отводится уголокъ для нотаріальной конторы. Аналогію такому устройству судебного участка можно найти въ другомъ, болѣе популярномъ участкѣ, полицейскомъ: какъ въ послѣднемъ сосредоточиваются всѣ исполнительныя функции, такъ въ первомъ соединятся всѣ функции судебныя, удовлетвореніе всѣхъ элементарныхъ судебныхъ потребностей населенія. Новый судебный участокъ приобретаетъ какъ бы фамиліное сходство съ полицейскимъ, принимаетъ печать одного общаго съ нимъ „плана творенія“. Трение во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ единовластій, исполнительной и судебной, по всей вѣроятности, уменьшится, произойдетъ сближеніе на почвѣ общаго сотрудничества въ слѣдственномъ дѣлѣ, и, вмѣсто раздѣленія уѣздныхъ властей, чреватаго пререканіями, установится согласіе между ними, то, что на дипломатическомъ языкѣ называется *entente cordiale*. Комиссія, напримѣръ, сочувственно цитируетъ отзывъ ревизора, посланнаго министерствомъ юстиціи для ознакомленія съ результатами участковаго судебного единовластія въ Архангельской губ., Сибири, Туркестанѣ и проч., гдѣ этотъ строй былъ введенъ недавно въ видѣ предварительнаго опыта — отзывъ, въ которомъ, между прочимъ, отмѣчается, что „это единовластіе весьма облегчаетъ и дѣятельность полиціи: она знаетъ одного судью, имѣетъ возможность примѣниться къ его требованіямъ, въ сомнительныхъ случаяхъ обратиться къ его указаніямъ“. Г. ревизоръ умалчиваетъ здѣсь о томъ, что, впрочемъ, разумѣется само собою, что всякая гармонія, при равенствѣ достоинства и силы образующихъ ея элементовъ, должна быть, не можетъ не быть взаимной.

Но, разумеется, эта идиллія: одинъ судья, одинъ исправникъ—если и возможно, то развѣ въ Сибири, гдѣ судьи, дѣйствительно, разсажены по одному на цѣлый уѣздъ, пространствомъ въ добрую русскую губернію. Во всей остальной Россіи соединеніе всѣхъ судебныхъ функцій въ лицѣ участковаго судьи не только поведетъ къ дробленію участковъ, но и вводится исключительно съ этой цѣлью. Соединеніе функцій есть только средство; и дробленіе участковъ есть также только средство къ достиженію высшаго, конечнаго блага, къ которому стремится коммиссія пересмотра—приближенія суда къ населенію. Но избранное средство до такой степени идетъ въ разрѣзъ не только общепризнаннымъ началамъ судебного устройства, но и общимъ началамъ всякой целесообразной организаціи, въ основаніи которой всегда лежитъ раздѣленіе труда, специализація органовъ и дѣятельностей, — что коммиссія поневолѣ вынуждается къ чрезвычайнымъ эвристическимъ усиліямъ, чтобы какъ-нибудь смягчить и затушевать явную парадоксальность своей идеи о сліяніи. Такъ, она старается какъ можно больше ослабить самое различіе между соединяемыми функціями судьи и слѣдователя; для этого она заглянула въ самый „корень вещей“ и пытается установить психологическое родство — почти тождество тѣхъ умственныхъ операцій, при помощи которыхъ разрѣшаются задачи, подлежащія слѣдователю и судѣ. „Изъ уголовныхъ дѣлъ, говоритъ коммиссія, обѣ категоріи, и слѣдственная и собственно судебная, даютъ въ сущности однородный матеріалъ. Затѣмъ самый процессъ мышленія, тотъ методъ и тѣ способы, которыми и судья, и слѣдователь оперируютъ при своихъ разслѣдованіяхъ, имѣютъ такъ много общаго, что на практикѣ почти совпадаютъ... Вся разница сводится лишь къ тому, что, собравъ доказательства, слѣдователь направляетъ дѣло, въ установленномъ порядкѣ, къ представителю обвинительной власти, а судья самъ разрѣшаетъ его своимъ приговоромъ. Въ предѣлахъ изслѣдованія слѣдователь есть въ сущности тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего судейскаго кресла и дѣятельно самъ собирающій доказательства, вмѣсто того, чтобы брать ихъ отъ обвиненія и защиты“. Не надо быть слишкомъ взыскательнымъ къ этой психологической экскурсіи, потому что, повторяемъ, она вынужденная и вызвана крайнимъ недостаткомъ другихъ, болѣе вѣскихъ и положительныхъ доводовъ. Можно-ли, вообще, установить существованіе какихъ-нибудь непреодолимыхъ психологическихъ препятствій къ совмѣщенію любыхъ двухъ или болѣе профессій? Конечно, нѣтъ; можно быть вмѣстѣ химикомъ и музыкантомъ, нотаріусомъ и лирическимъ поэтомъ, плотникомъ и царемъ. Люди не рождаются узкими специалистами; если не все, то очень многое зависитъ здѣсь отъ индивидуальныхъ свойствъ и объема личныхъ дарованій: овому талантъ, овому два, а овому десять. Когда говорятъ о выгодахъ специализаціи, то имѣютъ въ

виду степень технического совершенства, достигаемую этимъ путемъ, а отнюдь не коренную, внутреннюю невозможность соединенія нѣсколькихъ специальныхъ дѣятельностей въ одномъ лицѣ. Поэтому психологическая совмѣстимость двухъ профессій еще ни мало не свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ практической совмѣстимости. Но если и возможно установить гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь отрасли человѣческаго труда наличность внутреннихъ психологическихъ диссонансовъ въ методахъ и приемахъ работы, то это именно въ дѣятельности слѣдователя и судьи. Одинъ *ищетъ* доказательствъ, а другой ихъ *оцѣниваетъ*; одинъ *составляетъ* гипотезы, а другой ихъ *провѣряетъ*; одинъ необходимо довольствуется *вѣроятностью*, а другой долженъ стремиться къ *достоверности*. Въ этомъ вся разница, говоритъ коммиссія, — но она очень велика; это самая большая разница, какая только можетъ раздѣлять одни „приемы мышленія и методы изслѣдованія“ отъ другихъ. Тожество матеріала, надъ которымъ производятся операціи при помощи этихъ различныхъ методовъ и приемовъ, только еще больше подчеркиваетъ эту разницу, выдвигая опасность смѣшенія задачъ и способовъ ихъ разрѣшенія. Было бы очень дурно, если бы слѣдователь, усвоивъ себѣ „въ предѣлахъ изслѣдованія“, т. е. своего обвинительно-розыскаго изслѣдованія, извѣстный критерій вѣроятности, достаточный для „направленія дѣла къ обвинительной власти“, сталъ примѣнять тотъ же критерій и тогда, когда онъ сидитъ на судейскомъ креслѣ; если бы онъ забылъ, что въ первомъ случаѣ созданная его остроуміемъ обвинительная гипотеза подлежитъ еще троекратной провѣркѣ—со стороны прокуратуры, камеры преданія суду и на судебномъ слѣдствіи, а во второмъ случаѣ—она сразу превращается въ формальную истину судебного приговора. Между тѣмъ при постоянныхъ, повседневныхъ переходахъ отъ судейскаго кресла къ слѣдовательской повозкѣ опасность такихъ невольныхъ смѣшеній и забвеній почти неизбежна. Но, повторяемъ, эта, за волосы притянутая психологическая сторона вопроса, какъ бы ее ни разрѣшать, не имѣетъ въ сущности значенія, потому что вопросъ долженъ рѣшиться на иной, практической почвѣ. Очевидно, мало доказать, что нѣтъ значительныхъ, или даже никакихъ препятствій къ соединенію слѣдовательскихъ и судейскихъ функцій, а надо доказать, что съ такимъ соединеніемъ связаны преимущества и выгоды, недостижимыя при раздѣленіи обязанностей судьи и слѣдователя между двумя лицами.

Мы уже знаемъ одну—и единственную—выгоду, на которую указываетъ коммиссія: приближеніе суда къ населенію. Участокъ, гдѣ дѣйствуютъ въ настоящее время два должностныя лица, судья и слѣдователь, раздѣлится на два, и каждый изъ нихъ будетъ порученъ одному чиновнику для суда и расправы и для производства слѣдствій. Вотъ что общаетъ этотъ поворотъ къ методамъ нату-

рального хозяйства въ области юстиціи—сокращеніе наполовину разстоянія между камерой судьи и квартирой обывателя. Но сокращеніе разстоянія не есть вѣдь благо самодовлѣющее, оно пріобрѣтаетъ значеніе лишь по столько, по сколько ведетъ къ сокращенію труда, времени и расходовъ. Специализація функций или раздѣленіе труда, какъ извѣстно, есть также способъ, быть можетъ самый дѣйствительный изъ всѣхъ, при помощи котораго достигается выигрышъ въ трудѣ, времени и расходахъ. Слѣдовательно, даже съ этой механической точки зрѣнія, на которой стоитъ коммисія, задача можетъ быть разрѣшена только путемъ количественнаго сравненія: много ли труда, времени и пр. *выигрывается* отъ сокращенія площади участка? Много-ли *теряется* отъ слиянія двухъ или многихъ разнородныхъ обязанностей въ лицѣ одного работника? И въ итогѣ получается-ли плюсъ или минусъ? Ясно, что рѣшеніе перваго вопроса зависитъ отъ величины участка и состоянія въ немъ путей сообщенія, и поэтому сибирскій, туркестанскій или архангельскій опытъ съ судьями-слѣдователями по одному на цѣлый уѣздъ ровно ничего не доказываетъ въ примѣненіи къ центральнымъ и юго-западнымъ губерніямъ, если бы даже результаты этого опыта оказались вполне удовлетворительными. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, напр., роковое предопредѣленіе, что въ Сибири на одинъ уѣздъ не полагается больше одного судебного чиновника, то, быть можетъ, удобнѣе для населенія имѣть одного судью-слѣдователя въ своемъ уѣздѣ, чѣмъ отдѣльно судью и отдѣльно слѣдователя на *два* уѣзда; ибо при этомъ разстояніе сокращается на сотни верстъ тяжелаго, частью совершенно непроѣзднаго пути. Далѣе, въ Сибири населеніе рѣдкое, и дѣлъ разнородныхъ категорій возникаетъ немного; наконецъ, Сибирь вчера лишь была выведена судебной реформой изъ хроническаго состоянія неправосудія, изъ мрака „неправды черной“, рѣздившейся въ дореформенномъ судебномъ строѣ, и самая мѣрка судебной волокиты и быстроты въ вершеніи дѣлъ тамъ своя особенная, мѣстная. Иной расчетъ выгодъ отъ сокращенія площади участка долженъ получиться, если сокращеніе выражается цифрою въ одинъ или два десятка верстъ: соответственный выигрышъ во времени и расходахъ выразится при этомъ въ часахъ и копѣйкахъ. Точно также и второй элементъ задачи—исчисленіе вѣроятныхъ потерь отъ слиянія разнородныхъ функций—опредѣляется различно, смотря по тому, много или мало дѣла приходится исполнять должностному лицу по каждой отдѣльной категоріи его обязанностей, въ какомъ порядкѣ поступаютъ къ нему эти дѣла, есть ли возможность установить правильную послѣдовательность или періодичность въ этомъ отношеніи, или все здѣсь подвержено случайности, — производятся-ли эти различные дѣла въ одномъ мѣстѣ или въ разныхъ мѣстахъ, въ одинаковой или неодинаковой обстановкѣ, требуетъ ли каждый разрядъ дѣлъ

спеціальной технической сноровки, приобретаемой продолжительнымъ опытомъ, или же для всѣхъ дѣлъ различныхъ категорій достаточно одного простого, „неквалифицированного“ труда. Понятно, что по нѣкоторымъ изъ указанныхъ пунктовъ Европейская Россія представитъ другія данныя, нежели Азіатская, напр., по вопросу о количествѣ дѣлъ, отъ котораго въ значительной степени зависитъ возможность или невозможность соединенія разнородныхъ функцій. Затѣмъ, что касается существа функцій и практическихъ условій, которыми обставлено ихъ отправленіе, то очевидно, что крайне неудобно сопрягать обязанности судейскія, требующія усидчивости и постоянного пребыванія на одномъ мѣстѣ, съ обязанностями слѣдователя, представителя „разъѣзжающей“ магистратуры, въ отличіе отъ магистратуры „сидячей“. Какой смыслъ имѣетъ сократить разстояніе къ судейской камерѣ на десятокъ верстъ и избавить такимъ образомъ обывателя отъ нѣсколькихъ лишнихъ часовъ пребыванія въ пути, если, наряду съ такимъ „приближеніемъ“ суда, устанавливается порядокъ, при которомъ обыватель рискуетъ, пріѣхавъ къ судѣ, не застать его въ мѣстѣ исполненія его обязанностей и дожидаться его возвращенія въ теченіе неопредѣленно долгаго времени? Странная это будетъ заботливость объ интересахъ населенія, и врядъ-ли она наполнитъ признательностью обывательскія сердца.

Изъ всѣхъ данныхъ, отвѣчающихъ на вопросъ о соединимости слѣдовательскихъ и судейскихъ обязанностей, коммиссія остановила свое преимущественное вниманіе на тѣхъ, которые относятся до величины слѣдственныхъ участковъ и количества слѣдовательской работы. Перечисляя недостатки существующей организаціи слѣдственной части, коммиссія упоминаетъ и о „сравнительно недостаточной подготовленности и опытности лицъ, назначаемыхъ на должности судебныхъ слѣдователей“, но упоминаетъ лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же объ этомъ забыть; слишкомъ ясно, что сліяніе слѣдственныхъ и судейскихъ функцій меньше всего можетъ помочь этому недостатку. Въ виду этого, приходится напирать „главнымъ образомъ“ на „чрезмѣрную обширность слѣдственныхъ участковъ, чрезвычайно отдаляющую слѣдственную власть отъ населенія“, и на „излишнюю обремененность слѣдователей работой, что отражается неблагоприятнымъ образомъ на быстротѣ производства слѣдствій“. Объяснительная записка коммиссіи старается представить величину слѣдственныхъ участковъ въ такомъ видѣ, который былъ бы способенъ поразить воображеніе читателя. Вычисляется средній районъ слѣдственного участка сразу для всѣхъ десяти округовъ Европейской Россіи, причемъ оказывается, что на каждого слѣдователя приходится площадь въ 4.120 квадр. верстъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ среднее пространство участка еще больше; напр., въ Вятской губ. до 5.000 кв. в., въ Пермской—до 12.350 кв. в., въ нѣкото-

рыхъ уѣздахъ Вологодской губ.—до 35.334 кв. в. Приводя эти цифры, комиссія невольно раскрываетъ всю тщету своего статистическаго доказательства,—ибо какое значеніе можетъ имѣть средняя изъ данныхъ, между которыми попадаются максимальныя отклоненія, превышающія среднюю чуть ли не въ девять разъ! Очевидно, что при общемъ числѣ 1.450 участковъ достаточно весьма немногихъ даже случаевъ такихъ отклоненій, чтобы это обстоятельство уже чувствительно отразилось на средней величинѣ. Это все равно, какъ если бы кучку Гулливеровъ окружить толпой лилипутовъ и затѣмъ выводить среднюю величину роста для всей этой массы. Но согласимся признать среднюю, вычисленную комиссіей, въ качествѣ настоящей статистической нормы, въ качествѣ показателя величины большинства, а не меньшинства участковъ. Такъ какъ реформа предлагается въ видахъ „приближенія“, т. е. сокращенія разстояній, то насъ должна интересовать величина участковъ, выраженная не въ квадратныхъ, а въ линейныхъ единицахъ, которыми разстояніе и измѣряется. Площадь въ 4.120 кв. в. можетъ быть представлена въ видѣ четырехугольника, котораго длина 70, а ширина 60 верстъ; если слѣдовательскій пунктъ находится въ центрѣ участка, то разстояніе къ нему отъ границъ, приблизительно, 35—30 верстъ. При сокращеніи площади наполовину получится участокъ въ 2.000 съ лишнимъ кв. в., т. е. четырехугольникъ, котораго длина 50, а ширина 40 съ лишнимъ верстъ; разстояніе отъ центральнаго пункта опредѣлится въ 25—20 верстъ. Слѣдовательно, вся выгода отъ сокращенія сводится къ выигрышу 10 верстъ, т. е. такого разстоянія, которое на лошади можно сдѣлать въ одинъ часъ, а пѣшкомъ въ два часа.

Нѣсколько сложнѣе статистическія манипуляціи комиссіи надъ цифрами, показывающими обремененность слѣдователей работой,—потому что сложнѣе самое отношеніе ея къ этой сторонѣ дѣла. Въ изображеніи величины участковъ комиссія имѣла только одну цѣль: показать ихъ большими; но когда рѣчь идетъ о количествѣ слѣдовательской работы—цѣль раздваивается. По-скольку дѣло касается дробленія участковъ, которое общается на мѣсто одного лица, производящаго слѣдствія, поставить два—въ интересахъ доказательства всякая преувеличенная оцѣнка слѣдовательскаго бремени; а по-скольку дѣло идетъ о сліяніи функций, при которомъ слѣдовательское бремя передается, правда, двумъ, но не слѣдователямъ, а участковымъ судьямъ,—въ интересахъ того же доказательства преуменьшить значеніе этого бремени, представить его въ видѣ *quantité négligeable*. Эта двойственная задача разрѣшается при помощи приѣмовъ во всякомъ случаѣ не остроумныхъ. При исчисленіи средней обремененности нынѣшняго слѣдователя дается цифра 163 слѣдствія въ годъ (для 1898 г.); при распредѣленіи же этого количества между двумя

участковыми судьями дается цифра—отъ 3 до 5 слѣдствій въ мѣсяцъ на каждого, что составитъ отъ 36 до 60, а въ среднемъ 48 слѣдствій въ годъ, причемъ эта послѣдняя цифра должна изображать собою половину 163.

Трудно успокоиться, конечно, на такомъ выводѣ. Если цифры безропотно допускаютъ надъ собою всякія дѣйствія, то дѣйствительность жестоко запротестовала бы противъ возложенія на участковаго судью—этого новаго верблюда судебного вѣдомства, нагруженнаго всевозможными обязанностями по разрѣшенію дѣлъ уголовныхъ, гражданскихъ, охранительныхъ предѣловъ расширенной подсудности—еще и настоящей, подлинной половины труда настоящаго слѣдователя. Нельзя обнять необъятнаго—это понятно, конечно, и для комиссіи пересмотра. И вотъ, чтобы въ предположенной реформѣ мѣстнаго суда и слѣдственной организациі свести концы съ концами, пришлось прибѣгнуть къ героическому средству. Предварительное слѣдствіе изымается изъ рукъ судебно-слѣдственной власти; оно подвергается переодѣванію и подъ многообѣщающимъ именемъ полицейскаго дознанія передается въ руки уѣздной и городской полиціи. Это самая глубокая перемѣна, произведенная комиссіей въ организациі слѣдственной части; рядомъ съ нею проектъ сліянія должности слѣдователя съ должностью участковаго судьи кажется чѣмъ-то въ высшей степени поверхностнымъ, затрогивающимъ только виѣшнія черты организаціи. Достойно вниманія, однако, что эта глубоко забирающая, коренная организаціонная реформа отсутствуетъ въ проектѣ учрежденія судебныхъ установленій; а появляется она инкогнито въ одеждѣ процессуальныхъ правилъ, нормирующихъ не устройство слѣдственныхъ органовъ, а производство слѣдственныхъ дѣйствій.

По дѣйствующему уставу, предварительное слѣдствіе обязательно производится по всѣмъ дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, караемыхъ полнымъ или частичнымъ лишеніемъ правъ. Предварительному слѣдствію предшествуетъ такъ называемый розыскъ или дознаніе, выполняемое органами полиціи путемъ *негласныхъ развѣдокъ*, но безъ права совершать какія либо формальныя слѣдственные дѣйствія. Только въ немногихъ исключительныхъ, перечисленныхъ въ законѣ случаяхъ полиція уполномочивается на исполненіе нѣкоторыхъ слѣдственныхъ актовъ. Новый проектъ устава уголовного судопроизводства устанавливаетъ въ этомъ отношеніи иной порядокъ. Обязательность предварительнаго слѣдствія сохраняется только для самыхъ тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ—о преступленіяхъ, за которыя законъ грозитъ наказаніемъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Въ дѣлахъ же меньшей важности, гдѣ обвиняемому угрожаетъ лишь (!) потеря всѣхъ или нѣкоторыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ — предварительное слѣдствіе допу-

скается только факультативно. Это значитъ: вмѣсто предварительнаго слѣдствія производится полицейское дознаніе, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда результаты послѣдняго будутъ признаны неудовлетворительными въ особомъ опредѣленіи слѣдователя, или обвинительной властью, оно въ цѣломъ или въ части, вызвавшей сомнѣніе, подлежитъ провѣркѣ въ слѣдственномъ порядкѣ. Но нынѣшнее полицейское дознаніе, осуществляемое путемъ негласныхъ развѣдокъ, въ роли главнаго поставщика обвинительнаго, вообще слѣдственного матеріала, окажется всегда неудовлетворительнымъ; въ большинствѣ случаевъ оно ничего не можетъ дать, кромѣ непровѣренныхъ слуховъ, догадокъ и предположеній. Стало бытъ, если сохранить за дознаніемъ его нынѣшній характеръ, провѣрка будетъ въ большинствѣ случаевъ необходима, и никакого сокращенія труда, требуемаго отъ участкового судьи его слѣдственными обязанностями, не произойдетъ. Вотъ, такимъ то образомъ коммиссія приведена была къ ея героическому рѣшенію—измѣнить въ корнѣ сущность дознанія, раздвинуть его предѣлы до того объема, какой имѣетъ нынѣшнее предварительное слѣдствіе, и вручить органамъ полиціи, производящимъ дознаніе, почти всю полноту слѣдственныхъ полномочій. Изгнанное предварительное слѣдствіе возвращается въ видѣ расширеннаго полицейскаго дознанія. Дѣятели городской и уѣздной полиціи, до полицейскихъ надзирателей и урядниковъ включительно—или даже по преимуществу, потому что на нихъ то и падаетъ, главнымъ образомъ, тяжесть розыска—получаютъ право совершать обыски и выемки въ домахъ, подвергать допросамъ, производить осмотры и т. п., словомъ, исполнять всѣ слѣдственные акты. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется—или, какъ выражается коммиссія, „обобщается“—право полиціи принимать мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія *и суда*. Въ настоящее время полиція можетъ принимать и такія мѣры, только до прібытія судебного слѣдователя и притомъ лишь въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, точно указанныхъ въ законѣ, а именно: 1) когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія; 2) когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо; 3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія; 4) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежать подозрѣваемому или оказались при немъ; 5) когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга и 6) когда подозрѣваемый не имѣетъ постоянного жительства или осѣлости. Эти шесть случаевъ обобщаются коммиссіей въ слѣдующихъ трехъ рубрикахъ: 1) когда подозрѣваемый навлекаетъ на себя достаточное подозрѣніе; 2) когда есть поводъ опасаться, что онъ скроется или уничтожитъ слѣды преступленія, и 3) когда онъ не

имѣть постоянного жительства или осѣдлости. По мнѣнію комиссіи, она совершила только логическую операцію „обобщенія“; въ дѣйствительности, благодаря этой операціи, права полиціи по принятію мѣръ пресѣченія расширяются до чрезвычайныхъ размѣровъ и почти уравниваются съ правами, принадлежащими теперь слѣдственной власти. Полицейскія полномочія по пресѣченію расширяются и во времени—мѣры пресѣченія примѣняются не только въ минуту неотложности, до прибытія отсутствующаго судебного слѣдователя, но на весь періодъ предварительнаго производства,—и еще шире раздвигаются съ точки зрѣнія ихъ юридической природы. Ибо одно дѣло—дать въ законѣ исчерпывающее перечисленіе тѣхъ конкретныхъ фактовъ, которые могутъ явиться поводомъ для принятія мѣръ пресѣченія, а другое дѣло—предоставить усмотрѣнію полиціи выборъ самыхъ фактовъ и оцѣнку ихъ основательности и вѣрности. „Достаточное подозрѣніе“, „поводъ опасаться“—подъ эти обобщенныя рубрики, которыми комиссія замѣняетъ конкретныя указанія дѣйствующаго закона, можетъ подойти все, что угодно; опредѣленія здѣсь настолько эластичны, что въ кругѣ, замыкаемомъ ими, свободно могла бы двигаться и дискреціонная власть.

„Въ твоихъ новизнахъ, государь, старина наша слышится“. Въ новизнахъ комиссіи пересмотра также слышится старина и не только слышится, а и возстаетъ во-очію, воскресаетъ изъ мертвыхъ. Но эта не та „баснословная“ старина райскаго состоянія древней Руси, ея золотого вѣка, которую учуяли московскіе старообрядцы — вѣроятно вслѣдъ за московскими славянофилами—въ преобразованіяхъ императора Александра II. Это не отблескъ славянофильскаго міра, не лунный призракъ, созданный славянофильской романтикой, а самая подлинная реальность вчерашняго дня, еще не успѣвшая изгладиться изъ памяти нынѣ живущихъ людей. Любопытно, что рядъ реформъ эпохи шестидесятыхъ годовъ *открылся* реформой, правда частичной и неполной, предварительнаго слѣдствія; это было первое преобразование, предварившее даже актъ 19 февраля. Дѣйствительно, въ темномъ царствѣ крѣпостной безправности и безсудности полицейское слѣдствіе было областью сугубо темною; поэтому и лучъ свѣта былъ направленъ туда ранѣе, чѣмъ въ другія, сопредѣльныя области. Появленіе вновь на горизонтѣ полиціи въ роли слѣдственной власти однимъ ударомъ возвращаетъ насъ къ дореформеннымъ слѣдственнымъ порядкамъ, даже отодвигаетъ еще дальше—по ту сторону черты, проведенной изданіемъ судебныхъ уставовъ. Такъ охарактеризована реформа комиссіи голосами ея собственныхъ членовъ, и притомъ членовъ авторитетныхъ, напр., сенатора А. Ѳ. Кони и др. Для оцѣнки практическаго значенія этого поворота сама комиссія представила богатый матеріалъ, поражающее обиліе свидѣтельствъ о томъ, какъ производится полицейское дознаніе въ настоящее время, когда

оно ограничено закономъ, и чего можно ожидать отъ „расширенного“ дознанія, по проекту комиссіи. Въ объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовного судопроизводства мы находимъ, напр., слѣдующія поучительныя выдержки изъ ревизіонныхъ отчетовъ. „Заподозрѣнный обязательно допрашивается, указано въ отчетѣ по округу тамбовскаго окружнаго суда, причемъ очень часты случаи вымогательства отъ него признанія путемъ угрозъ, лишенія свободы и даже причиненія насилій, побоевъ, а иногда истязаній. Такіе приемы при производствѣ дознаній употребляются преимущественно полицейскими урядниками, а иногда и чиновниками полиціи. Бывали примѣры употребленія такихъ же приемовъ (насилія и лишенія свободы) и въ отношеніи свидѣтелей, уклоняющихся якобы отъ дачи правильнаго показанія“. Въ тифлискомъ судебномъ округѣ при производствѣ дознанія „побои (безъ свидѣтелей) и выколачиваніе признанія у заподозрѣнныхъ — явленіе заурядное“. „За все время существованія учрежденія судебныхъ слѣдователей, пишетъ въ своемъ особомъ мнѣніи сенаторъ А. О. Кони, не было случаевъ привлеченія кого-либо изъ нихъ къ отвѣтственности за злоупотребленіе властью и жестокости, употребленныя какъ средства для достиженія того или другого слѣдственного результата, тогда какъ не только дореформенная, но и современная хроника преступленій по должности богаты обвиненіями полицейскихъ чиновъ въ истязаніяхъ при исполненіи обязанностей службы, причемъ обвиняемыми являются далеко не низшіе чины полиціи, а именно такіе, которымъ, согласно ст. 103 и 105 проекта, будетъ поручаемо производство слѣдственныхъ дознаній“.

Предлагаемая комиссіей реформа строя и порядка предварительнаго слѣдствія является въ существеннѣйшихъ чертахъ своихъ — реставраціей. Таковъ короткій смыслъ нашей длинной — извиняемся, быть можетъ, слишкомъ длинной — рѣчи объ этомъ предметѣ. Исчерпывается ли указаннымъ итогомъ все значеніе этой части труда пересмотра? Въ ней найдется еще не мало интересныхъ пунктовъ. Расширенное слѣдственное дознаніе ставится подъ надзоръ прокуратуры, по необходимости отдаленный и безсильный предупредить возможные злоупотребленія, но достаточный для того, чтобы придать этой стадіи производства общее односторонне-обвинительное направленіе. Это направленіе еще болѣе подчеркивается правомъ лично производить дознаніе, которымъ проектъ вооружаетъ чиновъ прокуратуры. Такимъ образомъ стирается раздѣленіе обвинительной и судебной властей—одно изъ основныхъ началъ современнаго уголовного процесса. Далѣе, въ виду общей тенденціи пересмотра врядъ-ли приходится упоминать о томъ, что участіе защиты въ предварительномъ производствѣ, не допущенное и дѣйствующимъ уставомъ, было отвергнуто

также и комиссіей,—хотя во время изданія судебныхъ уставовъ не было ни контингента защитниковъ, достойныхъ довѣрія, существующаго теперь въ лицѣ присяжной адвокатуры, ни многочисленныхъ примѣровъ иностранныхъ законодательствъ, введшихъ у себя формальную защиту на предварительномъ слѣдствіи. Для большихъ оказій, для производства особо трудныхъ слѣдствій по особо важнымъ дѣламъ комиссія учреждаетъ окружныхъ слѣдственныхъ судей, назначаемыхъ министромъ юстиціи изъ числа членовъ окружныхъ судовъ. Назначеніе дѣлается на опредѣленный или, вѣрнѣе, неопредѣленный срокъ и носитъ вполне прекарный характеръ: оно отнюдь не закрѣпляетъ за этимъ членомъ навсегда слѣдовательскихъ обязанностей, и отъ воли министра юстиціи зависитъ замѣнить его другимъ лицомъ. Такимъ образомъ, слѣдственная часть, представленная участковыми и окружными слѣдственными судьями, оказывается относительно центральной администраціи вѣдомства юстиціи въ одинаковомъ положеніи съ мѣстнымъ судомъ.

Будущему историку нашей эпохи придется дать отвѣтъ на вопросъ, который съ перваго взгляда можетъ показаться загадкой: какъ уцѣлѣлъ судъ присяжныхъ? На судъ присяжныхъ участіе общественнаго элемента проявляется съ большею активностью и свободой, чѣмъ въ другихъ учрежденіяхъ; тамъ ему принадлежитъ рѣшающій голосъ, за нимъ остается послѣднее слово. Нападки на судъ присяжныхъ отличались поэтому наибольшимъ ожесточеніемъ и упорствомъ; уничтоженіе этого суда сдѣлалось своего рода „delenda est Carthago!“ для Катоновъ реакціи. И тѣмъ не менѣе, судъ присяжныхъ уцѣлѣлъ; рушился мировой судъ, а судъ присяжныхъ, хотя и понесъ многія раны и увѣчья, всетаки остался; сократилась сфера его компетенціи, но сохранился внутренний строй. Чему слѣдуетъ приписать чудо этого сохраненія? Дѣло въ томъ, что, наряду съ сохраненіемъ, если не всѣхъ, то главнѣйшихъ основныхъ чертъ внутренней организаціи суда присяжныхъ, глубоко измѣнилось внѣшнее положеніе этого суда, его публичное значеніе, и рѣзко понизился удѣльный политическій вѣсъ самаго права общественнаго участія въ отправленіи правосудія... Когда указанный фактъ объявился воочію, противникамъ суда присяжныхъ пришлось прибѣгнуть къ диверсіи и перенести борьбу на другую почву. Оружіе политическихъ извѣстовъ притупилось; и необходимо было найти что нибудь другое. Въ началѣ 90-хъ годовъ самое содержаніе и приемы обвиненія въ томъ процессѣ, гдѣ на скамьѣ подсудимыхъ находился судъ присяжныхъ, существенно измѣнились. Новые прокуроры, выступившіе тогда и вышедшіе, дѣйствительно, изъ рядовъ заправской прокуратуры, сдѣлали главной темой своихъ обличеній несоотвѣтствіе суда присяжныхъ въ его *нынѣшней организаціи*—это обстоятельство осо-

бенно подчеркивалось—началу законности. Обвинители не отрицали некоторых достоинств суда присяжных; они соглашались, что участие общественного элемента вносить в рассмотрение дела богатый житейский опыт, разностороннее и близкое знание бытовых условий, вносить свежую впечатлительность, непритупленную, как у коронных судей, долговременной привычкой; это участие действительно поддерживает правосудие на известной высоте, мѣшает ему спуститься до уровня механической работы и облачает его результаты чуть ли не „мистическим“ ореолом приговоров общественной совѣсти. Но присяжные засѣдатели, лишённые юридического образования, со слабо развитымъ чувствомъ законности—такъ гласило обвинение—обнаруживаютъ неудержимое влечение къ превышенію предѣловъ предоставленной имъ власти—отчасти потому, что передъ ними недостаточно отчетливо рисуется самая ея граница, а главнымъ образомъ потому, что они стихійно поддаются массовой, „стадной“ воспримчивости, ничѣмъ несдерживаемой, даже сознаниемъ отвѣтственности. Ибо безотвѣтственность присяжныхъ полная—не только передъ какимъ-нибудь органомъ внѣшняго контроля, не только передъ закономъ, но и передъ самой логикой, такъ какъ они не мотивируютъ своихъ приговоровъ, а издаютъ декреты: виновенъ, невиновенъ. Присяжные поэтому нуждаются въ восполненіи юридическимъ элементомъ, въ лицѣ коронныхъ судей, представителей трезвой науки и безстрастного закона. „Средостѣніе“, раздѣляющее профессиональных и общественныхъ судей въ современной организаціи суда присяжныхъ, должно быть уничтожено; крайности должны слиться, а недостатки и достоинства обоихъ элементовъ, разъединяемыхъ нынѣшнимъ устройствомъ суда присяжныхъ, прямо противоположны и слѣдовательно точно предопредѣлены для взаимнаго восполненія. Присяжные и коронные судьи должны образовать одну коллегію для совмѣстнаго обсужденія вопроса о винѣ и о наказаніи.

Въ основѣ этого проекта „преобразования“ суда присяжныхъ, вызвавшаго при своемъ появленіи горячіе споры, еще не остывшіе вполне и по сію пору, лежитъ заблужденіе—или софизмъ—которое часто повторяется въ исторіи-проектныхъ начинаній. Это—беззаботность насчетъ сложныхъ законовъ взаимодѣйствія между тѣми *живыми* элементами, сліяніе которыхъ предлагается; эти сложные законы соціальной химіи замѣняются правилами ариметики—простымъ сложениемъ и вычитаніемъ различныхъ свойствъ, присущихъ представителямъ тѣхъ различныхъ типовъ, которые приводятся между собою въ непосредственное соприкосновеніе. Казалось бы, чего лучше: соединить женственную впечатлительность присяжныхъ съ мужественной трезвостью и самообладаніемъ коронныхъ судей, житейскій опытъ однихъ съ юридическими познаніями другихъ, и получится идеальный судъ. На

самомъ дѣлѣ все это и соединено на судѣ присяжныхъ, но различные элементы отодвинуты другъ отъ друга на извѣстное разстояніе именно потому, что только при такомъ взаимномъ подожженіи одного относительно другого возможно ихъ правильное взаимодействіе. Если назначеніе короннаго элемента заключается въ томъ, чтобы регулировать легко возбуждаемую, чувствительную воспримчивость присяжныхъ, то разстояніе, раздѣляющее ихъ, является необходимымъ условіемъ исполненія этого назначенія. Коронный судья, вступая въ среду присяжныхъ для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о виновности, этимъ самымъ радикально измѣняетъ свою роль и функціи въ процессѣ; онъ перестаетъ быть органомъ регулирующимъ, а превращается въ такой же органъ воспріятія, какъ и сами присяжные,—только иначе устроенный, съ иными психологическими задатками, выносящій изъ дѣла иныя впечатлѣнія, которыя въ большинствѣ случаевъ не будутъ сливаться съ впечатлѣніями присяжныхъ. И именно потому, что присяжные крайне воспримчивы, они неминуемо подчинятся этому активному, властному руководству, облеченному въ мундиръ науки и спеціальной опытности; чувствительная пластинка воспримчивости присяжныхъ отразитъ только тѣ впечатлѣнія и взгляды, какіе составились по дѣлу у коронныхъ судей. Такъ оно и бываетъ въ дѣйствительности на судѣ шеффеновъ или въ нашемъ судѣ палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, гдѣ общественный элементъ играетъ только роль почетной свиты или декоративной обстановки короннаго суда.

Мы остановились на проектѣ „слиянія“ по той причинѣ, что хотя онъ и не имѣлъ полного успѣха въ комиссіи пересмотра, но не прошелъ безслѣдно для ея работъ. Комиссія, отвергнувъ основанія проекта, тѣмъ не менѣе, воплотила его въ учреждаемомъ ею судѣ присяжныхъ особаго состава. Этотъ судъ составленъ именно по рецепту слиянія: въ него будутъ призываться присяжные засѣдатели, обладающіе повышеннымъ цензомъ образовательнымъ или имущественнымъ,—въ числѣ пяти человекъ, которые, по окончаніи судебного слѣдствія и преній, сольются съ тремя коронными судьями въ одну коллегію для совмѣстнаго обсужденія и разрѣшенія вопросовъ какъ о винѣ, такъ и о наказаніи. Этотъ судъ предназначается на смѣну суду палаты съ участіемъ сословныхъ представителей по всѣмъ общимъ (т. е. кромѣ государственныхъ и должностныхъ) преступленіямъ, подвѣдомственнымъ въ настоящее время палатѣ; кромѣ того, судъ присяжныхъ особаго состава долженъ явиться суррогатомъ дѣйствительнаго суда присяжныхъ для нѣкоторыхъ окраинъ.

. Суду присяжныхъ общаго состава—въ сущности, единственному подлинному представителю этого института, такъ какъ судъ

присяжныхъ особаго состава по устройству ближе подходитъ къ суду шеффеновъ—посчастливилось въ комиссіи пересмотра. Посчастливилось, разумѣется, относительно: по сравненію съ плачевною участію, постигшею организацію мѣстнаго суда и предварительнаго слѣдствія. Комиссія не пошла по пути дальнѣйшаго ограниченія юрисдикціи суда присяжныхъ, ибо въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, дальше идти некуда; комиссія не вняла также льстивому пѣнію сирень „слиянiя“ народнаго и правительственнаго элемента въ какой бы то ни было формѣ. Однако, нельзя сказать, что комиссія оставила все по-старому: ею произведены нѣкоторыя, по ея мнѣнію, *частичныя* измѣненія, которыя должны, тѣмъ не менѣе, отразиться и на *общемъ* уровнѣ дѣятельности суда присяжныхъ. Какъ извѣстно, наряду съ ограниченіемъ юрисдикціи суда присяжныхъ, были приняты также мѣры, направленные къ усиленію такъ называемой благонадежности самого состава присяжныхъ засѣдателей. Закономъ 28 апрѣля 1887 года значительно измѣнены ценовыя требованія, установленныя для права на избраніе въ присяжные. Измѣненіе послѣдовало въ двухъ направленіяхъ: цензъ былъ пониженъ для землевладѣльцевъ, (вмѣсто 100 десятинъ— $\frac{1}{20}$ часть количества десятинъ, требуемаго для избранія въ земскіе гласные);—и повышенъ для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія, имущественное положеніе которыхъ опредѣляется вознагражденіемъ за трудъ или доходомъ отъ капитала, занятія, ремесла или промысла. До закона 1887 г. въ общіе списки присяжныхъ вносились всѣ лица, получающія жалованье или доходы отъ капитала, занятія, ремесла или промысла въ размѣрѣ—въ столицахъ не менѣе 500 р., въ прочихъ мѣстахъ—не менѣе 200 р. въ годъ; по закону же 1887 г. минимальные размѣры такого подоходнаго ценза установлены для столицъ—въ 1.000 р.; для городовъ съ населеніемъ, достигающимъ 100 тыс. человекъ и выше—въ 600 р., и для прочихъ мѣстностей—въ 400 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ повышенъ цензъ служебный; устранины лица, впавшія въ крайнюю бѣдность, и домашняя прислуга; въ число общихъ условій, которымъ должны удовлетворять присяжные, включено знаніе русскаго языка и умѣнье читать по русски. Картина была бы неполной, если бы мы упустили изъ виду, что въ общіе списки вносятся всѣ лица, записанныя въ купеческія гильдіи, хотя бы они и не производили торговли, и лица сельскаго состоянія, занимавшія безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ, головъ, волостныхъ и столичныхъ судей, сельскихъ старостъ, станичныхъ и поселковыхъ атамановъ или другія соответствующія должности въ общественномъ управленіи сельскихъ обывателей разныхъ наименованій, въ томъ числѣ довѣренныя станичныхъ обществъ, или бывшіе церковными старостами или же гласными земскихъ собраній. Та же цѣль—усиленіе благонадежности состава присяжныхъ за-

сѣдателей—преслѣдовалась въ законѣ 12 іюня 1889 г., измѣнившимъ постановленіе судебныхъ уставовъ объ отводѣ присяжныхъ. Право отвода было понижено для каждой стороны до трехъ лицъ (вмѣсто прежнихъ шести); кромѣ того, отмѣнено было постановленіе, которое давало подсудимому право дополнительнаго отвода въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель не воспользовался своимъ правомъ отвода въ полномъ объемѣ: подсудимые могли тогда отвести столько присяжныхъ засѣдателей, чтобы изъ общаго числа тридцати осталось не менѣе восемнадцати. Значеніе этой мѣры было еще заострено тѣмъ, что, одновременно съ уничтоженіемъ права дополнительнаго отвода, принадлежавшаго подсудимымъ, и сокращеніемъ права отвода вообще, представитель обвинительной власти, въ лицѣ товарища прокурора окружнаго суда, былъ введенъ въ самую комиссію, составляющую очередные списки присяжныхъ засѣдателей, и получилъ, такимъ образомъ, возможность вліять на подборъ присяжныхъ и помимо прямого отвода.

Комиссія пересмотра нашла возможнымъ удовольствоваться тѣмъ, что было сдѣлано до нея и въ смыслѣ повышенія цензовыхъ требованій отъ присяжныхъ засѣдателей, и въ смыслѣ ограниченія права отвода. Однако, если не прямымъ, то косвеннымъ путемъ комиссія измѣняетъ цензовый составъ присяжныхъ. Этотъ результатъ достигается съ помощью принятаго комиссіей порядка составленія общихъ и очередныхъ списковъ. Комиссія предлагаетъ, чтобы составлялись отдѣльные, какъ общіе, такъ и очередные, списки присяжныхъ, особаго и общаго состава, а такъ какъ для первыхъ устанавливается повышенный образовательный и имущественный цензъ (1) высшее или среднее образованіе, и 2) обладаніе земельной собственностью въ размѣрѣ, дающемъ право на участіе въ земскихъ выборахъ, или другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною въ столицахъ не ниже двадцати тысячъ рублей, въ другихъ мѣстахъ—не ниже десяти тысячъ рублей, или полученіе дохода отъ капитала, службы и пр. въ размѣрѣ 2,000 р. въ столицахъ и 1,000 р. въ прочихъ мѣстахъ), то лица этой категоріи, принадлежащія къ наиболѣе интеллигентному классу населенія, исключаются изъ контингента присяжныхъ засѣдателей общаго состава. Такимъ образомъ, изъ суда присяжныхъ уводятся самые культурные и независимые его элементы, которые призываются къ участію къ той формѣ суда, гдѣ ядъ независимости умѣряется противоядіемъ—непосредственнымъ воздѣйствіемъ коронныхъ судей на представителей общества. Вообще, дѣйствительное мнѣніе комиссіи о значеніи повышенныхъ цензовыхъ требованій для исполненія обязанностей присяжнаго уловить довольно трудно; въ этомъ отношеніи объяснительная записка къ проекту даетъ рядъ заявленій, несовсѣмъ между собою согласованныхъ. Такъ, съ одной стороны, комиссія признаетъ „жела-

тельность дальнѣйшаго повышенія требованій ценза—имущественнаго, профессиональнаго и образовательнаго“, — но отказывается отъ осуществленія этого желанія въ виду того, что „за отсутствіемъ въ населеніи достаточнаго числа обывателей, удовлетворяющихъ повышеннымъ требованіямъ ценза, ежегодное избраніе изъ слишкомъ ограниченнаго круга необходимаго количества присяжныхъ засѣдателей обременило бы нѣкоторые классы общества слишкомъ тягостною повинностью“. Но, съ другой стороны, отставивъ избранный ею порядокъ составленія отдѣльныхъ списковъ присяжныхъ особаго и общаго состава, коммиссія указываетъ уже, что „вообще трудно установить, какой именно составъ присяжныхъ засѣдателей долженъ быть признанъ наиболѣе благоприятнымъ съ точки зрѣнія общихъ интересовъ правильнаго отправленія правосудія, такъ какъ, напр., по свидѣтельству многолѣтней нашей практики, лица, принадлежащія къ простой крестьянской средѣ, оказываются въ этомъ отношеніи весьма желательнымъ элементомъ“. Коммиссія не смущается тѣмъ пониженіемъ общаго уровня присяжныхъ засѣдателей, которое должно явиться послѣдствіемъ выдѣленія изъ ихъ среды специальныхъ присяжныхъ: „означеннаго рода опасенія, говоритъ коммиссія, не согласуются съ основною мыслью суда присяжныхъ, по самой сущности коего къ участію въ отправленіи правосудія призываются всѣ представители населенія, обладающіе житейскимъ здравымъ смысломъ, не опорооченные въ нравственномъ отношеніи и представляющіеся благонадежными по своему имущественному положенію“. Итакъ, съ одной стороны—желательно повышение ценза, съ другой—не нужно и даже расходится съ сущностью, съ основною мыслью суда присяжныхъ, а съ третьей стороны—эта сущность оказывается таинственнымъ образомъ связанной съ какой-то особенной, специфической благонадежностью присяжныхъ засѣдателей, зависящей не отъ обладанія здравымъ житейскимъ смысломъ и не отъ нравственной неопорооченности, а опредѣляемой исключительно имущественнымъ положеніемъ, т. е. тѣмъ же цензомъ. Если подъ сущностью суда присяжныхъ разумѣются основанія, общія этому институту во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, то приведенная характеристика этой сущности должна быть признана, по меньшей мѣрѣ, не точной. Напримѣръ, въ Англіи, на родинѣ суда присяжныхъ, также установленъ имущественный цензъ для избранія въ присяжные засѣдатели; но цензъ этотъ гораздо ниже, чѣмъ у насъ, хотя средній уровень благосостоянія населенія тамъ гораздо выше, чѣмъ у насъ, и значеніе ценза не въ томъ, чтобы служить показателемъ способности быть присяжнымъ, а въ стремленіи освободить бѣднѣйшихъ гражданъ отъ повинности, которая для нихъ слишкомъ тяжела. Вотъ слова одного знаменитаго англійскаго судьи: „Здравый смыслъ не составляетъ монополіи тѣхъ, кто живетъ подъ роскошной кровлей; цѣнность присяжнаго про-

порціональна прямотѣ его сужденія, а послѣдняя отнюдь не зависитъ отъ богатства“ *). При всей неопредѣленности взглядовъ комиссіи въ цензовомъ вопросѣ, въ самой этой сбивчивости мысли, растекающейся по тремъ направленіямъ, есть, однако, своя система. Если сопоставить измѣненія, произведенныя закономъ 1887 года, съ тѣми, которые вытекаютъ изъ предположеній комиссіи, то окажется, что верхній интеллигентный слой отрѣзывается отъ остальной массы, изъ которой вербуются присяжные для обыкновенныхъ дѣлъ, а „низы“, среда людей физическаго труда, находятся ниже цензовыхъ требованій и, слѣдовательно, также отчуждены отъ участія въ отправленіи правосудія. Крупные, основные кадры присяжныхъ засѣдателей будутъ состояться преимущественно изъ представителей среднихъ слоевъ — мелкихъ землевладѣльцевъ, мелкихъ торговцевъ, деревенскихъ богатѣевъ, бывшихъ волостныхъ старшинъ и т. п.; благодаря урѣзкамъ сверху и снизу, разнообразныя цензовыя условія пріобрѣтаютъ весьма опредѣленную, притомъ одноцвѣтную социальную окраску и становятся выраженіемъ принадлежности къ тѣмъ классамъ, въ которыхъ наиболѣе упоренъ и силенъ инстинктъ социальнаго самосохраненія, социальнаго консерватизма. Общій уровень суда присяжныхъ долженъ, такимъ образомъ, приблизиться къ тому, какой замѣчается теперь въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ благонадежность присяжныхъ проявляется въ высокомъ процентѣ обвиненій по дѣламъ о религіозныхъ преступленіяхъ — совращеніи въ расколъ, сектантствѣ и т. п., и столь-же высокимъ процентомъ оправданій по дѣламъ о насиліяхъ и истязаніяхъ, особенно, если жертвами были лица подначальныя, жены, дѣти, работники.

Чтобы покончить съ вопросомъ о различныхъ цензовыхъ узаконаніяхъ, остается упомянуть, что комиссія привлекаетъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ должностяхъ IV класса, лицъ, состоящихъ въ офицерскихъ чинахъ на военной и морской службѣ; лицъ сельскаго состоянія, окончившихъ курсъ городскихъ и 2-классныхъ уѣздныхъ училищъ или сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ — съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія сельскаго элемента въ составѣ присяжныхъ. Наряду съ этимъ, комиссія устраняетъ канцелярскихъ служителей и чиновниковъ, а равно вольнонаемныхъ писцовъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ.

Существеннымъ измѣненіемъ въ устройствѣ суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей является проектируемая комиссіей за-

*) Sir. W. Erle. Report from committee on juries. 1868. Evidence 1868. Цит. у Franqueville'я Le système judic. de la Grande Bretagne, t. 1, p. 509.

мѣна коллегіи коронныхъ судей однимъ судьей. Коронный элементъ на судѣ присяжныхъ руководить процедурой и постановляетъ приговоръ о наказаніи на основаніи вердикта, провозглашеннаго присяжными. По мнѣнію комиссіи пересмотра, эти обязанности исполнѣ по силамъ и единоличному судѣ, обладающему необходимой опытностью; присутствіе трехъ коронныхъ судей излишне, такъ какъ и теперь обыкновенно председательствующій одинъ ведетъ судебное слѣдствіе, одинъ развиваетъ всю ту дѣятельность, которая закономъ возложена на коронный составъ суда. Вопросъ переносится, такимъ образомъ, на почву работоспособности коллегіальнаго или единоличнаго состава суда, — и если бы дѣло шло объ устройствѣ фабрики или мастерской, то разсужденія комиссіи были бы безупречны — не зачѣмъ ставить трехъ работниковъ тамъ, гдѣ довольно одного. Но коллегіальность есть институтъ юридическій, а не техническій; значеніе ея не въ томъ, чтобы содѣйствовать увеличенію массы или скорости производимой работы, а въ томъ, чтобы гарантировать за нею извѣстное качество — ея законмѣрность. Необходимость коллегіальности вызывается не трудностью процедуры, т. е. не суммою физическихъ и умственныхъ усилій, требуемыхъ для ея проведенія, а ея важностью для интересовъ участвующихъ лицъ и обширностью той власти, которая предоставляется суду и въ извѣстныхъ предѣлахъ носить дискреціонный характеръ. Присутствіе коллегіи, хотя бы только въ роли безмолвнаго зрителя, побуждаетъ председательствующаго быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, воздерживаетъ его отъ увлеченій, могущихъ привести къ нарушеніямъ чужихъ правъ и злоупотребленіямъ властью; это присутствіе необходимо также для того, чтобы дать возможность участвующимъ въ дѣлѣ засвидѣтельствовать допущенныя процессуальныя нарушенія предъ лицомъ кассационной инстанціи. Опрежденія суда по замѣчаніямъ сторонъ на протоколъ судебного засѣданія имѣютъ въ глазахъ сената характеръ безусловной достовѣрности; слѣдовательно, при единоначаліи председательствующаго, его безпристрастію ввѣряется контроль надъ собственными дѣйствіями и засвидѣтельствованіе нарушеній, имъ самимъ совершенныхъ. Но это лишь одна сторона дѣла, — а другая состоитъ въ томъ, что важнѣйшіе процессуальные моменты и, что еще важнѣе, вопросъ о наказаніи разрѣшаются, при нынѣшнемъ устройствѣ, не единолично председательствующимъ, а голосомъ всей коллегіи. Власть суда въ опредѣленіи наказанія далеко не ничтожна, и теперь она должна значительно увеличиться съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія, построеннаго на широкомъ довѣріи къ суду, къ его юридическому и нравственному такту въ выборѣ подходящей къ данному конкретному случаю карательной мѣры. Законъ указываетъ только максимальные и минимальные размѣры

наказанія, а въ пространствѣ, замыкаемомъ ими, свободно проявляется дискреціонное усмотрѣніе суда, которое не подлежитъ и не можетъ подлежать ничьей повѣркѣ. Коммиссія передаетъ всю полноту этого усмотрѣнія единоличному судѣ, дѣлая его безконтрольнымъ вершителемъ важнѣйшихъ и драгоцннѣйшихъ правъ подсудимаго.

Д. Л.

Наша текущая жизнь.

(Журнальное обозрѣніе).

I.

«Московскія Вѣдомости», октябрь, 1900 г.—январь, 1901 г. (Московская просвирня и декаденты «твердой власти». — Дѣло психопатокъ и походъ противъ «нигилизма». — Философія судебной хроники, или палка о двухъ концахъ.

Я думаю, слишкомъ много чести будетъ для нашихъ литературныхъ „людей масляницы“, если разсматривать ихъ какъ серьезныхъ идейныхъ враговъ, какъ руководителей и инициаторовъ того торжества, къ которому они лишь примазались. Вонъ г. Грингмутъ все хочетъ приладить къ себѣ страшную маску Каткова, да и страшную то лишь въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ,—но просвирня остается просвирнею и такъ и умереть ею. Не бойтесь же, читатель, сокрушительныхъ залповъ москворѣцкой флотилии, плавающей подъ флагомъ „Московскихъ Вѣдомостей“: пушки этой непобѣдимой армады не лучше артиллеріи старыхъ китайскихъ джонокъ, ибо нарисованы на полотнѣ... Такъ не пора-ли намъ, господа, „сѣсть“, сѣсть хотя бы для того, чтобы насладиться вдосталь за свои деньги комидійнымъ дѣйствомъ, разыгрываемымъ въ балаганѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ эпигонами Михаила Никифоровича. Говорю „за свои деньги“ не только въ переносномъ, но и буквальномъ смыслѣ, ибо, участвуя, въ качествѣ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ несеніи тягостей государственнаго бюджета, мы же въ концѣ концовъ платимъ г. Грингмуту хотя бы за печатаніе казенныхъ объявленій въ его газетѣ, которая преслѣдуетъ, конечно, вѣчные и идеальные интересы, но и по части вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній тоже маху не даетъ...

Я лично, по крайней мѣрѣ, хотѣ отчасти вознаграждать себя за приходящуюся на мою долю бюджетную тяготу казенныхъ объявленій, сдѣлавшись за послѣдніе мѣсяцы усерднымъ читателемъ словесности, которая фабрикуется на Страстномъ бульварѣ—на манеръ знаменитой гоголевской луны, которая дѣлается въ Гамбургѣ, вы знаете—съ какимъ успѣхомъ. Вотъ все говорятъ, что трупы враговъ пахнутъ хорошо: я думаю, что живые враги, въ родѣ г. Грингмута и его сподвижниковъ, благоухаютъ лучше пафосской розы, и что если-бы ихъ не существовало, то для торжества идей, съ которыми они ратоборствуютъ, ихъ надо было-бы выдумать и поддерживать ихъ драгоценное существованіе даже сугубымъ печатаніемъ казенной прозы. Дѣйствительно, нѣтъ, кажется, ни одного пункта „охранительной“ программы, котораго-бы они не довели до абсурда... Какъ? Стараться пятить Россію цѣлыми десятилѣтіями назадъ и въ концѣ этого теченія заявить, что все надо начинать съизнова, что нельзя полагаться ни на одинъ органъ государственной и общественной дѣятельности (о чемъ подробнѣе ниже), что ненавистный „духъ времени“ проникаетъ всюду и отравляетъ все, что работа публицистовъ „Московскихъ Вѣдомостей“ напоминаетъ усилія Сизифа и Данаидъ—что же это такое, какъ не признаніе полнѣйшаго банкротства и практической невозможности осуществить „охранительную“ программу?

Но съ „Московскими Вѣдомостями“ нужно держать ухо востро, иначе онѣ какъ разъ на тебя доносъ состряпаютъ: доносили же онѣ на цензуру, доносятъ же онѣ на министерскіе циркуляры, на дѣйствія администраторовъ, на рѣшенія сената,—такъ станутъ ли онѣ перемониться съ простымъ обывателемъ? Потому-то во избѣжаніе возможныхъ кривотолковъ и подтасовокъ пишущій эти строки считаетъ долгомъ заявить, что никому, можетъ быть, онѣ не уступаетъ въ признаніи необходимости „твердой власти“, въ искреннемъ уваженіи передъ этимъ регулирующимъ общественную жизнь принципомъ. Дѣйствительно, я оставляю въ сторонѣ теоретическій вопросъ о томъ, возможно ли представить себѣ такой гармоническій строй, при которомъ элементъ обязательности, связывающій отдѣльную волю во имя общаго блага, становится совершенно ненужнымъ въ силу отсутствія поводовъ къ столкновенію между личностью и обществомъ. Для насъ, людей XIX-го вѣка, только что вступающихъ въ XX-й, начало „твердой власти“ имѣетъ огромное практическое значеніе. Въ свирѣпой свалкѣ классовъ, группъ и индивидуумовъ, гдѣ столько противорѣчивыхъ и эгоистичныхъ интересовъ рвутъ на части общественный организмъ, роль высшаго регулятора, служащаго задачамъ цѣлаго, призывающаго къ порядку каждый личный произволъ, есть цивилизаторская миссія. И критикъ принципъ обязательности подлежитъ лишь постольку, поскольку государственная власть

забываетъ свои общекультурныя цѣли и становится служкой ка-кого-либо отдѣльнаго класса, корпораціи, лица.

Но посмотрите; во что превращается принципъ „твердой власти“ подъ руками публицистовъ Страстного бульвара. Вмѣсто культурнаго идеала, вызывающаго искреннее и сознательное уваженіе мыслящихъ людей, гг. Грингмутъ и К^о ставятъ передъ нами какого-то свирѣпаго идола, напоминающаго своимъ обли-чемъ мексиканскаго Вицлипуцли, вѣчно скрежещущаго зубами, вѣчно сверкающаго злобыми глазами, вѣчно показывающаго ку-лакъ всѣмъ и всему,—ставятъ, говорю, передъ нами это страш-ное и уморительное вмѣстѣ чудовище и требуютъ отъ насъ къ нему-то, къ этому чудовищу, и всяческаго почтенія, и рабскаго культа, и благоговѣйнаго трепета именно за его зубы, глаза и кулакъ. Прямо можно подумать, что жрецы и служители кумира, фабрикуемаго специально въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, нарочно пускаютъ въ ходъ этотъ психическій терроръ для того, чтобы сорвать съ насъ за комиссію въ качествѣ предстателей передъ грознымъ божествомъ, приговаривая:

Вицлипуцли, Пуцливицли,
Мой боженокъ Вицлипуцли,
Дамъ тебѣ я ароматовъ...

Нѣтъ, чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ политическое міровоззрѣ-ніе „вліятельнаго“ органа нашихъ доморощенныхъ консервато-ровъ, тѣмъ болѣе эпигоны Каткова являются въ моихъ глазахъ декадентами „власти“. Я сейчасъ объясню это.

Въ чемъ суть декадентства? Въ томъ, что гг. эстеты считаютъ верховнымъ самодовлѣющимъ принципомъ жизни искусство, кото-рому они готовы приносить въ жертву цѣльнаго человѣка, счастье общества, прогрессъ всего человѣчества. Изъ нормальной и вы-соко-идеальной потребности живой личности они создаютъ урод-ливаго Молоха, насилующаго цѣлое во имя одной непомѣрно гипертрофированной части. Но что дѣлаютъ въ области политики руководители „Московскихъ Вѣдомостей“? Забывая слова апо-стола „что убо законъ? преступленій ради приложися“, забывая апостольское же объясненіе божественнаго происхожденія власти— „ибо начальникъ есть слуга Божій, тебѣ на добро“—они, эти почтенные публицисты, помѣщающіе у себя столько статей ду-ховныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе упорно отказываются признать этотъ благородный, но строго утилитарный, глубоко-общественный принципъ власти, который коренится въ основной потребности людей имѣть себѣ что-нибудь „на добро“; упорно проводятъ тео-рію власти для власти, какъ эстеты надрываются надъ провозгла-шеніемъ искусства для искусства. Для чего должна существовать „твердая власть“? Надѣюсь, для того, чтобы вамъ, мнѣ, ему, г. Грингмуту, и вообще каждому члену даннаго общегитія воз-

№ 3. Отдѣлъ II. 9

можно было удовлетворять своимъ личнымъ и общественнымъ потребностямъ, а всему обществу развиваться и преуспѣвать.— Нѣтъ, перебиваетъ меня сокрушающій „крамольный“ ученія г. Грингмута,—нѣтъ, а для того, чтобы сфабрикованный въ моей редакціи идолъ могъ скрежетать зубами, сверкать глазами и разнести въ прахъ своимъ мощнымъ кулакомъ васъ, ничтожнаго червя, осмѣливагося критиковать мою, страстно-бульварную заповѣдь: „нѣтъ идола, кромѣ идола свирѣпой власти, а я, Грингмутъ, пророкъ его“.

Такъ какъ я отнюдь не желаю подражать моимъ дорогимъ, моимъ нѣжно ненавидимымъ врагамъ изъ „охранительнаго“ лагеря, которые занимаются голословными доносами, то я приведу нѣсколько примѣровъ тактики нашихъ декадентовъ власти: пусть самъ читатель судить, вѣрно-ли я охарактеризовалъ центральный пунктъ ихъ міровоззрѣнія. Но предварительно посмотримъ на обычные „выпады“ москворѣцкой фехтовальной школы, которая приобрѣла нѣкоторую извѣстность по части пораженія „враговъ отечества“. Намъ будетъ легче парировать тогда всѣ эти кварты и квинты бреттеровъ доноса. Возьмемъ хотя бы слѣдующій очень характерный для Московскихъ Вѣдомостей случай,—*ab uno disce omnes*, сказалъ-бы почтенный Михаилъ Никифоровичъ, если бы онъ интересовался и въ обители Аяда нашими житейскими дѣлами.

Осенью прошлаго года въ московскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло двухъ несчастныхъ дѣвушекъ-невропатокъ, которыя обвинялись въ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Судъ оправдалъ Эльзу Ульрихъ и Паулину Грюнбергъ (читатель, конечно, уже догадался, что дѣло идетъ о нихъ); да и мудрено было не оправдать, такъ какъ эксперты—психіатры признали подсудимыхъ въ такой степени душевно больными, что вмѣняемость ихъ представлялась крайне сомнительной. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что отсутствіе нормальнаго нравственнаго чувства у этихъ двадцатилѣтнихъ, получившихъ нѣкоторое гимназическое образованіе эстонокъ изъ зажиточной крестьянской среды должно было производить на всякаго живого человѣка крайне тяжелое впечатлѣніе, какъ производить его всякія уродства. Но воспользоваться этимъ печальнымъ дѣломъ для „охранительнаго“ похода противъ „нигилизма“, т. е. въ данномъ случаѣ противъ всего, что не укладывается въ рамки міросозерцанія г. Грингмута, пришло на мысль, если не ошибаюсь, лишь однимъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Походъ этотъ былъ открытъ г. „Однимъ изъ публики“, который напечаталъ въ № 271 (отъ 1-го октября 1900 г.) уважаемой газеты статью подъ необыкновенно ядовитымъ заглавіемъ „Наивныя дѣти“. Оставляя въ сторонѣ слова и жесты г. Одного по адресу „медицинской экспертизы“, я обращу вниманіе на

истолкованіе проникательнымъ авторомъ основныхъ мотивовъ покушенія. Что заставило подсудимыхъ пойти на такое дѣло?—спрашиваетъ себя г. Одинъ и отвѣчаетъ:

А хоть-бы такіа, ускользнувшія отъ общаго вниманія, вещи, какъ *отсутствіе религіозности* у двухъ дѣвушекъ, заброшенныхъ своими ближайшими родственниками и не получившихъ никакого нравственнаго воспитанія...

У нихъ не было ни малѣйшихъ нравственныхъ началъ, *не было въ сердцахъ страха Божія*.

Итакъ вотъ: психически разстроенный человѣкъ не потому совершаетъ преступленіе, что находится въ ненормальномъ состояніи, а потому, что не запасся „страхомъ Божиимъ“,—точка зрѣнія, вполне достойная той эпохи, которая жгла на кострахъ душевно больныхъ вѣдьмъ и оборотней—ликантроповъ, стараясь очистить реальнымъ пламенемъ ихъ душу отъ нравственной скверны.

Меня заставило, однако, призадуматься слѣдующее соображеніе г. Одного, предшествующее всего двумя строками вышеприведенной глубокой мысли.

Я не буду говорить о романѣ Достоевскаго *Преступленіе и Наказаніе*, который якобы «повліялъ» на Ульрихъ и Грюнбергъ. Эта мысль привлечена въ настоящее дѣло, попросту сказать, ни къ селу, ни къ городу. При охотѣ и излишкѣ фантазіи можно всякое преступное дѣяніе свалить на вліяніе литературы...

Позвольте, позвольте, почтеннѣйшій, единственный г. Одинъ: мнѣ кажется, что чѣмъ-чѣмъ, а ужъ „охотою и излишкомъ фантазіи“ васъ Богъ не обидѣлъ; такъ что если „преступное дѣяніе“ вы можете свалить на „отсутствіе религіозности“, значить на пзвѣстный нравственный мотивъ, то почему не свалить этого же дѣянія и на чтеніе Достоевскаго? Постыдитесь, г. Одинъ, вспомните хотя бы великаго Михайла Никифоровича, тѣнь котораго должна витать въ осиротѣломъ домѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ и снова приобрѣтаетъ отшибленную Летою память и вкусъ къ нашимъ земнымъ дѣламъ... Да, такъ вспомните вашего незабвеннаго и неудобозабываемаго учителя и вождя: съ какою неуклонностью Катона онъ обличалъ „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати“! какими яркими красками и какою размахистою кистью онъ живописалъ злодѣянія, проистекающія изъ литературы!... А вы упускаете такой благоприятный случай и не притягиваете къ отвѣту печать, вооружившую, молъ, руку безбожныхъ преступницъ... Почему? Ужъ не потому-ли, что если Достоевскій написалъ „Преступленіе и Наказаніе“, то во вторую половину своей литературной дѣятельности онъ многими сторонами своими былъ близокъ къ лагерю „охранителей“? Запомнимъ во всякомъ случаѣ вашу фразу: „при охотѣ и излишкѣ фантазіи всякое преступное дѣяніе можно свалить на вліяніе литературы“,—эта фраза намъ еще пригодится,—запомнимъ и пойдемъ далѣе, оставивъ г. Одного сугубо однимъ.

Черезъ два дня „охранительный“ походъ обозначается яснѣе: въ № 273 (отъ 3-го октября) читатель находитъ уже редакционную безъ подписи статью „Скороспѣлки нигилизма“, статью, исполненную грома и молніи и живо напоминающую заклинанія воспѣтаго нѣкогда дервиша „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“... Завертѣвшійся кубаремъ и довертѣвшійся до обморока дервишъ охранительства падаетъ на землю... Каково же читателю-то? Да, каково въ самомъ дѣлѣ читателю:

Когда этимъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ было около 20 лѣтъ, онѣ покидаютъ родительскій кровъ «подъ впечатлѣніемъ разговоровъ со студентами, которые уговаривали учиться».

Увы, это обычная и старая исторія, которую начали рассказывать еще романы 60-хъ годовъ, временъ *Дыла*, *Отечественныхъ Записокъ* и т.п.

Итакъ, эти два подростка, вырвавшись изъ родительскаго гнѣзда, оказываются въ Москвѣ, конечно, безо всякихъ средствъ, со смутными и туманными планами и надеждами въ головахъ и съ кое-какими адресами и указаніями, данными развивателями-студентами.

Первый этапъ ихъ въ древней столицѣ — это пріютъ нѣкоей г-жи Ратенекъ, отдающей комнаты со столомъ *студентамъ и курсисткамъ* преимущественно изъ Балтійскаго края. Молодые дѣвушки сразу оказываются въ той компаніи, о которой онѣ, вѣроятно, такъ мечтали.

Нѣтъ, если дневникъ Грюнберга свидѣтельствуетъ о болѣзни, то не о болѣзни физической его автора, а о томъ ужасномъ моральномъ недугѣ, который разъѣдаетъ наше современное молодое поколѣніе... Дневникъ Грюнбергъ даетъ намъ такую удручающую картину лишенной всякой вѣры, любви и нравственнаго чувства души едва вступившаго въ жизнь подростка изъ свѣжаго слоя общества, на которомъ покоятся всѣ наши надежды — подростка изъ крестьянской среды, что невольно вспоминаешь зловѣщія слова Дидеро: «La Russie est pourrie sans être mûre»!.. вы съ ужасомъ отвернетесь отъ этихъ скороспѣлокъ нашего нигилизма.

Извѣстно, что наиболѣе крайними социалистами и анархистами являются не люди труда, а по преимуществу ничего не дѣлающіе, такъ какъ у нихъ оказывается больше времени предаваться зависти, глядя на богатыхъ. «Демократія — это зависть», сказалъ еще Прудонъ. Одна изъ свидѣтельница удостовѣряетъ, что подсудимыя «постоянно говорили о неправильномъ распредѣленіи богатствъ, о томъ, что богатые живутъ въ роскоши за счетъ бѣдныхъ и что онѣ богатыхъ ненавидятъ».

Утрата религіи и нравственнаго чувства вообще неизбежно ведетъ и къ уtratѣ понятій о долгѣ и чести.

Единственный проблескъ совѣсти появился у одной изъ подсудимыхъ, когда она сказала, что просто украсть деньги у г-жи Штеддингъ ей было «стыдно». — А убить и ограбить ее не было стыдно!

Что за превратность понятій! Не объясняется ли она нашимъ судоустройствомъ? Судиться за воровство «стыдно». Судиться за убійство въ Митрофаніевской залѣ mit Pauken und Trompeten очень лестно, тѣмъ болѣе что изъ *этого* суда выйдешь оправданнымъ, если обеспечишь себя какими-либо психопатическими или дегенеративными признаками, тогда какъ мировой судья даже на самую очевидную «дегенерацию» карманнаго вора никакого вниманія не обращаетъ.

Не все ли такъ устроено въ нашемъ «прогрессивномъ» обществѣ, чтобы не спасать, а губить подростковъ, чтобы наталкивать ихъ не на проступки только, но именно на преступленія?

Ну, что вы скажете насчетъ этого творенія ума человѣческаго? Писало-ли это обыкновенное перо, хотя и обмакнутое въ оставшуюся по наслѣдству отъ Михаила Никифоровича „чернильницу разума“; или же дубъ, окунутый въ горящую Этну и начертывающий, вмѣсто имени возлюбленной, какъ то, угодно было поэту, смертный приговоръ всему сущему?

И однако, по нынѣшнимъ временамъ, приходится возражать и этому умному дереву,—говору „дереву“ вмѣсто самого титана—публициста, держащаго его въ рукахъ, на основаніи изучавшихся когда-то мною въ семинаріи риторическихъ тропъ метониміи и синекдохи... Умное дерево, какъ и полагается ему по законамъ естества, на сложные человѣческіе вопросы даетъ чрезвычайно простые, по-истинѣ дубовые отвѣты. Отчего Ульрихъ и Грюнбергъ сдѣлались преступниками, что вывело изъ равновѣсія ихъ душевный міръ? Бу-бу! студенты-развиватели нашлись, стали софтовать учиться, стали сбивать съ толку, какъ наставляли тому романы 60-хъ годовъ, Дѣла, Отечественныхъ Записокъ... Позвольте, позвольте, умное дерево: вѣдь г. Одинъ изъ вашихъ товарищей увѣрялъ насъ, что сваливать преступленія на литературу значить давать просторъ своей охотѣ да избытку фантазіи; а кромѣ того, не помнится мнѣ что-то, чтобы, напр., въ Отечественныхъ Запискахъ помѣщались романы на тему о томъ, како совращати отроковицъ невинныхъ отъ рожденія.—Бу-бу! Россія сгнила, не созрѣвъ, если вѣрить Дидро... Бу-бу! демократія — это зависть, сказалъ Прудонъ... Бу-бу! все дѣло въ „утратѣ религіи“, нашемъ судопроизводствѣ да прогрессивномъ обществѣ.—Ахъ, досточтимый г. Бу-бу! не ради васъ самихъ, а ради тѣхъ читателей „Московскихъ Вѣдомостей“, для которыхъ не потеряна еще возможность развитія и отказа отъ вашего чудовищнаго міровоззрѣнія, я вынужденъ распутать клубокъ вашихъ хаотическихъ мыслей.

Россія сгнила, не созрѣвъ? Что же вы-то дѣлали, ея руководители, наставители и строгіе цензоры, вы, которые по десять разъ въ день спасаете, по вашимъ же словамъ, отечество? Столько усилій—и вдругъ въ результатъ нуль! Но вы, вѣдь, кажется, миссіей спасенія и оправдываете работу на васъ университетской типографіи и печатаніе казенныхъ объявленій. Если вы не выполняете, какъ слѣдуетъ, своей роли, то имѣйте добросовѣстность отказаться отъ „жирныхъ говядовъ“, монополіи и становитесь съ нами на общую почву свободной конкуренціи... А потомъ, вѣдь Дидро говорилъ о Россіи временъ Екатерины, Россіи крѣпостнической, той, которую вы именно и желали бы возстановить, той, которая за пышнымъ фасадомъ, обращеннымъ къ Европѣ, скрывала рабство милліоновъ и нравственное разложеніе высшихъ сословій. Или дѣло не лучше обстоитъ и теперъ?

Демократія — это зависть, сказалъ Прудонъ? Не мѣшало бы ученому публицисту указать, при какихъ условіяхъ эта мысль

была выражена Прудонъ, и не брошена-ли она была въ лицо тому буржуазному строю, который основанъ на жестокой борьбѣ интересовъ и который, несмотря на свою демократическую вывѣску, долженъ приходится какъ нельзя болѣе по душѣ защитникамъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, защитникамъ; поющимъ гимны „національному“ капитализму въ экономическихъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. А то мало-ли что Прудонъ говорилъ. Онъ, напр., въ спорѣ съ однимъ профессоромъ — значить, если не ошибаюсь, собратомъ г. Грингмута—высказалъ непочтительный афоризмъ насчетъ того, что самый страшный звѣрь это не тигръ, а баранъ, пришедшій въ ярость. Что думаетъ по этому поводу сердитый Олимпіецъ, мечущій перуны противъ „скороспѣлокъ ингилизма“?

Ульрихъ и Грюнбергъ говорили о „неправильномъ распредѣленіи богатствъ“. Что же,—для того, чтобы работать надъ измѣненіемъ этого „неправильнаго“ строя вообще? Нѣтъ, для того, чтобы „распредѣлить“ по своимъ же собственнымъ карманамъ деньги и вещи, которыя онѣ задумали похитить. Наши невропатки выражали свою ненависть къ богатымъ, живущимъ „въ роскоши насчетъ бѣдныхъ“. Что же,—имѣя въ виду устраненіе этой поляризаціи богатства на одномъ концѣ общества и бѣдности на другомъ? Нисколько,—желая перескочить просто на просто въ ряды „богатыхъ“. Мнѣ, конечно, нечего распространяться о сумасшедшихъ средствахъ, придуманныхъ для этой цѣли обѣими душевнобольными. Но сама эта цѣль...

Или вотъ еще: преступленіе было-де задумано потому, что „утрата религіи“ ведетъ необходимо къ безнравственности. Я думаю „утрата религіи“ представляетъ уже сама по себѣ вещь настолько тяжелую для человѣка, что валить еще на эту „утрату“ всевозможныя вины въ земной жизни совсѣмъ не годится. Я полагалъ, что досточтимымъ публицистамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ извѣстно все болѣе и болѣе распространяющееся среди самыхъ правовѣрущихъ богослововъ убѣжденіе, что отсутствіе религіозности является большимъ несчастіемъ и грѣхомъ для даннаго лица, но отнюдь не обуславливаетъ собою безнравственности этого человѣка, не дѣлаетъ его негоднымъ и вреднымъ членомъ общества. Оказывается, что ничего этого еще не извѣстно перламъ и адамантамъ христіанской морали, сотрудничающимъ въ досточтимой газетѣ, ибо эти хрустальныя души почерпаютъ еще свои историческія свѣдѣнія изъ учебниковъ г. Иловайскаго. Онѣ не знаютъ того, что если было время, когда теологическое міровоззрѣніе охватывало, почти все историческое человѣчество, и когда отсутствіе вѣры могло дѣйствительно предрѣшать до извѣстной степени вопросъ о нравственной уравнищенности человѣка, то, начиная покрайней мѣрѣ съ XVI-го столѣтія, во всемъ цивилизованномъ мірѣ стала расти и крѣп-

нуть идея о независимости морали отъ какой-либо положительной религіи. И эту мысль, замѣтте, развивали и дѣлали популярной не только невѣрующіе, но и глубоко вѣрующіе люди.

И это понятно: борьба свѣтскаго общества за свѣтскую цивилизацію противъ клерикализма, главнымъ образомъ клерикализма католическаго, вызвала такую ломку догматовъ, создала такую массу враждебныхъ сектъ, бросила въ религіозныя распри такое множество искреннихъ и глубоко вѣрующихъ людей, что еслибы руководиться взаимной оцѣнкой борющихся съ точки зрѣнія многочисленныхъ положительныхъ религій, то тогда пришлось-бы произнести огульный приговоръ въ безнравственности цѣлымъ націямъ и цѣлымъ поколѣніямъ, притомъ отягчая этотъ приговоръ какъ разъ для наиболѣе искреннихъ и убѣжденныхъ личностей. Подобный же процессъ происходилъ и у насъ въ Россіи, хотя въ меньшихъ размѣрахъ и съ нѣкоторыми особенностями. Во всякомъ случаѣ, для насъ, рожденныхъ въ современномъ обществѣ, раздраемомъ на части разницею интересовъ, взглядовъ, среды, сословной и профессиональной принадлежности, условій воспитанія; для насъ, которые среди хаоса мятущихся идей были принуждены съ мучительною болью вырабатывать убѣжденія; для насъ, говорю я, было бы жестокимъ самомнѣніемъ подвергать другъ друга обвиненію въ безнравственности за тотъ или другой исходъ испытаннаго нами религіознаго кризиса. Мы предоставляемъ, во всякомъ случаѣ, безгрѣшнымъ фарисеямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ бросать камнемъ въ тѣхъ изъ насъ, которые въ борьбѣ между догматомъ и сомнѣніемъ могли становиться на сторону сомнѣнія, но ни единый мигъ не руководились личными интересами и предрѣшными побужденіями эгоизма.

До какой степени неудобно ставить въ причинную и необходимую связь религіозное міровоззрѣніе и нравственность человека, можно доказать отъ противнаго, прибѣгая къ пріемамъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Достоитимая газета увѣряетъ насъ, что Ульрихъ и Грюнбергъ покушались на преступленіе потому, что утратили вѣру, и съ необыкновенною развязностью комментируетъ вкривь и вкосъ результаты, обнаружившіеся на процессѣ. Мы тоже возьмемъ судебную хронику и даже остановимся не на одномъ, а на нѣсколькихъ процессахъ, о которыхъ высоко-нравственная газета, кстати сказать, довольно многозначительно умолчала.

Въ концѣ октября 1900 г., вскорѣ послѣ московскаго процесса, саратовскій окружный судъ разбиралъ дѣло священника Постнова, который обвинялся въ томъ, что укралъ по желѣзной дорогѣ 3600 рублей изъ кармана одного спящаго пассажира и прокутилъ ихъ съ дѣвицею легкаго поведенія. Послѣ слѣдствія, установившаго фактъ похищенія денегъ, послѣ показанія экспертовъ, признававшихъ хроническій алкоголизмъ о. Постнова, и обмѣна рѣчей

между прокуроромъ и защитникомъ, присяжные оправдали подсудимаго. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли, согласно обычному приему „Московскихъ Вѣдомостей“, и въ данномъ случаѣ издѣваться надъ экспертами, которые, молъ, вѣчно толкуютъ о невѣняемости преступниковъ; слѣдуетъ-ли призывать и тутъ всевозможныя кары на головы присяжныхъ, оправдывающихъ-де подсудимыхъ, даже не смотря на ихъ признаніе. Достоинная газета можетъ видѣть, что, не настаивая на этихъ вопросахъ, мы великодушно отказываемся ставить ее въ непріятное положеніе. Мы позволимъ себѣ лишь обратиться къ ней съ почтительнѣйшей просьбой разрѣшить наше недоумѣніе: О. Постновъ, очевидно, не страдаетъ „утратой вѣры“, а является даже насадителемъ и служителемъ ея; какъ объяснить тогда съ точки зрѣнія причинной зависимости между религіею и моралью религіозное міросозерцаніе О. Постнова и поступки его, находяшіеся въ довольно курьезномъ противорѣчій съ его саномъ и даже его аскетической фамиліей. Просимъ не забывать досточтимую газету, что прокуроръ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи выразился буквально такъ (см. всѣ газеты):

«Господа присяжные! на позорной скамьѣ подсудимыхъ сидитъ не простой человѣкъ, какихъ вы видѣли и судили въ предыдущіе дни и какихъ будете судить завтра, передъ вами—духовное лицо, священникъ, котораго вы привыкли видѣть совершенно при иной обстановкѣ... Явленіе это рѣдкое, но не исключительное. Бывали случаи, когда позорную скамью занимали монахи, монахини и обвинялись въ преступленіяхъ, гораздо болѣе тяжкихъ. Это очень печально: грустно видѣть, когда обвиняется интеллигентный человѣкъ, но еще тяжелѣе видѣть въ такомъ положеніи священника; однако, съ этимъ нужно считаться и я перехожу къ обвиненію».

„Явленіе это рѣдкое, но не исключительное“, слышите г. Грингмутъ? Но вѣдь и „курсистки“ и даже „студенты-развиватели“ то же, чай, не каждый день убиваютъ... Перейдемъ къ случаю № второй. Въ началѣ ноября прошлаго же года Оргѣвскій уѣздный сѣздъ, по словамъ „Бессарабца“, перепечатаннымъ въ № 309 „Русскихъ Вѣдомостей“ (отъ 6-го ноября) отмѣнилъ приговоръ земскаго начальника, присудившаго къ аресту нѣсколькихъ крестьянъ села Бугушки за насильственные дѣйствія противъ священника Спиридона Читри. При разборѣ дѣла выяснилось, что сыр-боръ загорѣлся изъ-за того, что приглашенный на водосвятіе моста о. Читря забралъ кружку съ деньгами, которыя были собраны во время самаго торжества для уплаты долга по постройкѣ моста; и крестьяне были вынуждены отнять у Читри присвоенную имъ сумму. Какъ г. Грингмутъ объясняетъ и этотъ поступокъ священнослужителя? „Утратой вѣры“?

Случай № третій. Херсонскій окружный судъ недавно рассмотрѣлъ дѣло по обвиненію земскаго учителя Ковалѣ въ выдаваніи себя за другое лицо съ корыстною цѣлью: явившись подъ ви-

домъ чиновника къ ростовщику Кучкову, учитель якобы пригрозилъ ему немедленнымъ тюремнымъ заключеніемъ и сорвалъ съ него 1000 рублей въ видѣ залога. А вотъ вамъ развязка дѣла въ передачѣ „Недѣли“ (№ 2 отъ 14-го января 1901 г., стр. 58—59), газеты, которую никто, конечно, не обвинить въ разрушительныхъ стремленіяхъ:

Свидѣтельскія показанія прекрасно аттестовали Ковалю, а становой приставъ распуталъ всю исторію, рассказавъ, что у Ковалю издавна были личные счеты съ священникомъ и съ Кучковымъ, что онъ уже не разъ подвѣргался доносамъ, но взводившія на него обвиненія ни разу не оправдались... Прокуроръ отказался отъ обвиненія, присяжные оправдали, но остался практическій вопросъ—возвратится-ли Коваль къ учительской должности? За что человѣку испортили жизнь?

Съ этимъ послѣднимъ вопросомъ мы вотъ именно и обратимся къ г. Грингмуту, прося его сказать намъ, въ какомъ причинномъ отношеніи неоднократные доносы священника стоятъ къ его религіозному міровоззрѣнію. Правда, „Московскія Вѣдомости“ сами по части доносительства и порчи жизни людямъ увѣнчали себя неувыдаемыми лаврами; но мы все-таки надѣемся на безпристрастное разсмотрѣніе нашего вопроса со стороны досточтимой газеты. Скажетъ-ли она, что приведенные нами примѣры ничего не доказываютъ? Мы крайне будемъ признательны и за такой отвѣтъ, ибо къ тому-то мы и рѣчь ведемъ, чтобы доказать шаткость той связи, которую „Московскія Вѣдомости“ съ необыкновеннымъ апломбомъ устанавливаютъ между „утратою вѣры“ и преступностью.

А, впрочемъ, мнѣ надобно продолжать анализъ того похода противъ „нигилизма“, который былъ предпринятъ г. Грингмутомъ и присными его по поводу дѣла Ульрихъ и Грюнбергъ. Желаящимъ насладиться деталями этой кампаніи рекомендую: вторую статью уже извѣстнаго намъ г. Одного, на сей разъ озаглавленную „Дегенеранты“ (№ 277, отъ 7-го октября); письмо къ издателю нѣкоего „практика-юриста“, укрывшаго величіе своего духа за инициалами А. Л. С. и обрушившагося на „Роль врачей-психіатровъ въ уголовномъ судѣ“ (№ 283 отъ 13-го октября); двухстолбцовую катилинарію Цицерона нашихъ дней, г. Н. Знаменскаго, (№ 286 отъ 16-го октября); брызжущій остроуміемъ фельетонъ-разговоръ подъ названіемъ „Индюльгенціи XX-го вѣка“, помѣщенный въ одномъ № (273) съ редакціонной анонимной статьёй и заканчивающійся необыкновенно язвительными строками противъ судебной психіатріи:

Да это тоже своего рода индюльгенція! Да здравствуетъ Тецель XX вѣка, нашъ великій учитель Ломброзо! Какіе онъ передъ нами, господа, открылъ широкіе, радужные горизонты. Что бы мы ни вздумали сдѣлать, все намъ сойдеть! Вотъ она—подлая свобода! Торжество вырожденности!

PRUDENS.

Изучивъ болѣе или менѣе подробно на типичномъ конкретномъ примѣрѣ логическіе и полемическіе приемы досточтимого органа, мы теперь можемъ съ читателемъ подняться съ чистою совѣстью въ высшія сферы охранительной программы, какъ ее развиваютъ „Московскія Вѣдомости“. Посмотримъ, къ чему бы свелся принципъ „твердой власти“, еслибы идеалы г. Грингмута и К^о могли цѣликомъ воплощаться въ жизнь, не подвергаясь ни малѣйшему преломленію въ условіяхъ дѣйствительности.

Фактически и исторически принципъ власти заключается у насъ въ самодержавіи, которое функціонируетъ, согласно нашему государственному праву, на основаніи „положительныхъ“ законовъ и установленій. Границы такой власти и опредѣляются именно этимъ правильнымъ и нормальнымъ характеромъ законодательства, исключающимъ прыжки, зигзаги и своевольные капризы движущаго начала. Законность есть основной атрибутъ нашего государственнаго строя: все, что разрушаетъ логическое развитіе законности, является ущербленіемъ, умаленіемъ самой сущности нашей основной власти; все, что сообщаетъ прочность и устойчивость этому развитію, должно считаться нормальнымъ. Отсюда ясно, какую важную роль играютъ на всѣхъ ступеняхъ нашей политической и административной іерархіи охраненіе и укрѣпленіе законности.

Но это, конечно, подрываетъ коммерцію и кредитъ жрецовъ Виципупли. И вотъ „Московскія Вѣдомости“, какъ ни странно такое ихъ самомнѣіе, взяли подъ свою защиту нашъ общій государственный принципъ. Онѣ претендуютъ на монопольное обладаніе политической истиной. Онѣ считаютъ себя чуть-ли не специальнымъ органомъ, комментаторомъ, истолкователемъ и направителемъ высшей власти. Самый послѣдній сотрудникъ этой газеты, тотъ хоть бы, что пишетъ о велосипедныхъ гонкахъ или о борьбѣ Гаккеншмидта съ Констаномъ, воображаетъ себя совершенно серьезно обладающимъ властью вязать и рѣшать. Во имя того, что въ данный моментъ проходить черезъ его голову, онѣ посылаютъ всему и всѣмъ благословенія, а чаще увѣщанія и проклятія. Вы вдумайтесь только въ слогъ досточтимой газеты: „слѣдуетъ“, „надлежитъ“, „пора пресѣчь“, „нельзя долѣе терпѣть“, „должно упорядочить“, и т. д.—другихъ оборотовъ г. Грингмутъ и К^о. не употребляютъ, вмѣсто аргументовъ пускаютъ въ ходъ указы, а полемику замѣняютъ повелѣніемъ пожаловать въ участокъ.

Но такъ какъ мало-ли что можетъ проходить черезъ голову нашихъ страстнобульварныхъ публицистовъ, которые въ каждый данный моментъ мнятъ, что ихъ устами говоритъ само правительство, то вы можете себѣ представить, какое понятіе о законности, о правильномъ ходѣ и развитіи государственной дѣятельности читатель въ состояніи извлекать изъ разсужденій этихъ господъ, страдающихъ манією величія...

Читатель сейчас увидитъ, что сотрудники досточтимой газеты, забавляясь ребяческой игрой „всѣми недовольны“ и требуя вѣчной перетасовки, вѣчнаго сокрушенія самонадѣйшихъ нормъ *modus'a vivendi* между обществомъ и властью, отыскиваютъ крамолу даже въ правильныхъ функціяхъ самыхъ высшихъ учреждений Россіи.

Власти, напимѣръ, угодно было, какъ извѣстно, внести существенныя измѣненія въ организацію сельскаго самоуправленія положеніемъ 12-го іюля 1889 г. Пока вырабатывалась эта мѣра, общественное мнѣніе, насколько это ему было позволено, подвергало критику предполагавшуюся реформу,—и мѣра изъ проекта стала закономъ. Но законъ этотъ представляетъ своими многочисленными статьями извѣстное логическое цѣлое, всѣ части котораго одинаково подлежатъ исполненію со стороны специально созданныхъ для этого органовъ, земскихъ начальниковъ и т. п.: таково свойство законодательства въ благоустроенномъ государствѣ. Разъ проектъ сталъ такимъ закономъ, всѣ и каждый обязаны охранять его отъ произвольнаго нарушенія съ чьей бы то ни было стороны.

Но всѣ мы люди, всѣ человѣки, а въ томъ числѣ и земскіе начальники: всякая воля, всякая энергія, всякая власть стремится расшириться насчетъ смежныхъ проявленій воли, энергіи и власти и, идя въ сторону меньшаго сопротивленія, заходитъ на чужія владѣнія, если не встрѣчаетъ достаточнаго отпора. Благодаря соединенію судебной и административной власти въ лицѣ земскихъ начальниковъ, эти органы новаго положенія воспользовались неясною редакціей ст. 61-ой (дающей имъ право подвергать дисциплинарному взысканію тѣхъ изъ сельскихъ обывателей, которые не исполняютъ ихъ законныхъ требованій) для того, чтобы выйти изъ сферы своей компетенціи и превышать свою власть неправильнымъ и незаконнымъ назначеніемъ наказанія. Сенатъ, какъ, высшій истолкователь закона въ предѣлахъ Имперіи, неоднократно старался точно опредѣлить границы этой компетенціи и, разъясняя смыслъ законныхъ требованій, каждый разъ, хотя и по частному поводу, указывалъ на необходимость строго юридическихъ признаковъ для такой операціи. Какъ бы то ни было, люди, дѣйствительно любящіе законность, могли бы, кажется, только радоваться этой дѣятельности Сената, дѣятельности, которая, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта (по дѣлу Герасимовой), „можетъ только содѣйствовать укрѣпленію авторитета земскихъ начальниковъ среди подвѣдомственнаго имъ населенія“. И можно было бы жалѣть лишь одного, а именно, что Сенатъ придавалъ слишкомъ много значенія, такъ сказать, частной казуистикѣ и не пытался установить общаго принципа разграниченія между законными и незаконными требованіями земскихъ начальниковъ.

А, читатель, вы забыли, что превыше всякихъ Сенатовъ, превыше всякихъ Государственныхъ Совѣтовъ помѣщается и горитъ, и злобно наливается кровью недреманное око филиновъ на каланчѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Неудобно ли вамъ будетъ прислушаться къ слѣдующимъ угуканьямъ этихъ ночныхъ птицъ хотя бы въ статьѣ „Еще о сенатскомъ рѣшеніи, отмѣняющемъ законъ“ (№ 353, отъ 22-го декабря 1900 года).

Рядомъ Сенатскихъ разъясненій, поддержанныхъ циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отмѣнена, такимъ образомъ, на практикѣ твердая правительственная власть земскихъ начальниковъ, и они сравнены, въ административной ихъ дѣятельности, со станowymi приставами. Этимъ была подорвана реформа 12 іюля 1889 года...

Теперь правительственные чиновники ставятъ въ необходимость не исполнять иногда законовъ, а нарушать ихъ согласно Сенатскимъ о томъ рѣшеніямъ. И это дѣлается чиновниками, ради сохраненія ихъ должностей и служебной карьеры, которыя непосредственно зависятъ отъ Правительствующаго Сената, коему подчинены всѣ административныя и судебныя губернскія учрежденія. Но неисполненіе законовъ, исходящихъ отъ самодержавной власти, въ угоду государственному учрежденію, самое существованіе котораго отъ нея зависитъ, это—новое въ Россіи явленіе, привитое къ ней въ либеральный періодъ шестидесяти годовъ XIX вѣка, и которое ждетъ своей отмѣны въ качествѣ временнаго ненормальнаго положенія, нетерпимаго въ Самодержавной Россіи.

Иванъ Кашкаровъ.

С.-Петербургской губ., Гдовскій уѣздъ, Сельцо Килино.
Декабрь, 1900 года.

Итакъ вотъ: г. Иванъ Кашкаровъ, изъ-за мѣстопробыванія котораго скоро будутъ спорить съ счастливымъ сельцомъ Килинымъ немало градовъ и весей Россіи,—спорили же изъ-за рожденія слѣпного Гомера семь греческихъ городовъ,—да, такъ недреманный обитатель сельца Килина усмотрѣлъ въ декабрѣ (прошу друзей-наборщиковъ не проставить по оплошности „мартобрѣ“) 1900 г., что крамольный сенатъ, поддержанный министерствомъ внутреннихъ смуть, уничтожилъ, „подорвалъ реформу“ 12-го іюля 1889 г., отмѣнилъ „твердую правительственную власть“ земскихъ начальниковъ и заставилъ всѣхъ „правительственныхъ чиновниковъ“ нарушать законы, идущіе отъ самодержавной власти. Интрига эта задумана издавна, еще со времени „либеральнаго періода шестидесятихъ годовъ“, т. е. когда земскихъ начальниковъ и въ поминѣ еще не было. Но уже эта самая дальновидность преступныхъ учреждений, организовавшихъ борьбу противъ несуществовавшихъ еще представителей „твердой правительственной власти“, показываетъ, что проникательный патріотъ своего отечества открылъ опытныхъ и чрезвычайно-злокозненныхъ конспираторовъ у самаго подножія престола *)...

*) Открытіе это продолжается: моя статья была уже совсѣмъ кончена, когда въ № 22 «Московскихъ Вѣдомостей» г. Кашкаровъ напечаталъ новый этюдъ

И, однако, на читателя находить раздумье: сенатъ—одно изъ высшихъ учреждений Имперіи, одинъ изъ главныхъ органовъ нашего государственнаго строя, вызванный и поддерживаемый волею монарха; министерство внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, важное правительственное колесо, заправляющее специально ходомъ администраціи страны и опять-таки передающее всей Россіи велѣнія верховной воли; государственный совѣтъ, одобрявшій разъясняющую дѣятельность сената, функционируетъ, можно сказать, непосредственно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ мысль Государя выливается въ конкретныя формы законовъ. И неужели всѣ эти правительственные органы только и занимаются тѣмъ, чтобы подрывать проявленія самодержавной власти? Успокойтесь, читатель: дѣло идетъ совсѣмъ не объ этой власти, а о той мнѣической произвольной власти рѣшить и вязать, которую приписываютъ себѣ страдающіе маніей величія сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей“, и во имя которой они подвергаютъ сыску и анаемъ всѣ учрежденія, всѣ явленія и всѣхъ дѣятелей русской жизни, какъ только дѣйствительность хоть на волосъ отклонится отъ политическихъ мечтаній Страстного бульвара. Для читателя станетъ яснѣе точка зрѣнія всѣхъ этихъ гг. Кашкаровыхъ, Бодиско и прочихъ Грингмутовъ, если онъ обратитъ вниманіе на то, что, напр., въ данномъ случаѣ г. Кашкаровъ для оцѣнки разъясняющей дѣятельности сената опирается (нѣсколько выше цитированнаго нами мѣста) на авторитетъ „лица, близко знакомаго съ дѣломъ“, пишущаго въ „Гражданинѣ“ и бичующаго сенатъ за то, что онъ не даетъ права „земскимъ начальникамъ наказывать за то, что они найдутъ нужнымъ по своему усмотрѣнію запретить въ предѣлахъ своего вѣдомства“.

Такимъ образомъ, „свое усмотрѣніе“, беззастѣнчивое и беззаконное проявленіе власти для власти, для напуска страха, для сокрушенія выи призранныхъ врагамъ, вотъ къ чему сводится для „Московскихъ Вѣдомостей“ принципъ государственности. Кромѣ того, самая ссылка досточтимой газеты на еще болѣе досточтимую газету,носящую, по странной ироніи судьбы, названіе „Гражданина“, эта ссылка въ высшей степени характерна. „Гражданинъ“, какъ извѣстно, есть у насъ откровенный и до комизма безтолковый выразитель идеаловъ отживающаго, но еще не отжившаго свой печальный вѣкъ крѣпостничества. „Московскія Вѣдомости“, преклоняясь передъ авторитетомъ „близко

названный авторомъ не безъ своеобразной ироніи «О законности въ деревнѣ» и доказывающій, что крамола была внесена уже въ самое положеніе о земскихъ начальникахъ какъ «чиновниками, составлявшими положеніе», такъ и «министерствомъ, его одобрявшимъ». Шапку долой, читатель, передъ такою проницательностью и такою недреманностью!

знакомаго лица“ изъ „Гражданина“, выдають лишь въ данномъ случаѣ свое кровное родство съ мыслителями школы кн. Мещерскаго. Для нихъ земскій начальникъ важенъ не какъ представитель „твердой власти“ въ селѣ, а какъ баринъ, который, пользуясь своимъ бюрократическимъ положеніемъ, можетъ подъ предлогомъ вышихъ государственныхъ цѣлей давать просторъ своей классовой антипатіи къ крестьянскимъ массамъ, вымещать на нихъ свою лютую ненависть къ безсловнымъ идеямъ, свалившимъ крѣпостной строй. Худо скрываемая злоба къ народу— вотъ муза, вдохновляющая публицистовъ Страстного бульвара, не смотря на ихъ безпрестанное апеллированіе къ народнымъ основамъ и т. д.

Я позволю себѣ указать читателю на очень характерное отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ къ крестьянству, отношеніе, обнаружившееся по чисто-случайному поводу, но вызвавшее на столбахъ газеты оживленный обмѣнъ мыслей по разнымъ смежнымъ вопросамъ.

Осенью прошлаго года московскій окружный судъ разбиралъ дѣло объ увѣчьяхъ, нанесенныхъ крестьяниномъ Осиповымъ землевладѣльцу и коллежскому совѣтнику Уклонскому. Судъ призналъ Осипова виновнымъ въ нанесеніи Уклонскому легкихъ поврежденій, сдѣланныхъ притомъ въ минуту запальчивости, и приговорилъ подсудимаго къ мѣсячному аресту. При разборѣ дѣла обнаружилось, что Уклонскій озлобилъ всѣхъ сосѣднихъ крестьянъ противъ себя своимъ ростовщичествомъ, неумолимыми вымогательствами и всевозможными притѣсненіями, вплоть до запрещенія мѣстнымъ мужикамъ ходить по его землѣ въ церковь. Чаша терпѣнія переполнилась, когда Уклонскій, приобрѣтя домъ отъ Осипова, не далъ возможности послѣднему перебраться какъ слѣдуетъ, но сейчасъ же навѣсилъ на домъ замки и не согласился на мольбы Осипова оставить ему хоть пристройку къ избѣ для выхода на дворъ. Словомъ, это былъ классическій ростовщикъ, къ которому любой сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ изъ духовенства долженъ былъ бы примѣнить живописную и негодующую характеристику отца церкви: „праздна и стяжательна жизнь ростовщика... онъ хочетъ, чтобы для него росло все, не вспаханное и не посѣянное; вмѣсто плуга у него трость (для писанія); вмѣсто земли—бумага; вмѣсто сѣмени—чернило; вмѣсто риги—домъ, гдѣ онъ дробитъ и измельчаетъ имущество угнетаемыхъ имъ. Онъ смотритъ на блага, принадлежащія всѣмъ, какъ на свои собственныя. Онъ желаетъ людямъ нужды и несчастій, чтобы они по-неволѣ шли къ нему... Онъ осаждастъ судилища, чтобы находить тѣсныхъ заимодавцами, и идетъ слѣдомъ за сборщиками податей, какъ коршуны слѣдуютъ за войсками и сраженіями“, и т. д.

Но никому изъ духовныхъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣ-

домостей“ не пришли на память слова святого изъ Ниссы, гримившаго ростовщиковъ. За то въ № 298 газеты (отъ 28-го октября) появилась передовая статья, въ которой выражалось негодование, почему судъ не исполнилъ своей „прямой обязанности“ (курсивъ въ подлинникѣ) приговорить обвиняемаго къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ одного года до полутора лѣтъ, съ законными тяжелыми послѣдствіями этого наказанія — особенно „въ виду“ — чего бы вы думали, читатель? — „въ виду социальнаго положенія потерпѣвшаго и обвиняемаго“. Статья заканчивалась слѣдующею картиною ужасовъ, нависшихъ надъ помѣщиками, благодаря освобожденію крестьянъ. Читайте и сами дѣлайте выводѣ:

Жизнь частныхъ землевладѣльцевъ, окруженныхъ крестьянскимъ населеніемъ, на сторонѣ катораго является безусловное преобладаніе численности и силы, съ самою освобожденіемъ крестьянъ отъ крепостной зависимости была у насъ обставлена крайне тягостными условіями беззащитности и небезпечности. Но до сихъ поръ страдала по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ, собственность землевладѣльцевъ: ихъ лѣса рубились, поля травились, сады и огороды опустошались систематическими набѣгами, противъ которыхъ не помогали ни ограды, ни сторожа; наконецъ, при всякомъ случаѣ серьезнаго неудовольствія, имъ мстили поджогами жилыхъ и нежилыхъ строеній, имѣвшими своимъ послѣдствіемъ иногда полное разореніе. Но, по крайней мѣрѣ, случаи преступленій противъ ихъ жизни, здравія и чести были не особенно часты. Теперь нападеніе на А. И. Уклонскаго открываетъ собою, повидимому, новую эпоху въ жизни нашей деревни: землевладѣльцевъ начинаютъ избивать. И въ этомъ случаѣ, такъ же, какъ и при нападеніи на ихъ собственность, они не находятъ должной судебной защиты.

Эта статья, конечно, вызвала сейчасъ же цѣлый ураганъ писательства со стороны бѣдныхъ помѣщиковъ, угнетенныхъ разбойниками-мужиками, вырвавшимися на волю. Пошелъ оживленный обмѣнъ мыслей между „благородными“:

Встрепенулися окрестные
Курдюки мелкопомѣстные,
Собакевичи тяжелые
И Ноздревы развеселые,

и пошла писать губернія:

Въ № 299 (отъ 29-го октября) нѣкто г. Москвитянинъ въ „письмѣ къ издателю“ „по поводу дѣла Уклонскаго“ сообщаетъ, что „въ Московской губерніи, среди распущеннаго крестьянскаго населенія“ авторъ чувствуетъ себя „вѣчно въ опасности и беззащитнымъ“ и пришелъ къ мысли о необходимости „запасться на будущее время револьверомъ“. Письмо заканчивается слѣдующимъ вопросомъ, который, очевидно, представляется г. Москвитянину необыкновенно внушительнымъ и вмѣстѣ нестерпимо остроумнымъ:

Въ случаѣ если добрый сосѣдъ крестьянинъ, въ подражаніе крестьянину

Осипову, нападетъ съ явнымъ намѣреніемъ переломить челюсть или другія кости (не говоря уже о связанномъ съ такими побоями оскорбленіи), то можно ли пустить въ дѣло револьверъ и какія нужно соблюсти условія, чтобы, въ случаѣ нанесенія нападающему огнестрѣльной раны, напримѣръ, тоже съ раздробленіемъ кости, подвергнуться столь же легкому наказанію, какому былъ подвергнутъ Осиповъ?

Съ другого конца Россіи, въ отвѣтъ на это письмо, понеслось новое посланіе, тоже къ издателю, насчетъ „Безопасности сельской жизни“, подписанное инициалами В. В. К., который въ № 315 (отъ 14-го ноября) держитъ такую реплику:

Смѣю увѣрить, что о той распушенности и дерзости крестьянскаго населенія, среди которыхъ мы прозябаемъ, въ Харьковской губерніи, Зміевскомъ уѣздѣ, Москвитянинъ не можетъ имѣть и представленія. Москвитянинъ еще только думаетъ заpastись револьверомъ, въ нашихъ же мѣстахъ давнымъ давно развѣ только безпечный владѣлецъ не имѣетъ револьвера въ карманѣ. Нахальство мужиковъ, и по преимуществу новаго поколѣнія, не имѣетъ границъ.

Вслѣдъ за этимъ характернымъ для нашего времени документомъ,—гдѣ противъ мужика, вооруженнаго „нахальствомъ“, выступаетъ господинъ, вооруженный „револьверомъ“, на столбахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ разлился уже цѣлый потопъ обличительной прозы, и лѣтописцу „нашихъ текущихъ дѣлъ“ приходится отмѣчать лишь наиболѣе типичныя произведенія упомянутой литературы. Такъ, инициалы В. В. К. вызываютъ отвѣтъ инициаловъ А. А. Ш. въ № 350 (отъ 19-го декабря). Этотъ послѣдній отвѣтъ заключаетъ въ себѣ жалобы не только на всемогущаго и, какъ сейчасъ увидите, привилегированнаго злодѣя — мужика, но и на „многихъ земскихъ начальниковъ“, которые по-токаютъ-де этому систематическому злодѣйству, увлекшись демократическими сожалѣніями къ меньшему брату. Кстати, не говорилъ-ли я выше вамъ, читатель, что „Московскія Вѣдомости“ видятъ въ земскомъ начальникѣ только сокрушителя и сословнаго угнетателя крестьянства и потому не щадятъ этого „представителя твердой власти“, разъ только онъ не удовлетворяетъ идеалу досточтимой газеты? Слушайте, читатель, слушайте и третпшите:

Теперь, вмѣстѣ съ волей, крестьянинъ получилъ почти всѣ права интеллигентныхъ сословій, плюсъ возможность совершать безнаказанно то, за что караются другія сословія, такъ какъ, при современномъ взглядѣ даже многихъ земскихъ начальниковъ, нужно быть только мужикомъ, чтобы безнаказанно воровать, обманывать и оскорблять другихъ людей.

«Вѣдь это бѣдный, забытый мужичекъ, котораго всѣ притѣсняють, какъ же мнѣ не оправдать его на судѣ», разсуждаетъ иной земскій начальникъ, совершенно упуская изъ виду, что для современнаго крестьянина не существуетъ ни уваженія, къ человѣческому достоинству, что для него украсть читается молодечествомъ, а просидѣть за это, въ крайнемъ случаѣ, въ острогѣ чуть ли не удовольствіемъ.

И это, замѣтите, осмѣливаются говорить тѣ самые люди, которые для защиты своихъ ужасающихъ реакціонныхъ плановъ походятъ ссылаются на особые возвышенные идеалы русскаго народа. Такъ какъ сѣрое крестьянство составляетъ громадное большинство населенія Россіи, то я желалъ-бы знать, какъ въ душѣ этой націи обманщиковъ, воровъ, грабителей могутъ существовать хоть какія-нибудь человѣческія чувства, не говоря уже объ идеалахъ. Съ другой стороны, интересно было-бы знать, что сказало-бы дворянство, если бы другія сословія позволяли себѣ такое огульное и безстыдное осужденіе „благороднаго“ класса, какое его представители позволяютъ себѣ по отношенію къ громадному большинству русскаго народа...

Но перейдемъ къ изложенію дальнѣйшихъ „мыслей вслухъ“ или вѣрнѣе во всю глотку досточтимой газеты, которую, конечно, никакими негодующими вопросами не удивишь. Нѣкоторое время крѣпостники „Московскихъ Вѣдомостей“ перекликались изъ разныхъ концовъ Россіи и подзадоривали этимъ другъ друга, словно перепела во ржи. Завелась даже особая рубрика: „Еще объ опасности сельской жизни“, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какимъ манеромъ и какимъ оружіемъ, огнестрѣльнымъ или холоднымъ, внушить мужику почтеніе къ носителямъ крѣпостническаго идеала; равно какъ предавались анаемѣ земскіе начальники, недостаточно проникнувшіеся взглядами „охранителей“, напримѣръ тотъ „земскій начальникъ, кончившій университетъ математикъ“—это, очевидно, тяжелая вина въ глазахъ ученѣйшаго г. Грингмута,—который осмѣлился, по словамъ „благороднаго“ корреспондента изъ Нижегородской губерніи (см. № 11 „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 11-го января 1901 г.),

менторскимъ тономъ учить меня (меня?! понимаете-ли, читатель? В. П.), какъ обращаться съ крестьянами, говорить, что я ихъ не понимаю, что это народъ забитый, угнетенный, несчастный, и т. д. *).

Но все это были выраженія „чувствъ“ благородной души, произведенія аффективной словесности: мало-ли чего не наговоришь подъ вліяніемъ страсти, дѣлающей изъ мухи слона? Въ №№ 11-мъ и 12-мъ досточтимой газеты (отъ 11-го и 12-го января 1901 г.) пришелъ наконецъ сказать свое слово и разумъ, вооруженный хладнокровіемъ и юридическими познаніями. Вопросъ глубоко засѣлъ въ сознаніе мыслителей крѣпостническаго дворянства, вызвалъ, очевидно, цѣлую работу ихъ интеллекта и наконецъ принялъ

*) Къ вопросу о ненадежности земскихъ начальниковъ возвращается уже извѣстный намъ г. В. В. К., который въ № 26-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ статьѣ объ «опасности сельской жизни» рекомендуетъ назначать земскихъ «непремѣнно изъ отставныхъ военныхъ». Очевидно, досточтимая газета нуждается лишь въ «быстротѣ и натискѣ», а о законности мало помышляетъ.

форму двухъ статей, именно и носящихъ названіе „Къ вопросу о самозащитѣ“, и подписанныхъ инициалами А. Л. С., означающими, вѣроятно, уже извѣстнаго намъ изъ дѣла Ульрихъ и Грюнбергъ „юриста-практика“. Читатель, я усиленно прошу васъ прочитать и продумать цѣликомъ эти статьи, которыя я не могу, къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста перепечатать здѣсь и къ которымъ я могу сдѣлать лишь краткіе комментаріи.

Дѣло Осипова и Успенскаго все время вдохновляло юридическую лиру автора; и нашъ законовѣдъ совершилъ не мало экскурсій въ кодексы заграничные и русскій, чтобы убѣдить читателя, что вопросъ о „самооборонѣ“ у насъ путемъ не выясненъ, что у насъ недостаточно признаны права „необходимой обороны“, и что намъ надо поскорѣе желать проведенія ст. 37-й проекта новаго Уголовнаго Уложенія, статьи, регулирующей эти права... Читатель, конечно, не столько убѣждается, сколько недоумѣваетъ, какъ эта досточтимая газета, возстающая противъ всякой самодѣтельности, на этотъ разъ яро пропагандируетъ эту самодѣтельность въ нѣсколько неожиданной формѣ самозащиты, да еще какой самозащиты—съ оружіемъ въ рукахъ!.. Но читатель перестанетъ недоумѣвать, если обратитъ должное вниманіе на слѣдующія заключительныя строки статьи:

Ст. 37 есть достояніе будущаго и, можетъ быть, отдаленнаго будущаго, а между тѣмъ жизнь не ждетъ и предъявляетъ свои права, свои требованія, а крестьянская распушенность, «пока чтѣ», дѣлаетъ свое дѣло;

и въ особенности если сопоставить съ этими многозначительными соображеніями предшествующую, такъ сказать, казуистку вопроса:

Я иду по улицѣ, навстрѣчу попадается мнѣ подвыпившій мастеровой, который, поравнявшись со мной, поднимаетъ надъ моей головой сжатый кулакъ. Какъ мнѣ угадать истинное намѣреніе мастерового, какъ опредѣлить, чтѣ онъ собирается предпринять? Можетъ быть, онъ имѣетъ ввиду произвести только «жестъ съ кулакомъ», можетъ быть—нанести оскорбленіе дѣйствіемъ, а быть можетъ, и раздробить мнѣ челюсть. Чтѣ же мнѣ дѣлать? Стоять и выжидать, пока намѣреніе пьянаго мастерового приметъ такую форму, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ желаніи его именно напасть на меня? Вѣдь могу же я поднятіе кулака понять какъ дѣйствіе, въ которомъ уже есть всѣ признаки нападенія, а потому прибѣгнуть къ самооборонѣ...

Но какъ соблюсти соотвѣтствіе между силой нападенія и силой отраженія? Можно-ли утверждать, что кулакъ по силѣ опасности при нападеніи не соотвѣтствуетъ револьверу или кинжалу? Кулакомъ можно причинить побои, увѣчье, а можно и убить; равно какъ и револьверомъ возможно нанести только легкую рану.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и произведеніе г. А. Л. С. есть печатная юридическая консультація по вопросу, поднятому крѣпостничествомъ относительно того, можно-ли по-своему расправляться съ непочтительнымъ крестьянскимъ сословіемъ...

II.

«Новое Время», октябрь 1900 г. — февраль 1901 г. — «Вѣстникъ Европы», февраль 1901 г. — «Русская Мысль», январь. — «Миръ Божій», февраль. — «Жизнь», январь. («Новое Время» о юбилеяхъ и юбилеи «Новаго Времени». Характеристика «Новаго Времени» въ лицѣ его главнѣйшихъ руководителей и сотрудниковъ. — Журнальная беллетристика: новыя вѣянія въ произведеніяхъ г. Боборыкина; задача г. Горькаго передъ лицомъ «Троихъ»; и т. п.).

Не такъ давно г. Буренинъ сокрушался и въ стихахъ, и въ прозѣ насчетъ обилія у насъ юбилеевъ не по заслугамъ юбиляровъ. Вотъ, говоритъ:

Юбилей зачастили,
Юбилеевъ цѣлый рядъ;
Боборыкина «почтили»,
Михайловскаго почтутъ...

и стрѣлы остроумія изъ Буренинскаго колчана градомъ сыпались на „современныхъ литераторовъ нашихъ“, которые „сдѣлались падки на юбилей почти такъ же, какъ чиновники и актеры“. По счастью, Фебъ-Аполлонъ, однимъ изъ законнѣйшихъ дѣтей котораго является достойный критикъ, публицистъ, беллетристъ, сатирикъ и поэтъ-пересмѣшникъ „Новаго Времени“,—это все аватары г. Буренина,—Фебъ-Аполлонъ, говоримъ мы, богъ свѣтлаго солнца и туманной русской литературы, узрѣвъ безпокойство и негодованіе своего любимаго сына, устроилъ такъ, что „Боборыкина“—то мы почтили почтили, но отъ чествованія „Михайловскаго“ великодушно отказались.

Этотъ великодушный отказъ, казалось, долженъ былъ бы облегчить напитанную моральнымъ негодованіемъ и добродѣтельною желчью душу г. Буренина. Но бѣда въ томъ, что критикъ „Новаго Времени“ запасся къ этому юбилею цѣлымъ ассортиментомъ стрѣлъ. И вотъ, лишившись возможности израсходовать ихъ по опредѣленному поводу, онъ, нашъ строгій обличитель и судья, можно сказать, изнемогалъ подъ бременемъ заготовленнаго имъ арсенала метательныхъ снарядовъ и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ перекладывалъ тяжелый колчанъ съ одного плеча на другое, пока, наконецъ, не передалъ его своему Созию, своему двойнику, своему alter ego, графу Алексису Жасминову. Его литературное сіятельство съ свойственнымъ ему остроуміемъ и деликатною настойчивостью, придравшись къ отпразднованному въ это время юбилею другого литератора, металъ врученныя ему г. Буренинымъ стрѣлы на протяженіи цѣлыхъ пяти фельетоновъ и продолжалъ бы эту операцію неопредѣленно долго, если бы колчанъ не понадобился уже самому г. Буренину для продолже-

нія „критическихъ очерковъ“, на каковыхъ, впрочемъ, очень чувствительно сказывается образовавшаяся пустота въ колчанѣ...

И всюду летѣли стрѣлы Созія номеръ первый и Созія номеръ второй,—влѣво, вправо, назадъ, впередъ, внизъ и вверхъ, особенно вверхъ подъ угломъ въ 90 градусовъ; и въ этомъ случаѣ, по законамъ естества, возвращались назадъ къ устремленнымъ вверхъ же гнѣвнымъ ликамъ стрѣльцовъ. Такъ, наши Атриды успѣли очень удачно разстрѣлять живой характеристикой газеты „Собраніе ежедневныхъ глупостей“ свой же собственный органъ, беззаботное по части идей „Новое Время“; равно какъ, наигрывая на остроумномъ до жалости *quod pro quo* между музыкальными и свинными тушами, ухитрились, выражаясь игриво-демократическимъ слогомъ „Новаго Времени“, подложить свинью подъ свое же литературно-увеселительное заведеніе.

Судьбѣ угодно было вскорѣ еще язвительнѣе подчеркнуть саморазстрѣліаніе „Новаго Времени“. Не успѣлъ г. Буренинъ раскатать въ своихъ „Критическихъ очеркахъ“ (№ 8825 отъ 10 ноября 1900 г.) юбилей и юбиляровъ вообще; не успѣли выдохнуть еще путемъ типографскія чернила на безконечной канители графа Алексиса Жасминова, наполнившаго чуть не полдюжины номеровъ въ декабрѣ 1900 — январѣ 1901 гг. (№№ 8910, 8917, 8922, 8929, 8936) специфичнымъ букетомъ потугъ своего нудящагося остроумія, работавшаго надъ изображеніемъ „Юбилей и суда чести“, какъ вдругъ въ самихъ нѣдрахъ литературнаго „развеселаго Кунавина“ ощутилась самая настоящая потребность въ юбилеѣ и юбилярѣ.

Юбиляромъ явился сначала знаменитый Протей „Новаго Времени“, не только издававшій, но и принимавшій всякіе виды, обнаружившій великія познанія во всѣхъ сферахъ жизни и мысли, отозвавшійся, подобно Гете, на все въ мірѣ, администраторъ, ученый, балетоманъ, экономистъ, путешественникъ и т. д.: читатель, конечно, уже догадался, что рѣчь идетъ о несравненномъ г. Скальковскомъ. Явился этотъ юбиляръ и не безъ остроумной ироніи, обращенной въ сторону своего собрата по газетѣ, разыгралъ съ точностью и словно по нотамъ всю программу поведения юбиляра, какъ она начертана обличительной кистью графа Алексиса Жасминова. Литературный Созія г. Буренина изображалъ (зри № 8910 „Новаго Времени“), какъ „самая безграмотная, но самая джентельменская и самая политическая газета „Собраніе ежедневныхъ глупостей“ отрядила къ „жиду“ Аронзону Окурку,—по случаю предстоявшаго юбилея онаго „высокоуважаемаго и высокопочитаемаго сотоварища и сотрудника по части рекламъ“,—отрядила „своего собственнаго интервьюера“, Мойшу Попугайчика, а затѣмъ обратила вниманіе своихъ читателей на это „интервью интервьюера“. Коренной русскій, К. А. Скальковский, пошелъ по стопамъ семита и даже усугубилъ комическія

черты художественнаго дѣтища графа Алексиса Жасминова. Наканунѣ своего юбилея онъ отрядилъ къ себѣ—себя же самого—на что же „собственнѣе“ такого интервьюера?—и, усадивъ „этого сотрудника по части рекламъ“ передъ зеркаломъ, началъ такъ вопрошать себя и отвѣчать себѣ (мы, къ сожалѣнію, не можемъ воспроизвести цѣликомъ эту собственную г. Скальковского „рекламу“, относящуюся къ „Собранію“ нововременскихъ умностей и помѣщенную въ фельетонѣ № 8932 отъ 8 января текущаго года):

Такъ какъ я едва-ли дождусь и послѣ смерти біографа, то, въ виду моего сорокалѣтняго юбилея, беру на себя обязанности собственнаго жизнеописателя. Я началъ писать очень рано. Это неудивительно. Во-первыхъ, la fatalité судьба: въ дневникѣ отца въ день моего рожденія 8-го апрѣля отмѣчено между прочимъ: «Сегодня получилъ отъ какого-то г. Кулиша изъ Кіева очень лестное письмо и книгу его сочиненія—добрый знакъ для новорожденнаго,—будетъ, вѣроятно, ученый человекъ»...

Когда я учился въ гимназій при Ришельевскомъ лицѣѣ, то съ товарищами издавалъ рукописный ежемѣсячный журналъ «Меркурій». У меня сохранился одинъ номеръ этого журнала, гдѣ моему перу принадлежитъ повѣсть «Отрывки изъ путешествія А. И. Брускова» съ видимою попыткою подражать похождениямъ Чичикова...

Сохранилась у меня тетрадь на сѣрой бумагѣ подъ заглавіемъ «Записки», гдѣ я въ 1854 г. описалъ первые два года своего пребыванія въ гимназій. Рукопись начинается такъ:

«Нѣсколько разъ собирался я писать свои записки (это въ 11-то лѣтъ), но на умъ лѣзла всякая чужь и я не находилъ въ ней (?),—всѣ эти скобки самоизумленія принадлежать перу самого высокочтимаго юбиляра В. П.,—толку, наконецъ, собрался и пишу»...

Кстати прибавлю, что во время Крымской войны я рисовалъ на войну карикатуры, и ихъ сохранилось не мало. Рисунки сдѣланы скверно, но подписи и сейчасъ бы можно напечатать...

Книги буквально я глоталъ, но это не мѣшало мнѣ учиться горнымъ и другимъ необходимымъ для инженера наукамъ, быть театраломъ, изучать спеціально шахматную игру и даже черношнуріе...

Никакое вдохновеніе меня не озаряло, а какъ-то просто я сѣлъ на деревянную табуретку передъ конторкой, стоявшей въ корпусѣ около каждой кровати и неизмѣнно покрытой потертой клеенкою, которою мы иногда колотили другъ друга, обмахнувъ казенное перо въ казенную чернильницу и сталъ строчить. Строчить на скверной казенной бумагѣ, загигая съ лѣвой стороны поля и дѣлая кляксы—привычки, оставшіяся у меня и по сей день...

О восхищеніи, съ которымъ въ первый разъ увидѣлъ я эту—(г. Скальковского) подпись въ печати, и говорить нечего. Его испыталъ каждый начинающій писатель. Восторгъ далеко не раздѣляли мои родные, и отецъ мой, испытавшій невыгоды учено-литературной карьеры, написалъ мнѣ изъ Одессы строгое письмо, предсказывая, что я «кончу жизнь секретаремъ женскаго благотворительнаго общества»!..

Я даже купилъ себѣ, вмѣсто казенныхъ выростковыхъ, собственные опойковые сапоги въ магазинѣ Целибѣва, но они сейчасъ же лопнули,—событіе, которое не повліяло, однако, на измѣненіе моихъ взглядовъ на необходимость покровительства русской промышленности...

Таковы итоги моей кадетской или, вѣрнѣе, «дѣтской» литературы.

Я думаю, что послѣ этого блистательнаго саможизнеописанія г. Скальковского злополучному Аронзону Окурку остается только

повѣситься... на шеѣ своего могущественнаго конкуррента по части житейскихъ одиссей и умственныхъ эволюцій и просить его забыть о несчастномъ соперничествѣ жалкаго, подмастерья остроумія съ великимъ мастеромъ этого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, беру и снова прочитываю пять антиюбилярныхъ фельетоновъ графа Жасминова: эхъ, ваше сіятельство! ну гдѣ же дойти вашему миѣческому Окурку до нашего реальнаго, во плоти ходящаго и благополучно здравствующаго К. А. Скальковскаго!

Вашъ Аронзонъ думалъ родиться въ Шкловѣ, а родился въ Бердичевѣ, но, кромѣ этого „двойнаго рожденія“, рокъ ничѣмъ не одарилъ дитя вашей фантазіи въ самой колыбели. А между тѣмъ судьба, „fatalité“, распорядилась съ нашимъ г. Скальковскимъ иначе и поставила въ причинную зависимость получку книги отъ Кулиша въ день рожденія нашего юбиляра съ его послѣдующими учеными заслугами.

Вашъ Аронзонъ въ младенческомъ возрастѣ, кажется, нѣчего не сочинялъ, и даже о его пристрастіи къ коммерческой дѣятельности въ эту пору біографія умалчиваетъ. А нашъ К. А. Скальковский, можно сказать, еще въ пеленкахъ и соотвѣтствующими инструментами писалъ „чушь“, въ 11 же лѣтъ уже подвергалъ ее строгой критикѣ и еще въ гимназіи выбралъ героемъ своего историческаго романа почтеннаго Павла Ивановича Чичикова и „подражалъ“—въ литературѣ?—его „похожденіямъ“.

Вашъ Аронзонъ въ награду за первое свое литературное произведеніе, рекламу о „Чудѣ-Ваксѣ“, получилъ лишь „пару выростковыхъ сапоговъ и три рубля съ полтиною“, а между тѣмъ „скверная, вонючая и тусклая“ вакса превратилась, благодаря этой рекламѣ, въ „золотой рудникъ“ для самого продавца продукта. Нашъ же г. Скальковский, „строча на скверной казенной бумагѣ, загибая съ лѣвой стороны и дѣлая кляксы—привычки, оставшіяся у меня и по сей день“—, уже въ періодъ своей кадетской и „дѣтской“ литературы (каково остроуміе! жалѣ, что почтенный юбиляръ не написалъ для вящаго ассимилятивнаго юмора, „кадетской“ через ѣ, или „дѣтской“ через е),—да, такъ уже въ это время онъ успѣлъ „казенные выростковые“ сапоги замѣнить изъ средствъ гоноара „собственными опойковыми“.

Вашъ Аронзонъ... но здѣсь уже намъ придется перейти къ сравненію судебъ миѣческаго юбилея Окурка съ судьбами дѣйствительнаго юбилея г. Скальковскаго, имѣвшаго мѣсто 8-е января сего года, юбилея, на которомъ 170 реальныхъ „литераторовъ, журналистовъ, представителей административнаго, художественнаго и артистическаго міра“, чествовали реальнаго юбиляра, вкушали реальные яства, пили реальное шампанское, говорили реальные рѣчи и услаждались остроуміемъ въ реальномъ отвѣтѣ виновника и жертвы торжества. Описаніе этого великаго историческаго со-

бытія появилось въ „Вечерней хроникѣ“ № 8933 „Новаго Времени“, и сюда грядущіе лѣтописцы будутъ обращаться съ нашей легкой руки за документальными справками. Во всемъ послѣдующемъ обличіи Аронсона и г. Скальковскаго, равно какъ посрамленіи перваго вторымъ, мы пользуемся именно этимъ отчетомъ нашей „самой политической“ газеты.

На жидовскомъ юбилеѣ разные жидки и жидовствующие литераторы радикальнаго и либеральнаго направленія проявили, согласно описанію графа Алексіса Жасминова, самый неумѣренный восторгъ передъ Окуркомъ и засыпали его всевозможными хвалебными рѣчами, закидали поздравительными телеграммами отъ разныхъ учреждений; на каковой восторженный пріемъ юбиляръ отвѣтилъ, какъ и подобаетъ нахальному жиду, увѣреніями въ своей геніальности и разносторонности, что уже доказывалось въ „интервью интервьюера“ указаніемъ на многочисленныя профессіи, практиковавшіяся Аронсономъ Окуркомъ: „факельщика, погребальнаго церемоніймейстера, фактотума“ и т. д. А вотъ что происходило на юбилеѣ г. К. А. Скальковскаго, согласно отчету „Новаго Времени“, которое мы убѣдительно просимъ читателя не смѣшивать съ конкурирующей газетой „Собраніе ежедневныхъ глупостей“.

Обѣдъ отличался рѣдкимъ оживленіемъ. Много было произнесено умныхъ и остроумныхъ рѣчей, привѣтствовавшихъ юбиляра, причемъ самъ «виновникъ торжества» отвѣчалъ баснями по своему юмору репликами. Чуть-ли нѣ на всѣ обращенныя къ нему многочисленныя привѣтствія. Первую рѣчь произнесъ А. С. Суворинъ. Онъ говорилъ о талантѣ К. А. Скальковскаго, о его публицистической дѣятельности, о его смѣлой рѣчи, которая всегда была правдивой по сущности, сжатой, краткой и выразительной по формѣ, о томъ, что талантъ сдѣлалъ его превосходительствомъ раньше, чѣмъ онъ сдѣлался превосходительствомъ чиновнымъ.

Всѣмъ за тѣмъ были прочитаны братомъ юбиляра П. А. Скальковскимъ нѣсколько поздравленій изъ дѣлага ряда телеграммъ и писемъ, полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Отвѣтная рѣчь К. А. Скальковскаго была фейерверкомъ остроумія. Онъ выразилъ радость по поводу того, что его юбилей далъ сборъ plus que jamais и тутъ же прибавилъ, что соберись въ залъ не друзья его, а враги, — ихъ нельзя было бы вытѣснить, если бы стѣны залы раздвинулись даже до Полицейскаго моста. Юбиляръ сравнилъ свою жизнь съ грандіознымъ водевилемъ съ переодѣваніями. Онъ былъ инженеромъ, чиновникомъ, геологомъ, статистикомъ, преподавателемъ, путешественникомъ, изслѣдователемъ Китая, театральнымъ критикомъ, желѣзнодорожнымъ дѣятеlemъ, состоитъ членомъ множества ученыхъ обществъ и даже почетнымъ членомъ пожарнаго общества, хотя никогда не на одномъ пожарѣ не присутствовалъ. Сейчасъ онъ состоитъ предсѣдателемъ русской торговой палаты въ Парижѣ, что напоминаетъ собою положеніе католическаго епископа in partibus въ мѣстѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ католиковъ. По всѣмъ отраслямъ дѣятельности у К. А. Скальковскаго были непріятности, но особенно много въ литературѣ. Литераторы называли его чиновникомъ, а чиновники — писакой. Вообще жизнь его сложилась удивительно. Онъ мечталъ быть морякомъ, а сдѣлался горнымъ инженеромъ, онъ уроженецъ юга, а прожилъ всю жизнь на сѣверѣ и т. д. Въ

заключеніе К. А. сказаѣ: «Я не искалъ славы и безсмертія, у меня былъ скромный идеалъ—получить казенную квартиру, но я его не достигъ. Теперь же я прошу моихъ товарищей по журналистикѣ объ одномъ: когда умру, пусть въ газетахъ напечатають мой некрологъ крупнымъ шрифтомъ, а не петитомъ».

И, опять-таки скажу: удавись, Аронзонъ! Кто на твоёмъ юбилеѣ, не смотря на обличаемую графомъ Жасминовымъ склонность евреевъ къ гиперболамъ, плеоназму и аллитераціи, произносилъ „умныя и остроумныя“ рѣчи? А самъ ты развѣ могъ бы отвѣтить „чуть-ли не на всѣ“ привѣтствія? Кто изъ твоихъ поклонниковъ возвысился до „умно-остроумнаго“ краснорѣчія А. С. Суворина о „превосходительствѣ таланта“ и „чиновномъ превосходительствѣ“? У тебя было всего какихъ-то семь телеграммъ, а мы съ К. А. Скальковскимъ получили ихъ „цѣлый рядъ“ и притомъ „со всѣхъ концовъ Россіи“. Ты вонъ Европу не могъ привлечь къ участи въ твоёмъ торжествѣ (см. № 8917, фельетонъ второй); а мы Азію пристегнули, ибо чѣмъ не азіаты „уральскіе горнозаводчики“? Ты въ своей отвѣтной рѣчи могъ лишь „гнусливымъ голосомъ еврейскаго кантора не то запѣть, не то забормотать“, а К. А. Скальковскій выстрѣлилъ въ насъ цѣлымъ „фейерверкомъ остроумія“. Ты постарался хоть на время юбилея забыть о гешефтѣ, а мы съ г. Скальковскимъ и тутъ тщились о „maximum'ѣ сбора“. И потомъ ты, злополучный жидъ, съ свойственнымъ твоей расѣ нахальствомъ полагалъ, что твоя литературная дѣятельность не нажила тебѣ даже ни одного врага. А мы съ К. А. Скальковскимъ столько враговъ приобрѣли, что и до Полицейскаго моста не вмѣстить. Тебя торгаши ваксою сочли за литератора, а насъ съ К. А. Скальковскимъ чиновники не хотятъ признать порядочнымъ чиновникомъ на томъ основаніи, что мы—первые въ мірѣ писатели, а писатели не хотятъ признать порядочнымъ писателемъ на томъ основаніи, что мы—первые въ мірѣ чиновники. Да, наконецъ, чѣмъ ты былъ, Аронзонъ, кромѣ литератора: факельщикомъ, погребальнымъ церемоніймейстеромъ, фактотутумъ? А мы съ К. А. Скальковскимъ всю жизнь свою превратили въ водевилъ съ переодѣваніями и фигурировали въ роли инженера, путешественника, геолога, критика, члена множества ученыхъ обществъ, включая сюда пожарное, хотя ни при тушеніи пожара, ни при другихъ столь же ученыхъ занятіяхъ упомянутого множества обществъ „никогда не присутствовали“. Ты, еще разъ, наконецъ, Аронзонъ, ты мечталъ о своемъ будущемъ великомъ юбилеѣ черезъ пятьдесятъ лѣтъ и приглашалъ на этотъ праздникъ безсмертія своихъ поклонниковъ. Мы съ К. А. Скальковскимъ безсмертію предпочитаемъ „казенную квартиру“, отсутствіе которой до сихъ поръ насъ больно трогаетъ, и этотъ крикъ сердца мы испустили на нашемъ юбилеѣ, а славу согласны промѣнять на некрологъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ, свидѣтельствуя этимъ, что

даже по части рекламы, въ которой величина буквъ играетъ такую роль, мы, тебя, юркаго семита, за Можай загнали.

Между твоимъ, Аронзонъ, и нашимъ юбилеемъ есть лишь одно—правда, разительное, но все же одно—сходство. На твоёмъ юбилей „литература“ и „общество“ такъ насоборовались разными напитками и такъ „загалдѣли, что можно было подумать, что въ залъ кухмистерской водворился настоящій лабашъ“ (зри № 8917), а у насъ вотъ что происходило (зри „Вечернюю хронику“):

По адресу К. А. произнесено было множество рѣчей. Говорили бы, вѣроятно, еще часа два, если бы юбиляръ не заявилъ, что къ концу обѣда начинается «смѣшеніе языковъ», и не попросилъ всѣхъ перейти въ другія залы.

Аминь, Окурокъ! Только тѣмъ ты и приблизился къ намъ, что водворилъ „настоящій шабашъ“ тамъ, гдѣ мы съ К. А. Скальковскимъ организовали „смѣшеніе языковъ“.

Но лиха бѣда начать, и l'appétit vient en mangeant, что въ русскомъ вольномъ переводѣ должно обозначать: угощаясь яствами и питіями на одномъ юбилей, мы мечтали уже объ устройствѣ потребительнаго священнодѣйствія на другомъ. И такимъ юбилеемъ,—опять-таки въ дружескую пику нашимъ уважаемымъ и высокоталантливымъ сотрудникамъ, сіамскимъ близнецамъ г. Буренину и графу Алексису Жасминову, столь нелюбящимъ юбилей, должно явиться празднованіе 25-лѣтняго существованія нашей самой распространенной и „самой политической“ газеты „Новое Время“.

Юбилей этотъ, впрочемъ, далеко превосходитъ по своему внутреннему значенію только что отпразднованный юбилей г. Скальковского: тутъ, какъ ни какъ, дѣло шло объ отдѣльномъ человѣкѣ, хотя и прекрасно отражающемъ нѣкоторыя стороны упомянутого органа; но теперь предстоитъ отпраздновать четверть вѣка цѣлаго нововременскаго теченія. Потому-то я считаю полезнымъ отнестись къ этому идейному (или, если хотите, безъ-идейному) торжеству нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ къ апофеозу всѣхъ этихъ гг. Скальковскихъ, первыхъ литераторовъ между пожарными и первыхъ пожарныхъ между литераторами. Одинъ изъ моихъ читателей-друзей, отозвавшихся на мое первое обозрѣніе, предлагаетъ даже мнѣ отъ лица своихъ товарищей, „помнящихъ роль „Новаго Времени“ въ 1899 г.“, издать совокупными силами къ предстоящему юбилею этого органа цѣлый сборникъ, который представлялъ бы собою хрестоматію всѣхъ тѣхъ „мерзостей и клеветъ, какими „Новое Время“ забрасывало въ теченіе двадцати пяти лѣтъ всѣхъ порядочныхъ людей и всѣ благородныя идеи“. Я лично думаю, что эта газета не стоитъ такъ широко задуманнаго коллективнаго труда. Но сказать „Човому Времени“ „нѣ-

сколько прочувствованныхъ словъ“ по случаю его юбилея далеко не мѣшаетъ, и большую часть своего обозрѣнія я посвящаю на этотъ разъ печатному тосту, оцѣнкѣ досточтимаго органа, не перетрачивая, правда, всей напечатанной тамъ трухи за четверть вѣка, но останавливаясь лишь на нѣкоторыхъ типичныхъ перипетіяхъ этого двадцатипятилѣтняго существованія, а, главнымъ образомъ, на матеріалѣ, доставляемомъ пятью послѣдними мѣсяцами.

Не такъ давно, а именно осенью прошлаго года, иностранный обозрѣватель „Жизни“, г. В. П. указалъ въ октябрьской книжкѣ этого журнала на довольно курьезное политическое сальто-мортале г. Суворина, который изъ панслависта и освободителя братушекъ изъ-подъ турецкаго ига превратился, по поводу китайскихъ событій, въ горячаго сторонника оригинальнаго тройственнаго союза: Россіи, Китая и Турціи! Мнѣ становится завидно, когда я слышу, какъ г. В. П. считаетъ времена славянской бурно-пламенности почтеннаго руководителя „Новаго Времени“ временами его „молодости и легковѣрія“. Иностранный обозрѣватель „Жизни“, судя по этому замѣчанію, самъ очень молодой человѣкъ, ибо нашему брату-старiku съ 60-хъ годовъ приходилось видѣть г. Суворина еще въ другомъ воплощеніи, и это другое воплощеніе писало отнюдь не панславистскія статьи, именно при самомъ основаніи „Новаго Времени“. Но объ этомъ ниже, а пока попробуемъ дать общую характеристику руководителя этого органа.

Когда въ началѣ 1876 г. газета перешла изъ рукъ г. Трубникова въ руки г. Суворина, послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ людямъ лѣваго крыла литературная физіономія тогдашняго „Незнакомца“ была достаточно знакома. Не ослѣпляясь его прогрессивностью и либерализмомъ, они ясно видѣли, что у этого талантливаго и остроумнаго человѣка не было ни настоящаго ума, ни прочнаго міровоззрѣнія, ни устойчивости въ убѣжденіяхъ. Большая публика восторгалась въ г. Суворинѣ живой и непринужденной формой и, кромѣ того, считала его искреннимъ и „душой-человѣкомъ“. Но для тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ опредѣленнаго міросозерцанія, была какъ нельзя лучше видна основная пружина столь популярнаго въ то время фельетониста. Пружиною этой служила впечатлительность, импульсивность, комичная прыткость въ сужденіяхъ и оцѣнкахъ; отсутствіе серьезнаго образованія и прочности въ характерѣ дѣлало г. Суворина похожимъ на машину высокаго давленія, вѣчно рвущуюся съ мѣста, вѣчно обдающую васъ дымомъ, пламенемъ и паромъ и въ то же время лишенную регулятора, а главное—машиниста.

Сегодня этотъ быстропалительный литераторъ расхваливалъ Петербургъ въ пику Москвѣ; на завтра растекался въ чувствительномъ панегирикѣ послѣдней, заушая ея сѣвернаго конкуррента. Сегодня перо г. Суворина несло въ облакѣ самыхъ пламенныхъ

дифирамбовъ Петру Великому и его реформѣ; на завтра преобразователь и его система подвергались жесточайшей критикѣ впечатлительнаго фельетониста. И такъ съ г. Суворинымъ было всегда, и чѣмъ болѣе кронія русской исторіи выдвигала его въ первые ряды, тѣмъ нелѣпѣе онъ велъ себя въ роли руководителя.

При всѣхъ своихъ превращеніяхъ онъ остается, однако, глубоко вѣренъ одной основной чертѣ своей индивидуальности—это отсутствіе серьезныхъ и прочныхъ убѣжденій. Подобно Пигасову, его „убѣжденіе не имѣть никакихъ убѣжденій“; но, находясь въ центрѣ своей быстропахательной машины, онъ изъ-за собственнаго пламени, дыма и свиста не замѣчаетъ этой внутренней пустоты и старается заполнить ее нападеніемъ на людей, у которыхъ есть настоящія убѣжденія. Г. Суворинъ безъ враговъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ не можетъ жить, не можетъ объективно проявить себя. Если вокругъ него нѣтъ чужихъ плюсовъ, которыми онъ можетъ противопоставлять минусы, онъ—нуль, онъ олицетворенная неустойчивость и нерѣшительность. Кромѣ этого отрицательнаго противоположенія своей пустопорожности чужимъ убѣжденіямъ, у него есть другая, родственная, хотя и нѣсколько отличная, черта: стремленіе примазываться къ чужимъ импульсамъ или же къ какой-нибудь грубой силѣ; и чѣмъ этотъ чужой импульсъ безыдейнѣе, неосновательнѣе, а эта сила грубѣе и прямолинейнѣе, тѣмъ съ большимъ, по-истинѣ комичнымъ азартомъ нашъ впечатлительный остроумецъ и „душа-человѣкъ“ служить своимъ бойкимъ перомъ такому рефлексивному движенію.

Почтеннѣйшій А. С. Суворинъ—типъ такого демагога, который претендуетъ на руководство толпой, а на самомъ дѣлѣ все время лишь барабанить въ первыхъ рядахъ ея, но ежеминутно оглядывается назадъ, куда двигается улица, чтобы моментально продѣлать за нею направо или налево кругомъ маршъ. Это называется: „за нами шла масса“... Нѣтъ ничего комичнѣе, какъ наблюдать этого „душу-человѣка“ въ то время, когда его всегдашній принципъ держать носъ по вѣтру не получаетъ надлежащаго примѣненія за слабостью воздушныхъ теченій въ данный моментъ. Допустимъ, что въ общественныхъ руководящихъ сферахъ или на всероссийской улицѣ „роза вѣтровъ“ отличается довольно неопредѣленнымъ характеромъ: Боже мой, куда только не вертится нашъ бѣдный флюгеръ, якобы руководя вѣянiami, а на самомъ дѣлѣ крутятся вмѣстѣ съ ними, и чего только не наскрипываетъ, чего только не напѣваетъ, прыгая на своихъ чувствительныхъ петляхъ! Во время сравнительнаго затишья и отсутствія суровыхъ вѣтровъ сѣвера вдругъ ему покажется, что потянулъ легкій зефиръ съ солнечной стороны, и вотъ нашъ флюгеръ начинаетъ чувствительно мечтать и напѣвать свои мечтанія публикѣ: „ахъ, кажется время весеннее, пора всѣмъ намъ стать добрыми; да мы словно, какъ бы и впрямь подобрѣли: и я добрый, и вы; читатель, добрый

и онъ, вотъ видите, этотъ прекрасный и благородный господинъ тамъ, вдали, очень добрый, и всё-то мы добрые. И какъ это мы до сихъ поръ не догадались быть добрыми: вѣдь быть добрыми это наша самая лучшая политика. Я все время, все „Новое Время“ твержу: будемте добрыми, будемте добрыми—безъ добра намъ, русскимъ, невозможно прожить на свѣтѣ...”

И вдругъ—трахъ!—порывъ аквилона, и чувствительный А. С. Суворинъ моментально повернулся на своихъ чувствительныхъ петляхъ и запѣлъ иную пѣсню: „Вотъ еще недавно были такіе шаблонные любители мягкихъ зефировъ и прочихъ южныхъ, юго-западныхъ и, въ особенности, западныхъ вѣтровъ, которые (я про васъ, гг. шаблонные любители, говорю, а не про вѣтры, хотя эти вѣтры въ головѣ у васъ ходятъ), которые вздумали отказаться отъ нашихъ аквилоновъ и нашего крѣпительнаго мороза и постыдно размякли, и нелѣпо мечтали о замѣнѣ упомянутаго чисто русскаго крѣпительнаго мороза гнилой западной оттепелью. А между тѣмъ, гдѣ морозъ—тамъ снѣгъ, а гдѣ снѣгъ—тамъ надежная охрана всякихъ россійскихъ злаковъ, брошенныхъ въ родную землю. И пускай эти злаки смиренно прозябаютъ въ родимыхъ нѣдрахъ подъ снѣгомъ, и пускай они не торопятся лѣзть изъ-подъ снѣга. И даже я вотъ что вамъ скажу: оно выходитъ какъ будто бы, что снѣгъ для нихъ, но это одно пустое доктринерство: на самомъ то дѣлѣ—они для снѣга; а снѣгъ этотъ красивый, родной лежитъ на землѣ съ давнихъ поръ, лежитъ широкимъ и величавымъ русскимъ охабнемъ... Такъ то, государи мои, а вы то размякли, а вы то насчетъ доброты оттепельными слезами растеклись... Я все время, все „Новое Время“ твержу: эхъ, господа, пора оставить эти мечтанія о зефирахъ; русскій народъ суровый народъ, народъ общественный, народъ труженникъ; ему въ борьбѣ со стихіями надо крѣпнуть, ему русскій крѣпительный морозъ необходимъ; это—народъ суровыхъ и холодныхъ обязанностей, а не гнилыхъ оттепельныхъ правъ. Пора, давно пора стать свирѣпыми; и я свирѣпъ, и вы свирѣпы, а прекрасный и благородный господинъ тамъ, вдали, совсѣмъ тучею ходить... Смирно же, бодро, на работу! Живо полушубокъ, кушакъ, шапку, рукавицы,—да и пожалуйста въ такомъ національномъ костюмѣ ко мнѣ въ „Русское собраніе“. Мы занимаемся тамъ изслѣдованіемъ о томъ, какими фестончиками изукрасить русскій полушубокъ, какія погремушки привѣсить—вотъ живое, чисто національное дѣло, а вы о зефирахъ да объ оттепели!..“

Зачастую бываетъ, что эта моментальная замѣна весенней декорации зимней продѣлывается „Новымъ Временемъ“ даже не въ прямомъ соотвѣтствіи съ настоящей погодой, а лишь въ ожиданіи-завтрашней, или потому, что вдругъ что-нибудь померещится чуткой газетѣ. Сегодня, напр., какой-нибудь административный юноша, какой-нибудь изъ молодыхъ да ранній „столоничальникъ“

(о важности столоначальниковъ для направленія „Новаго Времени“ намъ объяснила недавно отроившаяся отъ него „Россія“, хорошо знающая, очевидно, психологию газеты-матери),—сегодня, говорю я, такой юноша

Шелъ по Невскому проспекту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,—

и вотъ увидавшая его въ такомъ игривомъ и весеннемъ настроеніи „самая политическая газета“ пишетъ восторженную оду въ честь солнца и доброты. Но вдругъ покажется „Новому Времени“, что перчатка-то административнаго юноши совсѣмъ не перчатка, а рукавица, да еще ежовая, а потому, молъ, и разсужденія „самого“ съ ней должны носить болѣе жесткій характеръ, и вотъ органъ г. Суворина катаетъ оду на пришествіе Борея.

Конечно, только что сдѣланная мною характеристика „Новаго Времени“ отличается нѣкоторой общностью, нѣкоторою, такъ сказать, алгебраичностью, въ которой стерты частности безчисленныхъ конкретныхъ салто-мортале и перемѣнъ фронта вѣчно кувывркающей газеты, а потому по необходимости сбивается нѣсколько на аллегорію. Но для того, кому приходилось слѣдить за эволюціями „Новаго Времени“ и этой полу-алгебры, полу-аллегоріи будетъ достаточно, чтобы оживить въ памяти подвиги веселой и исполнительнѣйшей труппы въ нововременскомъ циркѣ. Я остановлюсь поэтому лишь на двухъ-трехъ примѣрахъ этого, выражаясь театральнымъ языкомъ г. Скальковского, „грандіознаго водевиля съ переодѣваніями“. Вотъ хоть бы отношеніе „души-человѣка“ къ славянскому вопросу, отношеніе, которое остановило на себѣ вниманіе иностраннаго обозрѣвателя „Жизни“.

Какъ извѣстно, перешедшая четверть вѣка тому назадъ въ руки г. Суворина газета заявила, что она будетъ держаться „откровеннаго направленія“. Пусть, молъ, другіе будутъ либералами, консерваторами, демократами, крѣпостниками и т. п., мы—славные русскіе „души-человѣки“, и съ насъ достаточно быть откровенными; а что изъ этой откровенности выйдетъ, пускай разбираетъ сама публика. Въ этотъ ранній фазисъ нововременской эмбриологии, откровенность эта, однако, производила очень неясное впечатлѣніе. И не помогала просіянію мозговъ читателя и репутація прогрессивнаго и талантливаго публициста, оставшаяся за г. Суворинымъ отъ его сотрудничества въ Петербургскихъ и Биржевыхъ Вѣдомостяхъ и пр. либеральныхъ газетахъ. Упомянутая уже откровенность проявилась развѣ только въ разоблаченіяхъ—по альковной части дамъ петербургскаго полусвѣта, а впрочемъ, выражалась, пожалуй, лишь въ живнерадостной игривости. Въ частности, насчетъ панславизма мы съ А. С. Суворинымъ были въ

этотъ періодъ нашего руководительства настроены скептически-насмѣшливо; къ возставшимъ герцеговинцамъ особаго сочувствія, можно сказать, не проявляли; а надъ генераломъ Черняевымъ даже подтрунивали совершенно во вкусъ солдатской юмористической пѣсни:

Бабаановъ енаралъ,
Онъ все знаемя потрясать...

Но вдругъ на насъ накатило вдохновеніе, и духъ „всеславянскаго“ энтузіазма воспылалъ въ нашей пустопорожней, наполненной лишь „откровенностью“ душѣ. Когда къ искреннимъ и безкорыстнымъ пионерамъ освободительнаго движенія въ пользу „братевъ-славянъ“ присоединилась вся всероссійская „улица“, когда приливъ воинственнаго настроенія взволновалъ наше сонное бодото и выбросилъ наверхъ, рядомъ съ порядочными и здоровыми элементами, всякую дрянъ, всякіе шлаки и изгарь корыстнаго добровольчества, о, тогда мы не могли усидѣть на мѣстѣ съ А. С. Суворинымъ и, слѣдуя естественной слабости нашей души, бросились съ барабаномъ въ первые ряды нестройной, хаотической, Богъ знаетъ, куда идущей, Богъ вѣдаетъ, что ревущей толпы—и стали руководить. А когда къ неофициальной поддержкѣ возстанія со стороны русскихъ людей присоединилась поддержка официальная, когда само правительство рѣшило объявить войну Турціи, тогда мы съ А. С. Суворинымъ окончательно уже сорвались съ петель и поспѣшили примазаться къ новой „священной войнѣ“ чуть-ли не въ качествѣ—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ,—ея направителя, руководителя и вмѣстѣ исторіографа. Мы сами даже прослѣдовали, если не на самый театръ, то поближе къ театру военныхъ дѣйствій; и наше вдохновенное перо соединяло въ своихъ описаніяхъ оттуда громъ и молнію Тиртея и буколическія красоты Виргилія. И какъ въ туманѣ, въ памяти читателей этой вдохновенно-чувствительной литературы возстаютъ и проходятъ наиболѣе удачныя перипетіи и коллизіи, горести и радости нашего корреспондентскаго подвижничества: стрѣльба—пальба... кровь... раненый солдатикъ... госпиталь... слезы... гармоника...

Съ тѣхъ поръ и началась наша „патріотическая“, наша „національная“ миссія, и быстропалительность нашей эволюціи совершалась по законамъ равномерно ускорительнаго движенія тѣль, свободно и „откровенно“ падающихъ.. въ пространство все ниже и ниже, все быстрѣе и быстрѣе. Во время этого полета-паденія мы быстро выработали въ себѣ качества „національнаго вождя“, и временами самого доктора „патріотизма“, Михаила Никифоровича Каткова, стремительностію и авторитетностію анаемя почти опережали.

Мы побѣдоносно доказывали, уже въ то время, что коварный Альбионъ есть нація торгашей, а мы, русскіе, народъ безкорыст-

ный. И съ свойственною намъ приткостью мыслей пользовались этимъ историко-психологическимъ аргументомъ для защиты того тезиса, что наша политика на Балканахъ—есть самый заправскій внутренний вопросъ Россіи, а также что мы отнюдь не должны заниматься донкихотскимъ самопожертвованіемъ, но извлечь изъ войны всяческія выгоды для самихъ себя не хуже самихъ англичанъ. Ибо иная политика, политика „беззавѣтнаго и безкорыстнаго увлеченія“ славянствомъ, была бы-де лишь признакомъ нашей „національной дряблости“.

Во всякомъ случаѣ, эти „откровенныя“ противорѣчія нашей приткой мысли и эти патріотическія начинанія за здравіе нашего безкорыстія съ тѣмъ, чтобы кончить за упокой, всѣ эти прыжки и сальто-мортале нашего національнаго сознанія нисколько не мѣшали намъ воспылать въ самомъ скоромъ времени горячею любовью и проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ къ нашему учителю патріотизма, несравненному „мужу совѣта“ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ срединѣ 70-хъ годовъ мы съ А. С. Суворинымъ, горя и треща соломеннымъ огнемъ либерализма, жестоко обижали почтеннаго Михаила Никифоровича. Мы иронически приглашали его съ нами „вмѣстѣ“ вызывать разные призраки и уловлять ими соотечественниковъ“ и мотивировали эту дѣятельность язвительно-надругательнымъ соображеніемъ: „на нашу долю еще хватить легковѣрныхъ и глупцовъ среди 70-милліоннаго народа русскаго“.

Правда, съ нами происходили и продолжаютъ происходить психологическія приключенія, когда мы на протяженіи всего лишь нѣсколькихъ дней, не говоря уже о недѣляхъ и годахъ, мѣняли репертуаръ и характеръ нашихъ представленій. Но, повторяю, тѣнь учителя витаетъ въ нашемъ національно-увеселительномъ циркѣ; и звонъ побрякушекъ на нашей шутовской шапкѣ мы разнообразимъ отъ времени до времени подражаніемъ—впрочемъ, довольно слабымъ—скрежета зубовъ и завываній отошедшаго въ исторію дервиша „Московскихъ Вѣдомостей“. Тѣмъ характеристичнѣе для насъ на этомъ якобы неизмѣнномъ національномъ фонѣ, среди этихъ декорацій русскихъ рѣзныхъ палатъ и куполовъ луковицею, наши кувырканья по важнымъ вопросамъ общественной жизни.

Упомянемъ, напр., кромѣ нашего чисто гегельянскаго развитія по противоположностямъ въ славянскомъ вопросѣ, хотя бы наши взгляды насчетъ нѣкоторыхъ существенныхъ задачъ русской политики и экономики. Возьмемъ, напр., политику. На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ А. С. Суворинъ вдругъ пришелъ однажды къ такому заключенію, что наша настоящая національная традиція заключается въ земскомъ соборѣ; и что земскій соборъ, а ничто другое, земскій соборъ, поставленный на болѣе широкія основанія и считающійся съ болѣе сложными требованіями современ-

ности, уврачууетъ всѣ язвы наши, упразднить знаменитое „средостѣніе“ и свяжетъ непрерывными традиціями пореформенную Россію съ Русью XVII-го столѣтія, минуя періодъ „сухого петербургскаго бюрократизма“.

Но всего годъ-два спустя соборное увлеченіе талантливаго публициста смѣнилось рѣшительнымъ отвращеніемъ къ пропагандировавшемуся имъ же самимъ идеалу. И „соборъ“ былъ раскатанъ на славу въ „Новомъ Времени“, которое усмотрѣло теперь въ немъ „златую кровать“, на каковой-де барыней разляжется наша интеллигенція, тогда какъ бѣдный мужичекъ будетъ работать на оную сибаритствующую отнынѣ интеллигенцію въ десять разъ лютѣе, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. И опять таки объясненіе этому чрезвычайно удачному сальто-мортале лежитъ въ тогдашнемъ состояніи улицы. „Масса шла за нами“.

Не менѣе удаченъ нѣкій вольтъ-фассъ и по части экономики. Въ теченіе 90-хъ годовъ „Новое Время“, всегда, впрочемъ, питавшее нѣжность къ русскимъ капиталистамъ, особенно же „выходящимъ изъ народа“, заходило въ своемъ обожаніи промышленной буржуазіи до такого неумѣреннаго восторга, что совершенно забывало о „народной политикѣ“ и мужицкихъ интересахъ, о которыхъ оно горячо, но безтолково витійствовало на всемъ протяженіи 80-хъ годовъ. Усердно стуча лбомъ передъ идоломъ индустріальнаго капитализма и жарко пропагандируя все большее и большее повышеніе покровительственныхъ тарифовъ, идущихъ на потребу этому Молоху, „Новое Время“ стало даже просто-напросто издѣваться надъ преобладающею у насъ ролью земледѣлія и такъ въ началѣ 90-хъ годовъ аргументировало въ пику нашимъ „манчестерцамъ“ и „фритредерамъ“:

Россія страна земледѣльская—учать насъ эти мудрецы. Она можетъ дешево производить хлѣбъ и на этотъ хлѣбъ покупать дешевые англійскіе ситцы и желѣзо. Къ счастью, мудрецовъ не всегда слушали. И, дѣйствительно, теперь оказывается, что Соединенные Штаты и Остъ-Индіа производятъ хлѣбъ дешевле Россіи, Австралія и Африка производятъ дешевле шерсть, Южная-Америка—кожи и сало. По фритредерской теоріи, эти продукты слѣдуетъ покупать въ этихъ странахъ. Что же, спрашивается, остается дѣлать бѣдной Россіи? На одной мочалѣ и ржаномъ хлѣбѣ далеко не уѣдешь *).

И, развивая эту мысль, органъ нашихъ фабрикантовъ докторально мудрствовалъ въ эту эпоху на ту тему, что

«Періодъ индустріализма, или капиталистическаго производства, неизбеженъ въ исторіи каждаго народа, и нѣтъ возможности воспользоваться успѣхами, такъ называемой, «цивилизациі», удешевленіемъ средствъ передвиженія и обработанныхъ издѣлій, оставаясь въ первобытныхъ патріархальныхъ формахъ общественнаго быта».

А вотъ что на самомъ порогѣ XX-го вѣка, вдругъ заговорилъ

*) Новое Время, № 5252, декабрь 1890 г.

оракулъ нашихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, не рѣшаясь, конечно, отказаться отъ ревностной защиты капитализма, но за то съ анлобмомъ валя съ больной головы на здоровую и обвиняя другихъ въ томъ, въ чемъ виновато было какъ разъ само „Новое Время“, а именно въ забвеніи интересовъ деревни. Вѣщанія нашего оракула носятъ, дѣйствительно, многозначительное заглавіе: „Поворотъ въ сторону деревни“ и начинаются слѣдующей увертюрой:

Печать разныхъ направленій и оттѣнковъ, словно по уговору, дружно заговорила на старую тему о необходимости заняться вопросомъ о благосостояніи сельскаго, т. е., главнымъ образомъ, земледѣльческаго населенія. Естественно, что попросъ этотъ захватываетъ и смежныя сферы—положеніе сельскаго хозяйства и благоустройство сельскаго быта. Одно время эти старыя наши темы какъ будто померкли въ туманѣ новыхъ идей и новыхъ чаяній, но вотъ—слава Богу!—туманъ этотъ понемногу разсѣвается, и неприглядная дѣйствительность русской деревни, которую онъ застилалъ отъ нашихъ глазъ, снова привлекаетъ къ себѣ усердное вниманіе.

Финалъ же не менѣе того характеристиченъ для „Новаго Времени“:

Захуладала русская деревня несомнѣнно отвѣтила бы на обращенныя въ ея сторону попеченія огромнымъ подъемомъ своей жизнедѣятельности. Вѣдь масса нашего сельскаго населенія живетъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ и высококультурные люди опустили бы руки. Тутъ почти все, изъ чего слагается общая фizioномія быта, остается еще на ступеняхъ первобытности. Самая личность человѣческая еще не выросла изъ пеленокъ гражданственности, и человѣкъ работаетъ въ обстановкѣ гостомысловской эпохи, а весь прогрессъ, вся наша культура идутъ мимо его, не возбуждая даже большого любопытства.....

Тѣмъ болѣе жаль, что деревня такъ долго остается въ забросѣ, и тѣмъ болѣе было бы пріятно привѣтствовать поворотъ въ ея сторону! *).

Очевидно, газета „души-человѣка“ до такой степени привыкла къ своимъ кувырканіямъ, что ей и въ голову не приходитъ, не вправѣ-ли всякій мало-мальски мыслящій читатель, слѣдившій за ея эволюціями, спросить ее: Да кто-же больше вашего, о шустрая, о бессознательная въ своемъ анлоббѣ газета, напускаль того „туману“, который „застилалъ неприглядную дѣйствительность русской деревни“ отъ глазъ нашего общества? Кто больше вашего, пользуясь этимъ „туманомъ новыхъ идей и новыхъ чаяній“, т. е. яростной апологіи капитализма, помогаль обиранию и обездоленію русскаго мужика? Вы же приглашали Россію ступить на „неизбѣжный путь“ капиталистической „цивилизаци“ и выскочить изъ „первобытныхъ патріархальныхъ формъ быта“!.. А теперь насаженный вами и вашими присными капитализмъ становится господиномъ положенія въ городскихъ центрахъ; теперь насось первоначальнаго накопленія жадно накачи-

*) Новое Время, № 8955, отъ 31-го декабря 1900 г.
№ 3. Отдѣлъ II.

васть изъ деревни драгоценную влагу чужого неоплаченного труда. И однако наша деревня „остается еще на ступеняхъ первобытности“, а мужикъ „работаетъ въ обстановкѣ гостомысловской эпохи“. Такимъ образомъ обездолить то наше сѣрое крестьянство вы обездолили, но даже всей тяжелой цѣной этого обездоленія не дали Россіи ни „цивилизаци“, ни прогресса. Молчите же, шустрая газета, и не говорите въ своемъ домѣ о веревкѣ повѣшеннаго, тѣмъ болѣе, что въ значительной степени именно вами онъ повѣшенъ на путяхъ новой, переформенной, разубаевской крѣпи.

Обращаться, впрочемъ, съ такими увѣщаніями къ почтенному органу—вещь совершенно бесполезная, ибо ничто не характеризуетъ такъ эту газету, какъ ея неумѣренная страсть къ кувирканью черезъ голову и ея горячая симпатія къ подобнымъ же клоунамъ-ренегатамъ, въ какой бы сферѣ они ни практиковали свои гимнастическіе таланты. Поучителенъ въ этомъ отношеніи хотя бы составъ откровенной редакціи: ея наилучшія силы, наивважаемѣйшіе сотрудники, наиболѣе „бойкія перья“ почти всѣ безъ исключенія не только неоднократно перегибали себя колесомъ впередъ и назадъ, на лѣвый и на правый бокъ, но не одинъ разъ вывертывали себя цѣликомъ наизнанку, на манеръ тѣхъ низшихъ организмовъ, которымъ все равно, какой стороною ни питаться, лишь бы добычу хватать. Не говоря уже о двухъ столпахъ „Новаго Времени“, г.г. Суворинъ и Буренинъ, представляющихъ собою прообразъ карьеры всѣхъ нововременцевъ, всѣ тѣ соколы, которыхъ выпускаетъ изъ праваго рукава тороватый хозяинъ, всѣ тѣ тореадоры и матадоры, которые обязаны забавлять публику въ верхнихъ и нижнихъ этажахъ газеты, принадлежать ко всевозможнымъ разновидностямъ одного и того же типа: ренегата. Они всѣ что нибудь предали, всѣ чему-нибудь измѣнили, всѣ отъ чего-нибудь отреклись, всѣ состоятъ въ бѣгахъ отъ своего прошлаго. Вы найдете въ этихъ рядахъ евреевъ антисемитовъ, нѣмцевъ-славянофиловъ, бывшихъ либераловъ, раскаявшихся радикаловъ, и вся эта честная компанія взапуски показываетъ языкъ своему „Былому“.

Надо видѣть, какими виватами и поощрительными возгласами эта почтенная корпорація перебѣжчиковъ и перевертней привѣтствуетъ всякій новый фактъ какого бы то ни было ренегатства: видно, что, защищая своего новаго товарища, крича: „нашего полку прибыло“, нововременскіе джентльмены пользуются этимъ случаемъ, чтобы лишній разъ реабилитировать свою профессію идейныхъ измѣнниковъ и дезертировъ, профессію, которая внушаетъ такое отвращеніе людямъ убѣжденія. А когда новый ренегатъ вступаетъ, кромѣ того, въ число сотрудниковъ „Новаго Времени“, ликованію, можно сказать, нѣтъ конца: пародируя то,

что происходит на небѣ при возвращеніи грѣшника, нововременскій пандемоніумъ возжигаетъ цѣлую иллюминацію, и А. С. Суворинъ непреѣнно по этому поводу отдастъ приказаніе заклать самого тучнаго тельца (такимъ жертвеннымъ животнымъ обыкновенно бываетъ „жидъ“, котораго юдофобская редація усиленно ѣстъ по всякому торжественному поводу, превращая такимъ образомъ въ самоѣдовъ своихъ домашнихъ, прирученныхъ, состоящихъ при редакціи семитовъ).

При этомъ, совершая ваше ренегатство, вы нисколько не должны стѣсняться вашего прошлаго: наоборотъ, игриво-веселое отношеніе къ прежнимъ „заблужденіямъ“ именно и требуется отъ новаго сочлена „откровенной“ семьи. Если вамъ раньше пришлось полемизировать съ „Новымъ Временемъ“ и при сей вѣрной ocasiіи отвѣтить ему же да въ его же духѣ, т. е. пустить по его адресу нѣсколько крѣпкихъ словъ, то, пожалуй, это, не только не повредитъ вамъ при вступленіи въ редакцію почтеннаго органа, но даже послужитъ лишней рекомендаціей: значить, вы мастеръ ругаться, а это требуется спеціальностью „Новаго Времени“. Мало того, вы можете даже нѣсколько разъ продѣлать эту операцію выхода и входа въ веселое заведеніе: по пословицѣ „брань на вороту не виснетъ“, А. С. Суворинъ предастъ забвенію эти дерзости и, если у васъ „бойкое перо“, лишь шутливо-благосклонно погрозишь пальчикомъ въ сторону рецедивиста-бунтовщика противъ авторитета шустрого хозяина.

Было, напр., время, когда нѣкій пасквилянтъ-мужчина, авторъ „Кружковщины“ и прочихъ мерзостей, вздумалъ печататься и у г. Суворина. И печатался, печатался, дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока не попалъ въ тюрьму за подвиги, имѣющіе очень мало общаго съ ролью строгаго Катона; и, очевидно впавъ въ нетерпѣніе по случаю этого вавилонскаго плѣненія, не заключилъ въ общую скобку площадной ругани всѣ допускаяшія его на свои страницы и столбцы изданія. „Новое Время“ моментально послало своему сотруднику „плута“ и „грязнаго бездѣльника“ и не преминуло рассказать міру, какъ и при какихъ обстоятельствахъ этотъ симпатичный господинъ былъ битъ и выгнанъ въ шею. И что же вы думаете? „Грязный бездѣльникъ“, пришедшій всего нѣсколько лѣтъ спустя съ повинною къ А. С. Суворину, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ и „Жителемъ“ веселой Арапіи, населенной литературными джигитами и управляемой „откровеннымъ“ шейхомъ, и даже умеръ этимъ „Жителемъ“, удостоившись на столбцахъ газеты самаго чувствительнаго некролога. Надо-ли говорить читателю, что мы рассказали здѣсь исторію не безызвѣстнаго въ свое время г. Незлобина-Дьякова?

И такихъ гг. Незлобиныхъ-Дьяковыхъ,—здѣсь мы, конечно, касаемся лишь литературной, а не личной порядочности, отнюдь не думая почтенную редакцію откровенной газеты уподоблять

съ точки зрѣнія частной нравственности автору „Кружковщины“, — такихъ, говоримъ мы, перевертней и перебѣжчиковъ въ „Новомъ Времени“ не оберешься. Весь, можно сказать, генеральный штабъ досточтимого органа состоялъ и состоитъ изъ лицъ, продѣлавшихъ не одну эволюцію или пришедшихъ въ гостепріимную храмину А. С. Суворина съ разныхъ концовъ горизонта. Такъ, г. Молчановъ пожаловалъ съ „того берега“, сохранивши, впрочемъ, свои исконныя черты хлѣстаковщины; Сергѣй Атава—со страницъ „Отечественныхъ записокъ“; г. Сигма—изъ лагеря поклонниковъ западной плутократіи; г. Розановъ—изъ самаго, что называется, пекла реакціонной преисподней, гастролирующій порою на столбцахъ „Новаго Времени“; г. Марковъ—изъ страны либерально-консервативно-культурно-помѣщичьего празднословія. Я уже выше упомянулъ о гг. Суворинѣ, Буренинѣ и погибнувшемъ въ цвѣтъ лѣтъ и назидательной дѣятельности Незлобинѣ-Дьяковѣ.

Немудрено, что такой характеръ процѣженныхъ сквозь фильтръ ренегатства рыцарей откровеннаго направленія сказывается не только на ихъ неумѣренномъ пристрастіи къ идейному канкану, но и на ихъ по-истинѣ комичной злобѣ къ людямъ, полагающимъ, что для политически честнаго человѣка достаточно въ цѣлой жизни одного убѣжденія, одного идеала, одного мировоззрѣнія. Мы не забыли еще циничнаго глумленія и трепака, продѣлавшаго г. А—томъ на свѣжей могилѣ Н. В. Шелгунова, котораго шустрый каскадеръ изъ суворинскаго танцкласса обвинялъ въ необыкновенной глупости, на томъ основаніи, что покойный оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости: смотрите,—говорилъ, казалось, этотъ виртуозъ идейнаго кувырканья,—смотрите, какъ высоко и легко я подпрыгиваю, а вы вотъ лежите; полюбуйтесь, какъ я непринужденно выдѣлываю разныя антраша на вашей могилѣ. А почему? потому, что душа моя свободна отъ постоя всякой серьезной мысли и всякаго общественнаго чувства; потому, что ничто не смущаетъ меня въ моемъ канканѣ, и я взмахомъ своей ноги могу щелкнуть по носу любого изъ вашихъ хваленыхъ героевъ идеала и убѣжденія...

Пусть съ другой стороны читатель просматриваетъ, напр., одинъ изъ недавнихъ „критическихъ очерковъ“ г. Буренина, пробующаго дать общую характеристику нашихъ журналовъ (№ 8903 „Новаго Времени“, отъ 8-го декабря 1900 г.). Что возбуждаетъ нарочитый гнѣвъ этого типичнѣйшаго представителя „Новаго Времени“? То, изволите-ли видѣть, обстоятельство, что журналы въ родѣ „Вѣстника Европы“ или „Русскаго Богатства“ являются „журнальными окаменѣlostями“, т. е. что они продолжаютъ держаться каждый своего направленія. Тщетно эти органы стали бы возражать,—если вообще возможно серьезно возражать людямъ въ родѣ г. Буренина,—что такъ какъ наша общественная жизнь толчется на одномъ мѣстѣ, такъ какъ поднятые столько уже лѣтъ

тому назадъ вопросы остаются нерѣшенными, такъ какъ до сихъ поръ у русскаго прогресса остались тѣ же самые враги, то совершенно непонятно, съ какой стати людямъ серьезнымъ, порядочнымъ и убѣжденнымъ мѣнять свое направленіе, свою программу, свои приемы борьбы съ тѣми же противниками? Если я говорю вамъ: „дважды два четыре“, а вы мнѣ въ отвѣтъ на это: „нѣтъ, стеариновая свѣчка“ и притомъ обвиняете меня въ измѣнѣ отечеству и прочихъ измахахъ за злокозненное коснѣніе въ заблужденіяхъ пнеагоровской таблицы, то неужели мнѣ выбросить за окно эту старинную математическую „окаменѣлость“, и съ необыкновенною готовностью-скакнуть на жердочку вашей новой формулы, и, на подобіе васъ, беззаботно защебетать:

Ново Время, новы птицы,
Новы птицы, новы пѣсни!—

и новая таблица умноженія, и живая, текучая, самоновѣйшая стеариновая аксіома!.. Вините въ нашей окаменѣлости окаменѣлыя условія русской жизни, медленный ростъ общественнаго сознанія, ужасающую косность обстановки, необходимость въ теченіе чуть не полувѣка препираться изъ-за необыкновенно сложныхъ вопросовъ, сѣчь или не сѣчь мужика, полезно или вредно образованіе, хороша или дурна гласность, что лучше: законъ или произволъ, и т. п.

Но эта точка зрѣнія не только не можетъ быть понятна почтеннымъ критикамъ „Новаго Времени“, но чрезвычайно раздражаетъ ихъ. Судите сами: вся эта неподвижность, вся эта окаменѣлость людей и вещей, все это мучительное переминаніе на мѣстѣ,—развѣ все это помѣшало ему, не окаменѣлому, а текучему, капельно-жидкому, даже газообразному г. Буренину, перевернуться десять разъ на своей жердочкѣ, пропѣть десять разъ репертуаръ „Былого“ и настоящаго, сочинить десять „оригинальныхъ“ твореній, высказать десять взаимно поѣдающихъ себя литературныхъ и прочихъ оцѣнокъ, десять разъ передразнить и переобезьянить различныхъ „знаменитостей“ да еще ухитриться при случаѣ заразъ по два слова выговаривать? А вы хотите этому номеру первому, этому „чуду-феномену“ нововременской кувырѣ-коллегіи внушить нѣкоторыя, хотя бы самыя примитивныя понятія о томъ, что вѣрность служенія идеалу и заключается именно въ неизмѣнности опредѣленной тактики при неизмѣнившихся условіяхъ.

Надо, впрочемъ, быть справедливымъ даже по отношенію къ литературнымъ и общественнымъ врагамъ и стараться давать возможно объективную оцѣнку ихъ значенія. Сердитому критику „Новаго Времени“ будетъ много прощено именно за то, что онъ много и неумѣренно сердился, много и безыдейно злобствовалъ. Этимъ онъ обрекъ самого себя на полезную функцію илота, котораго

древніе спартанцы нарочно спаивали для того, чтобы его неприличные жесты и слова внушали отвращеніе и отбивали охоту у молодых людей предаваться пороку пьянства. Вотъ, дѣйствительно, человекъ, который при болѣе счастливомъ и прочномъ характерѣ и при лучшихъ общественныхъ условіяхъ могъ бы сыграть не первостепенную, но очень полезную роль пропагандиста—вульгаризатора хорошихъ идей и здоровыхъ теченій. Его не Богъ знаетъ какой крупный, но несомнѣнно художественно-сатирическій и версификаторскій талантъ; его способность схватывать хотя и внѣшнія, хотя и поверхностныя, но все же иногда дѣйствительно существующія смѣшныя стороны людей и явленій; его дешевый и грубый, но такъ заразительно дѣйствующій на „улицу“ юморъ; его темпераментъ полемиста, показывающій, что онъ въ состояніи увлекаться хотя бы съ чисто литературной стороны занимающимъ его въ данный моментъ вопросомъ; наконецъ, сама вульгарная, но легкая, а въ минуты, свободныя отъ злобнаго опьяненія, даже удачная форма,—все это могло бы сдѣлать изъ г. Буренина достойную уваженія литературную силу, дѣйствующую на большую публику и на массу, только что приобщающуюся къ сознательной и культурной жизни.

И всѣ эти второстепенные, но несомнѣнные и живые дары, которыми наградили г. Буренина при его рожденіи добрыя феи литературной будущности, были расхищены, загажены и превращены въ свою прямую противоположность самимъ же владѣльцемъ ихъ; и все это только потому, что злая фея положила въ его колыбель свой роковой подарокъ: удивительно мелкую, тщеславную и завистливую душу. Конечно, даже и съ этимъ роковымъ даромъ г. Буренинъ могъ бы не сдѣлаться тѣмъ литературнымъ илотомъ, о которомъ я сказалъ выше. Но для этого нужно было бы, чтобы Россія развивалась болѣе правильнымъ способомъ и чтобы меньше живыхъ общественныхъ силъ тратилось въ ней на преодоленіе вредныхъ препятствій. Въ минуты общественной реакціи мы перешеголяемъ самый способъ хожденія вѣрующихъ магометанъ въ Мекку: тѣ дѣлаютъ два шага впередъ и одинъ назадъ,—у насъ на шагъ впередъ приходится два вспять. То, что, казалось, было взято окончательно изъ скупыхъ рукъ махики-судьбы, снова отпадаетъ; и въ такіе моменты только герои долга и убѣжденія сохраняютъ вѣрность сознательному идеалу, масса же бросается въ разбродъ, увлекая за собою даже своихъ застрѣльщиковъ. Вспомните, что сдѣлалось съ бывшими сотрудниками „Современника“, въ родѣ г. Юлія Жуковского, когда исчезло направляющее и руководящее вліяніе автора „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“.

Мелочность натуры г. Буренина въ связи съ ходомъ общественнаго движенія пореформенной Россіи достаточно объясняетъ, какъ Владиміръ Монументовъ „Современника“, „Искры“ и „Вы-

боргскій пустынный“, сотрудничавшій въ „Отечественныхъ Запискахъ“, могъ при посредствѣ и черезъ промежуточную стадію г. Z: „Петербургскихъ Вѣдомостей“ перейти и превратиться въ такую литературную тройцу, какою являются гг. Буренинъ, графъ Алексисъ Жасминовъ и „маститый беллетристъ“ „Новаго Времени“. Отсутствіе всякой серьезной подготовки (что, между прочимъ, не мѣшаетъ г. Буренину бросать комичные упреки въ „кадетскомъ образованіи“ своимъ литературнымъ противникамъ); удивительное самомнѣіе, пересиливаемое развѣ мелкою злобою къ идеямъ и людямъ, превосходящимъ своими размѣрами калибръ буренинскаго пониманія; удовлетвореніе низкопробнымъ процессомъ сочинительства, несогрѣваемого никакимъ высшимъ идеаломъ, а довольствующагося одобрителнымъ рогомъ перевертней и полуинтеллигентной улицы, всѣхъ этихъ безыдейныхъ жуировъ и бонвивановъ изъ адвокатовъ, служащихъ, биржевиковъ, заводчиковъ, актеровъ, художниковъ, гвардейцевъ и прочихъ „патріотовъ своего отечества“,—вотъ обычные струны критическо-сатирической лиры г. Буренина.

Но скудость этихъ мотивовъ литературной дѣятельности не сетъ за собою съ теченіемъ времени свое возмездіе, и нашъ критикъ, еще столь недавно почитавшійся мастеромъ печатной митрогнозіи, облѣзъ, полинялъ и выдохся до невозможности. Онъ, конечно, и теперь еще можетъ не безъ нѣкотораго основанія сказать о себѣ:

Кашель душить, но и старый
Любить молодцу,—

любить, грѣховодникъ, ругательную полемику, но послѣдняя уже сравнительно рѣдко отвѣчаетъ взаимностью этому Нестору „бранной забавы“. Не хотите ли образчика убійственнаго остроумія г. Буренина? Прочтите въ одномъ изъ „Критическихъ очерковъ“ слѣдующій „разговоръ въ литературномъ салонѣ“:

— Какъ, мосеѣ Скорпіоновъ,—воскликнула съ неподдѣльнымъ изумленіемъ хозяйка салона,—вы не знаете, кто такой Андреевичъ!.. Но вѣдь это извѣстный современный критикъ, критикъ „Жизни“.

— Критикъ жизни? Но чья же жизнь подверглась критикѣ г. Андреевича?

— Ахъ, да ничья. Онъ критикъ журнала „Жизнь“, прекраснаго журнала съ новыми стремленіями и задачами и съ новыми критиками гг. Андреевичемъ, Соловьевымъ и другими. Неужели вы не знаете, не читали журнала „Жизнь“? Андреевичъ издалъ замѣчательную „Книгу о Горькомъ“?

— О горькомъ? Почему же о горькомъ, а не о сладкомъ?

— Ахъ, вы опять съ шутками и каламбурами, мосеѣ Скорпіоновъ! Онъ издалъ книгу о писателѣ Горькомъ, понимаете? И о Чеховѣ, о Чеховѣ!

— Будьте здоровы.

— Для чего это вы мнѣ говорите: будьте здоровы?

— Да вы сейчасъ изволили два раза чихнуть и даже съ какой-то грустью, сдѣлали этакъ „чихъ-увы!“ Такъ вотъ я и сказалъ: будьте здоровы.

— Боже мой, мосеѣ Скорпіоновъ, вы невыносимы! Да перестаньте же шу-

тить. Я совсѣмъ не чихнула, а произнесла два раза фамилію писателя, знаменитаго не менѣе, чѣмъ Горькій,—фамилію Чехова.

А! Извините. Какія, однако, же странныя фамиліи у теперешнихъ писателей: то водку напоминаютъ, то чиханье *).

„Жизнь“ — жизнь; о „Горькомъ“ — о горькомъ, о Чеховъ — чихъ-увъ!.. Что за юморъ, что за язвительная иронія!.. Вѣднѣй г. Буренинъ! Вотъ ужъ по-истинѣ былъ гевезенъ да вышелъ!.. И если стать на любимую критикомъ „Новаго Времени“ почву вокально-музыкальныхъ сравненій, то поневолѣ скажешь, что нашъ ругательный Тамберликъ уже не беретъ больше своего знаменитаго ut-dieза, а показываетъ на эту высокую ноту своимъ перстомъ, обращеннымъ въ небо: смотрите, молъ, вотъ гдѣ я ее беру...

Сознаніе литературной старости, впрочемъ, становится настоящей идеей fixe у нашего нагрѣшившаго не мало на своемъ вѣку ветерана крѣпкихъ словъ и безыдейнаго остроумія. Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, стараясь уязвить недающаго ему, очевидно, спокойно спать Н. К. Михайловскаго и обобщая свое собственное прискорбное настроеніе, онъ меланхолически замѣчаетъ: „на всѣхъ насъ, литературныхъ старикахъ, осуществляется правдивая пословица, гласящая, что всякому овощу свое время“ **). А въ самыхъ послѣднихъ своихъ „критическихъ очеркахъ“, посвященныхъ разбору нѣкоторыхъ вещей г. Боборыкина и д'Аннунціо ***), дряхлѣющій г. Буренинъ уже рѣшительно становится на стезю добродѣтели и читаетъ этимъ двумъ романистамъ горячія и прочувствованныя отповѣди насчетъ того, что художники должны ходить по „настоящимъ прямымъ путямъ для творчества, имѣющаго благоую и поучительную цѣль“, а отнюдь не культивировать въ своихъ писаніяхъ амурь, адюльтеры и всяческую клубнику. Это выходитъ чрезвычайно поучительно въ устахъ г. Буренина, состоящаго во всевозможныхъ степеняхъ родства и свойства съ г. Маститымъ Беллетристомъ, который, какъ извѣстно, въ своихъ эротическихъ бичеваніяхъ порока (есть вѣдь и такіе бичеванія; зри Крафта-Дбинга, Моля, Маньяна, нашего Тарновскаго) неоднократно разрабатывалъ самые скромные сюжетцы, а въ лицѣ одной героини идеализировалъ даже экскурсіи на островъ Лесбось, замѣчая, впрочемъ,—словно въ предвидѣніи осмѣиваемыхъ имъ теперь современныхъ „сверхчеловѣковъ“, плюющихъ на нашу обыкновенную „мораль рабовъ“,—что порокъ этой дамы былъ немомвѣрно оболѣстителенъ, такъ какъ она парила выше „всѣхъ условныхъ понятій о нравственности“ и продѣлывала всѣ операціи,

*) Новое Время, № 8847, отъ 13-го октября 1900 г.

**) № 8861, отъ 27-го октября 1900 г.

***) № 8964 отъ 9 февраля и № 8970 отъ 16-го февраля текущаго года.

приличествующія культу ея божества, въ пылу самой „беззавѣтной страсти“.

Г. Буренинъ, очевидно, совершаетъ теперь эволюцію, изображенную во французской рѣзкой поговоркѣ „quand le diable devient vieux, il se fait ermite“. — И ему вторитъ въ своихъ поучительныхъ разсужденіяхъ о надвигающейся смерти самъ хозяинъ нововременскаго танцкласса, почтенный А. С. Суворинъ, который въ только что напечатанномъ „маленькомъ“ письмѣ разсуждаетъ на ту тему, что въ сущности все на свѣтѣ пустяки въ сравненіи съ вѣчностью и ходкой подпиской; что онъ не любитъ веселыхъ празднованій, въ родѣ юбилеевъ, которые напоминаютъ своею торжественностью похороны, на которыхъ столь же обязательны славословія (что это, воспоминаніе о своей „умно-остроумной“ рѣчи на обѣдѣ г. Скальковскаго, или психологическое раздумье-похмѣлье послѣ веселаго пира?); что онъ бы даже и на юбилей своего любимаго дѣтища, своего „Новаго Времени“, не пошелъ, да вотъ уломали „товарищи“ и „сотрудники“, „которые—съ грустью замѣчаетъ тароватый хозяинъ—всѣ моложе меня, всѣ живѣе“ и потому, натурально, мечтаютъ о подобающихъ молодымъ и живымъ людямъ дѣйствіяхъ, тогда какъ онъ „самъ“, А. С. Суворинъ, предвидитъ, что для него по ту сторону „юбилей—смерть“ и что даже „это хорошо“... Затѣмъ слѣдуетъ обычная остроумно-безсодержательная болтовня о смерти, какъ о „красивой, стройной, нѣсколько блѣдной женщинѣ“, которая „приглашаетъ въ покой и на покой“, въ каковомъ для А. С. Суворина нѣтъ „ничего страшнаго“. Затѣмъ публичная исповѣдь веселаго и откровеннаго фельетониста насчетъ того, что онъ—„плохой христіанинъ, а, можетъ быть, даже и совсѣмъ не христіанинъ“. Затѣмъ—подробное описаніе похороженій ревизской души (его, г. А. С. Суворина) на томъ свѣтѣ. Затѣмъ, умилительныя соображенія насчетъ умершихъ родныхъ, души которыхъ очень облегчаютъ публицистическую дѣятельность направителя „Новаго Времени“, такъ какъ онѣ слѣтаются теперь къ писательному процессу своего талантливаго родича и „точно одобряютъ, поддерживаютъ, нашептываютъ“. Кончается же „маленькое письмо“ уже снова въ очень миѳическомъ и самообличительномъ тонѣ на слѣдующемъ автобіографическомъ документѣ, касающемся души знаменитаго журналиста:

А душа журналиста? Что это за мытарская душа! Мытарится, мытарится, бѣгается, бѣсится, волнуется, кричитъ, ругается, получаетъ сама удары и ничего-то послѣ нея не остается. Вся въ дневной злобѣ разлетается и исчезаетъ. То она слѣдуетъ новому не евангельскому тексту Рѣпина съ маленькимъ измѣненіемъ: «Иди со мной сатана!». И сатана идетъ и подсказываетъ всю эту брань, всю нечисть, всѣ насмѣшки, всю злобу.... *)

*) Новое Время, № 8980, отъ 26-го февраля 1901 г.

Аминь, рабъ божій Алексѣй! Теперь остается только, послѣ приѣма этой духовной полыновки въ видѣ великопостныхъ и предъ-юбиларныхъ размышлений о тщетѣ мірской, отправиться съ возбужденнымъ аппетитомъ на празднество 28-го февраля и тамъ приказать своей мытарской „душѣ пить, ѣсть и веселиться“ во славу двадцатипятилѣтія нововременскаго канѣана... Но все-таки, когда слышишь эти назидательныя мысли вслухъ, внушаемыя двумъ столпамъ развеселаго Кунавина приближеніемъ старости и смерти, то чувствуешь извѣстное идейное удовлетвореніе и мысленно ставишь нововременскихъ Атридовъ лицомъ къ лицу не съ описываемой только ими, а съ дѣйствительною смертію. Мысленно видишь этихъ перевертней и гороховыхъ шутовъ, этихъ скомороховъ и веселыхъ клеветниковъ въ послѣднемъ актѣ ихъ увеселительно-стяжательной карьеры, когда на ихъ размазанной маскѣ ляжетъ настоящая смертельная блѣдность; и въ воображеніи, подстегиваемомъ неумолимой работой окончательнаго разрушенія, развернется—позади ихъ—перспектива ихъ безыдейно растраченной, пропьясанной и прокривленной жизни, непрерывной продажи „души живой“ распивочно и на выносъ, гибели таланта, разложенія человѣческаго достоинства. Каковы будутъ отвѣты ихъ въ этомъ послѣднемъ діалогѣ?

Воображаю, что скажутъ въ отвѣтъ смерти наши рыцари ренегатства, которые и въ стихахъ, и въ прозѣ глумились надъ всѣмъ, что есть въ мірѣ великаго и доблестнаго, безсмертной идеей, общественнымъ героизмомъ, вѣрнымъ служеніемъ убѣжденію... А пока, слушая эти непонятныя для обитателей „Новаго Времени“ слова, они будутъ сами надрывать животики и приводить въ веселый гоготъ свою публику... А пока они будутъ воспитывать въ томъ же духѣ кувырканья и гаерства болѣе молодыхъ продолжателей... Вотъ объ этихъ-то эпигонахъ гг. Суворина и Буренина мнѣ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, останавливаясь лишь на главнѣйшихъ пажакъ и оруженосцахъ „Новаго Времени“.

Пажъ номеръ первый—г. Сигма. Ученая буква и мироточится талантами. Нескромнень, но великъ и убійственно уменъ, представляя собою самаго сильнаго теоретика „Новаго Времени“ по части свѣтско-политической философіи (подобно тому, какъ г. Розановъ исполняетъ это амплуа по части духовно-назидательной). Г. Сигма уже около десятка лѣтъ участвуетъ въ „Новомъ Времени“, и въ его статьяхъ отразился, можно сказать, весь міръ жизни и мысли. Беллетристъ и публицистъ, онъ хлещетъ читателя въ два кнута, подгоняя его на бодрую національную работу, и этотъ обоюдоострый талантъ внушаетъ профессиональную зависть—*conspicence de métier*—даже у товарищей г. Сигмы по редакціи. Потому-то художники газеты приглашаютъ его заняться исклю-

чительно публицистикой, предоставивъ имъ сферу искусства; тогда какъ публицисты стараются канализировать талантъ г. Сигмы среди цвѣтущихъ полей изящной словесности, защищая свои владѣнія отъ вторженія политической мысли нашего энциклопедиста. Въ данный моментъ самъ г. Сигма чувствуетъ себя, кажется, болѣе расположеннымъ къ серьезнымъ общественно-политическимъ трудамъ во вкусъ Гоббза и Ментескье. Однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ твореній нашего автора являются за послѣднее время его фельетоны, носящіе скромное заглавіе „Опыты русской мысли“. Первый изъ нихъ появился въ № 8863 (отъ 29-го октября 1900 г.) „Новаго Времени“; послѣдній, лежащій у меня передъ глазами, уже одиннадцатый по счету, напечатанъ въ № 8979 (отъ 25-го февраля 1901 г.). Продолженіе труда до безконечности пріятно угрожаетъ читателю,—да и какъ вы хотите, чтобы „русская мысль“ г. Сигмы перестала производить „опыты“ по нашимъ сѣрымъ и нелѣпымъ временамъ? Трудъ сей важенъ не только своимъ философскимъ содержаніемъ, но нѣкоторыми автобіографическими данными изъ жизни автора, что дѣлаетъ его (трудъ, а не автора, а, впрочемъ, все равно: допустимъ, что обоихъ) интереснымъ не только для политическихъ мыслителей, но и для будущихъ историковъ литературы. Мы сначала сгруппируемъ эти данныя и, по возможности, дадимъ говорить самому автору.

Г. Сигма очень ученый и очень талантливый человѣкъ: объ этомъ онъ самъ не разъ говоритъ, а ему лучше себя знать—отчего же и намъ не повѣрить этому психологическому факту? „Я—писатель и многому учился, и многое видѣлъ“, притомъ же альпинистъ, лихой наѣздникъ и патріотъ: „я влѣзъ на вершину Чембоксана и смѣло ѣздилъ верхомъ и работалъ для русскаго имени“ (статья „Здѣсь и тамъ“ въ № 8856, отъ 22-го октября). Образование получилъ уже въ дѣтствѣ великолѣпнѣйшее и, на примѣръ, по части нѣмецкаго языка или „германскихъ лингвистическихъ авантюръ съ глаголами и предлогами на концѣ“, недавно нось утеръ одному „нѣмецкому ученому ассиріологу“, съ которымъ пустился въ политико-философскіе дебаты (о каковыхъ ниже). Эти глубокія познанія были внушены г. Сигмѣ „старой гувернанткой-нѣмкой, которая заставляла меня играть съ ней въ четыре руки Vergissmeinnicht-Polka“ („Опыты русской мысли“, I, № 8863 отъ 29-го октября). Талантливая русская натура, которая, учась музыкѣ, постигла нѣмецкую лингвистику, развернулась въ университетѣ, когда „меня“ осѣняли такія мысли, которыя даже самому „мнѣ“ казались удивительно интересными и новыми. Судите сами:

Я готовился тринадцать лѣтъ назадъ къ каедрѣ и мечталъ читать исторію учреждений сотнѣ юношей. Книжной учености у меня всегда было достаточно: еще будучи студентомъ, я писалъ уже о паралелизмѣ между исторіей

языка и исторіей права, весьма любопытномъ вопросѣ, котораго, сколько я знаю, не касался никто изъ моихъ соотечественниковъ *).

Вотъ, видите, какой „я“: „всегда“, можетъ быть, даже во чревѣ матери отличался „книжною ученостію“, а вопросы изучалъ такіе, какъ „никто“. И быть бы „мнѣ“ профессоромъ, да Россіи жалъ стало. Поэтому „я“ оставилъ педантическія мечты о кафедрѣ, а обратился къ „расширившейся аудиторіи“, т. е. къ читателямъ „Новаго Времени“ въ качествѣ одного изъ ученѣйшихъ мыслителей его. „Я“ самоотверженъ, а потому въ пику пеликану, кормящему своею грудью дѣтенышей, „я“ питаю „моимъ мозгомъ“ читателей, питаю и самоутѣшаюсь:

Правда, меня не цитируютъ въ ученыхъ книгахъ. Но, тѣмъ не менѣе, мои мысли расходятся по Россіи и будятъ общественную мысль въ моемъ направленіи, а мнѣ только этого и надо.

Я знаю, что меня забудутъ, но не забудутъ то, что я думалъ.

Я пропаду, но работа моего мозга произвела симпатическую работу въ мозгахъ моихъ современниковъ...

Словомъ, „я“, какъ другой писатель моего калибра, могу сказать: Нѣтъ, весь я не умру, но часть меня большая и т. д.

Какова же эта работа „моего“ мозга? Сначала „я“, грѣшный человекъ, увлекался западничествомъ и написалъ даже что-то о скандинавской литературѣ, за что былъ одобренъ самимъ „Вѣстникомъ Европы“ (ага! г. Стасюлевичъ); въ то же время „я“ кланялся передъ западноевропейскимъ „золотымъ мѣшкомъ“ и надѣялся, опираясь на него, добыть плутократическій „парламентаризмъ“ (Опыты русской мысли, X). Но, по счастью, основательное изученіе западноевропейскихъ государственныхъ формъ... на Востокѣ, у китайцевъ, турокъ, арабовъ, индусовъ убѣдило „меня“ въ крайней буржуазности всей Европы, въ нелѣпости ея мнимосвободныхъ учреждений, и я пришелъ къ блестящей, а главное необыкновенно ясной мысли, которой и огорошилъ вздумавшаго было препираться со мной ученаго нѣмца (зри сцену на пароходѣ, имѣвшемъ счастье вести „меня“ съ дальняго Востока на родину).

Я защитникъ космоса въ его греческомъ и его китайскомъ смыслѣ. Проставляйся, сколько хочешь, мысли, что хочешь, но не ставь свое «я» выше тысячелѣтняго опыта исторіи и не ставь свой мозгъ выше соборнаго мозга и выше соборнаго чувства челоѣчества. Не ставь Европу выше міра, челоѣка—выше Бога **).

А когда почтенный гелертеръ, котораго, „я“, впрочемъ нарочно подавилъ и загнипотизировалъ предварительно своею необъятною ученостію (см. объ этомъ у „меня“ въ текстѣ), прислѣлъ отъ та-

*) Опыты русской мысли, VI, № 8945, отъ 3-го февраля.

**) О. Р. М., II, № 8870, отъ 5-го ноября 1900 г.

кого блистательного оборота мыслей, то я его окончательно доканалъ, сказавъ, что тайны русской души можно открывать именно изъ сближенія съ душой восточныхъ народовъ, „не потерявшихъ еще связи съ Богомъ“; и что „основное положеніе государственнаго права“ нашего должно искать въ „психологіи средняго богдыхана“. Бѣдный соотечественникъ Канта до такой степени растерялся отъ этого „должно“, этого російскаго категорическаго императива, что совсѣмъ даже забылъ посмѣяться надо „мною“ и моимъ „греческимъ“, а вмѣстѣ „китайскимъ“ штандпунктомъ.

Какъ бы то ни было, уничтоживши такимъ манеромъ нѣмца, „я“ могъ уже съ чистою совѣстью замѣнить форму діалоговъ, напоминающихъ творенія Платона, прочувствованнымъ монологомъ, обращеннымъ къ читателямъ. Долго было бы передавать, какими мыслями „я“ дѣлюсь въ этихъ „опытахъ“ съ жадно читающей „меня“ публикой. Резюмировать невозможно: самъ ничего не поймешь, ибо въ этомъ произведеніи російскаго интеллекта, согласно афоризму эллинской философіи—„все во всемъ“, и мысль „моя“, облетая вселенную, садится и стрекочетъ на всѣхъ вѣтвяхъ древа познанія; а дѣлать длинныя выписки мѣста не хватитъ. Пусть же читатель знакомится со „мною“ въ нововременскомъ подлинникѣ.

Только вотъ развѣ насчетъ моего конечнаго политическаго идеала скажу. Въ качествѣ человѣка умнаго, ученаго и талантливаго, я, натурально, долженъ былъ бы стремиться всею душою къ парламентаризму, такъ какъ сейчасъ же попалъ бы въ „министры конституціонной монархіи“, какъ о томъ я довольно прозрачно намекнулъ уже въ спорѣ съ нѣмцемъ. Но вѣдь „я“, читатель, „я“ не только ходячій умъ, ученость и талантъ, „я“—прежде всего и больше всего славная „русская душа“, люблю мужика, люблю его „нравственную свободу“ и не желаю отдавать нашъ народъ во „власть банкировъ“. И вотъ „я“ снова самоотвергаюсь и снова говорю: держитесь за то, что уже существуетъ у насъ и что такъ сближаетъ насъ съ „Китаемъ“—все равно лучше ничего не выдумаете! У насъ даже и „городовой бодрѣ“, чѣмъ въ Европѣ. Потому „мои“ пожеланія самыя скромныя и касаются лишь нѣкоторыхъ частныхъ, но очень полезныхъ, по „моему“ мнѣнію, реформъ Я предлагаю завести „мѣстную единицу“ въ видѣ „участковаго совѣта при земскомъ начальникѣ“, и это учрежденіе рисуется мнѣ въ такомъ видѣ:

Подъ предѣлательствомъ земскаго начальника собирается съ осени до весны разъ въ двѣ недѣли собраніе всѣхъ самостоятельныхъ собственниковъ его участка, представителей отъ каждаго сельскаго общества, священниковъ и сельскихъ учителей для обсужденія хозяйственныхъ и духовныхъ нуждъ участка.

Заведите такой „участковый Китайскій совѣтъ“, и Россія сразу займетъ приличествующее ея высокой философіи мѣсто. А то чортъ знаетъ въ чемъ время проводимъ:

Насъ привлекають грандіозныя зрѣлища и яркія краски. Одни изъ насъ хотятъ парламента съ его рѣчами и сильнымъ темпомъ не политической, а политиканствующей жизни. Другимъ нуженъ земскій соборъ въ московскомъ экзерциргаузѣ или, еще лучше, въ новой огромной палатѣ, способной вмѣстить четыре тысячи выборныхъ. А на самомъ-то дѣлѣ наша государственная жизнь требуетъ невеликаго: губной или земской избы и деревенскихъ депутатовъ въ тулупахъ, ѣдущихъ на собраніе въ развалняхъ на шаршавыхъ лошаденкахъ *).

Вотъ именно, читатель, скажу я уже вамъ отъ себя: видите, какъ „я“ г. Сигмы рѣшаетъ наши государственные вопросы. Что намъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно? Избу, развални, тулупъ и шаршавыхъ лошадеинокъ! А „деревенскіе депутаты“ уже давно найдены, и ихъ намъ не у Европы занимать стать: это знаменитые національные „Андроны“, которые вотъ уже сколько времени у насъ „ѣдутъ“, да все никуда еще не успѣли доѣхать. Въ губную же ихъ избу, читатель, да и посадить тамъ подѣ председательствомъ г. Сигмы!..

Нововременскій пажъ номеръ второй—г. Розановъ. Тоже изъ „отказавшихся отъ наслѣдства 70-хъ годовъ“, на каковыя онъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ въ половинѣ 80-хъ; но этимъ своеобразнымъ покаяннымъ прахомъ и пепломъ посыпалъ почему-то не свою, а наши головы въ не безызвѣстныхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. По мнѣнію нашихъ „охранителей“, а также и декадентовъ (въ лицѣ г. Мережковского), одинъ изъ „самыхъ глубокихъ и тонкихъ религіозныхъ мыслителей Россіи“. На самомъ-же дѣлѣ, „жертва вечерняя“, жертва той реакціонной ночи, которая окутала русское общественное сознаніе и среди которой сняты такіе чудовищные сны. По всѣмъ видимостямъ, искренній, но сумбурный мыслитель, талантъ котораго, отравленъ какимъ-то курьезнымъ безстыдно-отервеннымъ и цинично-добродѣтельнымъ юродствомъ, заставляющимъ его публично копать въ своихъ собственныхъ нравственныхъ недугахъ, язвахъ и прегрѣшеніяхъ и приглашать и читателей заниматься этимъ дѣломъ во славу мистическаго совершенствованія, на манеръ заправскихъ юродивыхъ, съ восторгомъ выставляющихъ напоказъ свои гнойныя раны и исковерканные члены. Эта постоянная привычка дѣлать изъ своей души затоптанную и загаженную папертъ, оповѣщать всѣмъ и каждому, что происходитъ у него тамъ, въ сердцѣ, по поводу мельчайшихъ внутреннихъ побужденій, и вводить насъ въ нисколько неинтересныя для насъ коллизіи между добромъ и зломъ, разыгрывающіяся въ его сознаніи,—эта постоянная привычка стирать границы между личнымъ и общественнымъ выра-

*) О. Р. М., VII, № 8,952 отъ 28 января 1901 г.

ботала въ г. Розановѣ такой способъ писанія, что зачастую вы останавливаетесь въ недоумѣніи передъ этимъ цинизмомъ добродѣтели и спрашиваете себя, ужъ не мистификація-ли все это? Во всякомъ случаѣ, благодаря такому психологическому процессу, нашъ авторъ, не смотря на всю свою искренность, слова не можетъ сказать въ простотѣ и всѣ свои душевныя потребности отираиваетъ публично съ какою-то театральною помпою и кимвалобряцающимъ лиризмомъ. Значительно превышая своею литературною порядочностью уровень типичнаго нововременца, онъ находится въ газетѣ г. Суворина, очевидно, по недоразумѣнію и сбѣжить, можетъ быть, и оттуда, какъ сбѣжалъ изъ гнѣздъ и отъ преемниковъ Каткова. Но надо сказать, что его манера писать внѣшнимъ образомъ очень удачно подходитъ къ „откровеннымъ“ упражненіямъ главнѣйшихъ сотрудниковъ „Новаго Времени“, которые тоже любятъ вести бесѣду съ читателемъ по-домашнему, въ халатѣ, а то и совсѣмъ—въ чемъ мать родила...

Не могу для характеристики нынѣшнихъ нелѣпыхъ временъ удержаться отъ того, чтобы не привести нѣкоторыхъ курьезовъ мысли и внѣшней аргументаціи г. Розанова изъ его нововременскихъ статей, ибо г. Розановъ принадлежитъ теперь, къ сожалѣнію, къ читаемымъ авторамъ, и приемы его общенія съ читателемъ указываютъ въ извѣстной мѣрѣ и на умственную физиономію теперешней публики. Въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года г. Розановъ, въ качествѣ человѣка искреннаго и порядочнаго, но лишь искалѣченнаго реакціонной средой, поставилъ передъ читателемъ вѣчно жгучій вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ и далъ на него глубоко симпатичный и гуманный отвѣтъ въ смыслѣ необходимости полнѣйшаго равенства между этими несчастными существами и, такъ называемыми, законными дѣтьми. Не буду касаться возраженій, посыпавшихся противъ такой тезы изъ устъ товарищей и единомышленниковъ г. Розанова, всѣхъ этихъ гг. А — товъ, Кирѣевыхъ, „священниковъ“ и т. п. блюстителей морали „Новаго Времени“. Вся суть сводилась къ тому: вѣдь это насчетъ свободной, преступной, „плотской“ любви, — стало быть, кто же станетъ тогда ходить въ нашъ танцклассъ отдохнуть отъ тяжелаго бремени покаянной нравственности? А потомъ, какъ-же быть съ наслѣдствомъ? Вѣдь этакъ, пожалуй, нашего брата заставятъ урывать изъ средствъ, накапливаемыхъ для нашихъ законныхъ птенчиковъ, и дѣлиться родовымъ и благоприобрѣтеннымъ съ плодами нашихъ минутныхъ увлеченій, поощряя такимъ образомъ корыстный развратъ соблазняемыхъ нами негодницъ. Вѣдь этакъ благородному человѣку житья не будетъ!..

Дѣло нѣ въ этомъ, не въ этихъ возраженіяхъ и даже не въ гуманномъ отвѣтѣ г. Розанова, который, кстати сказать, становится на давнишнюю точку зрѣнія, развиваемую прогрессивною

русскою мыслию (припомните хотя бы статью Н. К. Михайловскаго „Безъ вины виноватые“ еще въ 1879 г.). Интересно, какъ обосновываетъ эту точку зрѣнія самъ г. Розановъ... Да такъ обосновываетъ, что понять нельзя. На каждомъ шагу изъ чащи его пѣѣстистыхъ библейско-восточныхъ, уснащенныхъ метафорами и притчами писаній взрываютъ цѣлые выводы „тайнъ“, мистическихъ формулъ и непроницаемыхъ для нашего простого, мірскаго мышленія соображеній.

Напр. (по адресу г. Сѣраго изъ „Гражданина“):

Старыя слова: «аюльтерь», «наложничество», «любовница», «любовь» «бракъ»—все путается у него. Возьму я сосудъ съ водою. Это—рожденіе, рождаемость всемірная. Теперь я опущу палецъ въ воду. Конечно образуется правая и лѣвая отъ него сторона!

Ну, пусть одну называю онъ «бракомъ»; тогда конечно другая будетъ «не бракъ», при одномъ существѣ рожденія, даже при лучшей полнотѣ условій рожденія въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ) *).

Не успѣлъ читатель выскочить изъ этого „сосуда съ водою“, въ который г. Розановъ погрузилъ его вмѣстѣ съ своимъ „пальцемъ“, и сообразить, гдѣ тутъ „лѣвая“ и гдѣ тутъ „правая сторона“, какъ въ слѣдующей статьѣ глубокомысленный авторъ окунаетъ его въ новую мистическую бездну, окунаетъ, да еще приговариваетъ совсѣмъ на манеръ тургеневскаго мужика: „была яма глубока, а теперъ и дна не видать“:

Да, я не безъ причины сказалъ, что вопросъ «незаконнаго рожденія» неизслѣдимо глубокъ:

- 1) Это—херемъ, достигающій рожденнаго культомъ безплодія.
- 2) Это—Stoff und Kraft, признанное и возглашенное законами.
- 3) Это—выпавшіе цѣлые отдѣлы богословія**).

Нѣтъ, воля ваша, а „это“—просто-на-просто цѣлое Средиземное море претенціозно-нелѣпаго бульйона, въ которомъ плаваютъ микроскопическіе кусочки гуманной мысли и здороваго чувства!...

И все-то г. Розанову „тайна“, и вездѣ-то онъ хочетъ проникнуть въ эти тайны, и на этомъ пути проникновенія успѣваетъ возбуждать въ васъ не то искреннее чувство сожалѣнія, не то неудержимый взрывъ хохота. Рекомендую читателю обратить вниманіе хотя бы на слѣдующія трансцендентальныя размышленія г. Розанова о „клеткѣ“:

Но можетъ быть неясны наши слова о пустотѣ: все живое, растеніе или животное устроено по чудному плану клетки, пустоты въ покровѣ, обернутаго тканью пузырька или кубика. Почему такъ—Божія тайна, Божій планъ. Ученые пытались разгадать тайну клеточки, но никогда не могли: они всѣ искали ее

*) Изъ статьи «Споръ объ убитомъ ребенкѣ», въ № 8838 «Новаго Времени» отъ 4-го Октября 1900 г.

**) «Мистицизмъ природы», № 8858 отъ 24-го октября.

въ покровѣхъ, въ секретѣ матеріи, между тѣмъ, какъ, мы увѣрены, «секретъ» клѣтки лежитъ въ нематеріальномъ ея, не въ этихъ покровѣхъ, но въ пустой точкѣ, которую облегаетъ собою матерія. Тутъ ничего не видно въ самый сильный микроскопъ, ничего не тронешь самою тонкою иглою; но тутъ—узелъ жизни, «душа» *).

Вотъ вотъ именно: что есть „клетка“?—„пустая точка, которую облегаетъ собою матерія“. Определеініе совершенно во вкусѣ остроумной формулы одного артиллериста, который на вопросъ, что есть пушка, отвѣчалъ: „круглая дыра, со всѣхъ сторонъ окруженная сталью или мѣдью“. И тоже великая „тайна“: въ самой этой круглой дырѣ тоже „ничего не видно въ самый сильный микроскопъ“, тоже „ничего не тронешь самою тонкою иглою“, развѣ только воздухъ съ кишачими въ немъ микробами (это, впрочемъ, какъ въ клѣткѣ); а представьте себѣ—круглая дыра—и стрѣляетъ! Вотъ оно артиллерійское-то чудо; а господа ученые все ищутъ тайны стрѣльбы, все изучаютъ металлическіе „покровы“ дыры, а на дыру никакого вниманія, дыру третируютъ, дыру наполняютъ порохомъ (который, какъ извѣстно, тоже не всякимъ ученымъ бываетъ выдуманъ по случаю „банкротства науки“). А дыра-то, простая „пустота въ пространствѣ“, да-съ, пустота и не больше, на зло имъ стрѣляетъ и тѣмъ доказываетъ, что и у пушки есть не матеріальная душа, что и у пушки есть свой мистическій „секретъ“, на который выдается, впрочемъ, патентъ.

Но тутъ надъ г. Розановымъ можно еще смѣяться, а бываетъ, что и заплачешь надъ этой „жертвой вечерней“. Убѣдительно прошу читателя познакомиться съ недавней статьей г. Розанова, „Чудесное въ жизни и исторіи“, напечатанной въ № 8976 г. „Новаго Времени“ отъ 22-го февраля 1901 г. По поводу надѣлавшаго въ свое время шуму чудеснаго исцѣленія профессора Доробца отъ сикозиза, г. Розановъ, со словъ другого проникновеннаго мыслителя, покойнаго Н. Страхова, преспокойно замѣчаетъ, что

случай Доробца есть вовсе не предметъ консервативно-православныхъ восторговъ, какимъ вы предаетесь, но очень яркій и, дѣйствительно, удивительный случай дѣйствія этихъ никѣмъ не изслѣдованныхъ и съ незапамятныхъ временъ въ народѣ сохраняющихся заговоровъ. Женщина ему «заговорила» болѣзнь—и это вовсе не то, что онъ «исцѣлился отъ болѣзни по молитвѣ благочестивой женщины въ храмѣ Христа Спасителя».

А во второй половинѣ статьи, вдохновляясь изслѣдованіемъ генерала Драгомирова о Жаннѣ д'Аркъ, г. Розановъ съ еще большимъ спокойствіемъ развиваетъ, что Орлеанская дѣва не

*) «Маленькая историческая поправка», № 8941, отъ 17-го января 1901 г. № 3. Отдѣлъ II.

только все предвидѣла какой-то внутренней чудесной силою, но даже могла и заправлять ходомъ надвигающихся событій. При чемъ достойно завершаетъ эту ученую диссертацию уже совсѣмъ убійственно спокойнымъ тезисомъ насчетъ того, что знаменитая дѣвственница продѣлывала все это не Божіей помощью—совсѣмъ напротивъ—а своею собственною чудесною силою „колдуньи“ и „феи“.

Читатель, гдѣ мы находимся? Въ Россіи XX-го вѣка, или въ центральной Африкѣ, въ странѣ Монбутту и Нямъ-Нямъ, гдѣ не только „народъ“ но и его „руководители“ вѣрятъ въ колдовство, въ могущество заклинаній? И спрашиваемъ себя: что намъ нужно? „Губную-ли избу“, „деревенскихъ ли депутатов“, или же хорошей небесный душъ, который охладилъ бы головы этихъ обитателей не то сумасшедшаго дома, не то ядовитаго болота, миазмы котораго порождаютъ въ воображеніи этихъ „духовныхъ вождей“ лихорадочный бредъ?... И томительно ждешь, и всматриваешься во всѣ стороны горизонта: придешь-ли ты, желанная и освѣжающая гроза?...

Посмотримъ, что дала за это время журнальная беллетристика. Такъ умно задуманная и такъ интересно начатая въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ повѣсть г. Боборыкина, „Однокурсники“, испорчена слабымъ концомъ, появившимся въ февральской книжкѣ. Читатель надѣялся встрѣтить подъ перомъ чуткаго романиста живое изображеніе типовъ современной молодежи и отраженіе въ нихъ современныхъ же вѣяній. Типы есть, имѣется и отраженіе. Но все это въ концѣ-концовъ оказалось зачерпнуто такъ мелко, что читателю становится уже довольно безразлична чисто личная любовная неудача, постигшая героя повѣсти, Заплата, возвратившагося снова въ Москву послѣ студенческой исторіи. Мало того, что безразлична: начинаешь даже сердиться на перипетіи этой изрядно банальной любви, которая отѣснила на задній планъ повѣсти изображеніе общественной среды и перекрещивающихся въ ней теченій, бѣгло, но искусно очерченныхъ вначалѣ. Толстосумъ-декадентъ отбилъ невѣсту у Заплата, хотя, какъ явствуетъ изъ письма самой барышни, съ нею „до сихъ поръ ведетъ себя, какъ настоящий джентльменъ“. Мы очень довольны за Надю и за ея добродѣтель, пока неподвергающуюся явной опасности. Но намъ было бы интереснѣе, если бы авторъ удѣлилъ нѣсколько больше вниманія характеристикѣ того міра театральныхъ эстетовъ, который затанулъ Надю въ свою бездѣльную сутолоку и вышибъ у нея изъ головы всякія мечты о „курсахъ“, о совмѣстной дѣятельности съ любимымъ человекомъ и т. п. нѣсколько неопредѣленныхъ, но отнюдь не низменныхъ идеалахъ. Точно такъ же по-человѣчеству намъ жаль, конечно, и героя,

который въ заключительной строкѣ повѣсти „побрелъ къ кровати. Голова горѣла, все тѣло было разбито“. Но опять-таки мы предпочли бы узнать нѣсколько подробнѣе, въ какой пропорціи сочетались въ произведеніи такого „разбитія“ личная неудача Заплатаина и крахъ его общественныхъ стремленій: указанія на то, что онъ говорилъ что-то на сходкѣ и что его рѣчь не понравилась какимъ-то „націоналистамъ“ изъ студентовъ,—этого указанія намъ недостаточно. Недостаточно, пожалуй, и потому, что между теперешней молодежью не всѣ же „націоналисты“: что же сказали другіе, какъ отозвались они на голосъ Заплатаина, въ чемъ сошлись, въ чемъ разошлись съ нимъ?

Второстепенные типы вообще удались г. Боборыкину гораздо больше въ этой повѣсти: обобщая разсѣянные въ нихъ черты, приходишь къ заключенію, что въ современной Россіи народились новые, но довольно уродливые люди, представляющіе собою каррикатурное руссійское изданіе западно-европейскихъ оригиналовъ, отъ которыхъ они, какъ и подобаетъ, впрочемъ, восточно-европейцамъ, отстали лѣтъ этакъ на десять. Декаденство, довольно комично покрывающее своимъ трансцендентальнымъ лакомъ руссійскую фабрикантскую мощь (Эліодоръ Пятовъ); мистицизмъ и исканіе какой-то „вселенской, общемировой связи“ на почвѣ хотя бы раскольниковскихъ идеаловъ, опять-таки дружно мирящихся съ оптовой торговлей ситцами (Авивъ Щелоковъ); своеобразное не то народничество, не то босячество, презрительно смотрящее на интеллигенцію, хотя и довольно неясно представляющее себѣ, на чемъ основать свои идеалы (Шибаетъ)—таковы печальные отливъ современного сѣраго настроенія. Положительными и здоровыми стремленіями охвачены лишь указанные въ началѣ повѣсти люди общественныхъ идеаловъ и дѣйственной энергіи, въ родѣ Кантакова, пытающіеся примирить односторонности увлеченія исключительно интеллигенціей или исключительно рабочими массами; а также—„свои Лассали изъ настоящихъ ткачей и прядильщиковъ“, какъ характеризуетъ ихъ самъ Кантаковъ.

Сплошной, повидимому, рисовкѣ отрицательныхъ или, во всякомъ случаѣ, исковерканныхъ типовъ и изображенію болѣзненныхъ явленій—посвященъ будетъ начатый съ январской книжки „Русской Мысли“ романъ г. Боборыкина же „Жестокіе“. Произведеніе это слишкомъ еще мало продвинулось впередъ, чтобы можно было судить о немъ. Но количество выводимыхъ въ немъ теоретическихъ и даже практическихъ ничшеанцевъ, претенціозныхъ эстетовъ и жрецовъ чистой красоты, барышенъ, увлекающихся метафизической дребеденью, обослывшихся интеллигентовъ и просто полусумасшедшихъ мистиковъ столь велико, что становится даже интереснымъ загадывать напередъ, много-ли положи-

тельных типовъ окажется въ итогѣ современной русской жизни, захваченной новымъ романомъ г. Боборыкина*).

Въ январской же книжкѣ „Русской Мысли“ я обращаю вниманіе читателей на начало повѣсти г-жи М. В. Крестовской, „Исповѣдь Мытищева“, которая представляетъ собою очень недурно задуманный психологическій этюдъ неврастеника — самоубійцы (объ этой повѣсти, равно, какъ романъ г. Боборыкина, я предпочитаю сказать позже, когда повѣсть будетъ кончена, романъ достаточно продвинется); и на „Разказы о прошломъ, изъ автобіографіи моего пріятеля“ г. С. Я. Елпатьевского. Эти три близко связанные между собою разказа проникнуты такимъ здоровымъ и поэтическимъ реализмомъ, такую глубокою симпатіею къ простымъ деревенскимъ людямъ, что, читая эти безхитростныя сцены сѣрой трудовой жизни съ ея дѣйствительными горестями и радостями, я испытывалъ ощущеніе свободы и довольства, какъ если бы вырвался изъ госпиталя или дома умалишенныхъ на просторъ полей или подъ зеленый шатеръ лѣса. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы читатель раздѣлилъ мое ощущеніе и познакомился съ этими случайно вырванными, но живыми страницами изъ „автобіографіи пріятеля“ г. Елпатьевского. Даже трагическая смерть героя третьей сцены, которая можетъ иному показаться искусственно придуманной мелодрамой, настолько просто и логично вытекаетъ изъ самой несложной жизни „Гришки-подпаска“, что ничуть не нарушаетъ внутренней правды, которая не перестаетъ проникать и одушевлять эти безпретенціозныя, но художественныя „разказы“.

Беллетристика февральской книжки „Міра Божія“ разочаровываетъ читателя. Такъ, если причислить къ ней такъ понравившіяся мнѣ прошлый разъ „Записки врача“ г. Вересаева, то придется сказать, что въ своемъ „продолженіи“ авторъ вдался, не смотря на безотносительный интересъ этой автобіографіи врача, въ чересчуръ большія подробности. Временами эти „записки“ смахиваютъ на спеціальную статью въ медицинскомъ журналѣ, особенно, напр., въ главѣ VIII-й, посвященной изображенію того, какъ современные эскулапы продѣлываютъ въ больницахъ „опыты надъ живыми людьми, похожіе на лабораторныя живосѣченія низ-

*) Не могу не упомянуть по поводу этого новаго романа о курьезной ошибкѣ нашего образованнѣйшаго критика изъ „Новаго Времени“, г. Буренина, который, какъ извѣстно, гордится тѣмъ, что получилъ не «кадетское», а архитектурное образованіе. Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, разбирая «Жестокихъ» и найдя въ разглагольствованіяхъ юродиваго Федюсинскаго упоминаніе о «тубѣ Апокалипсиса», онъ принялъ эту латинскую тубу за русскую трубу съ нелѣпнымъ удареніемъ. Какъ долженъ смѣяться надъ этимъ промахомъ П. Д. Боборыкинъ, который, въ качествѣ образованнаго европейца, положилъ, очевидно, въ основаніе мистическаго бреда Федюсинскаго знаменитую строфу изъ «Dies irae»: *Tuba mirum spargens sonum* и т. п.

шихъ животныхъ. Нѣкоторыя детали, напр., умышленная прививка такихъ болѣзней, какъ сифилисъ, глубоко поражаютъ читателя, если ему уже не были извѣстны эти приемы современныхъ жрецовъ или, лучше сказать, идолопоклонниковъ науки, распластывающихъ живого челоуѣка на алтарѣ „строгой истины“. Но, мнѣ кажется, г. Вересаевъ хорошо сдѣлаетъ, если возвратится къ болѣе общему, менѣе специальному приему изложенія, которымъ такъ выгодно отличается начало его „записокъ“.

Г-жа Нелидова, она же „современная помѣщица Коробочка“, все глубже и глубже увязаетъ въ своей односторонне-обличительной деревенской литературѣ, направленной на сей разъ уже довольно недвусмысленно противъ „пьяницы-мужика“. И тѣмъ хуже, если она этого не хочетъ, но такъ у нея выходитъ. Я увѣренъ въ томъ, что и наши марксисты не могутъ такъ однобоко мрачно смотрѣть на наше крестьянство, какъ дѣлаетъ это г-жа Нелидова въ продолженіи исторіи, или, если хотите, скорбнаго листка ея „хозяйства“ въ февральской книжкѣ „Міра Божія“. Просмотрите сцену сельскаго схода на стр. 103—111—и хоть сейчасъ въ „Русскій Вѣстникъ“, а то и фельетонами въ „Московскія“. И тщетно ждешь, чтобы авторъ объяснилъ или, по крайней мѣрѣ, попытался объяснить внутренній смыслъ картины этого пьянаго царства, дополнилъ бы ее изображеніемъ трудового житья-бытья крестьянъ, неумолимымъ гнетомъ обстановки, невозможностью для современной деревни удовлетворительно рѣшить надвигающіеся на нее со всѣхъ сторонъ вопросы частной, общественной и государственной жизни. И опять-таки невольно вспоминаешь Глѣба Успенскаго, который считалъ недостойнымъ писателя искажать грубую дѣйствительность беллетристической маниловщиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ анализировалъ и осмысливалъ значеніе процесса, происходящаго въ пореформенной деревнѣ. Чтеніе произведеній, подобныхъ очеркамъ г-жи Нелидовой, возбуждаетъ въ васъ горькое недоумѣніе, и въ сознаніи неотступно вертится вопросъ: чѣмъ объяснить, что люди, непринадлежащіе къ завѣдомымъ крѣпостникамъ и ненавистникамъ народа, пишутъ въ настоящее время, а прогрессивныя редакціи въ родѣ „Міра Божія“ печатаютъ безъ малѣйшихъ оговорокъ такіа странныя,—я, бы пожалуй, сказалъ злостно-тенденціозныя вещи, если бы не думалъ, что во всемъ этомъ кроется какое-то печальное недомысліе, господство дурно понятой и плохо приложенной формулы?...

Наоборотъ, повѣсть г. Альбова „Сирота“ въ той же февральской книжкѣ „Міра Божія“ продолжаетъ идти своимъ не быстрымъ, но ровнымъ аллюромъ, который она взяла во второй половинѣ своей начальной части (въ январскомъ номерѣ) и въ узкихъ предѣлахъ изображаемой ею „сѣренькой жизни“ положительно начинаетъ интересовать читателя. Герой продолжаетъ бросать ретроспективный взглядъ на свое монотонное, безцвѣтное существова-

ние и переживаетъ въ воспоминаніи тотъ періодъ этой безконечной и однообразной канители дней, мѣсяцевъ и годовъ, когда изъ неудачника-гимназиста ему приходится превращаться въ канцеляриста по волѣ энергичной мамы и робкаго папы, и когда впервые сердце семнадцатилѣтняго чернильнаго рыцаря начинаетъ усиленно биться подъ вліяніемъ нѣкой „свѣтло-лиловой шляпки съ синимъ перомъ“.

Въ январской книжкѣ „Жизни“, кромѣ недурныхъ, но черезчуръ фельетонныхъ очерковъ „Мужъ съ револьверомъ“ г. Евг. Чирикова и „Золотыя утки“ г. Тана, вниманіе читателя привлечетъ, конечно, продолженіе повѣсти г. М. Горькаго „Трое“, начало которой (помѣщенное въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ прошлаго года) редакція очень кстати дала въ приложеніи къ первому же номеру этого года. На сей разъ мнѣ ужъ вѣрно такъ суждено испытывать разочарованіе въ беллетристикѣ. Прочитавъ то, что помѣщено въ январской книжкѣ, я начинаю бояться за г. Горькаго, удастся-ли ему путемъ справиться съ жизненной эволюціей „Троихъ“; и, вспоминая съ благодарностью объ уже доставленномъ имъ мнѣ эстетическомъ удовольствіи, отъ души желаю талантливому автору выйти съ честью изъ очень трудной, по крайней мѣрѣ очень усложнившейся задачи. Трудность этой задачи вотъ въ чемъ: до сихъ поръ всѣ „Трое“ героевъ, не смотря на разницу въ своемъ темпераментѣ, духовномъ складѣ, внѣшнемъ положеніи, являлись, если и не представителями, то хорошими рядовыми арміи труда. Теперь же двухъ изъ своихъ „Троихъ“ г. Горькій превращаетъ если не въ профессиональныхъ, то въ случайныхъ и вольнопрактикующихъ Альфонсовъ, или,—какъ говорится у насъ среди спеціального населенія городовъ,—„Володей“ и „супниковъ“. Авторъ, видимо, старается идеализировать этотъ новый фазисъ эволюціи Ильи и Пашки. Но никакимъ заманчивымъ изображеніемъ красоты и свѣжести и любовнаго къ нимъ пыла ихъ дамъ сердца этотъ процессъ идеализаціи не можетъ поддержать героевъ даже на самой умѣренной высотѣ требованій, какія мы можемъ предъявлять къ нимъ, въ качествѣ среднихъ, но порядочныхъ людей труда.

И говоря такъ, я вовсе не думаю становиться на филистерскую точку зрѣнія официальной добродѣтели. Мое возраженіе глубже и касается именно социальной, или, какъ сказала бы редакція „Жизни“, „классовой“ психологіи. Я знаю, что эксплуатація женскаго тѣла практикуется въ самыхъ фешенебельныхъ сферахъ, гдѣ насчитываютъ не мало изящныхъ Альфонсовъ: типъ „Прекраснаго друга“ съ такой свирѣпой ироніей описанный Мопассаномъ, встрѣчается у насъ въ извѣстной обстановкѣ, можетъ быть, не рѣже, чѣмъ за границей. Но на то эти фешенебельныя сферы и есть сферы жуирства и праздности. Совсѣмъ не такъ дѣло представляется по отношенію къ рабочему классу, который,

по самой природѣ своей, есть классъ трудящихся, а не тунеядцевъ. Среди этой соціальной категоріи Альфонсъ является живымъ, ходячимъ противорѣчіемъ великаго принципа труда.

И опять-таки я вовсе не думаю становиться здѣсь на почву мелко-буржуазной идеализаціи каторжнаго труда нашихъ дней. Нѣтъ, я имѣю въ виду трудъ, какъ высшую и неизбежную форму сознательнаго обмѣна вещества между природой и коллективнымъ человѣкомъ. И что же? Стоя на этой почвѣ, вы можете идеализировать „привлекательность труда“ на подобіе Фурье; можете идеализировать даже „сильныя и утонченныя страсти“, удовлетворяемыя опять-таки въ концѣ концовъ при помощи человѣческой дѣятельности, хотя бы и въ формѣ труда, составляющаго самого по себѣ уже наслажденіе. Но идеализировать праздность какъ праздность, тунеядство какъ тунеядство, а въ особенности эксплуатацію и продажу такой свободной вещи, какъ любовь, вы не можете и, оставаясь сторонникомъ принципа труда, не должны.

Вотъ я и желалъ бы знать, какими приемами г. Горькій будетъ пытаться поддерживать своихъ „супниковъ“ на облакахъ идеализаціи. Или, быть можетъ, онъ снова захочетъ изъ нихъ сдѣлать Титановъ-босяковъ, людей, сильныхъ волею и жаждою жизни, которымъ на все прочее наплевать? Тогда это будетъ лишь повтореніемъ уже достаточно исчерпанной, какъ мнѣ кажется, г. Горькимъ темы сверхъ-босячества. Я съ любопытствомъ жду, какъ художественный талантъ автора справится съ дальнѣйшей эволюціей героевъ „Троихъ“...

Въ январской же книжкѣ „Жизни“ я прочелъ очень слабое возраженіе мнѣ г. Андреевича въ „Настроеніяхъ“ и гораздо болѣе интересное „Письмо въ редакцію“ г. Юл. Адамовича, который называетъ себя въ этой замѣткѣ (по поводу г. Струве) „профаномъ“, но разсуждаетъ авторитетно и съ своей точки зрѣнія очень послѣдовательно, такъ что дай Аллахъ и всякому специалисту такъ разсуждать. Для того, чтобы не комкать интересной темы, отлагаю ее до слѣдующаго раза... Мимоходомъ—г. Андреевичъ вызываетъ меня на дуэль на словесныхъ рапирахъ и вызываетъ, какъ истый виртуозъ своего дѣла, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ поединка, не безъ нѣкотораго грознаго достоинства: „лщю, говорить, себя надеждою, что, съ веселымъ человѣкомъ (это я—веселый человѣкъ, читатель) я поговорю по-веселому тожъ“. Что-жъ, дѣлать нечего: принимаю вызовъ, принимаю безъ особаго энтузіазма,—гдѣ-жъ мнѣ тягаться „выпадами“ съ г. „присяжнымъ рецензентомъ“?—но и безъ чрезмѣрной робости, вспоминая хорошую русскую поговорку „толкачь ступѣ укажетъ“... Думаю, что г. Андреевичъ останется доволенъ.

В. Г. Подарскій.

Г. Иваново-Вознесенскъ.

(Отвѣтъ г. В. Дадонову).

Въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за прошлый годъ помѣщена статья г. Дадонova о городѣ Иваново-Вознесенскѣ. Статья эта вызываетъ недоумѣніе среди Ивановцевъ. Общій выводъ г. Дадонova печаленъ: Иваново-Вознесенская „фабрика дала не слишкомъ много даже четвертому поколѣнію своихъ „учениковъ“ и почти ничего не развила изъ себя. Все то незначительное количество культурныхъ благъ, которымъ обладаетъ фабричный рабочій: грамотность, медицинская помощь, библіотеки, разумныя развлечения и проч. пришли *извне* и являются результатомъ дѣятельности или земства, или города, или частной благотворительности“ *).

Внѣшнее благоустройство города, дѣйствительно, печально, но несомѣнно, что плодомъ фантазіи досужныхъ людей является разсказъ г. Дадонova о добываніи нефти изъ рѣки Уводи или сообщеніе о томъ, что губернское начальство ввозить въ городъ не по обыкновенной дорогѣ, а въ объѣздъ, по мосту, который выше фабрикъ, чтобы такимъ путемъ „губернское начальство“ не ощущало зловонія отъ рѣки. Всѣмъ Ивановцамъ извѣстно, что въ Ивановѣ нѣтъ никакого моста выше фабрикъ по теченію рѣки. Но всѣ такія неточности относятся скорѣе къ области куріозовъ, а потому останавливаться на нихъ подробнѣе я не считаю нужнымъ.

Перехожу къ оцѣнкѣ тѣхъ фактовъ, которые, по мнѣнію г. Дадонova, говорятъ „о глубокомъ равнодушіи рабочихъ къ знанію“, объ отсутствіи среди нихъ „солидарности“ и „самодѣятельности“, объ отсутствіи „симптомовъ кооперативнаго движенія“ и т. п.

Постараемся-же разобратъ, насколько основательны доводы г. Дадонova.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ основу статистическихъ вычисленій г. Дадонova положена невѣрная цифра населенія: по всеобщей переписи 1897 года въ г. Иваново-Вознесенскѣ съ предмѣстьями оказалось не 75 тысячъ жителей, какъ говорить

*) Всѣ мѣста въ кавычкахъ принадлежатъ г. Дадонову, развѣ нѣтъ при нихъ указанія на источникъ, откуда они заимствованы.

г. Дадоновъ, а только 54 тысячи. Данные переписи опубликованы и наведеніе подобной справки не составляет труда. Наконецъ, число рабочихъ опредѣлено г. Дадоновымъ въ 35 тысячъ человекъ, изъ которыхъ 25 тысячъ мужчинъ и 10 тысячъ женщинъ. Не знаю, откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія г. Дадоновъ, но по даннымъ фабричной инспекціи къ 1-му января 1900 года въ Иваново-Вознесенскѣ было фабричныхъ рабочихъ *обою пола* 24.842 человека. Думаю, что данные фабричной инспекціи заслуживаютъ полного довѣрія, съ чѣмъ вполне согласится и г. Дадоновъ. Невѣрно опредѣливши число рабочихъ мужчинъ въ 25 тысячъ человекъ, г. Дадоновъ вычислилъ, что изъ 5.000 грамотныхъ рабочихъ въ возрастѣ 20—30 лѣтъ берутъ книги въ народныхъ библіотекахъ только 500 человекъ или 10%. Если бы г. Дадонову была извѣстна точная цифра рабочихъ мужчинъ, то онъ узналъ-бы, что указанная группа рабочихъ даетъ 15—16% подписчиковъ, или, другими словами, одинъ подписчикъ приходится не на 10 человекъ, какъ утверждаетъ г. Дадоновъ, а на 6—7 человекъ. Между тѣмъ, г. Дадоновъ, сдѣлавши выкладку изъ невѣрныхъ цифръ, говорить „о глубокомъ равнодушіи къ знанію, доходящемъ до того, что только одинъ изъ десяти грамотныхъ рабочихъ интересуется книгой“.

Какъ видятъ читатель, г. Дадоновъ допустилъ крупную цифровую ошибку, но еще значительнѣе и обиднѣе, по нашему мнѣнію, его логическая ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли говорить о рабочихъ не-подписчикахъ, что они „глубоко равнодушны къ знанію“, разъ въ Иваново-Вознесенскѣ при его обширной территории (по заявленію г. Дадонова г. Иваново-Вознесенскъ только въ 5—6 разъ менѣе Москвы) всего только 5 народныхъ библіотекъ? Очень жаль, что для г. Дадонова осталась неизвѣстна исторія открытія народныхъ библіотекъ въ г. Иваново-Вознесенскѣ, и тогда онъ не взвелъ-бы на Ивановскихъ рабочихъ тяжелаго обвиненія въ „глубокомъ равнодушіи къ знанію“. Постараемся восполнить пробѣлъ, сдѣланный г. Дадоновымъ. Первая библіотека въ г. Иваново-Вознесенскѣ была открыта Шуйскимъ земствомъ 14-го марта 1894 года и сразу привлекла 790 подписчиковъ, среди которыхъ рабочихъ было 752 человека. Еслибы г. Дадоновъ заглянулъ въ г. Иваново-Вознесенскъ въ то время, то онъ сказалъ-бы, пожалуй: 752 подписчика изъ 20 тысячъ рабочихъ! Это—слишкомъ ничтожный процентъ, а остальные, стало быть, „глубоко равнодушны къ знанію“. Стоитъ-ли, пожалуй, тратить деньги на открытіе другихъ библіотекъ? Къ счастью, въ Иваново-Вознесенскѣ не такъ разсуждали, и когда (18-го іюня 1895 г.) М. А. Гарелина открыла вторую библіотеку, то она сразу привлекла 520 подписчиковъ, причемъ число подписчиковъ въ первой библіотекѣ не только не уменьшалось, но даже увеличилось. Тоже самое повторилось при открытіи третьей, четвертой

и пятой библиотеки. Нѣтъ, не о „равнодушiи рабочихъ къ знанiю“ можно говорить, а только о недостаточномъ числѣ библиотекъ: при обширности территорiи г. Иваново-Вознесенска здѣсь нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, 10 народныхъ библиотекъ.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнiю того, что читаетъ Ивановскiй рабочий?

Г. Дадоновъ утверждаетъ, что рабочiе въ народныхъ библиотекахъ спрашиваютъ книги „поменьше“ да „полегче“, „вслѣдствiе чего, заявляетъ г. Дадоновъ, и выдаются изданiя „Посредника“. Что рабочiе не любятъ книгъ большого формата и питаютъ нѣкоторое пристрастiе къ книгамъ „поменьше“, это вполнѣ понятно: чтенiе на фабрикѣ во время работы запрещено, и книгу большого формата не спрячешь. Въ былыя времена и мы, будучи гимназистами, любили книги небольшого формата: ихъ было удобно читать во время уроковъ.

Посмотримъ, часто-ли читаются рабочими изданiя „Посредника“ и вообще книги мелкiя (листовки и двухъ-листовки)? На этотъ вопросъ, вопреки утверждению г. Дадонова, я отвѣчу отрицательно; доказательствъ этому не надо, ибо, въ концѣ концовъ, самъ г. Дадоновъ заявляетъ, что первое мѣсто по спросу принадлежитъ приложенiямъ къ „Родинѣ“, „второе—Л. Толстому, третье Всеволоду Соловьеву. Затѣмъ, слѣдуютъ: Тургеневъ, Гоголь и другiе авторы. Очень часто спрашиваютъ Некрасова, котораго, къ сожалѣнiю, въ народныхъ библиотекахъ нѣтъ“. Какъ видитъ читатель, вкусъ у Ивановскаго рабочаго не слишкомъ плохъ, и въ указанномъ перечисленiи изданiй „Посредника“ и вообще мелкихъ книгъ не оказывается. Пусть не подумаютъ, что я скептически отношусь къ народнымъ изданiямъ „Посредника“; нѣтъ, я только утверждаю, что специально народная литература въ настоящее время не удовлетворяетъ Ивановскаго рабочаго: онъ уже переросъ эту литературу. Въ качествѣ иллюстрацiи я приведу еще свѣдѣнiя о книжной лавочкѣ, которая, будучи организована на товарищескихъ началахъ, существовала въ г. Иваново-Вознесенскѣ въ теченiе 2½ лѣтъ (съ декабря 1894 г. по июль 1897 г.) и скончалась не по своей волѣ. За послѣднiе 16 мѣсяцевъ до своего закрытiя книжная лавочка продала слѣдующее количество экземпляровъ въ убывающемъ порядкѣ: Л. Толстой—107 экз.; Пѣсни Англичей и Германiи—92 экз.; В. Короленко—82; Гаршинъ—75; Гоголь—73, Маминъ-Сибирякъ—60, Словари иностранныхъ словъ—60, Родныя пѣсни—50, Водовозова (главнымъ образомъ, „Англичане“ и „Нѣмцы“) — 47 Немировичъ-Данченко — 40, Станюковичъ — 38, Диккенсъ — 36, Пушкинъ — 29, Кольцовъ — 28 и т. д. Покупателями книгъ были почти исключительно одни рабочiе, которые, какъ оказывается, вопреки утверждению г. Дадонова, кромѣ беллетристики, не прочь почитать и книги, „касающiяся быта рабочихъ въ другихъ странахъ, или что нибудь

въ этомъ родѣ“. Помимо книгъ Водовозовой объ Англичанахъ и Нѣмцахъ, въ лавочкѣ за указанный періодъ было продано: Свидерскій—15 экз., Янжуль (Въ поискахъ лучшаго будущаго)—8 экз., Ланге (Рабочій вопросъ)—9, Гиббинсъ (Англійскіе реформаторы)—9, Иванюковъ (Политическая экономія)—6, Беллами—9, Кудрявскій (Какъ люди жили въ старину)—9, Іерингъ (Борьба за право)—11 экз. и т. п.

Возвращаясь къ народнымъ библіотекамъ, мы должны пожалѣть, что многимъ нашимъ лучшимъ авторамъ нѣтъ доступа въ эти библіотеки. На слишкомъ ограниченный каталогъ указываетъ и г. Дадоновъ: „при бѣдности народныхъ библіотекъ, читатели, пользующіеся книгами въ теченіе 4—5 лѣтъ, перечитываютъ все (такихъ читателей въ читальнѣ г-жи Гарелиной насчитывается до 50), начинаютъ жаловаться, что имъ нечего читать, и зачастую уходятъ безъ книги“. Г. Дадоновъ, очевидно, не замѣчаетъ, что только что приведенное указаніе во всякомъ случаѣ говоритъ противъ высказаннаго имъ ранѣе положенія о равнодушій рабочихъ къ знанію. Какъ видно, число читателей, перечитавшихъ весь запасъ народныхъ библіотекъ въ одной только библіотекѣ г-жи Гарелиной, *) довольно значительно; ясно, что эти читатели, неудовлетворяемые въ своихъ умственныхъ запросахъ, перестаютъ быть подписчиками народныхъ библіотекъ, и такихъ рабочихъ въ Ивановѣ не мало, а между тѣмъ, всѣхъ ихъ г. Дадоновъ зачисляеть въ категорію „глубоко равнодушныхъ къ знанію“. Впрочемъ, г. Дадоновъ и къ этимъ рабочимъ предъявляетъ специальное обвиненіе: они могли-бы, по его мнѣнію, читать книги въ публичной библіотекѣ съ платою по 20 к. въ мѣсяцъ, но, по заключенію г. Дадонова, „даже и у такого читателя—рабочаго, достигшаго извѣстной степени интеллектуальнаго развитія и пріобрѣвшаго привычку къ чтенію, интеллектуальныя потребности остаются настолько слабо развитыми, что онъ не находитъ нужнымъ удѣлить на ихъ удовлетвореніе хотя-бы 20 коп. въ мѣсяцъ“. Далѣе, г. Дадоновъ указываетъ, что въ числѣ 205 подписчиковъ публичной библіотеки нѣтъ ни одного рабочаго, а въ читальномъ залѣ при этой библіотекѣ, гдѣ можно бесплатно читать книги и журналы, въ будни совсѣмъ не видно рабочихъ, по праздникамъ-же заходятъ туда 2—3 человека, посмотрѣть юмористическіе журналы. Приведенные факты, дѣйствительно, очень грустны, но можно-ли въ этомъ винить однихъ только рабочихъ? Если-бы г. Дадоновъ подольше остановилъ свое вниманіе на этихъ грустныхъ фактахъ, то онъ увидаль-бы слѣдующее. Иваново-Вознесенская

*) Библиотека г-жи Гарелиной является лучшей изъ всѣхъ пяти какъ по подбору книгъ, такъ и по количеству ихъ; въ ней имѣется все лучшее, что только разрѣшено министерствомъ народнаго просвѣщенія для народныхъ библіотекъ.

публичная библиотека помещается въ домѣ, въ которомъ ранѣе жилъ извѣстный миллионеръ Я. П. Гарелинъ, завѣщавшій этотъ домъ городу. Картины, мягкая мебель, принадлежавшія Я. П. Гарелину, продолжаютъ украшать библиотеку, которая, вообще, содержится настолько чисто, что публику, плохо одѣтую и ходящую безъ галошъ, совсѣмъ не пускаютъ въ читальный залъ. Какъ извѣстно, рабочіе галошъ не имѣютъ, и потому лишены права входа въ читальный залъ. Видите, читатель, какъ житейски просто объясняется непосѣщеніе рабочими читальнаго зала, а между тѣмъ, г. Дадоновъ и тутъ упрекаетъ рабочихъ, указывая на „слабое развитіе интеллектуальныхъ потребностей“. Но почему-же въ такомъ случаѣ рабочій, лишенный права входа въ читальный залъ, не беретъ книгъ на домъ, платя по 20 коп. въ мѣсяцъ? Если вы спросите объ этомъ развитого рабочаго, то онъ вамъ отвѣтитъ: какъ-то тяжело заходить въ учрежденіе, гдѣ чистотѣ пола и галошамъ придають такое громадное значеніе и гдѣ вдобавокъ нерѣдко можно услышать „отеческій“ совѣтъ не читать тѣ или другія книги. Думается мнѣ, что указанные факты достаточно выясняютъ, почему рабочіе, даже перечитавшіе народную библиотеку, не заглядываютъ въ публичную библиотеку.

Отъ библиотекъ перейду къ вечерне-воскреснымъ классамъ. По утвержденію г. Дадонова, вечерне-воскресные классы открылись въ сентябрѣ 1899 г., „сразу оказалось 400 желающихъ, но по недостатку помѣщенія было принято только 100 человѣкъ“. Въ 1900 году классы закрылись „за неимѣніемъ помѣщенія“. Какъ видите, приведенные г. Дадоновымъ факты совсѣмъ не свидѣтельствуютъ „о глубокомъ равнодушіи рабочихъ къ знанію“. Г. Дадоновъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о техническихъ классахъ для взрослыхъ при механико-техническомъ училищѣ, хотя въ этихъ классахъ болѣе 150 рабочихъ изучаютъ геометрію, черченіе, рисованіе и электротехнику. Послѣ изложенныхъ фактовъ, какъ-то не вѣрится, когда г. Дадоновъ говоритъ, что „въ 3-хъ деревняхъ, прилегающихъ къ Иваново-Вознесенску, нѣтъ ни одной книги“, или что „въ предмѣстьѣ Иваново-Вознесенска „Ямахъ“ (съ количествомъ жителей около 20.000)... почти ни въ одномъ домѣ не случилось встрѣтить книгу“. Всѣ эти факты прямо невѣроятны и должны быть со стороны г. Дадонова подтверждены основательными доказательствами. Изъ отчетовъ общества трезвости г. Дадоновъ узналъ бы, что обществомъ 8-го сентября 1898 г. открыта народная библиотека „въ поселкѣ Ямы, населенномъ главнымъ образомъ рабочимъ людомъ“. За 1899 годъ подписчиковъ въ этой библиотекѣ было 999 человѣкъ, изъ которыхъ 817 человѣкъ были фабричные рабочіе (отчетъ за 1898—1899 г., стр. 24 и 27). Можно-ли послѣ этого повѣрить, что въ „Ямахъ“, гдѣ живетъ 817 подписчиковъ-рабочихъ, „почти ни въ одномъ домѣ не случилось встрѣтить книгу“.

Новое обвиненіе г. Дадонова состоитъ въ томъ, что рабочіе относятся индифферентно къ народному театру, открытому обществомъ трезвости, такъ что „билеты по 5 и 10 коп. остаются отчасти нераспроданными“.

Послушаемъ, что говоритъ намъ о театрѣ отчетъ Иваново-Вознесенскаго общества трезвости за 1898 г.: „Насколько вообще заинтересовался спектаклями простой народъ, видно изъ того, что *все дешевые билеты* (100 по 5 коп. и 109 по 10 коп.) *всегда* были продаваемы до начала спектакля“ (стр. 14 отчета) *). Гдѣ-же правда?—пусть рѣшитъ самъ читатель.

Перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвинительнаго акта. Г. Дадоновъ, оказывается, не нашелъ среди Ивановскихъ рабочихъ „ни самостоятельности“, „ни солидарности“, „никакихъ симптомовъ кооперативнаго движенія“. Читая такое обвиненіе, невольно думаешь, ужъ не про англійскій-ли Манчестеръ говоритъ авторъ? Да, на этотъ разъ г. Дадоновъ правъ: русскій Манчестеръ мало похожъ на англійскій: ни солидарности, ни самостоятельности, ни кооперативнаго движенія въ Иваново-Вознесенскѣ пока нѣтъ, но г. Дадоновъ не рассмотрѣлъ, что зародыши самостоятельности уже развиваются въ Ивановѣ. Такъ, г. Дадоновъ ни слова не сказалъ о потребительномъ обществѣ, которое открыто по инициативѣ рабочихъ, ни объ Обществѣ трезвости, въ которомъ рабочіе являются не только простыми членами (всѣхъ членовъ въ обществѣ 840 и среди нихъ рабочихъ—273 чел.), но имѣютъ своихъ представителей въ составѣ совѣта общества. При болѣе внимательномъ изученіи г. Дадоновъ узналъ-бы, что Иваново-Вознесенскіе гравера въ количествѣ около 300 человекъ выработали въ 1897 г. проектъ устава вспомогательнаго общества и послали его на утвержденіе правительства. Гравера предполагаютъ организовать вспомогательную кассу, бібліотеку, контору для присканія занятій, техническія бесѣды и даже со временемъ учредить свой клубъ. Примѣру граверовъ намѣреваются послѣдовать и другіе профессиональные рабочіе. Все это,—по нашему мнѣнію, очень поучительные факты, а между тѣмъ, г. Дадоновъ, указывая на отсутствіе самостоятельности среди рабочихъ, ни слова не говоритъ объ этихъ фактахъ.

Мнѣ еще остается сказать о послѣднемъ пунктѣ обвинительнаго акта, о „легковѣріи фабричныхъ ко всякимъ, иногда самымъ нелѣпнымъ, толкамъ и слухамъ“. Въ доказательство г. Дадоновъ приводитъ свой разговоръ съ фабричнымъ, который высказывалъ опасеніе, какъ-бы ихъ, фабричныхъ, не заставили вернуться съ фабрикъ въ деревню, гдѣ имъ ничего не остается дѣлать, какъ только „помирать“. Въ приведенномъ разсказѣ мы не видимъ осо-

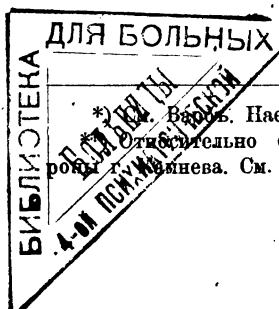
*) Отчетъ общества трезвости былъ хорошо извѣстенъ г. Дадонову, ибо онъ цитируетъ изъ него обширныя выдержки о пьянствѣ рабочихъ.

беннаго „легковѣрія“ рабочихъ, и вотъ факты: недавно въ Шуйскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи фабрикантъ Дербеневъ усердно защищалъ свой проектъ закрытія фабрикъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Наконецъ, губернский сѣздъ земскихъ начальниковъ Тульской губ. въ 1898 г. *) постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о закрытіи фабрикъ на лѣто, чтобы такимъ путемъ дать сельскимъ хозяевамъ возможность пользоваться большимъ предложеніемъ рабочихъ рукъ. Значить, „легковѣрными“ являются не только рабочіе, но и фабрикантъ Дербеневъ вмѣстѣ съ тульскими земскими начальниками. Нельзя также удивляться тому, что „земство, въ понятіи крестьянъ-фабричныхъ, тоже причисляется, по красивому выраженію г. Дадонова, къ враждебному стану вмѣстѣ съ станомъ „урядникомъ“. Не будемъ слишкомъ строги, а лучше вспомнимъ, къ своему стыду, что въ нашей литературѣ нѣтъ ни одной популярной книги о земствѣ. Да и наше-то такъ называемое культурное общество много-ли знаетъ о городскомъ, земскомъ и крестьянскомъ самоуправленіи?..

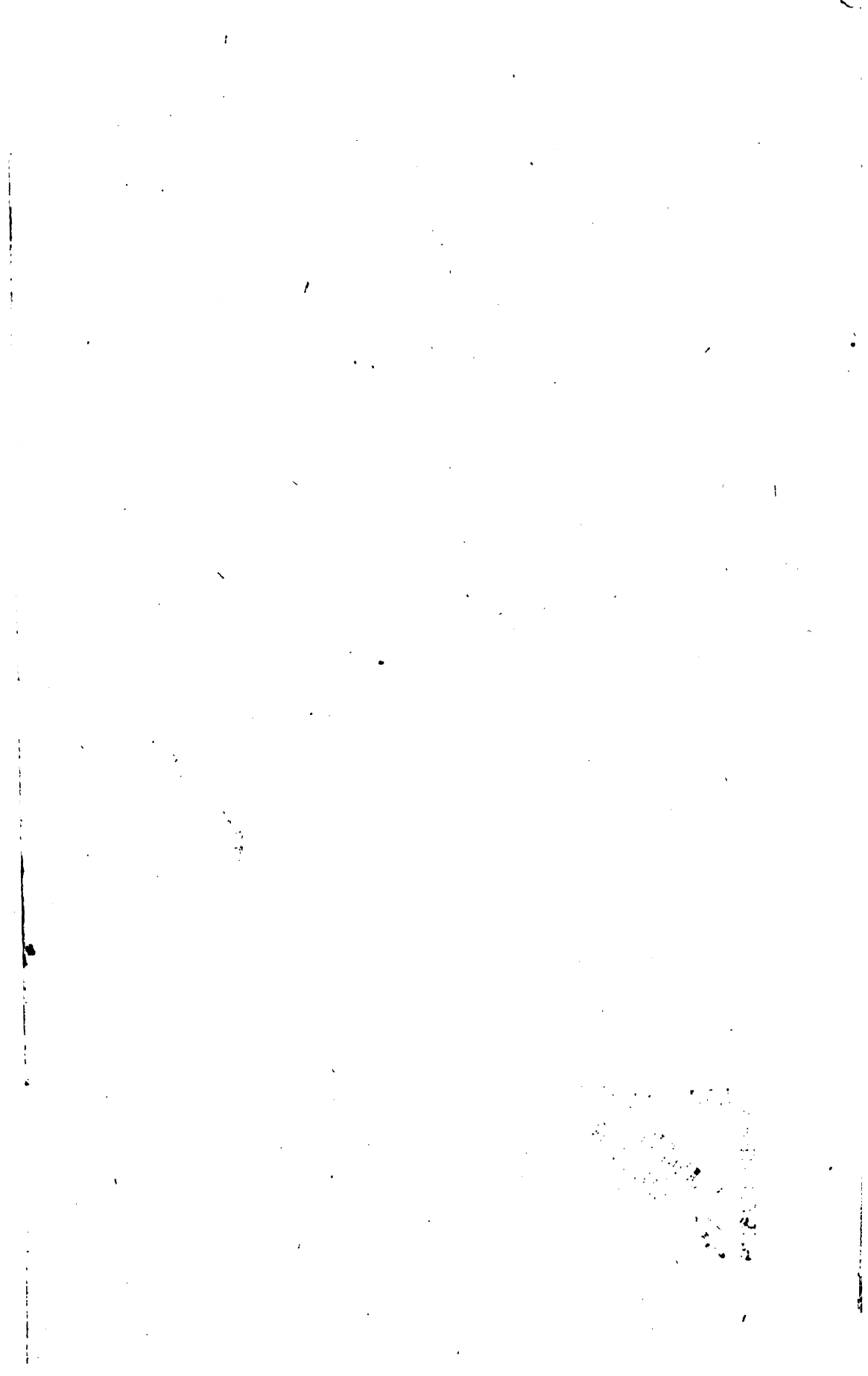
До сихъ поръ я говорилъ только въ защиту Ивановскихъ рабочихъ, но справедливость требуетъ отмѣтить и дѣятельность фабрикантовъ. По мнѣнію г. Дадонова, въ Иваново-Вознесенскѣ „фабрика дала не слишкомъ много“ рабочимъ, и „все то незначительное количество культурныхъ благъ, которымъ обладаетъ фабричный рабочій, пришло *извне* и является результатомъ дѣятельности или земства, или города, или частной благотворительности“. Г. Дадоновъ проводитъ какую-то странную демаркационную линію между „фабрикой“ и упомянутыми учрежденіями, очевидно, не зная, что Иваново-Вознесенская городская дума находится всецѣло въ рукахъ фабрикантовъ, въ уѣздномъ земствѣ фабриканты играютъ выдающуюся роль и, наконецъ, благотворителями опять-таки являются фабриканты.

Слѣдовало-бы отмѣтить и другія невѣрныя свѣдѣнія г. Дадонова: о рабочемъ дѣѣ, стачкѣ 1897 г., фабричной больницѣ, *) страхованіи, пьянствѣ рабочихъ и т. д., но мое письмо и безъ того значительно растянулось. Заканчивая его, не могу не сказать, что статья г. Дадонова еще разъ доказываетъ, что такіа оригинальныя и любопытныя мѣста, какъ г. Иваново-Вознесенскъ съ его предметами, требуютъ не поверхностныхъ наблюденій, а долгаго и внимательнаго изученія.

Сергѣй Шестернинъ.

*) См. Вѣсть. Наемные сельско-хозяйственные рабочіе. Стр. 142 и 143.
 *) Фабричная больница г. Дадонову уже сдѣлано возраженіе со стороны г. Иванова. См. «Русское Богатство» 1901 г., I книга.

401
1443
1770
22100

22200
111

64371

15151
15151
15151

5227
12

15151
4

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL-~~STUDY~~
CHARGE
LED